

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ
РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

1888 годъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СТО СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

1889.

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ

Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 9 частей. М. 1815 — 1837 г. Цѣна за всѣ части, кромѣ 1-й, по 50 к. за каждую, на перес. за 2 ф.

Русскія достопамятности. Часть 1-я. 1815 г., ц. 50 к., перес. за 2 ф.; Ч. 2-я (Русская Правда). 1843 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.; Ч. 3-я (Слово о Полку Игоревѣ). 1844 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Предварительныя критическія изслѣдованія для Россійской Исторіи Эверса, пер. съ Нѣмец. М. Погодина. М. 1826 г., ц. 1 р., перес. за 2 ф.

Древности сѣвернаго берега Нюта, соч. П. Кеплена, переводъ съ Нѣмец. Средняго-Камашева. М. 1828 г., ц. 10 к., перес. за 2 ф.

Обозрѣніе Коричей книги въ историческомъ видѣ, соч. Барона Ролленсмифа. М. 1829 г., ц. 1 руб., перес. за 3 ф.

Корсуевскія врата въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ описаны и объяснены Ф. Аделунгомъ, пер. съ Нѣмец. П. Артемова; съ рисункамъ. М. 1834 г., ц. 1 р. 75 к., перес. за 3 ф.

Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императрицы Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732—1742 г. Съ предисловіемъ А. Кудрявцева. 1878 г. Ц. 1 р. 50 коп.

Нековская лѣтопись, изд. М. Погодинымъ. М. 1837 г., ц. 1 р. перес. за 3 ф.

Русскій Историческій Сборникъ, изд. М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 томовъ. Цѣна за каждый томъ по 1 р., перес. за 3 ф. за каждый.

Книга посольская истрики Великаго Княжества Литовскаго, содержащая въ себѣ дипломатическія сношенія Литвы въ государствованіе Королей Сигизмунда Августа и Стефана Баторія; два тома, изданныя Кн. М. Оболенскимъ, Н. Даниловичемъ, М. Погодинымъ и Д. Дубенскимъ. М. 1843 г., цѣна 2 р., перес. за 6 ф.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червоной или Галицкой Руси до конца XV столѣтія, соч. Зубрицкаго; пер. съ Польск. О. Болянскаго. М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВЪ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ

РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

1888 годъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

СТО СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1889.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ ЧТЕНІЙ 1888 ГОДА.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Стран.

1. Историч. матеріалы о церквахъ и селахъ XVI—XVIII ст.
Вохонская десятина (Московского уѣзда). Сообщены
В. и Г. Холмогоровыми..... 1 — 169

II. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

2. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши. т. II. П. А. Кулиша. 1 — 396
3. Объясненіе къ соч. П. А. Кулиша „Отпаденіе Мало-
россіи отъ Польши“.—Дѣйств. Члена Г. Θ. Карпова. I—IV

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ

О

ЦЕРКВАХЪ И СЕЛАХЪ

XVI—XVIII ст.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

ВОХОНСКАЯ ДЕСЯТИНА

(МОСКОВСКАГО УѢЗДА.)

В. и Г. Холмогоровыхъ.

Вохонская десятина.

Предлагаемые историческіе матеріалы относятся къ сельско-приходскимъ церквамъ, находившимся въ XVI—XVIII ст. Московскаго уѣзда въ вѣдѣніи Патріаршаго Казеннаго Приказа. Они дѣлились, какъ извѣстно, на „десятины“, въ числѣ которыхъ по Московскому уѣзду значится *Вохонская десятина*. Изъ приходныхъ книгъ Патріаршаго Казеннаго Приказа, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, видно, что за 1628 годъ въ Вохонской десятинѣ находилось „жилыхъ данныхъ“ 25 деревянныхъ церквей; съ нихъ собиралось въ патріаршую казну „дани и десятильничихъ въ годъ 10 руб. 25 алт. 4 деньги“, по числу приходскихъ дворовъ и количеству церковной земли при каждой церкви. За послѣдующіе годы число церквей увеличивалось. Такъ, во второй половинѣ XVII ст. въ этой десятинѣ находилось 56 церквей (въ числѣ ихъ было 3 каменныхъ), въ первой половинѣ XVIII ст.— 77 церквей (изъ нихъ было 17 каменныхъ), кромѣ того, одна церковь каменная въ Богословской пустыни, которая не была обложена данью, какъ безъ приходная. и въ окладныхъ книгахъ Казеннаго Приказа не писалась.

Кромѣ „жилыхъ данныхъ церквей“ въ тѣхъ же приходныхъ окладныхъ книгахъ Патріаршаго Казеннаго Приказа значатся въ Вохонской десятинѣ „церковныя пустовыя земли“, на которыхъ нѣкогда существовали церкви. Эти пустовыя земли отдавались Патріаршимъ Каз. Приказомъ въ оброкъ

разнымъ лицамъ впредь до построения на „старомъ церковномъ мѣстѣ“ новой церкви.

Вохонская десятина занимала часть Московскаго уѣзда. Къ ней были причислены села, расположенныя отъ Рогожской заставы города Москвы, по обѣ стороны Владимірской дороги, нынѣ находящіяся въ уѣздахъ Московскомъ, Богородскомъ и Бронницкомъ.

1. Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Копотнѣ *).

Село Копотня, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, Московскаго уѣзда, Копотенскаго стана, „вотчина Никола Угрѣшскаго монастыря, въ селѣ церковь Рождества Пречистыя Богородицы, а въ церкви Божіе милосердіе образы, и книги, и ризы и колокола все церковное строеніе мірское — приходныхъ людей; у церкви во дворѣ попъ Марка Ивановъ, во дв. церковной дьячекъ Данила Семеновъ, во дв. проскурница Фекла, да въ селѣ крестьянъ (22 двора); пашни паханныя церковныя земли худые четверикъ, да перелогу 2 чети безъ четверика, да лѣсомъ поросло 8 чети“ (Писцов. кн. 261, л. 19 об.).

По окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. съ церкви собиралось дани 10 алтынъ 1 деньга, десятильничихъ гривна (кн. 2, л. 186).

По писцовымъ книгамъ 7141 (1633) г. „у той церкви написаны дворы: поповъ, дьячковъ, просвирницынъ; пашни церковной 3 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ; въ приходѣ 29 дворовъ“. Церковной дани платилось въ 1635—1711 г.г. рубль 7 алт. съ деньгою, заѣзда гривна (Патр. Прик. связка 70, № дѣла 2698 и кн. 196).

Подъ 7154 (1646) г. значится: „церковь Рождества Богородицы деревянная“ (Переписн. кн. 9809, л. 140).

Въ дозорныхъ книгахъ 7188 (1680) г. написано: „церковь въ селѣ Копотнѣ деревянная построена изстари; пашня и сѣнные покосы у той церкви есть и владѣть попъ съ причетники, а что де пашни церковныя и то писано въ писцовыхъ книгахъ 131 и 132 (1623—1624) гт., а сѣнныхъ де покосовъ владѣть попъ съ причетники на 10 десятинъ и на ту церковную землю изъ Патр. Приказа попу выдана выпись съ писцовыхъ книгъ“ (Патр. Прик. кн. 141, л. 221 и 280).

*) Нынѣ село Копотня Московскаго уѣзда.

Въ 1703 г. въ приходѣ Рождественской церкви находилось 71 дворъ.

„Августа въ 31 день, 1705 года, выданъ антминсь, по благословенной грамотѣ, Московскаго уѣзда въ вотчину Николая чудотворца Угрѣшскаго монастыря, въ село Копотня, въ церковь Рождества Богородицы“ (Патр. Прив. кн. 138, л. 269).

Въ селѣ Копотнѣ, за 1646 г. числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 36 дворовъ; за 1678 г.—31 дв. и за 1704 г.—41 дворъ (Переписн. кн. 9809, л. 140; кн. 9812, л. 250; кн. 9817, л. 91).

При церкви Рождества Богородицы были священники: Иванъ 1643—1646 г., Петръ Митрофановъ 1678—1680 г., Ѳедотъ Петровъ 1703—1723 г., на его мѣсто опредѣленъ Александръ Ивановъ 1723 г., Иванъ Ѳедотовъ 1735 г.; дьячки: Степанъ Ивановъ 1646 г., Емельянъ Ивановъ 1678—1680 г., Матвѣй Петровъ 1703—1722 г.

2. Ц Троицы Живоначальная въ селѣ Троицкомъ, на рѣчкѣ Пехоркѣ *).

Церковь св. Троицы въ селѣ Троицкомъ въ 1623 г. была „деревянная клѣтца, съ придѣломъ св. Николая чудотворца, а въ церкви образы, и книги, и ризы, и колокола и все церковное строенье вотчинниково; у церкви во дворѣ попъ Кондратій Моисеевъ, во дворѣ пономарь Девятко Быковъ“ (Писцов. кн. 261, л. 213).

По приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7186 (1628) г.: „церковь Живоначальная Троицы въ вотчинѣ Ивана Сукина, въ селѣ Троицкомъ, на рѣчкѣ Пехоркѣ, дани 2 алт., кормовая гривна“. Въ 1635—1711 гг. платилось церковной дани рубль 8 алт. съ деньгою, заѣзда гривна (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 82).

Въ дозорныхъ книгахъ Каз. Приказа 7188 (1680) говорится: „церковь Живоначальная Троицы построена изстари, а церковныя земли пашни и сѣнныхъ покосовъ въ той церкви нѣтъ, а пашеть той церкви попъ Андрей по 2 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ, а сѣно носить онъ съ причетники по 30 копенъ волововыхъ и та де земля вотчинникова и въ писцовыхъ книгахъ къ той церкви земли не написано“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 239 и 307).

Подъ 1674 г. при Троицкой церкви, кромѣ придѣла Николая чудотворца, упоминается другой придѣлъ во имя Іоанна Предтечи (Патр. Прик. кн. 149).

*) Нынѣ Троицкое-Кайнардажи, село Московскаго уѣзда.

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Каз. Приказа за 1714 г. значится: „мая въ 13 день, запечатанъ указъ, по челобитью князя Сергѣя Алексѣевича Голицына о освященіи церкви въ подмосковной ево вотчинѣ, въ селѣ Троицкомъ, во имя Св. Троицы, велѣно освятить Большаго Успенскаго собору протопопу Θεодору съ братією на старомъ антиминсѣ“ (Патр. Прик. кн. 438, л. 47).

При Троицкой церкви были священники: Θεодоръ 1646 г., Андрей Михайловъ 1678—1686 г., Григорій Васильевъ 1704—1726 г., діаконы: Григорій Гавриловъ 1678 г., Семень Григорьевъ 1704 г., Алексѣй Афанасьевъ 1715—1726 г. дьячки: Кириллъ Ивановъ 1704 г. и Семень Спиридоновъ 1726 г.

Село Троицкое, на рѣчкѣ Пехоркѣ, въ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, Почернева стана, „за Иваномъ Васильевымъ сыномъ Сукина старая отца его вотчина, по приправочнымъ книгамъ Андрея Сабурова съ товарищи 79 (1571) года, а въ селѣ дворовъ вотчинниковъ, дворовъ прикащиковъ, 2 двора дѣловыхъ людей дворъ крестьянской и дворъ бобыльской“. Въ 1646 г. этимъ селомъ владѣлъ Осипъ Ивановъ Сукинъ, въ селѣ числилось 6 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ *) и дворъ нищаго „вормится Христовымъ имениемъ“. Къ селу Троицкому принадлежали деревни Кожухова и Рудное—обѣ на рѣчкѣ Рудницѣ (Писцов. кн. 261, л. 213—215 и переписи. кн. 9809, л. 415—416). Въ 1669—1681 г.г. Троицкое съ деревнями находилось во владѣніи у Ивана Осипова Сукина роднаго внука Ивана Вас. Сукина. Въ 1678 г. въ селѣ состояло 12 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 38 челов. и дворъ вотчинниковъ, въ которомъ жилъ прикащикъ; въ деревнѣ Рудной 6 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 21 челов. и въ дер. Кожуховой 13 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 83 челов. По смерти Ивана Осипова Сукина жена его вдова Прасковья отдала имѣніе дочери своей дѣвицѣ Аннѣ въ приданое, при выходѣ ея замужъ за князя Алексѣя Борисовича Голицына (Вотч. Колл., по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 63, № дѣла 1; переписи. кн. 9813, л. 515 и отказн. кн. 18, л. 55—56). Въ 1704 г. въ селѣ Троицкомъ находились: дворъ вотчинниковъ, дв. прикащика, дворы: свотный, вонюшенныхъ, охотничій, 10 дв. псарскихъ, 3 дв. дѣловыхъ людей, 2 дв. столярскихъ, 3 дв. рыболовыхъ и дворъ садовника; къ тому же селу деревня, что была пустошь, Фенина, а въ ней 12 дв. крестьянскихъ, переведенныхъ изъ села Троиц-

*) Нѣкоторые изъ крестьянъ имѣли прозвища: Пичугинъ, Кончинъ, Желтовскій и Быковъ.

каго; деревня Руднева (sic), а въ ней 10 дв. крестьянъ и дер. Кожухова съ 25 дв. крестьянъ, всего 47 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 172 челов. (Переписн. кн. 9817, л. 780). Послѣ князя Алекс. Борис. Голицына владѣлъ имѣніемъ его сынъ князь Яковъ, умерш. 1 мая 1749 г., женатый на Еленѣ Петровнѣ, умерш. 1736 г., а отъ него перешло къ князю Петру Яковлевичу Голицыну. Въ 1775 г. село Троицкое, пожалованное графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, именовалось „Кайнарджи“ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 63, № дѣла 1 и кн. 81, № дѣла 11).

3. Ц. Всемиловитаго Спаса въ селѣ Окатьевѣ*).

Въ селѣ Окатьевѣ въ первой половинѣ XVII ст. была построена церковь во имя Цареградскія иконы Пресв. Богородицы. Первое свѣдѣніе о ней встрѣчается въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7137 (1629) годъ: „новоприбывляя церковь Цареградскія Пресв. Богородицы въ вотчинѣ Никиты Ласкирева въ селѣ Окатьевѣ, у рѣчки Пехорки, дани впервые 8 денегъ, по наказу гривна“. Подъ 7181 (1673) г. значится: „въ вотчинѣ княгини вдовы Ѳетиньи Ивановны Лобанова-Ростовскаго“ (Патр. Прик. к. 4, л. 381 и кн. 196, л. 82).

Въ дозорныхъ книгѣхъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. написано: „у церкви Пресв. Богородицы Цареградскія попъ Иванъ Семеновъ съ причетники; пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви нѣтъ и въ писцовыхъ книгѣхъ та церковь не написана“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 242).

7201 (1693) г. августа 8, по указу патриарха и по помѣтѣ на выписѣ Андрея Денисовича Владыкина, прибавлено на сю церковь (Пресв. Богородицы Цареградскія) дани съ церковной земли, по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Алексѣя Волкова, съ пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, по 3 деньги съ чети, и съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по 2 ден. съ кошны, итого 8 алт. 2 ден. И тѣ прибавочныя данныя деньги велѣно имать съ 202 году. с И августа въ 11 день тѣ деньги по старому окладу платилъ староста поповскій попъ Марко“ (Патр. Прик. кн. 149, л. 389).

Въ 1704 г. въ селѣ Окатьевѣ находилась церковь деревянная во имя Всемиловитаго Спаса, когда была построена — не извѣстно.

*) Нынѣ Акатьево, сельцо Московскаго уѣзда.

При церкви были священники: Иванъ Ѳедоровъ и Иванъ Прохоровъ 1704 г., Иванъ Ивановъ и Ѳедоръ Варфоломѣевъ 1709—1726 г. (переп. кн. 9817, л. 775 и 1 ревизіи 1726 г., л. 181).

Окатыево, въ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. „сельцо, что была деревня, на рѣчкѣ Пехорѣ“, Московскаго уѣзда Почернева стана,— „вотчина за Микитю Ивановымъ сыномъ Ласкиревымъ, по книгѣ Ивана Коробова съ товарищи 82 (1574) года, что было за дядею ево за Ѳедоромъ Ласкиревымъ; а въ сельцѣ дворъ вотчинниковъ, да подъ тѣмъ сельцомъ на рѣчкѣ Пехорѣ мельница съ дворомъ мельничнымъ“ (Писцов. кн. 261, л. 218). При Никитѣ Ив. Ласкиревѣ въ 1633—1635 г.г. была построена въ этомъ сельцѣ церковь во имя Пресв. Богородицы Цареградскія, отъ чего Окатыево и стало селомъ, которымъ владѣлъ въ 1651 г. Иванъ Траханіотовъ; потомъ оно было продано князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому, а отъ него перешло къ его женѣ вдовѣ княгинѣ Ѳетинѣ Ивановнѣ и сыну его князю Якову Ивановичу, у нихъ же находилась во владѣніи деревня, что была пустошь, погостъ Никольскій Мытищи, на рѣчкѣ Пехорѣ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 12, № дѣла 3). Въ селѣ Окатыевѣ состояло: въ 1678 г. 5 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ 22 челов., дворъ вотчинниковъ и 4 семьи дворовыхъ людей съ 9 челов.; въ 1704 г.—дворъ вотчинниковъ, дв. скотный, въ нихъ 7 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 519—520 и кн. 9817, л. 775). По смерти кн. Якова Ивановича Лобанова-Ростовскаго его дочь кн. Ѳетинья, бывшая замужемъ за графомъ Сергѣемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, продала село Окатыево съ дер. Никольскою, въ 1738 г. кн. Петру Ивановичу Решнину, а въ 1782 г. оно принадлежало двоюродному его брату кн. Николаю Васильевичу Решнину (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 53, № дѣла 13).

4. Ц. Богоявленія Господня въ селѣ Бисеровѣ *).

Село Бисерово, на Бисеровѣ озерѣ, въ 7131 и 7132 (1623—1624) г. Московскаго уѣзда, Почернева стана „вотчина Спаса Андроньева монастыря, по приправочной книгѣ Андрея Сабурова съ товарищи 79 (1571) года; въ селѣ церковь Богоявление, а въ церкви образы, книги, и ризы и все церковное строенье монастырское, у церкви во дворѣ попъ Онофрій Афанасьевъ, во дв. церковной дьячекъ

*) Нынѣ село Бисерово Богородскаго уѣзда.

Ивашко Ильинъ, во дв. пономарь Демка Алексѣевъ, во дв. просвирница Парасковьица; да въ селѣ дворъ монастырской, да крестьянъ 9 дв.“ (Писцов. кн. 261, л. 229).

По приходнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. „церковь Богоявление Христово въ Бисеровѣ, въ вотчинѣ Андроньева монастыря, дани 5 алт., 2 ден., кормовая гривна; а въ 1635—1711 г., платилось „дани рубль 8 алт. 2 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 82).

Въ 7154 (1646) г. въ селѣ Бисеровѣ числилось 18 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ и 2 двора пустыхъ; въ 7186 (1678) г.—11 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 34 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 148; кн. 9813, л. 279).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. говорится: „церковь Богоявленія Господня построена изстари, церковной пашни и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а владѣеть той церкви попу Авраамъ Устиновъ пашни по 2 десятины, сѣнныхъ покосовъ на 10 копенъ волоковыхъ, и та земля дана изъ монастырскихъ земель“ (Патр. Прик. кн. дозорн. 141, л. 236—237 и 308).

Въ 1704 г. церковь Богоявленія Господня деревянная; въ селѣ числилось 18 дв. крестьянскихъ (Переписн. кн. 9817, л. 795).

При церкви были священники: Сидоръ 1646 г., Аврамъ Устиновъ 1677—1680 г. „отъ попа Аврамія взято вѣчныхъ пошлинъ на 185 (1677) годъ съ 5 отроковъ 20 алтынъ“ (Патр. Прик. кн. 88); Агафонъ Ѳедоровъ 1704 г. бывший при оной же церкви въ 1678 г. дьячкомъ, Павелъ Агафонниковъ 1705—1726 г.; дьячки: Сидоръ Перфильевъ 1646 г., Савелій Абрамовъ 1704—1726 г. и пономари: Ѳеоктистъ Устиновъ 1678 г. и Иванъ Павловъ 1726 г.

5. Ц. Никиты Христова мученина на погостѣ Никитскомъ въ Лужнахъ *).

Церковь св. Христова мученика Никиты, въ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. находилась Московскаго уѣзда, Каменскаго стана, „на погостѣ Лужокъ, въ вотчинѣ Покровскаго дѣвичьяго монастыря, что въ Суздаль, деревянная клѣтцы, строеніе мірское—приходныхъ людей“ и стояла „безъ нѣнія“. Къ тому погосту принадлежали деревни: Стро-

*) Нынѣ погостъ Никитскій (Лужки) Вронницкаго уѣзда.

кина съ 3 двор. крестьянъ и Перина . съ однимъ дворомъ крестьянскимъ (Писцов. кн. 261, л. 128).

Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа за 7138 (1630) г. говорится: „новоприбылая во 138 году, по книгамъ старосты поповскаго Никитскаго попа Зиновья, церковь св. мученика Никиты что на въ Ложкахъ, дани 10 алт., кормовая гривна“; за 7143 (1635) годъ — „дани 31 алт. 4 ден., десятильничьихъ и заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 5, л. 367 и кн. 196, л. 82).

Въ 1664 г. церковь св. Никиты стояла „безъ пѣнія“ и священника при церкви не было. Церковная земля принадлежавшая сей церкви отдавалась въ оброкъ. 7172 г. записано въ оброчной книгѣ: „по выпискѣ за помѣтою дьяка Парфенія Иванова сей церкви св. мученика Никиты церковная земля отдана на оброкъ стряпчему Федору Алексѣеву Полтеву, а оброку платить 5 алтынъ“; въ 7175 году „по смерти Полтева, отдана церковная земля на оброкъ подьячему Василью Дементьеву, а оброкъ велѣно платить данью 31 алт. 4 ден. заѣзда гривна“; въ 7182 году — „отдана изъ Нижняго домоваго Благовѣщенскаго монастыря архимандриту Пафнутію для московскаго прѣзду“ (Патр. Прик. кн. 58, л. 227; кн. 65, л. 64; кн. 66, л. 282 и кн. 79, л. 294).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года написано: „въ Каменскомъ стану, въ вотчинѣ Повровскаго дѣвничья монастыря, что въ Суздагѣ, погость Лужоць, а въ немъ церковь св. мученика Никиты древяная, у церкви во дворѣ попь Иванъ Ивановъ да дьячекъ Петрушка Ивановъ и попь Иванъ (при досмотрѣ церкви и церковной земли) сказали: построена де та церковь изстари, церковная де пашня и сѣнные покосы есть и тою церковною землею и сѣнными покосами владѣютъ той же вотчины деревни Строкина крестьяне, а по сколько четвертей и что сѣнныхъ покосовъ и то де написано въ писцовыхъ книгахъ, а выпиши де съ книгъ и иныхъ крѣпостей у него, попа, нѣтъ; а пашни де владѣетъ онъ, попь, съ причетники только по чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна косить по 100 копенъ волоковыхъ; а въ писцовыхъ книгахъ Семена Болтовскаго, да подьячаго Онисима Ильина 131 и 132 (1623—1624) гг. написано: въ тому погосту деревня Строкина, пашни паханья средней земля четвериець, да лѣсомъ поросло 32 чети съ полуосминою и съ четверикомъ, а церковная ли пашня и сѣнной покосъ — того именно не означено. А по осмотру та церковь построена на погостѣ отъ деревни Строкина и отъ попова двора съ четверть версты, за рѣчкою Вьюнгою, и крестьяне деревни Строкина сказали: съ одну де сторону

погоста подгѣ кладбища косятъ луга они крестьяне на монастырь издавна, а съ трехъ де сторонъ погоста и кладбища пашню папшею и сѣно косятъ тоѣ церкви пошъ съ причетники (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 217—218 и 296).

Въ 1726 г. при церкви были: священникъ Иванъ Ивановъ съ 1710 года, дьячекъ Логинъ Леонтьевъ и пономарь Василій Ивановъ.

6. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы на погостѣ Аристовѣ *).

По писцовымъ книгамъ 7131 и 7132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, въ Кошелевѣ стану: „погостъ Аристовъ, на рѣчкѣ Вздериногѣ, а въ немъ церковь Успенія Пречистыя Богородицы древяна шатромъ въ верхъ, да два предѣла: Живоначальныя Троицы, да Николы чудотворца, да другая церковь во имя Воскресенія Христова древяна клѣцки, стоитъ пусть безъ пѣнія, а въ церквахъ образы и свѣчи и книги и на колокольнѣ колокола и все церковное строенье тутошнихъ прихожанъ; на церковной землѣ во дворѣ вдовой пошъ Петръ, да въ томъ же дворѣ пошъ Алексѣй, во дв. дьячекъ Ивашко Дмитриевъ, во дв. просвирица Оксиньца, да двѣ кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи; пашни церковной земли средней 10 чети., перелогомъ 2 чети да лѣсомъ поросло 5 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна на отхожемъ лугу, по рѣкѣ по Блязмѣ, 20 копенъ, лѣсу пашеннаго 2 десятины“ (Писцов. кн. 9806, л. 968).

По приходнымъ овладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г.: „церковь Успеніе Пречистыя Богородицы въ Аристовѣ дани 11 алт. съ дѣньгою, кормовая гривна“; за 7143 (1635) г. при церкви на погостѣ Аристовѣ значатся два предѣла: Живоначальныя Троицы, да Николая чудотворца „дани рубль 18 алт. 2 ден., десятильничихъ и заѣзда гривна и марта во 2 день тѣ деньги платилъ Давыдовы пустыни игумень Онтоній“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 82).

Въ 7154 (1646) г. при церкви находились: во дворѣ пошъ Никифоръ, во дв. дьячекъ Гаврилко Мовда, во дв. просвирица Анисья ца, да на церковной землѣ 3 двора бобыльскихъ, въ нихъ 5 челов., да дворъ вдовы нищей, „кормится въ мирѣ Христовымъ именемъ“ (Переписн. кн. 9809, л. 127).

*) Нынѣ погостъ Аристовъ Богородскаго уѣзда.

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г.: „церковь Успенія Пресв. Б—цы на погостѣ Аристовѣ деревянная, у церкви во дворѣ пощъ Михаилъ Ивановъ, во дв. дьячекъ Федка Афанасьевъ, во дв. просвирница Аграфеница Васильева и пощъ Михаилъ (при досмотрѣ церкви и церковной земли Иваномъ Соболевымъ по указу патриарха) свазалъ: построена де та церковь ивстари; пашни де папеть онъ пощъ съ причетники къ той церкви по 20 чети въ полѣ, а въ дву потомуужъ, сѣна на пустоши Денисовѣхъ косить онъ пощъ съ причетники по 30 копень“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 223—224 и 571).

1710 г. октября въ 21 день, по благословенной грамотѣ, отпущенъ антиминосъ ко освященію церкви во имя Успенія Пресв. Богородицы въ Московской уѣздъ, въ погостъ въ Аристово, подъ росписку попа Аники (Патр. Прик. кн. 138, л. 341).

Въ 1726 г. при церкви были: священникъ Аникій Анисимовъ „служить съ 1707 г.“, у него сынъ пономарь Петръ, дьячекъ Прокофій Алексѣевъ.

7. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Воскресенскомъ, на рѣчкѣ Жмункѣ*).

Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, ловчаго пути, въ дворцовой Черноголовской волости, въ селѣ Воскресенскомъ находились двѣ церкви Воскресенія Христова и Покрова Пресвятыя Богородицы. Въ писцовыхъ книгахъ 139—141 (1631—33) гг. говорится: „церковь Покрова Пресвятыя Богородицы обвалилась; къ тому селу церковная деревня Кононова на рѣчкѣ на Жмункѣ, а въ ней пашни церковные паханые шесть чети, да перелогу 2 чети, лѣсомъ поросло 22 чети въ полѣ, а въ дву потомуужъ, сѣна 20 копень“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 376).

По окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа показано: за 7136 (1628) г. „церковь Воскресенія Христова въ Черноголовѣхъ, дани 7 алт. намѣстничихъ 3 алт., заѣзда алтынъ“, за 7143 (1635) г.:—„да въ предѣлѣ Покрова Богородицы въ Черноголовѣхъ, на погостѣ, дани 2 руб. 25 алт. съ деньгою, заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 83).

Подъ 7154 (1746) г. записано: „Ловчаго пути, волость Черноголовье, а въ ней село Воскресенское, а въ немъ церковь Воскресе-

*) Нынѣ село Воскресенское, Богородскаго уѣзда.

нія Христова, да Покровъ Пресв. Богородицы древяны, у тѣхъ церквей въ отхожей деревнѣ Кононовѣ во дворѣ попъ Павель, да съ нимъ дьяконъ Θεодосій, во дв. пономарь Назарко Перфильевъ; въ той же деревнѣ на церковной землѣ 2 двора бобыльскихъ; да въ селѣ Воскресенскомъ на церковной же землѣ дворъ просвирницы, дв. бобыльской и двѣ кельи нищихъ; да въ селѣ жъ на тяглои землѣ дворъ церковнаго дьячка да крестьянъ и бобылей 9 дворовъ* (Переписн. кн. 9809, л. 88).

Въ книгѣ за 7190 г. Патр. Каз. Приказа отмѣчено: „писать церковь Покрова Пресв. Богородицы въ селѣ Воскресенскомъ“ (кн. 103, л. 505).

1702 г. сентября въ 25 день выданъ антминсь, по благословенной грамотѣ, въ новопостроенную церковь Покрова Пресв. Богородицы, въ Московской уѣздъ, въ село Воскресенское, тоя жъ церкви попу Лукѣ Автамонову“ (Патр. Прик. кн. 138, л. 224).

1706 г. ноября въ 22 день записано: выданъ антминсь, по благословенной грамотѣ, въ село Воскресенское, въ новопостроенную церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы, тоя жъ церкви попу Лукѣ* (Тамъ же, кн. 138, л. 287).

При Покровской церкви находились: священникъ Петръ Филиповъ 1717—1733 г., дьячекъ Иванъ Григорьевъ 1717 г., просвирни: жена попа Филиппа Иванова вдова Прасковья и жена попа Луки вдова Марья 1717 г. (Переписн. кн. 1717 года, л. 317; Патр. Прик. кн. 358, л. 28).

8. Ц. Рождества Христова въ селѣ Ямкинѣ*).

7136 (1628) г., „церковь Рождества Христова, что на Ямкинѣ озерѣ, по окладу дани 7 алт., кормовая гривна“, за 7143 г.—государевы дворцовые Черноголовскія волости въ селѣ Ямкинѣ, у озера Ямкина, по окладу дани рубль 8 алт., десятильничихъ и заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 187; кн. 196, л. 82).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго Дворца 7139—7141 (1631—1633) гг.: „у церкви дворъ поповъ и просвирнинъ, 5 дв. церковныхъ бобылей, въ приходѣ 55 дворовъ; пашни паханья церковныя земли 8 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна церковнаго 15 копень, да церковнаго жъ сѣна въ Утичѣ болотѣ 15 копень, а пашню дали села Ямкина крестьяне изъ пустыхъ жеребьевъ“. Въ 7188

*) Нынѣ Ямкино, село Богородскаго уѣзда.

(1680) г. при церкви былъ священникъ Никифоръ Анцифоровъ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 377; вязка 474, № дѣла 3098).

Въ 1703 г. въ приходѣ церкви Рождества Христова 60 дворовъ и дворъ попа Тихона, церковной земли 4 десятины, сѣна 30 копенъ (Патр. Прик. вязк 474, № дѣла 3098).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ 1720 г. значится: мая въ 7 день запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда Вохонской десятины села Ямкина рождественскаго попа Никифора Никифорова, велѣно ему въ томъ селѣ, вмѣсто сгорѣлой церкви, на прежнемъ церковномъ мѣстѣ, построить вновь церковь во имя Рождества Христова; пошлинъ гривна взято“ (Патр. Прик. кн. 246, л. 81).

Въ 1717 г. при церкви были: попъ Тихонъ Никифоровъ, дьяконъ Никифоръ Никифоровъ, дьячекъ Алексѣй Никифоровъ; въ 1735 г. священникъ Никифоръ Никифоровъ.

9. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Рогожи, на рѣкѣ Клязьмѣ *).

Въ началѣ XVII ст., въ Московскомъ уѣздѣ находился Старый Рогожской ямъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, причисленный по указу царя и великаго князя Ивана Васильевича къ Московской Рогожской слободѣ. Въ писцовыхъ книгахъ 7136 (1628) г. говорится: „въ Старомъ Рогожскомъ оставленномъ яму храмъ во имя Николая чудотворца древянъ, влѣтци, а въ храмѣ образы, и книги, и ризы, и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строеніе мірское; у церкви на церковной землѣ во дворѣ попъ Миронъ Ларионовъ, во дв. церковной дьячекъ Пронка Ѳедоровъ, въ кельѣ про-свирица, въ кельѣ пономарь Богдашко Кирилловъ, да бобылей 6 дв.; церковной земли, по жалованной грамотѣ великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи лѣта 7014 (1506), да на той же грамотѣ подпись в. к. Ивана Васильевича всеа Русіи лѣта 7048 (1540), пустошь, что была деревня, Мишинская Черная, за рѣкою Клязьмою, пашни поповы паханыя, перелогомъ и лѣсомъ поросло 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, земля середняя, сѣна 15 копенъ. Да въ селѣ Рогожѣ 38 дворовъ охотниковъ Московской ямской слободы, а въ нихъ старыхъ отставленныхъ ямщиковъ съ ихъ дѣтьми 92 челов., а ямскую гонбу гоняють на Москвѣ жъ съ рогожскими ямщиками вмѣстѣ“ (Писцов. кн. 265, л. 34—37).

*) Нынѣ городъ Богородскъ Московской губерніи.

По окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа писано: за 7136 (1628) г. „церковь Николая чудотворца на Рогожѣ, дани 6 алт. 4 ден., кормовая гривна“; за 7143 (1635) г.— „на Старомъ Рогожскомъ яму, въ Рогожской слободѣ, у рѣки Клязмы, дани рубль 12 алт. 2 ден. заѣзда и десятильничя доходу гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 187, кн. 196, л. 83 об.).

Въ 7154 (1646) г. въ селѣ Рогожѣ у церкви Николая чудотворца во дворѣ попъ Герасимъ, во дв. дьячекъ Ивашко Андреевъ, во дв. пономарь Алферко Кирилловъ, дв. просвирницы, да за попомъ Герасимомъ на церковной землѣ 6 дворовъ бобыльскихъ, да въ селѣ жъ ямщиковъ 44 двора“ (Переписн. кн. 9809, л. 430).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года написано: „церковь Николая чудотворца деревянная на Старомъ Рогожскомъ яму, въ Рогожской слободѣ, на берегу рѣви Клязмы, на володимірской большой дорогѣ, у церкви служить попъ Евдокимъ, по новоявленной памяти изъ Тиунской избы, изъ полу-церковнаго доходу съ дьячкомъ Васкою Фроловымъ, и прихожане той церкви ямщики сказали: приходской де ихъ церкви мѣстной попъ Андрей умре, тому нынѣ другой годъ, и церковная де земля пашня и сѣнные покосы у той церкви есть, а что въ дачахъ четвертныхъ пашни и то написано въ писцовыхъ книгахъ, да къ той же церкви дана пустошь Мишинская и владѣ выписъ на тое пустошь письма и мѣры Семена Колтовскаго, да подьячаго Анисима Ильина 131 (1623) года, а въ выписи написано: пустошь, что была деревня Мишинская черная, за рѣкою Клязьмою, а въ ней пашни пахатныя наѣздомъ середніе земли четверть, да лѣсомъ поросло 19 четвертей и всего пашни пахатныя и лѣсомъ поросло 20 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ и съ той выписи взять списовъ, а подлинная отдана обратно ямщикамъ“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 173—174).

При церкви Николая Чудотворца въ селѣ Рогожи были священники: Алексѣй Наумовъ 1697 г., Иванъ Алексѣевъ 1711—1726 г., дьяконъ Василій Фроловъ 1682 г., дьячки: Исай Провофьевъ 1682 г., Яковъ Ивановъ 1715 г., Василій Ивановъ 1726 г., пономарь Антонъ Яковлевъ 1726 г. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 81, № дѣла 2; Переписн. кн. 1 ревизіи 1726 г., л. 231).

1781 года октября 5 дня именнымъ указомъ, даннымъ Сенату, повелѣно: „главнокомандующему въ Москвѣ князю Долгорукову-Крымскому, въ концѣ будущаго 1782 года открыть Богородскій уѣздъ, вслѣдствіе того переименовать городомъ ямское село Рогожу“. (Поли. Собр. Законовъ, т. XXI, стр. 277, № 15245). Въ 1788 г., въ городѣ

Богородскѣ находились: церковь во имя Богоявленія Господня съ придѣломъ Николая Чудотворца, присутственныя мѣста, городская школа винный и соляной авбары—всѣ деревянныя; домовъ: дворянскихъ 2, священно и церковно-служительскихъ 5, разночинскихъ 5, купеческихъ 28, мѣщанскихъ 9, ямскихъ 7, пивоварня 1 и кузница 1; жителей: мужска пола 306, женска 255 человекъ. Ярморки въ городѣ бывають двѣ—мая 9, да декабря 6, на которыя крестьяне привозятъ разные съѣстные припасы, а купцы въ городѣ торгуютъ мелочнымъ товаромъ. (Географ. словарь т. IV ст. 100. Москва 1788 г.).

10. Ц. Николая чудотворца на погостѣ, что на Мху *).

Въ книгахъ Патр. Каз. Приказа писано: за 7136 (1628) г. „церковь Николы чудотворца въ Куньевской волости, дани 10 алт. 3 ден., намѣстничихъ 8 денегъ, заѣзда 5 денегъ, кормовая гривна»; за 7143 (1635) г.:—«въ Куньевской волости на погостѣ Никольскомъ, у пруда, дани 14 алт. 4 ден., десятильничихъ и заѣзду гривна; платилъ деньги Давыдовы пустыни игуменъ Онтоній» (Кн. 2, л. 188; кн. 196, л. 84).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1635) г.: Московскаго уѣзда, въ Куньевской волости на погостѣ церковь Николая чудотворца деревянная, пашни паханья церковныя земли 7 чети, да лѣсомъ поросло 7 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 20 копекъ, лѣсу пашеннаго десятина, да непашеннаго 5 десятинь. Въ 7154 (1646) году при церкви были: «во дворѣ попъ Афанасій, во дв. просвирница Анница». Въ 7188 (1680) г. «во дворѣ попъ Иванъ Фадѣевъ, во дв. дьячекъ Васка Фадѣевъ, во дв. пономарь Сенка Симоновъ, во дв. просвирница Анница Никифорова. И попъ Иванъ (при досмотрѣ церквей и церковныхъ земель, по указу патриарха) сказалъ: церковною де землею, что написано въ писцовыхъ книгахъ, владѣть онъ попъ съ причетниками, да къ той же церкви въ писцовыхъ книгахъ написано: пустошь Борискова, Семенова тожъ, пашни паханья 2 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 40 копекъ, лѣсу пашеннаго 3 десятины, непашеннаго 12 десятинь, и тою де пустошью онъ, попъ Иванъ, не владѣть, а владѣють тою пустошью великого государя дворцовой Куньевской волости крестьяны, а гдѣ та пустошь и въ какихъ урочищахъ—того онъ, попъ, не вѣдаетъ и никакихъ крѣпостей на тое пустошь у него нѣтъ; а другая пустошь объѣзжая Костина,

*) Нынѣ погостъ Николаевскій, что въ Куньѣ, на Мху.

Костенева тожь, а въ ней пашни паханой въ разныхъ мѣстахъ 4 чети съ третникомъ, да лѣсомъ поросло 11 чети безъ третника въ полѣ, а въ дву потому жь, сѣна 15 копенъ, сѣнокошныя поросли. поддесятины, лѣсу пашеннаго 4 десятины, непашеннаго лѣсу 5 десятинь, и тою пустошью владѣеть онъ попъ съ причетниками и вѣлалъ онъ попъ выписъ письма князь Михаила Мецецаго, да подъячаго Ушака Никитина 93 (1585) года и та церковная пустошная земля съ писцовыми книгами 139—141 годовъ сходна» (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, лл. 177 и 369).

Въ 1717 году при церкви Николая чудотворца «на погостѣ, что на Мху» были: священникъ Иванъ Семеновъ, дьяконъ Игнатій Θεоктистовъ, дьячекъ Иванъ Ивановъ. (Переписн. кн. 1717 г. л. 381 об.)

11. Ц. Иліи пророка, на погостѣ Ильинскомъ, въ Муравьищахъ, у рѣчки Шарны *).

Въ началѣ XVII ст., Московскаго уѣзда въ дворцовой Куньевской волости, на погостѣ Муравьищѣ, у рѣчки Шарны, находилась изстари построенная церковь св. пророка Иліи, дани по окладу 7136 (1628) г. 3 алт. 3 ден. намѣстничихъ 4 алт., кормовая гривна. За послѣдующіе 1635—1712 гг. платилось «дани рубль 13 алт. 5 денегъ, заѣзда гривна» (Патр. Прик. кн. 2, л. 188 и кн. 196, л. 83).

Подъ 7154 (1646) г. упоминается: «церковь Иліи пророка на погостѣ Ильинскомъ, на рѣчкѣ Шарнѣ, деревянная, у церкви во дворѣ попъ Лука, во дв. пономарь Илюшка, во дв. просвирница Марфица» (Переписн. кн. 9809, л. 82).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года написано: «въ Куньевской волости на погостѣ Муравьищѣ, на берегу рѣчки Шарны, церковь св. пророка Иліи деревянная, у церкви во дв. попъ Матвѣй Ивановъ, во дв. дьячекъ Явушко Лукьяновъ, во дв. пономарь Селузянко Афанасьевъ, во дв. просвирница; церковь построена изстари; церковной земли въ Патріаршѣ Казенномъ Приказѣ, въ переписныхъ книгахъ Ивана Нелединскаго, да подъячаго Володимира Толстаго 141 (1633) года написано: «пашни паханыя 5 чети въ полѣ, а въ дву потому жь, сѣна противъ погоста за рѣвою Шарною на лугу 70 копенъ и тою пашнею и сѣнными покосами владѣеть попъ съ

*) Нынѣ погостъ Ильинскій, въ Муравьищахъ (Муравьищи), Богородскаго уѣзда.

причетниками, а въ писцовыхъ книгахъ той церкви и земли къ церкви не написано» (Патр. Прик. дозор. кн. 151, л. 182—183).

7203 (1695) года іюля въ 13 день, по благословенной грамотѣ данъ антиминосъ ко освященію церкви св. пророка Или на погостѣ Муравьищѣ, тоя жъ церкви попу Семену (Патр. Прик. кн. 138, л. 93).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1734 г., значится: «іюля 3 числа запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью дворцовой Куньевской волости Ильинскаго попа Афанасья Ефремова съ приходскими людьми, велѣно, противъ ихъ челобитья во оной Куньевской волости, на старомъ церковномъ мѣстѣ, вмѣсто сгорѣлой Ильинской церкви, построить вновь церковь во имя тотъ же престоль деревянную; пошлинъ 20 коп., нужнѣйшихъ четверть съ осьюю взято» (Патр. Прик. кн. 372, л. 35).

Въ 1715—1726 гг. при Ильинской церкви были: священникъ Ефремъ Григорьевъ, дьяконъ Афанасій Ефремовъ, дьячекъ Федоръ Матвѣевъ, пономарь Иванъ Селуяновъ, просвирия Маремьяна Петрова, у нея живетъ бывшего попа Семена Матвѣева вдова Улита, и дворъ бывшего попа Ивана Григорьева.

12. Ц. Рождества Христова и св. Тихона чудотворца на погостѣ Данилищевѣ, у озера *).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, Московскаго уѣзда, въ Куньевской волости, находился «погостъ, а на погостѣ церковь Рождества Христова; пашни паханныя церковныя земли 4 чети, да перелогомъ четь въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 10 копенъ, лѣсу папеннаго 3 десятины, а непашеннаго 2 десятины; подъ погостомъ озерко Рожественное въ длину полверсты, а поберегъ 120 сажень, а рыба въ немъ караси и лини» (Патр. Прик. доз. кн. 141, л. 366).

По окладнымъ книгамъ Казеннаго Приказа за 7136 (1627—1628) г. «церковь Рождества Христова на погостѣ Данилищевѣ, у озера, дани 8 алт., намѣстничихъ 8 денегъ, заѣзда алтынъ, кормовая гривна»; за 7143 (1635) г. «дани рубль 26 алт. 3 деньги, заѣзда гривна» (Кн. 2, л. 188; кн. 196, л. 84).

Въ 7154 г. «на погостѣ, на озерѣ Данилищевѣ, церковь Рождества Христова деревянная, у церкви во дворѣ попъ Гри-

*) Нынѣ погостъ Христорожественскій (Данилищево), Богородскаго уѣзда.

горій, во дв. дьячекъ Василій Аникѣевъ, просвирница Настасьица; а по дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: «у церкви попь Иванъ Семеновъ, дьячекъ Герасимъ Андреевъ, пономарь Григорій Афанасьевъ и просвирница; церковь построена изстари; въ церкви Рождества Христова (кромѣ церковной земли, показанной въ писцовыхъ книгахъ) двѣ пустоши: пустошь Софроново, Мишово тожь, отъ полевой земли верстахъ въ двухъ, близъ деревень Рѣткина, да Поньратова, а въ ней пашни паханой худой земли 2 чети безъ третника, да лѣсомъ поросло 33 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 100 копенъ, сѣнокосной поросли 3 десятины съ третью, лѣсу пашеннаго 8 десятинъ, непашеннаго 12 десятинъ, впусти 2 выти съ третью, а въ другой пустоши Ульяновой пашни паханой третникъ, да перелогомъ четь безъ третника, да лѣсомъ поросло 6 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣнокосныя поросли 5 десятинъ безъ трети, лѣсу чернаго въ длину на полверсты, поперегъ четверть версты» (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 174—176).

Въ 1717 г., на погостѣ Данилищевѣ двѣ церкви деревянныя Рождества Христова и св. Тихона чудотворца, при нихъ были: священникъ Гавріилъ Дмитріевъ, дьяконъ Кузма Герасимовъ, дьячекъ Иванъ Герасимовъ и пономарь Григорій Агаповъ (Переписн. кн. 1717 года, л. 339).

13. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на погостѣ Лычевѣ, на рѣчкѣ Выркѣ *).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, Московскаго уѣзда, въ дворцовой Куньевской волости: „погостъ, на рѣчкѣ Выркѣ, а на погостѣ перковь Рождества Богородицы; пашни паханой церковной земли 3 чети безъ третника, да лѣсомъ поросло 4 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу пашеннаго и непашеннаго 6 десятинъ“ (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 370). По окладу 7136 (1628) года „дани 7 алт. 3 ден., намѣстничихъ 2 алт., кормовая гривна, заѣзда алтынъ“. Подъ 1635—1739 годами пишется: „въ Куньевской волости, на погостѣ Голвачевѣ (въ другомъ мѣстѣ Лычевѣ), у рѣчки Вырки, дани рубль 7 алт. 5 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 188; кн. 196, л. 84; кн. 149).

*) Нынѣ погостъ Выринскій (Вырки) Богородскаго уѣзда.

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „на погостѣ Личевѣ, на рѣчкѣ Вырѣ, церковь Рождества Богородицы деревянная, у церкви во дворѣ попъ Михаилъ Ивановъ; церковная земля по писцовымъ книгамъ сходна и владѣеть землею попъ съ причетниками“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 180).

1702 года, марта въ 19 день, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминсъ въ Московскій уѣздъ, въ Куньевскую волость, въ новопостроенную церковь Рождества Пресв. Богородицы, тожь церкви попу Василию Иванову (Патр. Прик. кн. 138, л. 216).

При церкви Рождества Богор. въ 1717 г. были: священникъ Василій Ивановъ, у него сынъ священникъ Владиміръ, дьячекъ Ѳедотъ Андреевъ и пономарь Семенъ Андреевъ.

14. Ц. Михаила Архангела на погостѣ Чернѣевѣ, на рѣчкѣ Раменкѣ, при селѣ Иванисовѣ*).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, Московскаго уѣзда, въ дворцовой Куньевской волости, находился „погостъ, на рѣчкѣ Раменкѣ, а на погостѣ церковь Архангела Михаила; пашни паханой церковной земли 4 чети, да перелогомъ четверть въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна по рѣчкѣ Раменкѣ 30 копей, лѣсу пашеннаго 4 десятины, а непашеннаго 2 десятины“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 368).

По окладнымъ книгамъ Казеннаго Приказа за 7136 (1627—1628) г. „церковь Архангела Михаила въ Куньевской волости, на погостѣ Чернѣевѣ, дани 11 алт., намѣстничихъ 8 денегъ, заѣзда 4 деньги, кормовая гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 188; кн. 196, л. 84).

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) г.: „великаго государя въ дворцовой Куньевской волости, въ Доблинскомъ стану, погостъ на рѣчкѣ Раменкѣ, у церкви Архангела Михаила во дворѣ попъ Романъ Ѳедотовъ, да дьячекъ Ѳедотка Романовъ, во дв. просвирица; церковь построена изстари; церковною землею и сѣнными покосами владѣеть попъ съ причетниками, по писцовымъ книгамъ 139—141 гг.“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 206—207).

Въ 1704 г. церковь Архистратига Михаила деревянная; при ней были священники: Прокопій Романовъ 1704 г. и Иванъ Ѳедо-

*) Ныѣ Иванисово, село Богородскаго уѣзда.

ровъ 1717 г.; дьячки: Иванъ Ѳедоровъ 1704 г. и Пименъ Прокофьевъ 1717 г. (Переписн. кн. 9817, л. 302; и кн. 1717 года, л. 340).

Въ XVII ст. при погостѣ Михаила Архангела находилась деревня Иванисова (въ 1623 г.) вотчина боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, по приправочнымъ книгамъ 1585 г., что было за отцомъ его въ помѣстьи; въ деревнѣ былъ дворъ вотчинниковъ, дворъ дѣловаго человѣка и 3 дв. крестьянскихъ (Писцов. кн. 9805, л. 91 об.). Потомъ этою деревнею владѣлъ князь Василій Ѳедоровичъ Одоевскій, а отъ него перешло къ князьямъ Алексѣю, Михаилу и Василію Юрьевичамъ Одоевскимъ, при которыхъ Иванисово въ 1704 г. было сельцомъ съ 11 дворами крестьянъ; въ 1736 г. оно принадлежало Ивану Петровичу Толстому, доставшееся ему по завладной отъ кн. Михаила Юрьевича Одоевскаго (Вот. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 80, № дѣла 19; отказн. кн. 16, л. 1061—1063; переписн. кн. 9817, л. 205).

15. Ц. Троицы Живоначальная, на погостѣ Троицкомъ, у рѣки Дрозны.

Церковь Св. Троицы деревянная, построенная изстари, на погостѣ у рѣки Дрозны, въ началѣ XVII ст. находилась Московскаго уѣзда, въ дворцовой Загарской волости; по окладу 7136 (1628) г. дани 10 алт. 5 ден., заѣзда 3 алт., кормовая гривна; за 7143 (1635) г. „дани 26 алт. съ деньгою заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 4).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ: къ церкви Живоначальная Троицы „пашни паханая церковной земли 2 чети да перелогомъ четь, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 2 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 70 копенъ, лѣсу поверстнаго елнику болотнаго по Микишиня лугъ; да къ церкви жъ дано селище Темниково, да селище Петряково и тѣ селища лѣсомъ большимъ поросли, а по мѣрѣ въ селищѣ Петряковѣ лѣсу пашеннаго полдесятины, сѣна по оселку 10 копенъ, въ селищѣ Темниковѣ по мѣрѣ пашеннаго лѣсу четь десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ“ (Патр. Прик. кн. дозорн. 141, л. 360—361). Въ 1646 г. при Троицкой церкви: „во дворѣ попь Семень“ (Переписн. кн. 9809, л. 74).

Въ 1710 г. погостъ Троицкій, бывший селомъ, пожалованъ изъ дворцоваго вѣдомства Алексѣю Александровичу Курбатову; въ 1726 г. погостъ по прежнему причисленъ къ дворцовымъ волостямъ и въ 1727 г.

пожалованъ Петру Васильевичу Чичерину (Вотч. Колл., по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 84, № дѣла 2).

При Троицкой церкви были священники: Антипъ Никитинъ 1680 г. Лукьянъ Агаповъ 1726—1754 г.; дьяконъ Павелъ Лукьяновъ 1752 г., дьячки: Ѳедоръ Евдокимовъ 1680 г., Потапъ Агаповъ 1726—1754 г. и Петръ Агаповъ 1754 г. (Патр. Прив. дозор. кн. 141, л. 204—205 и кн. 1 ревизіи 1726 г. л. 213).

16. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы на погостѣ въ Загарской волости (Загарье) *).

Въ началѣ XVII ст. „на погостѣ у рѣчки Осиновки“, Московскаго уѣзда, въ дворцовой Загарской волости была деревянная церковь во имя Николая чудотворца, построенная изстари; по оьладу 7136 (1628) г. даны 9 алт., заѣзда 2 алт., кормовая гривна; за 7143 (1635) г. писалось: „Загарской волости, на погостѣ Никольскомъ, у рѣчки Осиновки, даны рубль 5 алт. 2 деньги, заѣзда гривна“ (Патр. Прив. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 84).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ: „пашни паханой церковной земли 6 чети, да лѣсомъ поросло 4 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ, лѣсу полторы десятины“ (Патр. Прив. дозор. кн. 141, л. 361—362).

Въ 7154 (1646) г. при Николаевской церкви „во дворѣ попъ Василій, дьячекъ Микифорко Васильевъ, во дв. пономарь Лучка Клементьевъ“, а по дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) года: „у церкви во дворѣ дьячекъ Моисейко Степановъ, во дв. пономарь Якушко Ѳедоровъ, во дв. просвирица; дьячекъ сказкою показаль: попъ Андрей Ивановъ умеръ въ 1680 г., а въ его домѣ живеть братъ его родной Петрушка Ивановъ; церковь Николая чудотворца построена изстари; церковная земля и сѣнные покосы есть, по писцовымъ книгамъ 139—141 годовъ“ (Патр. Прив. дозорн. кн. 141, л. 183—185 и переписн. кн. 9809, л. 74).

Въ 1710 г. на погостѣ Никольскомъ въ Загарской волости были двѣ церкви: Николая чудотворца и Великомученицы Парасковей, нарицаемья Пятницы (Переписн. ландрат. кн. 1710 г., л. 146).

Въ 1710 г., по именному указу великаго государя, Загарская волость пожалована Алексѣю Александровичу Курбатову, при вото-

*) Нынѣ Загарье-Никольское, село Богородскаго уѣзда.

ромъ и была построена на погостѣ Никольскомъ новая церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы, вмѣсто церкви Великомуч. Парасковей. Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1715 годъ, значится: „сентября въ 23 день, запечатана грамота о священіи церкви преосвященному Варлааму, архіепископу Тверскому и Кашиинскому, по челобитью Алексѣя Александровича Курбатова, вельно: въ Московскомъ уѣздѣ, въ Загарской волости, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Никольскомъ, новопостроеную церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы освятить ему, преосвященному Варлааму, на старомъ антиминосѣ“ (Патр. Прик. кн. 438, л. 71).

Въ 1726 г. Загарская волость по прежнему причислена къ дворцовому вѣдомству, а въ 1727 г. пожалована Петру Васильевичу Черяину, умерш. 11 мая 1748 г. Послѣ его жена вдова Александра Васильевна, урожд. Мосальская, съ дѣтьми: Васильемъ, Алексѣемъ и Сергѣемъ Петровыми продала Загарскую волость, въ 1753 г., Николаю Михайловичу Леонтьеву.

На погостѣ Никольскомъ, названномъ селомъ, въ 1753 г. были церкви: Успенія Пресв. Богородицы каменная *) и Николая чудотворца деревянная съ придѣлами (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 84, № дѣла 2). При церквахъ находились священники: Иванъ Петровъ 1710—1711 г., Илья Аниятинъ 1712—1720 г., Андрей Андреевъ 1726 г., Семенъ Ѳедоровъ 1753 г.; діаконъ Иванъ Семеновъ 1753 г.; дьячки: Евсеѣй Петровъ 1710 г., Григорій Андреевъ 1715—1726 г., и Михайлъ Григорьевъ и пономарь Дмитрій Карповъ 1753 г.

17. Ц. Парасковей мученицы наричаемыя Пятницы на погостѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ **).

Церковь Парасковей Пятницы деревянная, построенная изстари, находилась въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ дворцовой Куньевской волости, „на погостѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ“; по окладу 7136 (1628) г. дани 7 алт. 5 ден., заѣзду гривна, кормовая гривна; за 7143 (1635) г. писалось: „на погостѣ Пятницкомъ, у рѣчки Березовки, дани 32 алт. 5 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 85).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) гг. „пашни па-

*) Каменная церковь Успенія Богор., полагаемъ, была построена въ 1715 г.

***) Нынѣ село Десятая Пятница Богород. у.

ханой церковной земли въ церковной пустоши Филинской 2 чети, да лѣсомъ поросло 11 чети въ полѣ, а въ дву потомуужь, сѣна 30 копень, лѣсу пашеннаго 2 десятины, а непашеннаго 3 десятины. (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 371).

Подъ 7154 (1646) г.: „погость Пятницкой, у Березовки, а на погостѣ церковь деревянная, у церкви во дворѣ попь Андрей“; по дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „у церкви во дворѣ попь Мина Михайловъ, во дв. дьячекъ Гараска Яковлевъ, да просвирица; церковь построена изстари, церковная земля въ пустоши Филинской, а владѣють пустошью государевой Куньевской волости деревни Микулина крестьяня“.

Въ 1717 г. погость церкви, нарицаемыя Пятницы, что на Березовкѣ, у церкви: попь Григорій Трофимовъ, дьячекъ, Герасимъ Яковлевъ и пономарь Герасимъ Герасимовъ. (Переписн. кн. 9809, л. 82, и кн. 1717 года, л. 360; Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 181—182).

18. Ц. Воздвиженія честнаго Креста Господня и Св. мученика Никиты на погостѣ Воздвиженскомъ, на рѣчкѣ Сушицѣ *).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, Московскаго уѣзда, въ волости Сельнѣ, находился „погость, на рѣчкѣ Сушицѣ, а на погостѣ церковь Воздвиженія честнаго Креста Господня, да церковь мученика Никиты; пашни церковныя паханыя 4 чети, да лѣсомъ поросло 6 чети въ полѣ, а въ дву потомуужь, сѣна 20 копень, лѣсу пашеннаго 3 десятины, а непашеннаго 2 десятины“. По окладу 139 (1631) г. „дани 9 алт. съ деньгою, заѣзда гривна“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 358 и приходн. кн. 196, л. 85).

Въ 1710 г. на погостѣ Воздвиженскомъ, въ Селинской волости, двѣ церкви деревянныя Воздвиженія Господня и Св. мученика Никиты. При церквахъ были священники: Яковъ Григорьевъ 1680 г., Иванъ Яковлевъ 1710 г., дьячки: Артемій Григорьевъ 1680 г., Василий Артемьевъ 1710 г. и пономари: Дементій Григорьевъ 1680 г. и Федоръ Родионовъ 1710 г.

19. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Карповѣ, Большовское тожъ **).

Покровская церковь, построенная изстари въ селѣ Карповскомъ, Большовское тожъ, находилась въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣз-

*) Ныѣ погость Воздвиженскій, что въ Сельнѣ, Богород. у.

***) Ныѣ Карпово, село Богородскаго уѣзда.

да, въ дворцовой Селинской волости. Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа за 7136 (1628) г. писалось: „Церковь Покровъ Святѣй Богородицы въ Сельнѣ, дани 10 алт. 2 ден., заѣзда 3 алт. 2 ден., кормовая гривна“; за 7143 (1635) годъ „дани рубль 5 алт. 3 ден., десятильничихъ гривна. (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 85).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) гг. къ Покровской церкви „пашни церковной въ церковной деревнѣ Савкиной, Субочево тожъ, паханыя 3 чети, да перелогомъ 2 чети, да лѣсомъ поросло 20 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ, сѣна 10 копенъ, лѣсу пашеннаго 6 десятинь, а непашеннаго 12 десятинь“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 359).

7154 (1646) года „волость дворцовая Сельня, секо Карповское, Большовское тожъ, а въ селѣ церковь Покрова Пресв. Богородицы деревяная; у церкви во дворѣ попъ Василей“, да въ селѣ 8 дворовъ крестьянскихъ... (Переписн. кн. 9809, л. 72). Въ 1680 г. у той же церкви были „во дворѣ попъ Иродіонъ Васильевъ, во дв. дьячекъ Алешка Максимовъ, во дв. пономарь Харитонко Елисеѣвъ и во дворѣ просвирица“; въ 1710—1722 гг. попы: Романъ и Фаддей Родіоновы, дьяконъ Тимофей Родіоновъ и дьячекъ Демидъ Максимовъ.

20. Ц. Иліи пророка и Николая Чудотворца на погостѣ въ Гуслицахъ *).

Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гуслицкой волости, „на погостѣ Ильинскомъ, на рѣчкѣ Гуслицѣ“ (въ другомъ мѣстѣ на рѣчкѣ Околицѣ), находилась деревянная церковь, построенная изстари, во имя св. пророка Іліи съ придѣломъ св. Николая Чудотворца; по окладу 7136 (1628) г. дани 13 алт. 2 деньга, на мѣстничихъ 8 алт., десятильничихъ гривна“, за 7143 (1635) г. „дани рубль 26 алт. 2 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 186, кн. 196, л. 85).

Въ писцовыхъ книгахъ Приказа Большаго Дворца писца Афанасья Отяева, да подъячаго Василья Арбенева 139—141 (1631—1633) гг. церковь Іліи пророка описана въ слѣдующемъ порядкѣ: „Гуслицкой волости погостъ, на рѣчкѣ на Околицѣ, а на погостѣ церковь Іліи пророка древяна кѣтъцки, а въ церкви образовъ: образъ Воскресенія Христова писанъ на золотѣ, икона двулистовая; образъ

*) Нынѣ Гуслицы, село Богородскаго уѣзда.

Пресв. Богородицы Одигитрія писанъ на золотѣ, икона двулистовая, въ кіотѣ древяной; образъ пророка Іліи писанъ на прозелени, вѣнецъ и гривна серебряные басемные, позолочены, да двѣ гривны битыя серебряныя жъ позолочены, икона четырехъ листовая, въ кіотѣ древяной; двери царскія съ евангелисты и съ сѣнью, сѣни и столбцы писаны на прозелени, деисусъ въ таблѣ—семь образовъ, иконы трехъ листовыя; въ олтарѣ на престолѣ образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія писанъ на золотѣ, вѣнцы и гривны серебряныя, басемные, позолочены, на престолѣ евангеліе тетръ, печать московская, крестъ воздвизальной древяной, сосуды церковныя—потиръ, дискось и лжица и блюда оловянные, покровцы гафтяныя. Книги: апостолъ тетръ, минея общая печатная, московской печати, тріодъ цвѣтная, шестодневъ въ поддестъ писменная, потребниѣ и служебникъ печать московская, псалтирь и часословъ печатныя. Да въ предѣлѣ Николай Чюдотворецъ, а въ немъ образовъ: образъ Николая Чюдотворца, писанъ на прозелени, трехъ листовою, вѣнцы и гривны у Спасова и Богородицына и у Николина образа басемные, позолочены, третья гривна сканная, серебряныя позолочены; двери царскія съ евангелисты на бѣли, въ таблѣ по обѣ стороны деисуса четыре образа; образъ Вседержителя Спаса писанъ на бѣли, образъ Пресв. Богородицы Одигитрія писанъ на краскахъ, образъ Николая Чюдотворца писанъ на прозелени, образъ Стратотерца Христова Георгія на бѣли, четырехъ листовые; свѣчъ поставныхъ съ красками и съ насвѣшники въ настоящей и въ предѣлѣ семь; понизадило невелико мѣдное; два кадило мѣдныхъ; ризы и стихари ветхи, полотняныя; у церкви паперть вырубная, а на паперти два колокола, вѣсомъ пудъ въ 12, да клѣпало желѣзное. А церковь и въ церкви образы, и книги, и ризы, и колокола и всякое церковное строеніе мірское. Да на погостѣ во дворѣ попъ Романъ Ѳомиинъ, во дв. попъ Володиміръ Ѳомиинъ, во дв. попъ Матвѣй Ѳомиинъ, во дв. вдовой попъ, пономарь Бажень Ѳомиинъ, во дв. земской дьячекъ Богдашко Степановъ, во дв. просвирица Анница; пашни паханой церковной земли 3 четверти съ осминою да лѣсомъ поросло 12 четвертей съ осминою въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, лѣсу десятина“ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 56, № дѣла 8).

Въ 1646 г. при церкви Іліи пророка были: „во дворѣ попъ Матвѣй, во дворѣ попъ Григорій, во дворѣ пономарь Евтихій Ігнатьевъ“ (Переписи кн. 9809, л. 76 об.).

На томъ же Ильинскомъ погостѣ, въ Гуслицахъ, въ 1676 году построена другая церковь во имя Казанскія Пресв. Богородицы, ко-

торая въ писцовыхъ книгахъ 185 и 186 (1677—1678) гг. описана такъ: „въ Гуслицкой волости, на погостѣ церковь во имя Казанскія Пресвятыя Богородицы, около церкви съ трехъ сторонъ паперти, на паперти восточная лѣстница; церковь и паперть крыты тесомъ, а въ церкви: царскія двери, сѣнь и столбцы, да мѣстныхъ образовъ: образъ Всемиловитаго Спаса, образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, вѣнцы и цаты серебряныя, золочены съ каменіемъ, въ кіотахъ, образъ Іоанна Предтечи, образъ преподобнаго Сергія, у Богородицына образа подпись и ожерельицо жемчужныя съ каменіемъ, на престолѣ евангеліе печатное, обложено бархателю, распятіе и евангелисты мѣдныя; за престоломъ образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія, окладъ чеканный, пелена бархательная, на сѣверныхъ дверяхъ образъ Архидіакона Стефана, на южной двери образъ Архангела Михаила. Передъ мѣстными образами двѣ лампы бѣлаго желѣза. Хоругви. Строена та церковь во 184 (1676) году, строили того жъ погосту попы Григорія да Иванъ“.

„На томъ же погостѣ другая церковь св. пророка Іліи, да къ ней придѣлъ св. Николая Чюдотворца, около церкви съ трехъ сторонъ паперти, на паперть восточная лѣстница; церковь и паперти крыты тесомъ; въ церкви: царскія двери, сѣнь и столбцы, по правую сторону царскихъ дверей образъ Распятія Господня, образъ св. пророка Іліи, въ кіотѣ, окладъ чеканной, вѣнецъ и цата бѣлые рѣзные съ каменіемъ, образъ Чюдотворца Николая, по лѣвую сторону царскихъ дверей Пресв. Богородицы Одигитрія, вѣнцы у Спаса и Богородицы бѣлые, рѣзные. На престолѣ: евангеліе печатное, обложено бархатомъ цвѣтнымъ, евангелисты и застежки серебряныя, крестъ благословящей обложенъ серебромъ, за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одигитрія, на той же цвѣтѣ назади образъ св. пророка Іліи. вѣнцы и цата бѣлые рѣзные. Въ жертвенникѣ сосуды оловянные. Деисусовъ 12 иконъ, Спасовъ образъ обложенъ серебромъ чеканнымъ, вѣнецъ рѣзной съ каменіемъ; два поникадила не велики, мѣдныя, передъ мѣстными образами семь свѣчъ поставныхъ, восковыхъ, да двѣ деревянныя, писаны красками. Два кадило, укропникъ, чаша водосвятная мѣдныя. Колокольница деревянная о семи углахъ, на ней 5 колоколъ. Да въ придѣлѣ: образъ Чюдотворца Николая, обложенъ серебромъ чеканнымъ, вѣнцы и цаты бѣлые, рѣзные, съ каменіемъ, образъ преподобныхъ отецъ Зосима и Савватія Соловецкихъ чюдотворцевъ, въ кіотѣ; образъ Великомученика Георгія; царскія двери, сѣнь и столбцы; на престолѣ евангеліе печатное, обложено бархателю, евангелисты мѣдныя, крестъ благословящей обложенъ мѣдью,

за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одигитрія, вѣнецъ и цата рѣзные; илъ жертвенникѣ сосуды оловянные, потиръ булатной. Книгъ: служебникъ, шестодневъ, апостолъ, псалтирь со вослѣдованіемъ, евангеліе толковое, воскресное, прологи во весь годъ, два октоя, минея мѣсяць іюль, двѣ треоди—постная да цвѣтная“. На погостѣ при церквахъ на церковной землѣ были „во дворѣ попъ Григорій Романовъ, у него сынъ попъ Афанасій, во дворѣ попъ Иванъ Григорьевъ, во дворѣ дьячекъ Сергушка Григорьевъ, во дворѣ дьячекъ Дѣйка Григорьевъ, пономарь Ивашко Ивановъ, во дворѣ просвирица Марвица Андреева и дворъ бобыля; подъ дворами и огороды усадебной земли 2½, десятины; а въ 7188 (1680) году во дворѣ попъ Афанасій Григорьевъ и во дворѣ попъ Михаилъ Асоновъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 58, № дѣла 11, лл. 104—106; Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 190—191).

1710 г. февраля въ 17 день „великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ пожаловалъ князя Александра Даниловича Меншикова указалъ ему дать въ зачетъ, взятыхъ у него въ Ингрии волостей, изъ своихъ государевыхъ волостей дворцовую Гуслицкую волость со крестьяны и бобыли“; вслѣдствіе сего указа того же года апрѣля 7 числа за нимъ, княземъ Меншиковымъ, Гуслицкая волость утверждена отъясною книгою, въ которой находится описаніе церквей въ слѣдующемъ порядкѣ: „волость Гуслицкая, а въ ней погостъ, на рѣчкѣ Поповѣ, а на погостѣ церковь во имя св. пророка Іліи деревянная о пяти главахъ, кресты деревянные опаяны жестью бѣлою, а въ церкви: царскія двери, сѣнь и столбцы рѣзные, золоченные; по правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ иконъ: образъ Всемилоствяга Спаса, вѣнецъ и гривенка гладкіе съ репьями, серебряные, золоченные; образъ св. пророка Іліи съ житіемъ окладъ чеканной, вѣнецъ и рива чеканные, серебряны, золочены, на Господѣ Своеофѣ вѣнецъ и гривенка съ короною чеканные; на житіи семь вѣнцовъ съ гривенками, да пять вѣчищевъ малыхъ, серебряные, рѣзные, вызолоченные; образъ Воскресенія Христова писанъ на золотѣ, на немъ два вѣнца съ коронами и гривенки серебряные, золочены; образъ Живоначальныя Троицы, на немъ три вѣнца серебряныхъ съ коронами и съ гривенки, золочены; образъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, образъ Архангела Михаила, образъ преподобнаго отца Сергія, образъ Печерскія Богородицы писаны на краскахъ; по другую сторону царскихъ дверей: образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія, вѣнецъ и гривенка серебряны, рѣзные, золоченные; образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія Смоленскія, вѣнецъ съ короною рѣзной, образъ

Московскихъ Чудотворцевъ Петра и Алексія и Іоны и Филиппа; образъ Бориса и Глѣба, образъ св. мученикъ Флора и Лавра и Космы и Даміана, образъ св. великомученика Георгія, образъ Изосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцовъ писаны на краскахъ; на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ образы архидіакона Стефана и архидіакона Авіва. Иконостасъ, взымцы и тумбы столарные флемованные, золоченые; передъ мѣстными иконы 13 лампадъ мѣдныхъ; въ деисусѣ Спасителейъ образъ съ апостолами и пророки и дванадцатныхъ праздниковъ три яруса, передъ Спасителейъ образомъ поникадило мѣдное о дву ярусахъ; двѣ хоругви: на одной образъ Богоявленіе Господне, а на другой— св. пророка Іліи писаны на краскахъ, у нихъ двѣ пелены камчатныя съ кистями. Въ трапезѣ: образъ Дѣянія Страннаго Суда писанъ на краскахъ. Въ олтарѣ на престолѣ: евангеліе печатное, на александрійской бумагѣ, оболочено бархатомъ червчатымъ, распятіе и евангелисты чеканные, застежки серебряныя, на другой сторонѣ средина и наугольники серебряныя бѣлыя; другое евангеліе въ десть оболочено бархатомъ краснымъ, распятіе и евангелисты серебряныя рѣзные, застежки и съ исподи средина и наугольники серебряныя бѣлыя, два креста благословенныхъ, на нихъ распятіе чеканное, обложено серебромъ; ковчегъ оловянной, за престоломъ крестъ большой, на немъ написано Распятіе Господне, по правую сторону креста образъ Знаменія Богородицы, окладъ гладкой, вѣнецъ съ короною и гривенка рѣзные золоченые, въ привѣсѣ денегъ 20 алтынъ, на другой сторонѣ на оборотѣ образъ Николая чудотворца писанъ на краскахъ, по другую сторону Распятія образъ же запрестольный Богородицы Одигистрія Смоленской, окладъ чеканной, вѣнецъ съ короною рѣзной, въ привѣсѣ два креста, да денегъ 8 алт., на другой сторонѣ образъ пророка Іліи, вѣнецъ гладкой серебряной; за престоломъ же крестъ выносной большой, образъ Спасителейъ мѣстной въ кіотѣ, на жертвенникѣ сосуды и лжица серебряныя.

«Да на томъ же погостѣ другая церковь во имя чудотворца Николая деревянная, обѣ одной главѣ, а въ ней царскія двери, сѣнь и столбцы рѣзные, золочены, по правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ иконъ: образъ Всемиловитаго Спаса писанъ на золотѣ, образъ Николая чудотворца, на немъ вѣнецъ и гривенка серебряныя, рѣзные, золоченые, на Спасителевомъ и Богородициномъ образѣ вѣнички серебряныя, по другую сторону царскихъ дверей: образъ Пресвятыя Богородицы Боголюбской вѣнецъ съ сіяніемъ гладкой съ рѣшьями, убрूसъ и ожерельицо пизаныя, на Спасителейъ образѣ вѣнички серебряной, образъ Всемиловитаго Спаса писанъ на краскахъ, пе-

редь мѣстными образы 4 лампы мѣдныхъ; въ деисусѣ образъ Всемиловитаго Спаса, передь нимъ паникадило мѣдное о дву ярусахъ; да Апостоловъ 12 иконъ; въ олтареѣ на престолѣ евангеліе въ десть, обложено бархатомъ краснымъ, распятіе и евангелисты серебряные рѣзные бѣлые, крестъ благословенной распятіе и окладъ лнтые, за престоломъ крестъ выносной большой, образъ Всемиловитаго Спаса, въ віотѣ, писанъ на краскахъ; на жертвенникѣ сосуды оловянные. У тѣхъ церквей колокольня рубленая осмигранная, верхъ шатровой, на ней 5 колоколовъ».

У князя Менщикова имѣнія были описаны и причислены по прежнему къ дворцовому вѣдомству, а въ 1728 г. Гуслицкая волость пожалована Степану Васильевичу Лопухину (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 53, № дѣла 11).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1730 г., значится: «октября 28 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью дѣйствительнаго камеръ-гера Степана Васильевича Лопухина, велѣно ему въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ его, въ селѣ Ильинскомъ, вмѣсто ветхой Николаевской церкви, на томъ же церковномъ мѣстѣ, построить вновь церковь во имя тотъ же престолъ; пошлннъ 3 алтына, 2 деньги, нужнѣйшихъ одна четъ взято» (Патр. Прик. кн. 337, л. 46).

Въ 1742 г. на погостѣ Ильинскомъ въ вотчинѣ Степана Вас Лопухина находились двѣ деревянныя церкви Или пророка и Николая чудотворца, при которыхъ были священники: Алексѣй Дѣвѣвъ 1701—1710 г., Иванъ Петровъ 1701—1726 г., Афанасій Пименовъ 1701—1742 г., Егоръ Семеновъ 1726—1742 г.; дьяконы: Ефремъ Борисовъ 1710—1726 г., Василій Афанасьевъ 1742 г., дьячьи: Иванъ Егоровъ 1701—1710 г., Яковъ Алексѣевъ 1701—1715 г., Алексѣй Васильевъ и Дмитрій Ивановъ 1742 г. (Переписн. кн. 1710 года, л. 616; 1 ревизіи кн. 1726 г. л. 77. Оглазная кн. 33, № 10, по Москвѣ).

21. Ц. Георгія Великомученика на погостѣ, при деревнѣ Игнатовской, на рѣчкѣ Доркѣ.

Церковь Страстотерпца Христова Георгія деревянная, построенная изстари „на погостѣ у рѣчки Дорки“, находилась въ 1587 г., Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гжельской волости; по окладу 7136 (1628) г, церковной дани 5 алт, 5 ден., заѣзда гривна, кормовая гривна“ за послѣдующіе 1635—1739 годы пишется:—„въ приселѣ

Георгиевскомъ, у рѣчки Дорки, Гжельской волости, дани рубль 27 алт., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 185; кн. 196, л. 85).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) гг. значится: „въ Гжельской волости, на рѣчкѣ на Доркѣ, погость, а въ немъ церковь Стратотерпца Георгія, да въ деревнѣ Игнатовской, на рѣчкѣ на Доркѣ, во дв. попъ Ѳеодоръ Григорьевъ; пашни паханья поповы 4 чети, да лѣсомъ поросло 12 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 100 копенъ, лѣсу пашеннаго десятина, да непашеннаго двѣ десятины; да въ приправочныхъ книгахъ Елизарья Сабурова 97 (1589) г. написано: пустошь Исаева и тою пустошью владѣть съ Воронцова Ильинской попъ Василій въ лугъ мѣсто, что у него взять на Воронцовѣ полѣ государевымъ легковымъ лошадямъ въ пастбище“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 352—353).

По переписнымъ книгамъ Московскаго уѣзда 154 (1646) года: „Раменской волости погость, на рѣчкѣ Доркѣ, у церкви во дворѣ попъ Степанъ, во дв. дьячекъ Якушо Семеновъ, во дв. просвирица Анница“; въ деревнѣ Игнатовой 3 дв. крестьянскихъ. (Переписн. кн. 9809, л. 65—66).

„7160 (1652) года, генваря въ 15 день, запечатана благословенная грамота, по челобитью Московскаго уѣзда, Гжельской волости, церкви святаго мученика Георгія попа Стефана съ прихожаны, на три престола; пошлинъ 10 алтынъ“ (Патр. Прик. кн. 31, л. 36).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. „въ деревнѣ Игнатовской, что на рѣчкѣ Доркѣ, погость, на немъ церковь Великомученика Георгія, у церкви во дворѣ попъ Алексѣй Алексѣевъ, во дв. дьячекъ Марко Максимовъ, во дв. дьячекъ Ѳедка Ивановъ, во дв. просвирица Наталья Ефремова; церковь построена изстари; пашнею церковною и сѣнными повосами, по писцовымъ книгамъ, владѣть попъ съ причетниками“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 201—202).

Въ 1717 г., „село Игнатьево въ дворцовой Гжельской волости, а въ селѣ церковь деревянная Великомученика Георгія, при церкви попъ Ѳеодоръ Ивановъ, попъ Андрей Марковъ, дьячки: Прокофій Максимовъ и Гавріилъ Абрамовъ“ (Переписн. кн. 1717 года, л. 442 об.).

22. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Гжели *).

Въ селѣ Гжели, находимся Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гжельской волости, въ началѣ XVII ст. были двѣ церкви деревянные, построенныя изстари, во имя Успенія Пресв. Богородицы и Дмитрія

*) Нынѣ есть Гжель Богородскаго уѣзда.

Селунскаго; послѣдняя стояла „пуста и обвалилась“. О церкви Успенія Пресв. Богородицы извѣстно по книгамъ Патр. Каз. Приказа съ 7136 (1628) г., въ которыхъ писалось такъ: „церковь Успенія Пресв. Богородицы въ селѣ Гжели, дани 26 алт., кормовая гривна“; за 7143 (1635) годъ—„дани рубль 31 алт. 2 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 185, кн. 196, л. 86).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) гт. въ Успенской церкви значится „пустошь, что была деревня, Клементьева, а въ ней пашни церковной паханой 2 чети съ третникомъ, да лѣсомъ поросло 12 чети безъ третника, сѣна 10 копенъ, сѣнокосныя поросли десятина; а владѣть нынѣ тою всею пустошью Успенской попъ Василій“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 351).

Въ 1646 г. при Успенской церкви были: „во дворѣ попъ Василій, во дв. дьячекъ Ермолю Ефремовъ, во дв. пономарь Ивашко Ефремовъ, во дв. просвирница; въ селѣ Гжели числилось 40 дв. крестьянскихъ, да на церковной землѣ 2 дв. бобыльскихъ (Переписн. кн. 9809, л. 65).

По дозорнымъ книгамъ Казен. Приказа 7188 (1680) г. „въ селѣ Гжели, на рѣчкѣ Гжелѣ, церковь Успенія Пресв. Богородицы деревянная, у церкви во дв. попъ Фаддей Прокофьевъ, во дв. дьячекъ Петрушка Ивановъ и попы Кириллъ и Фаддей сказали: построена де та церковь изстари, и данью обложена и церковная де пашня и сѣнные покосы есть, а насколько де чети пашни и сѣнныхъ покосовъ и то писано въ писцовыхъ книгахъ 139—141 (1631—1633) годовъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 201).

1701 года, сентября 11 выданъ антиминосъ, по благословенной грамотѣ, въ Московской уѣздъ, въ село Гжелъ въ новопостроенную церковь придѣль Николая чудотворца, той же церкви попу Карпу Кириллову (Патр. Прик. кн. 138, л. 206).

Подъ 1710—1717 гт. въ селѣ Гжели церковь каменная во имя Успенія Пресв. Богородицы, построенная, нужно полагать, въ 1701 г. (Переписн. кн. 1710 г., л. 403).

Въ Синод. Казенномъ Приказѣ производилось тѣло объ исправленіи въ селѣ Гжели каменной церкви во имя Успенія Пр. Богородицы. Дѣло началось по прошенію священника оной церкви Михаила Федотова да церковнаго старосты Гаврила Тимоеева съ приходскими людьми. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1736 г. декабря 1 дня, они писали: „въ нынѣшнемъ 736 году іюня во 2 день въ Московскомъ уѣздѣ въ дворцовой вашего императорскаго величества во Гжатской волости въ селѣ Гжели Божиимъ изволеніемъ поч-

ною порою церковь Божія погорѣла во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и въ предѣлѣ Николая чудотворца и изъ церкви святыя иконы и всякую утварь убирали, въ тѣхъ же церквахъ престолы и жертвенники сломали и отъ того божественная служба имѣется въ остановкѣ и чтобъ указомъ повелѣно было оныя престолы собрать и пономя освятить имѣющимися антимирами*.

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синод. Казенномъ Приказѣ на справку выписано: „по окладнымъ книгамъ жилыхъ данныхъ церквей сего 1736 года въ Вохонской десятинѣ написано: съ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ дворцовомъ селѣ Гжели, у пруда, данныхъ и пошлинъ 2 рубля 51 копейка по сей 1736 годъ плачены.

А въ писцовыхъ книгахъ московскаго уѣзда 141 году у оной церкви показаны дворы: поповъ, три причетниковыхъ, 98 дворовъ приходскихъ, церковной земли 10 четъ въ полѣ, а въ двупотомужъ, сѣна 50 копенъ; да въ переписной 1703 года книгѣ у той же церкви показано 2 попа, дьяконъ, дьячекъ, пономарь, церковной земли 14 четъ въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна 10 копенъ, да поросли сѣножоснаго десятина; приходскихъ 143 двора.

По этому дѣлу послѣдовала резолюція преосвященнаго Веніамина епископа Коломенскаго и Каширскаго: „дать о посвященіи указъ 1736 года декабря 3 дня. 1737 г. января 25 числа изъ Синод. Каз. Прик. выдалъ указъ Успенскому попу Михаилу Ѳедотову велѣно „въ показанной успенской церкви и въ придѣлахъ престолы построить въ вышину 1 ар. 4 вершк. въ длину 1 арш. 8 вершковъ, въ ширину 1 арш. 4 вер. и, построивъ, тѣ престолы освятить ему, попу Михаилу на имѣющихся антимирахъ, буде не ветхи и новопечатные“ (Патр. Прик. связ. 473 № дѣла 3000; кн. 401, л. 3).

При церкви Успенія Богородицы были священники: Петръ Карповъ и Михаилъ Ѳедотовъ 1717—1737 г., дьяконъ Степанъ Кирилловъ 1717—1722 г.; дьячки Варлаамъ Ѳедотовъ 1717 г. и Ѳедотъ Петровъ 1722 г. (Перепис. книга 1717 г. л. 403; Патр. Прик. кн. 377 л. 296 и 327).

23. Ц. Рождества Іоанна Предтечи съ предѣломъ Николая чудотворца въ селѣ Новомъ-Рождественѣ *).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго Дворца 7139—141 (1631—1633) гг. Московскаго уѣзда, въ Раменской волости „государево царево и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всеа русіи село

*) Нынѣ село Новое Рождествено Бронницкаго уѣзда.

Рождественое, на рѣкѣ Москвѣ, а въ селѣ Новомъ Рождественомъ, за озеромъ за Здегошемъ, на монастырской землѣ, что былъ монастырь Іоанна Предтечи, храмъ Великомученицы Парасковей, нарицаемая Пятницы, да въ предѣлѣ Николая чюдотворца, а тотъ монастырь отъ разоренья запустѣлъ; пашни монастырской 3 десятины, сѣна монастырскаго по Москвѣ рѣкѣ, да Монашкинъ лугъ, Славково тожъ, по озеро Перемышь, по крестьянскіе покосы, 3 десятины, въ томъ числѣ сѣнокосныя поросли полдесятины; да подлѣ Воронья плеса, вверху по Москвѣ рѣкѣ, по озерко Глушицу у Гладкаго лугу 3 десятины, да островъ Гуушица треть десятины, того жъ луга отмыло водою за рѣку Москву 2 десятины, а десятина съ третью въ проливѣ Москвы рѣки; въ монастырю пустошей: Обѣзжая, Смоленская Заводъ, что была вотчина Алексѣя Басманова, на Гремечемъ истока, и тою заводью владѣютъ села Синкова крестьяне, а сѣна на ней четверть десятины, лѣсной поросли десятина; пустошь пожня Козлиха, Ледениха тожъ, пол-десятины; а монастырская земля вся—пашня, луга и пустоши описаны на патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Русіи и нынѣ та монастырская земля на оброкѣ за Иваномъ Носовымъ, а оброкъ платитъ на государевѣ патріаршѣ дворѣ; да на монастырской землѣ во дворѣ попѣ Яковъ; пустошь Гора, по обѣ стороны Борисоглѣбскаго озера, а къ ней припущены починки: Зазерский и Филатовъ, что было за Трофимомъ Окороковымъ, пашни паханой, худой земли, 3 чети безъ третника, подлѣ церкви пашни паханой 3 чети съ третникомъ, перелогомъ 12 чети съ третникомъ, да лѣсомъ большимъ поросло 97 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнокосной поросли 7 десятинь безъ трети, лѣсу пашеннаго 10 десятинь, а не пашеннаго 15 десятинь, въ пустѣ 7 вытей полчети и полполчети выти“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 344—345).

7135 г. „апр. 14, по указу св. патр. Филарета Никитича, посланъ государевъ патріарховъ сынъ боярскій Осипъ Галасѣинъ въ москов. уѣздъ въ дворцовое село въ Новое Рождественное для рыбные ловли, дано на подводу прогону 11 денегъ вести неводъ“ (Патр. Прик. кн. 1, л. 299).

По книгамъ Патр. Каз. Приказа значитя: 136 (1628) г. „церковь Іоанна Предтечи, дани 10 алт. 3 ден., заѣзда 8 денегъ, кормовая гривна“; за 7143 (1735) и послѣдующіе годы — „церковь Рождества Іоанна Предтечи, да предѣлѣ Нилы чюдотворца государева дворцоваго села Новаго Рождественнаго дани 15 алт. съ деньгою, десятильничныхъ и заѣзда гривна, тѣ деньги платилъ Давыдовы пустыни игумень Онтоній“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 186, кн. 196, л. 86).

Церковныя земли, принадлежавшія церкви Іоанна Предтечи съ 4 отхожими пустошами, бывшія на оброкѣ у Івана Носова, да у крестьянъ деревень Клешевѣ и Бояршей, вслѣдствіе челобитья дворцоваго села Новаго Рождественнаго старосты Ариска Григорьева въ 7143 (1635) году, и по выпискѣ за помѣтою дьяка Максима Богданова, отданы церкви Іоанна Предтечи, что въ томъ селѣ Новомъ, попу на прокормленіе и на церковное строеніе, потому что та земля изстари тоя церкви Іоанна Предтечи, и оброкъ на нынѣшній 143 годъ имать не велѣно, а впредь съ Семенова дня 144 года оброкъ платить тояжъ церкви попу потомужъ, по 2 р. 31 алт. 4 деньги на годъ“ (Патр. Прик. кн. 55, л. 1121).

Подъ 7154 (1646) г. записано: въ селѣ Новомъ Рождественномъ церковь деревянная; у церкви во дворѣ попъ Никита, во дв. дьячекъ Івашко Васильевъ и дьячекъ Нифифоръ Семеновъ, во дв. пономарь Івашко Пахомовъ; на церковной землѣ дворъ бобыльскій; да въ селѣ крестьянъ 44 двора (Переписн. кн. 9809, л. 61—63).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. у церкви во дворѣ попъ Артемій (Самойловъ, во дв. дьячекъ Сергушка Аверкиевъ, во дв. пономарь Еуфимка Самойловъ, во дв. просвирица Меланьца Григорьева, церковной земли, сверхъ писцовыхъ книгъ, по грамотѣ 147 (1639) года мая 16 дня, за приписью дьяка Григорья Нечаева, пустошь Конищева Антошева тожъ, а къ ней пустошь Ерище, пашни паханой худой земли четь безъ третника, да лѣсомъ поросло 18 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, поросли десятина съ третью, лѣсу пашеннаго 3 десятины, не пашеннаго 8 десятинь, въ пустѣ выть и полчеть и полиполчети выти, а та церковная земля двѣ пустоши Конищевская и Ерище написано въ той грамотѣ въ прибавку“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 211—213).

Въ 1710 г. село Ново-Рождественское по именному указу изъ Приказа Большаго Дворца отдано на оброкъ Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а въ 1722 г. оно пожаловано ему въ вѣчное владѣніе (Вотч. Колл. по гор. Москвы ст. л. кн. 38, № дѣла 20).

Въ записной книгѣ Синод. Казеннаго Приказа исходящихъ бумагъ за 1728 г. значится: „мая 20 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину велѣно, по его обѣщанію, въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ его, въ селѣ Новорождественскомъ, вмѣсто деревянной церкви, построить вновь каменную церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, да предѣль Николая чудотворца; поплинь 6 алтынъ 4 деньги и нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прик. кн. 315, л. 27).

При церкви Иоанна Предтечи въ 1710 г. были: священникъ Михаилъ Сергѣевъ, дьячекъ Евфимій Сергѣевъ и пономарь Алексѣй Евфимовъ.

Послѣ графа Ивана Алекс. Мусина-Пушкина селомъ владѣлъ въ 1730 г. его сынъ Платонъ, а въ 1783 г. князь Михаилъ Никитичъ Волинскій (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 67, № дѣла 4 и мол л. кн. 60, № дѣла 25).

24. Ц. Рождества Христова въ селѣ Быковѣ, у озера *).

Христорожественская церковь въ селѣ Быковѣ, построенная изстари, находилась въ началѣ XVII ст. въ Московскомъ уѣздѣ. По окладнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа извѣстно за 7136 (1628) г. „церковь Рождества Христова великаго государя въ дворцовомъ селѣ Быковѣ, у озера, дани 8 алт. 3 ден., заѣзда 9 денегъ, кормовая гривна“; за 7143 (1635) г. „дани 2 руб. 12 алт. 2 ден., заѣзда гривна“. (Патр. Прик. кн. 2, л. 186, кн. 196, л. 86 об).

По писцовымъ книгамъ 139—141 (1633) гг. „пашни паханья церковныя худья земли 6 чети безъ полутретника, да перелогомъ 3 чети безъ третника, да лѣсомъ поросло четь безъ третника въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна подь селомъ Быковымъ, за озеромъ подлѣ лужи Петрищъ 4 десятины, да за деревнею Коломцомъ, промежъ государевыхъ луговъ, 6 десятинь“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 344). Въ 7141 (1633) г. въ приходѣ церкви Рождества Христова находилось 55 дворовъ. Въ 7154 г., въ семь Быковѣ: „у церкви во дворѣ попъ Иванъ, во дв. земской и церковной дьячекъ Андрюшка Никитинъ, во дв. пономарь Андрюшка Яковлевъ, на церковной землѣ 2 дв. бобыльскихъ; да кошельничихъ рыбныхъ ловцовъ 21 дворъ; къ тому же селу деревни: Верея, Коломецъ и Власова“ (Патр. Прик. вязка 460, № дѣла 1646 и по Москов. уѣзду переписн. кн. 9809, л. 50).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. „у церкви Рождества Христова попъ Лазарь Терентьевъ, дьячекъ Ѳедка Ѳедоровъ, пономарь Васка Елизарьевъ и просвирица; церковною землею владѣть попъ съ причетниками по писцовымъ книгамъ 139—141 годовъ“ (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 215—216).

По переписнымъ книгамъ 1703 г., въ приходѣ Христорожественской церкви состояло 49 дворовъ, пашни церковной худой земли 10

*) Нынѣ село Быково, Бронницкаго уѣзда.

четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна подѣ селомъ Быковымъ за озеромъ подѣ лужи Петрищъ 4 десятины, да за деревнею Коломцомъ, противъ государевыхъ луговъ, 5 десятинь (Патр. Прик. вязка 460 № дѣла 1646).

1704 г. генваря въ 19 день, по благословенной грамотѣ, данъ антиминосъ въ новопостроенную церковь во имя Рождества Христова, въ село Быково, тояжъ церкви попу Леонтію Терентьеву (Патр. Прик. кн. 138, л. 245).

Подѣ 1710 г. въ селѣ Быковѣ церковь Рождества Христова каменная *) (Перепис. кн. 1710 г. № 8, л. 603). При церкви были священники: Леонтій Терентьевъ 1703—1717 г. Иванъ Леонтьевъ 1717—1737 г., бѣвшій при оной же церкви дьякономъ въ 1703—1710 г.; дьяконъ Кондратій Леонтьевъ 1717—1722 г., дьячки: Викуль Ѳеодоровъ 1703—1717 г., Егоръ Викуловъ 1722 г., пономарь Ѳеодоръ Петровъ 1722 г. и просвирница.

25. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Никольскомъ.

По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ Московскаго уѣзда, въ Почерневѣ стану, находилась „вотчина Колоцкаго монастыря, что въ Можайскѣ, по приправочной книгѣ Ондreja Сабурова 79 (1571) года, деревня, что было село Никольское, а дано на строеніе Василю Стрешневу; а въ деревнѣ дворъ его Васильевъ да пустошь, что была деревня Клямова, пустошь, что была деревня, Горбунова и пустошь, что была дер. Радюкина“ (Писцов. кн. 261, л. 237).

Между 1633—1635 гг. въ деревнѣ Никольской построена новая церковь во имя Николая чудотворца, отъ чего Никольское и стало по прежнему селомъ. Въ приходныхъ окладныхъ книгахъ Патр. Приказа за 7143 (1635 г.) написано: „церковь Николы чудотворца въ вотчинѣ стольника Василя Ивановича Стрешнева, въ селѣ Никольскомъ, дани 12 алт. 4 деньги, десятильничихъ и заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 196, л. 86 об).

Въ 7154 (1646) г. селомъ Никольскимъ владѣлъ бояринъ Василій Ивановичъ Стрешневъ; при церкви былъ черный попъ Ефремъ съ братією (Переписн. кн. 9809, л. 418 об). Въ 7176 (1668) г. игуменъ Колоцкаго монастыря Іона съ братією село Никольское съ пу-

*) Полагаемъ, что ц. Рождества Христова каменная построена въ 1704 году.

стошами промѣнилъ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукову на Клинскую его вотчину и за нимъ княземъ Долгоруковымъ, того же года, утверждено отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: „въ селѣ церковь деревянная во имя Николая чудотворца“ (отказн. кн. 9, № 118).

Въ книгѣ Каз. Прик. подъ 7176 (1678) годомъ отмѣчено: „съ Николаевской церкви данныхъ денегъ по прежнему овладу иматъ не велѣно, а обложена вновь; а по перепискѣ старосты поповскаго попа Іеремія на сю церковь положено дати съ попова, съ дьячкова, да съ 7 дворовъ крестьянскихъ скудныхъ, по указной статьѣ, 3 алтына съ деньгою, заѣзда гривна, а пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви нѣтъ“. Въ 1670 г. при Николаевской церкви были: попъ Дмитрій Назарьевъ, дьячекъ Ивашко Терентьевъ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 240).

По смерти князя Юрія Алексѣевича Долгорукова село Никольское принадлежало его сыну князю Михаилу, а отъ него перешло въ 1682 г. къ его сыну князю Петру Михайловичу Долгорукову (Вотч. Колл. ст. л. кн. 52, № дѣла 39).

Въ 1698 г., по распоряженію Казеннаго Приказа „на церковь Николая чудотворца вновь положено дани съ пашни съ 10 чети, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 8 алтынъ 2 деньги, всего старой и новой дани 11 алт. 3 деньги, заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 167, л. 648).

Въ 1704 г. въ селѣ Никольскомъ находились „дворъ вотчинниковъ, 9 дв. конюховъ и 14 дв. крестьянскихъ“ (Перепис. кн. 9817, л. 785 об).

Послѣ князя Петра Мих. Долгорукова селомъ владѣли: его сынъ кн. Сергѣй (1720—1734 г.) и кн. Владимиръ Петровичъ Долгоруковъ (1734—1754 г.), у послѣднаго кромѣ сего находилось во владѣніи село Архангельское Московскаго уѣзда (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 85, № дѣла 16).

При Николаевской церкви были священники: Иванъ Герасимовъ 1704—1716 г., Андрей Григорьевъ 1717—1726 г., дьячки: Данилъ Назаровъ 1704 г. и Егоръ Спиридоновъ 1726 г.

26. Ц. Происхожденія честнаго Креста Господня въ селѣ Кусковѣ *).

Село Кусково въ 1577 г., находившееся Московскаго уѣзда, въ Васильцовѣ стану, принадлежало боярину Ивану Васильевичу Шере-

*) Нынѣ село Кусково, Московскаго уѣзда.

метеву. По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) гг. значится: „старинная вотчина боярина Ѳедора Ивановича Шереметева; въ селѣхъ церковь во имя Происхожденія честнаго Креста Господня, да предѣлъ Николы чудотворца, да Фрола и Лавра древяна клѣтцки, а въ церкви образы, и книги и ризы и на колокольнѣхъ колоколы строеныя боярина Ѳедора Ивановича Шереметева; въ селѣхъ дворъ боярина, да дворъ животинный, живутъ дѣловые люди; у церкви во дворѣ попъ Иванъ Ѳедоровъ, во дворѣ дьячекъ Савка Игнатьевъ, во дворѣ пономарь Ивашко Ѳедоровъ, во дворѣ просвирница Марьица, да въ селѣхъ прудъ, да другой прудъ на полѣ“ (Писцов. кн. 9806, л. 1051. и кн. 255, № 8).

По окладнымъ книгамъ Патр. Казеннаго Приказа: церковной дани съ сей церкви платилось въ патриаршую казну за 1635—1711 гг. 9 алт. съ деньгою, заѣзда гривна, а съ 1712—1739 г. „дани и заѣзда 22 алт. 3 деньги (Патр. Прик. кн. 196, л. 86, и кн. 397).

Бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ отказалъ свою вотчину по духовному завѣщанію 1649 г., племяннику своему боярину Василию Петровичу Шереметеву, а отъ него перешло въ 1661 г. къ его сыну Петру (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 41, № дѣла 8).

Въ 1688 г. при церкви были „попъ Аввакумъ Ларионовъ и дьяконъ Семенъ Андреевъ, а служатъ у той церкви изъ руги“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 275).

7190 г. генваря въ 17 день, по указу в. г. царя и в. к. Ѳеодора Алексѣевича (т.), изъ Помѣстнаго Приказу боярину Петру большому Васильевичу Шереметеву на погребеніе сына ево стольника Ивана (выдано) триста руб., а въ доямку тѣхъ денегъ не писать. Великаго государя указъ сказалъ окольнічей князь Иванъ Михайловичъ Корободиновъ; а о томъ великаго государя указъ за помѣтою дьяка Григорья Близнакова въ расходномъ столпу. Тѣ деньги триста руб. бояринъ Петръ Васильевичъ большой Шереметевъ взялъ, а росписался человѣкъ его Левка Суринъ (Помѣст. Прик. расх. кн. № 4284).

По смерти боярина Петра Вас. Шереметева село Кусково досталось въ 1691 г. его сыну Владиміру, а отъ него оно продано въ 1715 г. родному брату Борису Петровичу Шереметеву. Онъ при жизни написалъ духовное завѣщаніе, по которому все недвижимое имѣніе отказалъ сыну своему Петру *) (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л., кн. 41, № дѣла 8, отказн. кн. 20, № 17).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Кусковѣ каменной церкви. Дѣло началось по про-

*) Содержаніе духовнаго завѣщанія приводимъ дословно. См. приложение.

шенію капитанъ поручика графа Петра Борисовича Шереметева. Въ прошеніи, поданномъ въ Каз. Приказъ, 1737 года, мая 25 числа, ояъ, гр. Шереметевъ, писалъ: „въ вотчинѣ моей, въ московскомъ уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, въ селѣ Кусковѣ, имѣется церковь деревянная во имя Происхожденія честнаго Креста Господня, которая нынѣ весьма обветшала и за ветхостію въ оной церкви служить невозможно, а нынѣ я желаю, вмѣсто оной ветхой церкви, въ томъ же селѣ построить вновь церковь каменную во имя того же храма и чтобъ указомъ повелѣно было о строеніи оной каменной церкви дать указъ“.

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синодальномъ Каз. Приказѣ на справку выписано: „въ окладной книгѣ жилыхъ данныхъ церквей сего 1737 года, въ Вохонской десятинѣ написано: съ церкви Происхожденія честнаго Креста Господня съ предѣломъ въ вотчинѣ боярина Петра Васильевича Шереметева, въ селѣ Кусковѣ, у пруда, дани и пошлия 84½ коп., по сей 737 годъ плачены, а въ писцовыхъ книгахъ 141 (1633) года у оной церкви показано: дворъ поповъ, въ приходѣ 20 дворовъ, а въ 1703 г.—15 дворовъ.“ Резолюція: „дать храмозданную грамоту, 1737 году іюня 2 дня“.

Того же года іюня 6 числа выданъ указъ изъ Синод. Каз. Приказа графу Шереметеву „о построеніи въ селѣ Кусковѣ, на старомъ церковномъ мѣстѣ, вновь каменной церкви; пошлия 10 коп. одна восьмая взято“ (Патр. Прик. вѣзка 475, № дѣла 3188; кн. 401, л. 24 и кн. 410, л. 2).

При церкви были священники: Семекъ 1691 г., Иванъ Аввакумовъ 1704—1726 г., дьяконъ Матвій Семеновъ 1726 г.; дьячки: Аванасій Степановъ 1691 г., Григорій Петровъ 1704 г. и Василій Ивановъ 1726 г.

27. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на погостѣ, у рѣчки Рудни, въ Раменцѣ *).

Церковь Рождества Богородицы „на погостѣ въ Раменцѣ, у рѣчки Рудни“, построенная изстари, находилась въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ дворцовой Гуслицкой волости; по окладу 7136 (1628) г. „дани 9 алт. намѣстничихъ 5 алт., заѣзда алтынъ, десятильничихъ, гривна“; за 1635—1711 гг. „дани рубль 9 алт., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 186 и кн. 196, л.

*) Нынѣ погостъ Рудня (Рудневскій) Богородскаго уѣзда.

По писцовымъ книгамъ 141 (1633) года: церковь Рождества Богородицы деревянная, у церкви дворы: поповъ, дьячковъ, просвириниъ, въ приходѣ 41 дворъ; пашни церковной земли 3 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ; въ 1646 г.—„у церкви во дворѣ попъ Митрофанъ, во дв. дьячекъ Елифанко Родіоновъ“ (Патр. Прик. вазка 467, № дѣла 2415 и переписн. моск. уѣзда кн. 9809, л. 76 об).

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „въ Гуслицкой волости, у рѣчки Рудни, на погостѣ Раменцѣ церковь Рождества Богородицы древяная, у церкви во дворѣ попъ Козма Флоровъ, да дьячекъ Провка Флоровъ; церковь построена изстари, а пашни владѣеть попъ къ той церкви на 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна на 50 копенъ, лѣсу нашеннаго и непашеннаго въ длину на версту, а поперегъ тожъ“ (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 192).

7199 (1691) г. августа 8, по благословенной грамотѣ данъ антиминсъ во освященію церкви Рождества Пресв. Богородицы великихъ государей въ дворцовую Гуслицкую волость, въ Московскій уѣздъ, тояжъ церкви попу Прокопію (Патр. Прик. кн. 138, л. 17).

Въ 1710 г. „на погостѣ, на рѣчкѣ Руднѣ церковь Рождества Богор. деревянная, рублена клѣтцки, объ одной главѣ, а на главѣ крестъ желѣзной позолоченъ сусальнымъ золотомъ, а въ церкви царскія двери, сѣны и столбцы столярные, золочены, по правую сторону царскихъ дверей мѣстныхъ иконъ: образъ Всемиловитаго Спаса, вѣнецъ съ сіяніемъ и гривенка серебряные, чеканные, золочены, образъ Рождества Пресв. Богородицы, вѣнецъ съ короною гладіе и съ перьями, въ привѣсѣ крестъ серебряной, другой вѣнецъ съ короною и съ гривенкою, золочены, на томъ же образѣ пять вѣнцовъ басемныхъ образъ Ниволая чудотворца въ житіи, на немъ вѣнецъ и гривенка серебряныя, рѣзные, образъ св. великомуч. Парасковей нарицаемая Пятницы, на немъ вѣнецъ и гривенка серебряныя, рѣзные, образъ св. пророка Іліи писанъ на краскахъ; по другую сторону царскихъ дверей: образъ Рождества Пресв. Богор. окладъ серебряной, риза литая чеканная, вѣнецъ серебряной, убрусъ у ризы низаной жемчугомъ, въ привѣсѣ шесть крестовъ, перстень серебряные, да денегъ рубль, образъ Богородицы Казанскія, образъ св. мученикъ Фрола и Лавра, писаны на краскахъ; надъ южными дверьми образъ Воскресенія Христова, въ кіотѣ, окладъ серебряной, да 8 вѣнцовъ малыхъ серебряныхъ, на южныхъ дверяхъ образъ Архидіакона Стофана, а тѣ образы поставлены въ кіотѣ столярномъ, золоченомъ, передъ мѣстными образы шесть лампадъ мѣдныхъ, въ деисусѣ: апостоловъ и праздни-

ковъ одинъ ярусъ, передъ спасительнымъ образомъ поликадило мѣдное, двѣ хоругви, на двѣхъ образы Божоявленія Готподне, да Благовѣщеніе Пресв. Богородицы; въ алтарѣ на престолѣ два евангелія—одно въ дестъ обложено бархатомъ краснымъ, распятіе и евангелисты серебряные, другое евангеліе въ дестъ обложено бархатомъ, распятіе и евангелисты серебряные рѣзные, крестъ благословенной, распятіе чеканное, обложено серебромъ басемнымъ, ковчегъ оловянный, за престоломъ два креста выносныхъ большихъ писаны на краскахъ, за престольный образъ Богородицы Владимирскія, на другой сторонѣ, на оборотѣ образъ Николая чудотворца въ окладѣ, вѣнцы серебряные, рѣзные, другой образъ за престольный же Богородицы Одигитрія Смоленской, на оборотѣ образъ чудотворца Николая, оклады басемные, вѣнцы и гривенки рѣзные, за престоломъ же образъ Всемиловаго Спаса, на немъ вѣнецъ и гривенки басемные, образъ Рождества Богородицы, образъ Архидіакона Лаврентія писаны на краскахъ; на жертвенникѣ сосуды серебряные, рѣзные. Завѣсь крашенниной, чаша водосвятная, укропникъ и два кадила мѣдныхъ. Книгъ: апостолъ, октой на 8 гласовъ, двѣ псалтири со вослѣдованіемъ, минея общая съ праздники, двѣ тріоды—цвѣтная и постная, требникъ большой, служебникъ евангеліе воскресное, житіе чудотворца Николая. Въ трапезѣ образъ Богородицы есъмъ скорбящимъ. Колокольня рубленая восьмигранная, на ней три колокола“ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 53, № дѣла 11, л. 61).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1713 годъ, значить: „августа въ день, запечатавъ указъ о освященіи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда, Гуслицкой волости, Рождественскаго попа Прокопія Фролова, велѣно въ Московскомъ уѣздѣ, въ той же волости, церковь Рождества Богородицы освятить Большаго Успенскаго собора протопупу съ братією и антиминь въ тое церковь выдать; за полотно деньги взяты“ (Шатр. Прик. кн. 438, л. 33).

Въ 1742 г. на погостѣ на рѣчкѣ Рудни находились двѣ церкви деревянныя во имя Рождества Пресв. Богородицы и св. Николая Чудотворца. При нихъ были священники Прокопій Фроловъ 1703—1715 г. Петръ Прокопьевъ 1726 г. и Василій Петровъ 1742 г.; дьяконъ Семенъ Григорьевъ 1726—1742 г., дьячки: Ермилъ Якимовъ 1703 г., Степанъ Прокопьевъ 1710—1742 г.; пономари: Василій Нивифоровъ 1726 г., и Иванъ Степановъ 1742 г. (Отказн. кн. 33, № 10, л. 52, по гор. Москвѣ, переписн. кн. 1715 г., л. 618).

28. Ц. Михаила Архангела на погостѣ Архангельскомъ, на рѣчкѣ Доркѣ *).

Московского уѣзда въ дворцовой Раменской волости, въ XVI ст. находился погостъ, на которомъ издревле существовала церковь Михаила Архангела, разоренная въ началѣ XVII ст. Въ писцовыхъ книгахъ Приказа Большаго двора 7139—141 (1631—1633) годовъ, говорится: „а что въ волости Раменницѣ былъ погостъ, а на погостѣ церковь Михаила Архангела, и той церкви на томъ мѣстѣ нѣтъ“, пашни къ той церкви пустошь, что была деревня Григорьевская, а въ ней пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣна по рѣкѣ по Доркѣ 50 копенъ, лѣсу пашеннаго 5 десятинъ, а непашеннаго 8 десятинъ и та земля отписана на великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всея Росіи“ (Патр. Прик. дозори. кн. 141, л. 349).

Церковная земля отдавалась въ оброкъ и въ оброчныхъ книгахъ Каз. Приказа за 7146 (1638) писалось такъ: „съ церковной земли Архангела Михаила, что въ Раменницѣ, на рѣкѣ Доркѣ, князь Дмитрія Петровича Пожарскаго на крестьянинѣ села Софонова на Антошкѣ Кузнецовѣ, оброку рубль 6 алт. 4 ден“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 102 об).

На старомъ церковномъ мѣстѣ погоста Архангельскаго въ 1641—1642 годахъ построена новая деревянная церковь во имя Михаила Архангела, которая стояла въ 1646 г. „безъ пѣнія“, при церкви въ то время попа не было, а находился одинъ дьячекъ Гришка Кузминъ. Церковной дани положено 5 алт. 2 деньги, заѣзда гривна а тѣ даяныя деньги съ 1642 по 1651 годъ въ патріаршую домовую казну плачены сполна и церковную землю въ оброкъ отдавать не велѣно“ (Патр. Прик. кн. 25, л. 775 и 873 об. Переписк. кн. 9809, л. 63).

7169 (1661) г. марта 29 дня, по распоряженію Казеннаго Приказа, церковная земля церкви Архангела Михаила, впредь до опредѣленія къ оной церкви попа, отдана по прежнему въ оброкъ той же церкви бывшаго попа дѣтамъ Мишиѣ да Максимѣ, а велѣно имъ платить за оброкъ данью рубль 6 алт. 4 деньги въ годъ“. Въ 1771 (1663) г. владѣли землею прихожане той же церкви изъ того же оброка (Патр. Прик. кн. 50, л. 227, кн. 53, л. 228 об.).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года:

*) Имя погостъ Архангельскій въ Доркахъ (Дорки), Бронницкаго уѣзда.

„при церкви были попь Семенъ Андреевъ, дьячекъ Родка Андреевъ, у которыхъ находилась во владѣннй церковная земля по писцовымъ книгамъ 139—141 годовъ“ (Патр. Прик. доворн. кн. 141, л. 199—200).

Въ 1717 г. церковь Архангела Михаила деревянная. При церкви были священники: Семенъ Андреевъ 1704 г., Никита Родіоновъ 1710—1717 г.; дьячки: Лука Семеновъ 1710—1717 г., пономарь Борисъ Андреевъ 1710—1717 г. (Переписн. кн. 9817, л. 144 об. и кн. 1717 года, л. 644).

29. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Демидовѣ — Купавна тожъ *).

По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, Московскаго уѣзда, въ Доблинскомъ стану, находилась вотчина „за бояриномъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, по жалованной грамотѣ 128 (1620) года, что ему дано за Московское осадное сидѣнье въ королевичевъ приходъ, что было въ помѣстьи за Игнатъемъ Юматова, а послѣ было за Иваномъ Леонтьева, деревня Демидова, а Хупавна тожъ, на рѣчкѣ Хупавнѣ, а въ ней дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащика и 11 дворовъ крестьянскихъ“ (Писцов. кн. 9805, л. 89—90).

Въ этой деревнѣ была построена между 1642—1646 годами деревянная церковь во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ Похвалы Пресв. Богородицы, отъ чего деревня и стала селомъ, которымъ владѣли послѣ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго его дѣти стольники князя Петръ и Иванъ. При Троицкой церкви въ 1646 г. были: „во дворѣ попь Иванъ, во дв. дьячекъ Левка Обросимовъ, во дв. пономарь Сидорко Обросимовъ, во дв. просвирица Степанидеа; да въ селѣ числилось крестьянскихъ и бобыльскихъ 34 двора, въ нихъ 65 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 15, № дѣла 21; переписн. кн. 9809, л. 410—411).

Въ приходныхъ книгахъ Патр. Приказа написано: „по книгамъ Вохонской десятины сбору десятильника Еремѣя Наговицына, да старосты поповскаго Рождественскаго попа Ивана, прибыла вновь, въ нынѣшнемъ во 155 (1647) году, церковь Живоначальныя Троицы, да въ предѣлѣ церковь Похвалы Пресв. Богородицы въ вотчинѣ стольника князя Ивана Дмитріевича Пожарскаго, въ селѣ Хупавнѣ, дани 7 алт., десятильничихъ и заѣзда гривна, и мая въ 6 день тѣ деньги платилъ староста попь Иванъ“ (Патр. Прик. кн. 21, л. 226).

*) Нынѣ село Буавино (Демидово), Богородскаго уѣзда.

Послѣ кн. Ив. Пожарскаго село Купавно въ 1668 г. отказано женѣ его вдовѣ княгинѣ Прасковѣ Михайловнѣ *) съ сыномъ княземъ Юріемъ Ивановичемъ и дочерьми кн. Аграфеною и Анною. Въ 1678 г. при Троицкой церкви упоминается другой придѣлъ во имя Преподобнаго отца Георгія, иже въ Малѣхъ; „у церкви во дворѣ поцъ Ѳедоръ Родіоновъ съ дѣтьми: Василемъ, Аонасьемъ и Алексѣемъ; во дворѣ просвирица Аѳимья; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ, 23 двора крестьянскихъ и 12 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 105 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ отказн. кн. 9, № 150; переписн. кн. 9813, л. 488—489).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „въ вотчинѣ князя Юрья княжѣ Иванова сына Пожарскаго въ селѣ Хупавнѣ церковь св. Троицы, да въ предѣлѣ Похвалы Богородицы, у церкви поцъ Ѳедоръ Родіоновъ; папіни папеть онъ, поцъ, по десятиѣ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна косятъ по 15 копенъ, а та земля вотчинникова, а не церковная“ (Патр. Прик. кп. дозор. 141, л. 236).

Послѣ князя Юрія Ив. Пожарскаго вотчина отдана въ 1682 г. женѣ ево вдовѣ княгинѣ Настасѣ въ пожизненное владѣніе, а по смерти ея причислена къ дворцовому вѣдомству. Въ 1687 г. по указу великихъ государей изъ Приказа Большаго Дворца* подъячимъ Лукою Баженовымъ отказано боярину князю Ивану Борисовичу Репнину „село Демидово, а Купавна тожъ, на рѣчкѣ Купавнѣ, а въ немъ церковь во имя Пресвятыя Троицы, а въ церкви Божія милосердія образы: образъ Пресв. Троицы въ кіотѣ, окладъ серебряной басемной золочень, вѣнцы и цаты серебряные съ камушки, на кіотѣ на поляхъ и на коронѣ травы оловянные литыя, на слюдѣ, передъ образомъ свѣча поставная восковая расписана красками, образъ Покрова Пресв. Богор. писанъ на краскахъ, вѣнецъ серебряной, басемной, кіотъ деревянной, травы оловянные литыя, на слюдѣ, передъ образомъ подсвѣшникъ деревянной посеребренъ, образъ Пресв. Богородицы въ моленіи Святые писанъ на краскахъ, образъ Предтечи Іоанна, да чудотворца Николая, да св. Флора и Лавра писанъ на краскахъ, у сѣвѣрныхъ дверей образъ Похвалы Пресвятыя Богор., кіотъ деревянной, травы оловянные литыя, на слюдѣ, передъ образомъ свѣча поставная восковая, писана красками, на сѣверныхъ дверяхъ образъ Благоразумнаго разбойника. возлѣ сѣверныхъ дверей образъ Петра Александрійскаго, писанъ на

*) Въ другомъ мѣстѣ подъ 1668 г. значится: у окольного князя Ивана Дмитріевича жена Аксинья Ивановна (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 15. № дѣла 21.

краскахъ, кіотъ деревянной; на вѣлохъ: образъ Пресв. Троицы писанъ на краскахъ, окладъ басемной золоченъ, вѣнцы и цаты гладкіе, другой образъ Похвалы Богородицы окладъ и вѣнцы гладкіе, образъ Воскресенія Христова, окладъ басемной; да въ деисусѣ 13 иконъ надъ ними дванадцатые праздники писаны на однихъ цкахъ, на краскахъ; двери царскія и столбцы писаны на краскахъ, передъ деисусомъ паникадило мѣдное не большое о 12 подсвѣшникахъ, кисть шелковая; хоруговь, на ней образъ Пресв. Богор., а на другой сторонѣ образъ Архистратига Михаила писанъ на краскахъ, да въ церкви 20 иконъ пятницъ, не окладныхъ; въ олтарѣ за престоломъ образъ Пресв. Богородицы, окладъ серебряной басемной, вѣнецъ и цата серебряные, рѣзные, золочены, на другой сторонѣ образъ св. Николая чудотворца, вѣнецъ басемной, на престолѣ евангеліе печатное въ десть, евангелисты серебряные басемные, золочены, оболочено бархатомъ зеленымъ застежки мѣдныя, крестъ благословящій обложенъ серебромъ басемнымъ, другой крестъ писанъ на краскахъ, на жертвенникѣ сосуды оловянные, въ олтарѣ жъ двери и столбцы, да въ сѣвернымъ дверямъ образъ пророка Даніила писанъ на краскахъ. Чаша водосвятная, два кадила, укрошникъ мѣдные. Ризы тафтяныя, осиновыя, оплечье отласъ золотной, ризы камчатныя, цвѣтныя, лазоревыя. Книгъ печатныхъ: псалтирь со вослѣдованіемъ, двѣ тріоди—постная, да цвѣтная, шестодневъ, миная общая, апостолъ, прологъ, требникъ, да житіе Николая чудотворца, служебникъ и часословъ. Да въ трапезѣ: образъ Пресв. Троицы писанъ на краскахъ, другой образъ Николая чудотворца окладъ басемной, мѣдной, вѣнцы сребренныя басемныя, золочены. На кокольникѣ 4 колокола не большіе. У той же церкви два придѣла не освящены. Да въ селѣ у церкви во дворѣ попъ Ѳеодоръ Родіоновъ у него дѣти: дьячекъ Афанасій и понамарь Алексѣй; да крестьянъ 36 дворовъ“ (Отказн. кн. 21, л. 10—22, по гор. Москвѣ).

По смерти князя Ивана Борисовича Репнина село Купавно принадлежало въ 1688 г. его сыну князю Андрею; въ селѣ числилось въ 1704 г. 41 дворъ крестьянъ, въ нихъ 175 челов.; въ 1705—1710 г.—женѣ князя Андрея Ив. Репнина вдовѣ Татьянѣ Алексѣевнѣ; въ 1726 г.—князю Аникитѣ Ивановичу Репнину, въ 1743 г.—его сыну князю Василию, послѣднимъ село Купавно продано въ 1744 году первой гильдіи купцу, содержателю шелковой фабрики, Даніилу Яковлевичу Земскому (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ мол. л. кн. 15, № дѣла 27 и переписн. кн. 9817, л. 285).

Въ 1726 г. церковь св. Троицы въ селѣ Купавнѣ деревянная; при ней были священники: Афанасій Ѳеодоровъ 1701—1720 г. и Ро-

манъ Афанасьевъ 1726 г., бывшій при оной же церкви во дьячкахъ въ 1710—1720 гг., дьячекъ Василій Афанасьевъ 1726 г.

30. Ц. Владимірскія Пресвятія Богородицы въ селѣ Богородскомъ, Красковъ *).

По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ Московскаго уѣзда „въ Обарничѣ стану находилась вотчина „за вдовою Матреною Ѳедоровскою женою Краснова, по купчей, что купилъ мужъ еѣ Ѳедоръ у Савы Тараканова во 123 (1615) году, что было прежде того въ помѣстьи за княземъ Михаиломъ Ростовскимъ, да за Яковомъ Стромиловымъ, да за Андреемъ Гороховымъ, деревня Малышева, на рѣчкѣ Пехоркѣ, а въ ней дворъ вотчиниковъ и 4 двора бобыльскихъ, пустошь, что была деревня Черленикова, а Краскова тожь, пустоши: Малахова и Опарина“ (Писцов. кн. 261, л. 194—195). Въ 1632 г., вдова Матрена Краснова продала свою вотчину Якову Михайловичу Милославскому, а въ 1636 г. куплено княземъ Андреемъ Андреевичемъ Голицынымъ, отъ него перешло къ его сыну князю Василю. При этомъ владѣльцѣ окло 1649 года на землѣ пустоши Черленикова, а Краскова тожь, поселены были крестьяне и пустошь названа деревнею, подлѣ которой построена потомъ церковь во имя Владимірскія Пресв. Богородицы, отъ чего по церкви и была селомъ Богородскимъ.

Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7157 (1649) г. написано: „по книгамъ Вохонской десятины сбору десятильника, да старосты поповскаго Селинской волости Покровскаго попа Василя прибыла вновь церковь Владимірскія Пресвятія Богородицы въ Обарничѣ стану, на рѣчкѣ Пехоркѣ, въ вотчинѣ стольника князя Василя Андреевича Голицына, данн 3 алт. 5 ден., заѣзда гривна, и марта въ 8 день тѣ деньги платилъ староста поповскій попъ Василій“ (Патр. Прик. кн. 26, л. 243).

Въ 1657 г. жена князя Василя Андреевича Голицына вдова княгиня Татьяна отдала село Богородское съ деревнею Красковою въ приданое дочери своей княжнѣ Иринѣ Васильевнѣ, при выходѣ за мужъ за князя Юрія Петровича Трубецкаго и за нимъ утверждено отказною книгою 1672 года, въ которой между прочимъ говорится: „въ селѣ Богородскомъ церковь деревянная шатровая во имя Срѣтенія Пресв. Богор. Владимірскія, а въ церкви образы, и книги, и на

*) Нынѣ село Богородское-Красково Московскаго уѣзда.

колокольнѣ колокола и всякое церковное строеніе вотчинниково, у церкви пощъ Михайѣ“ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 5, № дѣла 10; отказн. кн. 7, № 121). Въ 1678 г., въ селѣ Богородскомъ находились: дворъ боярскій кн. Юрія Трубецкаго съ 10 челов. ка-
бальныхъ людей и дворъ скотный; а въ деревнѣ Красковѣ 9 дв. кре-
стьянскихъ съ 27 челов. При церкви были въ 1678—1680 г. свя-
щенникъ Михаилъ Фалелѣвъ и дьячекъ Маркъ Сидоровъ; „церковной
земли нѣтъ, а служить пощъ изъ руги“ (Переписн. кн. 9813, л. 504—
505 и Патр. Прик. довор. кн. 141, л. 219).

По смерти боярина князя Юрія Петр. Трубецкаго имѣніе доста-
лось въ 1681 г. его дѣтямъ князьямъ Ивану и Юрію; они между со-
бою имѣніе раздѣлили въ 1697 г. и послѣднему досталось село Бо-
городское съ дер. Красковою. Въ 1704 г. въ селѣ находились: „дворъ
вотчинниковъ кн. Юрія Юрьевича, дворы прикащичій, скотный и ко-
нюшенный, въ нихъ 30 челов., и 10 дворовъ крестьянскихъ съ 32
челов., переведенными изъ деревни Красковой. (Переписн. кн. 9817,
л. 241—242). Послѣ кн. Юрія Юр. Трубецкаго селомъ Богородскимъ,
Брасково тожъ владѣли въ 1755 г. его сынъ князь Никита Юрье-
вичъ и въ 1781 г.—родной внукъ князь Василій Никитичъ Трубецкіе
(Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 5, № дѣла 10, кн. 50,
№ дѣла 6).

При церкви Владимірскія Пресв. Богор. были священники: Фе-
доръ Агафонниковъ 1691 г., Никифоръ Агафонниковъ 1704—1715 г.,
Артемій Авванумовъ 1716—1726 г., бывший дьякономъ при оной цер-
кви въ 1704—1715 гг., дьяковъ Иванъ Никифоровъ 1716—1726 г.,
дьячки: Анимъ Семеновъ 1704 г., Михай Акимовъ 1720—1726 г.

31. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Улуповѣ, Зю- жно тожъ *).

Въ 7131 и 7132 (1623—1624) г. Московскаго уѣзда, въ Камен-
скомъ стану находился „погостъ Рождественской въ Улуповѣ, на
рѣчкѣ на Вьюновѣ, а на погостѣ церковь Рождества Христова дре-
вяна клѣтца, стоитъ безъ пѣнія и образовъ въ ней нѣтъ; пашни
церковныя паханыя, наѣздомъ середніе земли осмина, да лѣсомъ
поросло 19 чети съ осминою, всего пашни паханыя и лѣсомъ по-
росло 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копень; а паш-

*) Нынѣ село Вьюжно, Богородскаго уѣзда.

ию папуть на томъ погостѣ князь Ѳедоровы крестьяне Козловскаго, да Ивановы крестьяне Унковскаго деревни Зюзина Омельба Клементьевъ съ товарищи изъ оброка, а оброкъ платять сказали на патриаршѣ дворѣ“. Близъ Рождественскаго погоста находилась за княземъ Ѳедоромъ за князь Андреевымъ сыномъ Козловскимъ, да за Ивановомъ Саввинимъ сыномъ Унковскимъ теста ихъ Онфиногена Голенищева купленная вотчина, что купилъ онъ у Якова Зюзина, да у Богдана Куницына во 108 и во 112 (1600 и 1604) годахъ, деревня Выголова, да къ ней припущено въ пашню пустошь Улупова, а въ деревнѣ дворъ вотчинниковъ, да крестьянъ 4 двора“ (Писцов. кн. 9805, л. 64 и 75).

На погостѣ Рождественскомъ была построена новая деревянная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, но когда—неизвестно. О ней встрѣчается первое свидѣніе въ книгѣ Каз. Приказа подъ Пехрянскою десятиною за 7178 (1670) г.: „церковь Рождества Пресв. Богородицы, въ Каменскомъ стану, на рѣчкѣ Вьюлкѣ (sic), дана 8 алт. полпята деньги, заѣзда гривна“, а съ 1673—1739 гг. сія церковь писалась подъ Вохонскою десятиною „въ селѣ Улуповѣ, Зюзино тожъ, на рѣчкѣ Вьюлкѣ“ (Патр. Прик. кн. 68, л. 58, кв. 77, л. 72).

Деревня же Выголова въ 7154 (1646) году называлась селомъ Выголовымъ, а Зюзино тожъ, которымъ владѣли: Иванъ Саввинъ сынъ Унковскій, Михаилъ Ивановъ Кутузовъ, Григорій Дмитриевъ Порошинъ и Василій Борисовъ Кокоревъ; въ селѣ числилось 8 дворовъ крестьянскихъ въ нихъ 18 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 407). Подъ 1678 г. значится: „село Улупово, Зюзино тожъ, вотчина Тимоея и Ильи Михайловыхъ Кутузовыхъ, Ѳедора и Василія Ивановыхъ Унковскихъ, въ селѣ 3 двора вотчинниковыхъ и 8 дворовъ крестьянскихъ съ 35 челов.“ (Переп. кн. 9813, л. 466—467).

Въ дозорныхъ книгахъ Каз. Приказа 7188 (1680) г., говорится: „погостъ Рождественной, въ Улуповѣ, на немъ церковь во имя Пресв. Богородицы древянная, у церкви во дворѣ попъ Михаилъ Карповъ, да дьячекъ Ивашко Михайловъ; церковь построена изстари; церковною землею и сѣнными покосами владѣеть онъ попъ съ причетники, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 годовъ“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 208 и 299).

Въ 1698 г. половина села Улупова, Зюзина тожъ принадлежала пресвященному Авраамію митрополиту Рязанскому и Муромскому, по промѣнной записи отъ Василія Стахѣева, а другая половина—Тимоею Нибитину Усову и Аврааму Иванову Леонтьеву. Въ 1704 г.

владѣли селомъ преосвященный Стефанъ, митрополить Рязанскій и Муромскій и Авраамъ Ив. Леонтьевъ, въ селѣ было 15 дв. крестьянскихъ, въ нихъ 48 челов., при этомъ селѣ упоминается погостъ на церковной землѣ, а на погостѣ церковь Рождества Богородицы; при ней были священники: Михаилъ Карповъ 1704 г., Тимошей Яковлевъ 1705—1726 г., дьячекъ Федоръ Яковлевъ 1704—1726 г. и пономарь Петръ Тимошеевъ 1722—1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 268, 254 и 272. Вотч. колл. по гор. Москвѣ, молл., кн. 20; № дѣла 19 и кн. 80, № дѣла 13).

32. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы на погостъ Уполозы, на рѣкѣ Клязьмѣ *).

Церковь Рождества Богородицы на погостѣ Уполозы, на рѣкѣ Клязьмѣ, деревянная клѣтчки, построенная изстари, въ 7085 (1577) году, находилась Московскаго уѣзда въ Вохонской волости, въ вотчинѣ Троицы-Сергіева монастыря, „а въ церкви образы, и свѣчи, и книги и колокола все строенье мірское“; по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ: „у церкви на церковной землѣ во дворѣ попъ Андрей, да съ нимъ живетъ дьячекъ Федька Ивановъ, во дв. пономарь Куземка Ефремовъ, во дв. просвирница; да на церковной же землѣ 4 кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи; папши церковныя земли средніе 14 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣкѣ Клязьмѣ 30 копенъ, лѣсу по конецъ поле полторы десятины“ (Писцов. кн. 255, л. 459, и кн. 685, л. 323).

По окладнымъ книгамъ Патр. Приказа съ церкви Рождества Богородицы за 7136 (1628) годъ „дани 11 алтынъ 4 деньги, намѣстничьихъ 2 алт., заѣзда гривна, по наказу гривна“, за 7143 (1635) годъ: „дани рубль 28 алт., намѣстничьихъ 2 алт., заѣзда алтынъ, по наказу гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 217, кн. 196, л. 674 об.).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Прик. 7188 (1680) года: церковной земли къ церкви Рождества Богородицы, „папши по 8 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ у озера и по рѣкѣ Клязьмѣ на 80 копенъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 231).

Церковь Рождества Богородицы, въ 1704 г., значится въ приселѣ Уполозы, деревянная; при церкви были священники: Иванъ 1646 г., Трофимъ Ивановъ 1675—1680 г., Григорій 1704 г., Илья

*) Нынѣ погостъ Богородицы Рождественскій (Уполозы), Богородскаго уѣзда.

Григорьевъ 1711—1722 г., дьячки: Иванъ Парфеньевъ 1646 г., Ѳедоръ Парфеньевъ 1680 г., Василий Трофимовъ 1704 г., Василий Васильевъ 1720 г., пономари: Михаилъ Григорьевъ 1646 г., Никита Михайловъ 1680 г. и Иванъ Григорьевъ 1720—1722 г.

33. Ц. Никиты Великомученика на погостѣ Никитскомѣ, на рѣчкѣ Дрознѣ *).

Церковь Великомученика Никиты на погостѣ Никитскомѣ, на рѣчкѣ Дрознѣ, въ 7085 (1577) году, деревянная клѣтца, находилась Московскаго уѣзда, въ Вохонской волости, въ вотчинѣ Троицы-Сергіева монастыря, „а въ церкви образы, и книги, и ризы, и колокола все строенье мірское“; по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ: „у церкви на церковной землѣ во дворѣ попъ Игнатій, во дв. церковный дьячекъ Парфенка Васильевъ, во дв. просвирница Марьяца; пашни середніе земли 4 четверти, лѣсомъ поросло 12 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ Дрознѣ и на Бывальнѣ 30 копенъ“ (Писцов. кн. 155, л. 644 и кн. 685, л. 331 об.).

По овладнымъ книгамъ Патр. Приказа за 7136 (1628) годъ, съ церкви Никиты мученика, на погостѣ Дрознѣ, дани одинъ алтынъ 4 деньги, намѣстничьихъ алтынъ, по наказу гривна^а; за 7143 (1635) годъ, „дани рубль 2 алт., намѣстничьихъ алтынъ, по наказу гривна^а“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 218, кн. 196, л. 675).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года, „церковной земли пашни по 4 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ по 200 копенъ волоковыхъ“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 232).

Въ 1704 г. церковь Великомученика Никиты деревянная; при ней находились священники: Илья 1646 г., Андрей Романовъ 1680 г., Ѳедоръ Ѳедоровъ 1704 г., Иванъ Герасимовъ 1722 г., дьячки: Дмитрій Игнатьевъ 1646 г., Андрей Евфимовъ 1680 г., Иванъ Ѳедоровъ 1704 г., и Семенъ Ивановъ 1722 г., пономари: Василий Павловъ 1680 г., и Ѳедоръ Васильевъ 1722 г. (Переписн. кн. 9809, л. 208 об.; кн. 9807, л. 187 об. Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 232).

*) Нынѣ погостъ Никитскій (Дрозна), Богородскаго уѣзда.

34. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Запоморѣ, Власьевское тожъ *).

Село Запоморье, Власьевское тожъ, въ 1587 г. Московскаго уѣзда Селинской волости, вотчина Чудова монастыря, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ: „въ селѣ церковь Покрова Пресв. Богородицы древяна клѣтци, а въ церкви образы, и книги, и ризы, и колокола и все церковное строеніе мірское—приходныхъ людей; у церкви во дворѣ попъ Игнатій Ивановъ, во дв. церковный дьячекъ Васка Ѳедоровъ, во дв. пономарь Илейво Григорьевъ, дв. просвирицы, дворъ монастырской и дв. монастырскаго служки, да крестьянъ и бобылей 7 дворовъ“ (Писцов. кн. 261 л.

Подъ 7154 (1646) г. говорится: „въ селѣ Запоморѣ, Власьевское тожъ, на рѣчкѣ на Понурѣ, церковь Алексѣя Митрополита древянная, у церкви во дв. попъ Игнатій, во дв. дьячекъ Васка Ѳедоровъ, во дв. просвирица, да крестьянъ 7 дворовъ“ (Переп. кн. 9809, л. 150).

Въ книгѣ Патр. Приказа подъ 7163 (1655) г. записано: „до книгамъ Вохонской десятины старосты поповскаго пятницкаго попа Ивана, въ нынѣшнемъ во 163 году, прибыла вновь церковь Покрова Пресв. Богородицы, да въ предѣлѣ Алексія чудотворца, въ вотчинѣ Чудова монастыря въ селѣ Запоморѣ, положено дани рубль 6 денегъ, десятильничихъ и заѣзда гривна. И августа въ 31 день тѣ деньги вьзятъ, платилъ староста попъ Иванъ“ (Патр. Прик. кн. 37, л. 186 об.).

Въ 1678 г. въ селѣ числилось 10 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 36 челов. (Переп. кн. 9812, л. 287).

По дозорнымъ книгамъ 188 (1680) года: „церковь деревянная, у церкви во дв. попъ Петръ Ивановъ (1676—1680 г.), во дв. дьячекъ Иванъ Ивановъ, во дв. просвирица; церковной пашни и сѣнныхъ покосовъ у той церкви нѣтъ, а владѣть попъ съ причетниками по 3 десятинамъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, и та земля монастырская вотчинная“ (Патр. Прик. дозори. кн. 141, л. 185—186 и 314). Въ 7189 (1681) году къ церкви вымѣрено изъ монастырской земли пашни 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 80, № дѣла 10).

Въ 1703 г. въ приходѣ церкви Покрова Богор. находилось 110 дворовъ, пашни церковной 5 четвертей, сѣна 60 копенъ. Въ 1704 г.

*) Имя село Запоморье, Богородскаго уѣзда.

въ селѣ числилось 16 дворовъ крестьянскихъ (Переписн. кн. 9817, л. 203; Патр. Прик. вѣзв. 472, № дѣла 2946).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1730 г. значится: „мая 12 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью вотчины Чудова монастыря села Запоторья церкви Покрова Богородицы попа Василья Михѣева съ прихожанами, велѣно въ то село Запоторье, вмѣсто сгорѣлой Покровской церкви, перевести изъ Московскаго жъ уѣзда, изъ вотчины Троицы-Сергіева монастыря, изъ села Никитскаго, старую церковь во имя Великомученика Никиты и построить на томъ же церковномъ погорѣломъ мѣстѣ вновь церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы; поплинь 3 алт. 2 ден., нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прик. кн. 337, л. 19).

При Покровской церкви были священники: Иванъ Ивановъ 1704—1711 г., Михей Ивановъ 1712—1726 г., дьяконъ Иванъ Петровъ 1704—1726 г., дьячки: Евстратъ Калининъ и Климъ Ивановъ 1704—1726 г.

35. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Павловѣ, на рѣчкѣ Вохнѣ *).

По писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда, въ Вохонской волости, въ 7085 и 7086 (1577—1578) годахъ, находилась вотчина Троицы-Сергіева монастыря „погостъ Дмитріевскій на рѣчкѣ Вохнѣ, а на погостѣ церковь Дмитрія Селунскаго, да теплая церковь св. Георгія мученика Христова“. Подъ 7131 и 132 (1623—1624) гг. описано такъ: „церковь Дмитрія Селунскаго древяна вѣштца, да теплая церковь, а въ ней два престола: Страстотерпецъ Христовъ Георгій и Чудотворца Сергія, а въ нихъ образы и книги, и свѣчи и волокола тояжъ Вохонскія волости все мірское строеніе; да на церковной землѣ во дворѣ попъ Иванъ, во дворѣ попъ Антонъ, во дв. церковной дьячекъ Федька Карповъ, во дв. пономарь Герасимъ Ерофѣевъ, во дв. просвирица Ирина, да на церковной землѣ 5 келій, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божіи; пашни церковныя земли 13 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ Вохонкѣ 10 копенъ, лѣсу дровянаго 6 десятинь съ полудесятиною; да при томъ погостѣ сельцо Павлово, на рѣчкѣ Вохонкѣ; а въ немъ крестьянъ и бобылей 26 дворовъ; да въ сельцѣ торжокъ, торгуютъ по воскресеньямъ, а на томъ же торжку 30 лавокъ рубленныхъ, да

*) Нынѣ село Павлово (Павловскій посадъ) Богородскаго уѣзда.

20 скамей, а въ тѣхъ лавкахъ торгуютъ тояжь Вохонскія волости крестьяне, а оброкъ съ тѣхъ лавокъ платятъ въ монастырскую казну на годъ по два рубли по пяти алтынъ съ деньгою, и изъ монастыря жь тѣ лавочныя и съ того торжку томоженныя деньги съ нынѣшняго 131 году платятъ на Москвѣ въ государеву казну въ Большомъ Приходѣ на годъ по 30 рублей“ (Писцов. кн. 255, л. 453, кн. 685, л. 305).

По обладнымъ книгамъ Патр. Приказа съ церкви Димитрія Селунскаго за 7136 (1628) годъ „дани 31 алтынъ, заѣзда 7 алтынъ, намѣстничьихъ 2 алт., по наказу гривна“; за 7143 г., „дани 3 рубли 15 алт., намѣстничьихъ 2 алт., по наказу гривна“ (Патр. Прик. кн. 2, л. 218; кн. 196, л. 675).

Въ 7154 (1646) году въ селѣ Павловѣ церковь Великомученика Димитрія, да Великомуч. Георгія, да Парасковей, нарицаемыхъ Пятницы, у церкви во дворѣ попь Иванъ, во дв. другой попь Иванъ же, во дв. дьячекъ Ѳедка Остафьевъ, во дв. пономарь Данилка Тихановъ, во дв. просвирница Ирина; на церковной землѣ 3 дв. бобыльскихъ, да крестьянскихъ и бобылей 44 двора“, въ 7186 (1678) году въ селѣ числилось 63 дв. крестьянскихъ и 6 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 196 челов. (Переписн. кн. 9809 и кн. 9812, л. 482 и 527).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) г., въ селѣ Павловѣ, что на рѣчкѣ Вохонѣ, на погостѣ церковь Св. Димитрія Селунскаго деревянная, у церкви во дворѣ попь Патрикей Шитовъ, во дв. попь Яковъ Ивановъ, во дв. дьячекъ Алешка Ильинъ, во дв. пономарь Илюшка Ивановъ, во дв. просвирница; церковной пашни по 8 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна въ поляхъ, да на пустоши Зимницѣ и въ отхожихъ лугахъ на 100 копенъ, да на лужкѣ Барановскомъ по рѣкѣ Клязмѣ, пашни паханья 2 чети“ (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 229—230).

Въ книгѣ подъ 1686 г. отмѣчено: „въ селѣ Павловѣ церковь Воскресенія, да въ предѣлѣ Св. Димитрія Селунскаго, дани 3 р. 24 алт., 2 деньги, заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 116, л. 672).

1703 г., іюня въ 12 день, выданъ антиминосъ, по благословенной грамотѣ, въ новопостроенную церковь во имя Воскресенія Христова съ предѣлы въ село Павлово, тояжь церкви попу Игнатію Патрикѣеву (Тамъ же кн. 138, л. 234).

Въ 1704 г. въ селѣ Павловѣ церковь Воскресенія Христова каменная (Переписн. кн. 9817, л. 150).

„1710 года, августа въ 9 день, по благословенной грамотѣ, отпущенъ антиминосъ для освѣщенія церкви во имя Воскресенія Христова

въ Московскій уѣздъ, въ село Павлово, подъ росписку попа той же церкви Игнатія (Патр. Прик. кн. 138, л. 338).

При церкви Воскресенія Христова были священники: Игнатій Патрикѣевъ 1704—1710 г., Семень Игнатъевъ 1704—1722 г., Алексѣй 1704 г., Петръ Яковлевъ 1700—1715 г.; дьяконъ Григорій Игнатъевъ 1704—1722 г.; дьячки: Степанъ Ильинъ 1704—1709 г., Иванъ Степановъ 1715—1722 г., пономарь Нестеръ Андреевъ 1715—1722 г.

36. Ц. Преображенія Господня въ селѣ Савинѣ *).

Церковь Преображенія Господня деревянная клѣтца, построенная изстари, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, находилась Московскаго уѣзда, въ Почерневѣ стану, „на погостѣ, на рѣчкѣ Черной, ветхая“, стояла „безъ пѣвнѣя“ и образовъ въ церкви не было; „пашни церковной земли средней 20 чети въ томъ а въ дву потѣмужъ, сѣна 10 копенъ, а пашуть пашню на томъ погостѣ крестьяне деревни Савинной изъ оброка, а оброкъ платять на патриаршѣ дворѣ“ (Писцов. кн. 261, л. 238 об.).

7147 (1637) г. сентября 11, по распоряженію Патр. Каз. Приказа, Спаская церковная земля на погостѣ, на рѣчкѣ Черной, отдана на оброкъ Василию Пустынникову, а оброку велѣно ему платить 8 алт. 2 ден. на годъ“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 102).

Вышепоказанная деревня Савина, расположенная близъ Спаскаго погоста, въ тѣхъ же писцовыхъ книгахъ значитса: „въ вотчинѣ за князь Иваномъ Кашина, что было прежь сего въ помѣстьи за Алексѣемъ Угримова, да за вдовою Анною за Ивановскою женою Семенчина съ дѣтьми, а въ деревнѣ дворъ вотчинниковъ, дв. людцой, да крестьянъ 2 двора“. Потомъ этою деревнею владѣлъ Василій Ивановичъ Нагово, а послѣ его смерти жена его вдова Прасковья; она согласно духовнаго завѣщанія своего мужа продала деревню Савину въ 1641 г. Ѳедору Степановичу Стрешневу; въ деревнѣ числилось, въ 1647 г., 7 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ. (Писцов. кн. 261, л. 224; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 93, № дѣла 2; переп. кн. 9809, л. 420 об.). Послѣ Ѳедора Степановича Стрешнева вотчинами владѣлъ его сынъ Иванъ Ѳедоровичъ, у котораго находилась на оброкѣ и церковная Спаская земля на погостѣ, на рѣчкѣ Черной (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 94, № дѣла 7).

*) Нынѣ село Савино Богородскаго уѣзда.

Въ 7173 (1664—1665) г. въ деревнѣ Савинѣ построена новая церковь во имя Преображенія Господня съ придѣломъ Знаменія Пресв. Богородицы. Въ книгѣ Патр. Кав. Приказа записано: „въ 180 (1672) году июля въ 20 день, по челобитью окольного Ивана большаго Федоровича Стрешнева, прибыла вновь церковь Преображенія Спаса: да въ предѣлѣ Знаменія Пресвятыя Богородицы, что построена въ вотчинѣ его въ деревнѣ Савинѣ, дани положено съ попова двора, вотчинникова, съ церковныхъ причетниковъ и съ приходскихъ дворовъ 6 алт. 4 ден., заѣзда гривна, а пашни и сѣяныхъ покосовъ къ той церкви не было, и по челобитной окольного Ивана Фед. Стрешнева велѣно къ той новопостроенной церкви приписать пустовую оброчную церковную землю Всемилостиваго Спаса, что на рѣчкѣ Черной, которою владѣлъ изъ оброка онъ же, челобитчикъ Иванъ Федоровичъ, а оброку платилъ по 10 алтынъ на годъ; по писцовымъ же книгамъ той земли пашни паханой 20 четъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ; и съ той пустовой земли положено дани по указной статьѣ 13 алт. 2 ден. и всего на тое новопостроенную церковь дани положено 20 алт., заѣзда гривна, да съ той же новопостроенной церкви на прошлые годы, съ котораго почелась божественная служба быть, съ 7173 по 7180 (1665—1672) годъ, всего на семь лѣтъ 2 руб. 3 алт. 2 ден., а съ церковной земли брать не велѣно, потому что оброкъ былъ плаченъ по вся годы сполна и впредь сей земли въ оброчныхъ книгахъ не писать и изъ оброка выложить“ (Патр. Прик. кн. 74, л. 262 об. и кн. 63, л. 1293).

Въ 1678 г. показано: въ селѣ Савинѣ церковь Преображенія Господня, у церкви дворъ попа пустъ, во дв. дѣлечекъ Мишка Сергѣевъ, дв. вотчинниковъ съ 7 челов. кабалныхъ людей, дворъ скотный съ 2 челов. дѣловыхъ людей и 8 дв. крестьянскихъ съ 56 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 512 об.).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Кав. Приказа 7188 (1680) г. у церкви находились: „во дворѣ попъ Федоръ Исаевъ, во дв. дѣлечекъ Дмитрій Сергѣевъ; церковною землею владѣютъ вотчины Ивана Федоровича Стрешнева села Савина крестьяне“ (Патр. Прик. кн. 141, л. 287—288). По мѣрнымъ и межевымъ книгамъ 7190 (1682) г. церковная Спаская земля на погостѣ, на рѣчкѣ Черной, находилась въ межахъ: съ селомъ Савинымъ—вотчиною боярина князя Василія Васильевича Голицына, пустошью Суцескою—вотчиною князя Алексѣя Коркодинова, деревнею Дятловою—вотчиною Спаса Новаго монастыря, пустошью Петровскою—вотчиною князя Алексѣя Коркодинова, сельцомъ Соболевымъ—вотчиною вдовы княгини Анны Несвицкой

съ дѣтьми и сельцомъ Пуршиновымъ—вотчиною князя Алексѣя Коркодимова (Патр. Прик. дозор. кн. 110, л. 1—10).

7190 (1681) года, ноября въ 20 день, по указу патріарха и по переписнымъ книгамъ Образца Боровитинова, да подьячаго Протопова, на церковь Преображенія Господня, которая нынѣ въ вотчинѣ боярина князя Василя Васильевича Голицына, въ селѣ Савинѣ, что было то село прежде сего въ вотчинѣ боярина Ивана Ѳедоровича Стрешнева, данн положено въ прежнему окладу, въ прибавку, съ приходскихъ— съ 2 дворовъ вотчинниковыхъ, съ 30 дв. крестьянскихъ, 6 алт. 2 ден. и съ прежнимъ окладомъ имѣтся дани 26 алт. 2 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 103, л. 511 и 515).

Въ 1722 г., въ селѣ Спаскомъ, Савино тожъ, церковь Преображенія Господня деревянная; при ней были священники: Ѳедоръ Ивановъ 1686—1690 г., Григорій Ѳедоровъ 1704 г., Ѳедоръ Ѳедоровъ 1709—1715 г., Яковъ Григорьевъ 1716—1722 г., дьячки: Семенъ Ѳедоровъ 1686 г., Ѳедоръ Ѳедоровъ 1704 г., Яковъ Григорьевъ 1715 г. и Михайлъ Терентьевъ 1722 г., пономари: Антипъ Григорьевъ 1715—1720 г. и Степанъ Григорьевъ 1722 г.

Бояринъ Иванъ Ѳедоровичъ Стрешневъ въ 1681 г. отдалъ село Савино въ приданое за своею дочерью Авдотьей зятю князю Василю Васильевичу Голицыну, у котораго оно было отписано на великаго государя и въ 1690 г., по именному указу, отдано въ пожизненное владѣніе женѣ Ивана Ѳедоровича Стрешнева боярынь вдовѣ Настасьѣ Ивановнѣ; послѣ ея смерти селомъ владѣли: Иванъ Родионовичъ Стрешневъ (1704—1715 г.), князь Алексѣй Васильевичъ Голицынъ (1722—1730 г.), Михайлъ Васильевичъ Голицынъ (1732—1734 г.) и Андрей Андреевичъ Голицынъ (1810 г.). Въ 1704 г. въ селѣ Савинѣ находились дворы: вотчинниковъ, прикащичій, скотный и 11 дворовъ крестьянскихъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 71, № дѣла 1; кн. 93, № дѣла 2; мол. л. кн. 49, № 10; отказн. кн. 15, л. 858, кн. 17, № 121, Переписн. кн. 9817 л. 769).

37. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Жилинѣ *).

„Церковь Успенія Пресв. Богородицы съ придѣломъ Николая чудотворца деревянная клѣтцен“, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) г. находилась „въ селѣ Жилкинѣ“, Московскаго уѣзда,

*) Нынѣ село Жилино Бронницкаго уѣзда.

Островецкаго стана, „вотчинѣ Чудова монастыря, а въ церкви: образы и книги и ризы и колокола и все церковное строеніе монастырское, у церкви во дворѣ попу Стефанъ Кузьминъ, во дв. дьячекъ дьячекъ Андрюшко Пониратьевъ, да крестьянъ 3 двора и бобылей 18 дворовъ“ (Писцов. кн. 261, л. 59).

Подъ 7154 (1646) г., при Успенской церкви, кромѣ придѣла Николая Чуд., значится другой придѣлъ во имя Алексѣя Митрополита; у церкви во дворѣ попу Малентій, во дв. дьячекъ Ивашко Кириловъ, да въ селѣ 32 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ (Переп. кн. 9809, л. 143).

Въ книгѣ Патр. Приказа записано: „въ нынѣшнемъ во 167 (1658—1659) году, прибыла вновь церковь Успенія Пресв. Богородицы въ вотчинѣ Чудова монастыря, въ селѣ Жилинѣ, дани 10 алт. 2 ден., заѣзда гривна. И юня въ 4 день тѣ деньги, на прошлые на 162—166 и на нынѣшній на 167 годы, платилъ тояжъ церкви попу Иванъ“ (Патр. Прик. кн. 46, л. 211 об.).

Въ 1678—1680 гг. при Успенской церкви были: во дворѣ попу Иванъ Павловъ, да дьячекъ Семенъ Матвѣевъ, „пашни у нихъ во владѣніи по три чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по 65 копенъ и та пашня и сѣнные покосы монастырская вотчинная земля“. Въ селѣ числилось 83 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 115 челов. (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 119—120; Переписн. кн. 9812, л. 261).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Казеннаго Приказа за 1728 г., значится: „юля 4 числа запечатанъ уазъ о строеніи церкви, по челобитью Московскаго уѣзда, Вохонской десятины, вотчины Чудова монастыря, села Жилина Успенскаго попа Семена Назарьева съ прихожанами, велѣно имъ въ томъ селѣ, вмѣсто ветхой деревянной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, построить вновь церковь во имя тотъ же престолъ; пошлени 3 алт. 2 ден., нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прик. кн. 315, л. 34).

При Успенской церкви были священники: Ѳедоръ Ивановъ 1704—1715 г. и Семенъ Назаровъ 1720—1728 г., дьячки: Иванъ Ивановъ 1704—1726 г. и Иванъ Назаровъ 1726 г.

38. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Вешняковѣ *).

Въ 7085 (1577) году, Московскаго уѣзда въ Васильцовѣ стану находилась деревня Найденова-Чурилова, а Вешнякова тояжъ, „пуста“,

*) Имя село Вешняково (Вишняково) Московскаго уѣзда.

принадлежавшая боярину Ивану Васильевичу Шереметеву; а подъ 7131 и 7132 (1623—1624) г. говорится: „старинная вотчина боярина Ѳедора Ивановича Шереметева пустошь, что была деревня Найденова-Чуридова, а Вешняково тожь, на суходолѣ“ (Писцов. кн. 255, № 8, кн. 9806, л. 1051—1052).

Бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ около 1644 г. поселялъ на пустоши Найденовой, а Вешняково тожь, „задворныхъ людей“ и построилъ здѣсь, по выданной ему отъ патріарха въ 7152 (1644) г. благословенной грамотѣ, каменную церковь во имя Воскресенія Христова, отъ чего пустошь и стала называться селомъ Вешняковымъ. Въ Переписныхъ книгахъ 7154 (1646) г. Московскаго уѣзда, въ Васильцовѣ стану записано: „за бояриномъ Ѳедоромъ Ив. Шереметевымъ село Вешняково, а въ селѣ церковь каменная Воскресенія Христова, у церкви во дворѣ попъ Никифоръ, да въ селѣ 12 дворовъ задворныхъ людей“ (Переписи. кн. 9809, л. 388 об.—390).

Въ 1648—1680 гг. это село находилось во владѣніи у князя Якова Никитича Одоевскаго, отданное ему дѣдомъ его бояриномъ Ѳедоромъ Ив. Шереметевымъ. Въ 1678 г. въ селѣ находились: дворъ вотчинниковъ и дв. скотный съ 5 челов., да въ слободкѣ того же села 3 дв. задворныхъ и 18 дв. каменныхъ людей, въ нихъ 39 человекъ (Помѣстн. Прик. по гор. Москвѣ ст. 96, № дѣла 10; переписи. кн. 9813, л. 439—447).

Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа записано: „во 181 (1673) году прибыла вновь церковь Воскресенія Христова въ вотчинѣ боярина князя Якова Никитича Одоевскаго, въ селѣ Вешняковѣ; дано положено съ попова, съ прикащикава, да съ приходскихъ дворовъ 21 алт. 3 ден., заѣзда гривна; платилъ тѣ деньги человекъ князя Одоевскаго Ивашко Жихаревъ“ Патр. Прик. кн. 77, л. 73 об.).

Въ 7183 (1675) г. „у попа Евлампія Воскресенской церкви взято вѣчныхъ пошлинъ, по новому уставу, съ одного отрока, да съ одного двоюженца 10 ал.“ (Тамъ же кн. 82).

Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій отдалъ село Вешняково въ приданое дочери своей княжнѣ Марфѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Михаила Яковлевича Черкаскаго, а владѣла селомъ въ 1704 г., по условію, жена князя Одоевскаго вдова княгиня Анна Михайловна; въ селѣ находились: дворъ вотчинниковъ, 3 дв. дворовыхъ людей и дворъ скотный, въ нихъ 14 челов. Послѣ князя Михаила Черкаскаго селомъ владѣлъ въ 1713—1733 гг. его сынъ князь Алексѣй (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. вк. 34, № дѣла 5; переписи. кн. 9817, л. 37).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за

1732 годъ, значитъ: „юня 7 числа запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Алексея Михайловича Черкаскаго, служителя его Якова Дѣдешина, вѣльно противъ его челобитья въ подмосковной его вотчинѣ, въ селѣ Вешняковѣ разобрать и построить для пространства вновь каменную церковь тотъ же престоль во имя Воскресенія Христова, пошлинъ 3 адт. 2 ден., нужнѣйшихъ одна четъ взято“ (Патр. Прив. кн. 347, л. 21).

При Воскресенской церкви были священники: Евлампій Ивановъ 1673—1680 г., Никита Ивановъ 1680 г., бывшій при оной же церкви дьякономъ въ 1678 г., Иванъ Кузминъ 1704—1710 г., Василій Герасимовъ 1704—1710 г., Петръ Герасимовъ и Алексій Евлампіевъ 1715—1726 г.; дьяконы: Алексій Евлампіевъ 1710 г., Климы Васильевъ 1715—1726 г.; дьячки: Артемій Гавриловъ 1678 г., Андрей Ивановъ 1704 г., Петръ Васильевъ 1704—1710 г., Иванъ Ивановъ 1726 г.; пономари: Василій Александровъ 1680 г. и Гавриль Васильевъ 1715—1726 г. Въ 1680 г. попы съ причетниками получали отъ вотчинника ругу (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 244).

39. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Косинѣ *).

Въ 131 и 132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, въ Васильцовѣ стану находилось въ помѣстьи: „за Юрьемъ, да за Степаномъ да за Даниломъ Васильевыми дѣтьми Телепнева, по государевѣ грамотѣ, за приписью дьяка Ѳедора Шушерина 125 (1617) году, село Косино, на озерѣ на большомъ, а въ селѣ былъ храмъ во имя чудотворца Николая, пашни паханой церковной земли 6 чети съ осминою, да лѣсомъ поросло 5 чети съ осминою, лѣсу непашеннаго 2 десятины, да въ томъ же селѣ дворъ помѣщиковъ, живутъ дѣловые люди, да крестьянскихъ и бобыльскихъ 5 дворовъ, людей въ нихъ тожь“ (Писцов. кн. 9806, л. 1031—1032).

Подъ 1646 г. находимъ „въ селѣ Косинѣ церковь Николая чудотворца деревянная, у церкви во дворѣ попь Тимоѳей; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ и 3 дв. крестьянскихъ съ 11 челов.“ (Перепис. кн. 9809, л. 391).

Въ книгѣ Патр. Приказа, за 7183 (1675) годъ, записано: „прибыла вновь церковь во имя Николая чудотворца, въ Васильцовѣ стану, въ помѣстьи Василя Данилова сына, да Ивана Степанова сына,

*) Нынѣ село Косино Московскаго уѣзда.

да Григорья и Михаила Юрьевыхъ дѣтей Телепневыхъ, въ селѣ Косинѣ, положено дани съ попова, да съ приходскихъ дворовъ, да съ четвертной пашни, всего 11 алт. съ деньгою, заѣзда гривна^а (Патр. Прик. кн. 82, л. 125 об.).

При церкви Николая чудотворца были священники: Проконій Афанасьевъ 1670—1687 г., „а служить онъ, попъ, у той церкви изъ руги“; Яковъ Михайловъ 1704 г., Антипъ Матвѣевъ 1709—1726 г.; дьячки: Максимъ Михайловъ 1704—1710 г. и Афанасій Антиповъ 1726 г. (Патр. Прик. дозор. кн. 141, л. 243, отказн. кн. 16, № 25, по гор. Москвѣ и 1 ревизіи кн. 1726 г. л. 306—307).

Въ селѣ Косинѣ, находившемся во владѣніи до 1755 г. въ родѣ Телепневыхъ, числилось крестьянскихъ бобыльскихъ дворовъ въ 1678 г. 6 дв. съ 17 челов. и въ 1704 г.—5 дв. съ 26 челов. (Перепис. кн. 9813, л. 457—458; кн. 9817, л. 48 и Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. 1. кн. 89, № дѣла 3).

40. Ц. Николая чудотворца на погостѣ, на Брошевѣ^{*)}.

Церковь Николая чудотворца въ 139—141 (1631—1633) гг. „на погостѣ, на Брошевѣ“ дворцовой Гвоздинской волости, находилась въ Коломенской епархіи; „дерзвонной пашни паханой имѣлось шесть чети въ полѣ, а въ дву потомужъ“ (Патр. Прик. кн. 141, л. 354).

Въ книгѣ Патр. Приказа подъ 7184 (1676) г. написано: „по указу патріарха Іоакима, и по соборному дѣванію, и по памяти и по росписки изъ Патріарша Разряду, за приписью дьяка Льва Ермолаева, какову роспись прислалъ въ Патріаршъ Разрядъ преосвященный Іосифъ архіепископъ коломенскій и каширскій, прибыла вновь въ Московскій уѣздъ, въ Вохонскую десятину, церковь Николая чудотворца на Брошевѣ, которая прежь сего была въ Коломенской епархіи, дани положено рубль 6 денегъ. Да тояжь церкви у попа Гавріила взято вѣчныхъ пошлинь, что у него было въ приходѣ съ 10го генваря по 30 число генваря 184 (1676) года съ 7 отроковъ 28 алт.“ (Патр. Прик. кн. 87, л. 346).

По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „въ Гвоздинской волости, на Брошевѣ, у Москвы рѣки, погостѣ, на немъ церковь во имя Николая чудотворца деревяная, у церкви во дворѣ попъ Гавріиль Сергѣевъ, да дьячекъ Петрушка Гавриловъ, пономарь Васка Ивановъ;

*) Нынѣ погостъ Никола-Боршевка (Романъ) Бронницкаго уѣзда.

церковь построена изстари; пашни церковной земли 6 чети въ полѣ а въ дву потомуужь“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 198—199).

Въ 1708 г. въ приходѣ Николаевской церкви показано 41 дворъ, пашни церковной земли по три десятины въ полѣ, а въ дву потомуужь, сѣна 3 копы; при церкви были въ 1703 г. попь Федоръ Кирилловъ, дьячекъ Проксій Петровъ, другой дьячекъ Иванъ Никитинъ, помомарь Григорій Ильинъ, да отставленный попь Никита Гавриловъ; въ 1710—1726 гг. попь Михаилъ Андриановъ, дьяковъ Иванъ Никитинъ и дьячекъ Проксій Петровъ (Патр. Прик. вязка 470, № дѣла 262 и 1 ревизіи, кн. 1726 г., л. 119).

Въ 1710—1715 гг. Николаевскій погостъ, на Брошевѣ, находится во владѣніи у князя Александра Даниловича Меншикова, а въ 1735 г.—въ вѣдѣніи Конюшеннаго Приказа.

41. Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Хотѣвичахъ *).

Въ началѣ XVII ст. „въ селѣ Хотѣвичахъ на рѣчкѣ Мерзкѣ“ Московскаго уѣзда, Гуслицкой волости была деревянная церковь во имя св. великомученика Никиты, находившаяся въ Коломенской епархіи; по писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ, пашни паханой церковной земли 6 чети, да лѣсомъ поросло 4 чети въ полѣ, а въ дву потомуужь, сѣновосныя поросли въ пустошахъ: Новниахъ и Васковѣ три десятины, да за рѣчкою Мерзкою на Черномъ ручьѣ попова лугу 5 копенъ волоковыхъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 368 об.).

Подъ 7154 (1646) годомъ упоминается: въ „селѣ Хотѣвичахъ церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы древяная, у церкви во дворѣ попь Василій, да крестьянскихъ и бобыльскихъ 25 дворовъ, въ нихъ 27 человекъ“ (Переписн. кн. 9809, л. 76).

Въ книгѣ Патр. Приказа за 7184 (1676) годъ написано: „по указу патріарха Іоакима, и по соборному дѣланію, и по памяти изъ Патріарша Разряду, за приписью дьяка Льва Ермолаева, какову роспись прислалъ въ Патріаршъ Разрядъ преосвященный Іосифъ архіепископъ коломенскій и каширскій прибыла вновь церковь въ Московскоу уѣздъ, въ Вохонскую десятину, которая была прежь сего та церковь въ Коломенской епархіи, церковь Благовѣщенія Пресвятыя

*) Имя сѣла Хотѣвичи Богородскаго уѣзда.

Богородицы въ Оатѣвичихъ, дани рубль 7 алт., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 87, л. 346).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. „въ Гуслицкой волости въ селѣ Хотѣвичихъ, на рѣчкѣ Мерзкѣ, находимъ церковь Христова мученика Никиты, у церкви во дворѣ попъ Тимофей Васильевъ, во дворѣ дьячекъ Гришка Козминъ, и попъ Тимофей сказалъ: церковь де Никиты Христова мученика построена изстари и данью обложена и церковная де пашня и сѣнные покосы къ той церкви есть“ (Патр. Прик. кн. дозор. 141, л. 193). Къ селу Хотѣвичамъ была приписана, по указу патріарха Іоакима 7188 (1680) года, церковная земля въ пустоши Воскресенской, находившейся въ смежности съ деревнями Анцифоровою и Соболевою (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 80, № дѣла 10).

1703 года сентября въ 13 день, по благословенной грамотѣ, выданъ антиминъ въ Московскій уѣздъ, въ село Хотѣвичъ, въ ново-построенную церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы (Патр. Прик. кн. 138, л. 238).

Въ 1709 г. церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы деревянная, при ней были священники: Захарій Прокофьевъ 1704—1709 г., Логинъ Родіоновъ 1726—1736 г.; дьячки Петръ Селивестровъ 1704—1709 г., Семень Родіоновъ 1726—1736 г. (Переписн. кн. 9817, л. 219, кн. 9821, л. 106).

Село Хотѣвичи въ 1677 г. находилось въ дворцовомъ вѣдомствѣ, въ 1678 г. въ селѣ было 27 дворовъ крестьянскихъ. Въ 1693 г. это село пожаловано Автомону Михаиловичу Головину, а послѣ его смерти владѣль его сынъ Сергѣй; въ 1736 г. оно продано Александру Ивановичу Головину, и за нимъ утверждено того же года отказною книгою, въ которой упоминается: „въ селѣ Хотѣвичихъ церковь деревянная во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы“; въ 1810 г. селомъ владѣла графиня Ирина Ивановна Воронцова (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 54, № дѣла 7, мол. л. кн. 49, № дѣла 19 и кн. 11, № дѣла 3).

42. Ц. Космы и Даміана на погостѣ, въ Гвозднѣ *).

Космодаміанская церковь, построенная изстари на погостѣ въ Гвоздинской дворцовой волости, Московскаго уѣзда, 139—141 (1631—1638) гг., стояла „пуста безъ пѣнія“ и попа при ней не было; „па-

*) Нынѣ Восмодемьянскій погостъ при озерѣ безыменномъ Бронницкаго уѣзда.

пши паханой церковной земли около церкви подъ дворичемъ четь въ погѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копейъ, пашуть прихожане Гвоздницы, а обровъ платять на Коломнѣ епископу; да у церкви Козмы и Дамьяна озеро Гвоздинское въ длину на версту, а поперегъ 30 сажень, а сказали старожилцы: изстари то озеро дано къ церкви Козмы и Дамьяна, а съ московскаго разоренія завладѣли Брошевскіе кошельники деревни Капустной» (Патр. Каз. Прик. кн. 141, л. 355—356).

Въ 1646 г. церковь Козмы и Даміана стоила по прежнему „безъ иѣвнѣя, у церкви дворъ пона Захарья пусть“ (Переписи. кн. 9809, л. 69 об.).

Въ книгѣ Патр. Приказа подъ 7184 (1676) годомъ написано: „по указу патріарха Іоакима и по соборному дѣванію я по памяти и по росписки изъ Патріарша Разряду, за приписью дьяка Льва Ермолаева, какову роспись прислать въ Патріаршъ Разрядъ преосвященный Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширской, прибыла вновь въ Московской уѣздъ, въ Вохонскую десятину, церковь Козмы и Даміана на погостѣ, въ Гвозднѣ, которая была прежь сего въ Коломенской епархіи, дани положено рубль 3 алт., 2 ден. заѣзда: гривна“ (Патр. Прик. кн. 87, л. 346).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „церковь Козмы и Даміана на погостѣ Гвозднѣ деревянная, у церкви во дворѣ попъ Иванъ Афанасьевъ, во дв. дьячекъ Гришка Андреевъ, во дв. пономаръ Сергушка Филиповъ; церковная земля и сѣнные покосы есть; а что въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ написано въ церкви Кузмы и Даміана озеро Гвоздинское и тѣмъ озеромъ владѣютъ издавна Брошевскіе кошельники“ (Патр. Прик. кн. 141, л. 196—197).

При Космадемьянской церкви были священники: Василій Ивановъ 1715 г. и Петръ Васильевъ 1726—1735 г., дьячки: Алексѣй Ивановъ 1715 г. и Семенъ Алексѣевъ 1726 г.

43. Ц. Михаила Архангела въ селѣ Архангельскомъ *).

131 и 132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда въ Почерневѣ стану находилась вотчина „за подьячимъ Дорофеемъ Пустынниковымъ, по купчей 131 (1623) году, что онъ купилъ у князя Ивана Туренина, а по приправочнымъ книгамъ Андрея Сабурова 79 (1571) году написана та вотчина за ево князь Ивановымъ дѣдомъ за князь Ва-

*) Имя Архангельское-Нипольское, село Московскаго уѣзда.

сцѣемъ Туренинымъ, деревня, что было сельцо Ступишино, а Зворыкино тожь, а въ ней дворъ вотчинниковъ“ (Писцов. кн. 261, л. 221). Въ 7149 (1641) г. Дорофей Пустышниковъ продалъ свою вотчину боярину Василю Ивановичу Стрешневу, при которомъ въ деревнѣ Зворыкинѣ построена бѣла церковь. Въ переписныхъ книгахъ 154 (1646) г. записано: „за бояриномъ Васильемъ Иваиовичемъ Стрешновымъ въ вотчинѣ село Зворыкино, въ селѣ церковь Архангела Михаила, дворъ боярскій и 5 дв. крестьянскихъ“. Въ 1651 году Зворыкино куплено у боярина Стрешнева княземъ Юріемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ при этомъ владѣльцѣ оно называлось по церкви селомъ Архангельскимъ (Шошѣсти. Прик., по гор. Москвѣ, столб. 230, № дѣла 11; переписн. кн. 9809, л. 418—419).

Подъ 7185 (1676—1677) г. написано: „по выписѣ за номѣстоу, дѣла Перфиля Сѣменникова, прибыла вновь церковь Архангела Михаила въ вотчинѣ боярина князя Юрья Алексѣевича Долгорукова, въ селѣ Архангельскомъ и по указу патриарха положено дани съ попова и съ церковныхъ причетниковъ и съ боярскаго и съ приходскихъ дворовъ 6 алт. заѣвда гривна. И генваря въ 23 день тѣ деньга платя тоя церкви попу Андрей. Да съ него же, попа Андрея, взято вѣнечникъ пошминъ со 167 по 185 (1659—1677) годъ съ 5 отровъ по 4 алтына да съ двухъ полудвоеженцовъ, женилися на дѣвкахъ, по 6 алт., всего 32 алтына“ (Патр. Прик. кн. 88, л. 285).

По договорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. „въ селѣ Архангельскомъ церковь Архангела Михаила деревянная, а построена та церковь изстари, пашни и сѣнныхъ повосовъ въ той церкви нѣтъ, у церкви во дворѣ попу Андрей Андреевъ съ причетники и ему, попу, съ причетники выдается руга“ (Патр. Прик. договорн. кн. 141, л. 240 об.).

Послѣ боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукова имѣніе досталось его сыну князю Михаилу, а въ 1683 г.—роднымъ внукамъ князьямъ Ивану, Петру, Владимиру и Василию Михайловичамъ Долгоруковымъ и за послѣдними оно утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: „отказано князьямъ Долгоруково сельцо Ступишино, а Зворыкино тожь, что нынѣ село Архангельское, на прудѣ, а въ селѣ церковь Архангела Михаила съ придѣломъ пророва Сафонія деревянная“ (Отк. кн. 14, № 55, по гор. Москвѣ).

Въ 1704 г. въ селѣ Архангельскомъ, принадлежавшемъ князю Владимиру Михайл. Долгорукову, находились: дворъ вотчинниковъ, дворъ скотный и 6 дворовъ конюховъ съ 17 чялов. и дворъ конюха

въ селѣцѣ Верховицевѣ; по смерти кн. Владиміра Мих: владѣль селомъ его сынъ князь Сергѣй, а отъ него перешло въ 1735 г. къ его женѣ вдовѣ княгинѣ Александрѣ Яковлевнѣ, урожд. Лобаново-Ростовской, потомъ оно было продано роднымъ ея племянникомъ Иваномъ Ивановымъ Лобаново-Ростовскимъ (въ 1757 г.) князю Александру Владиміровичу Долгорукову, умерш. 1-го ноября 1759 г., а послѣ перешло къ его двоюродному брату князю Владиміру Петровичу Долгорукову. Въ 1769 г. село Архангельское съ селомъ Никольскимъ находилось во владѣніи у князей Юрія и Василя Владиміровичей Долгоруковыхъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. кн. 72, № дѣла 11 и вяза 4, № дѣла 7).

При церкви Архангела Михаила были священники: Михаилъ Семеновъ (1704—1709 г.) и Алексѣй Семеновъ (1716—1726 г.).

44. Ц. Преображенія Господня на погостѣ Мошевѣ, на рѣчкѣ Мерсиѣ *).

Церковь Преображенія Господня, находившаяся изстари „на погостѣ, что на Мошевѣ“, въ Гуслицкой волости, была уничтожена, но когда и по какому случаю—не извѣстно. Объ этомъ въ писцовыхъ книгахъ Приказа Большаго Дворца 7139—7141 (1631—1633) г. говорится такъ: „въ Гуслицкой волости погостъ, что на Мошевѣ, а въ немъ мѣсто церковное, что былъ храмъ Преображенія Спасова, да пустошь Осташово, Савостьяново тожъ, пашни перелогомъ худой земли 3 чети, да лѣсомъ поросло 22 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 30 копень, лѣсу пашеннаго 7 десятинь, а непашеннаго поверстнаго лѣсу вдоль на версту, а поперегъ на полверсты, — владѣютъ тою пустошью Ильинскіе попѣ; всего пашни церковной и съ тѣмъ; что въ Осташевѣ 45 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 60 копень, лѣсу пашеннаго 8 десятинь, а непашеннаго въ длину на версту, а поперегъ на полверсты“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 365—366).

Церковная земля, принадлежавшая Опасской церкви, отдавалась въ оброкъ и въ книгахъ Патр. Приказа за 7146 (1638) писалась такъ: „съ церковныя земли Всемилоствиваго Спаса, что на Мошевѣ, села Запоторья на Покровскомъ попѣ Игнатѣ, оброку 5 алт.“

*) Пыль Спасъ на Мошевѣ (Гуслицкій монастырь) Богородскаго уѣзда.

Въ 1653 г. „отдана церковная земля изъ наддачи дворцовой Гуслицкой волости Ильинскимъ попомъ Григорію и Логину на оброкъ, новой наддачи гривна, и впредь велѣно имъ попомъ съ той церковной земли платить за оброкъ данью“ (Патр. Прик. кн. 32, л. 107; Дворц. Прик. кн. 6, л. 104). На этой землѣ попомъ Григоріемъ съ прихожанами была построена новая церковь во имя Преображенія Господня; а между тѣмъ церковная Спасская земля отдана была на оброкъ въ 1668 г. новому обротчику воздвиженскому попу Іакову, вслѣдствіе его челобитья. Во 1669 г. февраля въ 1 день, состоялось въ Патрiаршемъ Приказѣ новое распоряженіе, по которому велѣно: церковную землю Всемилостиваго Спаса отдать, по прежнему, обротчику попу Григорію, на нынѣшній 177 (1669) годъ, а новому обротчику здвиженскому попу Іакову отказать для того, что въ обыску Московскаго уѣзда государевой Гуслицкой волости спасскіе прихожане 36 человекъ крестьянъ сказали, по святой евангельской заповѣди, что церковь Всемилостиваго Спаса, книги и всякая церковная утварь—строенье ево прежняго обротчика попа Григорья съ прихожанами вмѣстѣ, а былъ челомъ онъ попу Іаковъ, да крестьянинъ Трофимъ Антроповъ, назвався выборнымъ старостою Гуслицкой волости, о той церковной землѣ ложно, чтобъ отдать ту церковную землю имъ на оброкъ, и попу Іакову у той церкви служить, и они де спасскіе прихожане ево, попа Іакова, къ той церкви Всемилостиваго Спаса не призывали, а крестьянинъ Трофимъ въ старостахъ не бывалъ и прихожанинъ онъ здвиженскій, а не спасской, и къ челобитной ихъ съ попомъ Іаковомъ о церковной Спасской землѣ руки не прикладывалъ и оброчныя деньги ему попу Іакову, за ложное ево челобитье, назадъ не отданы и впредь тою церковною землею владѣть ему не велѣно. И февраля въ 12 день оброчныя деньги 30 алт. 2 деньги платилъ старшій обротчикъ попу Григорій“ (Патр. Прик. кн. 63, л. 560 об.).

Подъ 7185 (1677) г. записано: „по книгамъ Вохонской десятины старосты поповскаго покровскаго попа Іеремѣя и по выпискѣ за помѣторъ дѣака Перфілія Сѣменичкова, прибыла вновь церковь Всемилостиваго Спаса, что на Мошевъ, великаго государя дворцовой Гуслицкой волости, построена на старомъ церковномъ мѣстѣ; дани положено рубль, заѣзда гривна. И генваря въ 24 день, тѣ деньги платилъ староста поповскій попу Іеремій“ (Патр. Прик. кн. 88, л. 285 об.)

Въ писцовыхъ книгахъ Приказа Большаго Дворца 7185 и 7186 (1677—1678) г. церковь описана такъ: „въ Гуслицкой волости погость, а на погостѣ церковь Преображенія Господня деревянная клѣтчки, на паперть восточная лѣстница, въ церкви мѣстныхъ образовъ:

по правую сторону царскихъ дверей образъ Преображенія Спасова, въ кіотѣ, обложенъ серебромъ; по лѣвую сторону царскихъ дверей—образъ Пресвятыя Богородицы Владимірскія въ кіотѣ, образъ Семилюстиваго Спаса въ кіотѣ, образъ Фрола и Лавра, образъ св. Троицы. На престолѣ индітія полотняная, евангеліе письменное, оболочено бархатомъ, распятіе и евангелисты серебряные, крестъ благословенной; за престоломъ образъ Пресв. Богородицы Одигитріи; на жертвенникѣ сосуды оловянные. Книгъ: служебникъ, минея общая, минея съ праздниками, псалтирь со возслѣдоваціемъ. На наперти 2 колокола. На церковной землѣ во дворѣ пощъ Савва Ѳеодоровъ, во дв. дьячекъ Ларка Ѳеодоровъ и дворъ бобыльской. Подъ дворами и огорода усадебной земли десятина (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. вн. 53, № дѣла 11).

Въ 1742 г., на погостѣ Мошевѣ, на рѣчкѣ Мерзкѣ, церковь Преображенія Спасова деревянная. При ней были: священникъ Елисей Ларіоновъ 1715—1742 г., дьячки: Тимофей Автамоновъ 1715—1726 г., Василій Тимофеевъ 1742 г., пономари: Трофимъ Ивановъ 1715 г. и Герасимъ Семеповъ 1726—1742 г.

Погостъ на Мошевѣ находился во владѣніи въ 1742 г. у Степана Васильевича Лопухина (Отказн. кн. 33, № 10, л. 66, по гор. Москвѣ).

45. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Никольскомъ *).

Церковь Николая чудотворца построена вновь деревянная въ селѣ Никольскомъ около 1660 года. Первое свидѣніе о существованіи сей церкви находимъ въ книгѣ Патр. Приказа за 7185 (1677) г.: „прибыла вновь церковь Николая чудотворца, по челобитью думнаго дворянина Ѳедора Алексѣевича Полтева, въ подмосковной его вотчинѣ, въ селѣ Никольскомъ, а по сказкѣ челоуѣка его Фильки Минина, положено дани съ попова, съ дьячкова, съ вотчинникова съ 8 крестьянскихъ и 10 дворовъ бобыльскихъ, по указной статьѣ, 7 алт. 2 ден., заѣзда гривна. И марта въ 26 день тѣ деньги, на нынѣшній 185, да на прошлый 184 годъ, всего за оба года дани и заѣзда 21 алт. 2 ден. взято“ (Патр. Прик. вн 88, л. 285).

Въ дозорныхъ книгахъ Казеннаго Приказа 7188 (1680) г. говорится: „въ Каменскомъ стану (Московскаго уѣзда), въ вотчинѣ стольника Василія Ѳеодорова сына Полтева, въ селѣ Никольскомъ церковь

*) Нынѣ село Никольское (Полново) Богородскаго уѣзда.

во имя Николая чудотворца деревянная, у церкви во дворѣ попѣ Аверкій Федотовъ, да дьячекъ Евсютка Аверкіевъ и попѣ Аверкій сказаль: построена де та церковь тому нынѣ лѣтъ съ 20, а земли де церковныя пашни и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ“ (Патр. Прик. кн. 141, л. 208).

„Въ 7193 (1685) г., апрѣля въ 8 день, по указу патріарха, по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Ивана Векентьева, въ которой написано: по указу великихъ государей, а по челобитью стольниковъ Василія да Якова Федоровыхъ Полтевыхъ въ вотчинѣ ихъ въ деревнѣ Агафоновѣ, къ новопостроенной церкви Николая чудотворца, изъ вотчинной земли, изъ ихъ дачъ, отведено пашни 10 чети, да сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ и та земля къ той церкви справлена,—въ Казенномъ Приказѣ велѣно: на церковь Николая чудотворца съ пашни и сѣнныхъ покосовъ дани прибавить къ прежнему окладу 8 алт. 2 ден. и тѣ деньги велѣно имать со 194 года“ (Патр. Прик. кн. 141, л. 539 об.).

Въ 1704 г. въ селѣ Никольскомъ находилась одна деревянная церковь, а въ 1709 г.—двѣ церкви: деревянная и каменная во имя Николая чудотворца. При нихъ были священники: Перфілій Даниловъ 1704—1710 г. и Максимъ Максимовъ 1715—1729 г., дьячки: Василій Яковлевъ 1704—1736 г. и Иванъ Перфильевъ 1704—1729 г.

Село Никольское до построения въ немъ церкви было деревнею подъ названіемъ „Сущево, Агафоново тожъ, на рѣчкѣ Татаркѣ“, находившеюся въ 1623 г. Московскаго уѣзда, въ Каменскомъ стану, „въ помѣстьи за княземъ Дмитріемъ Петровичемъ Пожарскимъ, по государевѣ грамотѣ 126 (1618) году, что прежь село было за Суботою Рогатина, въ деревнѣ дворъ помѣщиковъ, дворъ прикащиковъ, да крестьянъ 4 двора“. Послѣ князя Пожарскаго эта деревня досталась его племяннику князю Семену Пожарскому, въ 1644 г. она продана Ларіону Антонову Слотину; въ деревнѣ числилось въ 1646 г. 4 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, въ нихъ 8 челов. По смерти Ларіона Слотина имѣніе ему принадлежавшее, согласно его завѣщанія, продано изъ Патріаршаго Разряда, въ 1659 г., думному дворянину Федору Алексѣевичу Полтеву. При этомъ владѣльцѣ въ деревнѣ Агафоновой построена вновь церковь Николая чудотворца, отъ чего деревня и названа по церкви селомъ Никольскимъ, а въ послѣдствіи оно въ отличіе отъ другихъ селъ Никольскихъ стало называться по фамиліи владѣльца „Полтевымъ“. Въ 1678 г., въ селѣ Никольскомъ находились: дворъ вотчинниковъ съ 6 семьями дѣловыхъ людей, въ нихъ 13 челов., 5 дв. крестьянскихъ и 6 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 37 человѣкъ. Въ 1679 г. селомъ владѣла жена Федора Алексѣевича Пол-

тева вдова Фека Понкратьевна, въ 1681 г.—ихъ дѣти стольники Василій и Яковъ Федор. Полтевы. Послѣдній заложилъ село Никольское въ 1703 г. Федору Матвѣвичу Апраксину, умерш. въ 1728 г., который духовнымъ завѣщаніемъ просилъ своихъ душеприкащиковъ „имѣніе село Никольское и деревню Харитову послѣ его смерти продать и деньги, вырученныя за оное имѣніе, употребить на раздачу милостынь и на искупленіе плѣнныхъ“. Въ 1729 г. это имѣніе продано барону Андрею Ивановичу Остерману и за нимъ утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ говорится: „въ селѣ церковь каменная во имя Николая чудотворца, а на ней кровля сгнила и отъ течи стѣны повредились, да въ селѣ дворъ вотчинниковъ съ дворовыми людьми; въ деревнѣ Харитоновѣ было 13 дв. крестьянскихъ. Въ 1741 г. у Остермана имѣнія были взяты въ казну, а въ 1742 г. село Никольское пожаловано его дѣтямъ гр. Федору и Ивану Андр. Остерманъ (Писцов. кн. 261, л. 108—109; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 5, № дѣла 7, вязка 4, № дѣла 5; переписн. кн. 9809, л. 406—407, кн. 9813, л. 468; кн. 9817, л. 265; отказн. кн. 24, л. 215, кн. 31 № 20).

46. Ц. Троицы Живоначальная въ селѣ Троицкомъ *).

Троицкая церковь построена вновь деревянная въ 1677 году. Во книгамъ Патр. Каз. Приказа за 7185 (1677) г. записано: „прибыла вновь церковь Живоначальная Троицы, въ Доблинскомъ стану, въ вотчинѣ князя Федора Семеновича Борятинскаго, въ селѣ Троицкомъ, а по сказкѣ тоя церкви попа Александра, положено дани съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, съ вотчинникова, да съ 5 дворовъ дѣловыхъ людей, по указной статьѣ, 2 алт. 5 ден., заѣзда гривна; апрѣля въ 10 день, тѣ деньги на нынѣшній 185 г. платилъ князя Борятинскаго человекъ Мишка Михайловъ“ (Патр. Прик. кн. 81, л. 285).

Въ 7188 (1680) году: „церковь св. Троицы деревянная, у церкви во дворѣ попъ Александръ Сисоевъ, во дв. дьяконъ Иванъ Лаврентьевъ, во дв. пономарь Алешка Ивановъ; во дв. просвирица, въ той церкви пашни и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а учинена ему попу съ причетники руга“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 235).

Въ селѣ Троицкомъ, вотчинѣ дьяка Андрея Ратманова, вмѣсто ветхой церкви построена была новая деревянная церковь во имя Св.

*) Нынѣ село Троицкое (Ратманово) Богородскаго уѣзда.

Троицы и во дню ея освященія, по благословенной грамотѣ, 1707 года ноября въ 1 день выданъ антиминосъ Покровскаго собора церкви Св. Троицы попу Феодору (Патр. Прих. вв. 138, л. 301).

Въ 1709—1724 гг. церковь деревянная Живоначальныя Троицы, при ней были священники: Григорій Алексѣевъ 1704—1710 г., Семенъ Яковлевъ 1715 г., Алексѣй Даниловъ 1726—1731 г.; дьячки: Иванъ Александровъ 1704 г. Никифоръ Аврамовъ 1715—1726 г.

Село Троицкое до построения въ немъ церкви—деревня Фодотова, находившаяся, въ 1623 году, Московскаго уѣзда, Доблинскаго стана, въ вотчинѣ „за князь Григорьемъ за князь Петровымъ сыномъ Борятинскимъ, по государевѣ грамотѣ 126 (1618) года и по полюбовному раздѣлу съ княземъ Никитою Борятинскимъ, что было въ помѣстьи за Андреемъ Клешина и за Борисомъ Хохловымъ“, въ деревнѣ былъ одинъ дворъ вотчинниковъ, а въ 1646 г.—дворъ крестьянской и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 4 челов. (Шисцов. вв. 261, л. 149—150). Послѣ князя Григорья Борятинскаго деревня Фодотова досталась въ 1652 г. его родному племяннику князю Фодору Семеновичу Борятинскому, при которомъ была построена въ этой деревнѣ церковь Св. Троицы, отъ чего деревня и стала называться селомъ по церкви Троицкимъ; въ селѣ были въ 1678 г. дворы: вотчинниковъ, прикащиковъ и скотный; въ нихъ жили задворные люди 39 челов. и 3 двора бобыльскихъ съ 13 челов. Князь Фодоръ Сем. Борятинскій отдалъ свое имѣніе, въ 1694 г., дѣтямъ князьямъ Михаилу, Фодору, и Семену. Послѣдній продалъ село Троицкое въ 1705 г. дьяку Андрею Григорьевичу Ратманову, по фамиліи котораго это село въ отличіе отъ другихъ селъ Троицкихъ носить и до нынѣ названіе „Ратманово“ (Вотч. Кол. по гор. Москвѣ ст. л. вв. 31, № дѣла 20 и Переп. вв. 9813, л. 486 об. и вв. 9817, л. 289).

Въ 1723 г. у Ратманова имѣнія были отписаны на великаго государя и въ 1724 г. село Троицкое пожаловано Егору Лукичу Милокову, а въ 1743 г. отъ него оно продано Алексѣю Родионову Фодорову и въ 1750 г. куплено московскимъ купцомъ Гавриломъ Шотоповымъ Клюевымъ „въ паровому его заводу“ (Вотч. Кол. по гор. Москвѣ стар. л. вв. 73, № дѣла 5, отказн. вв. 29, л. 67).

47. Ц. Николая чудотворца на погостѣ, на рѣчкѣ Мерзкѣ*).

Николаевская церковь деревянная, построенная изстари на погостѣ, на рѣчкѣ Мерзкѣ, находилась Коломенскаго уѣзда, Брошевскаго

*) Нынѣ погостъ Николо-Нерскій (Николаевскій у рѣчки Нереной) Бронницкаго уѣзда.

стана, дворцовой Гвоздинской волости, въ Коломенской епархіи; въ 1646 г. при церкви былъ во дворѣ попъ Никиты“. Въ 17185 (1677) году „по переписнымъ книгамъ Чудова монастыря уставщика Моисея прибыла вновь (въ нѣдѣніе Патріаршаго Приказа) церковь Николая чудотворца, что на погостѣ, на рѣчкѣ Мерзкѣ, изъ Коломенской епархіи; дани положено 2 руб. одинъ алт., заѣзда гривна. И августа въ 30 день на 184 и на 185 годъ дани и заѣзда 4 рубли 8 алт. 4 ден. платилъ староста поповскій Георгіевскій попъ Максимъ“ (Патр. Прив. кн. 88, л. 286 и переписн. кн. 9809, л. 69).

По дозорнымъ книгамъ 17188 (1680) года: „въ Брошевскомъ стану, на рѣчкѣ Мерзкѣ погостѣ, на немъ церковь Николая чудотворца деревяная, у церкви во дворѣ попъ Іаковъ Васильевъ, дьячекъ Мишава Тихоновъ, да просвирица; церковь построена изстари, пашни паханой церковной земли 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 50 копенъ, лѣсу непашеннаго вдоль на полверсты, а поперекъ четверть версты; а въ спискахъ съ писцовыхъ книгъ той церкви и церковной земли не написано, а по переписнымъ книгамъ 1703 г. въ приходѣ оной Николаевской церкви 49 дворовъ, пашни 13 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 30 копенъ, поперстнаго лѣсу на полверсты, поперекъ четверть версты“ (Патр. Прив. дозорн. кн. 141, л. 195—196 и вяка 469, № дѣла 2570).

1707 г., октября въ 4 день, выданъ антиминсъ, по благословенной грамотѣ, въ Московской уѣздъ, въ Гвоздинскую волость, что на рѣчкѣ Мерзкой, въ новопостроенную церковь, въ придѣлѣ Флора и Лавра (Патр. Прив. кн. 138, л. 300).

При церкви были священники: Василій Яковлевъ 1710 г., Иванъ Григорьевъ 1720—1722 г., Степанъ Михайловъ 1722—1726 г. и Яковъ Васильевъ 1735 г., дьяконъ Иванъ Михайловъ 1726 г.

48. Ц. Преображеніе Спасово въ селѣ Либерцахъ *).

Церковь Преображенія Господня деревянная построена около 1632 года въ деревнѣ Либерцы, Назарово тожъ, которая и стала потомъ селомъ. По книгамъ Патр. Приказа за 1631—1632) г. извѣстно: „новоприбылая церковь въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ дьяка Ивана Грязева, во имя Преображенія Господня да въ предѣлѣ Іоанна Предтечи, дана положено 5 алт. 2 ден. и вывѣшняго 140

*) Имя сего села Либерцы (Либерцы) Московскаго уѣзда.

(1632) года, февраля въ 24 день, по челобитью дьяка Ивана Грязева, дана ему государева Патриархова несудимая грамота, а велѣно ему съ той церкви дань платить на Москвѣ вдвое. И февраля въ 28 день тѣ деньги на нмѣшній 140 годъ платилъ Иванъ Грязевъ*.

Деревня Либерницы, Назарово тожъ, на рѣчкѣ Либерницѣ, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) гг. находилась Московскаго уѣзду, въ Островецкомъ стану, въ вотчинѣ, одна половина — „за дьякомъ Иваномъ Кирилловымъ Грязевымъ, по закладной Семена Давыдова 129 (1621) года, приданая его Семенова жены Прасковьи Куприяновой дочери Горсткіна вотчина, что было прежь того въ помѣстьи за Михайломъ Старого, да за Богданомъ Озарнова, а другая половина — за подьячимъ Федоромъ Дементьевымъ сыномъ Порошина, по закладной вдовы Татьяны Кирилловскія жены Горсткіна да сына ея Василья 129 (1621) года; въ деревнѣ дворъ вотчинниковъ и 9 дворовъ крестьянскихъ“ (Писцов. кн. 261 л. 51—53).

Подъ 1646 г. значится: половина села во владѣніи Мины Грязева, что было за его роднымъ братомъ Иваномъ Грязевымъ, и другая половина — вдовы Прасковьи Яковлевской жены Михайлова сына Милославскаго съ дѣтьми съ Федоромъ и Григорьемъ; въ селѣ числилось 18 дворовъ крестьянскихъ съ 45 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 401). Потомъ это село было отписано на великаго государя и въ 1676 г. пожаловано боярину Ивану Михайловичу Милославскому, въ селѣ находились: кромѣ церкви Преображенія Господня деревянной, другая церковь Пресвятыя Богородицы Казанскія деревянная жъ, строеніе вотчинниково, дворъ боярской и 10 дв. крестьянскихъ съ 31 челов. При церкви были въ 1676—1680 гг. священникъ Григорій Дмитріевъ (у котораго принято въ 1677 г. „въ Патр. Приказъ съ дву вдовцовъ, оба вторымъ бракомъ, вѣчныхъ пошлинъ по 8 алт. по 2 деньги), во дворѣ дьячекъ Ивашко Семеновъ да просвирица*. Церковной земли при той церкви не было, а выдавалось ему попу съ причетники руга* (Отказ. кн. 10 № 77 по гор. Москвѣ, Переписн. кн. 9813 л. 451—452, Патр. Прик. дозорн. кн. 141 л. 220—221).

Послѣ Ивана Михайловича Милославскаго село Либерницы (оно же Новопроебраженское) принадлежало въ 1704 г. князю Алексѣю Петровичу Прозоровскому, „въ селѣ находилась церковь каменная во имя Преображенія Господня, дворъ вотчинниковъ, дворъ прикащиковъ 2 дв. конюховъ и 27 дв. крестьянскихъ“. Князь Прозоровскій отказалъ по духовному завѣщанію село Либерницы Александру Даниловичу Меншикову и за нимъ оно утверждено въ 1705 г. отказною книгою (Отказ. кн. 29 л. 36—37; Переписн. кн. 9817 л. 112).

При церкви были священники: Алексѣй Андреевъ 1704 г. Петръ Владиміровъ 1713—1731 г., дьяконъ Иванъ Савельевъ 1715 г., дьячки Иванъ Семеновъ 1680—1726 г., Трофимъ Ивановъ 1726 г.

49. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Кудиновѣ*).

Церковь Покрова Пресв. Богородицы съ придѣломъ Николая чудотворца деревянная клѣтчки, построенная думнымъ дьякомъ Ѳедоромъ Лихачевымъ, находилась по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ „на погостѣ Покровскомъ, на рѣчкѣ Шероходкѣ“, Московскаго уѣзда, въ Каменскомъ стану, „у церкви были: во дв. попъ Родіонъ Семеновъ, во дв. пономарь Давыдка Андреевъ, во дв. про-свирица Орипка, мѣсто церковнаго дьячка Ивашки Семенова, пашни паханныя церковныя земли и лѣсомъ поросло 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ“ (Писцов. кн. 261, л. 129 об.).

Въ окладной книгѣ Патр. Каз. Приказа за 7138 (1629—1630) г. записано: „новоприбылая во 138 году, по книгамъ старосты поповскаго никитскаго попа Зиновія; церковь Покрова Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ думнаго дьяка Ѳедора Лихачева, дани по новому окладу 6 денегъ, кормовая гривна“. „Въ 139 (1631) г. генваря въ 15 день, тоя церкви попу Родивону дана государева патріарша жалованная грамота, велѣно ему дань платить на Москвѣ вдвое“ (Патр. Прик. кн. 5, л. 367, кн. 6, л. 479). Въ доимкахъ писано: съ церкви Покрова Богородицы „дани вдвое на 7146—7151 (1638—1643) гг. по 28 алт. по 3 ден., десятильничихъ и заѣзда по двѣ гривны 7152 (1644) г. іюля въ 28 день, по указу патріарха на прошлые годы половина 3 руб. 5 алт. 3 ден. взято; платилъ печатника Ѳедора Ѳедоровича Лихачева человекъ, а другія половины, по челобитью тоя церкви попа Родіона, для ево скудости, имать съ него попа не велѣно“ (Тамъ же кн. 17, л. 182).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) г. церковь Покрова Пресв. Богородицы, да въ предѣлѣ Николая чудотворца деревянная; у церкви во дворѣ попъ Іеремія Аванасьевъ со причетники; церковною землею владѣеть онъ, попъ, съ причетниками по писцовымъ книгамъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 246 и 297—298).

Рядомъ съ погостомъ Покровскимъ въ 1623 г. находилась вотчина думнаго дьяка Ѳедора Лихачева, да брата его Богдана Терен-

*) Нынѣ село Вудиново (Покровское) Богородскаго уѣзда.

твева сына Лихачева, по государевой грамотѣ 124 (1616) года и по приправочной книгѣ Ивана Филатьева 95 (1597) года, по продажному списку старыхъ вотчинъ, — деревня Новая, Анкудинова тожъ, а въ ней дворъ вотчинниковъ и 3 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ (Писцов. кн. 261, л. 110). Въ 1646 г. эта вотчина принадлежала печатнику Федору Федоровичу Лихачеву; въ деревнѣ числилось 10 дв. крестьянскихъ (Перепис. кн. 9809, л. 405 об.). По смерти Федора Фед. Лихачева его вотчина досталась, по духовной 7165 (1657) г., его зятю князю Ивану Семеновичу Прозоровскому, умерш. 7178 г., который былъ женатъ на Прасковѣ Федоровнѣ Лихачевой, а въ 1678 г. — владѣль ихъ сынъ князь Петръ Ив. Прозоровскій. При этомъ владѣльцѣ деревня Новая, Анкудинова тожъ, называлась селомъ Кудиновымъ, въ которомъ находились: дворъ вотчинниковъ, дв. прикащикій съ 6 челов. дворовыхъ людей и 11 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 34 челов. Въ переписной книгѣ 1704 г. значится: погостъ Покрова Богородицы въ селѣ Кудиновѣ, что словеть Кудиновскій, деревянная церковь Покрова Пресв. Богородицы. При ней были священники: Някита Еремѣевъ 1704—1726 г. и Иванъ Някитинъ 1726—1735 г. и дьяконъ Матвѣй Сергѣевъ 1712—1726 г.

Послѣ князя Петра Ивановича Прозоровскаго село Кудиново досталось въ 1724 г. его дочери княгинѣ Настасѣ Петровнѣ, бывшей замужемъ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, и за нею утверждено отказною книгою того же года, въ которой говорится: въ селѣ Кудиновѣ, на погостѣ церковь Покрова Богородицы съ двумя придѣлами св. пророка Иліи и св. Николая чудотворца (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 42, № дѣла 23; кн. 51, № дѣла 8; переписн. кн. 9813, л. 339 и кн. 9817, л. 257 и 272 об.).

За 1734 и 1735 годы: „съ церкви Покрова Пресв. Богородицы, да въ придѣлѣ Николая чудотворца на погостѣ Покровскомъ, у рѣчьи Шарны (sic), дани и заѣзда и десятельница доходу рубль 35½ коп., казенныхъ пошлинь 17 коп., нужнѣйшихъ 2¼ коп., и на подмогу полковымъ попамъ 10 коп.; платяль тожъ церкви попъ Иванъ Някитинъ“ (Патр. Прик. кн. 377, л. 256, кн. 379, л. 26).

50. Ц. Троицы Живоначальная на погостѣ, въ Раменцѣ у Борисоглѣбскаго озера *).

Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда въ дворцовой волости Раменцѣ, на погостѣ, у Борисоглѣбскаго озера существовала деревянная церковь во имя Бориса и Глѣба, построенная изстари, по ок-

*) Имя село Троицкое Раменье Московскаго уѣзда.

ладу 7136 (1628) г. церковной дани 10 алт., заѣзда 9 денегъ, кормовая гривна“ (Патр. прик. кн. 2, л. 186).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго дворца 139—141 (1631—1633) годовъ: „въ той Борисоглѣбской церкви пустошь, что была деревня Руново, пашни паханья 3 чети безъ третника, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 17 чети съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 80 копенъ, лѣсу пашеннаго 2 десятины, лѣсу непашеннаго 3 десятины; да къ церкви жъ Бориса и Глѣба дано озерко Борисоглѣбское, да пустошь церковная Гребнево, пашни лѣсомъ поросло 30 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, а дали тое пустошь къ церкви Бориса и Глѣба писцы Сергѣй Ступининъ, да подъячкй Василій Ратаевъ“ [Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 348—349].

Въ 7143 (1634—1635) году, по челобитью той церкви попа Карпа, дана патриарша жалованная грамота, а велѣно ему церковная дань платить на Москвѣ вдвое, дани рубль 3 алт., десятильничихъ и заѣзда двѣ гривны. Въ 7151 (1643) году вѣнечныя пошлыны 26 алт. 3 ден. августа въ 30 день платилъ погъ Карпъ“ (Патр. Прик. кн. 11, л. 182 и кн. 196).

Въ 7188 (1680) г. показано: при церкви Бориса и Глѣба во дворѣ вдовый погъ Леонтій Григорьевъ, дьячекъ Ивашко Никитинъ, во дв. попомаръ Смуляко Григорьевъ, церковь построена изстари, пашни церковной земли, по писцовымъ книгамъ 185—187 (1677—1679) гг. 2 четверти, въ пустоши Руново, на вершинѣ Степановскаго болота, пашни церковныя четверть, да лѣсомъ поросло 29 четвертей, въ пустоши Гребневой, отъ рубежа деревни Хрипановой и отъ рубежа Николаевского Угрѣшскаго монастыря пустоши Паньковой, пашни четверть, да лѣсомъ поросло 30 четвертей“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 210—211; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 75, № дѣла 48).

На ногостѣ, у Борисоглѣбскаго озера, построена новая деревянная церковь во имя Живоначальныя Троицы съ придѣломъ св. Бориса и Глѣба и ко дню освященія оной церкви, по благословенной грамотѣ, 1706 года октября въ 14 день, выданъ антиминосъ, подъ росписку тояжъ церкви попа Ивана (Патр. Прик. кн. 138, л. 285 и переписн. кн. 1710 г., л. 181 об.).

1710 г., августа въ 30 день, по указу великаго государя и по приговору боярина Тихона Никитича Стрешнева, отдана изъ Приказа Большаго дворца на оброкъ тайному дѣйствительному совѣтнику графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину въ Московскомъ уѣздѣ Раменская волость съ селами и деревнями и со всеми угодами и пла-

тить ему въ Приказъ Большаго двorca денежныя и вслѣдъ доходы сполна⁴. Погостъ Бориса и Глѣба назывался селомъ по церкви Троицкиѣ и Новотроицкиѣ. Въ 1722 г. Раменская волость пожалова ему же графу Мусину-Пушкину къ вѣчное владѣніе (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. 1. кн. 67, № дѣла 4).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа за 1725 г. значится: „сентября въ 21 день, запечатанъ указъ о строеніи церкви тайному дѣйствительному совѣтнику и сенатору графу Ивану Алексѣевичу Мусину - Пушкину, велѣно въ Московскомъ уѣздѣ въ вотчинѣ ево, въ селѣ Новотроицкомъ, вмѣсто ветхой деревянной Троицкой церкви, построить въ томъ же селѣ вновь церковь во имя Живоначальныя Троицы каменную; пошлѣнь 3 алт. 2 ден. нужнѣйшихъ одна четь взято; приписъ на указѣ казначея іеромонаха Филагрія, да секретаря Ивана Орлова“ (Патр. Прик. кн. 289, л. 96).

Послѣ графа Ив. Алекс. Мусина-Пушкина, умерш. 21 іюля 1730 г., имѣніе досталось его сыну графу Платону, у котораго оно потомъ отписано по именному царскому указу и причислено по прежнему къ дворцовому вѣдомству. Въ 1749 г. оно пожаловано графу Алексѣю Бестужеву-Рюмину. Въ 1768 г. селомъ Троицкиѣ, что у Борисоглѣбскаго озера, въ Раменцѣ, владѣль князь Михаилъ Никитичъ Волконскій — племянникъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 21, № дѣла 22, кн. 75, № дѣла 28).

При Троицкой церкви были: священникъ Иванъ Леонтьевъ 1706—1726 г. дьяконъ Матвѣй Ивановъ 1710—1726 г., дьячекъ Алексѣй Потаповъ 1726 г. и пономари: Андрей Селуяновъ 1710 г. и Михаилъ Андреевъ 1726 г.

51. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Бесѣдахъ *).

7131 и 7132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда въ Шеренскомъ и Отгѣзжемъ стану находилось „за княземъ Алексѣемъ Никитинимъ сыномъ Трубенкиѣ въ помѣстьи, по государевѣ грамотѣ 131 (1623) году, что было прежь сего вотчина Андрея Быкасова, пол-села Бесѣды, на рѣчкѣ Дубенкѣ; одна четверть того села въ помѣстьи за Степаномъ Юрьевымъ и другая четверть въ порожихъ земляхъ, что было помѣстье боярина князя Дмитрія Тимоѣевича Трубецкаго; въ селѣ церковь Николы чудотворца древяна клѣтци стоитъ пустъ, безъ пѣ-

*) Ныѣ Бесѣды, сельцо, Богородскаго уѣзда.

нія; да въ селѣ на половинѣ князя Алексѣя Трубецкаго дворъ помѣщиковъ съ дѣловыми людьми, дв. крестьянской и 4 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ тожь“. За ними же было во владѣніи пустошь, что было село Воскресенское, съ церковнымъ мѣстомъ Воскресенія Христова (Писцов. кн. 9807, лл. 983, 985 и 1019).

Въ 1646 г. село Бесѣды принадлежало князю Алексѣю Никитичу Трубецкому; „въ селѣ церковь Николая чудотворца деревяная, у церкви во дв. попъ Клементій Наумовъ, да въ селѣ 8 дворовъ крестьянскихъ съ 22 челов.“ Послѣ князя Алексѣя Трубецкаго село Бесѣды съ пустошью Воскресенскою, по духовному его завѣщанію 1664 г., досталось внуку его князю Юрію Петровичу Трубецкому, а отъ него было продано въ 1676 г. стольнику Ѳедору Саввичу Нарбекову (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 81, № дѣла 2).

Церковь Николая чудотворца въ 1678 году обложена данью, которая собиралась въ Патріаршую казну. Въ книгѣ Казеннаго Приказа написано: „во 186 году, по книгамъ Вохонскія десятины поповскаго старосты покровскаго попа Еремѣя, прибыла вновь церковь въ вотчинѣ стольника Ѳедора Нарбекова Николая чудотворца, дани на тоя церковь положено 7 алт. 2 ден., заѣзда гривна и тѣ деньги платилъ староста поповскій попъ Еремѣй“ (Патр. Прик. кн. 91, л. 253 об.).

Въ 1678 г., въ селѣ Бесѣдахъ находились: дворъ вотчинниковъ въ которомъ жили прикащикъ и 3 семьи дѣловыхъ людей съ 7 челов. и 4 дв. крестьянскихъ съ 41 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 419—421).

Церковь Николая чудотворца въ селѣ Бесѣдахъ была построена новая и ко дню освященія ея, по благословенной грамотѣ, данъ антиминсъ 1691 года, октября въ 19 день (Патр. Прик. кн. 138, л. 21).

Въ 1700 г. Ѳедоръ Саввичъ Нарбековъ отдалъ это село съ пустошью Воскресенскою нѣприданое дочери своей дѣвицѣ Ѳеклѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Григорья Алексѣевича Урусова, за которымъ оно и было утверждено того же года отказною книгою, гдѣ говорится, что въ селѣ Бесѣдахъ, кромѣ церкви Николая чудотворца, была другая церковь Воскресенія Христова съ трапезою, да въ предѣлахъ: Похвалы Пресв. Богородицы и Всѣхъ Святыхъ, не освящена; колокольня шатровая, все строеніе вотчинниково дореволюционное (Отказн. кн. 21, л. 1248, по гор. Москвѣ). Въ 1704 г. въ селѣ были дворы: вотчинниковъ, прикащикій и свотный, въ нихъ 12 челов. и 25 дворовъ крестьянскихъ съ 80 челов. (Переписн. кн. 9817 л. 393). Князь Григорій Урусовъ, по смерти своей жены, имѣніе отдалъ въ приданое дочери своей княжнѣ Софьѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Алексѣя Ивановича Щербатова, въ 1734 г. село Бесѣды куплено

у кн. Щербатовой Ивановъ Васильевичемъ Левашовымъ, въ 1744 г. продано жёнѣ Петра Артемьевича Локостова Прасковѣ Ивановнѣ и въ 1755 г. оно находилось во владѣніи у ихъ дочери Марьи Локостовой (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. вн. 79, № дѣла 9; вн. 20 № дѣла 8).

При церквяхъ Николая чудотворца и Воскресенія Христова были священники: Косма Григорьевъ 1700—1710 г., Маркель Кузьминъ 1715—1717 г., бывшій дьякономъ при оныхъ же церквяхъ 1704 г., Василій Варфоломѣевъ 1718—1731 г. и Иванъ Ивановъ 1735 г.

52. Ц. Казанскія Пресвятія Богородицы въ селѣ Марковѣ *).

Въ началѣ XVII ст. Московскаго уѣзда, въ стану Замосковномъ Раменцѣ „въ порожнихъ земляхъ“ находилось „Образцовское помѣстье Ондреева пустошь Марковская“, проданная изъ помѣстнаго Приваза въ 1629 г. Борису Дворянину въ его вотчину (Помѣстн. Прик. столб. 84, № 6).—Борисъ Дворяниновъ поставилъ на пустоши Марковской для себя дворъ, поселилъ крестьянъ и здѣсь же построилъ новую деревянную церковь во имя Казанскія Пресвятія Богородицы съ придѣлами. Въ 1642 г. Марково—село поступило во владѣніе боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, и за нимъ утверждено того же года отъязною книгою, въ которой между прочимъ говорится: „въ селѣ церковь Пречистыя Богородицы Казанскія древяна вверхъ, да въ предѣлахъ Ивана Предтечи, предѣлъ Бориса и Глѣба, предѣлъ Николая чудотворца, предѣлъ Макарія Унженскаго чудотворца, а царковъ и въ церкви образы и книги и ризы и сосуды церковные и на колокольницѣ колокола и всякое церковное строеніе вотчинниково Бориса Дворянинова, да въ селѣ дворъ поповъ, дв. дьячювъ, дв. вотчинниковъ Борисовъ, да 8 дв. людскихъ крестьянскихъ пустыхъ; а поца и дьяча и людей своихъ и крестьянъ Борисъ Дворяниновъ вывезъ съ собою“ (Отказн. кн. 13, л. 1124, по гор. Москвѣ). Въ 1646 г. въ селѣ Марковѣ находились: „у церкви во дв. попъ Семень, дв. боярскій Ѳедора Ивановича Шереметева (Переписн. кн. 9809, л. 422 об.).

Въ 1672 г. селомъ Марковымъ владѣлъ князь Яковъ Никитичъ Одоевскій.

Въ 1678 г. при церкви были священники: Артемонъ Михайловъ и Алексѣй Васильевъ, дьяконъ Андрей Васильевъ; „да въ селѣ дв.

*) Нынѣ село Марково Бронницкаго уѣзда.

вотчинниковъ, дв. прикащика, 2 дв. бобыльскихъ и 4 дв. конюховъ, въ нихъ 14 челов.“ (Переписн. кн. 9813 л. 523).

Въ доворныхъ книгахъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. написано: июля въ 28 день, по досмотру князя Ивана Андреевича Шелешпальскаго да подьячаго Михаила Арцыбушева, въ вотчинѣ бояринд князя Якова Никитича Одоевскаго, въ селѣ Марковѣ церковь каменная во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія; а по сказкѣ той церкви попа Алексѣя Васильева, та де церковь Вохонской десятины, Лужецкаго стана, строеніе боярское; живутъ у той церкви два попа, да дьяконъ съ причетники, а руги имъ съ причетники: денегъ 17 руб. 23 алт. 2 ден., хлѣба—ржи 40 чети, овса тожь, да имъ же на прокормленіе на соборъ дано изъ боярскаго жалованья, изъ его боярской земли 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужь, сына 20 копенъ“ (Патр. Прик. дозора. кн. 141, л. 746 об.).

Въ 1704 г. село Марково принадлежало князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому, а владѣла селомъ по договору его теща жена князя Якова Никитича Одоевскаго, вдова боярыня Анна Михайловна, въ селѣдворъ боярскій пустъ, дв. прикащиковъ, 4 дв. дворовыхъ кабалныхъ людей; да въ деревнѣ Слободѣ 19 дворовъ крестьянскихъ (Переписн. кн. 9817, л. 130 об.) Послѣ князя Михаила Яковл. Черкаскаго владѣль селомъ въ 1715—1726 гг. его сынъ князь Алексѣй (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 12, № дѣла 5).

При церкви Казанскія Богородицы были священники: Петръ Алексѣевъ 1704—1726 г., Алексѣй Ивановъ 1715 г., дьяконы Андрей Васильевъ 1678—1710 г., Максимъ Михайловъ 1715 г., Маркъ Венедиктовъ 1726 г.; дьячки: Михаилъ Алексѣевъ 1704—1715 г. и Афонасій Адриановъ 1726 г.

53. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Карачаровѣ*).

Московского уѣзда, въ Почерневѣ стану, по приправочнымъ книгамъ 79 (1571) года, находилась вотчина Спаса Андроньева монастыря село Карачарово, которое въ началѣ XVII ст. значится „пустошью“, отданною „за строеніе Василію Стрешневу (Шисцов. кн. 261, л. 232). Василій Стрешневъ на пустоши Карачаровой поставилъ для себя дворъ, а около оной пустоши поселилъ крестьянъ и построилъ

*) Нынѣ село Карачарово Московскаго уѣзда.

двѣ церкви. Въ переписныхъ книгахъ 7154 (1646) г. написано: „за бояриномъ Васильемъ Ивановичемъ Стрешневымъ въ вотчинѣ, что было за Андроньевымъ монастыремъ, село, что была пустошь Карачарово, а въ селѣ церковь Трехъ Святителей Вселенскихъ, да дворъ боярской, въ немъ живутъ боярскіе дворовые люди, 4 дв. задворныхъ людей съ 7 челов. Новая слобода Карачаровская, а въ ней церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы у церкви во дв. попь Мартинъ, во дв. дьячекъ Мишка Дементьевъ, да крестьянъ 42 дв. въ нихъ 111 челов.“ (Переписн. кн. 9809, л. 395 об.).

Въ 1661 г. село Карачарово со всѣми принадлежащими къ нему угодьями отдано было по прежнему въ вотчину въ домъ Спаса Андроньева монастыря. Въ отказныхъ книгахъ Помѣстнаго Приказа 7169 г., іюня въ 4 день, по которымъ утверждено за монастыремъ это село, между прочимъ говорится: „по челобитью Спаса Андроньева монастыря архимандрита Діонисія съ братьею отказано въ домъ Спаса Андроньева монастыря въ вотчину, что была та вотчина за бояриномъ за Васильемъ Ивановичемъ Стрешневымъ, село Карачарово, а въ немъ церковь Трехъ Святителей Василия Великаго Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, да въ предѣлѣ Евдокеи мученицы, да въ селѣ жъ дворъ монастырской, что былъ боярской, дв. прикащиковъ, дв. скотный, въ селѣ жъ два пруда. Да на карачаровской землѣ построена слобода, а въ ней церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлѣ Михаила Клопскаго, обѣ церкви деревянныя верхи шатровые, а въ церквахъ образы, и книги, и ризы и колокола стросіе боярина Василия Ивановича Стрешнева; у церкви Знаменія Пресв. Богородицы во дв. попь Варфоломей Гавриловъ, служатъ у обонхъ церквей, переходя, во дв. дьячекъ Ивашка Алексѣевъ, да въ слободѣ крестьянъ и бобылей 17 дв.“ (Отказная кн. 6, № 176 и 200 по гор. Москвѣ).

Въ книгѣ Патр. Прик. подъ 7185 (1676—1677) г. записано: „по переписнымъ книгамъ Чудова монастыря уставщика Моисея, прибыла вновь церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ Спаса Андроньева монастыря, въ селѣ Карачаровѣ, данн 10 алт. 4 ден. заѣзда гривна. И августа въ 30 день тѣ деньги платилъ подьячій Григорій Рукинъ. Да съ той же церкви на прошлый на 184 годъ дани и заѣзда 14 алт. взято; да съ попа Кирилла той же церкви взято вѣчными пошлина, что онъ вѣнчалъ въ своемъ приходѣ, въ прошломъ во 184 году, съ одного брака 8 алтынъ 2 деньги, съ одного брака 6 алт., съ одного жъ браву 4 алт. всего 18 алт. 2 ден.“ (Патр. Прик. кн. 88, л. 286).

Въ 1678 г., въ селѣ Карачаровѣ числилось 22 двора крестьянскихъ въ нихъ 64 челов. и 3 челов. въ монастырскомъ дворѣ (Переп. кн. 9812, л. 276—279).

Въ 1680 г. при церкви Знаменія Пресв. Богородицы были „во дв. попъ Павелъ Карповъ, во дв. дьячекъ Ивашка Алексѣевъ; церковь построена на стары, а земли къ той церкви и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а служить онъ, попъ, у той церкви изъ руги, а въ писцовыхъ книгахъ той церкви и къ ней земли не написано“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 245 об.).

Въ 1704 г. церковь Знаменія Пресв. Богородицы деревянная, въ селѣ дворъ монастырской и 28 дв. крестьянскихъ. При церкви были священникъ Спиридонъ Петровъ 1697—1726 г., дьяконъ Елистратъ Петровъ 1704—1715 г., дьячки: Афанасій Ивановъ 1704 г., и Степанъ Афанасьевъ 1715—1726 г. (Перенисн. кн. 9817, л. 793 и 1 ревизія кн. 1720 г., л. 23 и кн. 1726 г. л. 161).

54. Ц. Казанскія Пресвятія Богородицы въ селѣ Котельникахъ *).

Церковь Казанская Пресв. Богородицы въ селѣ Котельникахъ въ 7188 (1680) г. была каменная, построенная вновь, нужно полагать, бояриномъ Морозовымъ, но когда—неизвѣстно. При церкви находились: „во дворѣ попъ Матвѣй Ѳедоровъ, которому выдана ставленная грамота къ оной церкви во 183 (1674—1675) году, во дв. дьячекъ Афонка Захарьевъ. И попъ Матвѣй (при досмотрѣ церквей по указу патриарха) сказалъ: та церковь Пресвятія Богородицы Одигитрія данью не обложена, а приходскихъ де дворовъ у той церкви—деревни Быковой 20 дв. крестьянскихъ, да деревни Чагиной 15 дв. крестьянскихъ же, а церковной земли пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви не дано, а учинена де ему, попу, изъ Приказа Большаго Дворца руга“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 264; Дворц. Прик. кн. 27, л. 14 об.).

По писцовымъ книгамъ Приказа Большаго Дворца 188 и 189 (1680—1681) гг. „въ дворцовомъ селѣ Котельникахъ церковной земли около кладбища и околицы 2 десятины, на церковной землѣ подъ дворами и огородами попова, дьячкова и просвирицына усадебной земли десятина безъ четверти“ (Правителств. Сената кн. 8, л. 500).

Въ 7192 (1683) г. ноября въ 26 день, по указу патриарха, обложена вновь данью церковь Пресвятія Богородицы Казанскія въ

*) Нынѣ село Котельники Московскаго уѣзда.

Вохонской десятины, въ государевѣ дворцовомъ селѣ Котельникахъ, а даны на тоя церковь положено, по дзорнымъ книгамъ Ивана Соболева 188 (1680) года, съ дворовъ: попова, дьячкова, съ приходскихъ дворовъ въ деревнѣ Быковѣ съ 20 дв., въ деревнѣ Чагинѣ съ 15 дв., а всего съ 37 дворовъ, по указной статьѣ, 12 алт. 3 ден., заѣзда гривна. И тѣ данныя деньги велѣно взять на прошлой 191 и на нынѣшней 192 годъ и впредь имать, а пашни и сѣнныхъ покосовъ въ той церкви ничего нѣтъ, смлять тоя церкви погъ ругу изъ Приказа Большаго Дворца. И іюля въ 29 день, тѣ данныя деньги на 191 и на 192 годъ платилъ тоя церкви погъ Володимиръ съ причетники“ (Патр. Прик. кн. 110, л. 508 об.).

По ружной книгѣ Приказа Большаго Дворца 1699 года выдавалось руги церкви Пресв. Богородицы Казанскія, въ селѣ Котельникахъ: попу 8 руб., ржи 7 четъ и полдва четверика, овса тожъ, дьячку 6 руб. ржи и овса по 6 чети, просвирнѣ и пономарю по рублю, имъ же праздничныхъ за два праздника по 3 руб. въ годъ“, *отмѣчено*: „давать сполна ругу, буде земли и приходскихъ дворовъ нѣтъ, а праздничныи отоставить“ (Дворц. Прик. кн. 96, л. 187).

А по сказкѣ попа съ причетниками и по справкѣ съ Приказомъ Большаго Дворца дано имъ на выпускъ животины земля 4 десятины, въ томъ селѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ 69 дворовъ.

1700 г. іюля 11, великій государь, слушавъ сей выписки, указалъ: того села Котельникова попу съ причетники денежную и хлѣбную ругу не давать и изъ окладу выложить, а удовольствоваться имъ подаваніемъ приходскихъ людей и выпускною землею владѣть имъ попрежнему.

При церкви Казанскія Богородицы были священники: Владиміръ Тимофеевъ 1683—1710 г., Феодоръ Владиміровъ 1717 г., Иванъ Феодоровъ 1753 г., дьячки: Феодоръ Владиміровъ 1710 г. и Григорій Феодоровъ 1717 г. (Переписн. кн. 1710 г., л. 41; Дворц. Прик. кн. 402, л. 27 об.).

Село Котельники въ 1623 г.—деревня Котельниково Московскаго уѣзда, Копотенскаго стана „помѣстье за Ефимомъ Григорьевымъ сыномъ Телепнева, по государевѣ грамотѣ 131 (1623) году, что было въ помѣстьи за Тихономъ Жемчужникова, а послѣ было за Евдокимомъ, да за Иваномъ Витофтовыми, въ деревнѣ дворъ помѣщиковъ, да крестьянъ 3 двора“. Послѣ деревнею Котельниковою владѣли: бояринъ Борисъ Иваыловичъ Морозовъ (1651 г.), его жена вдова боярыня Анна Ильична (1665 г.) и Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ (1668 г.). Въ 1676 г. Котельниково значитса селомъ на прудахъ и колодцахъ, ко-

торое находилось въ дворцовомъ вѣдомствѣ, „а въ селѣ государевъ дворъ, что прежь бывалъ вотчинниковъ, дворъ гдѣ живетъ прикащикъ, да въ селѣ два сада—верхній и нижній, въ верхнемъ саду прудъ, а въ тѣхъ садахъ вишни, яблони, смородина и малина; въ садахъ 3 двора садовниковыхъ“. Въ 1763 г. село Котельники съ деревнею Чагиною именнымъ указомъ пожаловано Ѳеодору Ивановичу Вадковскому, послѣ котораго оно находилось во владѣнїи въ 1779—1790 гг. у его сына Ильи (Писцов. кн. 9805, л. 10, Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, стар. л. кн. 1, № дѣла 12; мол. л. кн. 35, № дѣла 30, кн. 60, № дѣла 20).

55. Ц. Парасковен Пятницы на погостъ Захаровскомъ *).

Московского уѣзда, Замыщскаго стана, въ дворцовой волости Гвозднѣ на погостѣ, что было сельцо Захаровское, въ началѣ XVII ст. стояли двѣ деревянныя церкви, построенныя изстари Рождества Пресвятыя Богородицы и св. мученицы Пятницы. Церковь Рождества Богородицы, говорится въ писцовой книгѣ 7131 (1623) г., „обалилась, а церковь св. Пятницы стоитъ безъ пѣнія, попа нѣтъ, пашни церковной паханой около церквей осмина въ полѣ, а въ дву потомужъ, да сѣна 100 копенъ, а пашеть и косить Гжельской волости Георгиевской попъ Ѳеодоръ“, которому отдана была на оброкъ изъ Патріаршаго Казеннаго Приказа. (Патр. Прик. кн. 116, л. 676; дворц. Прик. кн. 6, л. 104).

Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа за 1686 годъ написано: „іюля въ 31 день, по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфілія Сѣменникова, церковной Рождественской земли на оброкѣ впредь не писать для того, на томъ погостѣ построена Пятницкая церковь, которая обложена данью и писана въ приходной книгѣ жилыхъ церквей подъ Вохонскою десятиною. Къ той церкви, по указу патріарха 194 (1685) г. ноября въ 6 день, благословенъ въ попы ставленникъ Петръ Давыдовъ, а по сказкѣ его, попа, у той церкви въ приходѣ будетъ дворъ его попа, дв. дьячка, дв. просвирницынъ, да въ приходѣ деревня Дворникова, а въ ней 8 дворовъ крестьянскихъ; и іюля въ 31 день 194 (1686) года велѣно: на тое церковь дани положить съ дворовъ, да съ пашни и сѣнныхъ покосовъ, по указной статьѣ, рубль 4 алт., заѣзда гривна. И августа въ 12 день съ вышписанной церкви данныя деньги на

*) Нынѣ погостъ Захарова Броницкаго уѣзда.

194 годъ платилъ тоя жъ церкви погѣ Петрѣ Давыдовѣ, принягъ Ивашко Вешняковъ“ (Патр. Прик. кн. 116, л. 676 кн. 117, л. 270 об. и кн. 121, л. 595).

Въ 1710—1726 гг. церковь св. мученицы Парасковей Пятницы деревянная; при ней были священники: Григорій Петровъ 1710—1726 г., дьячки: Андрей Петровъ 1710 г. Леонтій Савельевъ 1710—1726 г.

Погостъ Захаровскій, на рѣчѣ Захаровскѣ, въ 1710—1715 гг. принадлежалъ князю Александру Даниловичу Меншикову (Переписи. кн. 1710 г. л. 286 и кн. 1715 л. 661).

56. Ц. Покрова Пресвятыя Богородицы въ селѣ Борисковѣ, Осѣчино тожъ *).

Церковь Покрова Богородицы деревянная построена въ 1687 г. княземъ Тимофеемъ Афанасьевичемъ Козловскимъ въ селѣ Борисковѣ Лопухово и Осѣчино тожъ. Подъ 7195 г. написано: „въ прошломъ во 193 (1685) году, мая въ 18 день, билъ челомъ святѣйшему патриарху стольникъ князь Тимофей Афанасьевъ сынъ Козловскій, чтобъ патриархъ пожаловалъ его благословилъ, велѣлъ въ Московскомъ уѣздѣ въ Каменскомъ и въ Оборничѣ станахъ, въ помѣстьи въ селѣ Борисковѣ построить церковь вновь во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. И въ памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Ивана Векентьева 193 года, апрѣля въ 10 день, написано: по указу великихъ государей, и по помѣтѣ и по заручной челобитной стольника князя Тимофея Козловскаго изъ подмосковнаго его помѣстья въ селѣ, что была пустошь Борискова, а Лопухова тожъ, да въ пустоши, что была деревня, Осѣчина пашни 10 четвертей, да сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ велѣно справить въ церкви Покрова Пресв. Богородицы. Да стольника жъ князя Тимофея Козловскаго человѣкъ его Ивашко Лукинъ подалъ въ Казенный Приказъ къ выпискѣ къ той церкви о приходскихъ дворахъ сказку, а въ сказкѣ написано: въ селѣ Борисковѣ въ приходѣ будетъ дворъ помѣщиковъ, 2 дв. задворныхъ людей, 8 дв. крестьянскихъ. И мая въ 16 день, по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфиля Сѣменникова, стольнику князю Тимофею Козловскому о строеніи Покровской церкви благословенная грамота дана, а дани на тое церковь положить по памяти, съ пашни и съ сѣнныхъ покосовъ и съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, пономарева, просвир-

*) Нынѣ село Покровское Осѣчино Борисовка Бронницкаго уѣзда.

нищина и съ вотчинникова, по указной статьѣ, съ 8 крестьянскихъ дворовъ, по 3 деньги съ двора, съ 2 дворовъ задворныхъ людей, по 2 деньги съ двора, всего 15 алтынъ съ деньгою, заѣзда гривна. И тѣ деньги велѣно имать съ нынѣшняго 195 (1686) года и внести въ приходную книгу; и декабря въ 8 день тѣ деньги на нынѣшній на 195 г. платилъ князя Козловскаго человекъ Иванъ Лукинъ“ (Патр. Прик. кн. 121, л. 596; кн. 124, л. 529 об.).

Въ 1704—1726 гг. въ селѣ Покровскомъ, Борисово тожъ, церковь Покрова Пресв. Богородицы деревянная; при ней были священники: Кириллъ Ивановъ 1704 г. и Афанасій Арефьевъ 1706—1726 г.; дьячки: Афонасій Арефьевъ 1704 г., Степанъ Кирилловъ 1706—1715 г.; пономарь Василій Афанасьевъ 1715—1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 252 и 1 ревизіи кн. 1726 г. л. 145).

Въ 1623 г. Московскаго уѣзда въ Каменскомъ стану находилась во владѣніи за князьями Васильемъ и Федоромъ Андреевыми Козловскими, по жалованной грамотѣ 1622 г. помѣстье-деревня Осѣчкина и пустошь Борисовская Лопухово тожъ, въ деревнѣ стоялъ одинъ дворъ помѣщичій съ дѣловыми людьми. Въ 1644 г. это помѣстье принадлежало сыну князя Василья Андр. Козловскаго—Афанасью, при которомъ деревня Осѣчкина значится „пустошь“. Послѣ князя Афанасья Васильева Козловскаго его сынъ князь Тимофей на пустошахъ Борисовѣ, Лопухово тожъ и Осечкиной поселилъ крестьянъ. Въ переписныхъ книгахъ 1678 г. записано: „сельцо Борисово Лопухово и Осѣчкино тожъ, а въ немъ дворъ помѣщиковъ съ 6 челов. дворовыхъ людей 2 дв. задворныхъ людей съ 2 челов. и 8 дв. крестьянскихъ съ 22 челов., а построено то сельцо послѣ переписныхъ книгъ 154 (1646) года“. Въ 1687 г. въ этомъ сельцѣ построена церковь Покрова Богородицы, отъ чго оно и стало называться по церкви селомъ Покровскимъ, Борисово, Лопухово и Осѣчкино тожъ. По смерти князя Тимофея Афан. Козловскаго владѣли селомъ въ 1691 г. его сынъ князь Петръ, въ 1704 г.—родная внука княжна Ирина Петровна, которая потомъ вышла замужъ за Степана Васильевича Лопухина; въ селѣ Покровскомъ числилось въ 1704 г. 10 дв. крестьянскихъ съ 31 челов. и дворъ помѣщичій съ 10 челов. дворовыхъ людей. Въ 1709 г. село продано женѣ князя Василя Ивановича Мещерскаго княгинѣ Дарьѣ Андреевнѣ, а послѣ ей оно находилось во владѣніи въ 1755 г. у ея мужа съ ихъ сыномъ княземъ Алексѣемъ Васильевичемъ Мещерскимъ (Писцов. кн. 9805 л. 60—61, Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 6. № дѣла 8, переписн. кн. 9813, л. 257—258; кн. 9917, л. 252).

57. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Тимонинѣ*).

Николаевская церковь деревянная построена въ селѣ Тимонинѣ въ 1689 г. княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Волконскимъ.

7196 (1698) года марта въ 5 день билъ челомъ святѣйшему патриарху стольникъ князь Михаилъ Андреевъ сынъ Волконскій, чтобъ св. патриархъ пожаловалъ его благословилъ, велѣлъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Вохонской десятинѣ, въ Кошелевъ стану, въ вотчинѣ ево въ сельцѣ Тимонинѣ построить церковь во имя Николая чудотворца. И противъ того челобитья о справкѣ къ той церкви земли попу съ причетники на провормленіе вынесъ въ Казенный Приказъ память, а въ памяти изъ Помѣстнаго Приказу, за приписью дьяка Семена Васильева, нынѣшняго 196 года, марта въ 31 день, написано: по указу великихъ государей и по поступкѣ и по заручной челобитной стольника князь Михаила Волконскаго изъ подмосковнаго его помѣстья въ сельцѣ Тимонинѣ пашни 10 четвертей, сѣна 10 копенъ велѣно справиться къ церкви Николая чудотворца; да стольника жъ князя Михаила Волконскаго человекъ ево Зиновій Голубокъ сказалъ: въ сельцѣ Тимонинѣ въ приходѣ будетъ дворъ поповъ, дворъ дьячковъ, дворъ вотчинниковъ, да къ тому жъ сельцу деревня Новинки, а въ ней 7 дворовъ крестьянскихъ. И апрѣля въ 10 день, по помѣтѣ на выпискѣ казначея старца Паисія Сійскаго, а по челобитью стольника князя Михаила Волконскаго, о строеніи церкви Николая чудотворца благословенная грамота дана, а дани на тое церковь положено по указнымъ статьямъ 13 алт. 4 ден., заѣзда гривна, и велѣно тѣ данныя деньги имать со 197 (1689) года“ (Патр. Прик. кн. 124, л. 531).

Въ 1722 г. въ селѣ Тимонинѣ церковь Николая чудотворца деревянная; при ней были священники: Аѳанасій Никифоровъ 1704 г. и Петръ Аѳанасьевъ 1709—1722 г.; дьячки: Іовъ Аѳанасьевъ 1704—1709 г. и Иванъ Даниловъ 1722 г.

Село Тимонино въ 1623 г.—деревня Тимонина, Савостьянова и Колова тожъ, на рѣкѣ Клязьмѣ, Московскаго уѣзда, Кошелева стана, жалованное помѣстье князей Ивана и Михаила Ѳедоровыхъ дѣтей Волконскихъ; въ деревнѣ былъ одинъ дворъ помѣщичій съ дѣловыми людьми; въ 1629—1671 гг. владѣлъ деревнею князь Андрей—сынъ кн. Михаила Ѳед. Волконскаго. Въ 1646 г. въ деревнѣ Тимониной находились дворъ помѣщиковъ и 2 дв. крестьянскихъ. Послѣ князя

*) Нынѣ Тимонино (Никольское), село Богородскаго уѣзда

Андрея Мих. Волконстаго вотчина его сельцо Тимонино съ деревнею Новинки, Новая тожь, досталась его сыну стольнику кн. Михаилу Андр.; въ 1678 г. въ сельцѣ значится: дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и 3 дв. крестьянскихъ съ 6 челов., а въ деревнѣ—4 дв. крестьянскихъ съ 18 челов. Въ 1704 г. Тимонино, названное по церкви селомъ Никольскимъ, съ однимъ дворомъ вотчинниковымъ и деревня Новинки съ 8 дв. крестьянъ, въ нихъ 48 челов., принадлежали князю Андрею и Михаилу Михайловичамъ Волконскимъ, а въ 1761 г.—ихъ дѣтямъ князьямъ Николаю Аедреевичу и Петру Михайловичу (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 53, № дѣла 17; кн. 80, № дѣла 29; переписн. кн. 9809, л. 373, кн. 9813, л. 402—403; кн. 9817, л. 329).

58. Ц. Иліи пророка въ селѣ Ильинскомъ.

Ильинская церковь построена въ 1689 г. Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа написано: „7197 году, апрѣля въ 22 день, по выпискѣ за помѣтою казначея Андрея Денисовича Владыкина, велѣно: новопостроенныя церкви Иліи пророка, которую построилъ Симонова монастыря архимандритъ Гавріилъ съ братією въ Московскомъ уѣздѣ, Васильцова стана, въ монастырской ихъ вотчинѣ, въ новопоселенномъ сельцѣ Ильинскомъ, на попа съ причетникии положить дани съ дворовъ, по сказкѣ Симонова монастыря стряпчаго Герасима Кулаковскаго, съ попова, съ дьячкова, съ пономарева, просвирницына, съ приходскихъ съ 20 дворовъ крестьянскихъ среднихъ, да съ церковныя земли, которую въ той церкви дали Симонова монастыря архимандритъ Гавріилъ съ братією изъ монастырской своей вотчинной земли деревни Граворнокъ, по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьява Дмитрія Ѳедорова, нынѣшняго 197 года, апрѣля 20 дня, съ пашни съ 10 четвертей, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 19 алт. 3 ден., заѣзда гривна и по тому окладу данныя деньги велѣно имать со 198 года“ (Патр. Прик. кн. 131, л. 600).

Съ 1700 по 1708 г. годъ церковная дань не была уплачена и на Ильинской церкви по книгамъ Казеннаго Приказа числилась „доминка“ по 19 алт. по 3 ден. на годъ. 1708 года, марта въ 30 день, по указу великаго государя и по приказу боярина Ивана Алексѣевича Мустина-Пушкина, велѣно: съ сей церкви Иліи пророка доимку очистить и впредь не писать для того, что той церкви и приходскихъ дворовъ, по сказкѣ того монастыря ссрапчаго Степана Головачева съ

208 (1700) года нѣтъ и церковною землею за тѣмъ, что песчаное, никто не владѣеть, лежитъ пуста“. Подъ 1701 годомъ отмѣчено: „дерковъ свезена“ (Патр. Прик. кн. 177, л. 728 и кн. 204, л. 15).

59. Ц. Дмитрія Селунскаго въ селѣ Малаховѣ *).

Село Малахово, на рѣчкѣ Гжелкѣ, въ 7141 (1623) году, находилось Московскаго уѣзда, въ стану Замосковномъ Раменцѣ „въ помѣстьи за дьякомъ за Тихономъ Бормосовымъ, по государевѣ грамотѣ 130 (1622) года, что было въ вотчинѣ за Григорьемъ Измайловымъ; въ селѣ была церковь Страстотерпца Христова Дмитрія Селунскаго, въ разоренье сгорѣла; да въ селѣшъ дворъ помѣщиковъ и 3 двора крестьянскихъ, пашни церковныя лѣсомъ поросло середней земли 10 чети“ (Писцов. кн. 9805, л. 148—149). Въ 7144—7150 (1636—1642) гг. сельцомъ Малаховымъ владѣлъ Григорій Васильевъ Измайловъ, а въ 7154 (1646) году—его жена вдова Настасья Ивановна; въ сельцѣ числилось 4 двора крестьянскихъ съ 12 челов. Настасья Ив. Измайлова продала это сельцо князю Якову Никитичу Одоевскому, при которомъ въ Малаховѣ находилось въ 1678 г. 12 дв. крестьянскихъ съ 46 челоуѣками и 2 дв. бобыльскихъ съ 2 челов. (Переписн. кн. 9809, л. 425—426; кн. 9813, л. 523—529; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 87, № дѣла 1; отказн. кн. 13, л. 1138).

Князю Одоевскому разрѣшено было построить въ сельцѣ Малаховѣ новую церковь во имя св. Дмитрія Селунскаго. Объ этомъ имѣется запись, въ которой говорится: „7199 (1691) году марта мѣсяца, дана благословенная грамота, по челобитью боярина князя Якова Никитича Одоевскаго, велѣно ему въ Московскомъ уѣздѣ, въ Замосковномъ Раменцѣ, на рѣчки Гжели, въ вотчинѣ ево, въ сельцѣ Малаховѣ, на прежнемъ церковномъ кладбищѣ, построить церковь св. великомученика Дмитрія Селунскаго и тоя церкви на попа съ причетники дани положить съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, пономарева, просвирницына, по указной статьѣ, да съ 15 дворовъ крестьянскихъ, живущихъ въ сельцѣ Малаховѣ, по 3 деньги съ двора, да съ церковной земли, по писцовымъ книгамъ, съ пашни съ 10 чети, по 3 деньги съ чети, всего дани положено 13 алт. 4 ден., заѣзда гривна да казенныя пошрины и десятильничій доходъ по указу. И тѣ деньги 7201 (1692) года, октября въ 21 день, по помѣтѣ на выписѣ Ан-

*) Нынѣ Малахово, село Бронницкаго уѣзда.

дрея Денисовича Владыкина велѣно имать съ нынѣшняго 201 года и тоя церковь внести въ приходную книгу“ (Патр. Прик. кн. 135, л. 563, кн. 149, л. 388).

Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій отдалъ село Малахово въ приданое дочери своей княжнѣ Марѣ Яковл. при выходѣ ея замужъ за князя Михаила Яковлевича Черкаскаго. Въ 1704 г. въ этомъ селѣ было 18 дв. крестьянскихъ; въ 1713 г. оно находилось во владѣнн у князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 45, № дѣла 7).

Въ 1704 г., въ селѣ Малаховѣ церковь св. Димитрія Селунскаго деревянная; при ней были священники: Иванъ Демидовъ 1704 г., Яковъ Алексѣевъ 1709—1726 г., дьячьи: Михаилъ Лаврентьевъ 1704—1715 г., Степанъ Яковлевъ 1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 137, кн. 9821, л. 90—91).

60. Ц. Успенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Чижовѣ *).

Успенская церковь построена въ селѣ Чижовѣ деревянная въ первой половинѣ XVII в. при князѣ Петрѣ Ивановичѣ Пронскомъ—владѣльцѣ этого села. Въ 1646 г. „у церкви пона небыло“ (Переписн. кн. 9809, л. 417).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „въ вотчинѣ боярыни вдовы княгини Авдотьи Ивановны Черкаскаго въ селѣ Чижовѣ церковь Успенія Пресв. Богородицы, у церкви во дворѣ попъ Козма съ причетники; а пашни и сѣнныхъ покосовъ къ той церкви не отведено и въ писцовыхъ и въ данныхъ книгахъ той церкви не написано и пона съ причетники въ домѣхъ не изъѣхали, а по осмотру у той церкви въ приходѣ дворъ боярской, да 8 дворовъ задворныхъ людей“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 242 об.).

Въ 1689 г. князь Данила Григорьевичъ Черкасскій, желая построить въ селѣ Чижовѣ, доставшемся ему по наслѣдству отъ отца, вмѣсто ветхой новую церковь во имя Успенія Богородицы, отдаетъ изъ своего имѣнн священнику съ причетниками земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ и сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 16, № дѣла 10). 7198 (1690) г. іюля въ 21 день, по указу великихъ государей и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина, а по челобитью стольника князя Да-

*) Нынѣ Чижово, деревня Московскаго уѣзда.

вила Григорьева сына Черкаскаго, велѣно: новопостроенныя церкви Успенія Пресв. Б—цы, которую обѣщался онъ построить въ Московскомъ уѣздѣ, въ Почерневѣ стану, въ вотчинѣ своей, въ селѣ Чижовѣ, на попа съ причетники положить дани, по сказкѣ челоуѣка его Василья Ефремова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, съ одного вотчинникова, съ 3 дв. крестьянскихъ и 3 дв. бобыльскихъ, да съ церковной земли съ пашни съ 10 четвертей съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 12 алт. 4 ден., заѣзда гривна. И потому окладу тѣ деньги велѣно имать съ 200 года“ (Патр. Прик. кн. 142, л. 565).

Въ 1729 г. ветхая деревянная церковь Успенія Богородицы изъ села Чижова была перевезена въ деревню Горенки (Тамъ же кн. 368, л. 65).

Чижово въ 1623 году—деревня, что было изстари сельцо, Московскаго уѣзда, Почернева стана, „вотчина за князь Петромъ князь Ивановымъ сыномъ Пронскимъ по памяти изъ Помѣстнаго Приказу 132 (1624) году, что далъ ему тестъ его Григорій Колючовъ, а въ деревнѣ дворъ вотчинниковъ“ (Писц. кн. 261, л. 222—223). Князь Петръ Пронскій въ деревнѣ Чижовѣ построилъ деревянную церковь Успенія Богородицы и деревня обратилась въ село, въ которомъ находился въ 1646 г. одинъ дворъ вотчинниковъ; къ этому селу принадлежала деревня Горенка (въ другомъ мѣстѣ Горелка) съ 11 дворами крестьянъ (Переписн. кн. 9809, л. 417). По смерти князя Петра Пронскаго имѣниемъ владѣлъ, въ 1652—1658 гг., его сынъ князь Иванъ отъ него поступило село Чижово съ деревнею Горенкою, въ 1659 г., въ приданое дочери его—женѣ Семена Шеина—вдовѣ Авдотѣ Ивановнѣ, при выходѣ ся замужъ за князя Григорья Сунчлеевича Черкаскаго, а послѣ ихъ владѣлъ ихъ сынъ князь Данила. Въ 1678 г. въ селѣ Чижовѣ былъ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми и въ деревнѣ Нагоренкахъ (Горенка) 6 дворовъ крестьянскихъ; въ 1704 г. въ томъ же селѣ значатся дворы: вотчинниковъ, скотный и конюшенный, 4 двора кабалныхъ людей и дворы: садовника, поляка и плотника, въ нихъ 24 челоуѣка. Послѣ князя Данила Черкаскаго, умер. 1706 г., владѣлъ селомъ князь Петръ Борисовичъ Черкасскій, отъ котораго оно было продано въ 1724 г. князю Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, а въ 1747 г. куплено графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ; при этомъ владѣльцѣ село Чижово стало по прежнему деревнею (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 99, № дѣла 13; кн. 16, № дѣла 10; переписн. кн. 9813, л. 514—515 и кн. 9817, л. 773).

61. Ц. Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Благовѣщенскомъ Тарасово тожъ, при деревнѣ Мининской *).

Въ началѣ XVII ст., въ Московскомъ уѣздѣ, въ Рогожскомъ стану находились „въ порозжихъ земляхъ“ пустоши: Тарасова и Мининская, принадлежавшія изстари Степану Сукину и Ѳедору Мячину. Въ 1628 г. эти пустоши были проданы изъ Помѣстнаго Приказа въ вотчину Ѳедору Васильеву сыну Нестерову; онъ поселилъ на пустоши Мининской крестьянъ, которая и обратилась въ деревню, въ ней числилось въ 1646 г. 3 двора задворныхъ людей и 3 дв. крестьянскихъ, а потомъ близъ этой деревни на пустоши Тарасовой поставленъ имъ же, Нестеровымъ, для себя дворъ и здѣсь же построена была деревянная церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы съ придѣлами, отъ чего пустошь и стала называться по церкви селомъ Благовѣщенскимъ, Тарасово тожъ.

По смерти Ѳедора Васильева Нестерова помѣстья его и вотчины достались въ 1654 г. его женѣ вдовѣ Ѳедорѣ съ дѣтьми Алексѣемъ и Иваномъ. Вдова Ѳедора съ прожиточнымъ помѣстьемъ послѣ перваго мужа вышла замужъ за Михаила Григорьева Хитрово, которому въ 1666 году Алексѣй и Иванъ Нестеровы, по полюбовному договору, уступили свою вотчину — село Благовѣщенское съ деревнею Мининскою и за нимъ Хитрово, та вотчина утверждена отказною книгою 1672 г., въ которой между прочимъ говорится: „отказано стольнику Михайлу Григорьеву сыну Хитрово вотчина въ Московскомъ уѣздѣ, въ Рогожскомъ стану, село Благовѣщенское, что была пустошь Тарасова, а въ селѣ церковь Благовѣщенія Пресв. Богородицы, да въ предѣлахъ: Василія Кессарійскаго и Ѳедора Савіюта; а въ церкви образы, и книги, и ризы и всякая церковная утварь вотчинниково; а церковь построена на вотчинниковой землѣ, у церкви попа и дьячка нѣтъ, служатъ наемные; да въ селѣ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми; да деревня, что была пустошь Мининская, а въ ней 2 двора крестьянскихъ и 4 дв. задворныхъ людей“ (Отказн. кн. 7 № 136, по гор. Москвѣ)

Въ 1678 г. въ селѣ Благовѣщенскомъ, Тарасово тожъ, находился одинъ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми, а въ деревнѣ Мининской 2 дв.: крестьянскихъ съ 6 челов. и 4 дв. задворныхъ съ 17 челов. (Переписн. кн. 9813, л. 495).

*) Нынѣ сельцо Благовѣщенье Богородскаго уѣзда.

Послѣ Михаила Григорьевича Хитрово имѣніемъ владѣлъ его сынъ Андрей. Онъ построилъ въ 1697 г. на старомъ церковномъ мѣстѣ новую деревянную церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы при деревнѣ Мининской, которая и значится по документамъ Казеннаго Приказа „селомъ“, а въ другомъ мѣстѣ по прежнему деревнею при селѣ Благовѣщенскомъ. О новопостроенной церкви говорится такъ: „7205 (1697) г., мая въ 3 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ Андрея Денисовича Владыкина, велѣно новопостроенныя церкви Благовѣщенія Пресв. Богородицы и великаго чудотворца Николая, которую построилъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Вохонской десятинѣ, въ Рогожскомъ стану въ деревнѣ Мининской стольникъ Андрей Михайловъ сынъ Хитрово, на попу съ причетными положить дани, противъ его челобитья и сказки, съ дворовъ: съ попова, дячкава, пономарева, просвирницына, съ одного двора вотчинникова, съ 8 дв. крестьянскихъ среднихъ, да 2 дв. задворныхъ людей и 2 дв. бобыльскихъ, да съ церковныя земли съ пашни съ 10 четвертей, сѣнныхъ покосовъ съ 10 копень, по указной стѣтѣ, 15 алт. 5 ден., заѣзда гривна, и потому окладу данныя деньги велѣно принимать съ нынѣшняго 205 года. И мая въ 3 день съ вышписанной новопостроенной церкви данныя деньги платилъ стольникъ Хитрово человекъ Гришка Григорьевъ“ (Патр. Прик. кн. 153, л. 645 об.).

Въ 1704—1710 гг. Благовѣщенская церковь стояла „пуста безъ пѣнія“. Село Благовѣщенское съ деревнею Мининскою принадлежало женѣ Андрея Михайлова Хитрово вдовѣ Степанидѣ; въ селѣ находился въ 1704 г. одинъ дворъ помѣщичій съ дѣловыми людьми, а въ деревнѣ 3 двора крестьянскихъ съ 10 челов. (Переп. кн. 9817, л. 293). Потомъ этимъ имѣніемъ владѣла ихъ дочь Прасковья Андреева Хитрово, вышедшая замужъ въ 1720 г. за Афанасья Яковлева Дохтурова, при которомъ была построена въ селѣ Благовѣщенскомъ новая деревянная церковь. Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1732 г., значится: „апрѣля 25 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви, по челобитью майора Афанасья Яковлева сына Дохтурова, велѣно противъ его челобитья въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ ево, въ Доблинскомъ стану, въ селѣ Благовѣщенскомъ, вмѣсто ветхой деревянной церкви, на томъ же церковномъ мѣстѣ, построить вновь церковь деревянную жъ во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы; пошлѣнь 3 алт. 2 деньги, нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прик. кн. 347, л. 14).

Въ 1739 г. въ Канцеляріи Синод. Экономическаго Правленія производилось дѣло о взысканіи съ Афанасья Дохтурова данныхъ и

попавшъ съ 1719 по 1730 годъ по рублю по $3\frac{1}{2}$ коп. на годъ, всего 14 руб. 49 коп., положенныхъ на Благовѣщенскую церковь, что въ селѣ Мининскомъ. Къ этому дѣлу отъ Дохтурова подано въ Канцелярію Синод. Правленія 11 генваря 1739 г. доношеніе, въ которомъ онъ писалъ: „въ прошломъ 1732 году апрѣля 2 числа, по челобитію его, данъ ему изъ Синодальнаго Казеннаго Приказа указъ, которымъ велѣно ему въ вотчинѣ его, въ селѣ Благовѣщенскомъ, вмѣсто обветшалай церкви во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, построить вновь; а какъ оная церковь запустѣла о томъ велѣно бывшему въ томъ году старостѣ поповскому Гжелскому попу обыскать, понеже оная церковь обветшала и развалилась и причетники церковные отбыли за пустотою онаго села Благовѣщенскаго за многіе годы до его, Дохтурова, тѣмъ селомъ владѣнія, ибо де то село въ 1716 году оцѣнено и отдано было во владѣніе Василью Андрееву Опухтину, а въ 1720 году было отписано на великаго государя, и въ 1729 году оное село Благовѣщенское справлено за женою его, Дохтурова, Прасковьею Андреевною дочерью Хитрово и дошло до его владѣнія, а церкви уже не было, точію явствовало мѣсто, которое де село онъ, Дохтуровъ, людьми и крестьянами населилъ вновь и по данному указу церковь вновь деревянную со всемъ построилъ, точію не освящена и священникъ не принятъ; а за оную церковь взыскивають съ 1718 года доимочныхъ денегъ по 1732 годъ, какъ о построеніи оной церкви указъ данъ, платить ему не подлежитъ для того, что то село во владѣніи у него не было и просилъ, чтобъ означенной съ 1718 года по 1732 годъ доимки съ него напрасно не взыскивать“.

1742 г. октября 21 числа отъ Коллегіи Экономіи указомъ Вохонскому Духовному Правленію предписано: „о показанной Благовѣщенской церкви церковной землѣ изслѣдовать тутошними и окольными людьми въ прошлыхъ 1730 и 1731 гг. тою церковною землею и сѣнными покосами кто владѣлъ и по чьей отдачѣ и изъ каково оброку, или лежала впускѣ, и буде по сыску явится, что имѣлось за кѣмъ во владѣніи и тѣ доимочныя деньги на томъ владѣльцѣ доправа, не взирая ни на какія отговорки, прислать въ Коллегію Экономію“.

За владѣніе церковною землею деньги взысканы съ Дохтурова въ 1743 г., такъ какъ земля по показанію оковыхъ людей находилась во владѣніи у его тещи вдовы Степаниды Савельевой Хитрово (Синод. Экономич. Правл. вязка 274, № дѣла 31).

Послѣ Афанасья Дохтурова село Благовѣщенское съ деревнею Мининскою перешло къ его сыну Андрею, умерш. въ 1759 г., и за тѣмъ къ женѣ послѣдняго вдовѣ Натальѣ Ивановнѣ, вышедшей по-

томъ замужъ за Лопухина, съ ея дѣтьми отъ перваго брака Ивановъ и Сергѣемъ Андреевыми Дохтуровыми (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 16, № дѣла 7; вязка 32, № дѣла 1).

62. Ц. Троицы Живоначальныя въ селѣ Троицкомъ Резаново томъ *).

Церковь Св. Троицы построена въ деревнѣ Завражѣ въ 1695 г. деревянная. Въ книгѣ Каз. Приказа подъ 7204 (1695) г. записано: „сентября въ 12 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевского, велѣно новопостроенныя церкви Живоначальныя Троицы, которую построилъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Шеренскомъ и Отъѣзжемъ стану, въ деревнѣ Завражѣ Василій Исленьевъ, на попа съ причетники положить дани съ дворовъ: съ попова, дьячкова, пономарева, просвирицына, съ одного вотчинникова, съ 15 крестьянскихъ и съ 6 бобыльскихъ, да по памяти, какова прислана изъ Помѣстнаго Приказа во 199 (1691) году апрѣля въ 3 день, за приписью дьяка Максима Данилова, съ пашни съ 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ съ 15 копень, по указной статьѣ, 20 алт. 4 ден., заѣзда гривна, и по тому окладу тѣ данныя деньги взять на нынѣшній 204 годъ“ (Патр. Прик. кн. 158, л. 671 об.).

Въ 1704 — 1722 гг. церковь Св. Троицы въ селѣ Троицкомъ Резаново тожъ, деревянная (Переписн. кн. 9817, л. 385).

Въ записиоѣ книгѣ исходящихъ бумагъ Казеннаго Приказа за 1713 г. значится: „юля въ 12 день, запечатанъ указъ о освященіи предѣла, по челобитью Василя Данилова сына Исленьева, велѣно ему въ вотчинѣ ево, въ селѣ Троицкомъ новопостроенной предѣлъ во имя Рождества Пресв. Богородицы освятить большаго Успенскаго Собора протопопу Θεодору съ братьею и антиминсъ въ тотъ предѣлъ выдать; за одно полотно деньги взято“ (Патр. Прик. кн. 438, л. 31).

При Троицкой церкви были священники: Глѣбъ Евтифѣевъ 1709 — 1715 г. и Пахомій Θεодоровъ 1722 г.; дьячекъ Иванъ Даниловъ 1709—1722 г.

Завражѣ и Резаново, въ 1585 г., значатся „пустошами“ Московскаго уѣзда, Шеренскаго и Отъѣзжаго стана. Въ 1646 г. Резаново—сельцо, на рѣчкѣ Мележѣ, съ деревнею Ескиною принадлежало стольнику Ивану Исленьеву, въ сельцѣ находились дворъ вотчинни-

*) Нынѣ Троицкое (Резанцы), село Богородскаго уѣзда.

ковъ и 6 дв. крестьянскихъ (Шисцов. кн. 257, л. 643 — 644; переп. кн. 9809, л. 383 — 384). По смерти Ивана Исленьева село Резаново съ деревнею Ескиною и пустошью Завражье досталось въ 1670 г. его сыну Данилу. Въ 1670 г. въ сельцѣ числилось 3 дв. крестьянскихъ и 3 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 15 чел. Съ 1695 года этимъ имѣніемъ владѣлъ Василій Даниловъ Исленьевъ, при которомъ пустошь Завражье была деревнею и здѣсь построена церковь Св. Троицы, отъ чего деревня и стала называться селомъ по церкви Троицкимъ, Завражье тожъ; потомъ Завражье по прежнему было пустошью, а село Резаново—селомъ Троицкимъ, Резаново тожъ, въ которомъ находились въ 1704 г. дворъ вотчинниковъ и 10 дв. крестьянскихъ. Къ этому селу принадлежали деревня Ескина и деревня, что была пустошь Крюкова. Послѣ Василія Данилова Исленьева селомъ владѣлъ его сынъ Василій, умер. 1 числа декабря 1780 г., а отъ него перешло къ женѣ вдовѣ Марьѣ Владиміровой, по раздѣлу съ ея дѣтьми Михаиломъ и Александромъ Исленьевыми (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 4, № дѣла 9; мол. л. кн. 60, № дѣла 17, Отказн. кн. 9, № 4; перенисн. кн. 9813, л. 422 — 424, кн. 9817, л. 385).

63. Ц. Илиі пророка въ селѣ Ильинскомъ, Мотяково томъ *).

Ильинская церковь построена въ сельцѣ Мотяковѣ въ 1688 г. деревянная, а освящена въ 1697 году, въ мѣсто уничтоженной церкви Илиі пророка, находившейся близъ этого сельца, на рѣчкѣ Черной, Московскаго уѣзда, въ Обарничѣ стану.

До построения новой церкви, церковная Ильинская земля, на рѣчкѣ Черной, отдавалась на оброкъ и въ книгахъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель за 7146 (1637—1638) г. писалась такъ: „съ церковной земли св. пророка Илиі на Левонтѣ Травинѣ оброку рубль семь алтынъ“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 106). За послѣдующіе годы сею землею владѣли изъ оброка разные лица.

Въ 1697 г. земля находилась на оброкѣ у стольника князя Михаила Васильева Кропоткина, ему разрѣшено было построить въ его вотчинѣ, въ сельцѣ Мотяковѣ, вновь церковь во имя св. пророка Илиі и о строеніи оной церкви дана благословенная грамота слѣдующаго содержанія: „Божіею милостію великій господинъ святѣй-

*) Нынѣ Ильинское Мотяково, село Московскаго уѣзда.

шій киръ Іоакимъ Московскій и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, въ нынѣшнемъ во 196 году, октября во 11 день, былъ челомъ намъ, святѣйшему патріарху, стольникъ князь Михайло, князь Васильевъ сынъ Крапоткинъ, а въ челобитной его написано: въ Московскомъ де уѣздѣ, въ Обарничѣ стану, вотчина у него сельцо Мотязово, а близъ того сельца Мотязово есть церковная старинная Ильинская оброчная земля, на рѣчкѣ Черной, отдается на оброкъ, изъ нашего Казеннаго Приказу; и въ прошломъ де во 195 году былъ челомъ намъ; святѣйшему патріарху, онъ же, князь Михайло Крапоткинъ, чтобъ въ той его вотчинѣ, въ сельцѣ Мотязовѣ, на новомъ мѣстѣ построить вновь церковь во имя св. пророка Іліи, а церковную старинную Ильинскую землю, что на рѣчкѣ Черной, приписать къ той новопостроенной церкви и тою землею, по описнымъ книгамъ Никифора Рагозина да подъячаго Стефана Никитина, владѣть той новопостроенной церкви попу съ причетники; да онъ же князь Михайло поступаетъ въ сельцѣ Мотязовѣ своей земли въ усадьбѣ подъ кладбище и попу съ причетники подъ дворовую усадьбу земли, противъ иныхъ церквей. И намъ святѣйшему патріарху пожаловати бѣ его, велѣть, о строеніи церкви святаго пророка Іліи въ вотчинѣ его, въ сельцѣ Мотязовѣ, дать ему нашу благословенную грамоту. И азъ великій господинъ, святѣйшій киръ Іоакимъ Божіею милостію Московскій и всеа Росіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ стольника князя Михайла князя Васильева сына Крапоткина пожаловалъ, благословилъ, велѣлъ ему на тое церковь лѣсъ готовить и въ томъ лѣсу въ Московскомъ уѣздѣ, въ Обарничѣ стану, въ вотчинѣ его, въ сельцѣ Мотязовѣ построить вновь церковь на угодномъ къ церковному строенію мѣстѣ во имя святаго пророка Іліи, а верхъ на той церкви былъ не патровой и олтарь велѣть сдѣлать круглой, тройной, а въ церквѣ во олтарной стѣнѣ царскія двери были посреди, а по правую ихъ сторону южныя, а по лѣвую сѣверныя, а подлѣ царскихъ дверей, по правую межъ южныхъ въ началѣ поставить образъ Всемилоствѣйшаго Спаса, а подлѣ Спасова образа поставить образъ настоящаго того святаго храма, а по лѣвую сторону царскихъ дверей межъ сѣверныхъ въ началѣ поставить образъ Пресвятыя Богородицы и иные образы по чину; а какъ та церковь построится и во освященію изготовлена будетъ и о освященіи тоя церкви и о антимиасѣ впредь бить челомъ намъ, святѣйшему патріарху, а о старинной церковной Ильинской землѣ нашъ святѣйшаго патріарха указъ будетъ, какъ та старинная церковная земля со всѣми угоды, противъ описныхъ книгъ Никифора Рагозина и его князя Михайла Крапоткина челобитья, отмежевана

будеть. Писана на Москвѣ лѣта 7196, декабря въ 19 день“ (Патр. Прик. кн. 125, л. 257; Вотч. Колл., по городу Москвѣ мол. л. кн. 74, № дѣла 9).

По дозорнымъ и мѣрнымъ книгамъ Патр. Казеннаго Приказа 7196 (1688) г.: „церковь св. пророка Иліи построена вновь въ сельцѣ Мотьяковѣ, на рѣчкѣ Черной, подъ церковью и олтаремъ земли длиннику 7 сажень, поперечнику полпята сажени, кладбища во всѣ четыре стороны по 15 сажень, попова двора и огорода длиннику 25 сажень, поперечнику 10 сажень, дьячкова, пономарева и просвирницына двора длиннику по 25 сажень, поперечнику по 5 сажень; стариннаго церковнаго Ильинскаго кладбища, что на рѣчкѣ Черной, длиннику 48 сажень, поперечнику 42 сажени, около кладбища церковной земли по смѣтѣ пашни лѣсомъ поросло 12 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, непашеннаго лѣса 2 десятины, всего по мѣрѣ 20 десятинь, сѣна по рѣчкѣ Черной и около погоста Ильинскаго 10 десятинь; въ межахъ церковная Ильинская земля съ сельцомъ Мотьяковымъ и деревнею Лопаткиною; землю владѣютъ крестьяне деревни Мошковой изъ оброча“ (Патр. Прик. кн. 121, л. 1—7, кн. 124, л. 1—5).

7204 (1696) года іюня въ 4 день, по указу патріарха, а по челобитью стольника Михаила Ильина сына Чирикова, по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевского, велѣно съ церковной Ильинской земли оброчныя доимочныя деньги съ 200 года и на нынѣшній 204 годъ принять, а впредь буде онъ (Чириковъ) ту церковную землю обмежуетъ, противъ дозорныхъ книгъ Никифора Рагозина, по отводу старинныхъ людей, и ту церковную землю приписать къ новопостроенной въ ево селѣ церкви церковникамъ во владѣнье, а буде не обмежуетъ ту землю и еѣ отдавать по прежнему въ оброкъ, кто будетъ челобитчикъ“. Въ 7205 (1697) г. по указу патріарха велѣно: церковную Ильинскую землю, на рѣчкѣ Черной, приписать къ новопостроенной церкви въ сельцѣ Мотьяковѣ (Патр. Прик. кн. 159, л. 58).

Въ приходной книгѣ Патр. Каз. Приказа „жилыхъ данныхъ церквей“ за 7205 (1697) г. написано: „генваря въ 30 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевского, велѣно новопостроенную церковь св. пророка Иліи, которую построилъ стольникъ Михаилъ Ильинъ сынъ Чириковъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ Обарничѣ стану, въ вотчинѣ своей, въ сельцѣ Мотьяковѣ освятить и тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ челоуѣка ево Юрья Ѳедорова, съ дворовъ съ попова,

дьячкова, пономарева, просвирицина, да съ приходскихъ—одного вотчинникова, съ 5 крестьянскихъ среднихъ, да съ пустою церковной Ильинской земли въ Обарничѣ стану, на рѣчкѣ Черной, что велѣно въ той церкви приписать, по переписнымъ книгамъ Никифора Рагозина, да подъячаго Казеннаго Приказа Степана Никитина 196 (1688) года, съ церковной пашни 18 десятинъ, по 6 денегъ съ десятины, сѣна по рѣчкѣ Черной и около погоста со 100 копенъ, по 2 деньги съ конны, всего данн рубль 25 алтынъ, заѣзда гривна, и тѣ деньги велѣно имать съ нынѣшняго 205 года и та церковная Ильинская земля стольнику Михаилу Ильину Чиривову обмежевать нынѣшнимъ лѣтомъ 7205 года. И тѣ данныя деньги февраля въ 10 день платилъ стольника Чирикова человекъ Юрій Федоровъ“ (Патр. Прик. кн. 163, л. 674 и кн. 171, л. 645).

При церкви св. пророка Иліи деревянной были священники: Ульянъ Аввакумовъ 1704—1720 г. и Макарій Ларионовъ 1726 г.

Село Мотяково, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) гт. „деревня Митина, Мешкова, Мотяково тожь, на рѣчкѣ Черной“, Московскаго уѣзда, Обарнича стана „помѣстье князя Никиты Петрова сына Боратинскаго, Бажена Степанова сына и Дмитрія Прокофьева сына Яковлевыхъ, по жалованной грамотѣ 121 (1613) года, что было за Даниломъ и Федоромъ Левонтьевыми“; въ 7154 (1646) году деревнею владѣли дьякъ Осипъ Пустынниковъ и вдова Пелагея Васильева жена Копнина; въ деревнѣ числилось 4 дв. крестьянскихъ съ 11 челов. Подъ 1678 г. значится: „вотчина Ильи Иванова сына Чирикова и князя Михаила Васильева Кропоткина сельцо, что была деревня Мотякова, а въ немъ 2 двора вотчинниковыхъ съ 10 чел. и 3 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 11 челов. По смерти Ильи Чирикова имѣніе досталось его сыну Михаилу, ему же продалъ въ 1698 г. князь Михаилъ Кропоткинъ три жеребья сельца Мотякова. Въ этомъ сельцѣ была построена церковь Иліи пророка, отъ чего Мотяково и стало называться селомъ по церкви Ильинскимъ, въ которомъ находились, въ 1704 г., дворъ вотчинниковъ съ 5 чел. дворовыхъ людей, 4 дв. псарей съ 9 челов. и 5 дв. крестьянскихъ съ 16 челов. (Писцов. кн. 9305, л. 171; Переписн. кн. 9809, л. 540—541; кн. 9813, л. 506—507; кн. 9817, л. 236 об.; Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 64, № дѣла 25 и мол. л. кн. 74, № дѣла 9).

64. Ц. Николая чудотворца въ селѣ Соколовѣ, на рѣчкѣ Пехоркѣ.

Село Соколово, по писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, „пустошь, на рѣчкѣ Пехоркѣ“, находившаяся Московскаго уѣзда, въ Почерневѣ стану, въ помѣстьи „за Иваномъ Ивановымъ Чемодановымъ и Васильемъ Ивановымъ Стрешневымъ, что было прежь сего за Михаиломъ Морозовымъ“ (Писцов. кн. 9805, л. 127—128).

Подъ 7154 (1646) г. значится: „за бояриномъ Васильемъ Ивановичемъ Стрешневымъ въ вотчинѣ село Соколово, на рѣчкѣ Пехоркѣ, а въ селѣ церковь Никола чудотворца, у церкви во дворѣ попь Тить, во дв. дьячекъ Гришка Алексѣевъ, дв. свотный и 2 дв. задворныхъ людей; деревни: Кучина, на рѣчкѣ Пехоркѣ, и Юркина“ (Переписн. кн. 9809, л. 418). Послѣ боярина Василья Ив. Стрешнева владѣла вотчиною его жена боярыня вдова Авдотья Андреевна, по смерти которой село Соколово съ деревнями 7177 (1669) г., февраля въ 16 день, по указу великаго государя и по наказной памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Андреяна Яввлева, были описаны подьячимъ Степаномъ Яковлевымъ; а въ описныхъ книгахъ между прочимъ говорится: „село Соколово, а въ селѣ церковь во имя Никола чудотворца, да предѣлъ преподобныхъ отецъ Зосима и Саватія Соловецкихъ чудотворцевъ, другой—св. мученицы Ирины; въ настоящей церкви двери царскія рѣзные, прописаны золотомъ, да на престолѣ образъ Пречистыя Богородицы Владимірскаія писанъ на золотѣ, вѣнецъ и цата серебряны, позолочены, окладъ басемной, да на престолѣ жъ евангеліе, евангелисты мѣдныя вызолочены, да крестъ благословащей обложенъ серебромъ золоченымъ, окладъ басмяной, трои сосуды бѣлые оловянные; да въ настоящей же церкви мѣстныхъ образовъ: образъ Спасовъ Неруководеннаго, въ кіотѣ, пелена участокъ золотной, писанъ на краскахъ, образъ Никола чудотворца обложенъ серебромъ золоченымъ, вѣнецъ и цата рѣзные, да прикладныхъ гривенъ двадцать четыре гривны, да на поляхъ писаны образъ Спасовъ, образъ Пречистыя Богородицы, вѣнцы и цата рѣзные вызолочены, два креста серебряныхъ да денегъ восемь копѣекъ серебряныхъ, да у него жъ пелена вышита серебромъ и золотомъ, ликъ Никола чудотворца шить по камкѣ червчатой, а поля вышиты по зеленому атласу, образъ Пречистыя Богородицы Умиленіе, образъ Усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи, образъ Іоанна Богослова, образъ Василя Великаго, образъ Знаменія Пречистыя Богородицы, образъ Алексѣя человека Божія, всѣ въ кіотахъ, образъ

Московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія, Іоны да Леонтія Ростовскаго чудотворца, образъ Страшнаго Суда Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, писанъ въ лицахъ, всѣ тѣ образы писаны на золотѣ, образъ Никифора патріарха Цареградскаго да Филиппа митрополита, писанъ на празелени, образъ святаго мученика Георгія на краскахъ; да деисусовъ въ троицхъ таблахъ тридцать восемь образовъ, писаны на золотѣ; да штилистовыхъ образовъ: образъ Спасовъ обложенъ серебромъ золоченымъ, окладъ басмяной, вѣнецъ рѣзной, образъ Преображеніе Господне, поля обложены серебромъ золоченымъ басмянымъ, два образа Пречистыя Богородицы, да три образа Николы чудотворца обложены серебромъ золоченымъ, оклады басмяные, у одного вѣнецъ рѣзной съ финифтью; образъ Николы жъ чудотворца обложенъ серебромъ золоченымъ, окладъ басмяной въ кіотѣ, а кіотъ по полямъ обложенъ серебромъ золоченымъ же, образъ Воскресенія Христова, да образъ Никиты Переславскаго чудотворца обложены серебромъ золоченымъ, оклады басмяные; образъ Пречистыя Богородицы Казанскія, вѣнецъ обложенъ серебромъ золоченымъ, окладъ басмяной; образъ Пречистыя Богородицы Казанскія въ кіотѣ, писанъ на краскахъ, кіотъ деревяной писаной, притворъ слюдной; да три образа въ кіотѣ—образъ Спасовъ да Василія Великаго да великія мученицы Ирины писаны на краскахъ, да штилистовыхъ же образовъ необложенныхъ 23 образа, да передъ мѣстными образами подсвѣшниковъ большихъ поставныхъ два восковыхъ, да пять деревянныхъ рѣзныхъ. Да въ предѣлѣ на престолѣ образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія писанъ на краскахъ, да на престолѣ евангеліе, евангелисты серебряные позолочены басменые; двери царскія писаны на краскахъ; да мѣстныхъ образовъ: образъ преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ въ кіотѣ, писанъ на золотѣ, образъ Макарія Желтоводскаго чудотворца писанъ на золотѣ, образъ преподобнаго Сергія чудотворца, да благовѣрнаго Димитрія, да преподобнаго Кирила, да Василія Блаженнаго писанъ на краскахъ; да въ деисусѣхъ: въ одномъ таблѣ одиннадцать образовъ да штилистовыхъ два образа Сергіево видѣніе писаны на золотѣ; образъ Пречистыя Богородицы Печерскія писанъ на краскахъ.—Да въ предѣлѣ святаго мученицы Ирины за престоломъ образъ Пречистыя Богородицы Владимірскія на краскахъ, двери царскія писаны на золотѣ; да мѣстныхъ образовъ: образъ Пречистыя Богородицы въ кіотѣ писанъ на краскахъ; въ той же кіотѣ образъ святаго мученицы Ирины, образъ св. пророка Іліи писаны на золотѣ, образъ Василія Великаго образъ Флора и Лавра писаны на краскахъ, да въ деисусѣхъ одно тѣбло девять обра-

зовъ писаны на краскахъ да штилистовыхъ восемь образовъ писаны на золотѣ, одинъ на краскѣ; да хоруговъ писана по полотну; да священнической одежды (слѣдуетъ описаніе ризъ). Книгъ въ церквѣ: два служебника, псалтирь съ слѣдованіемъ, другая псаломчатая, апостолъ, двѣ треоди, два трефолоя, минея мѣсяшная—мѣсяцъ мартъ, потребниязъ, два октоя, минея обчая безъ праздниковъ, всѣ печатныя, старыя печати, евангеліе толковое воскресное новыя печати, по обрѣзу золочено, прологъ первыя половины писмянной,—писанъ уставомъ, да книга житіе Николы чудотворца печатная да книга житіе Зосимы и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ писмянная,—писана уставомъ, два часовника ветхи; да церковной утвари: два кадила мѣдныхъ, уеропниязъ мѣдный, блюдо да чашка бѣлыя, оловяныя, двѣ чаши водосвященныя мѣдныя, да въ церкви паникадило мѣдное среднее большое, да по сторонѣ его два малыхъ, яблова у большаго—стекляное, а у малыхъ—костяныя, точеныя, кисти шелкъ зеленой съ золотомъ; да въ предѣлахъ по поникадилу мѣдныхъ же, яблоко у одного—стекляное, а другое безъ яблока; кисти шелковыя; да въ церквѣ жъ шесть подсвѣшниковъ деревяныхъ точеныхъ, да въ таблахъ подсвѣшники жъ деревянные точеныя—тридцать три подсвѣшника, да у церковныхъ дверей чепъ большая, да замокъ нутряной, другой замокъ висячей; да у церкви колокольня рубленая, на ней колоколъ большой, а другой поменьше, да пять колоколовъ малыхъ, одинъ малой колоколъ разшибенъ и безъ языка, а что въ которомъ вѣсу,—того не вѣдомо, а церковь и всякое церковное строеніе и колокола строеніе вотчинниково. Въ селѣ жъ Соколовѣ дворъ вотчинниковъ, на немъ хоромнаго строенія три горницы, кругомъ двора городьба заборы, да ворота створчатыя, да калитка; да за дворомъ мыльня боярская, а въ ней 4 лавки съ опушками, полъ и полки дощатыя, печь кирпичная; у церкви дворы причесниковъ, строеніе вотчинниково; да подъ селомъ на рѣчкѣ Пехорѣ двѣ мельницы“ (Отъезн. кн. 9, № 170 по гор. Москвѣ).

Въ 1678 г. село Соколово съ деревнями Кучино и Леоново принадлежало боярину Родіону Матвѣевичу Стрешневу; въ селѣ находились дворъ вотчинниковъ и дворъ скотный, въ деревнѣ Кучино—10 дв. крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 34 челов. и 3 двора съ 9 челов., вывезенными изъ Литвы (Переп. кн. 9813, л. 510).

Послѣ боярина Родіона Стрешнева имѣніе досталось въ 1687 г. его сыну Ивану, который билъ челомъ въ 1697 г., великому государю въ Помѣстномъ Приказѣ: „вотчина де у него въ Московскомъ уѣздѣ, въ Почерневѣ стану, село Соколово, а въ селѣ церковь Николая чудотворца съ придѣльи, а въ той же церквѣ, по писцовымъ книгамъ

церковной земли и сѣнных покосовъ не написано, а нынѣ та церковь обетшала и обѣщался онъ построить церковь вновь въ то же во имя, а въ Патріаршѣ Казенномъ Приказѣ о строеніи новой церкви благословенной грамоты не даютъ, что земли церковной не написано; а нынѣ онъ къ той церкви попу съ причетники въ томъ селѣ Соколовѣ, изъ своихъ дачъ, поступаетъ земли по пашнѣ 10 четвертей, да сѣна 10 копень, и чтобъ указомъ повелѣно было пашню и сѣнные покосы справить къ церкви Николая чудотворца и о томъ въ Патріаршѣ Приказъ послать память“. Того же года іюня въ 8 день изъ Помѣстнаго Приказа послана въ Патріаршѣ Приказъ память о томъ, что пашня съ сѣнными покосами утверждена къ новопостроенной Николаевской церкви (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. вн. 62, № дѣла 12).

Въ книгѣ Патр. Приказа подъ 1697 годомъ написано: „августа въ 4 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выписѣ казначея монаха Тихона Макарьевского, а по челобитью стольника Ивана Родіонова сына Стрешнева, велѣно ему въ Московскомъ уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, въ Почерневѣ стану, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Соколовѣ, на старомъ церковномъ кладбищѣ, построить вновь церковь во имя Николая чудотворца, да въ предѣлѣ Зосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, да другой св. великомученицы Ирины деревянная и о томъ церковномъ строеніи благословенная грамота дана; а тоя церкви на попу съ причетники дани положить, по сказкѣ челоуѣка ево Леонтія Ярославцова, съ дворовъ съ попова, дьячкова, просвирницына, да съ приходскихъ съ одного двора вотчинникова, съ 12 дв. крестьянскихъ среднихъ да съ церковной земли, по памяти какова вынесена изъ Помѣстнаго Приказа въ нынѣшнемъ въ 205 году, іюня въ 8 день, за приписью дьяка Адріана Рахманова, съ пашни съ 10 чети, съ сѣнныхъ покосовъ съ 10 копень, по указной статьѣ, 16 алт. 4 ден., заѣзда гривна“ (Патр. Прик. кн. 163, л. 674 об).

Въ 1704 г. въ селѣ Соколовѣ: дворъ вотчинниковъ съ дворовыми людьми; въ дер. Кучиной 21 дв. крестьянъ. Послѣ Ивана Родіоновича Стрешнева и его жены Натальи Ильичны имѣніемъ владѣли въ 1739 г. ихъ сынъ Николай, по раздѣлу съ родными братьями Василіемъ и Петромъ Ив. Стрешневыми, въ 1745 г. — жена Николая Ивановича Стрешнева вдова Наталья Алексѣевна, урожд. княгиня Шеховская, вышедшая потомъ замужъ за Федора Богдановича Пассекъ, по раздѣлу съ сыномъ ея Иваномъ Николаевымъ Стрешневымъ. Въ 1779 г. село Соколово куплено у князей Шеховскихъ Миною Лазаревымъ сыномъ Лазаревымъ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л.

кн. 60, № дѣла 1; кн. 62, № дѣла 12; визка 18, № дѣла 2; переписн. кн. 9817, л. 771).

Въ приходной книгѣ Синод. Каз. Приказа „о сборѣ съ церквей гривенныхъ денегъ на дачу отправляющимся въ низовый корпусъ и въ прочіи новозавоеванные города священно-служителямъ и на подмогу полковымъ попамъ“, за 1735 годъ написано: „съ церкви Николая чудотворца съ придѣлы въ селѣ Соколовѣ, въ Почерневѣ стану, на прошлые 732—734 годы на подмогу полковымъ попамъ по 10 копейекъ на годъ, 30 коп.; платилъ деньги Василія Ивановича Стрешнева служитель его Казаковъ“ (Патр. Прик. кн. 379, л. 2 об).

При Николаевской церкви были священники: Прокопій Ѳедоровъ 1678 г. и Василій Прокопьевъ 1704—1726 г. и дьячекъ Иванъ Прокопьевъ 1704—1726 г.

65. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Корнѣевѣ.

Знаменская церковь, построенная вновь въ селѣ Корнѣевѣ, въ 1698 году, была деревянная и во дню освященія новопостроенной церкви „7206 (1698) года іюля въ 21 день, по благословенной грамотѣ выданъ антиминосъ“ (Патр. Прик. кн. 138, л. 154). А іюля въ 27 день того же года, по указу патриарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевского, а по челобитью стольника Никиты Иванова сына Бутурлина, велѣно новопостроенныя церкви Знаменія Пресв. Богородицы, которую построилъ онъ въ Московскомъ уѣздѣ въ Оборничѣ стану, въ вотчинѣ своей, въ селѣ Корнѣевѣ, а тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ чело-вѣка ево Василія Угримова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, про-свирницына, съ приходскихъ одного вотчинникова, съ 7 дв. крестьян-скихъ среднихъ, съ 3 дв. бобыльскихъ, да съ церковной земли по памяти, какова вынесена изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Петра Вяземскаго, прошлаго 7205 (1697) года, мая 7 числа, пашни съ 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна съ 10 копенъ, по указ-ной статьѣ, 14 алт. 3 ден., заѣзда гривна и тѣ деньги велѣно имать съ 207 года“ (Патр. Прик. кн. 167, л. 655).

При Знаменской церкви были: священникъ Михаилъ Тимофеевъ 1703—1737 г., дьячки: Тимофей Дмитриевъ 1704 г., Владиміръ Ивановъ 1710 г. и Осипъ Михайловъ 1726 г.

Корнѣево въ 1623 г.—деревня на рѣчкѣ Пехорѣ, Московскаго уѣзда, Оборнича стана, жалованное помѣстье Артемья Васильева Измайлова, „въ 1634 г. принадлежала Василю Васильевичу Бутурлину;

въ деревнѣ числилось въ 1646 г. 5 дв. крестьянскихъ съ 15 челов. По смерти Василья Бутурлина помѣстьемъ владѣль его сынъ бояринъ Иванъ Вас., по раздѣлу съ роднымъ братомъ Борисомъ Бутурлинымъ. Въ 1678 г. Корнѣево—сельцо, въ которомъ находились дворъ помѣщиковъ и 5 дв. крестьянъ съ 28 челов. Въ 1698 г. оно принадлежало стольнику Никитѣ Ивановичу Бутурлину, при этомъ владѣльцѣ въ сельцѣ Корнѣевѣ была построена деревянная церковь, отъ чего сельцо и стало называться по церкви селомъ Знаменскимъ, Корнѣево тожъ. Въ 1704 г., въ этомъ селѣ находились дворъ вотчинниковъ съ 12 челов. дворовыхъ людей и 5 дв. крестьянскихъ съ 21 челов. Пслѣ Никиты Ив. Бутурлина имѣніемъ владѣли: въ 1706 г. его родная сестра Анна Ивановна, бывшая за мужемъ за княземъ Петромъ Михайловичемъ Долгоруковымъ; въ 1713 г.—ихъ сынъ князь Владиміръ Долгоруковъ; въ 1731 г.,—жена Матвѣя Головина вдова Анна Ивановна, по купчей отъ князя Долгорукова; въ 1737 г. село это продано княгинѣ Татьянѣ Дмитріевнѣ Шеховской и за ней утверждено того же года отказною книгою, въ которой между прочимъ упоминается: въ селѣ Корнѣевѣ деревянная церковь во имя Знаменія Богородицы (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. вн. 74, № дѣла 9.; отказн. вн. 32, № 55; переп. вн. 9809, л. 413; вн. 9813, л. 498; вн. 9817, л. 233 об.).

66. Ц. Преображенія Господня въ селѣ Кренивѣ *).

Церковь Преображенія Господня въ селѣ Кренивѣ построена въ 7199 (1691) году деревянная. 1703 г. ноября въ день, по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевского, велѣно новопостроенная церкви Преображенія Господня, которую построилъ окольнічій Василій Савичъ Нарбековъ въ вотчинѣ своей, въ сельцѣ Кренивѣ, на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ челобитчика Василя Савича, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирицына, съ вотчинникова, да съ церковныя земли съ пашни 10 чети, сѣна съ 10 копенъ—10 алт. 2 ден., заѣзда гривна, и тѣ деньги имать съ 1703 года, да съ той же церкви данныхъ денегъ на прошлые годы со 199 (1691) года по нынѣшній 1703 годъ, какъ та церковь освящена, всего дани на 13 лѣтъ 5 рублевъ 11 алтынъ“. Въ 1739 г.

*) Нылѣ Крениево, село Московскаго уѣзда.

церковной дани съ сей церкви платилось въ годъ 71 коп. (Патр. Прик. кн. 184, л. 182, кн. 187, л. 191, кн. 397, л. 47).

Подъ 1704 г. значится: въ селѣ Кренивѣ, Спаское тожъ, церковь деревянная во имя Преображенія Господня; при ней были священники: Степанъ Яковлевъ 1704 г., Захаръ Ивановъ 1709—1715 г., Прокофій Терентьевъ 1726 г., дьячьи: Патрикей Тимофеевъ 1704—1709 г., Яковъ Ивановъ 1722—1726 г. (Переписн. кн. 9817, л. 240, кн. 9821, л. 308 и 1 ревизіи 1726 г., л. 33 об.).

Село Крениво въ 1687 г.—сельцо Московскаго уѣзда, Оборнича стана,—вотчина окольного Василя Саввича Нарбекова; въ 1705 г. владѣла селомъ его жена вдова Аграфона Павловна и въ 1715—1722 гг.—Степанъ Саввичъ Нарбековъ (Помѣстн. Прик. по гор. Москвѣ столб. 39, № дѣла 19; отказн. кн. 23, № 55 и кн. 1 ревизіи, 1722 г., л. 30).

67. Ц. Іоанна Богослова въ селѣ Богословскомъ Мизинова тожъ, (Глинки, Брюсовѣ), на рѣчкѣ Ворѣ *).

Церковь Іоанна Богослова построена въ селѣ Мизиновѣ въ 1710 г. каменная. „1715 года, генваря въ 14 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на челобитной казначея Алексѣя Андреевича Владыкина, а по челобитью дьяка Михаила Григорьева Гуляева, велѣно съ новопостроенной церкви во имя Іоанна Богослова, которую по обѣщанію своему построилъ онъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ селѣ Богословскомъ, Мизиново тожъ, дани положить на попа съ причетники, по сказкѣ человека его, Гуляева, Михаила Васильева, съ дворовъ: съ попова, съ дьячьева, съ просвирницына, да съ приходскихъ съ одного вотчинникова, съ 9 крестьянскихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа 1709 года, августа 17 дня, за приписью дьяка Нифора Румянцова, съ пашни съ 10 четви въ полѣ, а въ дву потомужъ, съна съ 10 копенъ дани, заѣзда и десятильнича доходу на ту церковь положить, по указной статьѣ, и тѣ данныя деньги велѣно имать съ прошлаго 1712 года, по 38 алт. съ деньгою на годъ. И генваря въ 21 день тѣ деньги на нынѣшній 1715 годъ платилъ тоя церкви попъ“ (Патр. Прик. кн. 229, л. 253). Въ 1739 г. Церковной дани платилось 84¼ коп. (Тамъ же кн. 397, л. 48 об.).

При церкви были священники: Гавріиль Тимофеевъ 1710—1715 г. Василій Алексѣевъ 1720—1722 г. и Матвѣй Ефимовъ 1730—1733 г.;

*) Нынѣ Глинково (Глинки, Брюсово), село Богородскаго уѣзда.

дьячки: Семенъ Ивановъ 1710 г., Дмитрій Гавриловъ 1715 г. и Феодоръ Михайловъ 1722 г.

Село Мизиново во 7131 и 7132 (1623—1624 гг.)—„сельцо на рѣчкѣ Борѣ“, Московскаго уѣзда, Кошелева стана,—„помѣстье князя Алексѣя князь Михайлова сына Львова, да стольника князя Григорья Васильева сына Тюфякина и стряпчаго Григорья Нивитина сына Измайлова; въ сельцѣ 2 двора помѣщичьевыхъ, да 2 дв. людскихъ съ дѣловыми людьми, 6 дв. крестьянскихъ и 2 дв. бобыльскихъ, въ нихъ 6 челов.“ (Писцов. кн. 9806, л. 942—944). Потомъ сельцомъ Мизиновымъ владѣли разные помѣщики и вотчинники.

1646 г. въ сельцѣ числилось 21 дворъ крестьянскихъ и 9 дв. бобыльскихъ, людей въ нихъ 56 челов., въ 1704 г.—2 дв. вотчинниковыхъ съ 10 челов. дворовыхъ людей и 15 дв. крестьянскихъ въ нихъ 42 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 16, № дѣла 25 и 36; мол. л. кн. 17, № дѣла 17; Переписк. кн. 9809, л. 373—374; кн. 9813, л. 384, 407—408; кн. 9817, л. 315—317). Въ 1706—1708 годахъ сельцо Мизиново куплено дьякомъ Михаиломъ Григорьевымъ Гулаевымъ, при немъ въ этомъ сельцѣ построена каменная церковь, отъ чего оно и стало называться по церкви село Богословское, Мизиново тожъ. Въ 1733 г. оно продано графу Якову Вилимовичу Брюсъ, а отъ него перешло въ 1737 г. къ его родному племяннику Александру Романовичу Брюсъ. Въ 1791 г. селомъ Глиновымъ съ сельцомъ Мизиновымъ владѣла Екатерина Яковлевна урожд. Брюсъ, бывшая за мужемъ за Мусинымъ-Пушкинымъ. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 48, № дѣла 13, кн. 67 № дѣла 2, мол. л. кн. 7 № дѣла 27; отказн. кн. 31 № 16).

68. Ц. Николая чудотворца, что въ Бирхинскомъ.

Николаевская церковь, изстари существовавшая „на погостѣ въ Бирхинскомъ“, Московскаго уѣзда, въ Вохонской десятинѣ, вѣроятно была упразднена въ началѣ XVII ст. Церковная земля, принадлежавшая сей церкви отдавалась на оброкъ. Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа „пустовыхъ“ оброчныхъ земель значится: за 7146 (1638) г. „съ церковной земли Николая чудотворца Бирхинскаго Черноголовскія волости на крестьянинѣ на Ивашкѣ Ишеинѣ оброку 15 алт.“; за 7195 (1687) г. „на бояринѣ Петрѣ большомъ Аврамовичѣ Лопухинѣ оброку 18 алт. 2 ден.; въ 1714 г. „Московскаго уѣзда села Никольскаго на крестьянинѣ Леонтѣ Лукьяновѣ оброку 20 алт. И того же 1714 г., мая въ 31 день, по указу великаго государя, а

по челобитью Мѣщанской слободы тяглеца Викулы Мартынова со владчики, велѣно имъ на вышписанной церковной Николаевской землѣ построить вновь церковь Николая чудотворца, а покамѣста та церковь станеть строиться и съ той земли имать съ него, челобитчика, оброчными деньгами. И юня въ 1 день, тѣ деньги на нынѣшній годъ взято“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 113, к. 148, л. 208—210; и кн. 226).

1715 года, сентября въ 14 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на челобитной казначея іеромонаха Антонія Яковлева, велѣно новопостроенной церкви во имя Николая чудотворца, которую построилъ по обѣщанію своему Мѣщанской слободы тяглець Викула Мартыновъ въ Московскомъ уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, на пустовой церковной Николаевской землѣ, что словеть Бирхинскаго, и тоя церкви на попа съ причетники, по сказѣ его Викулиной, съ дворовъ дани положить съ попова, съ дьяконова, дьячкова, просвирницына, да по дозорнымъ книгамъ Ивана Соболева 188 (1680) года пашни церковныя съ 14 четвертей, сѣнныхъ покосовъ съ 30 копенъ, по указной статьѣ, дани и заѣзда и десятильнича доходу 31 алт. 4 ден. и тѣ данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1715 г. Данныя деньги платилъ сентября 20 дня попъ Ѳеодоръ Ивановъ“ (Патр. Прик. кн. 229, л. 254 об.).

Въ книгахъ Патр. Приказа за 1716—1739 годы, подъ Вохонскою десятиною, писалось: „церковь Николая чудотворца Бирхинскаго, которая построена на пустовой церковной землѣ, дани 31 алт. 4 деньги“ (Патр. Прик. кн. 231, л. 273 и кн. 397, л. 48 об.).

69 Ц. Дмитрія Селунскаго на погостѣ Дмитровскомъ въ Доркахъ *).

Церковь св. Дмитрія Селунскаго, изстари построенная на погостѣ въ Доркахъ, Московскаго уѣзда, Гвоздинской волости, въ началѣ XVII ст. была упразднена и церковная земля, принадлежавшая сей церкви, отдавалась на оброкъ. По книгамъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель за 7146 (1638) г. значится: „съ церковной земли Дмитрія Селунскаго, что въ Дорку, Гжельской волости, на Егорьевскомъ попѣ Ѳеодорѣ оброку 2 гривны, а отдается та земля на оброкъ съ 7139 (1631) года по книгамъ старосты поповскаго попа Зиновія“ (Патр. Прик. кн. 25 и дворц. Прик. кн. 6, л. 104). Въ 7201 (1693)

*) Нынѣ погостъ Дмитровскій въ Доркахъ Бронницкаго уѣзда.

году церковная земля числилась на оброкѣ „Приказа Большія Казны на подъячемъ Ларіонѣ Протасовѣ, оброку 22 алт. 2 ден., а отдана ему та земля во 196 году“ (Патр. Прик. кн. 148).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа за 1703 годъ: „церковная Димитріевская земля на рѣчкѣ Доркѣ, отъ Никитской земли верстахъ въ 10; церковной земли—кладбища и сѣнныхъ покосовъ—отъ проселочной дороги, что ѣздить съ дворцовой пустоши Бортниковою, до болота 100 сажень, подлѣ болота, поворота налѣво, до рѣчки Дорки 52 сажени, отъ рѣчки Дорки до вышписанной проселочной дорожки подлѣ лѣса 100 сажень, а дорожкой опять до кладбища 83 сажени; направѣ земля и лѣсъ дворцовой деревни Плоскининой, а налѣвѣ земля и сѣнные покосы церковные Димитріевскіе, около церковной земли поросло все большимъ лѣсомъ, а что въ томъ лѣсу есть и самый церковный лѣсъ съ дворцовой деревнею не размежеваны, пашни, кромѣ сѣнныхъ покосовъ, нѣтъ; землю прежде владѣлъ дьякъ Ларіонъ Протасовъ, а въ прошлыхъ годахъ сѣнные покосы косилъ верховой истопникъ Климъ Антикѣвъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 139, л. 2—3).

Въ 1704 г. церковная Димитріевская земля была на оброкѣ у подъячаго Потѣшняго двора Варфоломея Митусова, оброку платилось рубль 16 алт. 4 ден. „И въ прошломъ 1703 году ноября въ день, по указу великаго государя, а по челобитью дворцовой Гвоздинской волости, деревни Плоскининой, да деревни Бисеровой крестьянъ Никифора Карпова, Алексѣя Климонтова, Григорья Макѣева, Алексѣя Степанова съ товарищи, велѣно имъ на вышписанной церковной Димитріевской земли что въ Дорку, построить вновь деревянную церковь во имя Димитрія Селунскаго и о построеніи тоя церкви благословенная грамота дана; и тоя церкви на попа съ причетники дани положено, по указной статьѣ, съ дворовъ съ попова, пономарева, просвирницына, да съ приходскихъ вышписанныхъ деревень съ челобитчиковыхъ съ 20 дворовъ крестьянскихъ, да съ церковной земли, по дозорнымъ книгамъ Ивана Соболева, да подъячаго Якова Тулубьева 188 (1680) года, съ пашни (*было*) чети, да съ сѣнныхъ покосовъ со 100 копень рубль 11 алт. 3 ден., заѣзда гривна, и тѣ данныя деньги велѣно имать какъ та церковь построена будетъ, или какъ въ той церкви попь благословенъ будетъ, или какъ будутъ челомъ бить о освященіи церкви. И марта вл. 31 день, тѣ деньги на нынѣшній 1704 годъ платилъ тоя церкви попь Григорій Фроловъ“ (Патр. Прик. кн. 187, л. 191 об.).

Священникъ церкви Дмитрія Селунскаго, что на погостѣ въ Доркахъ, съ прихожанами билъ челомъ великому государю въ Казенномъ Приказѣ 2 октября 1704 года: „въ прошломъ, государь, 1703 году, по твоему государеву указу и по благословенной грамотѣ, велѣно построить церковь Божію во имя великомученика Дмитрія на старомъ кладбищѣ, въ Московскомъ уѣздѣ, въ дворцовой Гвоздинской волости, и нынѣ та церковь построена и ко освященію готова, великій государь просимъ вашего величества, вели государь о освященіи той церкви преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому дать свою государеву грамоту и антиминсъ и тое церковь освятить села Краснаго церкви Воздвиженія честнаго креста Господня попу Василю Сазонтову“.

На прошеніи написано: „выдать антиминсъ и грамота о освященіи церкви“ (Патр. Прик. вязка 1704 года, № дѣла 137).

Въ 1739 г. церковной дани платилось рубль 74 коп. (Тамъ же кн. 191, л. 180, кн. 397, л. 48).

При церкви были священники Григорій Флоровъ 1704—1715 г., Козьма Алексѣевъ 1726 г., дьячки: Иванъ Фадѣевъ 1715 г., Василій Ивановъ 1726 г., пономари: Иванъ Тимофеевъ 1715 г. и Егоръ Ивановъ 1726 г.

70. Ц. Всемиловитаго Спаса въ селѣ Обонеговѣ, Дядино тожъ.

Церковь Всемиловитаго Спаса построена въ селѣ Обонеговѣ, Дядино тожъ, въ 1712 году Иваномъ Ивановичемъ Засѣцкимъ, которому было разрѣшено въ 1709 г., по обѣщанію его, строить вновь каменную церковь въ его вотчинѣ и того же года, вслѣдствіе его прошенія, Помѣстнымъ Приказомъ утверждена за причтомъ новопостроенной Спаской церкви изъ его, Засѣцкаго, вотчины земля въ пустоши Останковой, „въ самой близости отъ погоста, гдѣ онъ обѣщался церковь строить, 16 десятинъ, что на рѣчкѣ Малой Сѣверкѣ“ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 9, № дѣла 6).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Казеннаго Приказа за 1712 г. значится: „октября въ день, запечатанъ великаго государя указъ, по челобитью маіора Ивана Иванова сына Засѣцкаго, велѣно въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ его, въ Тухачевской волости, въ селѣ Обонеговѣ, Дядино тожъ, новопостроенную каменную церковь во имя Всемиловитаго Спаса освятить Московскаго Успенскаго собора протопопу Ѳеодору и выдать антиминсъ; за одно полотно взято“ (Патр. Прик. кн. 438, л. 20).

1713 г. марта 24 числа, „по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ казначея Антонія Яковлева, велѣно съ новопостроенной церкви Всемиловитаго Спаса, которую построилъ, по объѣзданію своему, въ Московскомъ уѣздѣ, майоръ Иванъ Ивановъ сынъ Засѣцкій въ вотчинѣ своей, въ селѣ Обонеговѣ, а Дядино тожь, дани положить тоя церкви съ дворовъ съ попова, съ дьячкова, съ просвирицына, съ одного вотчинникова, съ 15 дворовъ крестьянскихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Ивана Лосева, въ той церкви во церковныя земли, по ево Ивановой челобитной изъ вотчинной ево земли справлено 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна 10 копенъ, итого дани, заѣзда и десятильнича доходу рубль 3 алт. 3 ден., и тѣ данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1713 года“ (Патр. Прик. кн. 221, л. 233).

Въ 1722 г. при Спаской церкви были: священникъ Іосифъ Андреевъ, дьячекъ Никита Ивановъ, пономарь Иванъ Осиповъ.

По писцовымъ книгамъ 135 и 136 (1627—1628) гг. Московскаго уѣзда въ Тухачевской волости значится: „за Иваномъ Ждановымъ сыномъ Дядинымъ старая отца ево купленная вотчина деревня Обонегово, а Дядино тожь, на рѣчкѣ Малой Сѣверѣ (принадлежавшая къ погосту Бурухину), а въ ней дворъ вотчинниковъ и 6 дворовъ крестьянскихъ, людей въ нихъ тожь“, а владѣть онъ, Дядинъ, тою вотчиною по жалованной грамотѣ 131 (1623) года“ (Писцов. кн. 9808, л. 110—112). Въ 1646 г. въ этой деревнѣ числилось 5 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 13 челов. и съ дѣтьми. Въ 1678 г. Обонегово, Дядино тожь, было сельцомъ, которымъ владѣли дьякъ Ѳедоръ Максимовъ и вдова Марья Ѳедоровская жена Колтовскаго, въ сельцѣ находились: 2 двора вотчинниковыхъ съ 18 челов. дѣловыхъ людей и 5 дв. крестьянъ и бобылей, въ нихъ 13 челов.; а въ 1704 г.—Иванъ Ивановъ Засѣцкій, въ сельцѣ было 11 дворовъ крестьянскихъ и дворъ вотчинниковъ (Переписн. кн. 9809, л. 619, кн. 9811, л. 520—521, кн. 9816, л. 520). Въ 1755 г., село Обонегово, Дядино тожь, по церкви названное Спасителевымъ принадлежало жемѣ князя Никиты Хованскаго Настасѣ Ивановнѣ урожд. Засѣцвой, а въ 1785 г.—женѣ Ивана Даниловича Арсеньева Марьѣ Матвѣевнѣ (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 28, № дѣла 44 и мол. л. кн. 83, № дѣла 1).

71. Ц. Воскресенія Христова въ селѣ Родинкахъ*).

Воскресенская церковь построена въ селѣ Родинкахъ въ 1687—1688 гг. деревянная. „Во 194 (1686) г. августа въ 11 день, была че-

*) Нынѣ село Родники Московскаго уѣзда.

ломъ великому господину святѣйшему киръ Іоакиму, патриарху Московскому, и всеа Росіи, боярина и оружейничаго Ивана Кирилловича Нарышкина жена его вдова Прасковья Алексѣевна: общалась де она съ матерью своею князь Алексѣевою женою Лыкова со вдовою княгинею Дарьею въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей, въ деревнѣ Родинкахъ построить вновь церковь во имя Воскресенія Христова и святѣйшій патриархъ благословилъ бы ее велѣлъ о строеніи той церкви дать ей благословенную грамоту. Да боярыняжъ вдова Прасковья Алексѣевна дала къ той церкви попу съ причетники на прокормленіе въ той же вотчинѣ пашни 10 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копенъ и о справкѣ той земли къ той церкви изъ Помѣстнаго Приказа вынесена память въ Патр. Каз. Приказъ во 194 году, іюля въ 30 день, за приписью дьяка Автомона Иванова. И потомужъ челобитью патриаршая благословенная грамота о строеніи той церкви дана во 195 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. А въ сказкѣ, какову челобѣтъ ея подалъ въ Казенный Приказъ, написано: у той новопостроенной церкви въ приходѣ будетъ дворъ цоповъ, дв. дьячковыхъ, дв. просвирицныхъ, дв. вотчинниковъ, 12 дв. врестыанскихъ. И по указу патриарха на тоя церковь дани положено, по указной статьѣ, 18 алт., 2 ден. заѣзда гривна. И въ нынѣшнемъ во 196 г. генваря въ 16 день, по помѣтѣ на выпискѣ казначея Андрея Денисовича Владыкина, велѣно тѣ данныя деньги съ нынѣшняго со 196 года принять и записать въ приходъ и впредѣ иматъ потому жъ на годъ“ (Патр. Прик. кн. 124, л. 530 и кн. 218, л. 206).

Подъ 1720 г. написано: церковь Воскресенія Христова въ селѣ Родинкахъ построена и освящена во 196 году, по челобитью вдовы боярыни Прасковьи Алексѣевны Нарышкиной, а по справкѣ съ приходною книгою Казеннаго Приказа, прошлаго 1712 года, на тоя церковь дани, заѣзда и десятильничя доходу положено, по указной статьѣ, 22 алт. 4 ден. на годъ и тѣ деньги на 1712—1720 годъ плачены сполна, а со 196 по 1712 годъ велѣно данныя деньги взять и написать въ приходъ, всего 16 руб. 10 алт. 4 ден. Платилъ тѣ деньги челоуѣкъ стольника Ивана Иванова Нарышкина Василій Гумновъ“ (Тамъ же кн. 245, л. 127).

При Воскресенской деревянной церкви были священники: Яковъ Леонтьевъ 1704 г. и Евдокимъ Яковлевъ 1715—1722 г., дьячи: Никита Яковлевъ 1704 г. и Ѳедоръ Афанасьевъ 1722 г. (Переписн. кн. 9817, л. 335 и кн. 9820, л. 182).

Родники, въ 1646 г.,—сельцо на рѣчкѣ Чюдницѣ и на рѣчкѣ Купавнѣ, Московскаго уѣзда, Кошелева стана, принадлежало Леонтію

Яковлеву Высоцкому, купленное имъ въ 1635 и 1636 годахъ, въ сельцѣ находились: дворъ вотчинниковъ и одинъ дворъ крестьянскій. Въ 1652 г. Леонтій Высоцкій продалъ свою вотчину боярину Семену Лувьяновичу Стрешневу, по смерти котораго владѣла въ 1667—1673 г. его жена вдова Марья Алексѣевна, а въ 1674 г. перешло къ ея племянницѣ Прасковѣ Алексѣевнѣ, бывшей замужемъ за Иваномъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ. Въ 1704 г., въ селѣ Родинкахъ состояли: дворъ вотчинниковъ съ 7 челов. и 3 двора крестьянскихъ съ 19 челов. Прасковья Алексѣевна Нарышкина продала село въ 1714 г. Ивану Ивановичу Нарышкину. Въ 1765 г. оно находилось во владѣннн у жены князя Ивана Оболенскаго—Марьи Алексѣевны, бывшей за первымъ мужемъ за Александромъ Ивановичемъ Нарышкинымъ. (Помѣстн. Прив. по гор. Москвѣ столб. 190, № дѣла 8; Вотч. Колл. вязка 10, № дѣла 6; переписн. кн. 9809, л. 376, кн. 9817, л. 335).

72. Ц. Спаса Нерукотвореннаго образа въ селѣ Губинѣ, Гирѣво тожъ *).

Спасская церковь въ селѣ Губинѣ построена въ 1718 году. „Билъ челомъ великому государю“ въ Помѣстномъ Приказѣ, въ 1717 г., князь Иванъ Алексѣевичъ Голицынъ: „вотчина у меня въ Московскомъ уѣздѣ, въ Васильцовѣ стану, сельцо Гирѣво, Губино тожъ, и въ прошломъ 714 году, по благословенію преосвященнаго Стефана, митрополита рязанскаго и муромскаго, а по моему челобитью, велѣно въ сельцѣ Гирѣвѣ построить вновь каменную церковь во имя Нерукотвореннаго Спасова образа, а у той церкви попу съ причетники земли и сѣнныхъ покосовъ не справлено и чтобъ указомъ повелѣно было къ той новопостроенной церкви попу съ причетники на прокормленіе земли и сѣнныхъ покосовъ справить, и о томъ послать въ Патриаршѣ Приказъ память“. Того же года земля съ сѣнными покосами къ новопостроенной церкви утверждена (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 41, № дѣла 17).

1718 г., іюня 11 „по указу великаго государя, а по челобитью боярина князя Іоанна Алексѣевича Голицына велѣно: новопостроенной церкви Спаса Нерукотвореннаго образа, которую построилъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей, въ сельцѣ Губинѣ, Гирѣво

*) Нынѣ Гирѣво, село Московскаго уѣзда. Церковь приписана къ селу Ивановскому.

тожь, и тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ чловѣка его Матвея Бибикова, съ дворовъ: съ попова, дьячкова, просвирицна, да съ приходскихъ—одного вотчинникова, да съ дву дворовъ старостина, да скотникова, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьява Ивана Лосева 1717 года, февраля въ 17 день, съ пашни съ 10 чети, да сѣнныхъ покосовъ съ 10 копень, дани, заѣзда и десятильнича доходу, по указной статьѣ, 24 алт. 4 ден. и тѣ данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1718 года. И іюля въ 10 день тѣ деньги платилъ чловѣкъ его Макаръ Башкировъ“ (Патр. Прик. кн. 237, л. 287).

При Спасской церкви были: священникъ Тимофей Аввакумовъ 1718—1726 г., дьяконъ Стахей Трофимовъ 1718—1726 г. и дьячекъ Алексѣй Григорьевъ 1726 г.

Гирѣво, Губино тожь, въ 1625 году—сельцо, на суходолѣ, Московскаго уѣзда, Васильцова стана,—вотчина боярыни княгини Анны боярина князя Андрея Ивановича Голицына, по государевѣ жалованной грамотѣ 132 (1624) года, что была старинная вотчина боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, а въ сельцѣ дворъ вотчинниковъ съ дѣловыми людьми“ (Писцов. кн. 9806, л. 1059). Въ 1681 г. оно принадлежало князю Алексѣю Андреевичу Голицыну, въ 1704 г.—его дѣтямъ стольникамъ князьямъ Ивану и Ѳедору; въ сельцѣ было 2 двора вотчинниковыхъ и 2 дв. скотныхъ, въ нихъ 15 члов. (Перепис. кн. 9817, л. 49—50).

73. Ц. Происхожденія честныхъ дръвъ Креста Господня въ сельѣ Горенкахъ *).

Церковь Происхожденія дръвъ Креста построена въ сельцѣ Горенкахъ въ 1719 г. княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Долгоруковымъ. Іюня въ 27 день, 1718 года, „по указу великаго государя, а по челобитью князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова (въ Казенномъ Приказѣ), велѣно новопостроенной церкви Происхоженія честныхъ дръвъ, которую построилъ онъ въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей, въ сельцѣ Горенкахъ, и тоя церкви на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ чловѣка ево Андрея Рыжакова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирицна, да съ приходскихъ—съ одного вотчинникова, съ пашни съ 10 чети, сѣна съ 10 копень, по

*) Нынѣ Горенки, сельцо Московскаго уѣзда.

указной статьѣ, дани, заѣзда и десятильнича доходу 23 алтына, 4 деньги, и тѣ деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1718 года. И сентября въ 13 день, тѣ деньги платилъ человекъ его Андрей Рыжковъ“ (Патр. Прик. кн. 237, л. 288).

Въ 1725 г. билъ челомъ князь Долгоруковъ въ Вотчинной Коллегіи: „въ прошломъ 1719 году въ подмосковной моей вотчинѣ, въ селѣ Горенкахъ состроена и освящена святая церковь во имя Происхожденія честныхъ дровъ, а къ той церкви земли и сѣнныхъ покосовъ нѣтъ, а я по своему желанію въ томъ селѣ Горенкахъ къ той церкви отдаю земли 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 10 копень, и чтобъ повелѣно было оную землю и сѣнные покосы къ той церкви справить и отказать и о томъ для вѣдома послать память въ Патріаршъ Приказъ“. Въ 1726 г. изъ Вотчинной Коллегіи послано увѣдомленіе въ Казенный Приказъ объ утвержденіи земли къ вышеозначенной церкви (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 42, № дѣла 17).

Въ Синодальномъ Каз. Приказѣ производилось дѣло о построеніи въ селѣ Горенкахъ церкви, перевезенной изъ села Чижова. Дѣло началось по прошенію князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ, августа 13 дня 1729 г., писалъ: имѣю я вотчину въ Московскомъ уѣздѣ село Чижово, въ которомъ церковь Успенія Пресвятыя Богородицы деревянная обетшала и служить не возможно, того ради намѣренъ я по обѣщанію своему перевезть и построить въ подмосковной же своей деревнѣ Горенкахъ, которая разстояніемъ отъ села Чижова въ полуверстѣ, понеже изъ оваго села Чижова люди и крестьяне переведены во оную деревню Горенки, а церковная Чижовская земля имѣется отъ деревни Горенокъ въ самой близости, а именно въ полуверстѣ или меньше и ни чьи постороннія дачи не разошли и той церкви безъ указу въ деревню Горенки перевезть и построить не смѣю и просилъ: дать указъ о строеніи церкви въ деревнѣ Горенкахъ.

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ вслѣдствіе сего прошенія на справку выписано: „по окладнымъ книгамъ жилыхъ данныхъ церквей прошлыхъ лѣтъ и сего 729 года въ Вохонской десятинѣ написано: съ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы въ вотчинѣ стольника князя Данилы Григорьева сына Черваскаго въ селѣ Чижовѣ дани и заѣзда и дѣсятильнича доходу по 26 алтынъ, казенныхъ пошлинъ по 5 алтынъ по 4 деньги, и того данныхъ и пошлинъ по 31 алтыну по 4 деньги на годъ и тѣхъ денегъ съ 722 и на 729 годъ итого на 8 лѣтъ 7 руб. 20 алтынъ платежа не имѣется.

А въ писцовыхъ книгахъ вышеозначенной церкви не написано, потому что та церковь въ окладъ прибыла и данью обложена въ прошломъ въ 200 году и у той церкви въ окладной того году книгѣ въ опискѣ показано дворъ поповъ, два двора церковныхъ причетниковъ, приходскихъ 1 вотчинниковъ три двора крестьянскихъ, три двора бобыльскихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа, за приписью дьяка Семена Васильева прошлаго 197 году, церковныя земли пашни 10 четвертей, сѣнныхъ покосовъ 10 копенъ.

А въ переписныхъ книгахъ 703 года у оной же Успенской церкви написано: попь Борисъ Савиновъ, приходскихъ 4 двора, а церковныхъ причетниковъ, пашни и сѣнныхъ покосовъ не написано, а онъ де попь живетъ на ругѣ, а что числомъ руги дается того въ книгахъ не написано.

Да въ той же Вохонской десятинѣ по окладной книгѣ значится: церковь Происхожденія Честныхъ древъ въ вотчинѣ князя Алексѣя Григорьева Долгорукова въ селѣ Горенкахъ, съ неѣ положено дани и заѣзда и десятильнича доходу по 23 алтына по 4 деньга, казенныхъ пошлинъ по 5 алтынъ по 4 деньга, итого по 29 алтынъ по 2 деньга на годъ и тѣхъ данныхъ и пошлинныхъ денегъ на 1722 и 1729 г. въ платежѣ не имѣется.

А въ переписныхъ 1703 г. книгахъ оной Происхожденской церкви не написано, потому что оная церковь прибыла въ окладъ и данью обложена въ 718 году и у той церкви въ окладной книгѣ того году написано дворъ поповъ, два двора церковныхъ причетниковъ, да приходскихъ одинъ дворъ помѣщиковъ, пашни церковныя 10 четвертей, сѣна 10 копенъ.

По оному дѣлу состоялось опредѣленіе: „1729 года августа въ 28 день по указу Его Импер. Величества и по приказу святѣйшаго правительствующаго Синода дать указъ о строеніи церкви“.

Того же числа изъ Синод. Казеннаго Приказа выданъ указъ еп. Алексѣю Григорьевичу Долгорукову, велѣно ему „ветхую деревянную Успенскую церковь изъ села Чижова перевести въ деревню Горенки и той церкви ветхія бревна перемена построить новыми и устроить оную церковь на удобномъ къ церковному строенію мѣстѣ и устроить убрать святыми иконами, а ветхія бревна сжечь въ полѣ на чистомъ мѣстѣ и пепельъ всыпать въ рѣчную быстрину, пошлинъ 3 алт. 2 деньга взято“ (Патр. Прик. вяз. 458 № дѣла 1507 и кн. 328, л. 65 и кн. 328, л. 65).

Подъ 1742 г. значится: въ селѣ Горенкахъ церковь Всемилюстиваго Спаса каменная со всякою церковною утварью да мѣсто цер-

ковное, у церкви каменный домъ, въ которомъ живетъ священникъ; да въ селѣ два сада, 4 пруда (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 99, № дѣла 13).

По писцовымъ книгамъ Московскаго уѣзда въ Васильцѣ стану, 7131 и 7132 (1623—1624) г. извѣстно, что за Никифоромъ Плещеевыхъ находилось въ помѣстьи пустоши: Перевѣсье, на рѣчкѣ Городенкѣ, Погребнице на суходолѣ, Глѣбцово, а Степашково тожь, и Коробкино на суходолѣ, а въ нихъ пашни паханные добрыя земли сто одна четверть, лѣсу пашеннаго 11 десятинъ и непашеннаго 3 десятины. Въ 7148 г. то Никифорово помѣстье дано ему въ вотчину. После его смерти его жена вдова Мавра отдала эти пустоши, въ 1758 г., дочери своей Марьѣ Никифоровой въ приданое, при выходѣ ея замужъ за касимовскаго царевича Василья Араслановича, а отъ нихъ перешло въ 1693 г. къ ихъ дочери, бывшей замужемъ за княземъ Юріемъ Яковлевичемъ Хилковымъ. Онъ на пустоши Коробиной поставилъ для себя дворъ, назвавъ пустошь сельцомъ Горенки. Въ 1714 г. князь Хилковъ отдалъ свое имѣніе въ приданое дочери своей княжнѣ Прасковѣ, при выходѣ ея замужъ за князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, при которомъ и была построена въ селѣ Горенкахъ церковь Всемиловитаго Спаса. Въ 1747 г. село Горенки продано женою князя Юрья Юрьевича Долгорукова Еленою Алексѣевою графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и за нимъ оно было утверждено отказною книгою 1750 года, въ которой упоминается, въ селѣ Горенкахъ домъ вотчинниковъ, а въ томъ домѣ строеніе палаты каменные и при домѣ церковь Происхожденіе честныхъ дровъ Всемиловитаго Спаса“. Въ 1781 г. селомъ владѣлъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ ст. л. кн. 99, № дѣла 13, мол. л. в. 5, № дѣла 19).

74. Ц. Рождества Пресвятыя Богородицы въ селѣ Анискинѣ *).

Въ XVI ст., на берегу рѣки Клязьмы, на большой стромынской дорогѣ, отъ Москвы въ 25 верстахъ, въ Кошелевѣ стану Московскаго уѣзда, находилась церковь во имя Димитрія Селунскаго, которая была уничтожена, но когда и по какому случаю—не извѣстно. Церковная земля, принадлежавшая Димитріевской церкви отдавалась на оброкъ и писалась въ приходныхъ оброчныхъ книгахъ Патр. Казен-

*) Нынѣ село Анискино Богородскаго уѣзда.

наго Приказа, за 7146 (1638) годъ, такъ: „съ церковныя земли Дмитрія Селунскаго, въ Кошелевѣ стану, на думномъ дьякѣ на Михаилѣ Даниловѣ, за оброкъ данью 8 алт. 2 ден.“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 102). „Во 179 (1671) году, іюля въ 20 день, по указу великаго государя, сія Дмитровская церковная земля взята его великаго государя къ потѣшному двору въ деревни Соколовой, въ пустоши Вольновой съ церковными землями Воскресенскою, что въ Хвощинскомъ, на рѣкѣ Хупавнѣ, да Георгіевскою что въ Кошелевѣ стану, а оброку платить съ тѣхъ пустошей, по указу великаго государя, погодно“ (Патр. Прик. кн. 55, л. 772).

Въ дозорныхъ книгахъ Каз. Приказа за 7188 (1680) годъ написано: „церковная земля Дмитрія Селунскаго на берегу рѣки Клязьмы, подлѣ большой дороги стромынки, а по досмотру на той церковной землѣ построены два двора на большой дорогѣ стромынки, около кладбища съ четверть версты, стоятъ пусты; сѣнныхъ покосовъ по рѣкѣ Клязьмѣ копенъ со 100 волоковыхъ, пашни лѣсомъ поросло десятинъ съ 6, а оброку съ той земли на думномъ дворянинѣ Васильѣ Яковлевичѣ Дашковѣ 10 алт. на годъ“ (Патр. Прик. кн. дозорн. 141 л. 256—257).

Въ 7189 (1681) году, февраля въ 9 день церковная Дмитріевская земля отдана на оброкъ погоста Покровскаго попу Еремѣю, а оброку на годъ 26 алт. 4 деньги (Патр. Прик. кн. 101, л. 283).

„7195 (1687) года, мая въ 7 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея Андрея Денисьевича Владыкина, велѣно на церковной Дмитровской землѣ Якову Потапову, да подьячему Гавриилу Булгакову пашню и сѣнные покосы и всякія угоды описать и измѣрить въ десятины, а по описнымъ и мѣрнымъ ихъ книгамъ та церковная земля въ Кошелевѣ стану, на берегу рѣки Клязьмы, на той землѣ кладбища вдоль и поперегъ 20 сажень, около кладбища церковной земли пашни паханой 20 десятинъ, лѣсной поросли десятина, сѣнныхъ покосовъ по рѣчкѣ Клязьмѣ 100 копенъ, и та церковная земля, пашня и сѣнные покосы, по отводу Алексѣя Васильева сына Плещеева, да вдовы Татьяны Григорьевской жены, Васильева сына Плещеева съ ея дѣтьми, обмежевана и по межѣ учинены столбы и грани; а смежна та церковная земля съ деревнею Аничковою (въ другомъ мѣстѣ Анисково) и сельцомъ Тимофеевымъ, Калинино тожь, съ землею Алексѣя и вдовы Татьяны Плещеевыхъ, съ землею Ивана Исленьева, Андрея Павлова Астафьева, окольного князя Бориса Васильевича Горчакова и Крутицкаго митрополита. И іюня въ 30 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Анисима

Федорова, а по челобитью Алексѣя Плещеева, да вдовы Татьяны съ дѣтьми Плещеевыхъ, церковная Дмитріевская земля отдана на оброкъ имъ на нынѣшній 195 годъ и впредь до указу, а оброку имъ платить, опричь пошлинъ, по 10 рублей на годъ, а пошлинъ по указу, а тѣхъ денегъ платить половину Алексѣю Плещееву, а другую половину—вдовѣ Татьянѣ съ дѣтьми, и тою землею владѣть имъ по поламъ и другъ друга ни въ чемъ не избивать и въ платежѣ оброчныхъ денегъ и въ очисткѣ земли взять по нихъ поручныя записки. Оброчныя деньги на 195 годъ 10 рублей взяты“ (Патр. Прик. кн. 120, л. 274, дозорн. кн. 109, л. 1—20).

1719 года, сентября 4, по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ дворецкого Алексѣя Андреевича Владыкина, а по челобитью капитана Федора Алексѣева сына Плещеева, велѣно ему на выписанной Дмитріевской церковной землѣ построить вновь церковь во имя Иверскія Пресвятыя Богородицы, да въ предѣлахъ: Алексѣя Митрополита и св. Дмитрія Селунскаго и оброчныя деньги велѣно изъ оклада выложить и вмѣсто онаго положить дань и въ приходную книгу жилыхъ церквей внести. И сентября въ 14 день, въ Казенномъ Приказѣ, велѣно новопостроенной церкви во имя Иверскія Пресв. Богородицы съ придѣлами на попа съ причетники положить дани съ дворовъ: попова, дьячкова, просвирицына да съ приходскихъ—2 дворовъ вотчинниковыхъ, съ 20 дв. крестьянскихъ, да по дозорнымъ книгамъ Якова Потапова 195 года, съ пашни церковной съ 20 десятинъ, да лѣсомъ поросло съ одной десятины, сѣнныхъ покосовъ со 100 копенъ дани, десятильничя доходу и заѣзда, по указной статьѣ, 2 рубля 15 алт. и тѣ деньги велѣно имать съ будущаго 1720 года“ (Патр. Прик. кн. 239, л. 289 и кн. 241).

Церковь освящена въ 1722 г. во имя Рождества Пресв. Богородицы. Въ книгахъ же Каз. Приказа за 1720 и 1721 годы писалась: „церковь Иверскія Пресв. Богородицы съ придѣлами Алексѣя Митрополита и Дмитрія Селунскаго въ вотчинѣ капитана Федора Плещеева, дани 2 р. 15 алт.“ Подъ 1722 годомъ отмѣчено: „писать церковь *Рождества Пресв. Богородицы* съ придѣлы тѣхъ храмовъ, съ того числа, какъ о освященіи тоя церкви указъ отпущенъ *въ село Тимофеевъ, Калинино тожъ*, въ вотчинѣ Плещеевыхъ.

При церкви были въ 1722 г. священникъ Емельянъ Ивановъ, его дѣти: дьячекъ Григорій и пономарь Иванъ (Патр. Прик. 245, кн. 268, л. 208 и 1 ревизіи, кн. 1722 г, л. 432 об.).

Тимофеево, Калинино тожъ, въ 1623 г.—„пустошь“, находившаяся Московскаго уѣзда въ Кошелевѣ стану, „въ помѣстьи за княземъ

Михаиломъ Козловскимъ“, а въ 1678 г. значится селцо Тимофеево Калинино тожь, на рѣкѣ Клязьмѣ, помѣстье Алексѣя и Григорья Васильевыхъ Плещеевыхъ, въ сельцѣ 2 двора помѣщичьихъ съ дѣловыми людьми“, у нихъ же, Плещеевыхъ находилась во владѣніи деревня Аничкина съ 6 дворами крестьянъ и бобылей, въ нихъ 37 челов. По смерти Алексѣя и Григорья Плещеевыхъ имѣніемъ владѣли 1704 г. ихъ дѣти: Ѳедоръ Алексѣевъ, Алексѣй, Михаилъ, Ѳедоръ и Андрей Григорьевы, въ сельцѣ Тимофеевѣ, Калинино тожь, состояло 2 двора вотчинниковыхъ съ 13 челов. дворовыхъ людей и въ деревнѣ Аничкиной—14 д. крестьянскихъ съ 60 челов. (Писцов. кн. 9806, л. 962; Переписн. кн. 9813, л. 385—386 и кн. 9817, л. 341—343).

Въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построении въ деревнѣ Анискинѣ (sic) новой каменной церкви во имя Рождества Пресв. Богородицы съ предѣлами. Дѣло началось по прошенію полковника Андрея Григорьева Плещеева. Въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1738 года іюля 3 дня, онъ, Плещеевъ, писалъ: Въ Московскомъ уѣздѣ, въ Кошелевѣ стану, на рѣкѣ Клязьмѣ по одну сторону большой стромынской дороги, имѣется церковная Дмитровская земля, которая стоитъ въ нашихъ дачахъ съ братомъ моимъ двоюроднымъ Федоромъ Алексѣевымъ сыномъ Плещеевымъ; и въ прошлыхъ годахъ по обѣщанію мать моя Татьяна Гордѣвна Плещеева била челомъ на оной церковной землѣ построить церковь, токмо то строеніе пресѣкла кончина матери моей, а я имѣлъ отлучку въ службѣ; и въ небытность мою въ прошлыхъ годахъ, по челобитію показаннаго брата моего Федора Алексѣева сына Плещеева, на той церковной землѣ построена церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, которая нынѣ весьма ветха и въ священномъ служеньѣ исправлять въ ней никакъ не возможно, къ тому жъ она церковь отъ деревень нашихъ Анискина и Тимофеева, а тоя церкви отъ приходу, стоитъ не въ близости, отъ чего въ той церкви отъ воровскихъ людей напредъ сего бывали кражи и святые образа обирали, да и впредь во оной святой церкви за онымъ дальнымъ отъ деревень нашихъ разстояніемъ и за опасеніемъ воровскихъ людей кражи церковной утвари умножить весьма опасно. А нынѣ я помянутой по обѣщанію своему желаю въ показанной деревнѣ Анискинѣ вмѣсто той обетпалой церкви построить вновь церковь во имя того жъ храма Рождества Пресвятыя Богородицы съ предѣлы Николая чудотворца и Алексѣя Митрополита каменные, ибо и священнослужители той церкви въ той же деревнѣ жительствоуютъ; а подъ строеніе той церкви и подъ кладбище земля имѣется церковная и священнослужителемъ въ до-

вольство будетъ прежде имѣющаяся оная синодальная земля, и чтобъ повелѣно было о строеніи показанной церкви и съ предѣлы дать храмозданную грамоту“.

Вслѣдствіе сего прошенія въ Синодальномъ Казенномъ Приказѣ на справку выписано: „по окладной книгѣ сего 1738 года Московскаго уѣзду Вохонской десятины написано: съ церкви Рождества Пресв. Богородицы, да въ предѣлѣ Алексѣя Митрополита да Дмитрія Селунскаго въ вотчинѣ капитана Федора Плещеева, дани и пошлинѣ по 2 руб. по 62 коп. платятся повсегодно безъ доимки. А въ приходной окладной прошлаго 719 года книгѣ написано: 1719 года сентября въ 14 день, по челобитью капитана Федора Плещеева, велѣно новостроенной церкви въ Московскомъ уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, которая построена на пустовой церковной Дмитровской землѣ, что въ Кошелевѣ стану, на берегу рѣки Клязьмы, Иверскія Пр. Богородицы да предѣла Алексѣя Митрополита, да Дмитрія Селунскаго данныя и прочія положенныя деньги съ дворовъ попова, дьячкова, просвирницына, да съ приходскихъ—трехъ вотчинниковыхъ, съ 20 крестьянскихъ, да по дозорнымъ книгамъ Якова Потапова 195 года пашенной церковной земли съ 20 десятинъ, да лѣсной поросли съ десятины, сѣнныхъ покосовъ съ 100 копенъ, всего по 2 рубли по 76 копѣекъ имать съ того съ 719 году. А въ записной антиминой книгѣ 722 г. написано: августа 31 дня запечатанъ указъ большаго Успенскаго собора, что въ Москвѣ, протопопу съ братьею о освященіи церкви по челобитью капитана Федора Алексѣева Плещеева, велѣно ему протопопу въ Московскомъ уѣздѣ въ селѣ Калининѣ Тимофѣево тожь, новопостроенную церковь во имя Рождества Пресв. Богородицы освятить и антимины въ тоя церковь выдать“.

Резолюція преосвященнаго Веніамина епископа воломенскаго и каширскаго: „Дать храмозданную грамоту 1738 году іюлія 7 дня. Того же іюля 23 дня выданъ указъ изъ Синодальнаго Казеннаго Приказа о строеніи церкви полковнику Андрею Григорьеву сыну Плещееву, по его прошенію, велѣно: въ Московскомъ уѣздѣ, въ Кошелевѣ стану, на рѣкѣ Клязьмѣ, по одну сторону большой стромынской дороги, на имѣвшейся церковной Дмитровской землѣ построена церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, которая весьма ветха и за ветхостью служить не возможно, построить вновь церковь Рождества Пресв. Богородицы съ придѣлами Николая чудотворца и Алексѣя митрополита въ деревнѣ Анискинѣ, буде спору отъ кого не возымѣется; пошлинѣ 30 копѣекъ съ половиною взято“ (Патр. Прик. вазка 481, № дѣла 5769 и кн. 413, л. 43.

75. Ц. Зачатія Іоанна Предтечи въ селѣ Георгіевскомъ, Поварово, Федорнево тожъ *).

Церковь Іоанна Предтечи построена въ селѣцѣ Поваровѣ, Федурнево тожъ, въ 1708 году деревянная. Въ книгѣ Патр. Каз. Приказа за 1708 годъ говорится: „марта въ 13 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Іосифа Бурцова, велѣно новопостроенныя церкви Іоанна Предтечи, которую построилъ стольникъ князь Иванъ князь Ѳедоровъ сынъ Борятинскій въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ своей въ селѣцѣ Поваровѣ, Федурнево тожъ, на попа съ причетники дани положить, по сказкѣ челоуѣка его Потапа Фвтюженикова, съ дворовъ: съ попова, съ дьячкова, съ просвирницына, да съ приходскихъ съ одного вотчинникова, съ 5 дв. крестьянскихъ среднихъ, да по памяти изъ Помѣстнаго Приказа 1708 года генваря 24 числа, пашни съ 10 четвертей въ полѣ, а въ дву потомуужъ, сѣвныхъ покосовъ съ 10 копенъ, по указной статьѣ, 12 алт. 5 ден.; данныя деньги велѣно имать съ нынѣшняго 1708 года“ (кн. 204, л. 156 об.).

„1708 года, марта 26, по благословенной грамотѣ, отпушенъ антиминосъ, для освященія церкви во имя Іоанна Предтечи въ Московской уѣздѣ, въ село Федурнево“ (Патр. Пр. кн. 138, л. 334).

Церковь Іоанна Предтечи въ приходныхъ книггахъ Каз. Приказа писалась подъ Загородскою десятиною. „Въ 1738 г. декабря 13 дня, по опредѣленію Синод. Каз. Приказа, по силѣ присланнаго изъ свѣтѣйшаго Правит. Синода въ Москвѣ указа, велѣно: съ построенной въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ князя Ивана Ѳедоровича Борятинскаго, въ селѣ Георгіевскомъ, Поварово и Федурнево тожъ, церкви Зачатія Іоанна Предтечи, которой о строеніи въ 1707 году, а освященіи въ 1708 году указы даны и данныя деньги велѣно брать съ 1708 года и внести въ окладныя книги, и была написана та церковь въ окладную книгу въ Загородской десятинѣ и писано по 1712 годъ, а деньги плачены по 713 годъ, а въ томъ 1712 году въ окладной книгѣ противъ оной церкви на сторонѣ отмѣчено: впредь писать въ Вохонской десятинѣ, по которой отмѣтѣ въ Загородской писаться не стала, а въ Вохонской не написана и въ платежѣ съ того 1713 года не имѣлось,—данныхъ по 78½ коп., пошлинъ по 17 коп. на годъ съ 1718 по предбудущій 1739 годъ взять и впредь брать отъ дому

*) Нынѣ Георгіевское (Федурнево), селцо Московскаго уѣзда.

показаннаго князя господина Борятинскаго того ради, что въ томъ селѣ церковь сгорѣла, а вновь не строить, а потѣ бывший при той церкви опредѣленъ, до строенія той церкви, въ викарные священники въ Москвѣ“ (Патр. Прик. кн. 206, л. 242 кн. 412, л. 319). Съ церкви Іоанна Предтечи данныя деньги, заѣзда и десятильничя доходу съ 1718 по 1738 годъ 15 руб. 70 коп., казенныхъ пошлей 3 руб. 40 коп., и того 19 рубл. 10 коп. съ онаго платежа нужнѣйшихъ по копейки съ половиною съ рубля 28½ коп., итого 19 руб. 38½ коп. платилъ 1738 года подполковника князя Александра, да лейбъ гвардіи поручика князя Сергія Ивановыхъ дѣтей Борятинскихъ служитель Климы Дѣевъ (Патр. Прик. кн. 412, л. 320).

По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, Почернева стана находилась въ вотчинѣ „за Никифоромъ Михайловымъ сыномъ Грековымъ, по закладной Второго, да Алексѣя Дорофеевыхъ дѣтей Бохина да сестры ихъ Аксиньи 7117 (1609) года деревня, что б. сельцо Поварово, на рѣчкѣ Черной, а въ ней дворъ вотчинниковъ, да дѣловыхъ людей 4 двора“ (Писцов. кн. 9805, л. 132). По переписнымъ книгамъ 154 (1646) г.: „за Ѳедоромъ Алексѣевымъ сыномъ Бохинымъ въ вотчинѣ сельцо Поварово, а въ немъ дворъ вотчинниковъ, деревня Федурнева, а въ ней крестьянъ 4 двора; деревня Маревка, на рѣчкѣ Маревкѣ, а въ ней крестьянъ 2 дв.“ (Перепис. кн. 9809, л. 418). По смерти Ѳедора Бохина этимъ имѣніемъ владѣли его дѣти Сергіи и Павелъ, отъ которыхъ оно было продано въ 1673 году князю Юрію Никитичу Борятинскому, а отъ него перешло къ его сыну князю Ѳедору, женатому на Аннѣ Даниловнѣ и въ 1704 г. къ его внуку князю Ивану Ѳедоровичу Борятинскому, при которомъ сельцо Поварово имѣло другое названіе „Егорьевское“ по имѣни владѣльца Георгія (Юрія) Борятинскаго. Въ 1704 г. въ сельцѣ Егорьевскомъ, Поварово тожъ, дворъ вотчинниковъ и дворъ скотный, въ нихъ 17 челов., въ деревняхъ Федурневѣ и Митяевкѣ 30 дворовъ крестьянскихъ съ 52 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 16 № дѣла 11; переписн. кн. 9717, л. 777—779). По построеніи въ сельцѣ Егорьевскомъ церкви оно стало называться селомъ Егорьевскимъ, Поварово Федурнево тожъ.

76. Ц. Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Перовѣ *).

Знаменская церковь построена въ 1705 году каменная въ деревнѣ Тетеревицахъ.

*) Нынѣ село Перово Московскаго уѣзда.

Тетеревники въ XVI ст.—село, въ которомъ была церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. Въ началѣ XVII ст. оно разорено и было пустошью. Въ писцовыхъ книгахъ 131 и 132 (1623—1624) гг. Московскаго уѣзда, въ Васильцовѣ стану, написано: „за князьями Оедоромъ и Иваномъ Борисовыми дѣтьми Татова въ помѣстьи, по государевѣ грамотѣ 130 (1622) году, пустошь, что было село Тетеревники, а въ немъ была церковь во имя Пречистыя Богородицы Успенія, пашни церковныя середнія земли перелогомъ 5 чети, лѣсомъ поросло 7 чети въ полѣ, а въ дву потомуужъ, сѣна межъ полъ 12 копенъ, лѣсу пашеннаго 3 десятины“. Близъ пустоши Тетеревниковъ находилась пустошь Перова, Пирогово тожь, на суходолѣ,—помѣстье князей же Татевыхъ (Писцов. кн. 685 л. 1117). Потомъ этимъ имѣніемъ владѣлъ бояринъ князь Оедоръ Семеновичъ Куракинъ. При немъ пустошь Тетеревники была деревнею, въ которой числилось въ 1646 г. 4 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 6 челов.; отъ князя Куракина дер. Тетеревники съ пустошью Перовою перешла во владѣніе боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, при немъ Перово въ 1678 г. было сельцомъ, въ которомъ находился дворъ боярскій и 7 семей дворовыхъ людей съ 15 челов., а въ дер. Тетеревникахъ числилось 3 двора бобыльскихъ съ 10 челов. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 23, № дѣла 4; Переписн. кн. 9809, л. 398 и кн. 9813, л. 448).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 7188 (1680) г. значится: „въ Васильцовѣ стану церковная Успенская земля, отъ Москвы въ 5 верстахъ подлѣ большой дороги Носовихи; по осмотру церкви нѣтъ, а подлѣ кладбища згоны, построены три двора крестьянскихъ, а поселенные крестьяня оказались боярина князя Алексѣя Андреевича Голицына, поселены—де они на церковной землѣ до мороваго повѣтрія и тою де церковною землею владѣютъ они крестьяня, пашню пахутъ по 3 десятины въ полѣ, а въ дву потомуужъ, и сѣно косятъ они жъ крестьяня; а та де деревня словеть Тетеревники. А въ приходныхъ книгахъ жилыхъ церквей и пустовыхъ церковныхъ земель прошлыхъ лѣтъ въ селѣ Тетеревникахъ церкви въ дани и церковной земли на оброкъ ни на комъ не написано“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 261 и 272). „И во 194 (1686) году, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Перфілія Сѣменникова, съ церковной земли Успенской велѣно оброчныя деньги, по указной статьѣ, спрашивать боярина князя Алексѣя Андреевича Голицына на страпчемъ его, который за дѣлы ходить, за прошлые годы со 161 (1653) по 7194 (1686) годъ. Во 194 году марта въ 6 день билъ челомъ святѣйшему патріарху бояринъ князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ, а въ челобитной его

написано: спрашиваютъ на немъ въ Казенномъ Приказѣ съ церковной земли Успенской на прошлые годы деньги, а тою-де церковною землею онъ не владѣлъ, лежала порожжа; а село де Тетеревики досталось сыну его стольнику князю Петру, послѣ тестя его боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго во 188 году, и святѣйшій патріархъ пожаловалъ бы его не велѣлъ съ той земли за прошлые годы денегъ на немъ спрашивать, а велѣлъ бы съ той земли деньги принять у него со 188 по нынѣшній 194 годъ. И іюля въ 31 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяка Ивана Никитина, велѣно съ вышеписанной церковной Успенской земля оброчными деньгами, по указной статьѣ, по 13 алтынъ на годъ, со 188 года взять на человѣкѣ князѣ Алексѣѣ Голицынѣ и записать въ приходъ, а прошлыхъ же лѣтъ до 7188 года съ той земли оброчную доимку очистить“ (Патр. Прик. кн. 117, л. 271—272).

Въ 7198 (1690) году церковная Успенская земля находилась на оброкѣ у князя Петра Алексѣевича Голицына, которому разрѣшено было построить на той церковной землѣ каменную церковь во имя Знаменія Пресв. Богородицы и дана благословенная грамота и по той грамотѣ та церковь построена ль и освящена ль того въ Казенномъ Приказѣ было не вѣдомо по 1705 годъ. А по сказкѣ, какова взята у человѣка князя Голицына Михапла Горюшкина, та церковь построена и освящена въ 1705 году. И по помѣтѣ на выпискѣ судіи монаха Іосифа Булгакова 1707 г. велѣно тоя церкви на попа съ причетники дани положить по сказкѣ вышеписаннаго человѣка его, князя Голицына, съ дворовъ: попова, дьячкова, просвирницына, съ приходскихъ—вотчинникова, съ 4 врестьянскихъ, съ церковной земли, по писцовымъ книгамъ, съ 12 чети, сѣнныхъ покосовъ съ 12 копенъ, лѣсу съ 3 десятинь, по указной статьѣ, 17 алтынъ, 3 деньги, заѣзда гривна, и тѣ данныя деньги велѣно взять съ 1705 года, какъ та церковь освящена. И сентября въ 16 день тѣ деньги на 1705—1707 годъ платилъ человѣкъ его Михаилъ Горюшкинъ, принималъ Алексѣй Титовъ“ (Патр. Прик. кн. 200, л. 191).

По книгамъ Каз. Приказа за 1708—1739 гг. церковь Знаменія Пресв. Богородицы писалась „въ селѣ Тетеревикахъ“; а подъ 1745 г. отмѣчено: писать въ селѣ Перовѣ Тетеревики тожъ“ (кн. 204, л. 11; кн. 341, л. 70).

Послѣ князя Петра Алексѣевича Голицына и жены его Настасьи Ивановны, урожд. кн. Воротынской, имѣніе досталось ихъ сыну князю Николаю Петр. (Вотч. Колл. по гор. Москвѣ, мол. л. кн. 23, № дѣла 4). Въ 1704 г. въ селѣ Перовѣ находились дворы: вотчин-

никовъ, прикащичій, въ нихъ 13 челов. дворовыхъ людей, 4 дв. задворныхъ, 2 дв. вдовьихъ, 2 дв. садовниковыхъ, 4 дв. конюховыхъ, въ нихъ 24 челов.; въ деревнѣ Тетереvникахъ 3 дв. крестьянскихъ съ 26 челов. (Переписн. кн. 9817, л. 45).

Въ записной книгѣ исходящихъ бумагъ Синод. Каз. Приказа, за 1730 г. значится: „августа 11 числа, запечатанъ указъ о строеніи церкви Большаго Успенскаго собора протопопу Ивану Максиму съ братьею, по челобитью лейбъ-гвардіи преображенскаго полка сержанта князя Николая Петрова сына Голицына, велѣно: въ Московскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ ево, въ селѣ Перовѣ Тетереvки тожъ, въ настоящей Знаменской каменной церкви построить для зимняго времени теплый придѣлъ во имя Николая чудотворца, а какъ та предѣльная церковь построена будетъ и тоѣ церковь освятить ему, протопопу, съ братьею, по новоисправному требнику, а антиминсъ въ тою церковь выданъ; поплинь 3 алт. 2 ден., нужнѣйшихъ одна четь взято“ (Патр. Прив. кн. 337, л. 37).

Въ 1732 г. князь Ник. Петр. Голицынъ село Перово съ деревнею Тетереvничи заложилъ графу Якову Вилимовичу Брюсу, а въ 1735 г. оно перешло къ его племяннику Александру Романовичу Брюсу. Въ 1743 г. по имянному указу это имѣніе было куплено въ казну и въ 1744 г. село Перово съ деревнею было пожаловано графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому (Витч. Колл. по гор. Москвѣ, ст. л. кн. 92, № дѣла 3; кн. 62, № дѣла 19, и вязка 30, № дѣла 13).

При Знаменской церкви были священники: Георгій Агафоновъ 1705 г., Кузьма Ефимовъ 1710 г., Тихонъ Тихоновъ. опредѣленный въ 1716 г. отъ церкви Воскресенія Христова, что въ Никитскомъ монастырѣ, у святыхъ вратъ, на мѣсто попа Ивана Иванова (Патр. Прик. кн. 220, л. 54), Михаилъ Тихоновъ 1717—1720 г., Иванъ Никитинъ 1735 г. и Алексѣй Яковлевъ 1744 г., дьячки: Тимофей Абакумовъ 1705—1715 г., Михаилъ Яковлевъ 1720 г.; пономари: Алексѣй Яковлевъ 1705 г. и Илья Игнатьевъ 1710—1725 г.

77. Ц. Живоначальная Троица при домѣ Салтыкова.

1728 г., по указу его императорскаго величества и по учиненнымъ по духовной Дивастріи въ прошломъ 1726 г., декабря 20 и Синодальнаго Каз. Приказа 1728 г. октября 15, опредѣленіямъ, велѣно противъ челобитья Василья Ѳедорова сына Салтыкова въ Московскомъ уѣздѣ, въ Васильцовскомъ стану, при домѣ его запечатанную церковь во имя Живоначальной Троицы, которая въ прошломъ 722 году, въ

декабрь мѣсяцъ съ прочими запечана, для объявленнымъ онымъ господиномъ Салтыковымъ прошеніемъ нуждъ распечатать и священнослуженіе въ ней отправлять позволено, понеже въ томъ его господина Салтыкова прошеніи показано: приходскія-де церкви отъ двора его въ дальнемъ разстояніи и за рѣками, а священникомъ не токмо ноцнымъ временемъ со всякою нужною потребою ускорить, но и въ день за дальнимъ разстояніемъ приходитъ въ домъ ево и ему господину Салтыкову и людямъ ево въ тѣмъ приходскимъ церквамъ со страхомъ дальности пути отъ воровскихъ людей приходитъ же опасно, а въ домѣ-де ево людей со сто, а въ прїѣздъ бываетъ подъ двѣсти и больши, да и того ради тое церковь распечатать, понеже оная построена и освящена до состоянія блаженна и вѣчностойна памяти его императорскаго величества указовъ, которымъ вновь, гдѣ прежде сего не бывало, церковное строеніе строить запрещено; а для священнослуженія во оной церкви требуемаго имъ господиномъ Салтыковымъ попа Никиту на мѣсто тояжь церкви прежде бывшаго попа Григорія (который по справкѣ значится въ прошломъ 1723 году іюля 12 дня опредѣленъ въ церкви Арх. Гавріила, что на Чистомъ пруду) опредѣлить и для того отправить ему попу Никитѣ переходящую память и оную Троицкую церковь для показаннаго многочудства учинить приходскую, которую противъ прочихъ цервей данными деньгами обложить, а именно: счисляя изъ оныхъ дворовыхъ людей по 5 душъ въ приходской дворъ и съ того расчисленія, также и съ объявленной онымъ прошеніемъ денежной и хлѣбной руги, тѣ данныя деньги по указу на 1726, 727 и 728 годы доправить съ попа и съ причетники или съ кого надлежитъ и доправа записать въ приходъ и тое церковь внести въ оладныя вниги, а въ старостѣ поповскому, въ которой десятина та церковь обрѣтается, впредь для платежа данныхъ денегъ послать указъ. И по вышенисанымъ опредѣленіямъ съ вышенисанной Троицкой церкви по распоряженію данныхъ денегъ положено, а именно: съ дворовъ съ попова 4 ден., съ дьячкова, съ просвирнина по денгѣ, да съ приходскихъ двухъ сотъ человѣкъ по 5 душъ во дворъ, съ 40 дворовъ, по 3 денги съ двора, съ руги съ 20 руб., по 3 денги съ рубля, всяаго хлѣба съ 20 четвертей, по 2 денги съ четверти, итого дани рубль 3 алт. 2 д., заѣзда гривна, десятильнича доходу 10 алт., казенныхъ пошлякъ 5 алт. 4 д., а всего данныхъ и пошлянныхъ рубль 22 алт. 2 д., и по силѣ онымъ опредѣленіямъ для взятя на 1726, 727 и 728 годы положенныхъ данныхъ денегъ послать указъ въ Московскій уѣздъ, въ Вохонскую десятину, къ старостѣ поповскому

Гуслицкой волости къ ильинскому попу Егору. Указъ посланъ мая 20 дня 1728 года (Патр. Прив. прих. кн. 323, л. 155).

Въ окладныхъ книгахъ Синод. Эконом. Прав. за 1740 г. кн. 5, записано: „церковь Живоначальная Троицы въ Васильцовѣ стану, которая построена при домѣ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника и генераль-губернатора Василія Ѳодоровича Салтыкова, дани рубль 50 коп.“.

78. Ц. Успенія Пресв. Богородицы съ придѣломъ Іоанна Богослова, на рѣчкѣ Шернѣ *).

Въ XVI ст., Московскаго уѣзда, въ дворцовой Черноголовской волости, находилась церковь Іоанна Богослова, при рѣкахъ Клязьмѣ и Шернѣ, которая была уничтожена въ началѣ XVII ст. Церковная земля, принадлежавшая сей церкви, отдавалась въ оброкъ. По книгамъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель за 7146 (1638) годъ: „съ церковной земли Іоанна Богослова, что на рѣкѣ Шарнѣ (въ другомъ мѣстѣ Шернѣ), на патріаршѣ огородникѣ Тимошеѣ Яковлевѣ, оброку 3 р. 16 алт. 4 д.“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 102). Въ 7182 (1673) году, ноября въ 22 день, по памяти изъ Патріарша разряда, отдана ся церковная Іоанна Богослова земля въ помѣстье патріаршу сыну боярскому Перфилю Гнѣвашову и впредь сей церковной земли въ оброчной книгѣ не писать“ (Патр. Прив. кн. 76, л. 380 об.).

Въ Синод. Казенномъ Приказѣ производилось дѣло о построеніи на церковной Іоанна Богословской землѣ вновь деревянной церкви. Въ прошеніи, поданномъ въ Казенный Приказъ 1719 г. въ генварѣ мѣсяцѣ, монахъ Троицы Сергіева монастыря Питиримъ писалъ: „въ Московскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Шернѣ и на Клязьмѣ имѣется церковная земля Іоанна Богослова, на которомъ погостѣ построена издавна часовня, и нынѣ де онъ обѣщается построить вновь церковь во имя Іоанна Богослова деревяную, а безъ указу той церкви строить не смѣетъ, а оная де часовня приписана къ пустыни Николаевской Бирхинской, и чтобъ указомъ повелѣно было о строеніи оной церкви дать ему указъ, а какъ та церковь построится и чтобъ тоя церковь освятить и выдать освященный антиминсъ, а у строеніи той церкви быть ему монаху Питириму“.

А по справкѣ въ Синод. Каз. Приказѣ, вслѣдствіе сего прошенія, означенной церковной Богословской земли, что на рѣкѣ Шернѣ

*) Нынѣ село Богословское Богородскаго уѣзда.

и на Клязьмѣ, какъ въ писцовыхъ табѣ и въ обкладныхъ книгахъ по Московскому уѣзду, не имѣется“.

По этому прошенію послѣдовала резорюція преосвященнаго Стефана митрополита рязанскаго и муромскаго: „дать указъ противъ челобитья о строеніи и освященіи церкви Божіи и антиминосъ выдать, а у строенія той церкви быть монаху Цитириму, токмо съ благословіемъ Никлаевской пустыни строителя Василя“.

1729 г., августа 13 числа, въ Синод. Каз. Приказъ входилъ съ прошеніемъ строитель Богословской пустыни іеромонахъ Петръ съ братією и вкладчиками Ѳеодоромъ Антоновымъ и Иваномъ Семеновымъ, въ которомъ писалъ: „Въ Московскомъ уѣздѣ, въ Рогожскомъ стану, межъ рѣкъ Шерны и Клязьмы, имѣется пустыня, въ второй обрѣтается церковь во имя Іоанна Богослова деревянная, а тцаніемъ и раченіемъ насъ богомольцовъ, строителя іеромонаха Петра съ братією и по обѣщанію въ тое пустыню разныхъ чиновъ вкладчиковъ, желаемъ построить церковь соборную каменную во имя Успенія Пресв. Богородицы съ предѣломъ св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова теплымъ, понеже мы имѣемъ безъ теплыя церкви въ службѣ не малую нужду, а безъ указа его императорскаго величества и безъ благословія Святѣйшаго Правительствующаго Синода на оное каменное строеніе всякихъ припасовъ готовить и оныхъ церквей строить не смѣемъ, и чтобъ указомъ повелѣно было во оной Богословской пустыни, по обѣщанію нашему, о строеніи оной каменной церкви и съ предѣломъ дать намъ указъ“.

Вслѣдствіе этого прошенія, „1729 г. сентября 8 числа, по благословію Святѣйшаго Правительствующаго Синода и по помѣтѣ синодальнаго дома казначея іеромонаха Филагрія, велѣно: о строеніи Успенской церкви съ предѣломъ Іоанна Богослова дать указъ“. Того же года сентября 9 числа изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ, „по которому велѣно, ему, строителю Петру съ братією, церковь и предѣлъ построить, противъ протчихъ святыхъ церквей, безъ всякаго по своему смышленію приложенія или умаленія и, построивъ, убрать святыми иконами и протчимъ церковнымъ благолѣпіемъ, по подобающему какъ обычай, а егда оная церковь и предѣлъ построены и ко освященію со всѣмъ изготовлены будутъ, тогда бить челомъ о освященіи оной церкви съ предѣломъ и о антиминосѣхъ и кому святить“. Подлинный указъ былъ выданъ монаху Богословской пустыни Никифору, вмѣсто котораго, въ полученіи указа росписался служитель вкладчика стольника Василя Петровича Головина Аѳанасій Гавриловъ.

1731 г. октября въ 5 день, онъ же, строитель іеромонахъ Петръ, входилъ въ Синод. Каз. Приказъ съ прошеніемъ, въ которомъ объявлялъ, что придѣлъ Іоанна Богослова каменный съ трапезою, милостию Божіею, построенъ и ко освященію въ готовности и просилъ объ освященіи онаго придѣла выдать ему указъ.

Резолюція: „1731 г. октября въ 14 день, о освященіи церкви и о выдачѣ антиминиса дать указъ“. Того же года, ноября 22 дня, изъ Синод. Каз. Приказа выданъ указъ Большаго Успенскаго собора протопопу Іоанну Максимову съ братіею велѣно: „вышеозначенный предѣлъ во имя Іоанна Богослова, буде построенъ, освятить на выданномъ изъ синодальнаго дому освященномъ антиминисѣ по новоисправному требнику, какъ о томъ напечатано о положеніи освященнаго антиминиса, и для того освященія антиминисъ выдать поцу или діавону съ роспискою“.

1735 г. іюля 25 дня, строитель Богословской пустыни іеромонахъ Даниилъ съ братіею въ прошеніи, подданномъ въ Синод. Каз. Приказъ, писалъ: „въ Московскомъ де уѣздѣ въ Вохонской десятинѣ, на рѣкѣ Шернѣ и Клязьмѣ имѣлась церковная земля, старинной погостъ Іоанна Богослова, на которомъ погостѣ была построена издавна часовня, а въ прошломъ 719 г., по указу изъ Духовнаго Приказу, противъ прошенія Троицы Сергіева монастыря монаха Питирима, построена на томъ церковномъ погостѣ вновь церковь во имя Іоанна Богослова, а сего же 1735 году апрѣля 7 числа помѣщика Василя Алексѣева сына Янова служитель Иванъ Алексѣевъ, да прикащикъ Ѳедотъ Анисимовъ на оной ихъ Богословской церковной землѣ, по приказу онаго помѣщика Янова, построили близъ той ихъ пустыни — разстояніемъ сажень съ 40—двѣ избы и называютъ тое церковную землю своею помѣстною землею, а по какому указу или по крѣпостямъ про то они не извѣстны, и отъ того ихъ насильнаго владѣнія чтобъ имъ не разорится и не помереть гладомъ, и чтобъ повелѣно было оному помѣщику Янову тою ихъ церковною землею насильствомъ своимъ владѣть не велѣть, а построенныя избы снести и владѣть имъ по прежнему и о томъ владѣнія дать имъ указъ“.

Вслѣдствіе сего прошенія и опредѣленія Синод. Каз. Приказа 1736 г. іюля 14 дня дана инструкція подканцеляристу Алексѣю Максимову, которому было предписано произвести на мѣстѣ „достоверное слѣдствіе духовнаго и мірскаго всякаго чина посторонними и старожилыми людьми о томъ: имѣлась ли напередъ сего на той церковной Богословской землѣ часовня и кѣмъ въ которомъ именно году построена, отъ чего и какимъ образомъ или откуда по указу въ разрушеніе

пришла и какія на той землѣ камня и кладбища и иные приличныя признаки, по которымъ признать было мочно, что оная земля церковная и съ чьими помѣщиками въ смежности, а коликое число папшеннои земли и сѣнныхъ покосовъ нынѣ во владѣніи за тою Богословскою пустынею находится учинить съ мѣрною описью чертежъ, а у Василья Янова взять съ крѣпостей о владѣніи его землю точныя копи и учиня то слѣдствіе подать въ Синод. Каз. Приказъ при обычномъ доношеніи“.

Московского уѣзда, Вохонской десятины староста поповской дворцовой Куньевской волости церкви Рождества Богородицы попъ Антипъ Григорьевъ, да Черноголовской волости села Ямкина церкви Рождества Христова попъ Никифоръ Никифоровъ, той же волости села Воскресенскаго церкви Покрова Пресв. Богородицы попъ Петръ Филатовъ, села Рогожъ церкви Николая чудотворца попъ Василій Ивановъ, села Рогожъ ямщикъ Борисъ Алимпіевъ сынъ Ананьинъ, вотчины секретаря Романа Иванова Христофорова пороховаго завода крестьянинъ Андрей Тимофеевъ сынъ Возникъ и деревни Бунковой крестьянинъ Климъ сынъ Козловъ, при произведенномъ слѣдствіи о завладѣніи помѣщикомъ Яновымъ церковною Богословскою землею, объявили: „издавшихъ де лѣтъ до разоренія литовскаго въ томъ Рогожскомъ стану было церквей: только въ началѣ церковь во имя Воскресенія Христова съ придѣлы Димитрія Селунскаго, да великомученика Георгія, что было село Павлово, нынѣ же именуется Вохна, да другая во имя Иоанна Богослова, что межъ рѣкъ Шерны и Клязьмы, третья во имя Николая чудотворца, что нынѣ Берлюковская пустынь, четвертая Петра и Павла на рѣкахъ на Шаловѣ и Клязьмѣ, на устьяхъ; а послѣ литовскаго разоренія на Богословскомъ кладбищѣ и по нынѣ значитъ старинной деревянной крестъ ветхъ, а прежь сего назадъ тому лѣтъ съ 40 на томъ церковномъ Богословскомъ кладбищѣ значились церковныя деревянныя бревна, а въ 700 году на то кладбище пришедь монахъ зовомой Питиримъ невѣдомо откуда и по какому указу, поселясь самою малою кельею, жилъ лѣтъ съ 9, и въ 710 г. оной монахъ Питиримъ на томъ Богословскомъ кладбищѣ построилъ деревяную часовню, а при бытности своей означенной монахъ Питиримъ тою Богословскою землею владѣлъ, а именно: отъ оной Богословской пустыни идучи на западъ по дорожкѣ, что ѣздять изъ Куньевской волости въ Черноголовье, поворота направо по той дорожкѣ по болоту, что при пустоши Авдотьиной, направо земля церковная, а налѣво чрезъ дорожку земля Василья Алексѣева сына Янова, или другаго помѣщика—про то они не знаютъ“. Въ описи же, составленной подкан-

целяристомъ Алексѣемъ Максимовымъ, при вышепоказанныхъ понятихъ, значится: „Богословская пустынь, ѣдучи изъ Москвы по владимірской дорогѣ чрезъ село Рогожи и пороховой заводъ, налѣво, въ 57 верстахъ и пріѣхавъ къ той пустыни близъ рѣкъ Шерны и направо отъ той пустыни—Клязьмы и оная пустынь стоитъ на востокъ къ рѣкѣ Шернѣ, а святыя врата на югъ къ рѣкѣ Клязьмѣ, и тѣ врата — по мѣрѣ въ трехъ аршинную сажень—съ лица въ ширину 2 сажени 3 четверти аршина, и отъ тѣхъ святыхъ вратъ на востокъ тынъ, да 3 звѣна забору, мѣрою 8 сажень 3 четверти, подлѣ того забора сѣни да колья на уголь, мѣрою полпяти сажени, и отъ того угла налѣво той кельи 2 саж. безъ четверти аршина, подлѣ той кельи влѣтъ въ полтора звѣна, мѣрою 3 сажени 2 аршина, отъ той влѣтки пол-осма звѣна забору до кельи мѣрою 18 сажень, подлѣ того забору келья мѣрою 3 сажени, подлѣ той кельи одно звѣно забору мѣрою полторы сажени, подлѣ того забору погребъ, выставленъ за монастырскую стѣну на сажень съ аршиномъ, въ длину 4 сажени съ аршиномъ, подлѣ того погреба 2 звѣна забору мѣрою 5 сажень, подлѣ того забору келья мѣрою 2 саж., подлѣ той кельи 2 звѣна забору мѣрою 4 саж. съ аршиномъ, подлѣ того забору келья съ сѣни, на углу, мѣрою 5 саж. безъ аршина и отъ того угла налѣво подлѣ тѣхъ сѣней 3 звѣна забору и отъ онаго угла до кельи 7 саж. 2 арш., отъ того забору 3 кельи, промежъ ими двои сѣни мѣрою 13 сажень, подлѣ тѣхъ келей и сѣней 2 звѣна забору мѣрою 6 сажень, подлѣ того забору баня съ передбанникомъ выставлена изъ забору вся, а ходъ въ нее съ монастыря, 4 саж., подлѣ той бани на уголь 7 звѣнъ забору мѣрою 16 сажень, отъ того угла налѣво 3 звѣна забору мѣрою 7 саж. съ аршиномъ, отъ того забору направо амшеникъ, да подлѣ того амшеника 6 звѣнъ забору до угла мѣрою 15 саж. съ аршиномъ, отъ того угла налѣво пол-десяты звѣна забору мѣрою 17 саж. и отъ вышепоказаннаго амшеника кругъ имѣются сарай, подлѣ сарая ползвѣна забору да тынъ мѣрою 2 саж. съ аршиномъ, подлѣ того тына ворота въѣзжіе на монастырской дворъ мѣрою одна сажень съ аршиномъ, подлѣ тѣхъ воротъ тынъ, да 3 звѣна сарая мѣрою 6 саж. 2 арш., подлѣ того сарая 9 звѣнъ забору, да подлѣ того забору тынъ къ святымъ воротамъ мѣрою 18 саж. и вшедъ въ тѣ святыя врата направо подлѣ тѣхъ вратъ на востокъ малая келья съ сѣни, противъ оной кельи колокольня въ длину на востокъ 2 саж. 2 арш., поперегъ 1¼ саж., которая прежь сего была, по вышепоказаннымъ сказкамъ понятихъ и старожилъ, часовня, промежъ оной кельи и колокольни на право жъ на могилѣ старинная цѣка, и противъ святыхъ вратъ и колокольни, ме-

жду ими на сѣверъ стоитъ столбъ деревянной, на которомъ знать— имѣлся крестъ, и на томъ столбѣ ветхіе поставленные образа и онаго креста перекладные бруски выпали, и отъ святыхъ вратъ до онаго столба мѣрою 12 сажень безъ аршина, а отъ того креста до церкви 5 сажень 2 арш., и противъ того креста и святыхъ вратъ на западъ на могилѣ старинной большой дикой камень, и между тѣмъ крестомъ и церковью на сѣверъ на 2 могилахъ старинныя 2 цки, въ томъ числѣ одна къ церкви, а другая къ кресту. Церковь каменная, настоящая противъ святыхъ вратъ во имя Успенія Пресв. Богородицы, алтарь покрытъ тесомъ, а церковь взведена до вторыхъ оконъ, а сводъ и кровли не имѣется, мѣрою въ длину 7 сажень безъ полуаршина, въ ширину 4 саж., подлѣ той настоящей церкви трапеца съ придѣломъ по лѣвую сторону каменная жъ во имя Іоанна Богослова, теплая, построена и освящена и покрыта тесомъ, въ которой нынѣ имѣется священнослуженіе, мѣрою въ длину и съ олтаремъ 6 сажень поперегъ 6 саж. $\frac{3}{4}$ аршина, отъ той трапезы и придѣла до гостинныхъ келій 8 саж. 2 арш., тѣхъ гостинныхъ 2 кельи съ сѣнми, подлѣ тѣхъ сѣней сѣни жъ съ чердакомъ, да келья строительская, отъ той строительской кельи 2 кельи, промежъ ими сѣни, отъ тѣхъ келей городьба до воротъ, которые имѣются съ приѣзжаго двора на монастырь, а отъ тѣхъ воротъ городьба жъ, подлѣ той городьбы 2 житницы, кромежъ ими сѣнница, противъ оныхъ житницъ стоитъ матерая береза, мѣрою кругъ ея 2 саж. безъ аршина; подлѣ означенныхъ воротъ, налѣво подлѣ березы, на могилѣ цка, отъ той цки на лѣвожъ, противъ трапезныхъ дверей и саперти подъ большою березою на могилѣ цка, которая видно изогнута отъ той березы, на лѣвожъ лежить цка, на которой значится подписка ветха тако: 7067 (1558) г. мѣсяца октября въ 13 день, представися раба Божія Мавра Фролова дочь Злобина. Межъ олтаря и келей, на лѣвой сторонѣ колодезь, на вышеповозанномъ въѣзжемъ дворѣ, подлѣ житницъ и сарая, которой имѣется у воротъ, направо клетъ, отъ тѣхъ воротъ налѣво городьба съ вороты на скотской дворъ, подлѣ той городьбы къ амшенику келья съ сѣнми скотская. А изъ того монастыря изъ святыхъ вратъ вышедъ налѣво до рѣки Шерны и отъ той рѣки Шерны и заводи по поточинѣ съ востока на западъ пошло до озерка и до осяновой рощицы 60 саж., направо земля церковная, а на лѣво сѣнныя покосы Рогожской ямской слободы ямщиковъ, и отъ того озерка и рощицы направо до угла монастырскаго на валъ 36 саж. и отъ того монастырскаго угла до другога угла 60 саж., направо означенная пустынь, а налѣво дорога и за дорогою доль и въ томъ долу озерки и за тѣми озерки

сѣнные покосы ямскіе жъ, и отъ того угла по той же дорогѣ 10 сажень, направо пашня церковная, а налѣво чрезъ дорогу и озерко до сѣнныхъ покосовъ отхожева лугу Дмитрія Афонасьева сына Кузмина-Короваева 29 сажень, и по оной же дорогѣ до дуба 30 саж.— направо пашня церковная, а на лѣво отъ того дуба и дороги черезъ ржавецъ прямо до вазу, поперегъ 8 сажень; а отъ того дуба прямо по дорогѣ жъ до дворового строенія, которое построено Василья Алексѣева сына Янова крестьянами, 24 саж., направо земля церковная, а налѣво чрезъ дорогу и ржавецъ лугъ показаннаго господина Кузмина-Короваева, и подлѣ той пашенной земли означенной Янова дворъ, на томъ дворѣ 2 избы чрезъ сѣни, на тѣхъ избахъ кровель и сѣней не имѣется, подлѣ тѣхъ избъ направо ворота и подлѣ тѣхъ воротъ одно звѣно забору, мѣрюю тѣ ворота и избы съ заборомъ 11 саж., а въ томъ дворѣ жителей ни кого не имѣется, и отъ того двора до монастырскаго овина 3 саж., которой весь до подошвы разломанъ, и отъ того овина по той же дорогѣ прямо до дороги, которая имѣется отъ Стрѣлицкаго броду и озерка въ Черноголовье 182 саж., направо земля церковная, а налѣво въ помянутому озеру лугъ показаннаго господина Кузмина-Короваева, и поворота направо по оной Черноголовской дорогѣ до болота, которое при пустоши Авдотьиной, 90 саж. и отъ той пустоши Авдотьиной по болоту на востокъ направо до дороги, которую ѣздятъ отъ монастыря въ селцо Волки, 370 саж. и отъ той дороги потому жъ болоту прямо до заводи рѣки Шерны, противъ островка 80 саж. и поворота направо на западъ по оной заводи 6 саж. и по той же заводи налѣво до рѣки Шерны и поточину, по которой съ начала пошли мѣрить, 44 саж., а поперегъ оной земли отъ ближняго болота черезъ дорогу до косогуру 140 саж. Да по показанію крестьянина деревни Бункова Клина Степанова сына Козлова: съ востоку на западъ отъ монастыря отъ поперечной дороги, что изъ Черноголовья на Стрѣлицкой бродъ, которую пашню рощистилъ и пахалъ деревни Большаго Двора крестьянинъ Трофимъ Волковъ, а именно: отъ той дороги прямо по московской дорогѣ противъ озерка 60 саж., направо земля церковная, а налѣво чрезъ дорогу по подгорью до озерка выпускъ животинной церковной и отъ того озера прямо по той же дорогѣ до овина, которой прежь сего былъ поставленъ Яновымъ, 100 саж., направо земля и лѣсъ церковной, а налѣво за поточиною и озеркомъ луга Рогожской слободы ямщиковъ; и отъ того овина по той же дорогѣ рукавомъ до поточкины, которая изъ болота впала въ рѣку Клязьму, 97 саж., направо лѣсъ церковной, а налѣво чрезъ дорогу и поточину лугъ ямской, которой имѣется у рѣки Клязьмы, и по той до-

рогѣ отъ потоку обратно до расчистной пашни и отъ дороги по расчистѣ на востокъ же, налѣво по болоту до ямы, которая значится въ лѣсу, на борку, и въ ней насыпное каменье, 32 саж., подлѣ той ямы двѣ большія сосны созжены, и отъ той ямы прямо на лѣтній востокъ, чрезъ тотъ борокъ до другой ямы, въ которой имѣются каменье, мѣрою яма отъ ямы 15 саж., а отъ той ямы чрезъ борокъ и по болоту моховому прямо на лѣтній востокъ до дороги, которою ѣздятъ изъ Куньевской волости въ Черноголоубье и до пустоши Авдотьиной 96 саж. (Патр. Прик. свѣка 445, № дѣла 419).

ЦЕРКОВНЫЯ МѢСТА И ЗЕМЛИ.

Воскресенія Христова, на рѣкѣ Хупавнѣ, церковная земля въ началѣ XVII ст. отдавалась въ оброкъ. Въ приходныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа оброчныхъ земель въ Вохонской десятинѣ, за 7146 (1638) г. говорится: „съ церковной земли Воскресенія Христова, что въ Вошинскомъ стану, на рѣчкѣ на Хупавнѣ, окольного князя Григорья Константиновича Волконскаго на крестьянинѣ деревни Манасѣева на Гавриилѣ Петровѣ оброку 3 руб. 3 алт. 2 ден. Мая въ 14 день, по подписной челобитной, за помѣтою дьяка Афанасья Максимова, та церковная земля на 147 (1638—1639) г. отдана на оброкъ изъ наддачи печатника Ивана Тарасѣевича Грамотина крестьянину деревни Кулкова, а новыя наддачи сверхъ стараго гривна“ (Патр. Прик. кн. 6, л. 103). „Во 172 (1664) г. іюля въ 29 день, по указу великаго государя, взята съ церковная Воскресенская земля его великаго государя въ Потѣшному дворцу съ церковною Дмитріевскою землею Селунскаго да съ Георгіевскою землею, что въ Кошелевѣ стану, а оброкъ велѣно платить погодно“ (Тамъ же, кн. 55, л. 773). „Во 185 (1677) году церковною Воскресенскою землею владѣли изъ оброка крестьяне села Хупавны, а оброку платили 2 р. 24 алт. въ годъ“ (Тамъ же кн. 94, л. 306).

Въ дозорныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа 7688 (1680) года написано: „въ Вошинскомъ стану, на рѣчкѣ Хупавнѣ, отъ Москвы въ 25 верстахъ, ѣдучи по володимірской дорогѣ, съ Москвы на лѣвой сторонѣ, отъ той дороги съ версту, церковная Воскресенская земля, а по осмотру около кладбища пашни паханая чети на 2, сѣнныхъ покосовъ по рѣчкѣ Хупавнѣ копень на 40 волоковыхъ и въ оброчныхъ книгахъ нынѣшняго 188 (1680) года написано: съ той церковной земли села Хупавны на крестьянинѣ оброку два рубли 24 алт. и крестьянинѣ сказалъ, что та церковная земля нынѣ на оброкъ Патриарша Казеннаго Приказа за подьячимъ Васильемъ Тимофеевымъ, а не за нимъ крестьяниномъ; а въ спискахъ съ писцовыхъ книгъ той зем-

ли не написано; а въ межахъ та земля съ деревнею Родіоновою, что прежде было за бояриномъ Семсномъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, съ пустошми Матвея Иванова Голенищева—Слободками, Павиною, Со-зыкиною и Высоковскою, съ усадьбою Потапа Филимонова Шеншина, пустошью Березиною, съ деревнею Михалевою и съ селомъ Хулав-ною княгини Настасьи князя Юрьевской жены Пожарскаго“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 116, л. 1—6; кн. 141, л. 257). Во 195—201 (1687—1693 гг. церковною Воскресенскою землею владѣлъ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ съ платою оброка по 3 р. 24 алт. въ годъ (Патр-Прик. кн. 148).

Георгія великомученика церкви на рѣчкѣ Мерскѣ, близъ деревни Ваниловы *). По писцовымъ книгамъ 135 и 136 (1627—1628) годовъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, Брашевскаго стана: „вотчина Никола чудотворца Угрѣшскаго монастыря, что промѣнили Никольскую вотчину сельцо Микитское съ деревнями Коломенскихъ дворцовыхъ сель писцы князь Иванъ Тимофеевичъ Оболенской-Долгорукой съ товарищи на Васильевское помѣстье Степанова сына Сабакина село Мининское, что была деревня Минина, пуста, по конецъ поля рѣчка Мерска, а въ немъ церковь Страстотернца Георгія, пашни церковныя перелогу и лѣсомъ поросло худыя земли 27 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ“ (Писцов. кн. 202, л. 552).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „въ вотчинѣ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря отъ деревни Ваниловы съ полверсты, на рѣчкѣ Мерскѣ, ѣдучи отъ Москвы по касимовской дорогѣ въ 60 верстахъ, отъ тоя дороги направо въ трехъ верстахъ церковь Великомученика Георгія древяна стоитъ безъ пѣнія впускѣ, а въ церкви царскія двери и деисусы, да на престолѣ евангеліе печатное, въ десть, евангелисты басемные, серебряные, да на жертвенникѣ сосуды служебные оловянные всѣ въ цѣлости, и крестьяне деревни Ваниловы сказали: построена де та церковь изстари и впускѣ стоитъ издавна, пашни паханныя церковныя земли 4 десятины, сѣнныхъ покосовъ на 100 копенъ волоковыхъ и тою де пашнею и сѣнными покосами владѣютъ они крестьяны изъ найму вотчины Угрѣшскаго монастыря села Ковявина у прикащикова, а найму даютъ имъ по 4 р. на годъ; а обошла де тоя церковную землю съ трехъ сторонъ Угрѣшскаго монастыря земля, съ четвертою сторону рѣчка Мерска. Въ приходныхъ книгахъ жилыхъ данныхъ церквей и пустовыхъ цер-

*) Нынѣ Милинъ (Милино, Ванилово) погостъ при рѣчкѣ Нерской. Бронницкаго уѣзда.

ковныхъ земель прошлыхъ лѣтъ по 7195 (1687) годъ церкви Велико-мученика Георгія въ дави и церковной земли въ оброкѣ ни на комъ не написано. И во 195 (1687) году іюня въ 6 день, по указу патріарха и по помѣтѣ на выпискѣ казначея Андрея Денисовича Владыкина, а по челобитью Успенскаго большаго собора ключаря Ивана Григорьева, церкви Велико. Георгія, что на рѣчкѣ Мерскѣ, церковная земля пашня и сѣнные покосы отданы на оброкъ ему, ключарю, на нынѣшній 195 годъ и впредь до указу, а оброку велѣно ему святѣйшаго патріарха въ домовую казну платить по рублю по 4 алт. на годъ и въ платежѣ оброчныхъ денегъ поручная записка по немъ въ Казенномъ Приказѣ взята. И тѣ деньги на 195 годъ взяты“. А подъ 7198 (1690) годомъ написано: „сей Георгіевской церковной земли въ оброчныхъ книгахъ не писать и оброчныхъ денегъ на протопопѣ Иванѣ на прошлые 196 и 197 годы имать не велѣно для того, та Георгіевская земля объявилась въ Коломенскомъ уѣздѣ и той землѣ велѣно быть въ епархіи Коломенскаго архіепископа, а взятыя оброчныя деньги и пошлины на 195 годъ протопопу Ивану Григорьеву выдать“ (Патр. Прик. кн. 120, л. 273, кн. 133, л. 44 и кн. 134, л. 239).

Георгія Великомученика церковная земля *въ пустоши Георгіевской, Кресты тожъ*, Московскаго уѣзда въ Кошелевѣ стану, на которой изстари существовала церковь св. Великомученика Георгія. Церковная земля отдавалась на оброкъ и писалась въ книгахъ Патр. Прик. 7136 (1628) года „на бояринѣ князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ, оброку 15 алтынъ“ (Дворц. Прик. кн. 6, л. 103).

„Во 172 (1664) году, по указу великаго государя, взята Георгіевская церковная земля его великаго государя къ Потѣшному дворцу деревни Соколовой, да къ пустоши Воыновой, а оброкъ съ оной земли велѣно платить погодно“. А въ 7185 (1677) г. эта земля была отдана на оброкъ крестьянину села Хуповны Якушкѣ Юрьеву съ платою оброка по 18 алт. по 4 деньги на годъ (Патр. Прик. кн. 55, л. 773, кн. 94, л. 307).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Каз. Приказа 7188 (1680) года: „въ Кошелевѣ стану церковная земля Великомученика Георгія на рѣчкѣ на Хупавнѣ, въ близости отъ Воскресенской земли, а по осмотру около кладбища напши паханная худыя земли на одну четъ, лежать впустѣ, сѣнныхъ покосовъ на рѣчкѣ Хуповнѣ на 20 копенъ волоковыхъ, на оброкѣ нынѣ та земля Патр. Казеннаго Приказа за подъячимъ Васильемъ Тимофеевымъ, и той де земли сѣнныхъ покосовъ стараго владѣнья той Георгіевской пустоши съ одного краю пригородилъ Матвей Голенищевъ себѣ къ полю копенъ на 20 волоковыхъ

же и называетъ де онъ Матвей своимъ покосомъ, а въ писцовыхъ книгахъ той земли не написано“; а по досмотру 193 года: „Георгиевская земля смежна съ деревнею Родионовою, бывшею прежде за бояриномъ Семеномъ Лукьяновичемъ Стрешневымъ, а по другую сторону съ его Матвея Голенищева пустошами: Слободками, Пановою, Созыкиною и Высововскою, съ деревнею Михалевою—владѣнія Потапа Филимонова Шеншина и съ селомъ Хупавною—вотчиною княгини Настасьи Юрьевской жены Пожарскаго, отъ Москвы та земля въ 25 верстахъ, ѣдучи съ Москвы большою владимірскою дорогою отъ села Хупавны на правой сторонѣ вверхъ по рѣчкѣ Хупавнѣ, въ 2 верстахъ“ (Патр. Прик. дозор. кн. 116, л. 1—6; кн. 141, л. 259).

Въ 1688 г. церковною землею владѣлъ князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ съ платою оброка по рублю по 5 алт. по 2 деньги на годъ (Патр. Прик. кн. 148).

Димитрія Селунскаго мѣсто церковное въ пустоши, что было село Воскресенское, на рѣчкѣ Шеренкѣ. По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ Московскаго уѣзда въ Шеренскомъ и Отѣзжемъ стану: „вотчина великаго государя святѣйшаго патриарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи пустошь, что было село Воскресенское, на рѣчкѣ Шеренкѣ, а въ немъ церковь во имя Дмитрія Селунскаго стоитъ пуста, пашни паханныя церковныя земли добрыя 2 чети съ осминою, лѣсомъ поросло 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна по рѣчкѣ по Шеренкѣ 10 копенъ; а межа той вотчинѣ села Воскресенскаго отъ рѣчки Шеренки врагомъ на сосну, а отъ сосны старымъ межникомъ, по правую сторону церковная земля села Воскресенскаго, на ней грань, а подъ нею межевая яма, отъ сосны и отъ ямы тѣмъ же старымъ межникомъ налѣво до болота Троицкой вотчины деревни Ереминой, а подлѣ болота на два окна болотныхъ глухихъ, да къ рѣчкѣ Шеренкѣ, а рѣчкою Шеренкою вверхъ до врага и по сосну; а на межахъ были и отводили Троицы Сергіева монастыря вотчины Стромынскіе крестьяне, да князя Алексѣя Никитича Трубецкаго крестьяне села Бѣседъ“ (Писцов. кн. 685, л. 1089).

1710 г., декабря въ 19 день въ Патр. Каз. Приказѣ, вслѣдствіе челобитья подьячаго Сергія Кондратьева сына Вяземскаго, велѣно: вышписанную церковную землю Дмитрія Селунскаго за приискъ отдать ему, Вяземскому, на оброкъ съ предбудущаго 1711 года впредъ на 5 лѣтъ, безъ перекупки, а оброку велѣно ему платить по полтиннѣ на годъ, да пошлинъ по указу“ (Патр. Прик. кн. 211, л. 136).

Никиты Великомученика мѣсто церковное на погостѣ, на рѣчкѣ Дорнѣ. По писцовымъ книгамъ 139—141 (1631—1633) годовъ,

Московского уѣзда, въ дворцовой Гвоздинской волости; „погость, а на погостѣ церковь великомуч. Никиты, стоитъ безъ пѣнія, около церкви дворище; а что на томъ погостѣ церковной земли того не написано“. По дозорнымъ книгамъ 7188 (1680) года: „церковная земля великомуч. Никиты, на рѣчкѣ Доркѣ, отъ Москвы въ 45 верстахъ, ѣдучи касимовскою дорогою съ Москвы отъ той дороги на правой сторонѣ верстѣ съ 6; а по осмотру на той пустоши пашни полторы десятины, сѣнаго повосу на 100 копенъ волоковыхъ; а владѣть тою пустовою землею Гжельскія волости, что на рѣчкѣ Доркѣ Георгіевской попъ Алексѣй Алексѣевъ. И февраля въ 16 день 1703 года билъ челомъ великому государю Московскаго уѣзда дворцоваго села Синькова приселка Петровскаго Никлаевскій дьячекъ Василій Ивановъ, чтобы тотъ Никитской погость отдать ему на оброкъ, потому что тою землею отъ мороваго повѣтрія за лѣсною порослію никто не владѣть. И сентября въ 3 день, по указу великаго государя, а по челобитію дьячка Василя Иванова и по досмотру Патр. Казеннаго Приказа подьячаго. вышписанная церковная Никитская земля отдана ему, дьячку, на оброкъ, на нынѣшній 1703 годъ и впредь, за пріискъ изъ оброку на 5 лѣтъ, потому что та церковная Никитская земля отъ Дмитріевской земли, что на рѣчкѣ Доркѣ, по сыску и по досмотру явилась особая и въ дальнемъ разстояніи, я не въ одномъ мѣстѣ съ Дмитріевскою землею, и съ той Никитской земли велѣно ему, дьячку Василью, оброку платить въ Патр. Казенный Приказъ по 8 алт. по 2 деньги на годъ, да пошлины по указу и поручная запись по немъ взята“ (Патр. Прик. довор. кн. 141, л. 254 и 357; приходн. кн. 185, л. 125).

1706 года, февраля въ 27 день, по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ казначея монаха Тихона Макарьевскаго, а по челобитію попа Іоанна Созонтова, велѣно ему на сей Никитской церковной землѣ вновь построить церковь св. муч. Никиты и благословенная грамота дана“ (Патр. Прик. прих. кн. 147). Но была ли построена церковь, изъ документовъ не видно.

Казанскія Пресв. Богородицы церковь деревянная клѣтчки въ 1627 г. находилась Московскаго уѣзда, Островскаго стана, въ семьѣ, что была пустошь *Микумина* — вотчинѣ за Ѳеодоромъ Дементьевымъ сыномъ Поропина, по закладной вдовы Татьяны Кирилловскія жены Горстеевна, да сына ея Василя 1621 г., а въ церкви образы и книги и ризы и все церковное строеніе вотчинниково; у церкви во дворѣ попъ Ѳеодоръ Ивановъ (Писц. кн. 261, л. 53—54).

Казанская церковь въ окладныхъ книгахъ Патр. Каз. Приказа „жилыхъ данныхъ церквей“ не писалась и при досмотрѣ 7188 (1680) г.

„сей церкви и церковной земли не наѣхали, потому что никто не указалъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 24).

Парасковей Пятницы. По писцовымъ книгамъ 1571 года Московскаго уѣзда, въ Вохонской волости значится: „Володимірская вотчина Ондреевича деревня Климова, на рѣчкѣ Вохонкѣ, да тоя жъ деревни на полѣ поставленъ погостъ ново Парасковей, нарѣченныя Пятницы, церковь древяна клѣтци, стоитъ безъ пѣнія, да на монастырѣ келья, живетъ въ ней старчикъ, да 2 кельи, да дворъ поповъ пустъ, а строилъ тотъ погостъ деревни Климова крестьянинъ Ивашко Оксеновъ“. Въ 1634 г. Пятницкая церковь также стояла „пуста безъ пѣнія“ (Писцов. кн. 255 и кн. 685, л. 307).

Рождества Пречистыя Богородицы мѣсто церковное. По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ, Московскаго уѣзда въ Тухачевской волости: „вотчина Чудова монастыря *пустошь*, что былъ погостъ Пречистенской, пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло середніе земли 20 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ“ (Писцов. кн. 9808, л. 123—124). По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа 188 (1680) года, дозора князя Ивана Андреевича Шелешпальскаго, „церковной Пречистенской земли перелогомъ и лѣсомъ поросло 20 чети, сѣна на оселеѣ 100 копенъ, пашни нѣтъ—лѣсомъ поросло большимъ, и та земля отдана изъ Казеннаго Приказа на оброкъ Чудова монастыря села Лямцова попу Василью и на ту землю ему попу дана выпись съ писцовыхъ книгъ“ (Патр. Прик. дозорн. кн. 141, л. 92—93). 7189 (1681) года въ Патріаршемъ Приказѣ велѣно церковною землею владѣть властямъ Чудова монастыря архимандриту Адриану, да келарю старцу Варлааму Палицыну изъ прежняго оброку, по купчей, какову они положили въ Казенномъ Приказѣ Чудова монастыря отъ архимандрита Леввія 7075 (1567) года, а въ той купчей написано: погостъ, а на погостѣ церковь Рождества Пресв. Богородицы въ Жданскомъ стану; а въ платежѣ оброчныхъ денегъ 23 алт. 2 ден. Чудова монастыря на стряпчемъ взять поручную записъ“ (Патр. Прик. кн. 94, л. 308 и кн. 101, л. 285). Въ 1720—1740 гг. платилось оброку 5 р. 40 коп.

Рождества Пресвятыя Богородицы церковь въ 1585 г. Московскаго уѣзда, Вора и Корзенева стана (въ другомъ мѣстѣ Вохонской волости), „на погостѣ на Исаковѣ озерѣ, вотчины Троицы Сергіева монастыря, „деревянная клѣтци вверхъ“; пашни перелогомъ и лѣсомъ поросло худыя земли 2 четверти въ полѣ, а въ дву потомужъ“, въ 1623 г. „церковь стояла безъ пѣнія; подъ тѣмъ погостомъ озеро

Исаково, а въ озерѣ рыба мелкая щучка и окуни“ (Писцов. кн. 257, л. 655, кн. 337 об.).

Успенія Пресвятыя Богородицы церковное мѣсто въ деревнѣ Сьяновой, на рѣкѣ Пехрѣ *). По писцовымъ книгамъ 131 и 132 (1623—1624) годовъ Московскаго уѣзда въ Копотенскомъ стану, „вотчина Николы чудотворца Угрѣшскаго монастыря, за Москвою рѣкою по приправочной книгѣ переписано изъ Пехорскаго, да изъ Жданскаго стану въ Копотенскому стану, село Сьяново - Успенское, на рѣкѣ Пехрѣ, церкви въ немъ нѣтъ отъ Литовскаго пожару, въ селѣ 2 двора бобыльскихъ, пашни паханные середніе земли полчетверика, да перелогу 6 чети безъ полчетверика, да лѣсомъ поросло съ церковною 140 чети, обоего 146 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ сѣна по рѣкѣ Пехрѣ 320 копенъ; а церковной земли отдѣльно не написано“ (Писцов. кн. 261, л. 35).

Въ 1646 г. Сьяново-деревня съ 5 дв. крестьянъ (Переписн. кн. 9809).

По дозорнымъ книгамъ Патр. Приказа письма и дозора Ивана Соболева 188 (1680) года: „въ селѣ Сьяновѣ на кладбищѣ церкви и никакого строенія нѣтъ, а церковную пашню пашутъ и сѣно косять того села крестьяне на монастырь, а что церковной пашни и сѣна, про то они не вѣдаютъ, церковной земли межъ и границъ съ монастырскою землею не учинено. И во 191 (1683) году, іюня въ 12 день, по указу патриарха и по помѣтѣ на выпискѣ дьяковъ: Дениса Дятловскаго, да Перфиля Сѣменникова, велѣно въ селѣ Сьяновѣ вымѣрить церковныя пашни 15 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 20 копенъ, и на тое землю положить оброкъ, противъ иныхъ пусто-выхъ земель, по указной статьѣ; выписка о томъ у Ивашки Неустроева въ очисномъ столпу; а на тое землю оброку положено 14 алт. съ деньгою и тѣ деньги велѣно Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря съ игумена съ братією взять отъ писцовыхъ книгъ съ 132 (1624) года по нынѣшній 191 (1683) годъ, итого имѣтся на 60 лѣтъ“ (Патр. Прив. кн. 107, л. 255 об.).

Въ 1740 г. церковною землею въ селѣ Сьяновѣ владѣли игумень съ братією Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря съ платою оброка 42½ коп. (Патр. Прив. кн. 117, л. 171 и кн. 148).

*) Нынѣ Сьяново, дер., Подольскаго уѣзда.

П Р И Л О Ж Е Н І Е.

Духовное завѣщаніе Бориса Петровича Шереметева.

Во имя всесотворшаго и всемогущаго въ Троицѣ славимаго Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Понеже всякое время рода человѣческаго по правосудному предѣлу Божію подлежатъ отъ узъ плотскихъ разрѣшиться и смерти долъ отдать, но сего чая и азъ многогрѣшающій рабъ Господа моего Борисъ и слушаю гласа Его во святомъ евангеліи глаголющій: будьте готови, и въ опыже часъ не мните Сынъ человѣческій придетъ вечеръ или полунощъ или утро, да не придетъ въ незапу и обратеть спящія, того гласа Божія слушаю и трепеща, еще же и часто и недугу одержиму бываетъ и день до двѣ тѣломъ изнемогаетъ, и чая на всяко время оногo Господемъ глаголеннаго нечаяннаго часа смертнаго, а по силѣ моей приуготовился ко исходу жизни сей временныя, пожелалъ сію духовную цѣлымъ своимъ умомъ и памятыю написать и извѣстно всякому явити, и видя къ себѣ высокую милость всемилоствѣйшаго моего царя и государя, приемлю смѣлость и дерзаю милости его величества просить и душу свою грѣшную ко управленію вручаю его царскому величеству, вѣдая его величества великодушіе и милость, которую на себѣ ношу не по заслугамъ моимъ, но по щедротамъ своимъ меня милуетъ и въ такомъ надѣяніи застою что и по смерти моей по моему рабскому прошенію меня не оставитъ, какъ и дѣдъ его царскаго величества блаженной и вѣчнодостойной памяти великій государь царь и великій князь Михайлъ Федоровичъ и отецъ его государевъ блаженной и вѣчнодостойной памяти великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ не погнушались на прошеніе прадѣда моего Федора Ивановича Шереметева соизволили духовную его собственную своею царскаго величества рукою подписать, а душеприказникомъ по тому ево завѣщательному писъму приказъ исправлять повелѣли, о семъ я вашего царскаго величества всепокор-

нѣйше со слезами прошу о подпискѣ вашего царскаго величества собственною рукою сей моей духовной; а при сей моей духовной свѣдѣтели: преосвященный Іоасафъ Краковскій митрополитъ Кіевскій, мой отецъ духовный, душеприказчики генералъ и кавалеръ князь Никита Ивановичъ Репнинъ, губернаторъ Кіевскій князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, братъ мой бригадиръ Владиміръ Петровичъ Шереметевъ, полковникъ Петръ Савеловъ.

Погребсти мой грѣшный трупъ, если случюся близъ Кіева, въ Печерскомъ Кіевскомъ Монастырѣ, вкладу дать тысячу червонныхъ, на погребеніе и на выносъ архіерею пятьдесятъ рублей, архимандриту печерскому тридцать рублей, архимандритомъ же, которые будутъ, по пятнадцати рублей человѣку, игуменомъ кіевскимъ, а именно: Михайловскому, Никольскому, Выдубецкому, Кирилльскому, Братскому по десяти рублей, въ Печерскомъ монастырѣ давать по рукамъ милостыню на погребеніе, на третины, на десятины, на полусорочины, на сорочины священникамъ по двѣ гривны, дьякономъ по пяти алтынъ, простымъ монахомъ по гривнѣ, послушникомъ, которые въ Печерскомъ монастырѣ обрѣтаются, по пяти копѣекъ, игумну троицкому большаишному десять рублей, а на больницу давать милостыню также, какъ и въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ. Да вкладу жъ дать: въ Богоявленскій монастырь, что въ Москвѣ у Иконнаго ряду, сто рублей, въ Троицкій монастырь чудотворца Сергія сто рублей, въ Кирилловъ монастырь сто рублей, въ Лукьянову пустыню пятьдесятъ рублей, въ Ниловъ монастырь сто рублей, Александровы пустыни въ дѣвичъ монастырь сто рублей, въ церковь Николая чудотворца, что въ Гнѣздникахъ, пятьдесятъ рублей, въ Страстной дѣвичъ монастырь, что за Тверскими вороты, тридцать рублей, въ дѣвичьи монастыри Кіевскіе а именно: во Фроловской тридцать рублей, въ Ерданской двадцать рублей, въ пустыню Николая чудотворца, что на Сѣверѣ, тридцать рублей, въ новосозданной дѣвичъ монастырь Тихвинскіе Богородицы, которой учиненъ въ Украинской моей слободѣ Борисовкѣ, сто рублей, и тотъ монастырь содержать во всякомъ довольствіи по мнѣ дѣтамъ моимъ, какъ при мнѣ было, и о семъ содержаніи того монастыря игуменѣ дать съ сего моего завѣщанія для предку вѣденіе; во всѣ мои вотчины, гдѣ церкви есть, раздать сорокуостіе и крестовымъ обыкновенное, а въ вышписанныя церкви и монастыри отдавъ владѣ по сему завѣщанію просить, дабы написано было имя мое въ синодизи церковныя и творили бѣ помяновеніе, а милостыню давать убогимъ по рукамъ по возможности.

Буде же волею Божіею скончаюсь въ чужихъ краяхъ, тогда гдѣ

скончаюся тутъ мое грѣшное тѣло и погребсти, а никуда не возить; отцу духовному, которой прилучитца при смерти моей, тому дать сто червонныхъ или двѣсти рублей денегъ.

Еслижъ по воли Божіей смерть меня постигнетъ въ Москвѣ или въ иномъ которомъ мѣстѣ отъ Кіева въ отдаленіи, то прошу Вашего царскаго величества повелѣть тѣло мое грѣшное отвезть и погребсти въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, или гдѣ воля вашего величества состоитца, только да яніе въ тотъ Печерской и другіе монастыри послѣ меня исполнить какъ выше сего написано.

Дѣтамъ моимъ, которыя отъ жены моеи Анны Петровны обрѣтаются, во благословеніе и въ роздѣлъ моихъ пожитковъ опредѣляю по сему: сыну моему Петру во благословеніе образъ Пресвятыя Б-дцы Тихвинскіе, крестъ золотной, въ немъ часть древа Животворящаго креста Господня, панагія за стекломъ желтымъ съ дѣпочкою серебряною, ключъ золотой, которымъ по взятіи Риги подъ высокодержавную царскаго величества руку и по введеніи въ оную въ 710 году войскъ російскихъ, которыми я тогда командовалъ, презентовали меня Рижской Магистратъ; да собственное ево серебро и прочее, что ево дарили на родинахъ и на крестинахъ, которымъ ево не лишитъ и въ жеребій не класть; его же Петра оставляю по себѣ наслѣдникомъ и отдаю ему все недвижимое — вотчины и помѣстье и дворы во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ ни обрѣтаются. Другому сыну моему Сергѣю во благословеніе образъ Пресвятыя Б-дцы Сретеніе; образъ Спасителя въ камнѣ (моленіе въ Вертографѣ), золотой римской; образъ Спасителя въ Нерукотворенной, печатной, въ кіотѣ серебряномъ, тутъ же во Іисусѣ запечатлѣнна кровь Спасителя, крестъ благословящій съ мощми, съ камени и жемчугомъ, емужъ шпага ефесь золотой съ алмазы, да ключъ золотой, который мнѣ презентовалъ въ Ригѣ отъ Магистрату. Дочери своей Натальѣ благословляю образъ Живоначальныя Троицы въ кіотѣ королковомъ, образъ Пресвятыя Б-дцы въ рамахъ, образъ великомучениковъ Бориса и Глѣба въ окладѣ серебряномъ. Другой дочери жъ своей Вѣрѣ во благословеніе образъ Богоявленія Господня королковое, въ шитыхъ рамахъ; чаша водосвятная съ образомъ серебряная, чеканная; образъ Пресв. Богородицы писанъ на мѣди. И вышеписаннымъ моимъ дѣтамъ всѣ движимыя мои пожитки. И только ево сына моего Сергѣя не лишитъ и въ роздѣлъ и въ щеть съ ними не класть того, что ему собственно пожаловалъ королевское величество польской Августъ, такожь что свозили ему на рожденіи и крестины, изъ котораго сообщено и сдѣлано, будучи во Гданску и въ Гамбургѣ, серебро и подъ именемъ ево сына моего Сергѣя подписано; да ему

жъ сыну моему Сергію изъ-подъ приходныхъ денегъ съ вотчины изъ деревень, которыми будетъ по мнѣ владѣть сынъ мой Петръ, яко наслѣдникъ, давать по три тысячи рублей на годъ.

Жену свою Анну Петровну благословляю образъ Пресв. Богородицы, нарицаемыя Не рыдай мене Мати, греческаго письма, съ чернью, и вручаю весь свой домъ съ вотчины и помѣстья и съ пожитками и владѣть ей всѣмъ и дѣтей содержать во страхъ Божіи и въ наукѣ, а по смерти еѣ жены моей раздѣлить дѣтямъ моимъ, какъ написано въ сей моей духовной, непременно; а что обрѣтаецца у неѣ жены моей собственнаго пожитку еѣ и что она покупала на собственные свои деньги будучи со мною, и которыя я ей при себѣ давалъ и до того дѣла ни кому нѣтъ.

Умершаго сына моего Михаила Борисовича, а своего внука Алексѣя Михайловича съ сестрами и съ матерью его Алексѣевою, а съ моею невѣсткою Авдотьей Григорьевною, которые были со мною въ одномъ домѣ, я при животѣ своемъ, по согласію, въ особой домъ отдѣлил и изъ движимыхъ и недвижимыхъ моихъ и отца сво Михаила Борисовича пожитковъ учинено и раздѣльными крѣпостми я съ нимъ внукомъ своимъ Алексѣемъ и съ невѣсткою, писанными въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ укрѣпились и для того въ сей моей духовной я уже ничего не упоминаю.

Дочь свою вдову Анну Борисовну, которая была за Иваномъ Оедоровичемъ Головинымъ, благословляю образъ Успенія Пресв. Богородицы, въ немъ мощи преподобныхъ отцовъ печерскихъ, окладъ серебряной гладкой золоченъ и на окладѣ репши серебряные бѣлые, другою образъ св. Троицы окладъ такой же, да цугъ возниковъ вороныхъ съ коретою черною и съ шлеями; дѣтямъ еѣ дочери моей, а моимъ внукамъ, во благословеніе Петру Ивановичу образъ, да лошадь съ уборомъ; Оедору Ивановичу образъ и лошадь съ уборомъ; внукъ мой Марѣ Ивановнѣ во благословеніе образъ.

Брата Оедора Петровича благословляю образомъ и даю лошадь; сыну сво, а моему племяннику, Василью Оедоровичу благословляю образъ Спасителя въ римской па сукнѣ, рамы орѣховые, да лошадь моего сѣдла съ уборомъ и съ пистолеты, узда и паперсъ и пахви серебряные; жепѣ сво Васильевой, мой невѣсткѣ Пелагеѣ Борисовнѣ во благословеніе образъ Пресв. Богородицы Казанскія на холстинѣ, которымъ образомъ въ Новгородкѣ Сѣверскомъ пожаловалъ меня благословилъ царское величество, да денегъ пять сотъ рублей.

Брата Василья Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Брата Владиміра Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Василья Васильевича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Алексѣя Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Ивана Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Внучатомъ своимъ, а дѣтямъ Федора Владиміровича Шереметевымъ, благославляю по образу.

Теткѣ своей Катеринѣ Семеновнѣ благословляю образъ и даю пару возниковъ.

Людемъ крѣпостнымъ и полоннымъ всѣмъ и крестьянскимъ дѣтямъ, которыя взяты во дворъ, даю волю и по обладомъ ихъ выдать годовое жалованье, хотя и сроковъ не придетъ, а ежели толикого числа денегъ у меня не будетъ обрѣтаться, то занявъ исполнить по сему моему завѣщанію

Я жь очищая свою душу объявляю въ сей духовной, что есть на мнѣ долгу Его царскаго Величества пять тысячъ рублей, которыя я бралъ въ разныхъ годѣхъ между не полученія Его государева жалованья, а именно: будучи во Псковѣ изъ сбору сѣнныхъ денегъ и давалъ въ нихъ своей руки росписки полковнику Григорью Карташову, дьяку Ивану Алексѣеву, подьячему Якову Полунину и тѣхъ моихъ росписокъ сыскать негдѣ и вѣдать некому, понеже тѣ вышесказанные люди, кому росписки даваны, померли, сверхъ того на мнѣжъ долгу есть Его царскаго Величества еще три тысячи триста пятнадцать рублей, которыя я съ 710 году бралъ изъ разныхъ неокладныхъ сборовъ у канцеляристовъ своихъ, какъ они держали расходъ, а именно: у Кузмы Попова, у Патрекса Перфильева, въ которыхъ я имѣю канцеляристомъ, давалъ росписки собственной своей руки, а въ иныхъ указы моею жь рукою крѣплены, и по тѣмъ своимъ роспискамъ долженъ я и по смерти моей жена моя и наслѣдникъ оставшійся заплатить и росписки изъ канцеляріи вынять или взять отпись съ очисткою, ибо тѣ деньги я бралъ у нихъ канцеляристовъ сверхъ вышесказанныхъ денегъ и росписки имъ давалъ въ другихъ годѣхъ; однако жь просить милости у Его царскаго Величества за службы мои и что я предъ симъ служилъ безъ жалованья о отпущеніи мнѣ того долгу, а ежели Его царское Величество тѣмъ долгомъ не пожалуетъ, то заплатить женѣ моей и оставшемуся по мнѣ наслѣднику.

Разныхъ чиновъ людемъ я собственно не долженъ и росписокъ не давалъ; а буде кто станетъ на мнѣ свои долги, а росписокъ за подписаніемъ руки моей не объявить, то въ томъ никому не вѣрить;

ежели же кто по роспискамъ моимъ руки моей долговъ будетъ требовать и такіе долги должно платить, смотря подписанія руки моей, или какова собственнаго письма моей же руки. Сіе свое завѣщательное письмо подписываю своею рукою въ цѣломъ умѣ и памяти Борисъ Шереметевъ, сего 1718 году, марта въ 28 день.

Лѣта тысяча семь сотъ осьмага надесять, генваря въ двадцать второй день, генерала маіора Михаила Борисовича Шереметева жена его вдова Авдотья Григорьевна съ сыномъ своимъ Алексѣемъ да съ дочерьми своими дѣвицами съ Марфою, съ Катериною съ Александрю дали мы сіе письмо я вдова Авдотья свекру своему, а мы Алексѣй, Марфа, и Катерина и Александра дѣду своему генералъ фельд-маршалу тайному совѣтнику и военному кавалеру графу Борису Петровичу Шереметеву въ томъ, что по изустному завѣщанію и по отдѣлу ево свекра моего, а нашего дѣда Бориса Петровича, взяли мы у него я, Алексѣй, изъ недвижимаго имѣнія вотчины бабки своей — его дѣда моего Бориса Петровича первой жены — Авдотьи Алексѣевны Чириковыхъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ село Богородское съ деревнями, да въ Тульскомъ уѣздѣ село Бѣликово да село Никольское съ деревнями, въ Чернскомъ уѣздѣ ссыздо новопоселенное Меньшее Плавича, въ Нижегородскомъ уѣздѣ село Троицкое, Борисово поле тожъ, въ Костромскомъ уѣздѣ половина ссла Харитонкова съ деревнями, въ Козельскомъ уѣздѣ село Ровное, да при Сапкть-Петербургѣ въ Копорскомъ уѣздѣ двѣ мызы Губапскую да Изворскую съ деревнями, которые даны отцу моему Алексѣеву Михаилу Борисовичу; а тѣ вышеписанныя вотчины села и мызы и деревни съ людьми и со крестьяны и со всѣми принадлежащими къ нимъ угодья, по дачамъ и по писцовымъ и по переписнымъ старымъ и новымъ книгамъ и по вѣр-постямъ, а я вдова Авдотья съ нимъ же сыномъ своимъ Алексѣемъ и съ дочерьми своими взяли у него Бориса Петровича въ награду изъ движимаго ево имѣнія изо всего четвертую часть, что чего надлежало, а которые за мужемъ моимъ, а моимъ Алексѣевымъ отцомъ Михаиломъ Борисовичемъ, были дачи, а именно: въ Рузскомъ и въ Бромскомъ и въ Рыльскомъ и въ Брянскомъ уѣздахъ изъ дикаго поля въ селѣ Алешнѣ, также, которыя изъ тѣхъ вышеписанныхъ вотчинъ бабки моей, а его дѣда моего Бориса Петровича первой жены, Авдотьи Алексѣевны на предъ сего вывезены крестьяне въ дачи ево дѣда моего въ вышеписанные уѣзды, и тому быть за нимъ свекромъ моимъ, а за моимъ Алексѣевымъ дѣдомъ Борисомъ Петровичемъ безповоротно; а которые вымѣнные и купленные земли и пустоши по вѣр-постямъ ево дѣда моего Бориса Петровича къ вышепомянутымъ моимъ отдѣльнымъ

помѣстьямъ и вотчинамъ прибыли вновь, также вышепомянутые мызы и деревни изъ ево дѣда моего оставшихъ вотчинъ, которые перевезены крестьяне съ женами и дѣтьми, и тѣмъ землямъ и пустошамъ и крестьянамъ быть потому жъ за мною къ вышеупомянутымъ моимъ вотчинамъ не отъемлемо. А что подъ строеніемъ загороднаго двора и саду дача земли отца моего Алексѣева Михаила Борисовича стольничей оладъ длиннику 44 сажени съ полусаженью, поперечнику 22 сажени съ полусаженью и вмѣсто той земли взялъ я Алексѣй у него дѣда своего подлѣ того жъ двора подъ дворовое свое строеніе загороднаго двора подлѣ Москвы рѣки отъ двора брата ево, а моего дѣда боярина Федора Петровича Шереметева, по берегу внизъ Москвы рѣки поперечнику 30 сажень, а отъ Москвы рѣки къ Дѣвичью монастырю длиннику 50 сажень и впредь мнѣ Авдотѣ и дѣтямъ моимъ—сыну Алексѣю и дочерямъ моимъ Марфѣ, Екатериѣ и Александрѣ, кромѣ вышеписаннаго даннаго намъ отъ свекра моего Бориса Петровича, а нашего дѣда, недвижимаго и подвижимаго имѣнія дѣла нѣтъ и не вступатся и которые изъ тѣхъ отдѣльныхъ вотчинъ сель и деревень бабки моей Авдоты Алексѣевны и московскіе дворы на предъ сего ево дѣда моего Бориса Петровича и еѣ бабки моей имѣніемъ кому проданы и до тѣхъ дворовъ и деревень намъ дѣла нѣтъ же, и о томъ мнѣ Авдотѣ и дѣтемъ моимъ Алексѣю и дочерямъ моимъ и не о чемъ оставшемся на него свекра моего Бориса Петровича и на жену его и на дѣтей великому государю не бить челомъ и не вступатца. Къ сей записи Благовѣщенскаго собору, что у державнѣйшаго государя на сѣняхъ ключарь Іоаннъ Афанасьевъ, вмѣсто дочерей своихъ духовныхъ Евдовіи Григорьевны Шереметевы и дочерей еѣ дѣвицъ Марѣ Михайловны, Екатерины Михайловны и Александры Михайловны, по ихъ велѣнью руку приложилъ. Къ сему письму Алексѣй Михайловъ Шереметевъ руку приложилъ. При семъ письмѣ князь Алексѣй князь Васильевъ сынъ Долгоруковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Къ сему письму лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручиѣ князь Николай князь Петровъ сынъ Щербатовъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Порутчикъ морскаго флота Василій Ивановъ сынъ Волинскій свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Генераль штабъ квартирмейстеръ Петръ Дубасовъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Подполковникъ Тимофей Тимофеевъ сынъ Савеловъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Сдѣлачное письмо писалъ крѣпостныхъ дѣлъ подьячей Андрей Елинъ. 1718 г. февраля въ 6 день отъ письма и записки пошлины 16 алтынъ 4 деньги взято и въ книгу крѣпостныхъ дѣлъ записано.

мического правления извѣстія не отыскалось. Да у оной пустыни строитель іеромонахъ Анкидинъ объявилъ, что оная пустынь двоекратно горѣла.

Въ той пустыни соборная церковь каменная одна, а въ ней два престола.

Соборная церковь во имя Пресвятыя Живоначальныя Троицы объ одной главѣ.

Въ той же церкви въ трапезѣ предѣлъ во имя святителя Николая чудотворца.

При оной соборной церкви построена съ западной стороны деревянная колокольня на дву столбахъ съ четырма волоколами, подъ которое и крыльцо въ церковь крыто тесомъ.

Въ той пустыни деревяннаго строенія:

Строительскихъ келей 2.

1 келья и при ней хлѣбна и межь ими сѣни, мѣрою длины 10, ширины 3 сажени, крыта дранью.

2 съ сѣни и передъ ней влѣтъ, мѣрою длины 5¹/₂, ширины 2 сажени.

Братскихъ келей съ сѣни 2.

1 длины 4 ширины 2 сажени.

2 длины 4 ширины тожь 2 сажени.

Сарай сенной длины 5 ширины 3 сажени.

Сарай тележной длины 7 ширины 3 сажени.

Анбаровъ хлѣбныхъ 3, мѣрою длины 7 ширины 2 сажени.

Два погреба съ напогребницею, мѣрою длины 9, ширины 2 сажени.

Струпъ новой мѣрою 3 сажени, оныя крыты дранью.

Огородъ для посаженія всякаго овощу мѣрою длины 19 ширины 18 сажень.

Въ тойже пустыни у ограды свотной дворъ и въ немъ строенія: Изба съ сѣни мѣрою длины 5 ширины 2 сажени.

Сарай лошадиной мѣрою длины 7 ширины 2 сажени, крыты дранью.

Амщеникъ мѣрою длины 1 ширины 1 сажень.

Два влѣва длины 4 ширины 3 сажени.

Сарай длины 5 ширины 2 сажени, крыто дранью.

У оной пустыни ограда бревенчатая въ столбахъ заборомъ забрана съ трехъ сторонъ.

Въ оной оградѣ съ восточной стороны святыя ворота деревянные, на нихъ шатерь съ главою, на главѣ крестъ деревянной.

Въѣзжіе ворота простые.

Подъ всей оной пустыней мѣрою земли длины 49 ширины 29 сажень.

За оною пустынею разстояніемъ въ 15 саженьхъ имѣется сенной сарай мѣрою длины 5 ширины 1 $\frac{1}{2}$ сажени.

Въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ оной пустыни подворьевъ не имѣется.

При оной пустыни школъ, богадѣлень, учителей, учениковъ и прочаго ничего не имѣется.

Въ оной пустыни какое прежде древное установленіе бывало, о томъ никакого письменнаго извѣстія не имѣется; объявилъ строитель іеромонахъ Акидинъ, что и напредъ сего бывали настоятели таковыя жъ строители іеромонахи.

А нынѣ на лицо:

Строитель іеромонахъ Акидинъ, изъ великороссянъ, настоятельство имѣеть въ священномъ служеніи, руководѣлія никакого не знаетъ.

Іеромонахъ Аврамій, изъ великороссянъ, въ послушаніи находится въ священномъ служеніи, руководѣлія никакого не знаетъ.

Іеромонахъ Паисій, изъ великороссянъ, въ послушаніи находится въ священномъ служеніи, руководѣлія пикакого не имѣеть.

Монахъ Феодосій, изъ великороссянъ, въ послушаніи находится въ церковномъ чтеніи, руководѣлія не имѣеть. Онымъ жалованья денежнаго и отсыпного хлѣба не производится.

Монахъ Ириней, изъ малороссянъ, послушаніе имѣить пономарскую, руководѣлія никакого не имѣеть.

Бѣлый попъ Петръ Андреевъ послушаніе имеетъ въ священномъ служеніи, руководѣлія не знаетъ.

Трудниковъ:

Поповъ сынъ Иванъ Васильевъ послушаніе имѣеть благовесъ и звонъ и псалмы читаетъ. Онымъ жалованья денежнаго и отсыпного хлеба не производится.

Поповъ же сынъ Сергей Михайловъ послушаніе имѣеть сторожу церковную, оному денежнаго жалованья и отсыпного хлѣба не производится, а живетъ по своему желанію изъ пища и одѣжды.

Итого всѣхъ по чинамъ: строитель 1, іеромонаховъ 2, монаховъ 2, бѣлый попъ 1, трудниковъ 2, всего 8 человекъ.

Всѣ вышеписанные строитель, іеромонахи и прочіе имѣють об-

щую трапезу, на которыхъ исходить въ годъ неравно, разного всякого хлѣба однако по примѣру въ годъ, а именно:

Муки ржаной 25 четв., солоду ржаного 2 четв. крупъ грешневыхъ 5 четв., пшениныхъ 1 четв., гороху 1 четв., конопелю 1 четв., итого 35 четв.; въ томъ числѣ приплодного бываетъ ржи и гречи 12 четвертей, а прочей хлѣбъ отъ доброхотныхъ дателей собираемъ, бываетъ въ милостыню.

Ко опомужь питомству съѣсного: рыбы коренной 5 пудъ, сметковъ сухихъ 4 четверика, масла конопляного 5 пудъ, гороху 1 четверикъ, всего цѣною ни двѣнадцать рублей.

А болѣе содержать себя отъ своихъ трудовъ и подаяніемъ христілюбивыхъ дателей въ милостыню и отъ принадлежащихъ построенныхъ при болшихъ дорогахъ трехъ часовняхъ, какъ нищю и одѣждою монашескою нужнейшею, также и отъ приращенія малого своего свята масла, молока и отъ огородного овощу и лѣсныхъ плодовъ грибовъ и прочей родности.

При оной пустыни приказныхъ и прочихъ монастырскихъ всякого званія служителейъ и крестьянъ не имѣется.

А имѣется отставной драгунъ Василей Моревъ, ростовскаго драгунскаго полку, присланъ въ 762-мъ году марта 27 дня за старостію дряхлостію и глухотою при указѣ изъ московской духовной консисторіи, отъ роду ему 57 лѣтъ, холостъ, изъ крестьянъ, раненъ, должности при пустыни никакой не исправляетъ, содержаніе, кромѣ указного жалованья не имѣть. Оному указного денежного и хлебного жалованья 3 рубли, 66 копеекъ, (хлѣба) 3 четверти, крупъ 1½, четверика.

Да отставной же солдатъ Марка Подоконниковъ, ярославскаго полку, присланъ въ 764-мъ году генваря 5 дня при указѣ изъ московской духовной консисторіи за старостію и дряхлостію, отъ роду ему 60 лѣтъ, женатъ, изъ крестьянъ, не раненъ, должности при пустыни никакой не исправляетъ, содержаніе, кромѣ указного жалованья, не имѣть. Оному указного денежного и хлѣбного жалованья 3 рубли 66 копеекъ, (хлѣба) 6 четвертей, крупъ 3 четверика.

Ко оной пустыни приписныхъ вотчинъ не имѣется, а имѣется 3 часовни деревянныя, построенныя отъ оной пустыни на болшихъ разныхъ дорогахъ, къ содержанію своему къ подаію милостыни отъ христілюбивыхъ дателей.

1) разстояніемъ отъ оной пустыни состоитъ въ 40, а отъ Москвы въ 5 верстахъ, на болшой троицкой дорогѣ въ дворцовомъ селѣ Алексѣевскомъ, построена въ прошломъ 720-мъ году монахомъ Васильемъ, по указу изъ приказу болшаго дворца и при оной деревян-

ного строения имеется: изба съ сѣнми мѣрою длины 4 ширины 2 сажени, крыта дранью.

2) разстояніемъ отъ оной пустыни въ 12, а отъ Москвы въ 38 верстахъ, на большой володимерской дорогѣ въ деревнѣ Шеловѣ; при ней изба съ сѣнми мѣрою длины 3 ширины 1 $\frac{1}{2}$, сажени, крыта дранью.

3) на дорогѣ стромынеѣ въ деревнѣ Мизиновѣ разстояніемъ отъ оной пустыни въ 2, а отъ Москвы въ 40 верстахъ, при той часовнѣ изба мѣрою длины 1 $\frac{1}{2}$, ширины 1 сажень, крыта дранью.

А по какому указу и въ которомъ году построены, о томъ во оной пустыни извѣстія не имѣется. При оныхъ часовняхъ опредѣленныхъ сторожей отъ пустыни не имѣется, а прибываютъ съ перемѣною по своему желанію тѣхъ же селъ и деревень убогіе крестьяня и питаются тоюжъ милостиною.

Да имѣется жъ при оной пустыни старинная Николаевская земля по выписи пахотной худой земли 7 четвертей въ полѣ, а вду потомужъ, сѣна копенъ на 30 волоковыхъ, лѣсу никакого не имѣется.

И того во оной пустыни съ скотнымъ дворомъ и въ трехъ часовняхъ деревяннаго строения состоитъ: жилыхъ покоевъ 8, не жилыхъ 15, огородъ 1.

Въ скотномъ дворѣ разнаго скота: мереновъ ѣзжалыхъ 3, кобылъ молодыхъ 2, и того 5; коровъ 5, подтелковъ 3, овецъ 2 и того 10.

Окладныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ даходовъ оная пустыня никакихъ не имѣеть, кромѣ мірскаго подаванія въ милостину и отъ трудовъ, сами работаютъ, по возможности своей, папуть и косять по малости своей земли, отъ которой годомъ приплодного хлѣба бываетъ ржи и гречи до 12 четвертей, а другихъ яровыхъ никакихъ семянъ, кромѣ вышеозначенной гречи, не сѣется, понеже земля сухая пещана и положеніемъ мѣсто стоитъ на косогорѣ, того ради за худобою не родится, а только имѣютъ отъ часовеннаго сбору въ годъ денегъ до 15 рублей и раченіемъ своимъ во оной пустыни содержать скоть и имѣютъ отъ скота масло и молоко малое число и отъ огородного овощу, и трудами своими отъ лѣсныхъ плодовъ грибовъ и протчаго, чѣмъ себя въ питомствѣ и содержать, какъ и выше показано.

Церковь каменная соборная во имя Живоначальныя Троицы, въ ней иконостасъ весь глаткой вызолоченъ и посеребренъ и мѣстами крашенъ лозорью. Царскія врата съ евангелисты глаткия позолочены, при нихъ южныя и сѣверныя двери написаны лики святыхъ архидіаконовъ Стефана и Лавренія; прядь ними лампадка спускная мѣдная на вервицѣ. Паникадило мѣдное на толстой верви. По правую сторону царскихъ вратъ межъ ихъ образъ Живоначальныя Троицы, дска

мѣрою два аршина, на нихъ вѣнцы и съ цатами серебряные. Подлѣ южныхъ дверей образъ святаго Николая Чудотворца мѣстной, дска мѣрою два аршина, вѣнецъ съ митрою серебрянной позолоченъ, въ митрѣ же камушекъ красной, по сторонамъ два камушка зеленыхъ, риза же поля окладъ медной позолоченъ, на Спасителевомъ и Богородичномъ ликахъ два вѣничка серебряные вызолочены. По лѣвую сторону царскихъ вратъ образъ Владимирскія Пресвятыя Богородицы вѣнецъ и цата серебряные, дска мѣрою два аршина. Подлѣ сѣверныхъ дверей образъ Захарія и Елисаветы накладной, дска мѣрою два аршина. Предъ тѣми мѣстными образами четыре лампы мѣдныя висящія. Надъ царскими дверми поясъ дванадцатые праздники, надъ ними поясъ образъ Спасителя нашего со апостолами. Надъ ними образъ Отечества со пророки, выше жъ Распятіе Господне и при немъ стоящіе Богоматере, Иоанна Богослова. На ономъ иконостасѣ, кромѣ мѣстныхъ двухъ иконъ, все безъ окладу. Два крылоса деревянныя росписаны красками. Надъ правымъ крылосомъ въ сторонѣ образъ Спасителя въ полдесята вершка въ кіотѣ ветхой. За крылосомъ херуговъ, писаной на белой камѣ, каймы золотомъ листовымъ позолочены, на ней по стороны Богоявленіе Господне, по другую святителя Николая Чудотворца. За лѣвымъ крылосомъ на стѣнѣ образъ Воскресенія Христова съ прочими святыми, оклады поля серебряные ветхой. У тогожъ крылоса образъ Успенія Пресвятыя Богородицы со апостолами, вѣнцы ризы и поля мѣдныя кованыя полужены; на ней малый крестъ деревянной на маленькой серебряной цѣпочкѣ, а въ немъ мощей двѣ части святыхъ Киевопечерскихъ Пимина и Силуана, на створахъ лики преподобныхъ печерскихъ же, предъ оброзомъ медная висящая лампада. У того жъ крылоса на стѣнѣ святцы бумажныя двѣнадцать мѣсцевъ въ болшомъ кіотѣ. Въ церкви жъ образъ Воскресенія Христова съ двадцатыми праздниками, что поставляется на аналои, штилевой, окладъ серебряной ветхой. Образъ Николая Чудотворца штилевой вѣнецъ риза и поля окладъ серебряной чеканной вызолоченъ. Надъ западными дверми противъ царскихъ вратъ образъ Николая Чудотворца съ житіемъ его, посреди житія образъ его святителя мѣдной, мѣрою меньше четверти.

Въ той же соборной церкви въ олтарѣ святыхъ иконъ: За престоломъ крестъ деревянной болшой ветхой. Запрестольный образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы вѣнецъ и цата мѣдная, дска мѣрою три четверти, на ней по другую сторону образъ на той дскѣ написанъ святителя Николая Чудотворца неокладной. Надъ царскими дверми образъ Спасовъ Нерукотвореннаго образа вѣнецъ и поля мѣдныя. Об-

разъ Пресвятыя Богородицы Іерусалимскія, вѣнецъ серебряной, штилистовой. Образъ же штилистой написанной Богородичныхъ два лика, на нихъ вѣнчики и поля серебряныя, на оной же дскѣ образъ написанъ Спаса Нерукотвореннаго образа, вѣнчикъ серебряной. Образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія мѣрою въ четверть, вѣнецъ и поля серебряныя. Образъ святителя Николая Чудотворца въ четверть вѣнецъ ризы и поля серебряныя вызолочены. Образъ святаго Іоанна Воина въ шесть вершковъ узкой, на той же дскѣ написанъ ликъ Богоматере, на ней риза серебряная, вѣнецъ и поля серебряныя жъ съ финифтью. Образъ Распятіе Христова и прочихъ святыхъ лики и на поляхъ, окладъ серебряной, штилистовой. Образъ Николая Чудотворца окладъ поля и вѣнецъ серебряныя позолочены, въ кіотѣ ветхой.

Въ олтарѣ на престолѣ антимисъ, на немъ Евангеліе, дски обиты бархатомъ малиновымъ, на срединѣ Спасителя образъ и евангелисти серебряныя. На престолѣ крестъ деревянной обложенъ серебромъ, писанія же плоти Христовой, ветхой. Другой крестъ со святыми мощами обложенъ серебромъ и позлащенъ. На престолѣ жъ два ковчега оловянные, въ нихъ же соблюдаются Святыя Дары, изъ нихъ одинъ маленкой ветхой. На жертвенникѣ сосуды серебряныя, потиръ внутри позлащенъ, дискось, звѣзда, лжица внутри позлащенныя жъ, два блюнца. Другія сосуды оловянные ветхіе. Чаша водосвятная не малая полу-женая мѣдная. Оловянныхъ два блюда да мѣдное одно вмѣсто укропника, чайникъ одинъ. Ковшиковъ мѣдныхъ два. Кадилъ мѣдныхъ три, къ томъ числѣ ветхое одно. Два сосуда оловянныхъ на благословеніе яина и елеа. На престолѣ одѣжда грезетовая, цвѣту палевова, спреди крестъ большой гасу серебряного съ городками; на престолѣ жъ покровъ грезетовой алой, по кроямъ обложенъ отласомъ голубымъ, на немъ крестъ тогожъ позументу, кругомъ обведенъ гасомъ узкимъ серебрянымъ. На жертвенникѣ одѣжда каломенковая по бѣлой земли, цвѣтки желтыя и черныя, ветхая.

Книгъ: книга благовѣстникъ толкованіе Теофилакта епископа болгарскаго, въ кожѣ въ доскахъ въ десть. Треодъ цвѣтная въ десть въ кожѣ въ доскахъ. Треодъ постная ветхая въ кожѣ и въ доскахъ въ десть. Октоиховъ осмигласовъ двѣ книги въ кожи и въ доскахъ въ десть. Двѣнадцать книгъ миней мѣсячныхъ въ кожи и въ доскахъ въ десть. Двѣ книги миней общія празничныя въ кожи и въ доскахъ въ десть. Минея общая сватымъ въ кожи и въ доскахъ въ десть. Три псалтири слѣдованныя въ десть ветхи. Минея одна служебная мѣсяца августа въ десть въ кожи и въ доскахъ. Минея служебная трехъ мѣсячная — сентября октября ноября, печати мелкой въ кожи и въ доскахъ

въ десть. Псалтирь крупной печати въ десть. Требникъ большой въ вожи и въ доскахъ въ десть. Обѣтъ душевный въ переплетѣ въ десть обгорѣлая. Апостоль переплетенъ вновь въ вожи и въ доскахъ въ десть. Двѣ книги синадиковъ писанные въ переплетѣ въ десть. Апостоль мелкой печати въ переплетѣ со апокалипсисомъ въ полдесть. Три книги служебниковъ въ полдесть ветхи, два ермологія въ полдесть ветхи. Книга молебныхъ пѣній на всякую потребу въ полдесть. Четыре пролога тремѣсячные, цѣлый годъ, въ переплетѣ въ десть. Двѣ псалтири слѣдованныхъ въ переплетѣ въ десть. Книга Новый Заветъ въ переплетѣ въ десть. Книга служба святителя Николая Чудотворца съ житіемъ въ полдесть. Псалтирь учебная въ четверть ветхая. Два требника въ четверть очень ветхая. Кононикъ въ четверть ветхой. Книга требникъ въ переплетѣ въ полдесть. Четыре тетради печатныя: первая о побѣдѣ на сопостаты подъ полтавою, вторая служба Захаріи и Елисаветы сентабря 5 дня, третья ноября 25 и апрѣля 25, четвертая генваря 19 и апрѣля 18 дня въ полдесть. Книга обиходъ потная въ переплетѣ въ восмуху. Книга писменная ровыскъ Димитрія ростовскаго чудотворца. Книга бесѣды на дѣянія апостольская въ десть. Книга маргаритъ печатная въ вожи и въ доскахъ въ десть. Книга пращица печатная въ десть. Книга Іоанна писателя лѣствицы. Книга Ефрема Сирина мелкой печати въ полдесть. Восимъ тетратей о побѣдѣ на сопостатъ въ бумажныхъ доскахъ ветхія самыя. Въ церкви жъ два налоя вожиныхъ, два налоя деревянныхъ поволочены выбойкою пестрою, одинъ налой деревянный же оболоченъ стомедомъ. Два стола деревянныхъ малыя; два подсвѣшника жестяныхъ.

Въ трапезѣ по правую сторону предѣлъ святителя Николая Чудотворца. Въ предѣлѣ царскія двери рѣзныя лики, богородиченъ и архангела и евангелисты писаны на жести. По правую сторону стоящій образъ Спасителявъ, мѣрою дска въ три аршина безъ окладу. По лѣвую сторону стоящій образъ Пресвятыя Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, дска мѣрою въ два аршина безъ окладу. Надъ царскими вратами образъ Господа Саваофа писанъ на жести. Надъ вратамижъ царскими Распятіе Господне рѣзное деревянное позолочено листовымъ золотомъ, вѣнецъ серебряной, предъ нимъ стоящіа образы Богоматере и Іоанна Богослова. Тамо стоять образы на особливыхъ дскахъ по сторонамъ святыхъ Петра и Павла. На поворотѣ близъ дверей сѣверныхъ образъ Николая Чудотворца стоящій, дска мѣрою въ два аршина безъ окладу, предъ нимъ лампадка висащяя мѣдная. Надъ нимъ образъ Николая Чудотворца, дска мѣрою три четверти. У онога олтаря на сѣверныхъ дверехъ написанъ образъ архидіакона Стефана.

Подлѣ ево на стѣнѣ образъ Спасителевъ, мѣрою дска въ два аршина неокладной, предъ нимъ лампадка мѣдная. Образъ святителя Николая Чудотворца, дска мѣрою въ два аршина. Образъ Іоанна Предтечи мѣрою въ два аршина, предъ нимъ лампадка мѣдная. Престолъ малый и жертвенникъ, на немъ одѣжда рудожелтая камчатая, на святомъ антимисѣ Евангеліе, дски покрыты бархатомъ малиновымъ въ срединѣ Спасителевъ образъ и Евангелисты серебряныя. Крестъ поклонной деревянной обложенъ окладомъ мѣднымъ посеребренъ бѣлой. Сверхъ престола пелена рудожелтая камчатая. На жертвенникѣ сосуды оловянные, у царскихъ вратъ завѣса зеленая тафтяная. Въ олтарѣ образъ Пресвятыя Богородицы Карскія штилистовой поля и вѣнецъ окладъ серебряной. Образъ Владимірскія Богородицы въ деревянномъ кіотѣ мѣрою дву четвертей неокладной. Въ трапезѣжъ надъ красными дверми образъ Казанскія Пресвятыя Богородицы, на немъ вѣнецъ мѣдной позлащенной, дска мѣрою въ одинъ аршинъ, въ кіотѣ съ створами, направомъ створѣ Николая Чудотворца, на лѣвомъ створѣ мученицы Параскевы, на нихъ вѣнцы луженые, предъ нимъ лампадка мѣдная. На той же стѣнѣ образъ Плащаницы Господни дска въ полтора аршина. Образъ Владимірскія Богородицы, дска мѣрою въ пять четвертей, окладъ на вѣнцѣ мѣдной полуженъ, предъ тѣмъ образомъ лампадка оловянная. Образъ Отечества мѣрою въ три четверти безъ окладу. Образъ Пресвятыя Богородицы всѣхъ скорбящихъ радости въ три четверти безъ окладу. (За симъ слѣдуетъ описаніе ризъ и стихарей). При церкви колокольня деревянная на дву столбахъ, на ней колокола небольшія, а вѣсомъ kolikoе число о томъ подписки на нихъ не имѣется (Архивъ Мин. Юст. по Колл. Экономіи).

АЛФАВИТНЫЕ УКАЗАТЕЛИ:

1. Указатель лицъ.

	Стр.		Стр.
Авраамій, митрополитъ рязанскій и муромскій.....	46	Бохины: Алексѣй и Второй Дорофеевы, Павелъ и Сергѣй Фёдоровы и Фёдоръ Алексѣевъ....	120
Адріанъ, архимандритъ Чудова монастыря.....	138	Брюсъ: Александръ Романовичъ	104, 123
Андреевъ, Образецъ.....	76	Екатерина Яковлевна.....	104
Антоній, игуменъ Давыдовой пустыни.....	8, 13, 31	Яковъ Велимовичъ.....	104, 123
Апраксинъ, Фёдоръ Алексѣевичъ..	67	Бурцовъ, Юсифъ, монахъ казначей патр. казеннаго приказа.....	119
Арбенева, Василій, подьячій.....	22	Бутурлины: Анна Ивановна, Борисъ Васильевичъ, Василій Васильевичъ, Иванъ Васильевичъ и Никита Ивановъ столын. 101,	102
Арсеньевы: Иванъ Даниловичъ, Марья Матвѣевна.....	108	Быкасовъ, Андрей.....	74
Арцыбушевъ, Михаилъ, подьячій..	77	Вадковскій, Фёдоръ Ивановичъ... 81	
Астафьевъ, Андрей Павловъ.....	115	Варлаамъ, архіеп. тверской и кашинскій.....	20
Басмановъ, Алексѣй.....	31	Василій Арослановичъ, касимовскій царевичъ.....	114
Бестужевъ-Рюминъ, графъ Алексѣй Петровичъ.....	74	Васильевъ, Семень, дьякъ помѣст. приказа.....	84, 113
Борисовъ, Тихонъ, дьякъ.....	86	Векентьевъ, Иванъ дьякъ.....	82
Борятинскіе, князья: Александръ Ивановъ, Анна Даниловна.....	120	Веніаминъ, епископъ коломенскій и каширскій.....	30
Григорій Петровичъ.....	68	Витовтовы: Евдокимъ и Иванъ... 80	
Иванъ Фёдоровичъ.....	119, 120	Владыкинъ, Андрей Денис. 85, 87, 115	
Михаилъ Фёдоровичъ.....	68	Волковъ, Алексѣй, дьякъ помѣст. приказа.....	4
Никита Петровичъ.....	96	Волконскіе, князья: Андрей Михайловъ.....	84, 85
Семень Фёдоровичъ.....	68, 70		
Сергѣй Ивановичъ.....	120		
Юрій Никитичъ.....	120		
Фёдоръ Семеновичъ.....	67		
Фёдоръ Юрьевичъ.....	120		
Фёдоръ Фёдоровичъ.....	68		

Григорій Константиновичъ	133	Горсткнны: Василій	137
Иванъ Ѳедоровъ, Михаилъ Андреевичъ	84, 85	Прасковья Блпиріанова	70
Михаилъ Никитичъ	33, 74	Татьяна Бирилловская жена 70, 137	
Михаилъ Михайловичъ, Михаилъ Ѳедоровичъ, Николай Андреевичъ, Петръ Михайловичъ	85	Горчаковъ, князь Борисъ Васильевичъ	115
Воронцова граф. Ирина Ивановна	60	Грамотинъ, Иванъ Тарасъевичъ	133
Воротынскіе, кн. Иванъ Алексъевичъ, 121		Грековъ, Никифоръ Михайловъ	120
Настасья Ивановна	122	Грязевы: Иванъ Кирилловъ, Миша 70	
Высоцкій, Леонтій Яковлевъ	110	Гуляевъ, Михаилъ Григорьевъ, дьякъ	103
Гаврилъ, архим. Симонова мон.	85	Даниловъ, Максимъ, дьякъ	92
Галасенинъ, Осипъ, патриаршій сынъ боярскій	31	Михаилъ, думный дьякъ	115
Голенищевъ, Аѳснмогенъ	46	Дашковъ Василій Яковлевичъ думный дворянинъ	115
Голицыны, князья: Авдотья Ивановна	54	Дворянинновъ, Борисъ	76
Алексій Андреевичъ	111, 121	Дементьевъ, Василій. подъячій	7
Алексій Борисовичъ	3	Діонисій, архимандр. Андроньева монастыря	78
Алексій Васильевичъ	54	Долгоруковы, князья: Александра Яковлевна, Александръ Владиміровичъ	63
Андрей Андреевичъ	44, 54	Алексій Григорьевичъ	88, 111
Андрей Ивановичъ	111	Анна Ивановна	102
Анна, боярыня	111	Василій Михайловичъ	62
Анна Ивановна	3	Василій Владиміровичъ	63
Василій Андреевичъ	44	Владиміръ Михайловичъ	62
Василій Васильевичъ	53, 54	Владиміръ Петровичъ	35, 63, 102
Елена Петровна	4	Елена Алексъевна	114
Иванъ Алексъевичъ	72, 110, 111	Иванъ Михайловичъ, Михаилъ Юрьевичъ, Петръ Михайловичъ	62
Ирина Васильевна	44	Прасковья Юрьевна	114
Михаилъ Васильевичъ	54	Петръ Михайловичъ	35, 62, 102
Настасья Ивановна	122	Сергій Владиміровичъ	63
Настасья Петровна	72	Сергій Петровичъ	35
Николай Петровичъ	122	Юрій Алексъевичъ	35, 62
Петръ Алексъевичъ	122	Юрій Владиміровичъ	63
Петръ Яковлевичъ	4	Юрій Юрьевичъ	114
Сергій Алексъевичъ	3	Дохтуровы: Андрей Аѳанасьевичъ 91	
Татьяна, жена Василья	44	Аѳанасій Яковлевичъ	90
Яковъ Алексъевичъ	4	Иванъ Андреевичъ	92
Ѳедоръ Алексъевичъ	111	Наталья Ивановна	91
Головины: Автамонъ Михайловичъ, Александръ Ивановичъ	60	Прасковья Андреевна	90
Анна Ивановна	102	Сергій Андреевичъ	92
Гороховъ, Андрей	44		

Дядищъ, Иванъ Ждановъ.....	108	Бропотинъ, князь Михаилъ Ва-	
Ермолаевъ, Левъ, дьякъ.....	58, 59	сильевъ	93, 96
Жемчужниковъ, Тихонъ.....	80	Буницынъ, Богданъ.....	46
Засѣдкіе: Иванъ Ивановичъ, На-		Буракинъ, князь Федоръ Семоно-	
стасья Ивановна.....	107, 108	вичъ	121
Земскій, Данила Яковлевъ, купецъ,		Бурбатовъ, Алексѣй Александро-	
фабрикантъ.....	43	вичъ.....	18, 19
Зюзинъ, Яковъ.....	46	Бутузовы: Илья Михайловъ, Ми-	
Ивановъ, Парфеній, дьякъ патр.		ханлъ Ивановъ, Тимофей Ми-	
приказа.....	7	хайловъ	46
Измайловы: Артемій Васильевъ..	101	Лазаревъ, Миѣна Лазарева.....	100
Григорій Васильевъ.....	86	Ласкиревы: Никита Ивановъ, Фе-	
Григорій Никитичъ.....	104	доръ	5
Настасья Ивановна.....	86	Левашевы: Иванъ Васильевичъ,	
Исленевы: Александръ Василье-		Марья Петровна, Петръ Артемь-	
вичъ, Василій Васильевичъ ...	93	евичъ, Прасковья Ивановна... ..	76
Василій Даниловичъ	92, 93	Левкій, архимандр. Чудова мон... ..	138
Данила Ивановичъ.....	93	Леонтьевы: Аврамъ Ивановъ..	46, 47
Иванъ.....	92, 115	Николай Михайловичъ	20
Марья Владиміровна, Михаилъ		Данила и Федоръ.....	96
Васильевичъ	93	Лихачевы: Богданъ Терентьевъ... ..	71
Іона, игуменъ Колоцкого мон... ..	34	Прасковья Федоровна.....	72
Іосифъ, архіеп. волом. и кашир. 58,	59	Федоръ Федоровичъ.....	71
Башкинъ, князь Иванъ.....	52	Лобановы-Ростовскіе, князья: Але-	
Клешнинъ, Андрей.....	68	ксандра Яковлевна.....	63
Клюевъ, Гаврилъ Потановъ, мо-		Иванъ Ивановичъ.....	5, 63
сковскій купецъ.....	68	Яковъ Ивановъ.....	5
Козловскіе, князья: Афанасій Ва-		Фетинья Иванова.....	4
сильевъ, Василій Андреевъ... ..	83	Фетинья Яковлевна.....	5
Ирина Петровна.....	83	Лопухины: Ирина Федоровна	83
Михаилъ	117	Наталья Ивановна.....	91, 92
Петръ Афанасьевичъ... ..	83	Петръ Аврамовичъ.....	104
Тимофей Афанасьевичъ.....	82, 83	Степанъ Васильевичъ..	27, 65, 83
Федоръ Андреевичъ.....	46, 83	Лосевъ, Иванъ, дьякъ цовѣтн.	
Бекоревъ, Василій Борисовъ... ..	46	приказа.....	111
Болтовская, Марья Федоровна		Львовъ, князь Алексѣй Михайловъ	104
жена	108	Лыковы, князья: Дарья Алексѣе-	
Болычевъ, Григорій.....	88	вскаяжена, Прасковья Алексѣевна	109
Бопнина, Пелагея Васильева... ..	96	Макарьевскій, Тихонъ, монахъ кан-	
Краснова, Матрена Федоровская		начей патр. приказа.....	92
жена	44	Максимовъ, Федоръ дьякъ	108
Боркодишовы, князья: Алексѣй... ..	53	Мартыновъ, Викула, тяглецъ мѣ-	
Иванъ Михайловичъ.....	36	щанской слободы.....	105, 147

Мезецкій, князь Михаилъ, писецъ	14	Марфа Яковлевна.....	56, 87
Меншиковъ, князь Александръ Даниловичъ	25, 59, 70, 82	Михаилъ Юрьевичъ.....	18
Мещерскіе, князья: Алексѣй Васильевичъ, Василій Ивановичъ, его жена Дарья Андреевна ...	83	Яковъ Ивановичъ.....	86
Милославскіе: Григорій Яковлевъ, Иванъ Михайловичъ, бояр., Прасковья Яковлевская жена, Феодоръ Яковлевичъ.....	70	Яковъ Никитичъ.....	56, 76
Яковъ Михайловичъ.....	44	Окорокъ, Трофимъ.....	31
Милуковъ, Егоръ Лукичъ.....	68	Остерманъ: Андрей Ивановичъ баронъ, Иванъ Андреевъ, Феодоръ Андреевъ.....	67
Морозовы: Анна Ильинична, Борисъ Ивановичъ, Иванъ Глазбовичъ	80	Отяевъ, Афанасій, писецъ.....	22
Михаилъ	97	Пассекъ: Наталья Алексѣевна, Феодоръ Богдановичъ.....	100
Масальская, вл. Александра Васильевна.....	20	Пафнугій, архимандр. Нижняго Благовѣщенскаго мон.....	7
Мушны-Пушкины: Екатерина Яковлевна	104	Плещевы: Алексѣй Григорьевъ..	117
Иванъ Алексѣевичъ ...	32, 73, 85	Алексѣй Васильевъ.....	115, 117
Платонъ Ивановичъ.....	33, 74	Андрей Григорьевъ, Григорій Васильевъ.....	117
Мячинъ, Феодоръ	89	Марья Никифоровна	114
Нагови: Василій Ивановичъ, Прасковья Алексѣевская жена....	52	Михаилъ Григорьевъ	117
Нарбековы: Аграфена Павловна... 102		Никифоръ, Татьяна Гордѣевна, Григорьевская жена. 114, 115, 117	
Василій Савичъ окольничій, Степанъ Савичъ.....	103	Феодоръ Алексѣевъ.....	116, 117
Феодоръ Савичъ, Фекла Феодоровна	75	Феодоръ Григорьевъ.....	117
Нарышкины: Александръ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ.....	110	Пожарскіе, князья: Аграфена Ивановна, Акинья Ивановна, Анна Ивановна.....	42
Иванъ Кирилловичъ, Прасковья Алексѣевна	109, 110	Дмитрій Михайловичъ....	41, 135
Нестеровы: Алексѣй и Иванъ Феодоровы, Феодоръ Васильевъ, Феодора	89	Дмитрій Петровичъ.....	66
Носовъ, Иванъ	31	Иванъ Дмитріевичъ, Настасья Юрьевна.....	41, 134, 136
Оболенская, княг. Марья Алексѣевна	110	Петръ Дмитріевичъ, Юрій Ивановичъ	41, 42
Одоевскіе, князья: Алексѣй Юрьевичъ	18	Полтевы: Василій Феодоровъ	65, 66, 67
Анна Михайловна	56	Яковъ Феодоровъ	66, 67
Василій Юрьевичъ, Василій Феодоровичъ	18	Феодоръ Алексѣевичъ....	7, 65, 66
		Фекла Панкратьевна.....	67
		Порошины: Григорій Дмитріевъ..	46
		Феодоръ Деметрѣевъ.....	70, 137
		Прозоровскіе, князья: Иванъ Семеновичъ, Настасья Петровна, Прасковья Феодоровна, Петръ Ивановичъ	72

Пронскіе, князя: Авдотья Ивановна, Иванъ Петровичъ.....	88	Наталья Ильична, Николай Ивановъ, Петръ Ивановичъ.....	100
Петръ Ивановичъ.....	87, 88	Родионъ Матвѣевичъ.....	99
Протасовъ, Ларіонъ, подъячій приказъ большой казны.....	106	Семень Лукьяновичъ.....	100
Пустынниковы: Василій.....	52	Тихонъ Никитичъ.....	73
Дорофей.....	61	Федоръ Степановъ.....	52
Осипъ, дьякъ.....	96	Стрѣмиловъ, Яковъ.....	44
Разумовскіе: Алексѣй Григорьевичъ.....	88, 114, 123	Сукны: Анна Ивановна, Иванъ Васильевъ, Иванъ Осиповъ, его жена Прасковья.....	3
Алексѣй Кирилловичъ.....	114	Степанъ.....	89
Ратмановъ, Алексѣй Григорьевичъ.....	67, 68	Съжениковъ, Перфілій, дьякъ...	81
Репнины, князя: Андрей Ивановичъ, Аникита Ивановичъ, Василій Аникитичъ.....	43	Таракановъ, Савва.....	44
Иванъ Борисовичъ.....	42	Татевы, князя: Иванъ Борисовъ, Федоръ Борисовъ.....	121
Николай Ивановичъ, Петръ Ивановичъ.....	5	Телепневы: Василій Даниловъ...	57
Татьяна Алексѣевна.....	42	Григорій Юрьевъ.....	58
Ростовскій, князь Михаилъ.....	44	Данила Васильевъ, Ефимъ Григорьевъ, Михаилъ Юрьевъ, Степанъ Васильевъ, Юрій Васильевъ	57
Румянцовъ-Задунайскій, Петръ Александровичъ, графъ.....	4	Толстой, Иванъ Петровичъ.....	18
Сабуровъ, Андрей, писецъ....	3, 5	Траханиотовъ, Иванъ.....	5
Салтыковъ, Василій Федоровичъ..	123	Трубецкіе, князя: Алексѣй Никитичъ.....	74, 75, 136
Семенчина, Анна Ивановская жена	52	Василій Никитичъ.....	45
Сійскій, Памсій, старецъ казначей патр. каз. приказа.....	84	Дмитрій Тимофеевичъ.....	74
Слотинъ, Ларіонъ Антоновъ.....	66	Ирина Васильевна.....	44
Стахъевъ, Василій.....	46	Иванъ Юрьевичъ, Никита Юрьевичъ.....	45
Стефанъ, митропол. рязанскій и муромскій.....	47	Юрій Петровичъ.....	44, 75
Стрешневы: Авдотья Андреевна..	97	Юрій Юрьевичъ.....	45
Авдотья Ивановна.....	54	Туренины, князя: Василій, Иванъ.	61
Василій Ивановичъ 34, 62, 77, 78, 97, 100		Тюфякинъ, Григорій Васильевъ..	104
Иванъ Николаевичъ.....	100	Унковскіе: Василій Ивановъ, Иванъ Савичъ, Федоръ Ивановъ.....	46
Иванъ Родионовичъ.....	54, 100	Урусовы, князя: Григорій Алексѣевичъ, Софья Григорьевна, Фегла Федоровна.....	75
Иванъ Федоровъ.....	52, 54	Усовъ, Тимофей Никитичъ.....	46
Марья Алексѣевна.....	100	Хитрово: Андрей Михайловичъ, его жена Степанида Савельевна. 90, 91	
Наталья Алексѣевна.....	100	Михаилъ Григорьевъ, его жена Феодора.....	89
Наталья Ивановна,.....	54		

Прасковья Андреевна.....	90	Сергѣй Борисовичъ.....	5
Хилковъ, князь Юрій Яковлевичъ.	114	Федоръ Ивановичъ. 36, 56, 76, 111	
Хованская, княг. Настасья Ивановна.....	108	Фетинья Яковлевна.....	5
Хохловъ, Борисъ.....	68	Шеховскіе, княг. Наталья Алексеевна..	100
Чемодановъ, Иванъ Ивановичъ...	97	Татьяна Дитирьевна.....	102
Черкаскіе, князья: Авдотья Ивановна.....	87	Шушеринъ, Федоръ дьякъ.....	57
Алексѣй Михайловичъ. 56, 57, 77, 87		Щербатовъ, князь Алексѣй Ивановичъ, его жена Софья Григорьевна.....	75
Григорій Сунчелеевичъ.....	88	Юматовъ, Игнатій.....	41
Данила Григорьевичъ....	87, 112	Юрьевъ, Степанъ.....	74
Михаилъ Яковлевичъ..	56, 77, 87	Яковлевы: Боженъ Степановъ, Дмитрій Прокопьевъ.....	96
Марья Яковлевна.....	87	Федоровы: Алексѣй Родионовъ..	68
Петръ Борисовичъ.....	88	Дмитрій, дьякъ.....	85
Чириковы, Илья Ивановъ.....	96		
Михаилъ Ильинъ.....	95, 96		
Чичерны, Алексѣй Петровичъ, Александра Васильевна, Василій Петровичъ.....	20		
Петръ Васильевичъ.....	19, 20		
Сергѣй Петровичъ.....	20		
Шенины: Семенъ, его жена Авдотья Ивановна.....	88		
Шелешпальской, князь Иванъ Андреевичъ, дозорщикъ.....	138		
Шереметевы: Борисъ Петровичъ 36, 140			
Василій Петровичъ.....	36		
Владимиръ Петровичъ.....	36		
Иванъ Васильевичъ.....	35, 56		
Иванъ Петровичъ, Петръ Борисовичъ.....	36		

Монастыри:

Берлюковская пустынь ..	128, 147
Богословская пустынь.....	125
Іоанна Предтечи.....	31
Болоцкій въ Можайскѣ.....	34
Николо-Угрѣшскій.....	1, 73, 139
Ново-Спасскій.....	53
Покровскій, дѣвичій, что въ Суздаляхъ.....	9
Спасо-Андроньевскій.....	5, 77
Троицы-Сергіевскій.....	47, 48, 50, 138
Чудовъ ..	49, 55, 138

2. Указатель географическій.

Агафонова, деревня.....	65	Берликовскій и Бирхинскій пог..	104
Акатово, сельцо.....	4	Бесѣды, с.....	74, 136
Анискино, село.....	114	Бисерово, с.....	5
Анцифорова, дер.....	60	Бисерово, озеро.....	5
Аршстовъ, погость.....	8	Благовѣщенское, Тарасово тожъ (нынѣ Благовѣщенье сельцо)..	89
Архангельскій, пог.....	40	Богословское, Мизиново тожъ (Глинково), с.....	103
Архангельское, село.....	35, 61	Богородское Красково, с.....	44
Березина пустошь.....	134		
Березовка, рѣчка.....	20		

Борискава, пуст.	13	Гжелская, вол.	27
Борисково, Осѣчкино тожъ, с. . .	82	Глинково (Глинки Брюсово), с. . .	103
Борисоглѣбское, озеро.	31, 72	Глушица, озеро.	31
Бортникова, пуст.	106	Глѣбцово, Степашково тожъ, пуст.	114
Боршевка (Романъ), пог.	58	Гора, пуст.	31
Бояршая, дер.	32	Горбунова, пуст.	34
Брошевскій, станъ.	68, 134	Горенка, дер.	88
Бывальня, рчк.	48	Горенки, с.	111
Быкова, дер.	79	Городенка, рчк.	114
Быково, с.	33	Граворнокн, дер.	85
Васильцовъ, ст.	55	Гребнева, пуст.	73
Верей, дер.	33	Григорьевская, пуст.	40
Верховицево, слц.	63	Гуслицца, рчк.	22
Вшнпяково, с.	55	Гуслицкая, вол.	22, 37, 59
Вздервнога, рчк.	8	Гуслицы, с.	22
Власова, дер.	33	Даннмищевъ, пог	15
Воздвиженскій, пог.	21	Дворникова, дер.	81
Волнова, пуст.	115	Денидово, Булавна, с.	41
Волынова, пуст.	135	Денисовка, пуст.	9
Вора, рчк.	104	Дорка, рчк.	27, 40
Воронцово поле (въ Москвѣ) . . .	28	Дорки, пог.	105, 106
Воскресенская, пуст., что б. се- ло.	75, 136	Дроздна, рчк.	18, 48
Воскресенская пуст.	60	Дубенка, рчк.	74
Воскресенское, с.	9	Дятлова, дер.	53
Вошннскій, ст.	133	Еремнна, дер.	136
Вохна, рчк.	50	Ерище, пуст.	32
Выголова, дер.	46	Жилино (Жилино), с.	54
Бырка, рчк.	16	Жуунка, рчк.	9
Вырннскій, пог.	16	Завражье, дер.	92
Высоковская пуст.	134, 136	Загарье, пог.	19
Вьюлка, рчк.	46	Загарская, вол.	19
Вьюновка, рчк.	45	Зазерскій, починокъ.	31
Гвоздннская, вол.	58, 60, 105	Замосковное Раменье.	86
Гвоздня, пог. (ныиѣ Георгіевскій пог. при озерѣ Безъимянномъ). . .	60	Запнорье. с.	49, 63
Георгіевская, Бресты тожъ пуст. .	135	Захаровскій, пог.	81
Георгіевскій пог.	27	Зворыкина, дер.	62
Георгіевское, Поварово, Федурнево тожъ, с.	119	Здегшъ, озеро	31
Гирѣво, Губно тожъ, с.	110	Зюзино, с.	45
Гжелка, рчк.	86	Иванисово, с.	17
Гжель, с.	28	Игнатовская, дер.	27
		Ильннскій въ Муравьицахъ, пог.	14
		Ильннское, с.	85
		Ильннское Мотягово тожъ, с. . . .	93

Исакова, пуст.	28	Манасѣва, дер.	133
Исаково, озеро	138	Маревка, дер.	120
Каменскій, ст.	6, 45	Марково, с.	76
Барачарово, с.	77	Марковская, пуст.	76
Карново, Большовское тожь, с.	21	Мележа, рчк.	92
Капустина, дер.	61	Мерзка, рчк.	59, 63, 134
Клементьева, пуст.	29	Микитское, слц.	134
Клешова, дер.	32	Микишинъ, лугъ	18
Климова, дер.	138	Микулина, дер.	21
Климова, пуст.	34	Мининская, дер.	89
Блязьма, рк.	11, 47, 114, 129	Мининское, с.	134
Кожухова, дер.	3	Митина, Мешкова, Мотякова тожь, дер.	96
Козлиха, Ледениха, пожня.	31	Михалева, пуст.	134, 136
Боломець, дер.	33	Мишинская Черная, пуст.	11
Конящева, Антошева тожь, пуст.	32	Монашкинъ, лугъ, Славково тожь.	31
Бобонова, дер.	9	Москва, рк.	31
Конявино, с.	134	Мотяково, слц.	93
Копотенскій, ст.	1	Мошевъ (Спасъ на Мошевѣ), по- гость.	63
Копотня, с.	1	Микитскій, пог.	48
Корнѣево, с.	101	Микитскій, на рчк. Доркѣ, пог.	136
Коробкина, пуст.	114	Микитскій въ Лужкахъ, пог.	6
Косино, с.	57	Микитское, с.	50
Костина, Костенова тожь, пуст.	13	Никола-Нерскій пог.	68
Котельники, с.	79	Никольскій на Брошевиѣ пог.	58
Бошелевъ, ст.	8, 84, 104, 114	Никольскій на рѣчкѣ Мерзкѣ, пог.	68
Брасково, с.	44	Никольскій на мху (въ Бунѣ), пог.	13
Бренево, с.	102	Никольскій-Мытщи пог.	5
Брюкова дер.	93	Никольское, с.	34
Будиново, с.	71	Никольское (Полтево), с.	65
Булкова, дер.	133	Новая, Анкудинова тожь дер.	72
Куньевская, вол.	13, 20	Новое Рождествено, с.	30
Купавна, рчк.	109	Новянки, дер.	84
Купавно, с.	41	Обонегово, Дядино тожь, с.	107
Бусково, с.	35	Оборничъ, ст.	44, 93, 101, 103
Бучина, дер.	97	Объѣзжая, пуст.	31
Леонова, дер.	98	Окатыево, с.	4
Либерницы (Люберцы), с.	69	Околица, рчк.	22
Лопаткина, дер.	95	Опарина, пуст.	44
Лычевъ, пог.	16	Осиновка рчк.	19
Малахова, пуст.	44	Остапова, Савостьянова тожь, пуст.	63
Малахово, с.	86		
Малая Сѣверка, рчк.	108		
Малышова, дер.	44		

Осѣчкина пуст., что б. дер.	82	Савкина, Субочева тожъ, дер.	22
Павлово, с.	50	Сафоново, с.	40
Панина, пуст.	134, 136	Селинская, вол.	49
Перевѣсье, пуст.	114	Сельня, вол.	21, 22
Парасковинъ Пятницы, пог.	138	Синьково, с.	31
Перемышь, озеро	31	Слободки, пуст.	134, 136
Перина, дер.	7	Смолинская, заводъ, пуст.	31
Перово, с.	120	Соболева, дер.	60
Пестрицы, лужа	33	Соболево, слц.	53
Петровская, дер.	53	Созыкина, пуст.	134, 136
Петряково, селище	18	Соколова, дер.	115, 135
Пехорка, рчк.	2, 4, 44, 97, 101	Соколово, с.	97
Плоскоинна, дер.	106	Софронова, Мишокова тожъ, пуст.	16
Погребяще, пуст.	114	Старый Рогожскій язь.	11
Покровскій, пог.	71	Строкина, дер.	6, 7
Понкратова, дер.	16	Стромынская, дорога	114
Понура, рчк.	49	Сушица, рчк.	21
Поповка, рчк.	25	Суцова, Агафоново тожъ, пуст.	66
Почерневъ, ст.	3, 45, 52, 61, 88, 98	Сущевская, пуст.	53
Пречистенскій, пог.	138	Сынова, дер.	139
Пятницкій (Десятая Пятница), пог.	20	Тарасова, пуст.	89
Пятницкій, пог.	138	Татарка, рчк.	66
Радюкина, пуст.	34	Темниково, селище	18
Раменка, рчк.	17	Тетеревики, дер.	130
Раменская, вол.	28, 30, 40	Тимошино, с.	84
Раменье, с.	72	Тимофеево Калининно тожъ, с.	115
Резаново, слц.	92	Троицкій пог.	18
Рогожи [(ныиъ гор. Богородскъ), с.	11, 129	Троицкое, с.	2
Рогожская слобода	11	Троицкое-Байнардки, с.	24
Рогожскій, ст.	89	Троицкій въ Раменцѣ (Раменье), с.	72
Родники, с.	108	Троицкое (Ратманово), с.	67
Рождественскій въ Улуповѣ, пог.	45	Троицкое Резаново тожъ (Резанцы), с.	92
Рудная, дер.	3	Улупова, пуст.	46
Рудница, рчк.	3	Улупово Зюзино, с.	45
Рудня, пог.	37	Ульянова, пуст.	16
Рудня, рчк.	37	Уполоза, пог.	47
Рунова, пуст.	73	Утичье, болото.	9
Рѣтвина, дер.	16	Федурнево Поварово. тожъ, слц.	119
Савино, с.	52	Фенина, дер.	3
Савина, дер.	52	Филатовъ, пог.	31
		Харитова, дер.	67
		Хотѣвичи (Хотѣвичи), с.	59

Хрипанова, дер.....	73	Чюдица, рчк.....	109
Хупавна, рчк.....	133, 135	Шеренка, рчк.....	136
Хупавно, с.....	133, 135	Шеренскій и Отъѣзжій, ст.....	92
Чагина дер..	79	Шерна, рчк.	14, 125
Черленикова Браскова тожъ, дер.	44	Шероходка, рчк.....	71
Черная, рчк.....	52, 59, 93, 120	Юркина, дер.....	97
Черноголовская, вол... ..	9	Ямкино, с.....	9
Черняевъ, пог.....	17	Ямкино, озеро.....	9
Чижово, с.....	87, 112	Федотова, дер.....	68

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Вохонская десятина.

Стран.

Церкви:	Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Благовѣщенскомъ, Тарасово тожъ (Благовѣщенье).....	89
”	Благовѣщенія Пресв. Богородицы въ селѣ Хотѣвичихъ.....	59
”	Богоявленія Господня въ с. Бисеровѣ.....	5
”	Владимірскія Пресв. Богородицы въ с. Богородскомъ Красковѣ..	44
”	Воздвиженія честнаго Креста Господня и св. мученика Никиты на погостѣ Воздвиженскомъ, на рѣчкѣ Сушицѣ.....	21
”	Воскресенія Христова въ с. Вешняковѣ.....	55
”	Воскресенія Христова въ с. Павловѣ.....	50
”	Воскресенія Христова въ с. Родникахъ.....	108
”	Всемилоствиваго Спаса въ с. Обонеговѣ, Дядино тожъ.....	107
”	Всемилоствиваго Спаса въ с. Окатьевѣ.....	4
”	Георгія великомуч. на погостѣ при деревнѣ Игнатовской, на рѣч- кѣ Доркѣ.....	27
”	Димитрія Селунскаго на погостѣ Дмитровскомъ, въ Доркахъ.....	105
”	Димитрія Селунскаго въ с. Малаховѣ.....	86
”	Зачатія Іоанна Предтечи въ с. Георгіевскомъ, Поварово, Федурне- во тожъ.....	119
”	Знаменія Пресв. Богородицы въ с. Барачаровѣ.....	77
”	Знаменія Пресв. Богородицы въ с. Борнѣевѣ.....	101
”	Знаменія Пресв. Богородицы въ с. Перовѣ.....	120
”	Иліи пророка и Николая чудотворца на погостѣ въ Гуслицяхъ... ..	22
”	Иліи пророка въ с. Ильинскомъ.....	85
”	Иліи пророка въ с. Ильинскомъ, Мотыково тожъ.....	93
”	Иліи пророка на погостѣ Ильинскомъ въ Муровищахъ, у рѣки Шорны.....	14
”	Іоанна Богослова въ с. Богословскомъ, Мизиново тожъ (Глинки Брюсово).....	103
”	Базанскія Пресвятыя Богородицы въ с. Ботельникахъ.....	79
”	Базанскія Пресв. Богородицы въ с. Марковѣ.....	76
”	Восмы и Даміана на погостѣ Гвозднѣ.....	60

Церкви:	Михаила Архангела въ с. Архангельскомъ	61
"	Михаила Архангела на погостъ Архангельскомъ, на рѣчкѣ Доркѣ .	40
"	Михаила Архангела на погостъ Черяѣвѣ, на рѣчкѣ Раменкѣ, при с. Иванисовѣ	17
"	Никиты великомуч. на погостъ Никитскомъ на рѣчкѣ Дроздиѣ . . .	48
"	Никиты Христова муч. на погостъ Никитскомъ въ Лужкахъ	6
"	Николая чудотворца въ с. Бесѣдахъ	74
"	Николая чуд., что въ Бирханскомъ (Беранковскомъ)	104
"	Николая чуд. на погостъ на Брошевиѣ	58
"	Николая чуд. въ с. Босинѣ	57
"	Николая чуд. въ с. Никольскомъ	34
"	Николая чуд. въ с. Никольскомъ (Полтево)	65
"	Николая чуд. на погостъ, на рѣчкѣ Мерскѣ (Никола-Перскій) . . .	68
"	Николая чуд. на погостъ, что на Мху	13
"	Николая чуд. въ с. Рогожи, на рѣчкѣ Близьмѣ	11
"	Николая чуд. въ с. Соколовѣ, на рѣчкѣ Пехорѣ	97
"	Николая чуд. въ с. Тимонинѣ	84
"	Парасковей муч., нарицаемая Пятницы на погостъ, на рѣчкѣ Березовкѣ	20
"	Парасковей Пятницы на погостъ Захаровскомъ	81
"	Покрова Пресв. Богородицы въ с. Борисковѣ, Осѣчкино тожъ	82
"	Покрова Пресв. Богородицы въ с. Воскресенскомъ, на рѣчкѣ Жмунѣ .	9
"	Покрова Пресв. Богородицы въ с. Запорморѣ, Власьевское тожъ . . .	49
"	Покрова Пресв. Богородицы въ с. Барповѣ, Болашевское тожъ . . .	21
"	Покрова Пресв. Богородицы въ с. Кудиновѣ	71
"	Преображенія Господня въ с. Кренивѣ	102
"	Преображенія Господня въ с. Люберицахъ	69
"	Преображенія Господня на погостъ Мошевиѣ, на рѣчкѣ Мерскѣ . . .	63
"	Преображенія Господня въ с. Савинѣ	52
"	Происхожденія честныхъ дровъ Бреста Господня въ с. Горенкахъ . . .	111
"	Происхожденія Бреста Господня въ с. Бусковѣ	35
"	Рождества Іоанна Предтечи съ придѣломъ Николая чуд. въ с. Новомъ Рождественѣ	30
"	Рождества Пресв. Богородицы въ с. Копотиѣ	1
"	Рождества Пресв. Богородицы на погостъ Лычевѣ, на рѣчкѣ Выркѣ .	16
"	Рождества Пресв. Богородицы на погостъ, у рѣчки Рудня, въ Раменцѣ (Рудня)	37
"	Рождества Пресв. Богородицы въ с. Онискинѣ	114
"	Рождества Пресв. Богородицы въ с. Улуповѣ, Зюзино тожъ	45
"	Рождества Пресв. Богородицы на погостъ Уполосы, на р. Близьмѣ .	47
"	Рождества Христова въ с. Быковѣ	33
"	Рождества Христова и св. Тихона чуд. на погостъ Данилишинѣ у озера	15

Церкви:	Рождества Христова въ с. Ямкинѣ	10
„	Спаса Нерукотвореннаго образа въ с. Губинѣ, Гирѣево тожъ	110
„	Троицы Живоначальной съ придѣломъ Николая чуд. въ Берликовской пустыни	
„	Троицы Живоначальной въ с. Демидовѣ, Купавна тожъ	41
„	Троицы Живоначальной въ Раменцѣ, у Борисоглебскаго озера	72
„	Троицы Живоначальной въ с. Троицкомѣ, Резаново тожъ (Резанцы).	92
„	Троицы Живоначальной въ с. Троицкомѣ, на рѣчкѣ Пехоркѣ	2
„	Троицы Живоначальной въ с. Троицкомѣ	67
„	Троицы Живоначальной въ с. Троицкомѣ, у рѣчки Дрозны	18
„	Троицы Живоначальной при домѣ Салтыкова	123
„	Успенія Пресв. Богородицы на погостѣ Арстовѣ	8
„	Успенія Пресв. Богородицы въ с. Гжели	28
„	Успенія Пресв. Богородицы въ с. Жилинѣ	54
„	Успенія Пресв. Богородицы на погостѣ въ Загарской волости (Загарье)	19
„	Успенія Пресв. Богородицы съ придѣломъ Іоанна Богослова на рѣчкѣ Шернѣ (Богословское)	125
„	Успенія Пресв. Богородицы въ с. Чижовѣ	87
„	Церковныя мѣста и земли	133

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать.</i>
3	сверху 16	дворовъ	дворъ
17	„ 8	Богородицы	Богородицы
52	„ 14	въ томъ	въ полѣ,
65	снизу 1	(Полшево)	(Полтево)
85	„ 1	ссярячаго	стряпчаго
104	„ 6	Бирхинскаго	Берликовскаго
105	сверху 6	л. 113	л. 103
119	„ 2	Федорнево	Федурнево

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

П. А. Булишъ.

ОТПАДЕНІЕ МАЛОРОССІИ

ОТЪ

ПОЛЬШИ

(1340 — 1654).

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Глава XI.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатскими сосѣдами.—Связь между Московскими и Польскими разореніями.— Главныя дѣйствующія лица въ ускореніи Польской Руины.—Спасительный планъ великаго полководца и гражданина.

У нашихъ днѣпровскихъ козаковъ, по ихъ инстинктамъ, было больше общаго съ Татарами, нежели съ какою-либо частью польско-русскаго населенія Малороссіи.

Мы видѣли, что польскіе короли поступали съ козаками такъ, какъ поступали древніе русскіе князья съ дикими обитателями пустынь, лежавшихъ за рѣкой Росью съ правой стороны Днѣпра и за рѣкой Сулой—съ лѣвой; именно: привлекали ихъ себѣ на службу, какъ и другихъ иноплеменныхъ ордынцевъ.

Страхъ соединенія козаковъ съ азіатцами противъ европейской гражданственности заставилъ польское правительство ухаживать за двумя измѣнниками своими, Евстафіемъ Дашковичемъ и Димитріемъ Вишневецкимъ. Тотъ же страхъ принуждалъ Польшу платить Татарамъ *гарачъ* и вооружать хана противъ низовой вольницы для очистки отъ нея запорожскихъ пустынь.

Съ своей стороны козаки, называя пановъ неблагодарными, старались ладить съ Крымцами, и чуть было не поступили на службу въ хану подъ предводительствомъ Самуила Зборовскаго, назвавшагося ханскимъ *сыномъ*. Раздраженные намѣреніемъ польско-русскихъ властей взять ихъ въ крѣпкія руки, и обманувшись въ расчетахъ на Татарь, они пытаются испровергнуть пановъ собственными силами, съ помощію накопившагося въ безглавомъ обществѣ разбойнаго элемента. Но, когда домашнія средства оказались недостаточными, козаки служатъ крымскимъ ханамъ въ ихъ борьбѣ съ турецкимъ господствомъ, и по-старому приглашаютъ Крымцевъ для опустошенія панскихъ владѣній. Паны бьютъ козаковъ на урочищѣ Медвѣжьи Лозы и задабриваютъ подарками Татарь. Козаки снова служатъ хану, подъ предводительствомъ Дорошенка. Снова паны бьютъ ихъ, въ Переяславлѣ, и разлучаютъ съ Крымцами посредствомъ подарковъ. Въ

1637 и 1638 годах со стороны козаковъ повторяется та же попытка привлечь Татаръ къ совмѣстному набѣгу на панскія имѣнія, а со стороны пановъ отправляются къ хану возы кожуховъ, жупановъ, сапоговъ и денежной дани.

Тяжелые вздохи, съ которыми козакъ слушали на Масляномъ Ставу евангельскія внушенія проповѣдника, присланнаго Петромъ Могилою, не замедлили сдѣлаться у нихъ волчьимъ воємъ и медвѣжьимъ ревомъ, а когда ярость побѣжденныхъ панскимъ оружіемъ стихла, они вернулись къ той мысли, которая поддерживала ихъ бунты со временъ Косинскаго: стали въ десятый разъ искать своего торжества надъ панами въ татарской помощи. Долго выжидали они благопріятныхъ для того обстоятельствъ. Но Польша жила въ согласіи съ Москвою; Конецпольскій отражалъ козацкіе набѣги могущественно, и въ 1644 году поразилъ Крымцевъ подъ Охматовымъ такъ сильно, какъ будто воскресъ памятный имъ панскій козакъ, Стефанъ Хмелецкій.

Наконецъ „перекопскимъ царемъ“ сдѣлался Исламъ-Гирей, проведшій всю молодость въ польскомъ и турецкомъ плѣну. Это былъ дикій фанатикъ магометанства, надменный своимъ родомъ, который, по его взгляду, былъ выше султанскаго. Козакъ, вращаясь по своимъ интересамъ въ магометанскомъ сосѣдствѣ, знали его съ той стороны, которая была имъ на-руву, и обратились къ нему съ предложеніемъ своего подданства, лишь бы онъ помогъ имъ одолѣть „Ляховъ“. Но Исламъ-Гирей презиралъ христіанъ вообще, смотрѣлъ на нихъ, какъ на существа низшія, и если входилъ съ ними въ договоры, то лишь для того, чтобъ ихъ обмануть, какъ человѣкъ обманываетъ животныхъ. Предложеніе днѣпровскихъ джауровъ было имъ гордо отвергнуто. Это козаковъ не остановило. Они, съ своей стороны, презирали мусульманъ, и называли ихъ поганцами, невѣрными псами. Они Татаръ и Турокъ ненавидѣли почти столько же, какъ своихъ пановъ; если же, въ послѣдствіи величались дружбой и братствомъ Крымцевъ, то дѣлали это въ опьяненіи торжества надъ панами и на досаду Москалямъ, которые долго взвѣшивали, можно ли принять ихъ „подъ высочую царскую руку“. Отвергнутые въ десятый разъ, козакъ терпѣливо ждали времени, когда интересы „невѣрныхъ псовъ“ соединятся съ ихъ благовѣрными интересами для опустошенія „Христіанской Земли“ *),

*) Кобзарскія думы называютъ Христіанскою Землею, иначе Святорусскимъ Берегомъ, безразлично и Востокъ и Юговостокъ польскихъ владѣній, когда говорятъ о возвращеніи плѣнниковъ изъ татарской и турецкой неволи.

Между тѣмъ колонизація малорусскихъ пустынь, по усмиреніи козаковъ и Татаръ, пошла такъ успѣшно, что у Конецпольскаго явилась мысль — вымѣстить Кипчакскую Орду совсѣмъ изъ „Таврика“ и заселить Крымъ христіанами. Эту мысль Конецпольскій давно уже оборачивалъ въ умѣ своемъ и совѣщался о способахъ къ ея осуществленію съ преданными ему людьми. Въ 1645 году изложилъ онъ свой проектъ на бумагѣ, но не рѣшался показатъ публиковать, въ виду всеобщаго стремленія землевладѣльцевъ къ мирнымъ занятіямъ, которымъ больше всего мѣшали миновавшіе съ 1638 годомъ козацкіе бунты.

Проектъ Станислава Конецпольскаго замѣчательнѣе всего тѣмъ, что въ немъ польскорусской республикѣ указывалась необходимость искренно-тѣснаго союза съ Московскимъ Царствомъ. Колонизаторъ малорусскихъ пустынь признавалъ въ московскомъ правительствѣ такія способности къ заселенію новопріобрѣтенныхъ земель, что онъ былъ готовъ предоставить въ его распоряженіе Крымъ по изгнаніи изъ него Татаръ. Онъ признавалъ за „Москалями“ также и умѣнье удержатъ навсегда въ своемъ обладаніи „Таврику“, къ чему, очевидно, считалъ не способными своихъ единоплеменниковъ, Поляковъ. Дѣло это представлялось ему опаснымъ съ одной только стороны, именно съ той, что Москва, занявъ Крымъ, и живя въ такомъ близкомъ соседствѣ съ козаками, можетъ, пожалуй, отторгнуть отъ Польши и козаковъ, и „всю Русь“; но всѣ-таки приходилъ онъ къ заключенію, что для Польши лучше было бы имѣть въ „Таврикѣ“ сосѣдями подозрительныхъ пріятелей, „Москалей“, нежели явныхъ непріятелей „язычниковъ“.

Планъ этотъ, столь же человѣчный, какъ и дальновидный, занималъ знаменитаго охранителя Польши такъ серьезно, что осенью 1645 года послалъ онъ въ Крымъ искуснаго геометра и рисовальщика Себастіана Адерса, родомъ изъ Мазовіи, подъ видомъ купца, для снятія на планъ и изображенія тамошнихъ городовъ и крѣпостей. Но черезъ годъ съ небольшимъ Конецпольскаго не стало, и его внезапная смерть открыла свободный ходъ роковымъ событіямъ, которыя, повидимому, одинъ онъ могъ бы остановить.

Эти событія возымѣли свое начало въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали Московское разореніе. Изъ Московскаго разоренія вытекало разореніе Польское.

Однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ смуты, послѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи Рюриковичей, явился малолѣтній польскій королевичъ, Владиславъ. Его царствованіе въ Москвѣ про-

возгласилъ величайшій полководецъ своего времени, Станиславъ Жовковскій: значить, не было оно мечтой личностей мелкихъ. Все десятилѣтнее царствованіе талантливаго короля Стефана было исполненною кипучей дѣятельности пропагандою подчиненія Москвы Польшѣ и введенія обоихъ государствъ въ широкій планъ христіанской войны съ невѣрными. Эта пропаганда не осталась безъ послѣдствій и по его смерти. Однимъ изъ нихъ было унаслѣдованіе мысли Стефана Владиславомъ. Скучая дома подъ опекой клерикаловъ наставниковъ, живой и мечтательный королевичъ неожиданно увидѣлъ себя самодержцемъ народа, готоваго, повидимому, посвятить себя тому дѣлу, которое тогда и въ героическихъ понятіяхъ рыцарства, и въ набожныхъ внушеніяхъ духовенства было величайшею славою государей и государствъ, — освобожденію христіанскаго свѣта отъ мусульманъ. Король Сигизмундъ, отгѣсня сына отъ московскаго престола, только усиливалъ въ его воображеніи сіяніе полновластной царственности. Въ то же самое время, въ умѣ отрока напечатлѣвалось и обладаніе шведскою короною, которой домогался по-своему мечтательный отецъ. Походы въ Московію, продолжавшіеся, съ промежутками, отъ 1604 до 1618 года, еще больше развили отроческія и потомъ юношескія грезы Владислава. Не мало способствовало возрастанію истинно польскаго высокомѣрія и его путешествіе по Европѣ, гдѣ всюду принимали его, какъ будущаго носителя трехъ коронъ, польской, шведской, московской и, по духу панегирическаго вѣка, на каждомъ шагѣ высказывали, что провидятъ въ немъ совершителя подвиговъ могущественной царственности. Наконецъ, его воцареніе въ Польшѣ, привѣтствуемое единодушными восторгамъ всего народа и блистательная побѣда надъ воеводою Шейнымъ у Смоленска, по его самомѣнью, какъ будто рукою самой судьбы, вели его къ престоламъ и завоеваніямъ, точно другаго Александра Македонскаго.

Въ виду крестоваго похода на Турокъ и преподаннаго ему отцовскими клерикалами освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, король Владиславъ, наперекоръ самому папѣ, сдѣлался сторонникомъ польскихъ протестантовъ и покровителемъ напихъ противниковъ церковной уніи. Но, готовясь къ своимъ великимъ подвигамъ, онъ, и при жизни отца, и по своемъ вступленіи на престолъ, содѣйствовалъ развитію въ Польшѣ той разрушительной силы, которая, по его смерти, подавила строительную.

Козаки, стучавшіе въ московскія ворота булавою Сагайдачнаго, приводившіе Турокъ въ отчаянне подъ Хотиномъ и на Черномъ морѣ, ратававшіе за сочиненное ими „ломанье вѣры“ на Трубежѣ и на

Альтѣ, ложившіеся одни на другихъ въ Медвѣжьихъ Лозахъ и подъ Кумейками, истреблявшіе цвѣтъ польскаго рыцарства на Сулѣ и оказавшіеся неодолимыми въ своихъ окопахъ на Старцѣ,—были, можно сказать, его созданиемъ, его тайной отрадою въ борьбѣ съ панскимъ полновластіемъ, его великою надеждою въ будущемъ. Ростъ ихъ увеличивался съ каждой потерей изъ козацкаго дѣла. Они, въ неудачахъ своихъ, проходили курсъ науки крушенія, основанія которой преподавалъ имъ обиженный панами шляхтичъ Косинскій, и, падая подъ ударами культурниковъ, подвергались только новому и новому искусу въ своемъ руинномъ ремеслѣ. Козацкая энергія въ подвигахъ опустошенія соотвѣтствовала энергіи старшихъ козацкихъ братьевъ, колонизовавшихъ малорусскія пустыни съ быстротою изумительною. Смерть величайшаго изъ польскорусскихъ колонизаторовъ и могущественнѣйшаго изъ обуздателей козачины, Станислава Конецпольскаго, обозначила въ судьбахъ Польши поворотъ, послѣ котораго началось торжество разрушительной силы надъ строительною,—началась побѣда номадовъ надъ культурниками...

Но возвратимся нѣсколько назадъ.

1645 и 1646 годы были моментомъ послѣдняго благоденствія, возможнаго для Польши. Европу оглушалъ не прерывавшійся третье десятилѣтіе уже боевой гулъ; Европу потрясли кровавыя войны, а въ Польшѣ царствовала тишина, тѣмъ драгоцннѣйшая для шляхты, что кругомъ ревѣла буря,—для шляхты, но не для ея короля. Она его томила. Великіе замыслы Владислава IV ограничивались, поэмѣсть, заключеніемъ славнаго мира съ Москвою, Турціей и Швеціей, а было ему уже 50 лѣтъ отъ роду, и онъ всё еще стоялъ при началѣ своего дѣла, такъ точно, какъ и въ легкомысленномъ отрочествѣ. Вотъ что его томило въ побѣдительной Польшѣ среди счастливой тишины!

Владиславъ не принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ характерамъ, которые упорною работою преодолеваютъ встрѣчаемыя затрудненія и постепенно достигаютъ предположенной цѣли. Не обладаетъ онъ способностью созидать средства для войны и выбирать людей, которые бы умѣли и желали содѣйствовать ему въ великомъ предпріятіи; проживалъ такъ или иначе все, что было у него въ рукахъ, и попадалъ въ зависимость отъ сеймующей шляхты, въ то время, когда надобно было ея повелѣвать; выпрашивалъ у нея денегъ, угождалъ вліятельнымъ сановникамъ, дѣлалъ уступки, и этимъ уничтожалъ царственное достоинство свое. Всякій разъ, когда приступалъ онъ къ дѣлу (пишутъ о немъ Поляки), не доставало у него средствъ для

исполненія; то разомъ начиналъ нѣсколько предпріятій, то впадалъ въ унылое бездѣйствіе. И какъ было ему не унывать, когда вся Европа воевала, а онъ, который сознавалъ себя рожденнымъ для блистательныхъ побѣдъ, сидѣлъ сиднемъ на своемъ прославленномъ престолѣ? Любили и хвалили его въ Польшѣ за спокойное царствованіе; называли даже великимъ, но за что? за то, что онъ умѣлъ преодолѣть жажду славы, и побѣдилъ не только Москву, Турцію, Швецію, но — и самого себя. Такимъ образомъ ставили его выше Александра Македонскаго; но это была горькая иронія. Побѣдитель терзался громкою хвалою молча, и готовъ былъ на самыя отчаянныя планы. Мысль о Турецкой войнѣ сдѣлалась наконецъ его маніею.

Нѣсколько лѣтъ уже, не объявляя сейму, пропускалъ онъ сроки послыши Татарамъ обычныхъ подарковъ, а отъ ихъ мстительныхъ набѣговъ заслонялся бдительнымъ стражемъ границъ, Конецпольскимъ. Когда донскіе вожаки, съ помощью днѣпровскихъ выписчиковъ, овладѣли Азовомъ, торжествуя разомъ надъ Портой и надъ Крымцами, — онъ порывался къ нимъ на помощь, соглашалъ къ тому же и московскаго царя. Его уносчивое воображеніе озарилось картиной завоеванной Таврики, картиной заселенія днѣстро-буго-днѣпровскаго Низу, богатства черноморской торговли и обращенія убогихъ неучей вояковъ къ обильной и просвѣщенной мѣщанской жизни въ приморскихъ городахъ. Но расхозяничавшіеся землевладѣльцы не желали воевать съ Татарами, опасаясь войны съ Турціей, требовали удовлетворенія Крымцевъ подарками, а Турокъ — надлежащимъ посольствомъ. Въ 1643 году султанъ подтвердилъ миръ съ Польшею, и запретилъ Татарамъ вторгаться въ ея владѣнія. Татары, однакожь, продолжали вторженія, какъ были наконецъ страшно поражены Конецпольскимъ, съ помощью князя Вишневецкаго, подъ Охматовымъ, въ 1644 году.

Тогда король выступилъ опять съ проектомъ Крымской войны. Время было благоприятное. Въ Крыму происходили замѣшательства. Недовольный ханомъ Мехметъ-Гиреемъ турецкій султанъ, Ибрагимъ, вскорѣ послѣ Охматовскаго пораженія, свергнулъ его съ престола, велѣлъ выпустить изъ заточенія брата его, Исламъ-Гирея, и наименовалъ ханомъ. Въ Ордѣ открылась усобица между сторонниками братьевъ Гиреевъ. Въ это время Турція и Венеція готовились взаимно къ войнѣ, которая обѣщала быть долголѣтнею и для Турціи гибельною, такъ какъ султанъ Ибрагимъ былъ „не въ полномъ умѣ“, а государство его терзали междоусобныя войны. Король возымѣлъ надежду подавить Крымцевъ безпрепятственно со стороны Турціи.

Послѣ побѣды подъ Охматовымъ, созвалъ Владиславъ сенаторскую раду и провелъ въ ней постановленіе, чтобы съ этого времени подарковъ Татарамъ не давать. Постановленіе состоялось въ концѣ февраля 1645 года. Ближайшій сеймъ долженъ былъ подтвердить его, а между тѣмъ король сталъ готовиться къ войнѣ, которая должна была возгорѣться одновременно съ Турко-Венеціанскою: велѣлъ строить арсеналы въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Варшавѣ, вызвалъ инженеровъ и ремесленниковъ изъ-за границы, запасался военными снарядами. Ханъ Исламъ-Гирей прислалъ пословъ, домогаясь подарковъ. Король задержалъ ихъ до сейма, а на сеймики выслалъ универсалы, предрасполагавшіе шляхту къ подтвержденію постановленія о подаркахъ Татарамъ, состоявшагося въ сенаторской радѣ.

Главнымъ помощникомъ его былъ канцлеръ Оссолинскій. Въ блестящей и злотворной дѣятельности этого сановника исторія видитъ воплощеніе общественныхъ и государственныхъ недуговъ, которыми неизбѣжно уже разболѣлся тогда ослабленный организмъ Королевской Республики. Я представляю только выразительнѣйшія черты зловѣщей личности.

Родъ Оссолинскихъ принадлежалъ къ древнѣйшимъ, но не можновладнымъ домамъ старой Польши. Отецъ канцлера первый возвысился до сана воеводы, слѣдовательно и сенатора. Онъ отличался такимъ умомъ, гражданскимъ мужествомъ и даромъ слова, что пользовался равнымъ уваженіемъ со стороны противоположныхъ и враждебныхъ между собою партій: явленіе рѣдкое въ жизни политическихъ обществъ. О матери канцлера почтенный біографъ его, докторъ Кубалъ, говоритъ, что это была одна изъ тѣхъ великихъ матронъ, которыхъ возвышенная жизнь протекала въ тишинѣ и спокойствіи. Надъ ея гробомъ, по его мнѣнію, можно было бы повторить слова, сказанныя Замойскимъ о ея братѣ, Фирлеѣ: „Собраны сливки съ нашего молока“.

Но на вопросъ апостола: „течетъ ли мутная вода изъ чистаго источника?“ приходится отвѣчать здѣсь утвердительно. Чистѣйшіе источники старопольской жизни были повсемѣстно возмущаемы іезуитами у самаго жерла ихъ. До того умѣли эти ревностные служители папы поддѣлаться подъ самые благородные характеры простосердечныхъ Полонусовъ, что пагубное воспитаніе, даваемое ими панскимъ дѣтямъ, прославлялось, какъ наилучшее. Такъ было и съ домомъ Оссолинскихъ.

Юрій Оссолинскій, будущій канцлеръ, лишился добродѣтельной матери на пятомъ году жизни, а добродѣтельный отецъ, на девятомъ

году, отдалъ его въ іезуитскую гимназію въ Пултускѣ, считавшуюся наилучшею въ Польшѣ. Здѣсь оставался онъ три года, которые совпали съ тѣмъ временемъ, когда польскіе іезуиты, съ королемъ Сигизмундомъ III во главѣ, обработали дѣло перваго Лжедмитрія. Насажденное ими въ польскихъ сердцахъ лукавство приносило уже свои плоды, и заражало атмосферу общественной жизни на широкомъ пространствѣ. Подъ вліяніемъ общаго извращенія чувства правды, честный Полонусъ довѣрчиво погрузилъ сына въ самое жерло религіозной и политической фальши.

Передъ воцареніемъ Сигизмунда Вазы, онъ оказалъ императорскому австрійскому дому памятное для этого дома усердіе, и теперь послалъ сына въ іезуитскую академію въ Грацѣ, состоявшую подъ главнымъ завѣдываніемъ эрцгерцога Фердинанда, будущаго императора, который любилъ и чтилъ орденъ іезуитовъ „какъ мать“, сохранялъ его „какъ зѣницу ока“ и объявлялъ во всеуслышаніе, что „лучше желалъ бы, чтобъ его собственный домъ исчезъ, нежели іезуиты“.

Біографъ Оссолинскаго говоритъ, что „никогда бы въ Польшѣ не могъ усвоить онъ такихъ католическихъ воззрѣній“, какія усвоилъ на всю жизнь въ тѣсномъ общеніи съ семействомъ Фердинанда и съ іезуитами. Четыре года провелъ онъ въ грацкой аптекѣ ядовъ, отравлявшихъ умы и сердца католическаго міра, а эти годы соответствовали тому крушенію нравственности въ московорусскомъ и польскорусскомъ народѣ, посредствомъ котораго іезуиты едва не погубили Московскаго Царства заодно съ будущимъ его приростомъ, воссоединенною Малороссією.

По тогдашней общественной оцѣнкѣ; установленной, какъ въ Австріи, такъ и въ Польшѣ, іезуитами, Юрій Оссолинскій получилъ воспитаніе блестящее. По оцѣнкѣ нашего современника, его біографа, монастырь и монаршій дворъ было все, что онъ видѣлъ; людей такихъ, какими они есть, Оссолинскій не зналъ и не понималъ,—можно сказать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ не развился онъ вовсе... Въ этомъ-то и состояла суть іезуитскаго воспитанія.

Господствовавшая тогда въ Польшѣ мода велѣла образованному юношѣ, передъ вступленіемъ въ государственную службу, совершить путешествіе по Европѣ. Въ этомъ Полякоруссы опередили Московоруссовъ тремя столѣтіями; но іезуиты обратили преимущество ихъ въ ничто.

Молодой Оссолинскій прежде всего посѣтилъ Голландію, которую такъ великодушно силился вырвать изъ католическихъ рукъ Вильгельмъ Оранскій, и которая ввѣрила ему власть на все время

войны за свободу совѣсти. Прошло уже 24 года послѣ того, какъ вооруженный іезуитами фанатикъ своимъ выстрѣломъ положилъ конецъ человѣколюбивымъ подвигамъ Вильгельма, — и представитель „вольнаго Шляхетскаго Народа“, путешествуя по мѣстамъ, которыя Вильгельмъ Франскій прославилъ въ исторіи борьбы съ деспотизмомъ, не находилъ для себя другаго дѣла, какъ богомольничать въ католическихъ церквахъ. Блѣдный и худой отъ прилежнаго ученія, едва вышедшій изъ отрочества, юноша „былъ похожъ на клерика“. Онъ состоялъ уже членомъ церковнаго братства Маріи Панны и такого же братства Св. Духа, а въ Краковѣ вписался у бернардиновъ членомъ братства Св. Михаила. Сохранились его записки, проливающія безотрадный свѣтъ на людей, которые считались лучшими и даже великими въ Польшѣ. Въ нихъ Оссолинскій рассказываетъ о характеристической прудѣлѣ, которую онъ сочинилъ самостоятельно, на шестнадцатомъ году жизни, по случаю болѣзни сопровождавшаго его, въ качествѣ гѣлохранителя, Далмата Посседари. Вотъ его собственныя слова: „Посседари заболѣлъ такъ, что три недѣли, отъ тяжелыхъ страданій, находился почти въ безпамятствѣ. Опасаясь, чтобы меня, *mlodego chłorca*, не ограбили, или не умертвили, я выдалъ себя за его слугу, одѣвшись въ лакейское платье и говоря, что это убогій воинъ ѣдетъ изъ Москвы въ Нидерланды на службу, а меня, какъ знающаго нѣмецкій языкъ, уговорилъ въ Силезіи ѣхать съ собою“.

Въ Лувенѣ, славившемся своею разновѣрческою академіей, Оссолинскій слушалъ весьма прилежно цѣлый годъ философію, право, исторію, политику, блистательно защитилъ диссертацию „*De optimo reipublicae statu*“, посѣтилъ Фландрію, Англию, оттуда переѣхалъ во Францію, провелъ опять цѣлый годъ въ Парижѣ, усовершенствовался во французскомъ языкѣ, въ математикѣ и въ краснорѣчій. Кромѣ того бралъ уроки верховой ѣзды, игры на лютнѣ и танцевъ, изучая въ то же время всякія публичныя церемоніи и торжества. Послѣ того отправился на годъ въ Падую, гдѣ учился итальянскому языку, стилистикѣ и декламации. Изъ Падуи ѣздилъ въ Римъ, чтобъ изучать церковныя дѣла. Здѣсь онъ погрузился въ омутъ клерикальной казуистики, подъ руководствомъ чествуемаго при папскомъ дворѣ доминиканца, Авраама Бзовскаго, славнаго автора *Церковной Лѣтописи*, какъ отецъ вызвалъ его домой по случаю предпринимаемаго королевичемъ Владиславомъ похода въ Московію, на который онъ смотрѣлъ, какъ на дорогой для молодаго человѣка случай проложить себѣ дорогу къ дигнитарствамъ и пожалованіямъ.

Теперь Юрій Оссолинскій не былъ уже похожъ блѣдною худощавостію на клерика. Теперь онъ чаровалъ всѣмъ глаза прекрасною наружностію и тѣмъ, что называлось тогда *grandezza*,—тѣмъ искусствомъ лицедѣйствовать въ роли публичнаго оратора и общественнаго дѣятеля, которое онъ усвоилъ себѣ въ высокой степени, какъ самое важное достоинство молодаго аристократа. Только смѣхъ былъ на его выразительныхъ устахъ „слишкомъ рѣдкимъ гостемъ“. Но что насъ поражало бы неприятно въ молодомъ человѣкѣ, то еще больше возвышало его во мнѣніи общества польскорусскихъ магнатовъ, болѣе или менѣе одураченныхъ іезуитскимъ взглядомъ на вещи. Во всѣхъ положеніяхъ жизни онъ былъ всё тѣмъ же клерикомъ, явившимся въ разнообразныхъ роляхъ,—до того, что, когда ему пришлось соперничать за невѣжу съ богатѣйшимъ изъ польскорусскихъ пановъ, княземъ Янушемъ Острожскимъ, и Янушъ внезапно скончался, онъ устраненіе соперника съ его дороги приписывалъ Господу Богу, и „благодарилъ святой маестатъ Божій за его великое провидѣніе (*za wielką opratrzność Bożą Jego Świątemu Majestatowi dziękował*)“. Это его собственныя слова.

„Во всемъ его повѣствованіи“ „(говорить о запискахъ Оссолинскаго его біографъ)“ „видимъ его постоянно въ (ксензовскомъ) орнатѣ, и дурно ли, хорошо ли онъ поступать, всегда у него Господь Богъ на устахъ“.

Перлъ іезуитскаго воспитанія не могъ оставаться въ Польшѣ безъ соотвѣтственной оправы. Въ виду угрозъ Османа II завоевать Польшу по Балтійское море, чтобы, окруживъ Европу своимъ флотомъ въ соединеніи съ голландскими и нѣмецкими протестантами, начать борьбу съ австрійскимъ домомъ,—надобно было согласить Англію къ противодѣйствію магометанамъ. Органомъ этого соглашения былъ избранъ блестящій питомецъ іезуитовъ, и, чтобы его несравненная *grandezza* дѣлала надлежащее впечатлѣніе, дали ему какимъ-то—выражусь по-польски—*rokatnym* способомъ громкій титулъ графа Тенчинскаго. Въ своей сіяющей оправѣ, поражающей высокимъ, по мнѣнію современниковъ, просвѣщеніемъ, 26-лѣтній посолъ оправдалъ передъ Іаковомъ I англійскимъ и его парламентомъ составившееся въ Польшѣ мнѣніе о его краснорѣчій. Какъ отецъ графа Тенчинскаго своимъ честнымъ вмѣшательствомъ примирялъ враждебныя партіи даже во время конференціи, такъ наружность, ораторскія позы и декламация сына его производили на польскихъ верховодовъ такое впечатлѣніе, что когда, въ позднѣйшее время, поднимался онъ съ мѣста въ законодательномъ собраніи, самые сварливые люди умолкали ради одного

удовольствія слушать его. „Онъ царствуетъ словомъ (ille regit dictis)“, говорили о немъ приверженцы. „Обезоруживаетъ умы и сердца (animos et pectora mulcet)“, прибавляли враги его... Такъ было и въ Англіи. При всемъ разномысліи своемъ, и торіи и виги заслушались цистероновской латыни посла красавца. Рѣчь, произнесенную Оссолинскимъ передъ королевскимъ трономъ, восхищенный Іаковъ повелѣлъ напечатать на латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, испанскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Такъ и должно было быть. Оссолинскій владѣлъ въ совершенствѣ искусствомъ лести, и постигалъ истинно іезуитски слабыя стороны тѣхъ, къ кому обращалъ свое усладительное и вмѣстѣ грандіозное слово, въ декламаціи же превзошелъ онъ всѣхъ своихъ учителей. Но грустное впечатлѣніе дѣлаетъ нынѣ та часть рѣчи польскаго посла, въ которой онъ изобразилъ, какая предстоитъ опасность всей Европѣ, и наипаче Англіи, въ случаѣ падевія Польши. Эти слова, внушенные блестящему оратору его національнымъ высокопріемъ, выслушивались въ то время, какъ нѣчто разумное, людьми, державшими въ своихъ рукахъ богатства и судьбы вселенной. Такое же впечатлѣніе производитъ и торжественный, пышный, преисполненный почтенія къ Польшѣ пріемъ посла ея съ самаго появленія его на англійской территоріи. То была горькая пророчія такъ называемаго рока, возвышающаго и низвергающаго гражданскія общества въ видахъ потребностей человѣчества.

Торжество политическаго витіи польскаго въ Англіи было полное. Но Іаковъ I относительно недалекой уже англійской революціи былъ то, что Сигизмундъ III относительно приближающейся Польской Руины. Будущіе кромвеллисты, пуритане, озабочивали его не меньше, какъ и будущіе хмельянысты, козаки, тревожили современнаго ему короля польскаго. Посольство Оссолинскаго и его продолжительное пребываніе въ Англіи не имѣли никакихъ результатовъ.

Къ чести польснорусскихъ правительственныхъ людей, сенаторовъ и земскихъ пословъ, созданный іезуитами государственный человѣкъ не имѣлъ большого между ними хода до конца жизни Сигизмунда Вазы. Изъ панской добычи, которою львы польской олигархіи дѣлились яростно между собою, Оссолинскій добился только трехъ староствъ. Этого было бы достаточно для многихъ другихъ пановъ, но слишкомъ мало для человѣка съ его завоевательными средствами. Только передъ смертью стараго короля благопріятели сдѣлали его надворнымъ подскарбіемъ, что, при его выработанной въ іезуитскихъ

школахъ дѣятельности и ловкости, дало ему возможность держать въ рукахъ и Коронный Скарбъ.

Къ чести ума и сердца Владислава надобно также сказать, что, будучи королевичемъ, Владиславъ держалъ Оссолинскаго въ почтительномъ отдаленіи. Но Оссолинскій, возвышаясь медленно, вставилъ новаго короля, оцѣнить свои способности выше, нежели цѣнило ихъ олигархическое правительство. Въ качествѣ надворнаго подскарбія, то есть министра двора, принималъ онъ важное участіе въ избраніи на престолъ сына почившаго короля, и сдѣлался его ораторомъ, его частнымъ министромъ. Новый король осмыслилъ его вдругъ такими дарами, что одну только пожалованную ему саблю цѣнили въ 10.000 злотыхъ. Но Владиславъ IV сверхъ того подарилъ ему собственный дворецъ въ Варшавѣ, шестерню дорогихъ лошадей, 60.000 наличными деньгами, богатые обои, которыми были украшены хоры краковскаго собора, и бидгоское староство, одно изъ богатѣйшихъ въ Польшѣ. Сколько эта чрезмѣрная щедрость озлила нѣкоторыхъ олигарховъ, столько привлекла она къ восходящему свѣтилу можновладства другихъ, заинтересованныхъ по-своему въ королевскихъ пожалованіяхъ. Результатомъ умноженія благопріятелей новаго вельможи было то, что коронаціонный сеймъ согласился на замѣну его дѣдичныхъ добръ королевскими добрами, называвшимися Смердиною и находившимися въ его „державѣ“. Подобная мѣна всегда составляла выгоду частнаго лица, и была для Оссолинскаго своего рода наградою, которая опять привлекла къ нему многихъ, видѣвшихъ въ этомъ собственный интересъ.

Оссолинскій началъ играть въ одно и то же время двѣ роли, повидимому несомвѣстныя: католическая партія видѣла въ немъ своего представителя, такъ точно какъ и протестантская, или что въ сущности было одно и то же, равновѣрческая. Питая противоположныя надежды однихъ и другихъ, подвизался онъ для себя лично, вовсе не для короля, и въ то время, когда казалось, что католичество для него всего дороже, или, что для равновѣрцевъ онъ рискуетъ своею репутаціей въ католическомъ свѣтѣ,— на днѣ его души таилась польская *privata*, поддерживаемая *брашшинами Іезуса* въ польскихъ можновладникахъ весьма старательно.

Новый глава олигархической республики, король Владиславъ, избралъ политику, противоположную политикѣ миновавшаго царствования. По его мнѣнію, другъ и наставникъ отца его, императоръ Фердинандъ II, въ своей ревности къ церкви, обнаруживалъ не любовь къ своему народу. Владиславъ заявлялъ не только религиозную *терпимость*, но и религиозное *согласіе*. Предполагалось привлечь къ дѣя-

тельному участію въ предпріятіяхъ короля и протестантовъ, и державшихся съ ними за руки православниковъ важными уступками въ ихъ домогательствахъ, только эти уступки надлежало сдѣлать такимъ способомъ, который бы успокоилъ негодованіе католической партіи и самого папы. Въ проведеніи такого неудобопонятнаго для насъ церковно-политическаго проекта Оссолинскій выросъ во всю высоту своего злотворнаго генія, въ которомъ проявился оіезученный геній самой Польши.

Желая возвратить своему дому протестантскую Швецію, новый король обѣщаль не ограничивать свободы польскихъ диссидентовъ никакими мѣрами; а намѣреваясь объявить свои права на московскій престоль, привлекаль онъ къ себѣ дизунитовъ. Между тѣмъ первенецъ новой династіи московскихъ государей, пользуясь промежуткомъ безкоролевья въ Польшѣ, вознамѣрился отнять у нея старыя ворота своего царства, Смоленскъ. Польскихъ патриотовъ тревожило опасеніе, какъ бы Москва не привлекла къ себѣ малорусскихъ православниковъ, которыхъ они воображали солидарными въ ихъ національныхъ и общественныхъ интересахъ. Перемиріе со Шведами истекло уже. Въ случаѣ новой войны, боялись, какъ бы Шведы не нашли себѣ доброжелателей въ Королевской Республікѣ. При такихъ обстоятельствахъ, правительственные паны-католики, въ безкоролевное время, были принуждены къ уступкамъ диссидентамъ и совершенно предоставили новому королю успокоеніе „схизматиковъ“, какъ называютъ Поляки православныхъ и нынѣ.

Въ качествѣ война, король дѣйствовалъ искренно, но совѣтники и руководители его, во главѣ которыхъ стоялъ Оссолинскій, основывались на іезуитскомъ правилѣ, по которому въ присягѣ слова и намѣренія могутъ быть и не одинаковы, такъ что, кто передъ Богомъ обѣщаетъ исполнить данное слово, по въ то самое время вознамѣрился не исполнить его, того присяга не обязываетъ ни къ чему. Когда Владиславъ произносилъ торжественную присягу—вести въ самую жизнь то, что обѣщаль диссидентамъ и православникамъ ревностный католикъ, литовскій ванцлеръ, Альбрехтъ Станиславъ Радивиль, *) присутствуя при этомъ официально, шепнулъ ему на ухо: „Не можете ваша королевская милость имѣть этого въ *намѣреніи*“; на что король

*) Это древнерусское имя писали еще по-русски въ XVI-мъ столѣтіи (авторъ Ворулабевской Хроникки) и въ XVII-мъ (Кулаковъ, Самовидецъ). И пишу его по-русски въ XIX-мъ.

отвѣчалъ честно: „Кому присягаю устами, тому присягаю и дѣлѣ-реніемъ“.

Слова Радивила служатъ исторіку влючемъ къ объясненію дальнѣйшихъ дѣйствій католической партіи, представляемой въ своемъ лицѣ Оссолинскимъ.

Зная обнаруженное этими словами правило, папскій нунцій тотчасъ успокоился на счетъ сдѣланныхъ схизмативамъ уступокъ, лишь только ему сказали, что уступки вынуждены временною необходимостью, въ видахъ войны съ Москвою; что король обѣщаль вести унию инымъ, болѣе прочнымъ способомъ; что отправить къ папѣ посольство для объясненія своихъ дѣйствій, и не только обѣщаетъ ему привести на лоно католической церкви польскихъ схизмативовъ, но и Шведовъ, и Москву, противъ которой идетъ воевать, повергнетъ къ ногамъ святаго отца. Собственно королю нужно было не позволеніе, а молчаніе Римской Куріи, потому что католическая партія была довольно сильна для того, чтобы всѣ планы его рушились, еслибы папа объявилъ свое несогласіе на тѣ пункты перемирія съ иновѣрцами, въ которыхъ присягнулъ король.

Существовалъ въ Польшѣ обычай—по восшествіи на престолъ новаго короля, посылать въ Римъ посольство для засвидѣтельствованія Апостольскому престолу государственной подчиненности, которою Поляки гордились, какъ ревностнѣйшіе изъ всѣхъ воеводъ подъ знаменемъ Св. Креста. Теперь надобно было снарядить посольство, какъ для оправданія сдѣланныхъ иновѣрцамъ уступокъ, такъ и для другихъ, менѣе важныхъ для короля дѣлъ, изъ которыхъ особенное вниманіе русскаго историка обращаетъ на себя ходатайство шляхты передъ сватымъ отцомъ о приостановленіи перехода панскихъ, иначе земскихъ, имуществъ въ руки духовенства.

Уже четыре короля старались приостановить это зло, угрожавшее Польшѣ, по словамъ самихъ католиковъ польскихъ, обратить ее въ „духовное государство“. Въ послѣдніе годы царствованія Сигизмунда III особенно усилился зловѣщій переходъ свѣтскихъ имуществъ къ духовенству; на другихъ же имѣніяхъ отяготѣли такіе долги, что много богатыхъ землевладѣльцевъ было вытѣснено духовными людьми изъ имѣній, а сыновья ихъ „принуждены были жить среди козаковъ“. Папскимъ нунціямъ, резидовавшимъ въ Польшѣ, представлялась уже возможность — „въ короткое время обратить въ католичество всю русскую шляхту, а за нею мѣщанъ и мужиковъ, безъ всякихъ увѣщаній, однимъ тѣмъ, чтобы всѣ 23.000 дигнитарствъ и бенефицій, находившихся въ распоряженіи короля, раздавать однимъ только духовнымъ“.

Посломъ въ Римъ былъ избранъ человекъ, пользовавшійся до-вѣріемъ не только такихъ пановъ, какіе возвели на митрополию Петра Могилу, но и такихъ, какіе стояли за спиной у литовскаго канцлера, когда онъ шепталъ королю достопамятное слово о *namтрени*. Самые іезуиты надѣялись, что имъ, какъ ордену полусвѣтскому, Тенчинскій графъ, помимо орденовъ монашескихъ, исходатайствуетъ разрѣшеніе святаго отца на обращеніе шляхетскаго сословія въ безземельниковъ. Но у нихъ, сверхъ того, была еще тяжба съ Краковской Академіей, которую они тѣснили своими школами. Они и здѣсь возлагали надежду на своего питомца, такъ точно какъ надѣялись на него и академики.

Въ качествѣ великаго посла, Оссолинскій воспользовался вывезенными изъ Москвы сокровищами короннаго скарба, для того чтобъ явиться передъ Западною Европой представителемъ „величайшаго изъ монарховъ Сѣвера, короля польскаго, шведскаго и царя московскаго“. Нагляднымъ представленіемъ могущества своего монарха и своею собственною пышностью ему надобно было облегчить себѣ достиженіе предположенной цѣли въ томъ городѣ, „гдѣ“ (по замѣчанію самихъ Поляковъ) „богатымъ и сильнымъ рѣдко въ чемъ отказывали“. Но, такъ какъ богачемъ онъ всё-таки не былъ и „денегъ напрасно тратить не любилъ“, то въ приготовленіяхъ къ своему посольству долженъ былъ прибѣгнуть къ соображеніямъ, свойственнымъ его изворотливости.

Прежде всего подобралъ онъ себѣ „дворянъ“, отличавшихся мужественною красотой, богатствомъ и образованностью, изъ которыхъ бы каждый представлялъ съ такимъ достоинствомъ особу посла, своего пана, съ какимъ онъ самъ—особу короля, и чтобы, видя ихъ, можно было сдѣлать выгодное заключеніе обо всей шляхтѣ. Зная, съ какимъ великолѣпіемъ появлялись въ Римѣ посольства французскія, постановилъ онъ: „чтобы то, что у нихъ было изъ серебра, у него было изъ чистаго золота,—что у нихъ изъ золота, то у него изъ драгоценныхъ камней,—что у нихъ изъ драгоценныхъ камней, то у него изъ діамантовъ“. А для того стоило только взять изъ короннаго скарба на показъ все блестящее да истратить соотвѣтственно невзначительную сумму на выставку,—и глаза Римлянъ будутъ ослѣплены. Кorteжъ его состоялъ изъ 300 людей, 20 экипажей, 30 верховыхъ лошадей, 10 вьючныхъ верблюдовъ и соотвѣтственнаго количества нагруженныхъ всякимъ добромъ брикъ. Все это было распределено и построено съ такой глубокой обдуманностью, для пораженія Римлянъ изумленіемъ, съ какимъ геніальный воинъ ведетъ въ огонь свои побѣдоносныя колонны. Въ довершеніе дешеваго эффекта, Оссолинскій везъ

папѣ подлинную грамоту Константина Великаго, которою Константинъ подарилъ церкви городъ Римъ. Грамота эта, по завоеваніи Турками Константинополя, сдѣлалась достояніемъ казны московскихъ царей, а по взятіи Москвы великимъ Русинемъ Жовковскимъ, попала въ польскія руки: „драгоцѣнный подарокъ для папы и славный для Польской націи“, какъ пишутъ Поляки.

Въ то самое время, когда Оссолинскій дивилъ представителей католической Европы театральнымъ великолѣпіемъ своей обстановки, получено было въ Римѣ извѣстіе о торжествѣ короля Владислава надъ московскою ратью подъ Смоленскомъ. Это событіе вдохновило польскаго оратора такою громозвучностью, хвалебною для короля и папы, а порицательнаго для Москвы, что святой отецъ тутъ же сказалъ своему камерленго:*) „И Цицеронъ не говорилъ бы лучше“.

Слушали латинскую рѣчь Оссолинскаго посла французскій и другихъ католическихъ государствъ. Было что слушать имъ. Представитель могущественнѣйшаго монарха Сѣвера привѣтствовалъ главу западной церкви такими напимѣръ словами:

„Сколько ни есть народовъ, покрывающихъ Сѣверъ Европы на широкомъ пространствѣ отъ Карпатъ до Каспійскаго моря и отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго, всѣ они, въ лицѣ моего монарха Владислава, преклоняются нынѣ предъ престоломъ твоимъ, святой отче: ибо всѣ тамошніе народы—или принадлежать его маестату по праву наслѣдственному, или же, покоренные оружіемъ, признаютъ его повелителемъ своимъ“.

Национальное самохвальство польскаго посла находило въ Римѣ полное сочувствіе, когда онъ говорилъ: „Оттоманскій полумѣсяцъ, разрушившій столько городовъ укрѣпленныхъ, перешагнувшій столько непроходимыхъ пропастей и быстрыхъ рѣкъ, истребившій столько христіанскихъ поселеній, останавливаютъ Поляки голою грудью. Что татарская свирѣпость не разлилась по всей Европѣ, этимъ обязана Европа одной Рѣчи Посполитой. Многократно побѣдили мы Москалей, христіанъ только именовъ, самимъ же дѣломъ и обычаемъ горшихъ изъ всѣхъ варваровъ,—побѣдили, и наконецъ прекраснѣйшую часть ихъ областей обратили въ нашу провинцію... Узришь еще, съ помощію Божіей, передъ своею столицей и одичалыхъ скандинавскихъ львовъ, присмирѣвшихъ подъ могучей рукою Владислава; узришь

*) Это званіе носитъ при дворѣ папы кардиналъ, управляющій юстиціей и финансами. Послѣ смерти папы до избранія новаго, камерленго управляетъ папскимъ царствомъ.

передъ собой отступниковъ общаго пастыря, и затворишь ихъ въ овчарнѣ своей“, etc. etc.

Чтобы заручиться помощью самовластной олигархіи въ великихъ предпріятіяхъ короля своего, проевтировалъ Оссолинскій еще прежде союзъ католическихъ магнатовъ подъ фирмою рыцарскаго братства Безпорочнаго зачатія. Это братство долженствовало состоять изъ 48 членовъ, возвышенныхъ напою въ княжеское достоинство и обязанныхъ повиноваться въ войнѣ съ невѣрными великому магистру, польскому королю. Папа, чрезъ своего нунція, обѣщаль дать санецію проекту Оссолинскаго, который, служа мечтательнымъ видамъ Владислава, въ то же самое время представляль Римской Куріи новый способъ обладанія Польшею въ лицѣ богатѣйшихъ и могущественнѣйшихъ ея олигарховъ. Теперь, восхищенный посломъ и посольствомъ, намѣстникъ Христа утвердилъ Братство Безпорочнаго Зачатія, и далъ Оссолинскому титулъ римскаго князя. Зато жъ и римскій князь увѣрляль Христова намѣстника, что въ Польшѣ „весь сеймъ, сенатъ и народъ больше заняты борьбою за религію съ согражданами своими, нежели безопасностью и цѣлостью общаго отечества“.

Но тутъ Оссолинскій зашелъ уже слишкомъ далеко въ обольщеніи властителей земли: основавшись на его увѣреніи, папа не поступилъ ниоднимъ епископствомъ и ниоднимъ храмомъ изъ той добычи, какую получилъ въ польской Руси чрезъ посредство измышленной іезуитами уніи. Наряженная имъ конгрегація изъ 4 кардиналовъ, 4 прелатовъ и 4 ученѣйшихъ теологовъ, послѣ пятидѣльного взвѣшыванья этого вопроса на католическихъ вѣсахъ, не могла найти никакого способа, которымъ бы Апостольская Столица могла принять самоналѣйшее участіе въ возвращеніи схизматикамъ ихъ предковской собственности. Оссолинскій добился того, что папа запретилъ монашескимъ орденамъ въ Польшѣ приобрѣтать земскія имущества (однакожъ фактически оказалось это невозможнымъ), добился своими истинно іезуитскими уловками, черезъ самихъ же іезуитовъ, и того, что іезуитскія школы, основанныя въ Краковѣ вопреки привилегированной королями Краковской Академіи, были закрыты; но вопросъ уніятскій *de jure* остался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ при Сигизмундѣ III.

Такимъ образомъ то, для чего собственно ѣздилъ Оссолинскій въ Римъ, послужило только къ его славѣ среди толпы, стекавшейся со всего свѣта въ столицу католичества, и къ его возвышенію въ глазахъ людей, цѣнящихъ заслуги по титуламъ. Возвращаясь въ отечество чрезъ Флоренцію, Венецію и Вѣну, онъ былъ принимаемъ

точно владѣтельный потентатъ, и осмыаемъ безпримѣрными подарками, а Фердинандъ II австрійскій вручилъ ему на прощаньѣ дипломъ, которымъ княжеское титуло, присвоенное имѣніямъ Оссолинскаго, сдѣлалось принадлежностью, какъ его особы, такъ и его потомковъ; Фердинандъ наименовалъ его княземъ Римской Имперіи. Латинскимъ языкомъ различіе между двумя титулами выражалось такъ: *Princeps Ossolinus, Dux in Ossolin*.

Возвратясь въ отечество, Оссолинскій получилъ въ награду обширныя имѣнія въ завоеванной королею Сѣверіи, къ которымъ прикупилъ еще Батуричъ съ его окрестностями и Конопоть. Теперь онъ былъ вполне магнатъ, или то, что Полякоруссы называли *na osю кубу панъ*.*) Но король былъ имъ недоволенъ; иезуиты обидѣлись; духовные и свѣтскіе можновладчики завидовали; шляхта видѣла свои надежды обманутыми, а его титулами была разогорчена.

Всего досаднѣе шляхтѣ было то, что Оссолинскій не привезъ изъ Рима запрещенія *всему* духовенству пріобрѣтать земскія имущества. Уже давно ходили въ Польшѣ тревожные толки, что духовенству принадлежить въ Коронѣ больше имѣній, нежели королю и дворянству. Въ недавнее время нѣкоторые монашескіе ордена, путемъ судебныхъ обязательствъ, получили въ Великой Польшѣ по 15, 20 и 30 сель, а подъ нашимъ Львовомъ католическое поповство и монашество пріобрѣло покупкой столько имѣній, что „еслибы надобно было выбрать подсудка, то пришлось бы выбирать монаха или монахиню“. Лучшіе изъ католиковъ были такого мнѣнія, что „безмѣрное расширение церковныхъ имуществъ затрудняетъ согласіе между сословіями свѣтскимъ и духовнымъ, помогаетъ возрастанію еретичества, подкапываетъ рыцарство и грозитъ католической церкви презрѣніемъ, а отечеству руиною... Могутъ наступить такія времена“ (говорили многіе), „когда шляхта не будетъ въ состояніи и даже не захочетъ оборонять духовенство: тогда еретики возьмутъ себѣ все“.

Но, впустивши козла въ огорождъ еще тогда, когда невѣжество мѣшало знать его свойства, шляхта не знала теперь, какъ положить предѣлъ его вредоносности. Въ облегченіе „сословія рыцарскаго“, хотѣли стѣснить церковную собственность разными обязательствами. „Рѣчь Посполитая“ (твердили поумнѣвшіе вотще люди) „окружена со всѣхъ сторонъ грозными непріятелями. Нѣтъ у нея другихъ крѣпостей, кромѣ шляхетскихъ пороговъ. Шляхтичъ долженъ готовить сыновей

*) Взято съ польскаго *raci sądъ gęba* (*gęba*—ротъ).

въ военной службѣ, покупать вооруженіе, держать на готовѣ коня, отбывать военную службу на собственномъ содержаніи, идти на посполитое рушеніе и почти всегда впутываться въ долги, при этомъ оставлять хозяйство, во время похода нести значительныя траты, издерживаться на воспитаніе дѣтей, давать приданое дочерямъ. На его головѣ лежатъ пожертвованія, монашескіе ордена, записи костеламъ, содержаніе каплицъ и гробовищъ, церковныя расходы, десятина, литургійная плата (*mezne*), зерновая десятина (*małdgu*), выкупъ шляхетскихъ имѣній, сеймиковање, трибунальные расходы, военные смотры. Духовные же никакихъ издержекъ не несутъ, и потому обростають перьямъ, скопляють деньги и скупають шляхетскія имѣнія. Было бы справедливѣе, чтобъ они отъ своего достатка удѣляли шляхтѣ, а не отъ шляхты приобрѣтали добра, которыя должны ненарушимо переходить изъ рыцарскихъ рукъ въ рыцарскія, чтобъ и Рѣчь Посполитая, и костелы оставались цѣлыми... Республика—хозяйка у себя: *możesz* она воспретить и сензамъ и монахамъ приобрѣтеніе шляхетскихъ имуществъ“.

Много было всяческихъ пререканій со стороны противниковъ и защитниковъ духовенства. Защитники успокаивали шляхту закономъ 1607 года, по которому духовнымъ нельзя ни приобрѣтать свѣтскихъ маестностей, ни держать ихъ за собой пожизненно. Противники отвѣчали, — что „этого закона невозможно привести въ исполненіе по причинѣ могущества духовенства, которое не признаетъ его. Да его легко и обойти, потому что, хотя бы законъ и ангелы писали, а дьяволъ въ немъ лазейку найдетъ. Вотъ папа запретилъ монахамъ приобрѣтать имущества, а монахи твердятъ, что подъ предлогомъ милостыни (*jałmużny*) приобрѣтать дозволено“.

Дѣло кончилось тѣмъ, что на сеймѣ 1635 года было запрещено *всему* духовенству приобрѣтать земскія имущества. Но сеймовыя постановленія часто оставались въ Польшѣ мертвою буквою. Духовные органы Сейма, епископы, отстаивали сильно свое полное обладаніе жалкимъ Шляхетскимъ Народомъ, и только юридически не устояли противъ соединенныхъ усилій шляхты.

Король, будучи въ согласіи съ антиклерикалами, настоялъ и на томъ, чтобы сеймъ, не взирая на папу, подтвердилъ его примиреніе съ малорусскими противниками уни.

Въ этомъ случаѣ безсиліе общественнаго мнѣнія въ Польшѣ, колеблемаго во всѣ стороны, выразилось тѣмъ, что маршаломъ Посольской Избы избранъ былъ не кто другой, какъ тотъ же, недавно всѣхъ огорчившій Оссолинскій, и онъ-то, главнымъ образомъ, содѣйствовалъ

сеймовому постановленію относительно юридическаго спасенія шляхты отъ стязательности духовенства.

Но зато его великолѣпный проектъ о титулахъ, сопровождаемыхъ ношеніемъ орденскаго креста на золотой цѣпи, подложенной лентою, — проектъ, за который ухватился Владиславъ для подкрѣпленія своего ничтожнаго монархизма, сеймующая шляхта отвергла рѣшительно, для сохраненія своего гражданскаго равенства, надобно помнитъ, только номинальнаго.

Съ тѣмъ же упорствомъ стояло законодательное собраніе и противъ войны, которой жаждалъ король, мечтая возвратитъ отчину предковъ своихъ, Шведское Королевство, и достояніе козакопанскаго оружія, престолъ нашихъ Рюриковичей, занимаемый уже 23 года Романовыми, — возвратитъ съ тѣмъ, чтобы соединенныя силы трехъ монархій обратитъ противъ Турокъ, а въ концѣ концовъ — обезсмертитъ себя завоеваніемъ Гроба Господня.

Добываясь высшаго и высшаго положенія въ государствѣ, Оссолинскій поддерживалъ рыцарскую мечтательность короля, и въ то же самое время комбинировалъ всевозможныя событія въ пользу всемірнаго владычества римскаго папы. Въ 1638 году онъ былъ наименованъ короннымъ подканцлеромъ, а въ 1645-мъ — короннымъ великимъ канцлеромъ. Восходя со ступени на ступень, онъ, подобно многимъ счастливымъ того времени, вѣровалъ въ свою звѣзду, вращалъ всѣмъ законодательнымъ собраніемъ, смотрѣлъ на него сверху внизъ, и дошелъ до того, что произносилъ передъ соединенными Посольскою и Сенаторскою Избами такія слова, которыя, по выраженію его біографа, были „дерзкимъ пренебреженіемъ всего законодательнаго собранія“. Но этимъ-то и бралъ онъ у короля, который постоянно боролся за монархическія права свои съ сеймовыми представителями панской республики. Въ 1639 году, изъ-за его открытой наглости противъ маршала Посольской Избы, государственный сеймъ былъ что называется сорванъ. По собственнымъ словамъ Оссолинскаго, онъ „варабкался выше и выше по скаламъ, и преодолѣлъ самую фортуну“. Не мудрено, что такой фаталистъ политической интриги былъ вдохновеніемъ рыцаря-вороля, и держалъ его до конца подъ своимъ пагубнымъ вліяніемъ.

Едва ли не самымъ лукавымъ, иначе — самымъ глубокимъ, дипломатическимъ замысломъ Оссолинскаго было созданіе въ Польшѣ малорусскаго патріархата, напрасно приписываемое Владиславу. По пословицѣ *ex ungue leonem* *), оно похоже больше на изворотливаго

*) По когтямъ узнаютъ льва.

высочку-магната, нежели на простодушнаго война-короля. Еслибъ удалось Оссолинскому облечь Петра Могилу патріаршимъ саномъ, то этимъ самымъ была бы расторгнута историческая связь польской Руси съ Востокомъ, слѣдовательно и съ Русью московскою, унія съ западною церковью совершилась бы сама собою, и тогда бы оправдалось таинственное обѣщаніе короля, что онъ устроитъ новую унію, болѣе прочную и могущественную, нежели Брестская, которую нарушилъ онъ ради того же Петра Могилы. Одинъ папа, но не півскій митрополитъ, какъ у насъ думаютъ, былъ препятствіемъ къ созданію малорусскаго патріархата, который разлучилъ бы навсегда двѣ русскія народности, и сдѣлалъ бы въ исторіи римской церкви имена Оссолинскаго и Петра Могилы одинаково великими. Для сохраненія церковной традиціи во всей ненарушимости, святой отецъ неумышленно погубилъ Польшу и, на вѣчное горе своихъ поклонниковъ, спасъ отъ исчезновенія въ польскомъ элементѣ Малороссію.

Кстати замѣчу здѣсь, что въ Римѣ вовсе не понимали, какъ стоять у насъ уніатское дѣло. Находя немыслимымъ утвердить малорусскій патріархатъ, папа находилъ возможнымъ для Петра Могилы и его пріятеля, Адама Кисѣля, среди тогдашняго смятенія малорусскихъ умовъ, объявить себя католиками. Въ 1643 году онъ звалъ своими письмами того и другаго на лоно римской церкви.

Да, король былъ воинъ, а не политикъ. Вопреки приемамъ Оссолинскаго, который, съ именемъ Господа Бога на устахъ въ добрыхъ и злыхъ поступкахъ, всегда дѣйствовалъ такъ, что и возы были сыты, и сѣно дѣло, онъ прослылъ въ Римѣ „главнымъ опекуномъ еретиковъ и схизматиковъ“; онъ поссорился изъ-за уніи съ папой Урбаномъ VIII, и вооружилъ его противъ себя такъ, что святой отецъ велѣлъ іезуитамъ сдѣлать королевскаго брата, Яна Казимира, членомъ своего ордена, и собственноручно увѣдомилъ о томъ короля. Владиславъ былъ задѣтъ этимъ за живое, и не могъ удержаться отъ слезъ. Надоѣло ему наконецъ возиться съ церковными дѣлами. Онъ предоставилъ поповское попанъ, и погрузился въ комбинацію борьбы съ мусульманами во славу своего, можно сказать козацкаго, имени.

Съ осени 1644 года на папскомъ престолѣ, вмѣсто Урбана VIII, сидѣлъ Иппокентій X, отличавшійся дружелюбіемъ къ польскому воинственному королю. Подъ его ласковымъ вліяніемъ, у Владислава ожила съ новою силою мысль объ изгнаніи непріятелей Св. Креста изъ Европы. Осуществленіемъ этой мысли король, очевидно, надѣлся дать иной оборотъ церковнымъ дѣламъ въ Польшѣ. Притомъ же онъ имѣлъ въ виду ниспровергнуть имперію Оттомановъ чрезъ посредство

христіанскихъ подданныхъ султана: мечта, сдѣлавшаяся популярною и въ козацкой республикѣ со времени пребыванія въ ней Александра Оттомануса, назвавшаго себя крещенымъ султаничемъ. Поэтому не слѣдовало ему огорчать константинопольскаго патріарха и его Грековъ малорусскимъ патріархатомъ, который нашу церковную іерархію привелъ бы прямой дорогой къ „единости“ съ церковью римскою. Да и папу надобно было по возможности ласкать уваженіемъ церковныхъ традицій, разсчитывая на его денежную помощь...

Григорій XV помогалъ Сигизмунду III деньгами во все время войны съ Османомъ II и платилъ ему 10.000 скуди *) ежемѣсячно до конца жизни, для содержанія военной силы противъ Турокъ, не считая щедрого пожертвованія, сдѣланнаго кардиналомъ Бамберини. Такой же помощи ожидалъ и Владиславъ IV отъ папы Иннокентія X. На письмо свое о пособіи получилъ онъ отвѣтъ благопріятный. Папа обѣщалъ помогать Полякамъ, очевидно, въ видѣ подкупа ихъ относительно уніи, которая была, какъ сознается польская историографія, — „зѣницей ока католической церкви“. Посылая въ Польшу нунція Торреса, архіепископа адрианопольскаго *in partibus infidelium*, то-есть титулярнаго или будущаго, папа велѣлъ ему дѣйствовать по предмету соединенія церквей тайно даже отъ короля и примаса **), открываясь во всемъ только тремъ лицамъ, Оссолинскому, Селявѣ и Терлецкому, которые должны были наставлять его, какъ поступать съ примасомъ, чтобъ онъ помогъ у короля и стоялъ за Брестскую унію на сеймѣ.

Этотъ наказъ обнаруживаетъ самъ по себѣ, какого двуличнаго человѣка сдѣлалъ своимъ наперсникомъ Владиславъ IV въ особѣ канцлера, и чего надобно было ждать отъ королевскаго любимца въ рѣшительные моменты внутренней и вѣшной политики.

Оссолинскій придумалъ способъ для открытія военныхъ дѣйствій противъ Турціи безъ согласія польской палаты депутатовъ, называвшейся Посольскою Избою и польской палаты перовъ, называвшейся Избою Сенаторскою. Король былъ отъ него въ восхищеніи. По плану канцлера, извѣстное уже намъ постановленіе сената объ отказѣ Татарамъ въ подаркахъ должно было оставаться во всей силѣ до полнаго собранія на сеймѣ обѣихъ законодательныхъ палатъ. Раздосадованные отказомъ Татары не замедляли вторгнуться въ польскія границы. Тогда король воспользуется предоставленнымъ ему правомъ

*) Итальянская монета scudo цѣнилась въ 5 франковъ 35 сантимовъ.

***) Вспомнимъ, что и въ Наливайково время примасъ чуждался церковной уніи. (См. выше стр. 108 перваго тома).

„отвращать отъ государства опасность собственными средствами“, изъ оборонной войны перейдетъ въ наступательную и займетъ Крымъ. Турки станутъ оборонять свою Татарію. Панамъ, домогавшимся отъ короля мира, по-неволѣ придется поддержать честь польскаго оружія и вторженіемъ въ Турцію предупредить повтореніе Хотинской войны. Обѣщавшия папою деньги, вмѣстѣ съ его вліяніемъ на католическую партію, устроятъ остальное. Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, планъ Оссолинскаго.

Шляхта, въ своемъ вѣчномъ разладѣ съ *панами*, желала Турецкой войны, подобно ея родственникамъ, козакамъ, которые постоянно расходились въ своихъ интересахъ съ богатою и мирною частью населенія Рѣчи Посполитой. Оссолинскій умѣлъ и дома не хуже, какъ за-границей, направлять умы къ предположенной цѣли; но его задушевная цѣль всегда и для всѣхъ оставалась тайною. Въ качествѣ великаго, то-есть короннаго, канцлера, онъ, въ сеймовой пропозиціи 1645 года, высказался такъ:

„Въ обезпеченіе украинныхъ земель мы основывались на платежѣ Татарамъ подарковъ, которые они попросту зовутъ гарачемъ. Этотъ всюду ославленный стыдъ нашего народа сносили мы еще, пока наша дажь утоляла въ Ордѣ жажду грабежа и плѣненія въ Польшѣ. Теперь же, когда весь Крымъ едва не обратился въ разбойничій вертепъ тѣхъ, которые увозятъ наши подарки, король предполагаетъ вамъ на размышленіе: хотите ли оставаться въ такомъ посрамленіи, платя за собственные утраты, или же, уповая на милость Божію, на дознанное счастье и доблесть нашего монарха, на пламенную готовность вождей служить отечеству и на мужество войска, желаете поступить, какъ велятъ намъ— неизвращенная слава нашихъ народовъ, безопасность нашихъ братій, достоинство шляхетской крови и, наконецъ, свобода столькихъ душъ, кровью Спасителя нашего искупленныхъ, прикованная къ языческимъ галерамъ на гибель христіанства. Не хочетъ его милость король отдавать на страшиомъ Божіемъ судѣ отчетъ въ такомъ множествѣ своихъ подданныхъ, отуреченныхъ, Божіе имя ругающихъ; не желаетъ онъ также кровавыхъ слезъ, взывающихъ къ Богу о мщеніи и прошибающихъ небеса. Готовъ онъ вѣрныхъ ему людей заслонить отъ ихъ несчатья своею грудью и тамъ искать свободы, откуда приходитъ неволя“.

Польско-русскіе магнаты, при всей своей гордости, можно сказать царственной, издавна привыкли продавать королямъ свои услуги за дигнитарства и пожалованія. Владиславъ задобрилъ представителя когда-то православныхъ Острожскихъ, Доминика, князя на Острогѣ

Заславскаго, литовскаго подканцлера Льва Сопігу, Юрія Скумина Тишковича, Іеремію князя Вишневецкаго, Януша Радивиля, а въ томъ числѣ и фактора продажи, Юрія Оссолинскаго, раздачею—кому воеводства, кому гетманства, кому города, кому богатаго староства. Прочіе „дуки“ польской олигархіи должны были ждать и дослуживаться такой же раздачи. Но кромѣ дигнитарствъ и королевщинъ, у Владислава въ рукахъ были еще римскіе скуди, которые было предположено дѣлить между пособниками Турецкой войны. Побѣдитель московской рати покупалъ у пановъ, подъ видомъ помощи, косвенное позволеніе выступить на новое поприще военной славы, и фактическіе государи Польши обѣщали явиться къ титулярному королю своему съ контингентами, какъ союзники. Когда Татары будутъ отражены и прогнаны, въ чемъ, послѣ Охматовскаго пораженія, не сомнѣвался никто, побѣдители „на ихъ шеяхъ“ вѣдутъ въ Крымъ; но то будетъ уже не войско Рѣчи Посполитой, а *хоругви польскихъ пановъ*: различіе, съ польской точки зрѣнія, существенное. Всѣмъ будетъ казаться, что воюетъ не король, не Королевская Республика, а Заславскій, Радивиль, Вишневецкій и другіе по собственной волѣ (на *swoja ręce*), безъ вѣдома и дозволенія короля въ отмщеніе за татарскій побѣгъ на *ихъ владѣнія*. Этимъ де способомъ крымскіе ханы не разъ высылали въ Польшу своихъ мурзь; не одинъ разъ и Порта, повелѣвъ хану вторгнуться въ Украину, оправдывалась потомъ, что случилось это безъ ея вѣдома. А чтобы Турки не помогли Татарамъ, козаки, съ позволенія короннаго гетмана, пойдутъ на Черное море и не допустятъ галеръ турецкихъ въ Крымъ.

Въ ожиданіи папскаго отвѣта касательно 500.000 скуди ежегодно на два года, король поставилъ отдать Москвѣ городъ Трубчевскъ и звать ее къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ Татаръ, а изъ Турціи прійдетъ къ нему извѣстіе, лишь только загорится война съ Венеціей.

Ведя свои дѣла по обдуманному такимъ образомъ плану, король могъ обойтись безъ постановленія сейма. Довольно было для него—согласія обоихъ канцлеровъ, короннаго великаго гетмана да нѣсколькихъ первенствующихъ пановъ.

Весною 1645 года ожидаемая Турко-Венеціанская война вспыхнула, и въ концѣ апрѣля турецкій флотъ въ 348 кораблей везъ уже сильное войско, сухопутное и морское, для завоеванія острова Крита, считавшагося оборонными воротами Венеціи.

Съ другой стороны ханъ Исламъ-Гирей, не получивъ гарача и свѣдавъ объ универсалахъ, которыми король побуждалъ свою Республику къ войнѣ съ Татарами, просили у турецкаго султана таеъ-назы-

ваемаго эмира, то-есть дозволенія вторгнуться въ Польшу со всѣми крымскими, ногайскими и буджацкими ордами.

Султанъ подозрѣвалъ волошскаго господаря въ невѣрности, боялся, чтобъ король не поддержалъ его и не соединился съ Московою противъ Татаръ, какъ объ этомъ носился уже слухъ въ Турціи. Въ іюлѣ прислалъ онъ хану просимый эмиръ.

Король спокойно вызывалъ татарскій набѣгъ, такъ какъ недавно получилъ извѣстіе, что новый ханъ не совладаетъ съ собственными подданными. Трудно было предвидѣть, что султанскій узникъ, освобожденный по прихоти полупомѣшпаннаго деспота, разыграетъ вмѣстѣ съ завзятымъ козакомъ столь важную роль въ пользу московской царственности, какую готовился разыграть интриганъ канцлеръ съ послушнымъ ему королемъ въ пользу всемирнаго владычества римскаго папы. Но Исламъ-Гирей былъ не таковъ, какимъ воображали его въ Польшѣ.

Ориенталистъ Гаммеръ-Пургшталь рассказываетъ, что, привезенный изъ заточенія на островѣ Родосѣ въ Стамбулъ, не зная онъ, что его ждетъ, и былъ принятъ грознымъ въ своемъ полуизступленіи султаномъ надъ купальней (въ іюнѣ 1644). „Смотри, Исламъ“, (сказалъ полураздѣтый Ибрагимъ) „я сдѣлалъ тебя ханомъ. Отнынѣ будь другомъ друзей моихъ и врагомъ враговъ моихъ. Кромѣ моего слова, не слушай никакого другаго. Сколько тебѣ лѣтъ?“—„Сорокъ“ (отвѣчалъ новонареченный ханъ). Но хотя только-что началъ я садиться на сѣдло, надѣюсь править моимъ боевымъ конемъ хорошо на службѣ падишаха“. Тутъ на него накинули соболѣю шубу, опоясали дорогой саблею, и царственный Гирей, гордый внушеніемъ султана, обратился къ великому визирю съ такими словами: „Такъ какъ вы сдѣлали меня ханомъ, то надѣюсь, что будете поступать по моимъ просьбамъ и не станете давать мнѣ наказовъ, обращаться съ невѣрными. Между мной и ими сабля“.—„Да править Аллахъ тобою! мы не будемъ въ это вмѣшиваться“, отвѣчалъ визирь.

Прибывши въ Крымъ, Исламъ-Гирей обезглавилъ своихъ враговъ, отправилъ въ Польшу пословъ за гарачемъ, а часть мятежной Орды послалъ въ Московію, подъ предводительствомъ своихъ приверженцевъ. Въ числѣ ихъ находился и Полякъ Свидерскій, котораго Татары звали Сяусъ. Но спокойствія въ Крыму новый ханъ возстановить не могъ. Сторонники бывшаго хана ушли на Буджаки, и ждали возвращенія своихъ изъ похода, чтобы низвергнуть Исламъ-Гирея. Видя грозящую опасность, испросилъ онъ у султана эмиръ, по которому всѣ орды должны были идти подъ его бунчукомъ въ Польшу.

Извѣстіе объ этомъ могло прійти въ Варшаву не раньше половины іюля 1645 года. Орда обыкновенно набѣгала въ началѣ января, если не по первой травѣ: оставалось полгода на приготовленія къ отпору.

Король тотчасъ послалъ повелѣніе строить чайки, чтобы весной 1646 года, въ отмщеніе за „неожиданный“ набѣгъ Татаръ, онѣ могли появиться на морѣ; коронному великому гетману велѣлъ (въ августѣ) написать къ визирю, что если Татары осмѣлятся вторгнуться въ Польшу, то онъ покроетъ Черное море козацкими чайками; воеводѣ Мстиславскому приказалъ отдать немедленно Трубчевскъ царю, а послу своему въ Москвѣ велѣлъ предложить ему союзъ для соединенія вооруженныхъ силъ обѣихъ державъ противъ Татаръ.

Недавно наслѣдовавшей своему отцу молодой царь, Алексѣй Михайловичъ, назначилъ въ Варшаву великихъ пословъ съ наказомъ трактовать съ королемъ о войнѣ съ Татарами.

Одновременно съ вѣстью о близкомъ вторженіи Орды прибылъ въ Польшу венеціанскій посолъ Джіованни Тьеполо съ просьбой о помощи Венеціи. Именно просилъ онъ, чтобы король, для разъединенія турецкихъ силъ, повелѣлъ козакамъ идти на море и выжечь на побережьяхъ заготовленный лѣсъ и галеры, которыя строили изъ него Турки.

Владиславъ зналъ этого венеціанца, какъ пріятнаго человѣка, еще во время своего путешествія по Европѣ. Потомъ Тьеполо пріѣзжалъ въ Польшу посломъ и ознакомился съ этимъ государствомъ. Джіованни Тьеполо былъ представитель одной изъ древнихъ и знатнѣйшихъ венеціанскихъ фамилій: предокъ его былъ дожемъ; а знатность рода Поляки цѣнили выше всего.

Владиславъ слушалъ посла весьма благосклонно; обѣщалъ употребить всю свою власть и „повѣгу“ для того, чтобы какъ можно скорѣе угодить Венеціи; сожалѣлъ, что наступающая зима не позволить козакамъ идти на море, и при этомъ сказалъ, что долженъ еще посоветоваться съ короннымъ гетманомъ и съ канцлеромъ.

Осоловскій также выразилъ свое усердіе: секретно увѣдомилъ посла, что король готовитъ войну противъ Татаръ; что можетъ предпринять ее, не созывая сейма; что послалъ къ папѣ съ просьбой о денежной помощи, и теперь ожидаетъ нетерпѣливо прибытія нунція; наконецъ спросилъ дружески: не можетъ ли и Венеція въ предстоящей войнѣ помочь какою-нибудь суммою? Татарская война (говорилъ онъ) принесла бы ей не малая выгоды. Но Тьеполо отвѣчалъ, что не

имѣть отъ своего правительства порученія трактовать объ этомъ предметѣ.

Между тѣмъ султанъ Ибрагимъ, испуганный письмомъ Конечпольскаго, послалъ (въ концѣ сентября) къ хану гонца съ повелѣніемъ не вторгаться въ Польшу. Въмѣсто того, позволялъ ему воевать Московское Царство.

Папа денегъ не прислалъ, потому что не имѣлъ, а тутъ пришли вѣсти о претерпѣнныхъ Венеціанцами пораженіяхъ и неожиданныхъ турецкихъ побѣдахъ. Венеціанская вѣрность Канея была взята, а съ нею и весь островъ Кандія, древній Критъ, передовой редутъ Венеціи со стороны Турокъ, очутился у нихъ въ рукахъ. Опасность грозила всей Италіи.

Это подало канцлеру мысль, чтобы 500,000 скуди, которыхъ король просилъ у папы, заплатили итальянскіе князья вмѣстѣ съ папою, въ видѣ благодарности за помощь Италіи въ ея опасномъ положеніи. И потому, когда нунцій и Тьеполо просили его о немедленной отправкѣ козаковъ на море, Оссолинскій объявилъ, что король, глядя на дѣло Венеціи, какъ на свое собственное, предполагаетъ подать ей болѣе дѣйствительную помощь, нежели козацкій морской походъ, и открытъ имъ замыселъ Владислава воевать съ Турціей. Но, такъ какъ наступательной войны король, безъ согласія сейма, предпринять не можетъ, то будетъ вести войну оборонительную, подъ предлогомъ освобожденія государства отъ татарскихъ набѣговъ, изъ чего, очевидно, возникнетъ война наступательная: ибо Турки, будучи вынуждены помогать Ордѣ, тѣмъ самымъ заставятъ Поляковъ дать имъ отпоръ на Черномъ морѣ. Этакъ незамѣтно начнется открытая война, не подвергая короля со стороны сейма упрекамъ въ нарушеніи мира и ломаньи присяги. Но на войну съ Ордой и на вооруженіе многочисленнаго войска козацкаго королю нужны деньги, а потому желаетъ онъ, чтобы папа, Венеція и князья итальянскіе въ теченіе двухъ лѣтъ заплатили милліонъ скуди, „съ тѣмъ чтобы подѣлить эти деньги между можновладниками“. Рѣчь свою канцлеръ завершилъ просьбою обдумать королевское предложеніе и представить его своимъ дворамъ, такъ чтобъ это дѣло получило твердое рѣшеніе и конецъ. Съ своей стороны король написалъ въ Венецію и еще однажды къ папѣ.

Тьеполо увѣдомилъ венеціанскій сенатъ о планѣ канцлера, но, долженъ быть, не очень поддерживалъ его, такъ какъ объявилъ немедленно, что война съ Татарами не подлежитъ рѣшенію Венеціи.

Между тѣмъ пришли въ Варшаву несомнѣнныя извѣстія, — что оба господара, волошскій (молдавскій) и мультагскій (валахскій) по-

становили воспользоваться Турецко-Венеціанскою войною для того чтобы свергнуть съ себя мусульманское иго; что они послали съ этою цѣлью къ королю пословъ; что Греки, Болгары и другіе завоеванные Турвами народы замышляютъ возстать, и, наконецъ, что московскій царь отправляетъ посольство въ Польшу для заключенія союза противъ Татаръ.

Эти извѣстія подвинули Владислава на дальнѣйшій шагъ. Въ началѣ октября, черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго совѣщанія, увѣдомилъ Оссолинскій венеціанскаго посла и папскаго нунція, — что султанъ запретилъ хану вторгаться въ Польшу, и потому предлогъ къ войнѣ съ Ордой отиѣняется, но что на то мѣсто вскорѣ прибудетъ отъ московскаго царя посолъ, уполномоченный заключить съ Польшею союзъ и предложить ей великую вооруженную силу; что Волохи и Мультяны постановили свергнуть турецкое иго, и что, при такихъ обстоятельствахъ, появленіе короля на границахъ Турціи вызвало бы въ ней великое смятеніе, которое было бы сигналомъ широкой войны съ Портою, лишь бы Венеція безъ отлагательства дала потребныя на то средства... „Тогда мы“ (говорилъ канцлеръ) „оставимъ царское войско съ горстью нашихъ противъ Татаръ, а сами съ союзниками приблизимся къ Дунаю, а въ то же время пихнемъ толпы козаковъ къ Царьграду“.

Эти слова воспламенили Венеціанца. Тотчасъ пишетъ онъ къ своему сенату, чтобы безотлагательно рѣшались дѣйствовать въ интересѣ столь великой важности; самъ же, не теряя времени, на собственный рискъ, договаривается съ Оссолинскимъ, и предлагаетъ отъ имени Венеціи ежегодно по 500.000 талеровъ на два года. Польша и по истеченіи двухъ лѣтъ будетъ нуждаться въ помощи; поэтому желалъ Оссолинскій знать: можетъ ли дожеская республика заключить съ королевскою республикой наступательно-оборонительный союзъ? что же касается похода на Черное море, совѣтовалъ послу, чтобы постарался снабдить короннаго гетмана деньгами для поощренія козаковъ.

Это были предварительные переговоры, въ которыхъ король не желалъ принимать участіе, дабы не открывать своихъ мыслей и не связывать себя какимъ-либо обѣщаніемъ до полученія отвѣта изъ Венеціи. Нѣсколько разъ повторялъ онъ венеціанскому послу, что было бы очень хорошо, когда бы королевская власть въ Польшѣ соответствовала его добрымъ желаніямъ; что все зависить отъ рѣшенія Рима, Венеціи и князей итальянскихъ; что не имѣетъ права объявить наступательную войну, и что указанный предлогъ войны съ Татарами

былъ единственнымъ способомъ открыть ее; возацкій же походъ отъ владычества онъ до совѣщаній съ короннымъ гетманомъ.

Все вниманіе короля, повидимому, было сосредоточено на Москвѣ. Свѣдавъ, что ханъ получилъ дозволеніе вторгнуться въ ея предѣлы, немедленно увѣдомилъ онъ о томъ царя, а брацлавскій каштелянъ-Стемпковскій, королевскій посолъ при царѣ, заключилъ съ нимъ оборонительный союзъ, которымъ король обязался, по первому извѣстію отъ московскихъ воеводъ о вторженіи Татаръ, выслать войска свои на помощь Москвѣ, что для нея было бы важной услугою въ тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Исламъ-Гирей, успокоивъ мятежи въ Крыму, отправилъ въ декабрѣ 1645 года въ Московію 30.000 отборной Орды, подъ предводительствомъ брата своего, Нурадинъ-султана (второго соправителя), „чтобъ онъ поздравилъ новаго цара“. Нурадинъ побилъ, какъ было слышно, московскихъ воеводъ въ Рыльскомъ уѣздѣ, разбилъ царскую рать и три недѣли опустошалъ пограничныя области между Путивлемъ, Рыльскомъ и Курскомъ, гоня безчисленное множество скота передъ своими чамбулами. Коронный полевой гетманъ, Николой Потоцкій, по повелѣнію короля, выступилъ съ 15.000 войска въ помощь Москвѣ: но, по причинѣ страшныхъ морозовъ, польское войско съ трудомъ добралось до рѣки Мерла; оттуда не могло двинуться дальше и съ большими потерями въ людяхъ и лошадяхъ вернулось печально домой. Такъ нишутъ Поляки. Но страшные морозы не помѣшали Нурадинъ-султану сдѣлать удачный набѣгъ и прійти въ Крымъ съ ясыромъ и скотомъ. Онъ отправилъ въ царю гонца (говорили въ Польшѣ) съ требованіемъ десятилѣтней дани; въ противномъ случаѣ грозилъ, давъ отдохнуть конямъ, черезъ 40 дней вновь опустошать Московское Царство.

Когда полевой гетманъ вступилъ на помощь Москвѣ, великій гетманъ прибылъ въ Варшаву. Онъ былъ уже старикъ, но разсудилъ за благо жениться вторично, и ѣхалъ для того въ имѣніе Опалинскаго, Рывяны. Однакожь, постоянно думая о войнѣ съ Татарами и завоеваніи Крыма, хотѣлъ утвердить короля въ его предпріятіи, представить свой проектъ и защищать его лично, такъ чтобъ этотъ проектъ былъ регуляторомъ переговоровъ съ московскими послами, которыхъ вскорѣ ожидали. Кромѣ того, везъ онъ королю важныя извѣстія, которыя могли дать замысламъ его другое направленіе.

О проектѣ Конецпольскаго было говорено у меня поверхностно. Здѣсь представлю его въ полномъ видѣ, какъ документъ великой важности въ оцѣнѣ польско-московской взаимности.

Коропный великій гетманъ, въ присутствіи нѣсколькихъ дружественныхъ сенаторовъ, прочелъ королю и канцлеру свой „Dyskursъ объ уничтоженіи Крымскихъ Татаръ и о союзѣ съ Москвою“, состоявшій въ слѣдующемъ:

„Относительно вооруженнаго союза съ Москвою противъ Татаръ, кто не видитъ, какъ этотъ союзъ нуженъ ей и пріятенъ, особенно теперь, когда Орда уничтожила почти половину царства? (Это было написано по-польски и для Поляковъ, которыхъ надобно было предрасположить въ пользу проекта) Счастливыя бы настали времена, когда бы Таврику заселяли христіане, прогнавъ язычниковъ, что совершенно нетрудно.

„Давно я оборачивалъ въ своей головѣ это дѣло: но, глядя на его легкость, тотчасъ вижу и трудность, зная, какъ мы привыкли относиться къ общественному благу. Намъ жаль и этого малаго гарнизона въ Украинѣ, а, пожалуй, и на Кодакѣ: еще больше было бы жаль того, чѣмъ бы надобно было удержать Крымъ.

„Поэтому было бы лучше предоставить Таврику Москвѣ, получивъ отъ нея за то помощь и вознагражденіе изъ сосѣднихъ областей. Москва сдумала бы навѣрное заселить и держать ее, основавъ, по своему обычаю, колоніи. Тогда вернулся бы къ нимъ Азовъ, а турецкія войска не могли бы къ нимъ ходить сухимъ путемъ, а хоть бы моремъ и пришли, то Москали, снабдивъ гарнизономъ четыре порта, были бы безопасны, чего не было бы съ нами, потому что, еслибы мы взяли и держали Крымъ, тогда бы война велась не въ Крыму, а въ Польшѣ.

„Но когда примемъ въ соображеніе врожденную зависть Москвы къ нашему народу и дозпанную скользкость ея вѣрности, то это дѣло представляется весьма опаснымъ (*res periculi plena*). Ибо, заселивъ это мѣсто, Москва привлекла бы къ себѣ все христіанство, прилежащее къ Эвксинскому Повту и Азовскому морю; потянула бы она и Татарскія Орды, которыя бы отдѣлились уже отъ Турокъ, и могла бы ими быть намъ тяжелою. А что еще больше, живя въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ козаками, кто знаетъ, не оторвала ли бы ихъ отъ насъ и вѣрою, и надеждой добычи (*spe praedae*), а потомъ — и всей Руси.

„Думая потомъ нѣсколько лѣтъ, какимъ бы способомъ обезопасить себя съ этой страны, напалъ было я въ мысляхъ на одинъ способъ: женить королевича (Яна) Казимира въ Москвѣ, подъ условіемъ, чтобъ ему Москва отдала, въ видѣ приданого (*ratione dotis*), нѣкоторыя сосѣднія съ той страной области, дала бы помощь для завое-

ванія Таврики, и до тѣхъ поръ ее держала, пока бы онъ тамъ не утвердился (*rokiby sobie nie ugruntował sedem*), въ чемъ приняла бы участіе и наша Рѣчь Посполитая. Часто бесѣдовалъ я объ этомъ съ моими пріятелями, не желая о томъ заводить рѣчь выше, такъ какъ у насъ все считается невозможнымъ. Теперь же, когда королевичъ (Янъ Казимиръ) принялъ другое положеніе *), а королевичъ Карлъ **) вѣрно бы на такой бракъ не согласился, особенно тамъ, гдѣ такъ трактуютъ жениховъ, другихъ же особъ не представляется,—едва ли не лучше (*satius*) было бы имѣть въ Крыму подозрительнаго пріятеля Москаля, нежели явнаго непріятеля азычника.

„Ибо, что касается усиленія Москвы новозавоевательными народами, то и нынѣ эти народы находятся во власти азычниковъ, и однакожъ Господь Богъ Рѣчь Посполитую держитъ, а сильнѣйшіе должны быть (въ союзѣ) съ сильнѣйшими (*fortiores cum fortioribus*). Москва же волей и неволей расpiresается, и ихъ непременно бы за собой потянула. Къ тому же, будучи съ нами въ союзѣ, имѣя также что дѣлать и съ Турками; которые бы такую *яктуру* не оставили безъ вниманія, уповаю, пребывала бы въ пріязни съ нами, которые бы ей въ томъ помогли.

„Намъ же легче было бы имѣть дѣло съ Турками: потому что, когда бы Татары были отъ нихъ отдѣлены, тогда бы, безъ всякаго затрудненія, сдѣлали мы своею границей Дунай, шагнули бы и дальше. Къ этому же есть у насъ способы. За Крымъ вознаградили бы насъ Волошская и Мультиянская земли, а то, пожалуй, и Седмиградская, провинціи столь же богатая, которая бы могли сами собою вести войну съ Турками, въ слѣдствіе чего отечество наше было бы и безопасно извнѣ отъ непріятеля, и свободно внутри (*in visceribus*) отъ контрибуцій и отъ своихъ войскъ (подразумѣвается, столь же вредоносныхъ, какъ и непріятельскія).

„Все-таки надобно бы осторожно предлагать это Москалямъ. Они по природѣ горделивы (*ryszni*), упрямы и въ каждый предметъ привыкли вникать основательно (*w kaźdej rzeczy zwykli się zasadzać*). Поэтому было бы невыгодно предоставлять имъ въ обладаніе Крымъ тотчасъ съ начала, а надобно только требовать отъ нихъ помощи. Потомъ, когда бъ они держалсь (въ Крыму) крѣпко, уступить имъ (Крымъ) такимъ способомъ, чтобы они дали Рѣчи Посполитой за по-

*) Т. е. поступилъ въ орденъ іезуитовъ.

**) Другой братъ Владислава, Карлъ Фердинандъ.

мощь какую-либо сильную область, чтобы обязались спасать (ratować) насъ отъ Туровъ, [всякій разъ когда въ томъ будетъ надобность, и договоръ съ нами сохраняли ненарушимо. Я не теряю надежды, что когда бъ это дѣло повели искусно и достойнымъ образомъ (decenter), то они, въ нынѣшней кручинѣ своей, глядя на свои обширныя области, дымящіяся послѣ пожаровъ, и на плѣненіе такого множества душъ христіанскихъ, ухватились бы за случай къ отмщенію“.

Такова была мысль, которою Конецпольскій, можно сказать, завершилъ свою достопамятную дѣятельность. „Dyskurs“ его можно назвать духовнымъ завѣщаніемъ глубокомысленнаго и честнаго гражданина, оставляющаго свое отечество въ рукахъ людей легкомысленныхъ и любящихъ только себя. Какъ бы предчувствуя, что послѣ него будетъ коронный поистинѣ „великій гетманъ“, какъ и его предшественникъ, увѣрялъ въ счастливомъ окончаніи задуманнаго имъ дѣла подъ условіемъ, что къ войнѣ съ Татарами приступать не такъ, какъ ухитрился оіезуиченный канцлеръ съ подчинившимся ему королемъ, а „искусно, законно, соотвѣтственнымъ способомъ и порядкомъ“, то есть съ вѣдома, согласія и одобренія Королевской Республики.

Вслѣдъ за этими словами, обезпечивающими будущность Польши, изъ его устъ излилась похожая на грозящія письма Валтасарова пира вѣсть, — что козаки, „раздосадованные невозможностью ходить на Черное море, откуда они бывало привозятъ много добычи, и убѣдясь въ своемъ безсиліи восторжествовать надъ панами“, стали недавно трактовать съ Татарами, обѣщая поддаться хану, лишь бы онъ искренно помогалъ имъ воевать „Ляховъ“. Имя Богдана Хмельницкаго, какъ творца новаго бунта, долго не было еще произнесено. Это показываетъ, что онъ воспользовался многолѣтнею работою другихъ и могучимъ теченіемъ событій.

Глава XII.

Два различные плана войны съ Турціей.—Смерть великаго воина и патриота.—Секретныя сношенія короля съ козаками.—Лады у Москвы съ Польшею.—Мечты короля о завоеваніяхъ.—Сношенія съ иностранными дворами по предположенной войнѣ.—Вооруженія короля.—Опозиція сторонниковъ мира.

Реляція Конецпольскаго о козакахъ не испугала короля; напротивъ, она послужила ему новымъ довазательствомъ необходимости Турецкой войны. Добиваясь поприща для великой славы, Владиславъ созвалъ сенаторскую раду. Нунцій и венеціанскій посолъ объявили на ней свою готовность доставить часть суммы, потребной для козацкаго похода на море. Конецпольскій не одобрялъ трайтатовъ съ Венеціей, Римомъ, итальянскими князьями, а чтобы воевать одновременно и съ Турками, и съ Татарами при такихъ субсидіяхъ, какихъ желалъ канцлеръ, объ этомъ не хотѣлъ и слышать.

Онъ совѣтовалъ отмѣнить условія, предложенныя Оссолинскимъ, и настаивалъ, чтобы заинтересованные князья доставили съ разу миліонъ скуди, а кромѣ того платили по 500,000 скуди ежегодно въ теченіе трехъ лѣтъ, такъ какъ оттоманская сила вся обратится на Польшу. Только на такихъ условіяхъ соглашался Конецпольскій держать совѣтъ о войнѣ съ Турціей. Относительно же козацкаго похода отвѣчалъ венеціанскому послу, что сжечь 200 турецкихъ кораблей въ самихъ верфяхъ значило бы покушаться на дѣло трудное и чрезвычайно опасное. Но противъ козацкаго похода не возражалъ, и кончилъ свою рѣчь тѣмъ, что король и канцлеръ дадутъ ему окончательный отвѣтъ сообразно теченію дѣлъ. Съ этимъ онъ и уѣхалъ изъ Варшавы къ своей невѣстѣ, паннѣ Опалинской, съ которой обвѣнчался въ январѣ 1646 года.

Теперь король настойчивѣе прежняго сталъ торопить богиню случайностей, которой одной поклонялся. Теперь онъ согласился на козацкій походъ, о которомъ Тьеполо просилъ его до сихъ поръ безуспѣшно. Въ началѣ января состоялся договоръ, по которому, съ открытіемъ весны, козаки должны были выдти въ море на 40 чай-

вахъ. Тьеполо обязался уплатить имъ 20,000 талеровъ тотчасъ, а остальные 40,000 въ теченіе двухъ лѣтъ, ежегодно по 20,000. Король обѣщаль привести въ движеніе всѣ пружины, чтобъ уничтожить лѣсъ, галеры и даже верфи въ Стамбулѣ.

Не зналъ Владиславъ IV во чтѣ играетъ. Определеннаго плана дѣйствій у него не было. Во всемъ онъ полагался на фортуна, которая вскружила ему голову еще въ дѣтствѣ. Канцлеръ надуваль его парусъ то съ одной, то съ другой стороны, но думаль всего больше о томъ, чтобы, въ случаѣ крушенія, обезопасить лично себя. Различіе между его внушеніями и совѣтами Конецпольскаго состояло въ томъ, что онъ рассчитываль на итальянскій союзъ и на придупайскихъ князьковъ; а коронный гетманъ желаль опираться на собственныя силы и соединиться съ Москалями. Коронный гетманъ совѣтоваль завоевать сперва Крымъ и подѣлиться имъ съ сѣверными сосѣдями, какъ будто зналь, что безъ этого Крымъ сдѣлается жерломъ пожаровъ и руины для страны, которую предки его, Конецпольскіе, начали колонизовать съ XIV столѣтія. Не прочь былъ онъ служить королю и въ войнѣ Турецкой; но происходившіе до тѣхъ поръ переговоры по этому предмету не удовлетворяли его.

Онъ былъ противъ какого бы то ни было оборонительно-наступательнаго союза; не довѣрять Итальянцамъ; боялся, чтобы, при обстоятельствахъ, для нихъ благоприятныхъ, не помирились они съ Турками и не оставили Королевской Республики безъ помощи. По его мнѣнію, дѣйствительнымъ обезпеченіемъ польскаго рыцарства отъ вупеческаго вѣроломства была бы только уплата впередъ милліона дукатовъ и по полумилліону въ теченіе трехъ лѣтъ.

Но самымъ выразительнымъ различіемъ между планами короннаго гетмана и короннаго канцлера было то, что гетманъ предлагаль войну законную, предпринятую съ согласія Рѣчи Посполитой, а канцлеръ не обращаль вниманія на средства, лишь бы достигнуть цѣли. Оссолинскій зналь, что на войну съ Турками Рѣчь Посполитая не согласится ни въ какомъ случаѣ, а на войну съ Татарами согласилась бы безъ затрудненія.

Это различіе во взглядахъ сдѣлалось причиной непріязни между канцлеромъ и гетманомъ, выразившейся въ колкомъ письмѣ Оссолинскаго Конецпольскому.

1645 годъ еще не воплиѣ благоприятствовалъ замысламъ короля; зато въ первые мѣсяцы 1646-го приходили одна за другою вѣсти, побуждавшія его къ окончательной рѣшимости.

По утратѣ Канеи, Венеція показала столько энергіи, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, къ удивленію всего свѣта, выставила для борьбы съ Турціей 53 галеры, 6 галіотовъ для бомбъ, 40 большихъ вооруженныхъ кораблей, 4 бандера и значительное число мелкихъ судовъ. Венеціанская синьорія постановила—не дать турецкому флоту вернуться для обезпеченія своего завоеванія въ Кандіи, гдѣ турецкій гарнизонъ въ Канеѣ начиналъ уже бороться съ недостаткомъ сѣвстныхъ припасовъ.

Тьеполо получилъ благопріятный отвѣтъ на предложеніе короля. Синьорія назначила для Польши 600,000 галеровъ на два года, по 300,000 ежегодно, вмѣсто ежегодныхъ 500,000, которыхъ домогался король отъ папы и князей итальянскихъ. Но Тьеполо, на собственную отвѣтственность, уменьшилъ эту сумму, и сказалъ королю, будто сенатъ назначилъ только 400,000 скуди, по 200,000 ежегодно, послѣ чего прекратить платежъ, и синьорія будетъ свободна отъ всякихъ обязательствъ.

Король согласился въ принципѣ и на эти условія, въ надеждѣ, что недостающую сумму пополнить папа съ итальянскими князьями, въ виду страшныхъ приготовленій Турокъ на сушѣ и на морѣ.

Съ дѣлами внѣшней политики тѣсно вязались у Владислава домашнія дѣла, которыхъ печальная сторона для насъ виднѣе, чѣмъ для современниковъ.

Французскіе придворные дипломаты, въ соединеніи съ польскими хотѣли сперва женить его на французской принцессѣ Маріи Людви-кѣ Гонзага, княжнѣ мантуанской, превознося до небесъ ея необычайную красоту и преувеличивая до милліоновъ ея довольно скромные доходы. Но вліятельный при французскомъ дворѣ капуцинъ, Валеріанъ Маг-ни, при дѣятельномъ участіи Оссолинскаго, повернулъ дѣломъ такъ, что Владиславъ избралъ въ подруги жизни Цецилію Ренату, дочь Фердинанда II австрійскаго. Отъ этого брака родился у него сынъ, которому, какъ думалъ отецъ, было предназначено воспользоваться новыми завоеваніями Полякоруссовъ. Не долго жила на свѣтѣ королева, и едва разнеслась вѣсть о ея смерти, какъ передъ царственнымъ вдовцомъ явились агенты европейскихъ дворовъ съ портретами принцессъ, предлагая на выборъ любую. Король по политическимъ соображеніямъ, предпочелъ всѣмъ ту самую Марію Людвику Гонзага, отъ которой отвлекли его усердные совѣтники. Важную роль въ этихъ соображеніяхъ играло то обстоятельство, что княжна мантуанская производила свой родъ отъ Палеологовъ, и что астрологи, по сочетанію планетъ, предсказывали ей престолъ Восточной Имперіи.

Тотъ же самый Оссолинскій, который въ 1637 году женилъ его на Цециліи Ренатъ, называя себя „простою глиною, изъ которой король могъ лѣпить что-угодно“,—въ 1646-мъ помогъ сдѣлаться польскою королевою Марію Людвигъ, все-таки прославляемой красавицею. Незадолго передъ ея прибытіемъ въ Польшу, до короля дошелъ слухъ о ея тайномъ романѣ, въ которомъ она компрометировала себя откровенною случайно перепискою. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ ея 34 годами и увядшей красотою, такъ поразило Владислава, что онъ не могъ скрыть своего отвращенія и въ торжественной встрѣчѣ нареченной королевы польской. Однакожъ заставилъ себя доиграть роль ослѣпленнаго паладина, и мужественно выслушалъ рѣчь своего Мефистофеля-канцлера, который привѣтствовалъ королеву, какъ цвѣтущую лилію Франціи, чудесно пересаженную Владиславомъ въ свой вертоградъ среди морозной зимы; какъ вѣнецъ, украшающій соблазнительныя имъ отовсюду лавры; какъ залогъ возвращенія могущества Палологовъ; какъ сочетаніе боговъ, оправдывающее сочетаніе планетъ; какъ надежду рожденія новыхъ побѣдителей отъ побѣдительницы защитнива всего христіанства.

Въ мартѣ прибыли въ Варшаву послы волошскіе и мультавскіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что поздравляютъ короля со вторымъ бракомъ, но въ сущности для того, чтобы трактовать о Турецкой войнѣ. Вслѣдъ за ними прибыло наконецъ и посольство московское, для договора о войнѣ съ Татарами.

Свадебныя празднества заставили отложить на нѣкоторое время всѣ политическія дѣла. Варшава завружилась въ танцахъ. Женитьба единственнаго сына Оссолинскаго совпала съ пиршествами королевскими, и увеличила національную манію гостепрѣимства, въ которомъ Поляки не дали превзойти себя ниодному народу. Но когда опыятели до забвенія всего на свѣтѣ дѣйствующія лица приближающейся трагедіи,—ихъ отрезвила неожиданная вѣсть о смерти великаго воина и патріота. Станиславъ Конецпольскій скончался, едва переживъ свой медовый мѣсяцъ.

Безпощадная въ своей ироніи судьба Польши соединила не разъ великое со смѣшнымъ нераздѣльно: новый Александръ Македонскій, счастливый супругъ предестной, какъ цвѣтущая лилія, принцессы, не вставалъ съ брачнаго ложа отъ подагры, и плакалъ о смерти своего Гефестіона въ подушкахъ.

Плакало въ Польшѣ о смерти Конецпольскаго многое множество людей и полукороль Владиславъ. Въ наше время, когда панегрики стоявшимъ на политическихъ высотахъ людямъ выпали совсѣмъ

изъ моды, и когда Поляки нерѣдко изрекають суровый приговоръ надъ знаменитыми своими предками, польская исторіографія слѣдующими словами характеризуетъ почившаго на вѣки строителя Королевской Республики:

„Это былъ великій гражданинъ, счастливый воитель и знаменитый хозяинъ. Щедрый отъ благоразумія, благотворительный отъ состраданія, полный огня и таланта, дѣятельный, мужественный и слову своему вѣрный, въ сохраненіи тайны точный, въ дружбѣ непогрѣшительный. Гнушался онъ лестью, уважалъ отечественные законы и обычаи, а своимъ доблестямъ придавалъ еще больше блеска великою ученостью и остроуміемъ“ *).

Общественное мнѣніе о немъ выразилось въ глубокой горести множества людей, которые въ смерти его, даже въ составѣ его имени *Конецъ-Польскій* суевѣрно видѣли конецъ Польши **). Но изъ всѣхъ предвѣщателей страшныхъ бѣдствій, которыя чуждо собирательное сердце націи по заходѣ свѣтила польской чести и доблести, никто не предсказалъ грядущаго такъ вѣрно, какъ волошскій господарь, будущій свать и жертва кроваваго Хмельницкаго.

„Я считаю смерть его за величайшую для христіанства утрату“ (сказалъ онъ) „и могу только оплакивать его со всѣмъ моимъ народомъ. Вы, Поляки, еще не знаете, что вы утратили, но не пройдетъ двухъ, а наидальше трехъ лѣтъ, когда не только вы, но и все христіанство будетъ горевать о потерѣ столь великаго сенатора и полководца“.

Король вѣровалъ, что одинъ Конецпольскій могъ отвлечь козакъ отъ ихъ руинныхъ подвиговъ и направить эту дикую силу къ государственной пользѣ. Лишь только миновалъ въ немъ первый припадокъ горя о потерѣ друга, котораго только теперь оцѣнилъ онъ по достоинству, и военачальника, котораго замѣнить кѣмъ-либо было немислимо,—онъ отправилъ гонца въ Днѣпру, разузнать, что дѣлаютъ козаки. Тьеполо писалъ въ Венецію, что Владиславъ „оставался между страхомъ и надеждою, что теперь будетъ, и признался ему, что боится (возацаго) бунта, который все уничтожить“.

Королевскимъ гонцомъ былъ Иеронимъ Радзѣвскій, въ послѣдствіи польскій эмигрантъ и предатель, рассказывавшій въ Парижѣ о своей поѣздкѣ въ Украину Французу Линажу, автору извѣстныхъ за-

*) Слова Д-ра Кубани.

***) Имя *Koniec-polski*, раздѣленное пополамъ, буквально значитъ по-русски *Конецъ Польши*.

писоць о бунтѣ Хмельницкаго. Это былъ hono novus между польскою знатью, какъ и Оссолинскій; но разницу между ними составляло то, что источникъ, изъ котораго вытекла его пройдохеская душа, былъ мутенъ. Главными заслугами, поднявшими его отца изъ средней шляхты на степень воеводы и сенатора, были подвиги старопольскаго гостепріимства. Въ его имѣніи Радзѣвичахъ, въ семи миляхъ отъ столицы, стояла знаменитая корчма на 200 лошадей, съ дворовыми строениями на 1000 гостей, съ десяткомъ или болѣе пушекъ, сопровождавшихъ своимъ громомъ панскіе виваты, съ неисчерпаемымъ виннымъ погребомъ и съ отличною кухнею. Тамъ сановитый панъ Радзѣвскій предлагалъ усладительный отдыхъ заграничнымъ и земскимъ посламъ, равно какъ и членамъ Сенаторской Избы. Тамъ Сигизмундъ III и Владиславъ IV гостили по нѣскольку дней съ ряду. Не было во всей Польшѣ такихъ веселыхъ, обильныхъ и свободныхъ пировъ, какъ въ Радзѣвичахъ, и вотъ почему сынъ достойнаго родителя, Иеронимъ, сдѣлался любимцемъ короля Владислава. Впрочемъ онъ получилъ изысканное воспитаніе, владѣлъ нѣсколькими иностранными языками, говорилъ смѣло и плавно, зналъ то, что называли тогда исторіей, зналъ польскіе законы, вѣрнѣе сказать—казуистику, и при этомъ—теорію боевнаго искусства. Но всего глубже изучилъ онъ при дворѣ важную въ панской жизни науку интриги, и въ 1645 году былъ избранъ маршаломъ Посольской Избы, то-есть умѣлъ показать себя достойнѣйшимъ представителемъ палаты депутатовъ. Въ этомъ званіи выступалъ онъ противъ королевскаго правительства; но самъ король руководился такими сбивчивыми правилами въ выборѣ людей, что отправилъ его въ Украину по секретному дѣлу величайшей важности.

Иеронимъ Радзѣвскій уѣхалъ изъ Варшавы подъ предлогомъ осмотра имѣній жены своей. Оставшись молодымъ вдовцомъ послѣ перваго, весьма выгоднаго брака, счумѣлъ онъ жениться на княжнѣ Евфросиніи Вишневецкой и, что еще замѣчательнѣе, отбить ее у пана Денгофа, съ которымъ она была обручена. Ея-то *отъно* поѣхалъ онъ осматривать въ Украинѣ.

Былъ у него тамъ старый знакомый, войсковою асаулъ, Иванъ Барабашъ, сынъ Дмитрія, гетманившаго козаками въ 1617 году. Этому Барабашу отдалъ онъ „королевскіе листы“, въ которыхъ король увѣрялъ, что козакамъ будутъ возвращены ихъ „прежнія права“. Барабашъ увѣдомилъ о томъ дружественныхъ козаковъ, и въ томъ числѣ вума своего, Богдана Хмельницкаго, войсковаго писаря, пользовавшагося большою популярностью въ козацкой средѣ. Четверо вой-

сковыхъ старшинъ отправились немедленно въ Варшаву, именно: Иванъ Гарабапъ, Илья или Ильяпъ, извѣстный между козаками подъ именемъ Вірмена (Армянина), а между панами—подъ именемъ Вадовскаго*), Нестеренко и Богданъ Хмѣль, котораго паны, для польскаго благозвучія, именовали Хмельницкимъ. Радзѣвскій рекомендовалъ Хмельницкаго особенному вниманію короля, какъ бы оправдывая древнюю пословицу: „подобный подобному нравится“.

Съ этими представителями Запорожскаго войска Владиславъ совѣщался ночью, въ присутствіи только семи лицъ, которыхъ козаки, въ своихъ показаніяхъ, называли сенаторами, принимая за польскаго сенатора и самого Тьеполо. Онъ повелѣлъ козакамъ быть готовыми къ сухопутному и къ морскому походу, но противъ какого непріятеля, не обозначилъ. Козаки предлагали ему къ услугамъ 50.000 войска, „а повелить король“ (говорили они), „то, по его мановенію, станеть насъ и 100.000“. За это король обѣщаль имъ вернуть „старыя привилегіи“, увеличить число ресстровиковъ до 20.000 и не дозволить польскимъ хоругвямъ „лжать на лёжахъ“ дальше Бѣлой Церкви.

Говорили въ Польшѣ послѣ катастрофы, что король, давая козакамъ обѣщанія, утаилъ это отъ своего канцлера, а Радзѣвскій (по словамъ Липажа) рассказываетъ въ Парижѣ, что роковую тайну знали только четыре сенатора. (Это напоминаетъ намъ Стефана Баторія, доврившаго свой замыселъ о Турецкой войнѣ только четыремъ панамъ). Какъ бы то ни было, по совѣщанія польскаго короля съ козаками представляютъ видъ заговора противъ республиканскаго государства. Въ позднѣйшей обвинительной запискѣ, извѣстной подъ заглавіемъ: „Полюза Канцлерскихъ Совѣтовъ (Compendium Rad Kanclerza)“, этотъ заговоръ взваливали на Оссолинскаго; писали даже, будто козакамъ тогда шепнули, чтобъ они свергнули свое иго (excutiant jugum). Но мудрый послѣдователь апостоловъ Лойолы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ чувствовалась личная отвѣтственность, не оставлялъ явныхъ слѣдовъ своей прикосновенности къ дѣлу. Онъ могъ и руководить заговоромъ, и въ то же время держаться въ сторонѣ отъ заговорщиковъ. Сигизмундъ III и его совѣтники, іезуиты, поступали не въ одномъ случаѣ по правилу; въ случаѣ успѣха своевольниковъ, воспользоваться успѣхомъ; въ случаѣ неуспѣха, явиться передъ свѣтомъ съ омовенными руками. Этому правилу въ настоящемъ случаѣ могъ слѣдовать и Оссолинскій.

*) Шляхетская фамилія Вадовскихъ существуетъ въ Варшавѣ и нынѣ.

Одновременно съ таинственнымъ пребываніемъ Хмельницкаго въ Варшавѣ велись переговоры и съ послами того государства, которое, по праву возмездія за свое разореніе, воспользовалось результатами готовящейся въ Польшѣ усобицы. Московскихъ пословъ было четверо, и во главѣ ихъ стоялъ царскій дядя, бояринъ Василій Ивановичъ Стрѣшневъ. Онъ отличался прекрасною наружностью и такими же „обычаями“. Литовскій канцлеръ говоритъ въ своемъ дневникѣ, что „не видалъ еще у Москалей большого раціоналиста и политика“. Посольство это пріѣхало для подтвержденія Поляновскаго договора съ молодымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и, какъ доносилъ королю Стемповскій изъ Москвы, имѣло наказъ трактовать секретно о союзѣ противъ Татаръ.

Московскіе сановники не захотѣли принять участіе въ свадебныхъ пиршествахъ, чтобы не сидѣть на послѣднихъ мѣстахъ въ ущербъ чести своего государя, поэтому заболѣли всѣ четверо, и явились только на аудіенцію 24 (14) мая.

Король назначилъ пять сенаторовъ, подъ управленіемъ обохъ канцлеровъ, для разговора съ ними. Но представители Москвы не упоминали о союзѣ и не домогались аудіенціи секретной, очевидно выжидая почина отъ сенаторовъ, или отъ короля.

Не дождавшись этого отъ польскихъ дипломатовъ, Стрѣшневъ заговорилъ о необходимости согласія между христіанскими государями, и объявилъ царскую волю заключить съ королемъ договоръ противъ Татаръ, которые набѣгаютъ ежегодно на оба сосѣднія государства и тысячами уводятъ христіанъ въ неволю. Рѣчь свою закончилъ онъ такими словами:

„Вѣдомо учипялось нашему великому государю, что турецкій султанъ, Ибрагимъ, побѣжденъ отъ Венетовъ, и что турецкія войска обсадили критскую Канею, а теперь осада ихъ погибаетъ отъ голода: затѣмъ что султанъ помочи послать не можетъ. Тотъ же султанъ, желая постропить сто новыхъ галеръ, не имѣетъ способныхъ людей, и для того послалъ къ крымскому хану, чтобы шель тотчасъ на Московское Царство да на Польское королевство и набралъ бы невольниковъ на новыя галеры. И теперь самое время, чтобы оба великіе государя соединились для обороны вѣры. Нашъ государь крѣпко мыслить о томъ, чтобы соединиться съ вашимъ государемъ. Послалъ онъ войско для обороны своихъ украинъ, подъ начальствомъ бояръ, князя Никиты Ивановича Одосвскаго да Василя Петровича Шереметева. Если Татары пойдутъ на королевскую украину, то великій нашъ государь желаетъ помогать королю своимъ войскомъ соединенно

съ войсками королевскими. И вамъ бы, радные паны, надлежало мыслить о томъ, и короля вашего приводить къ тому, чтобъ онъ, для избавленья Христіанства въ это столь удобное время, благоволилъ отворить Днѣпръ и повелѣлъ днѣпровскимъ козакамъ съ донскими козаками воевать Крымцевъ, а гетману своему повелѣлъ бы, чтобъ онъ стоялъ на Украйнѣ въ готовности и съ царскими воеводами ссылася бы, какъ обоудно становится противъ Татаръ и въ какихъ мѣстахъ соединяться“.

Сенаторы отвѣчали: „Мы отъ всей души тому рады, и молимъ Бога, чтобы благословилъ десницы обоихъ монарховъ, поднятыя надъ головами язычниковъ“.

Когда, послѣ засѣданія, доложили королю, онъ обрадовался чрезвычайно. Но созванный на другой день совѣтъ министровъ постановилъ, вывѣдать сперва у пословъ, имѣютъ ли они полномочіе трактовать объ этомъ предметѣ.

Послы объявили, что имъ данъ только словесный наказъ. Тогда коронный канцлеръ сказалъ имъ, — что сенаторская рада откладываетъ это дѣло до посольства, которое король и Рѣчь Посполитая отправятъ въ Москву.

Послы поцѣли головами и, вернувшись въ свое жилище, тотчасъ послали къ царю гонца.

Московскій царь желалъ того самаго, что и польскій король: желалъ воспользоваться Венеціанскою войной и завоевать Крымъ. Когда Стрѣшневъ ѣхалъ въ Польшу, война съ Татарами была въ Москвѣ дѣломъ рѣшеннымъ. Князь Семень Михайловичъ Пожарскій получилъ приказаніе созвать въ Астрахани, въ видѣ охотниковъ, погайскихъ мурзъ да Черкесовъ и привести ихъ на Донъ. Воеводѣ Кондыреву было наказано собрать въ Воропежѣ 3.000 царской рати изъ украинныхъ городовъ, соединиться съ Пожарскимъ и двинуться къ Азову, въ помощь донцамъ, которые между тѣмъ должны были начать съ Татарами войну. Въ арріергардѣ стояло 80.000 войска подъ начальствомъ Одоевского и Шереметева.

Стрѣшневъ держалъ все это въ секретѣ. Онъ желалъ, чтобы король позволилъ запорожскимъ козакамъ соединиться съ донцами и вторгнуться въ Крымъ, какъ это не разъ уже они дѣлали, а когда бы Орда вторгнулася въ Московское Царство, въ такомъ случаѣ оба союзныя государства должны были помогать другъ другу, какъ въ прошломъ году. Еслибъ его желаніе исполнилось, то царь воспользовался бы козацкой помощью и, въ случаѣ надобности, обороною со стороны польскаго войска, а Москва не была бы ни къ чему обязана, такъ

какъ было извѣстно, что Менгли-Гирей замышляетъ идти не на Польшу, а на Московское Царство. Данный ему отвѣтъ разрушалъ его планъ и грозилъ царю опасностью.

Не теряя времени, Стрѣшневъ началъ секретно трактовать съ королемъ, высказалъ царскія предположенія и объявилъ, что царь, „довѣряя королю, какъ брату, желаетъ, чтобы союзною христіанскою рукой общій непріятель былъ обузданъ и уничтоженъ“.

Готовность Москвы ускорила окончательную рѣшимость короля. Настало наконецъ время ударить соединенными польскомосковскими силами на Татаръ, о чемъ такъ страстно мечтали, чего такъ энергически добивался еще Стефанъ Баторій. Но главный совѣтникъ и дѣятель Татарской войны уже не существовалъ. Король постановилъ предоставить войну съ Татарами Москвѣ, самъ же онъ, имѣя свободныя руки, ударить на Турцію.

Послѣ совѣщанія съ панами, Стрѣшневу данъ такой отвѣтъ:

„Король повелѣлъ коронному полевому гетману своситься съ царскими воеводами по предмету отраженія татарскаго набѣга, какъ и въ прошломъ году гетманъ былъ готовъ прійти въ помощь царскимъ войскамъ, только морозы помѣшали. Король желаетъ, чтобы въ настоящемъ году войска обоихъ монарховъ стояли на готовѣ для обороны обоихъ государствъ отъ набѣга, дальнѣйшее же, большее дѣло хотѣлъ бы отложить на будущее время, такъ какъ запорожскіе козаки не могутъ скоро выйдти на море: ибо всѣ ихъ челны сожжены, а новыхъ нынѣ дѣлать нельзя. Король думаетъ, что Татаръ наилучше воевать тогда, когда султанъ разошлетъ Орду на свою службу. Дозволить козакамъ воевать Крымъ совмѣстно съ донцами король не можетъ: ибо между Польшей и Турціей вѣчный миръ“.

Къ такому отвѣту привели сенаторовъ отчасти извѣстія изъ Крыма и пріѣздъ татарскаго посла, который привезъ королю „все направленное къ миру“. Дѣло въ томъ, что ханъ поссорился съ султаномъ, и можно было надѣяться, что не вторгнется въ Польшу, хотя бы король и нарушилъ миръ съ Турціей. Этимъ способомъ еще по крайней мѣрѣ на одинъ годъ освобождалась Польша отъ набѣга Татаръ, которые сами искали мира и должны были отражать Москву. Въ наихудшемъ случаѣ, то есть, когда бы ханъ, во время войны съ Турціей, вторгнулся въ Польшу, король обезпечилъ себѣ московскую помощь.

Такъ стояли въ Польшѣ вещи по отношенію къ тому государству, которому вскорѣ сами Поляки, споткнувшись на Баторіевскомъ вопросѣ о всемірномъ господствѣ папы подъ эгидою польскаго рыцарства, дали

возможность возвратитъ съ лихвою потери, повесенныя въ отрицаніи такого господства. Мечтательный король и мечтательный по своему канцлеръ были только стимулами многолѣтней борьбы между великими силами — католичествомъ и православіемъ.

Со времени таинственныхъ переговоровъ съ козаками, Владиславъ не переставалъ обдумывать планъ Турецкой войны, которая должна была кончиться изгнаніемъ Турокъ изъ Европы, возсозданіе Восточной Имперіи и, безъ сомнѣнія, введеніемъ обѣихъ нашихъ Россій въ систему единой вселенской церкви.

Присшествія, случившіяся въ послѣдніе мѣсяцы, благоприятствовали его замысламъ. Все вокругъ него устранивалось такъ, чтобы вовлечь Польшу въ эту войну. Вооруженія Венеціи, предлагаемыя ему субсидіи, посольство московское, обоеихъ придунайскихъ княжествъ и татарское, все побуждало его къ дѣйствию. Турція была развлечена внутренними волненіями: ей угрожала междоусобная война. Въ азіатскихъ и европейскихъ провинціяхъ готовились возстанія, которыя Венеціанцы поджигали. Можно было надѣяться, что, съ приближеніемъ польскаго войска, всѣ турецкіе христіане встанутъ и увеличатъ силы короля въ десять разъ. Владиславъ надѣялся также, что папа, императоръ, князья итальянскіе и нѣмецкіе, Франція, Испанія, даже Швеція — поддержать его предпріятіе. Онъ хотѣлъ склонить къ войнѣ съ султаномъ Персію и Морокко, рассчитывалъ и на Москву, что она, завоевавши Крымъ, дастъ ему помощь. Словомъ, замышлялъ привести въ движеніе весь міръ и, во главѣ Христіанства, уничтожитъ могущество магометанъ, а потомъ дѣла пойдутъ сами собою къ устройству всемірной имперіи съ такой основой, которой бы позавидовалъ и самъ Александръ Великій, съ основой всеобъемлющаго и всепросвѣщающаго католичества.

Воображеніе короля-мечтателя, работая день и ночь надъ одной мыслью, питалось постоянно новыми впечатлѣніями. Онъ былъ суевѣренъ; онъ думалъ, что его будущность предопредѣлена въ ходѣ небесныхъ свѣтилъ, и вѣрилъ предсказаніямъ астрологовъ. Онъ и свою жалкую женитьбу считалъ счастливымъ предзнаменованіемъ, такъ какъ Марія Гонзага была послѣдняя наслѣдница Палеологовъ, и льстецы, еще до замужества, предсказывали ей греческую корону. „Въ ея происхожденіи“ (говоритъ ея брачный контрактъ) „видѣли соединенными имя, надежду и святость Восточной Имперіи“. Каждый день приносилъ Владиславу какое-нибудь счастливое извѣстіе; все, какъ бы какимъ чудомъ, какъ бы чародѣйскою силою приведенное въ движеніе, соединялось для осуществленія плановъ его.

Обружавшіе короля ласкатели поддерживали его рыцарскія фантазіи. Кромѣ Оссолинскаго, то были большею частью иностранцы, люди характера отважнаго, какъ разъ подъ стать козакопольскому характеру Владислава.

Впереди всѣхъ стояли два брата Магни, родомъ Миланцы, которыхъ отецъ заслужилъ у императора помѣстья въ Чехіи. Извѣстный уже намъ капуцинъ, Валеріанъ Магни, молчаливый, видомъ смиренный старикъ, былъ теологъ, астрологъ и философъ, прославившійся множествомъ суевѣрныхъ сочиненій, изданныхъ въ Вѣнѣ, Антверпенѣ, Болоніи, Краковѣ и Варшавѣ. Подъ монашеской рясою скрывалъ онъ такое же честолюбіе, каковымъ пылалъ титулярный польскій король среди фактическихъ королей польскихъ. Онъ мѣтилъ попасть въ римскіе папы на землѣ и въ прославленные Божіи святые на небѣ. Его-то внушеніямъ Владиславъ былъ обязанъ мыслью о крестовомъ походѣ еще въ званіи королевича. Глубокою вѣрою въ свои католическія утопіи, поражающею ученостью, пронырливымъ умомъ и суровою монашескою жизнью Валеріанъ Магни внушалъ всѣмъ, кто съ нимъ сблизался, увѣренность въ его будущности, но больше всѣхъ своему брату, графу Магни. Тотъ желалъ быть королемъ, и надѣялся взойти на какой-нибудь престолъ, когда старшій братъ возсядетъ на Святомъ Сѣдалищѣ въ Римѣ, а Владиславъ—на тронѣ Палеологовъ въ Константинополѣ. Графъ Магни появился въ Польшѣ еще въ 1637 году, въ качествѣ агента своего брата, капуцина, по сватовству короля за Цецилію Ренату, и съ того времени пользовался чрезвычайно благосклонностью Владислава за свою говорливость обо всѣхъ европейскихъ дворахъ, которыхъ тайны были ему извѣстны въ подробностяхъ, а въ особенности за свою преданность идеѣ абсолютнаго монархизма и критику республиканскихъ учрежденій.

Послѣ этихъ двухъ ближайшихъ къ королю иностранцевъ, пользовался его благосклонностью Фантони Итальянецъ, простонароднаго происхожденія, поэтъ и музыкантъ. Видя, что въ Польшѣ пренебрегаютъ простолюдинами, не взирая на ихъ таланты,—онъ сдѣлался всензомъ каноникомъ и королевскимъ секретаремъ. За это Поляки ненавидѣли его, столько же, какъ графа Магни за порицаніе республиканскихъ обычаевъ. Но король ввѣрялъ перу Итальянца то, чего не смѣлъ ввѣрить ни одному Поляку,—и тѣ изъ кичливыхъ Полонусовъ, которые подъ безмолвіемъ секретаря видѣли вліятельнаго совѣтника, осыпали его подарками.

Далѣе слѣдовалъ Джіованни Бантиста Тьеполо. Этотъ Венеціанецъ былъ приставомъ у Владислава, когда онъ, въ званіи польскаго

в королевича, гостилъ въ Республикѣ Святаго Марка. Владиславъ по любилъ его и приглашалъ въ Польшу; но Тьеполо обѣщалъ явиться къ нему не прежде, какъ онъ будетъ королемъ,—и въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ къ Владиславу IV въ Гродно. Онъ былъ принятъ какъ нельзя ласковѣе, и съ того времени Венеціанцы стали видѣть въ немъ „пріятеля польскаго короля“. Такъ онъ попалъ въ посланники, когда синьорія обратилась ко всѣмъ дворамъ съ просьбами о помощи. Этотъ въ сущности такой же пустой малый, какъ и всѣ приближенные къ особѣ короля иностранцы, не сдѣлалъ въ Польшѣ ничего путнаго ни для Владислава, ни для своего отечества. Играя роль глубокаго политика, онъ вѣровалъ въ счастливую звѣзду польскаго короля, и былъ готовъ рисковать своимъ имуществомъ для войны съ Турками. Предокъ его, Джакоббо Тьеполь, былъ первымъ венеціанскимъ княземъ въ Кандіи (1212) и привелъ Венецію къ обладанію этимъ островомъ, гдѣ домъ нобилей Тьеполо владѣлъ значительными имѣніями. Естественно, что король, въ своей страсти къ войнѣ, подчивялся странности, съ которою венеціанскій посолъ проповѣдывалъ возавопольскій походъ на Черное море.

Но на первомъ мѣстѣ въ числѣ тѣхъ, которые совѣтовали королю воевать съ Турціей, стоялъ талантливый пройдоха, Оссолинскій. Правда, планъ его состоялъ только въ томъ, чтобы принять подъ королевское верховенство господарей, очистить отъ Татаръ Буджаки, занять турецкія крѣпостцы надъ Чернымъ моремъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ, поселить по нижнему Днѣпру и черноморскому берегу козаковъ. Правда и то, что для выполненія этого плана не надобно было вербовать большаго войска и собирать громаднхъ суммъ, такъ какъ нигдѣ въ этихъ мѣстахъ не было турецкихъ гарнизоновъ, которые султанъ постигивалъ для войны съ Венеціей. Достаточно было вооруженныхъ силъ двухъ господарей, обыкновеннаго квартанаго войска, козаковъ и венеціанскихъ субсидій, раздѣленныхъ между можновладниками. Въ случаѣ же, когда бы Турки, по истеченіи двухлѣтнаго договора съ Венеціей, захотѣли возвратить утраченныя провинціи,—господари и козаки могли бы сами себя оборонять, безо всякихъ издержекъ со стороны Рѣчи Посполитой. Но, хотя канцлеръ и не переходилъ, въ своемъ планѣ, черезъ Дунай, тѣмъ не менѣе планъ этотъ былъ первымъ шагомъ Польши въ Турецкой войнѣ, вторженіемъ въ предѣлы Турціи, и потому король слѣдовалъ довѣрчиво совѣтамъ своего канцлера. Съ своей стороны Оссолинскій не видѣлъ законной или казуистической необходимости отступать отъ своихъ предначертаній изъ-за того, что король замышляетъ идти дальше. Занять приду-

майскія княжества было не трудно, а дальнѣйшій походъ зависѣлъ отъ столькихъ обстоятельствъ и требовалъ такихъ приготовленій, что на него можно было смотрѣть, какъ на созданіе фантазіи, которое исчезнетъ само собою, лишь только столкнется съ дѣйствительностью и съ оппозиціей всего Шляхетскаго Народа; изолировать же явно короля съ его великолѣпными планами значило бы—отказаться отъ опоры своего могущества не только въ Польшѣ, но и за-границею. А въ тотъ вѣкъ, когда Валленштейнъ читалъ въ созвѣздіяхъ свою великолѣпную будущность, чего не могъ вообразить о себѣ польскій выскочка, которому казалось, что онъ побѣждалъ и самую фортуна? И король и королевская республика—по всему видно—были только орудіями и, если понадобится, жертвами его махинацій, такъ точно, какъ и въ глазахъ его создателей—іезуитовъ.

Канцлеръ стоялъ тогда въ зенитѣ своего значенія и вліянія. Великія и малыя земли искали его благосклонности. Дворы его палаты, его переднія и залы были переполнены шляхтою. Когда онъ шествовалъ въ королевскій замокъ, или возвращался отъ короля, ему сопутствовала цѣлая группа сенаторовъ. Родные канцлера, пріятели, слуги—все сіяло лучами монаршаго благоволенія.

И не былъ антуражъ Оссолинскаго мелкимъ ласкательствомъ людей, добившихся кой-какъ „сенаторской лавицы“. Вся Польша, претворенная іезуитами во что-то совсѣмъ непохожее на грубую, но честную и благородно гордую Сарматію временъ доіезуитскихъ, видѣла въ коронномъ канцлерѣ то, что, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ, желали бы Поляки видѣть въ своихъ сыновьяхъ и внукахъ. Когда великій канцлеръ выдавалъ дочь свою, Терезу, за Сигизмунда Денгофа, совальскаго старосту, сѣрадзскаго воеводича и племянника по сестрѣ коронному великому гетману Конецпольскому (а было это въ февралѣ 1645 года),—во второй день свадебныхъ церемоній раппа młoda получила 70 дорогихъ подарковъ изъ разныхъ сторонъ Польши; въ третій день опять поднесли ей 80 подарковъ, въ числѣ которыхъ были приношенія отъ седмиградскаго князя, Ракочія, отъ князя курляндскаго и почти отъ всѣхъ польскихъ городовъ; а подарки въ тотъ вѣкъ считались не посулами, предосудительными для честнаго дома: они были выраженіемъ вниманія и почитанія; они у знатныхъ и богатыхъ людей составляли предметъ особеннаго честолюбія. Въ этомъ смыслѣ сосчитано, что молодая пани Денгофъ получила свадебныхъ подарковъ на 150.000 злотыхъ.

Король отличалъ канцлера отъ всѣхъ своихъ подданныхъ, и дѣлалъ ему почести, подобающія принцамъ крови; а самый гордый,

знатный и вліятельный изъ можновладниковъ, глава католической партіи въ Польшѣ, князь Альбрехтъ Радивиль, передавая невѣсту изъ родительскихъ рукъ въ руки жениха, счелъ достойнымъ своего сана и характера превозносить заслуги Оссолинскаго. Послѣ краткаго изложенія исторіи дома его, повѣствовалъ онъ широкобѣзпачательно о жизни и дѣлахъ самого канцлера: какъ Оссолинскій съ юныхъ лѣтъ, подобно пчелѣ, бралъ и усматривалъ то, что было услугою королямъ, опорой отечеству и утѣшеніемъ собственному дому; какъ онъ, будучи посломъ и маршаломъ Посольской Избы, улаживалъ величайшія затрудненія; какъ счастливо выполнилъ посольство въ Англію; какъ своимъ краснорѣчіемъ и пышностью возвѣщалъ въ Римѣ славу и величіе своего короля; какъ убѣдилъ Апостольскую Столицу къ соизволенію по предметамъ величайшей для Рѣчи Посполитой важности; какъ въ Регенсбургѣ содѣйствовалъ элекція императора Фердинанда III, и устроилъ бракосочетаніе императорской дочери съ королемъ; какъ строилъ замки, костелы, семинаріи; какъ изъ чужихъ краевъ привлекалъ въ Польшу монаховъ небывалыхъ дотошъ въ ней орденовъ; современныя же заслуги короннаго канцлера, его труды и попеченія литовскій канцлеръ оставилъ „похвалямъ вѣковъ градущихъ“.

И такъ вотъ они, тѣ люди, которые устраняли всякое заврѣніе совѣсти и всѣ сомнѣнія короля, которые утверждали его въ опасномъ замыслѣ и окружили туманомъ общихъ въ Польшѣ понятій о долгѣ и честности, свозъ который онъ смотрѣлъ на свѣтъ. Капуцины Валеріанъ и графъ Магни, каноникъ Фантони, венеціанскій посолъ Тьеполо и коронный канцлеръ Оссолинскій замѣняли для него людей дальновидныхъ, одаренныхъ умомъ и сердцемъ Конецпольскаго. Владиславу казалось, что всѣ того жаждутъ, чего жаждетъ онъ. Король только съ тѣми проводилъ пріятно время, съ кѣмъ говорилъ свободно о своихъ планахъ, и потому сдѣлался для прочихъ недоступнымъ. „Только эти люди имѣютъ свободный доступъ къ королю“ (писалъ современникъ). „Королевскіе слуги сторожатъ каждую дверь; не отойдутъ и не поднимутъ портьеры ни для кого, пока имъ кто-нибудь изъ этихъ великихъ не прикажетъ“.

При такихъ-то обстоятельствахъ образовался широкій планъ Владислава IV, и такъ сросся съ его душою, что никакія затрудненія, никакія препятствія не могли потомъ прогнать его изъ королевской головы. Владиславъ стоялъ на своемъ до самой смерти, не взирая на то, что всѣ отъ него отшатнулись.

Въ апрѣлѣ 1646 года, пока еще московскіе послы не выѣхали изъ Варшавы, Турецкая война была у него дѣломъ рѣшеннымъ, какъ
т. п.

у московскаго царя—Татарская. Въ этомъ мѣсяцѣ были кончены его договоры съ Москвою, съ козаками, съ послами господарей и съ Венеціанскою Республикой.

Тьеполо увѣдомилъ свою синьорію, что волопскій господарь пойдетъ къ Дунаю съ 30.000 войска, которое будетъ служить авангардомъ королевской арміи. То же самое сдѣластъ мультянскій господарь съ 20.000 войска. Къ нему де посланъ литовскій полководецъ гетманъ, князь Янушъ Радивилъ, для поужденія къ скорѣйшему исполненію заключеннаго съ королемъ договора. Князя седмиградскаго увѣдомилъ король чрезъ нарочнаго гонца о своемъ предпріятіи. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вознамѣрился онъ собрать болѣе 20.000 козацкой милиціи, кромѣ 6.000 регулярнаго войска, обыкновенной своей гвардіи. Далѣе писалъ Тьеполо, что король повелѣлъ полковому гетману, чтобы въ соединенія съ московскими полководцами, готовился вызвать войну съ Татарами, а когда въ іюнѣ и въ іюлѣ будетъ отворенъ Днѣпръ, козаки выйдутъ на море; наконецъ, что онъ призвалъ къ себѣ нунція и отдалъ ему собственноручное письмо къ папѣ, въ которомъ просилъ о скорой, столь необходимой помощи.

Тьеполо, какъ сказано выше, уменьшилъ сумму 600.000 талеровъ, которые Венеція ассигновала для Польши, и предложилъ королю отъ синьоріи только 400.000. По смерти Конецпольскаго, „для воспламененія и пробужденія ума короля“, прибавилъ еще 100.000, говоря, что дѣластъ это сверхъ давнаго ему наказа. Въ счетъ своей прибавки, онъ тотчасъ отсчиталъ 20.000.

Въ то же время Владиславъ далъ аудіенцію двумъ греческимъ монахамъ. Они уже четыре мѣсяца ждали ея съ письмами отъ восточныхъ архіереевъ, которые молили короля о помощи польскимъ войскамъ, клятвенно увѣряя, что оно будетъ сильно поддержано ими и всею Греціею.

На бѣду Польши, тутъ же вынырнулъ изъ забвенія извѣстный уже намъ Александръ Оттоманушъ, ипаче султанъ Ахія, если не кто-нибудь другой подъ его именемъ. Теперь это поворожденное чадо самозванщины, выработанной папскими приверженцами на бѣду Россіи, назвали султаномъ Захією Оттоманпо, ипаче Александромъ графомъ Монтенегри. Въ концѣ прошлаго года, слѣдовательно черезъ десять лѣтъ послѣ напрасныхъ подступовъ къ царскому правительству, появился онъ во Львовѣ и обратился къ королю съ увѣреніями, подобными тѣмъ, которыя Москва извѣла уже къ ихъ истинному значенію. Владиславъ не сомнѣвался, какъ и его любимцы козаки въ 1625 году, что на Турокъ встанутъ всѣ Греки и турецкіе Славяне.

Венеціанская Республика предполагала выслать войска въ Фріули и Далмацію, и поддержать возстаніе въ Босніи, которое дѣйствительно вспыхнуло въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Къ Стемповскому, своему послу въ Москвѣ, король послалъ наказъ, чтобъ, узнавъ хорошо намѣреніе царя, составилъ прелиминарные пункты наступательно-оборонительнаго союза.

Владиславъ постановилъ — увеличить силы свои въ первомъ году войны до 50.000, именно до 20.000 козацкой милиціи и 30.000 регулярнаго войска различныхъ вооруженій, которое повелѣлъ вербовать и въ Польшѣ и въ Германіи. Нѣмецкою конницею долженъ былъ предводить генераль-лейтенантъ, графъ Ваудисенъ, пѣхотою — генераль-маіоръ фонъ Видель, артиллеріей — Криштофъ Аргиншевскій.

Кромѣ того король рассчитывалъ на помощь польскихъ пановъ и надѣялся, что, въ случаѣ надобности, они предоставятъ въ его распоряженіе свои паворныя хоругви, состоявшія почти изъ одной конницы.

По ревнивому исчисленію Шляхетскаго Народа, боявшагося воинскихъ подвиговъ своего короля, Владиславъ надѣялся, въ случаѣ, когда бы султанъ перенесъ войну въ Польшу, противопоставить ему 100.000 козацкой пѣхоты сверхъ 6.000 ресстровиковъ, 52.000 панской конницы, 30.000 регулярнаго войска и 50.000 войска господарскаго всего до 250.000, къ которымъ, по окончаніи Крымской войны, должно было присоединиться 100.000 московской рати.

Войну было предположено начать безотлагательно. Въ концѣ іюля Владиславъ намѣревался выступить во Львовъ, 4 августа — соединиться съ полевымъ гетманомъ и двинуться къ Подольскому Каменцу. Оттуда гетманъ долженъ былъ, съ частью войска и съ панскими ополченіями, идти къ Диѣпру и тамъ, въ соединеніи съ московской ратью, стоять противъ Татаръ; король же, съ сорока сляшкомъ ты сячами, предположилъ направиться между Диѣпромъ, Бугомъ и Диѣстромъ на Очаковъ, Бѣлгородъ и другіе ближайшіе приморскіе города, выбить изъ Буджаковъ Татаръ и овладѣть турецкими крѣпостями. А чтобы Турки не препятствовали съ сухаго пути, волошскій и мультаянскій госнодари обѣщали оборонять переходы черезъ Дунай, лишь бы только имъ было послано въ помощь сколько-нибудь польскаго войска.

Таковъ былъ планъ кампаніи 1646 года, фантастическій на взглядъ пановъ домождовъ и хозяйственной шляхты, по сравнительно съ ничтожными ополченіями будущей безгосударной Польши — грандіозный. Оставалось только найти предлогъ къ нарушенію мира съ Турціей и сочинить законное въ глазахъ Рѣчи Посполитой основаніе

для веденія войны; ибо королевская присяга не дозволяла Владиславу безъ соизволенія сейма, ни собирать войско, ни заключать союзы, ни вести наступательную войну.

Оссолинскій изыскалъ на то способы. Военныя дѣйствія короля должны быть обращены противъ Татаръ, но противъ Татаръ Бужацкихъ.

Турецкое названіе *Буджакъ* по-русски значитъ *кутъ*. Буджакъ, или куты, обнимали край между Чернымъ моремъ, Днѣстромъ и Дунаемъ, съ городами: Бендеры (Тегинь), Измаиль, Аверманъ (Бѣлгородъ), Килія и Рени. Тамъ, въ XVI столѣтіи, поселились Ногайцы, крымскіе бунтовщики, подобные утѣвачамъ на Запорожьѣ, и распространили свои кочевья за Днѣстръ. Жили они, какъ и наши запорожскіе козаки, почти исключительно добычею, а добычнымъ поприщемъ служили имъ Подоля, Украина и Волянь.

Первымъ и главнымъ условіемъ мира, заключеннаго между Рѣчью Посполитою и Турціей въ 1634 году, было: „чтобы Татары были выселены изъ Буджаковъ и кочевья ихъ сожжены“. Это была *conditio sine qua non* со стороны Польши. Но Турція не выполнила своего обязательства. Хотя король безпрестанно настаивалъ на разсѣяніи этой орды, она, какъ бы на зло ему, дозволяла усиливаться Бужацкимъ Татарамъ, такъ что число ихъ въ 1645 году возросло до 20.000 наѣздниковъ. Это были Татары самыя воинственные, самыя дикіе, наилучше вооруженныя и наибольше чуждые промысламъ мирнымъ. Если на Крымъ смотрѣть, какъ на Украину Турціи, то они для крымскаго хана были то, что для колонизаторовъ польской Украины были запорожцы, а для турецкаго султана—то, чѣмъ запорожцевъ желалъ и, при другихъ условіяхъ, могъ бы сдѣлать польскій король.

Цѣлая область между Буджаками и Малороссіей были заняты кочевьями сбродныхъ Татаръ. Въ широкихъ промежуткахъ между ихъ вочевьями, мяляхъ на десяти и больше, не было никому возможности ни поселиться, ни проѣхать безопасно за ихъ разбоями и хищничествомъ. Враги крымскаго хана и слуги турецкаго султана, бужацкіе наѣздники безпрестанно вторгались въ польскіе предѣлы, не входя глубже шести или семи миль, и, послѣ нѣсколькихъ дней грабежа, возвращались обремененныя добычей. Турція, повидимому, смотрѣла съ удовольствіемъ на то, что южныя окраины Польши вѣчно терпѣли безпокойства и утраты, вѣчно находились въ оборонительномъ положеніи.

И вотъ эти-то Татары долженствовали сдѣлаться главнымъ поводомъ къ нарушенію мира. Въ случаѣ упрековъ со стороны сеймо-

выхъ представителей Рѣчи Посполитой, король могъ заслониться постановленіемъ, обязывавшимъ его „отвращать опасности, грозящія государству, каковы суть набѣги Татаръ“. На этомъ основаніи могъ онъ, подъ видомъ войны оборонительной, начать войну наступательную. Очистивъ Буджаки и стоя съ войскомъ надъ Дунаемъ, далъ бы онъ сигналъ общаго возстанія христіанъ Турціи, а принимая господарей подъ свое покровительство, на чтò имѣлъ всяческое право, этимъ самымъ началъ бы войну съ Турціей. Волей и неволей должна была бы тогда Рѣчь Посполитая помогать ему, еслибы не хотѣла ждать страшнаго возмездія.

Начертавъ мысленно планъ великой войны въ строжайшей тайнѣ, такъ что и ближайшіе ко двору сановники не догадывались, въ чемъ дѣло, король повелѣлъ призвать въ Варшаву нужныхъ ремесленниковъ, инженеровъ и вербовщиковъ, а самъ, позабавившись якобы беззаботно въ замкѣ комедіей, отплылъ по Вислѣ вмѣстѣ съ королевой на охоту въ Стембовъ. Но тамъ, подъ вліяніемъ венеціанскаго посла, измѣнилъ планъ дѣйствія и рѣшился выступить съ своимъ замысломъ открыто. Вернувшись въ маѣ съ охоты, Владиславъ объявилъ публично Турецкую войну, и съ лихорадочной поспѣшностью началъ приготовленія, точно какъ будто совершившимся фактомъ, энергіей своихъ движеній и молвой о приготовленіяхъ хотѣлъ увлечь за собой республиканское государство и подавить въ немъ оппозицію.

Это былъ такой взрывъ долго сдерживаемой страсти къ славѣ и величію, несчастливѣйшей изъ польскихъ страстей, что послѣдовательно идущій къ своей цѣли канцлеръ долженъ былъ ужаснуться орудія собственной мечты своей.

Варшава вдругъ начала наполняться войскомъ. Предводитель королевскихъ трабантовъ, Янъ Денгофъ, получивъ повелѣніе вербовать гвардію, устроилъ въ самой Варшавѣ контору вербовки. Капитаны Шлайтеръ и Корфъ, произведенные теперь въ подполковники, вербовали шляхту въ Мазовецкомъ воеводствѣ. Кородная хоругвь была отдана Антоцію Пацу, съ повелѣніемъ набрать нѣсколько полковъ конницы. Оговсюду звали на войну. Арсеналь наполнялся рабочими, замокъ — новобранцами.

Королевскій дворецъ въ Уяздовѣ стоялъ какъ бы посреди лагеря, окруженный палатками, возами, торговцами и шумно толкающимися жолнерами. Осѣдланые кони, поминутно выбѣгающіе вѣстовые, наплывъ разнообразно вооруженныхъ офицеровъ, мунтующіеся на площади отряды пѣхоты, звяканье оружія и толпящіеся караулы,— все это характеризовало главную квартиру полководца, а не резиденцію короля

Самъ Владиславъ, помолодѣвшій, возбужденно дѣятельный, назначалъ полковниковъ и капитановъ, отправлялъ вербовщиковъ за-границу, пѣхоту вербовалъ лично, приказывалъ объѣзжать лошадей, ревизовалъ ежедневно арсеналъ. При немъ изготовлено 36 пушекъ, огромный запасъ пороху, ядеръ, бомбъ и гранатъ: все это 18 (8) мая должно было идти во Львовъ.

Съ началомъ августа кампанія должна была открыться. Въ Яссахъ была назначена главная квартира короля. Тамъ господари должны были собирать съѣстные припасы, фуражъ и матеріалы для постройки мостовъ.

Всѣ приготовленія дѣлалъ король открыто, передъ глазами всего свѣта. На поверхностный взглядъ, ему оставалось только выступить въ поле. Но это были дѣйствія или человѣка сумасшедшаго, или же короля, задумавшаго рѣшительнымъ движеніемъ спасти государство свое отъ олигарховъ, рискуя семейными жертвами и личными опасностями.

Возможности такого замысла не допускали фактическіе короли Польши, которымъ и во снѣ не снилось, что даже возакъ скоро будетъ нагибать ихъ подъ свою дикую волю. Оссолинскій испугался отвѣтственности передъ соправителями своими за поддержку титулярнаго короля. Взвѣсивая двѣ соперничающія силы, канцлеръ зналъ, что король неспособенъ восторжествовать надъ оппозиціей и увлечетъ его своимъ паденіемъ, если онъ останется явно на сторонѣ государя, возмутившагося противъ подданныхъ. „Если же провидѣнію святаго маестата Божія“ (могъ думать на своемъ языкѣ Оссолинскій) „будетъ угодно возстановить такъ внезапно Восточную Имперію, какъ внезапно устраненъ имъ съ моего жизненнаго пути непреодолимый соперникъ, Янушъ Острожскій, то цовый императоръ безъ такого канцлера не обойдется, и, при его слабомъ характерѣ, не трудно будетъ мнѣ стать одесную всемирнаго властителя“.

Оссолинскій рѣшился дѣйствовать патріотически. Когда Владиславъ просилъ его приложить канцлерскую печать къ такъ называемымъ *приповѣднимъ листамъ*, которыми ротмистры уполномочивались вербовать въ Польшѣ и за-границею войско, канцлеръ отказалъ королю въ просьбѣ. Того мало: онъ сдѣлался противникомъ войны, которую двѣ недѣли назадъ, вмѣстѣ съ королемъ, обдумывалъ.

Отказъ въ печати со стороны канцлера былъ дѣломъ законодательной предусмотрительности Шляхетскаго Народа, вѣчно боявшагося самовластия не только въ государѣ своемъ, но и въ его сановникахъ. Канцлеръ обыкновенно присягалъ не печатать приповѣдныхъ

листовъ противъ общественнаго права, дабы король не могъ собрать войско безъ позволенія своей республики.

Но противникомъ Турецкой войны Оссолинскій сдѣлался изъ опасенія междоусобія, которое могло бы вспыхнуть въ Польшѣ ради подавленія королевскаго самовластия. Въ то же самое время Турція могла бы обратить всѣ силы на Польшу, помирившись съ Венеціей. Въ этомъ Оссолинскій, какъ человекъ государственный, былъ тоже правъ. И турецкое могущество, и венеціанское торгашество понималъ онъ вѣрнѣе своего короля. Турція въ самомъ дѣлѣ, видя, что ей грозитъ война съ сѣвера, готова была заключить миръ съ Венеціей; а синьорія, какъ видно, на то и рассчитывала: ибо, въ то самое время, когда Тьеполо такъ ревностно хлопоталъ въ Варшавѣ о Турецкой войнѣ, она въ Стамбулѣ, при посредствѣ французскаго посла, старалась о мирѣ. Синьорія рѣшилась купить миръ съ Турками громадными суммами, и продолжала войну такъ, „какъ будто не хотѣла раздражить султана“. Ей было нужно, чтобы Владиславъ IV выступилъ открыто съ Турецкой войною, чтобы онъ обнаружилъ свои замыслы, и чтобы Турція узнала, чѣмъ дѣлается въ Варшавѣ. Самъ Тьеполо служилъ ей безсознательнымъ орудіемъ для ослѣпленія размечтавшагося вонтеля: онъ обѣщалъ королю три милліона скуди субсидіи, въ въ случаѣ когда бы Турція перенесла войну въ Польшу, но, по своимъ инструкціямъ, не подавалъ никакой надежды, чтобы Венеція захотѣла заключить оборонительно-наступательный договоръ съ Польшей и обязалась не заключать съ Турціей мира безъ согласія короля; а король до того увлекся погоней за славой, что принималъ, зажмури глаза, всѣ условія синьоріи, не обязывая Венеціи ни къ чему съ ея стороны.

Къ этимъ двумъ извинительнымъ причинамъ отступничества канцлера присоединился еще и недостатокъ денегъ, необходимыхъ для веденія войны, которая требовала издержекъ громадныхъ. Здѣсь неспособность короля къ великимъ предпріятіямъ выказалась поразительно. Онъ твердилъ, что у него довольно средствъ, и уже въ первые дни приготовленій долженъ былъ занять у своей нелюбимой королевы 80.000 злотыхъ, которые раздалъ полковникамъ и капитанамъ. Это само по себѣ гнусно, по въ героѣ Христіанства еще гнуснѣе данное Маріи Гонзага обѣщаніе, что за этотъ заемъ онъ будетъ раздавать всѣ должности не иначе, какъ черезъ ея руки. Суммы, которыя обѣщаль Тьеполо отъ папы и отъ князя тосканскаго, оказались весьма сомнительными. 250.000 талеровъ, которые венеціанскій посолъ занялъ подъ собственное обязательство по 7% у королевы, не были достаточны для войны, которую король постановилъ вести приватно, безъ

помощи Рѣчи Посполитой. На однѣ работы въ арсеналѣ шло у него ежедневно по 1.000 дукатовъ, а какъ приготовленія были рассчитаны на три мѣсяца, то одинъ арсеналъ требовалъ 180.000 талеровъ. Желая наwerbenъ 30.000 войска, надобно было по крайней мѣрѣ „дать на руку“ простымъ жолнерамъ столько, что это составляло до милліона флориновъ, не считая покупки лошадей, мундировъ, возовъ и платы офицерамъ. Сколько же надобно было припасти денегъ, чтобы выступить въ поле?

Неудивительно, что Оссолинскій, вида, какъ отступилъ король отъ первоначальнаго плана войны, или вѣрнѣе сказать—отъ ея таинственности, неудивительно, что онъ подчинился общему негодованію, и не только сдѣлался противникомъ короля, выльпившаго себѣ магната изъ „простой глины“, но увлекъ за собой и всю свою партію. Поляки полагаютъ, что Оссолинскій, обязанный, яко канцлеръ и сенаторъ, предостерегать Рѣчь Посполитую отъ угрожающей ей опасности, увѣдомилъ и нѣкоторыхъ сенаторовъ о королевскихъ замыслахъ. Во всякомъ случаѣ король, какъ личность, былъ почтеннѣе своего канцлера. Онъ входилъ въ положеніе Оссолинскаго, и въ послѣдствіи жаловался передъ венеціанскимъ посломъ такъ: „Измѣнилъ мнѣ канцлеръ, какъ Іуда Христу, не изъ злости и ненависти“. Два польскіе ротмистра, вербовавшіе жолнеровъ отъ имени короля, бросились къ Оссолинскому съ обнаженными саблями, называя его врагомъ отечества, за что были наказаны янфаміей. Но король, по невозможности замѣнить канцлера другимъ совѣтникомъ, или же по недостатку твердости характера, продолжалъ довѣрять ему, какъ и Радзѣвскому.

Получивъ отказъ отъ канцлера короннаго, Владиславъ надѣялся, что не откажетъ ему въ печати по крайней мѣрѣ канцлеръ литовскій Но Альбрехтъ Радзивиль, пріѣхавши въ Варшаву, писалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее:

„12 мая прибылъ я въ Уздовъ, и слышу изъ всѣхъ устъ о войнѣ. Удивляюсь, разспрашиваю, доискиваюсь причины. Я думалъ, что Шведы ударили на насъ, какъ прибылъ ко мнѣ коронный канцлеръ отъ короля съ увѣдомленіемъ, что, вмѣсто зайца, поймали на охотѣ войну... Я спросилъ: напечатаны ли уже листы для ротмистровъ?—Еще нѣтъ.—Тогда я сказалъ, что скорѣе позволю отрубить себѣ руку, нежели приложу къ нимъ литовскую печать. Коронный канцлеръ былъ того же мнѣнія“.

Король почувствовалъ необходимость сдѣлать первый легальный шагъ для того, чтобы втянуть Рѣчь Посполитую въ пойманную на охотѣ войну. Сеймовое постановленіе 1613 года гласило,—что въ

случаѣ какой-нибудь внезапной опасности, король обязанъ предупредить ее „по докладу раднымъ панамъ, какихъ скорѣе можетъ увидѣть“. Владиславъ призвалъ въ Варшаву самыхъ приверженныхъ къ нему членовъ Сенаторской Избы, чтобы убѣдить ихъ въ грозящей Польшѣ опасности и склонить къ войнѣ. Постановление пановъ рады узаконило бы его поступки и—что всего важнѣе—подскарбій, то-есть государственный казначей, могъ бы тогда выдать ему сумму, которую Рѣчь Посполитая собирала уже четыре года на случай войны съ Турціей.

Оба канцлера опасались этой сенаторской рады, и потому условились видѣться накануне въ саду монаховъ реформатовъ для совѣщанія.

„Я совѣтовалъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ), „чтобы рады не было, по той причинѣ, что постановленія секретныхъ сенаторскихъ радъ всегда зависѣли отъ рѣшенія короля. Завтрашняя рада не сопротивлялась бы его мнѣнію, и мы должны были бы взять его вини на себя, а пока оправдались бы на сеймѣ, общая ненависть задушила бы насъ. Вотъ почему совѣтовалъ я отложить раду до коронаціи королевы, чтобы дать обществу время ознакомиться съ этимъ дѣломъ“.

Такъ и было поступлено. Оссолинскій убѣдилъ короля, точно учитель школьника, отложить безотлагательное въ его революціонныхъ интересахъ дѣло, и такъ какъ оба канцлера не согласились печатать приповѣдныхъ листовъ, то король велѣлъ печатать ихъ комнатною (рокожава) печатью. О комнатной печати въ сеймовыхъ постановленіяхъ вовсе не упоминалось, и каждому гражданину представлялся полный произволъ „респектовать“ эту печать, или нѣтъ.

Когда происходила въ Варшавѣ такая путаница королевскаго и панскаго двоевластія, пришло официальное извѣстіе о событіи, которое говорило ясно, что и на русской почвѣ Польша стоитъ неурядицей: казаки вышли на Черное море. Это извѣстіе произвело въ средѣ можновладниковъ чрезвычайное волненіе, точно какъ будто съ ихъ стороны было сдѣлано все, что могъ бы сдѣлать, въ качествѣ панскаго диктатора, Конецпольскій для предотвращения подобныхъ событій.

Одновременно съ одной революціонной новостью поразила пановъ и другая: къ Люблину двинулось 40 пушекъ, а передъ арсеналомъ стояло уже 20 новыхъ, готовыхъ для похода. Венеціанскій посолъ, получивъ часть занятыхъ у королевы денегъ, дѣлилъ ихъ между офицерами, давая себѣ такой видъ, какъ будто онъ управлялъ войною. Тьеполо обращался съ рѣчью къ жолнерамъ, обѣщая награды,

надзиралъ въ арсеналѣ за работами, объявлялъ даже, что король выступитъ въ походъ.

Въ то же самое время заграничныя газеты говорили о королевскихъ планахъ, неизвѣстныхъ правителямъ Польши, о договорахъ съ иностранными державами, игнорировавшихъ права Рѣчи Посполитой.

Все это возбуждало въ сенаторахъ негодованіе; а тутъ еще было получено извѣстіе о приближеніи турецкаго посла. Надобно было дѣйствовать.

Въ нѣсколько дней всѣ можновладники пришли въ движеніе и соединились противъ короля. Революція королевская вызвала въ Польшѣ революцію шляхетскую. Быстро вскипѣла оппозиція, и уже литовскія „сословія“ требовали отъ короля созванія сейма, въ противномъ случаѣ, грозили прибыть въ Варшаву и держать рады, хотя бы и въ его присутствіи. Сенаторы, резиденты и прибывшіе по ихъ зову члены Сенаторской Избы, истощивъ напрасно просьбы и убѣжденія, стали обходить съ королемъ дерзко даже въ гостяхъ у Оссолинскаго. За обѣдомъ коронный подканцлеръ, Андрей Лещинскій, указывая пальцемъ на пословъ французскаго и венеціанскаго, спросилъ вслухъ: „Что это за послы? по какому праву сидятъ они за королевскимъ столомъ? Королевская свадьба кончилась: зачѣмъ они остаются у насъ?“

Этой наглости даже и Владиславъ IV не вынесъ: онъ уѣхалъ послѣшно съ королевой и со своей свитой. Гости Оссолинскаго остались въ великомъ волненіи. Сенаторы принялись разбиратъ поступки короля: упрекали, что онъ руководился совѣтами своихъ иностранцевъ, которые разносили по всему свѣту секреты Рѣчи Посполитой; что сдѣлался орудіемъ чужой политики въ рукахъ венеціанскаго посла; что своимъ образомъ дѣйствій хочетъ вызвать междоусобіе; указывали на его болѣзнь и на лѣта, на ссору съ сосѣдними государствами по поводу вооруженій, и всѣ приходили къ тому заключенію, чтобъ не позволить ему вербовать войско и не поддерживать войны, которую задумалъ онъ противозаконно, вопреки присягѣ и безъ вниманія къ возможнымъ послѣдствіямъ.

Канцлеръ говорилъ сдержанно, не хотѣлъ выступить противъ короля открыто, и представлялъ, что Рѣчь Посполитая имѣла бы достаточно поводовъ къ нарушенію мира съ Турціей. Этимъ онъ утвердилъ многихъ во мнѣніи, что и самъ былъ участникомъ замысловъ короля.

Паны группировались вокругъ литовскаго канцлера, который дѣлалъ королю самыя непріятныя представленія въ самыхъ почтительныхъ словахъ, и Оссолинскій уступилъ наконецъ просьбамъ своего

панегириста, чтобы къ его напраснымъ убѣжденіямъ присоединилъ и свои. Король оставался при своей рѣшимости, однакожь задержалъ въ Варшавѣ пушки, приготовленныя къ отправкѣ.

Владиславъ сдѣлался раздражителенъ, чего съ нимъ до тѣхъ поръ не бывало. На непрощенный совѣтъ Якова Собіекаго, относительно Турецкой войны онъ отвѣчалъ съ такимъ язвительнымъ презрѣніемъ, что гордый магнатъ „впалъ въ меланхолію, заболѣлъ и вскорѣ умеръ“.

Къ увеличенію досады, терзавшей короля, со всѣхъ сторонъ посыпались къ нему письма отъ бискуповъ и свѣтскихъ сенаторовъ. Особенно горько ему было письмо князя Іереміи Вишневецкаго, товарища Конецпольскаго въ Охматовской побѣдѣ и самаго воинственнаго изъ магнатовъ, который, будучи въ это время опекуномъ малолѣтнаго наслѣдника Томи Замойскаго, располагалъ значительною силою. Этотъ объявилъ королю безъ обиняковъ, что Турецкой войны предпринимать безъ вѣдома Рѣчи Посполитой не слѣдуетъ.

Но громче всѣхъ былъ голосъ краковскаго воеводы, Станислава Любомирскаго, считавшагося „великимъ и первенствующимъ въ государствѣ мужемъ“. Онъ обратился къ королю съ письмомъ по просьбѣ малопольскихъ сенаторовъ, и его письмо разошлось во многочисленныхъ копіяхъ и въ Польшѣ, и за-границей. Любомирскій говорилъ, что король нарушилъ права и вольности шляхетскія, ломаетъ свою присягу, совѣты иностранцевъ предпочитаетъ отечественнымъ, искреннимъ, опытнымъ, и поступаетъ такъ, какъ будто Поляки утратили свою вѣрность, или не понимали подобныхъ предпріятій и не имѣли сердца для смѣлаго дѣла. Онъ просилъ не таить отъ Поляковъ войны, въ которой дѣло идетъ объ ихъ собственной шкурѣ, и заключилъ свое длинное посланіе надеждою, что настанетъ время, когда король уразумѣетъ разницу между тѣми, которые хотятъ ему только полюбитья, и между вѣрными, преданными своими подданными.

Письмо краковскаго воеводы было сигналомъ ко всеобщему ропоту. Короля называли „творцомъ вредоносныхъ смуть“, дразнили подметными письмами, похожими на пасевили, грозили, что сеймъ разгонитъ на вербованныхъ жолнеровъ и привлечетъ вербовщиковъ къ отвѣтственности.

Король нашелся вынужденнымъ вернуться къ первоначальному плану, къ походу на Буджаки, тѣмъ болѣе, что въ это время папа и князья итальянскіе обнадеживали его своею помощію. Владиславъ началъ объявлять публично, что никогда не имѣлъ намѣренія начинать войну съ Турками; что всѣ его приготовленія были направлены къ

войнѣ противъ Татаръ; что никакихъ договоровъ противъ Турокъ не заключалъ, и вообще ничего безъ согласія Рѣчи Посполитой предпринимать не замышлялъ, такъ какъ все зависить отъ сенаторской рады, которая вскорѣ должна состояться.

Этимъ способомъ успокоилъ онъ бурю, которая собралась надъ его головою. Правда, сенаторы не вѣрили, что никогда онъ о войнѣ съ Турками не думалъ, но были убѣждены, что король уступилъ ихъ просьбамъ и желаетъ идти путемъ законнымъ.

По пословицѣ: „завовъ приходъ, таковъ и погъ“, польскіе можновладники до тѣхъ поръ вертѣли своими королями, вымаливая и вынуждая уступку за уступкою, пока наконецъ, въ лицѣ Владислава IV, увидѣли лукаваго дѣльца по предмету царственности, вмѣсто государя,—увидѣли не вершителя общественныхъ дѣлъ, а школьника, котораго отъ времени до времени надобно страшать. Не имѣя сами гражданскаго самоотверженія, требовали его отъ короля; присягая сами словомъ и противнымъ слову намѣреніемъ воображали, что избирательный король будетъ вѣренъ своей присягѣ. Рано или поздно должны были они проиграть въ эгоистическую игру государство и раскаться въ своемъ іезуитствѣ.

Поступки Владислава, повидимому, подтверждали то, что онъ говорилъ... 29 (19) мая онъ рѣшительно разорвалъ договоръ съ Венеціей, и объявилъ пораженному изумленіемъ послу ея, что при такихъ обстоятельствахъ, какъ безденежье папы и князей итальянскихъ, войны для обороны Италіи вести не думаетъ; велѣлъ ему вернуть данное королевѣ обязательство и принять заемъ на себя. Согласно просьбѣ Великополянъ повелѣлъ изготovitъ и подписалъ универсалы подъ коронною печатью о прекращеніи вербовокъ и распусценіи на вербованнаго войска. Запасы пороху, здеръ, пушки и всю аммуницію приказалъ спрятать, лошадей и возовую прислугу отослалъ, въ Стамбулъ общалъ послать гонца для успокоенія султана, а самъ предался праздности и забавамъ, точно какъ будто голова его не была ничѣмъ озабочена.

И однакожъ, въ то самое время, когда отпирался отъ всякой мысли о Турецкой войнѣ, писалъ онъ къ папѣ, къ итальянскимъ князьямъ и въ Венецію, обезпечивая себя дальнѣйшею помощью. Графа Магни послалъ, въ половинѣ іюня, къ нѣмецкимъ князьямъ, приглашая ихъ къ войнѣ съ Турціей, а побѣдоноснаго шведскаго полководца, Торстенсона, просилъ уступить ему свое войско. Князь Янушъ Радивилъ выѣхалъ въ началѣ іюня изъ Варшавы съ инструкціями къ волошскому господарю. Универсалы о распусценіи новобранцевъ ле-

жали нераспечатанные. Въмѣсто нихъ, новонабранныя дружины получили знамена съ надписью: „Во славу Креста (Pro gloria Crucis)“.

Военныя приготовления не прекращались, только дѣлались подъ предлогомъ войны съ Татарами. Въ арсеналѣ работы шли день и ночь. На эти работы король ежедневно тратилъ по 1.000 дукатовъ. Изъ королевской канцеляріи было послано приказаніе къ прусскимъ оберратамъ, чтобы содѣйствовали вербовкѣ пяти компаній драгунъ по 200 всадниковъ, подъ начальствомъ Крейца и Фабіана фонъ Бенгсекъ. Можновладивичи получили воззваніе о доставкѣ для королевской службы соотвѣтственнаго числа жоліеровъ. Приповѣдныя листы выдавались подъ комватною печатью.

Варшава наполнилась офицерами различныхъ вооруженій и ранговъ. Король ограничивался только сообществомъ военныхъ людей: съ ними проводилъ время, охотился, пилъ, веселился, и такъ какъ обладалъ рѣдкою способностью привлекать къ себѣ и убѣждать людей, то въ короткое время такую возбудилъ къ себѣ преданность, что всѣ были готовы лѣзть въ огонь по его мановенію. Чтобы привлечь къ себѣ военные таланты, наименовалъ Николая Потоцкаго краковскимъ каштеляномъ и короннымъ гетманомъ. Потоцкій былъ противникомъ Турецкой войны, но Татаръ воевать былъ готовъ, и общалъ выполнять королевскія повелѣнія.

Имѣя вождя и войско на своей сторонѣ, король надѣялся, что въ августѣ можно будетъ начать военныя дѣйствія и, подъ видомъ войны съ Татарами, втянуть Рѣчь Посполитую въ войну съ Турціей.

Подъ конецъ іюня разослалъ онъ письма во всѣмъ сенаторамъ съ приглашеніемъ въ Краковъ на коронацію королевы и на совѣтъ. Въ письмахъ жаловался на распущенныя вѣсти, якобы онъ, безъ вѣдома сейма, предпринималъ войну съ Турціей, просилъ этимъ вѣстямъ не вѣрять и успокоить шляхту, такъ какъ онъ готовитъ войну противъ Татаръ, на которыхъ московскій царь уже наступилъ, пока султаны, занятый войною, не можетъ ихъ оборонять.

„.... Предоставляемъ это разсудку вашей преданности, *urgzejmos ci waszej*“ (писалъ онъ къ популярному краковскому воеводѣ, Любомирскому), „столь достойное и съ дѣломъ короля согласное намѣреніе заслуживаетъ ли такого превратнаго истолкованія, для того, чтобы встревожить довѣріе преданныхъ намъ подданныхъ, которое мы столькими благодѣяніями такъ утвердили въ ихъ сердцахъ, что не опасаемся, чтобы его поколебали порывистыя разсужденія и представленія нашего намѣренія. Требуемъ, однакожь, отъ вашего усердія, дабы, по вашей сенаторской обязанности, вы содѣйствовали прене-

бреженію этими неосновательными слухами и доврчивому мнѣнію о нашей опеѣ гражданскихъ правъ и вольностей. Впрочемъ близокъ уже наступающій сеймъ, который, если, по совѣту пановъ сенаторовъ, не ускорить, то на время, опредѣленное закономъ, созвать не замедлимъ, и тогда объ этомъ предметѣ откровенно побесѣдуемъ съ вашею преданностію...“.

Этимъ способомъ король, въ теченіе одного мѣсяца, такъ обработалъ общественное мнѣніе, что въ Варшавѣ никто не подозрѣвалъ упорства, съ которымъ онъ держался своего замысла. Нашлись даже такіе, которые готовы были присягать, что король о Турецкой войнѣ никогда и не думалъ. Но въ провинціи не удалось ему такъ легко отвратить подозрѣніе: ибо вербуни, происходившія тамъ у всѣхъ передъ глазами, и новые приповѣдныя листы подъ комнатною печатью, — опровергали увѣренія, что король оставилъ мысль о Турецкой войнѣ. Не хотѣли вѣрить, чтобы противъ Татаръ надобно было вербовать вооруженную тяжело пѣхоту. Война съ Татарами также не была очень популярна. Появились многочисленныя сатиры, летучія сочиненія и колкія шутки противъ короля и его гетмана. Распускали слухъ, что Москалей Татары разбили на голову.

Зато приверженцы двора разглашали, будто коронный гетманъ прислалъ извѣстіе о завоеваніи Венеціанцами Дарданеллъ, а для возбужденія религіозной ревности католиковъ было распущено въ то-же время пророчество о гибели Турокъ въ 1646 году, вмѣстѣ съ поддѣльнымъ письмомъ султана Ибрагима къ королю. Султанъ грозилъ, что возьметъ Краковъ, ксензовъ и ихъ распятаго Бога безъ милосердія потопчетъ, вѣру искоренитъ, монаховъ будетъ разрывать лошадами. „Пускай де на меня досадуетъ Богъ твой: имѣя за собой Магомета, я совершу все“... .

Уклоненія отъ долга, чести и національнаго достоинства со стороны короля, котораго панское общество выработало по образу своему и по подобию, для русскаго читателя могутъ казаться посторонними предмету книги. Но я напому ему, что въ отпаденіи Малороссіи отъ Польши совершилось отпаденіе верхнихъ слоевъ народа отъ самой Малороссіи, вмѣстѣ съ тою землей, которую наши отступники продали *ipso facto* въ обладаніе иновѣрцевъ и иноплемснниковъ. Клерикалы обдѣляли свое дѣло въ пользу польщизны давнымъ давно. Мы забываемъ уже, какъ звали тѣхъ, которые были представителями странной метаморфозы, и пишемъ въ русской исторіи имена Радзивиловъ, Сопігъ и пр. и пр. въ онопяченной формѣ. Но, повѣствуя о чертормахъ польской жизни со словъ самихъ Поляковъ, и часто подлинными сло-

вами Польковъ, не должны забывать, что въ этомъ черторнѣ кружились, тонули и утонули наконецъ, можетъ быть, лучшіе изъ нашихъ малорусскихъ людей вмѣстѣ съ худшими, и что поэтому на исторію польской неурядицы, почти во всѣхъ случаяхъ, можно смотрѣть какъ на горестныя воспоминанія о нашихъ собственныхъ предкахъ.

Оссолинскій—съ того времени какъ склонилъ короля отказаться отъ войны съ Турціей, повернулъ его въ первоначальному плану похода и уничтожилъ преобладающее вліяніе венеціанскаго посла,—сдѣлался вновь горячимъ приверженцемъ королевскихъ замысловъ, и сталъ во главѣ дѣйствія. Онъ умѣлъ изгладить въ умахъ мысль о заговорѣ съ королемъ противъ шляхетскихъ вольностей, и разгласилъ по всей Польшѣ, будто бы король отказался отъ войны съ Турціей по его убѣжденію. Великопольскіе сенаторы благодарили его за королевское письмо, „въ которомъ де насъ его королевская милость увѣряетъ, что ничего такого не замышлялъ, чтò причинило бы ущербъ нашимъ правамъ, и такъ какъ ваша милость былъ и есть причиною того, за это вашей милости много благодарны“.

Перемена въ образѣ дѣйствій Оссолинскаго очевидна. Черезъ девять дней по разрывѣ съ Венеціей, канцлеръ явился у венеціанскаго посла и, между прочимъ, сказалъ ему, что „можно бы и не оставлять начатаго дѣла, еслибъ только король былъ увѣренъ, что не будетъ оставленъ“, а черезъ нѣсколько недѣль увѣдомилъ Тьеполо, что сенаторская рада соберется въ Краковѣ и что король нуждается въ помощи.

Король дѣйствительно нуждался въ помощи, то-есть въ деньгахъ, такъ какъ послѣ краковской рады намѣревался двинуться во Львовъ и начать кампанію.

27 (17) іюня выѣхалъ онъ изъ Варшавы въ Краковъ, и въ день его выѣзда выступило ко Львову 3.000 пѣхоты. Повелѣніе вывозить остальные пушки было пріостановлено, дабы не возбудить подозрѣнія.

Въ Ченстоховѣ король снялъ съ себя саблю, положилъ на алтарь Богоматери и велѣлъ освятить хоругвь новосформированныхъ гусаръ. Въ этомъ актѣ Поляки видятъ его возвращеніе къ мысли объ учрежденіи ордена и рыцарства Безпорочнаго Зачатія: тѣмъ и другимъ онъ могъ надѣяться привлечь охотниковъ къ войнѣ съ невѣрными.

17 (7) іюля послѣ коронаціи королевы, въ Краковѣ состоялось первое засѣданіе сенаторской рады. Король представилъ ей то самое, чтò повторялъ уже цѣлый мѣсяцъ: увѣрялъ, что никогда ничего противнаго праву дѣлать не намѣревался; что о войнѣ съ Турками не думалъ; что желалъ только предупреждать ордынскіе набѣги, но и

войны съ Татарами не имѣлъ намѣренія начинать безъ дозволенія Рѣчи Посполитой, чему де доказательствомъ служить созванная рада; приготовления же и договоры съ христіанскими державами дѣлались въ надеждѣ, что Рѣчь Посполитая, несомнѣнно, согласится на эту войну. Потомъ представилъ сенаторамъ причины, которыя склонили его мысли къ Татарской войнѣ. Эти причины были: готовность Москвы воевать заодно съ Польшей и ослабленіе Турціи, которымъ надлежитъ воспользоваться. Но совѣтъ умолчалъ о козацкомъ союзѣ съ Татарами, изъ опасенія, чтобъ этотъ секретъ не сдѣлался предметомъ толковъ. Наконецъ, просилъ присутствующихъ, чтобы не только сами согласились на Турецкую войну, да и Рѣчь Посполитую искренно къ тому приводили.

Сенаторовъ было въ радѣ 19; предводительствовали ими 5 бискуповъ. Всѣ они знали уже о задуманномъ отертыи кампаніи, усиливались отвлечь короля отъ войны и склоняли къ созванію чрезвычайнаго сейма; наконецъ объявили, что безъ третьяго, то есть „рыцарскаго сословія, второе сословіе, (состоявшее изъ сенаторовъ) и первое (представляемое особою короля) не имѣютъ права рѣшать вопросъ о предполагаемой кородемъ войнѣ.

Такую же декларацію получилъ король письменно и отъ сенаторовъ отсутствующихъ. Такъ называемый *временный* (задушевный) *листъ* великопольскихъ сенаторовъ и шляхты, адресованный къ королю и коронному канцлеру, признавалъ, какъ отеческую попечительность монарха, такъ и пользу войны съ Ордою; „но поелику“ (писали Великополяне) „рѣчь идетъ здѣсь о войнѣ наступательной, которой безъ согласія всѣхъ трехъ сословій начать нельзя“, то они просили Владислава—свои королевскія предначертанія приспособить къ общественному праву и приостановиться съ военными дѣйствіями, доколѣ сеймъ не согласится на Татарскую войну, которая де можетъ навлечь на государство войну Турецкую: ибо и турецкій „императоръ“ долженъ за своихъ подданныхъ, и король не на Татаръ, а на Турокъ готовится.

Кравовская рада продолжалась три дня. Оссолинскій поддерживалъ мнѣнія сенаторовъ, какъ объявилъ объ этомъ самъ въ отвѣтъ Великополянамъ. Согласились наконецъ въ томъ, что король съ советъ 23 (13) октября сеймъ и увѣдомитъ всѣ державы, съ которыми началъ договоры, чтобы прислали на сеймъ пословъ съ опредѣленнымъ и твердымъ объявленіемъ, чего Рѣчь Посполитая можетъ отъ нихъ надѣяться въ случаѣ войны. Наконецъ, сенаторы признали войну съ Татарами необходимою, обѣщали склонять къ ней шляхту, просили

только „униженно“, чтобы король не выѣзжалъ во Львовъ и не возбуждалъ этимъ Турокъ, а лучше употребилъ то время на поправленіе своего здоровья. Король отвѣчалъ, что долженъ посоветоваться съ короннымъ гетманомъ, а когда ему совѣтовали лучше вызвать къ себѣ гетмана, или черезъ вѣрнаго человѣка объявить ему свою волю, онъ оставилъ этотъ совѣтъ безъ отвѣта и удалился.

Пытались еще однажды, вечеромъ, сдѣлать ему представленіе объ этомъ дѣлѣ, но король, произнося нѣсколько непонятныхъ словъ, велѣлъ прислугѣ нести себя въ спальню, откуда тайкомъ уѣхалъ въ Недоломицы на охоту.

Плѣвъ бискуповъ-сенаторовъ обратился на венеціанскаго посла. Едва король уѣхалъ, ему велѣли, въ два часа ночи, выѣхать за 4 мили отъ городского округа. Тьеполо поѣхалъ жаловаться къ королю, и засталъ у него графа Магни, который вернулся изъ своего посольства съ донесеніемъ, что, какъ нѣмецкіе князья, такъ и Торстенсонъ отказали въ своей помощи.

„Мы сдѣлали все“ (сказалъ король венеціанскому послу), „что были въ силахъ. Всѣ князья отказали намъ въ помощи; весь народъ намъ воспротивился; мы подвергли опасности наше королевское достоинство... Но не сожалѣемъ о томъ; попрежнему стоимъ на своемъ предпріятіи, и когда бъ имѣли достаточно помощи, могли бы теперь дѣйствовать еще успѣшнѣе“.

Къ этому прибавилъ онъ, что выѣзжаетъ во Львовъ; что значительныя силы стоятъ уже на границѣ; но если рѣшительный отвѣтъ итальянскихъ князей придетъ поздно, тогда—все кончено.

Графъ Магни получилъ тотчасъ повелѣніе ѣхать въ Италію. Король отправилъ гонцовъ къ московскому царю и въ Персію, а самъ выѣхалъ во Львовъ, повелѣвъ остальные пушки везти за собою.

Поѣздка во Львовъ открыла глаза всѣмъ, кто до сихъ поръ вѣрилъ королю, что онъ съ Турціей воевать не думаетъ. Вспомнили, что еще въ маѣ говорили въ Варшавѣ публично; что военныя приготовленія окончатся въ іюлѣ; что тогда же король выѣдетъ во Львовъ; что въ первыхъ числахъ августа выступить въ поле... Поэтому выѣздъ сего во Львовъ считали началомъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи.

5 августа прибылъ король въ городъ нашего Льва Давиловича. Его сопровождала королева, вмѣстѣ съ нунціемъ, французскимъ посломъ, Оссолинскимъ и нѣсколькими надежными пріятелями. Едва пріѣхалъ онъ въ столицу Червоной Руси, какъ его засыпали письмами можновладниковъ. Шляхта слѣдила за своимъ королемъ, какъ за

опаснымъ врагомъ. Знали, кто входилъ въ архіепископскія палаты, гдѣ онъ остановился, кто выходилъ. Знали, у кого король былъ и съ кѣмъ говорилъ. Довили на лету слова его дворянъ. Но не было возможности проникнуть въ окружавшую его тайну.

Король сдѣлалъ смотръ войску. Но видя, что вербовка шла вяло, по недостатку денегъ, что шляхта сторонится отъ военной службы, а можновладники пропивнуты духомъ оппозиціи, рѣшился, вмѣсто дальнѣйшаго пути къ Подольскому Каменцу, вернуться въ Варшаву. Съ этимъ намѣреніемъ созвалъ онъ, подъ величайшимъ секретомъ, военный совѣтъ, и повелѣлъ гетману Потоцкому, ставши съ обозомъ подъ Каменцемъ, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Въ то же время козаки вышли вповь на Черное море, а король отправилъ изъ Львова къ султану письмо, обвинявшее Турцію въ нарушеніи мира, такъ какъ Буджацкіе Татары не переселены въ Крымъ. Это письмо было вызовомъ на войну. Король, очевидно, надѣялся, что Порты потребуетъ объясненій и пойдетъ на уступки, или же станетъ грозить войною. Въ случаѣ благоприятнаго отвѣта со стороны венеціанской синьоріи и князей итальянскихъ, какъ опасенія, такъ и угрозы Порты могли только помочь королю на сеймѣ для пачатія войны. Но еслибы Венеція отвѣтила отрицательно, тогда вооруженія короля и уступки, ожидаемыя отъ Порты, принесли бы по крайней мѣрѣ ту пользу Польшѣ, что Буджацкіе Татары были бы переселены въ Крымъ. Во всякомъ случаѣ, можно было бы, на основаніи этого письма, начать переговоры и доказать Портѣ ясно, что вооруженія короля были направлены не противъ нея, а противъ Буджацкихъ Татаръ.

Между тѣмъ гетманъ Потоцкій, вмѣсто того, чтобы повиноваться королевскимъ повелѣніямъ, донесъ обо всемъ сенаторамъ, а они совѣтовали ему, съ предостереженіями и внушеніями, чтобы медлительностію уклонялся отъ исполненія королевскихъ распоряженій. Согласно съ панскими внушеніями, Потоцкій изыскивалъ различныя препятствія къ немедленному перенесенію лагеря подъ Каменецъ, пока король, не догадываясь о его махинаціи, вернулся наконецъ въ Варшаву ни съ чѣмъ.

„Былъ я у короля“ (писалъ въ Венецію Тьеполо), „лишь только онъ вернулся изъ Львова, и напелъ его непоколебимымъ въ своихъ предначертаніяхъ. Король говорилъ мнѣ, что его пребываніе во Львовѣ встревожитъ Порту; что бапа силистріійскій прислалъ во Львовъ соглядатая съ увѣреніемъ, будто Буджацкіе Татары получили строгое повелѣніе не появляться въ Польшѣ, а быть въ готовности противъ Москвы. Сказалъ мнѣ также, что нетерпѣливо ждетъ возвращенія

графа Магни и сейма, и что получилъ вѣрное извѣстіе о козакахъ: они ободрены удачею въ морскомъ походѣ и двинулись дальше“.

Поѣздка во Львовъ и смотръ войска дали шляхтѣ новый поводъ въ нареканіямъ. Даже придворные говорили о королѣ дурно, называли его нарушителемъ вольностей, угнетателемъ народа. Не только словомъ, но и письменно подрывали они славу его и подстрекали общество къ бунту.

Двусмысленнос въ глазахъ двухъ государственныхъ сословій поведеніе Оссолинскаго и его секретныя совѣщанія съ королемъ во Львовѣ возбудили противъ него не меньшія подозрѣнія и досаду, какъ и противъ короля,—тѣмъ болѣе, что въ этомъ городѣ, по его всемогущему вліанію, рѣшенъ былъ важный для магнатскихъ партій вопросъ о томъ: кому, послѣ возвышенія Николая Потоцкаго до „великой булавы“, король ввѣритъ „булаву малую“, то есть почетное гетманство. Наибольшее право на этотъ высочій постъ, по военнымъ заслугамъ, имѣлъ сподвижникъ Николая Потоцкаго въ послѣднемъ, опасномъ для пановъ усмиреніи козацкаго бунта, Станиславъ Потоцкій, воевода подольскій. За нимъ слѣдовалъ не менѣе извѣстный воинскими подвигами воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій. Наконецъ, по обычной въ Рѣчи Посполитой послѣдственности дигнитарствъ, слѣдовало бы малую булаву предоставить сыну великаго Конецпольскаго, Александру, коронному хорунжему. На ходатайство Оссолинскаго въ пользу свекра его любимой дочери, Урсулы, черниговскаго воеводы, Мартина Калиновскаго, перевѣсило все, чѣмъ эти три кандидата возвышались во мнѣніи Шляхетскаго Народа.

По горестной для Польши случайности, новый коронный полевой гетманъ былъ впускъ того Калиновскаго, который „переломалъ ребра отцу Северина Наливайко и котораго Наливайко называлъ, въ письмѣ къ королю, счастливымъ, что не захватилъ его дома, когда налетѣлъ на его мѣстечко Гусятинъ съ венгерскихъ горъ, сжегъ замокъ и разорилъ мѣстечко. Теперь потомство самовластнаго магната глухимъ еще покамѣстъ гуломъ новаго козацкаго бунта вызывалось на боевой судъ, по-козацки на судъ Божій, съ послѣдниками и учениками дикаго Царя Наливая.

Но Божій судъ совершался уже падъ всѣми олигархами польско-русской республики за ихъ презрѣнія,—совершался въ томъ смыслѣ, какой выраженъ въ русской и польской пословицѣ: „того Богъ захочетъ покарать, у того отнимаетъ разумъ“. Не предвидя, въ гордости многовѣковыхъ успѣховъ, какое униженіе готовится имъ въ послѣдственныхъ приватахъ ихъ, они устами многочисленныхъ своихъ прия-

такъ и тѣ, на которыхъ оскорбленная гордость великаго пана готова была превратить Сенаторскую Избу въ дикую сцену кулачнаго права. Но чтобы видѣть полный разцвѣтъ всего химерическаго въ Королевской Республикѣ наванунѣ того *пѣтопта*, которымъ угрожалъ ему выдѣлвившійся изъ шляхты разбойный элементъ, надобно было присутствовать на двухъ сеймахъ, которые непосредственно предшествовали паденію самоувѣренной силы, измѣрявшей славолюбивыми взорами громадное пространство между Ледовитымъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, между Атлантическою и моремъ Каспійскимъ.

И посвящу цѣлую главу пересказу того, что на этихъ двухъ сеймахъ видѣли глаза и слышали слухъ нашихъ малорусскихъ предковъ, кто бы они ни были,—пересказу со словъ самихъ Поляковъ. Съ какими бы чувствами и мнѣніями ни описывали они свое прошлое, ихъ вѣрныя фактамъ описанія рождаютъ въ русскомъ сердцѣ другія чувства, въ русскомъ умѣ—другія мнѣнія.

Каждому сейму въ Польшѣ предшествовали повѣтовые сеймики, посредствомъ которыхъ высказывались общественныя желанія, и каждый сеймикъ отправлялъ на центральный сеймъ своего представителя, подъ названіемъ земскаго посла. По теоріи польскаго самоуправленія,—теоріи, надобно сказать, прекрасной,—земскимъ посломъ могъ быть не только крупный, но и мелкій землевладѣлецъ-шляхтичъ, преобладающій умомъ и нравственными достоинствами надъ прочими „братьями шляхтою“; но на практикѣ выборъ падалъ всегда на богатаго и сильнаго всяческиими связями. Такимъ образомъ прославляемое *демократическое* правленіе шляхты въ сущности было *аристократическимъ*.

На провинціальныхъ сеймикахъ 1646 года всѣ высказались противъ короля. Шляхта южныхъ восводствъ опасалась, чтобы король Турецкою войною не обратилъ ея подданныхъ въ козаки и не разстроилъ этимъ ея хозяйства. Литовскіе паны боялись вторженія Шведовъ, которымъ казалось, что Владиславъ собирается воевать за свое право на шведскую корону. Но и война Турецкая могла дать случай Шведамъ продолжать военныя дѣйствія, приостановленныя Густавомъ Адольфомъ. Всего же больше были вооружены противъ короля Великополяне. Свѣженавербованные иностранцы причиняли имъ великое разореніе. Мѣстные старожилы знали на опытъ неистовства польскаго жолнера, но такой разнуздачности, каковую представляла военщина, навербованная за-границей, никто изъ нихъ не запомнилъ.

Такъ оно и должно было быть. Тридцатилѣтняя война довела истощенныя государства Западной Европы до необходимости положить конецъ убійствамъ, совершившимся ради однихъ, или другихъ

притязаній. Война, извѣстная подъ именемъ Тридцатилѣтней, была, собственно говоря, продолженіемъ той войны, которая началась возстаніемъ Нидерландовъ противъ испанскаго владычества. Съ промежутокми трактатовъ, контрибуцій, набора новыхъ войскъ и отдыха старыхъ, военный разбой, освященный воззваніями за вѣру, честь и свободу, тянулся не тридцать, а восемьдесятъ лѣтъ. Искусство нападать и обороняться, при пособіи возродившихся точныхъ наукъ, достигло высокой степени въ этотъ горестный періодъ жизни западныхъ народовъ, и породило массу специалистовъ челоуѣкоубійства, отъ которыхъ безоружные классы страдали, точно въ баснѣ глиняные горшки отъ мѣдныхъ, плывущихъ съ ними по одной и той же рѣкѣ. Когда наслѣдники и питомцы восьмидесятилѣтнихъ неистовствъ пришли къ Великополянамъ на указанные имъ сборные пункты, ихъ жестокое прикосновеніе было почувствовано всѣми до такой степени, что по всей Польшѣ раздался громкій вопль, и усвоенная въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ Королевская Республика узнала съ ужасомъ, что ей предстоитъ новая всегда опасная война съ Турціей.

По официальному заявленію мѣстнаго воеводы, въ Великой Польшѣ было полно обидъ и плача убогихъ людей. „Ихъ слезы“ (писалъ онъ) „иностранцы жолперы отсылаютъ къ небесамъ, насмѣхаясь надъ вольностью и правами гражданъ и грозя публично, что хлоповъ обратятъ въ шляхту, а шляхту — въ хлоповъ“. Но протесты, угрозы и жалобы шляхты не помогали. Польскія высшія вѣдомства привыкли къ подобнымъ представленіямъ. Въ Королевской Республикѣ, за отсутствіемъ исполнительной власти, ея мѣсто занимало самоуправство. Еще въ 1590 году коронный полевой гетманъ писалъ къ великому, что его жолнеры будутъ тяжелы мѣстнымъ жителямъ. „Но я“ (говорилъ онъ) „отъ вашей милости научился быть *контемтиторомъ* подобныхъ вещей. Надобно угождать совѣсти дѣлать, что разумъ и пужда Рѣчи Посполитой уязвляютъ. Пускай горланитъ что кто хочетъ: большій и справедливѣйшій былъ бы крикъ, когда бы насъ упредилъ непріятель“. Если такъ думали Станиславъ Жовковскій и Янъ Замойскій, тѣмъ естественнѣе было такъ думать Владиславу IV и Юрію Оссолинскому. Они молчали на получаемыя допесенія, и, въ надеждѣ предотвратить гораздо большее зло, продолжали готовиться къ войнѣ.

Прусскія сословія протестовали не меньше великопольскихъ и передъ канцлеромъ, и передъ королевскими полковниками; но все было напрасно. Только провинціальныя сеймики были отголоскомъ такихъ протестовъ. Подобно наступающей со всѣхъ сторонъ грозѣ, ихъ вѣчевыя званія готовы были разразиться громомъ на центральномъ,

столичномъ сеймѣ. Всюду носился слухъ, что король намѣренъ отнять у шляхты свободу и ввести наследственный монархизмъ. Одни вопіяли, что, вербуя безъ согласія сейма войско, онъ этимъ самымъ уже вводитъ самодержавіе въ Польшу; другіе твердили, что договоръ съ Венеціей и война съ Татарами были только предлогомъ къ этому. „Король не надѣется долго жить и, не видя обезпеченія семилѣтнему королевичу, со стороны сейма, прибѣгаетъ къ насильству въ его пользу“, говорили нѣкоторые; а одинъ изъ шведскихъ сановниковъ высказалъ публично, что король посылалъ за помощью къ Торстенсону, съ цѣлью ввести въ Польшу неограниченное правленіе; что уже Густавъ Адольфъ обѣщалъ ему свою помощь въ этомъ дѣлѣ за отреченіе отъ правъ на шведскую корону, и что король теперь снова искалъ помощи у Швеціи, а Швеція обѣщала ее. Всего больше было между шляхтой такихъ, которые проповѣдывали, что чѣмъ бы Турецкая война ни кончилась, она грозитъ Полякамъ утрату свободы. „Если одолѣетъ король Турція“ (говорили они), „Рѣчь Посполитую ожидаетъ рабство; если Турокъ побѣдетъ король, шляхту ожидаетъ рабство; если война не разрѣшится ничѣмъ, тогда нашъ край сдѣлается добычею жолнеровъ“.

Подобныя толки заняли всѣхъ до такой степени, что ни о чемъ не желали трактовать на центральномъ сеймѣ, какъ о распущеніи иностраннаго и королевской гвардіи, которая выросла уже до 5.000. Всѣ сеймиковыя инструкціи вмѣняли въ обязанность земскимъ посламъ: не соглашаться на Турецкую войну, открыть ея двигатели, домогаться распущенія вербовокъ, отправить посла въ Турцію для подтвержденія мира, заплатить Татарамъ недоплаченный гарачъ, называемый подарками. А чтобы король какою-нибудь хитростью не обманулъ двухъ сословій, былъ принятъ предложенный краковскимъ воеводою сигналъ: *противорѣчіе осему!* Если же король не согласится съ желаніемъ Шляхтскаго Народа, шляхта постановила: сѣсть на коней и разогнать вербунжи.

Королю было извѣстно постановленіе каждаго сеймика: онъ зналъ, что сеймики грозили отказать ему въ повиновеніи; что сенаторы вписывали свои постановленія въ городскія книги; зналъ, какіе выбраны послы и какія даны имъ инструкціи. Но при всемъ томъ не только не оставилъ своихъ замысловъ, а еще больше, нежели когда-либо, жаждалъ войны. „Такой жаръ пылаетъ въ сердцѣ короля“ (писалъ современникъ), „что надобно опасаться, какъ бы онъ не сгорѣлъ“.

Послѣ краковской рады Владиславъ разослалъ ко всѣмъ христіанскимъ королямъ и князьямъ, даже къ ихъ старшимъ полководцамъ, приглашенія къ участію въ войнѣ противъ язычниковъ, а 3 октября

отправилъ посла въ Персію. Послалъ и въ Парижъ посла, дабы увѣрить Швецію въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ и просить у Франціи помощи.

Со всѣхъ сторонъ получались благопріятныя извѣстія. Венеція, не дождавшись Польско-Турецкой войны для заключенія съ Турціей мира, начала воевать съ нею серьезно. Изъ Москвы увѣдомляли короля о начавшейся войнѣ съ Татарами. Султанъ повелѣлъ башамъ помогать хану. Персы облегли Вавилонъ. Въ Палестинѣ и въ другихъ турецкихъ провинціяхъ вспыхнули бунты. Бяязъ Янушъ Радивилъ вернулся изъ Яссы и Мункача и привезъ увѣдомленіе, что Ракочій обязался не пускать Турокъ черезъ венгерскія границы въ Польшу, а оба господаря обѣщали поставить по 25.000 войска, дать значительныя субсидіи и прислать пословъ на сеймъ.

Король былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ отправилъ во Львовъ другія 24 пушки, 4 большія мортиры и 25 бочекъ аммуниціи съ повелѣніемъ коронному гетману—двинуться въ Волощину съ 22.000 войска. Владиславъ надѣялся, что если приближающійся сеймъ не одобритъ войны съ Татарами, то по крайней мѣрѣ опредѣлитъ налоги и прибавку войска на оборону Рѣчи Посполитой; а этого было довольно, чтобъ изъ войны оборонительной втануть шляхтѣ въ войну наступательную.

При такихъ обстоятельствахъ, среди общей тревоги по всему государству, начался въ Варшавѣ, 25 (15) октября, достопамятный сеймъ 1646 года.

Маршаломъ Посольской Избы былъ избранъ Николай Станкевичъ, писарь жмудскій, сдѣлавшійся на этомъ сеймѣ лицомъ историческимъ. Шляхта, представляемая земскими послами, распорядилась на сей разъ, чтобы такъ называемая презентація состоялась не въ Сенаторской, а въ Посольской Избѣ. И вотъ внесли кресла для сенаторовъ. При королѣ всегда находилось человекъ три-четыре сенаторовъ-резидентовъ, радныхъ пановъ, а всѣхъ сановниковъ, засѣдавшихъ въ сенаторскихъ креслахъ, было 140. Изъ этого числа, для спасенія отечества отъ угрожавшаго ему лишенія гражданской свободы, прибыло на сеймъ, чреватый событіями величайшей важности, только семь. Боясь огорчить—или короля, или шляхту, отцы отечества выжидали вѣчеваго результата дома. Земскіе послы, сидя кругомъ Избы на скамьяхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ, встрѣтили входящихъ сенаторовъ громкимъ смѣхомъ.

Въ половинѣ перваго часа вошелъ королевскій канцлеръ, а за нимъ—король. По выраженію польскаго историка, они вошли, какъ двое обвиняемыхъ. Привѣтствовали ихъ молчаніемъ.

Маршалъ Посольской Избы обратился къ королю съ пожеланіемъ добраго здоровья, и выразилъ надежду, что онъ здоровыми своими совѣтами благоволитъ утѣшить Рѣчь Посполитую, которую изображали собою земскіе послы.

Ему отвѣчалъ коронный подканцлеръ, бискупъ Андрей Лепчинскій, но съ такими намеками на короля, что скорѣе казался главой оппозиціи, нежели министромъ короля и Рѣчи Посполитой.

Послѣ его язвительной рѣчи маршалъ Посольской Избы читалъ имена земскихъ пословъ, которые одинъ за другимъ приближались для пѣлованія королевской руки. Въ числѣ ихъ оказалось много враговъ его польскаго величества: они цѣловали королевскую руку на воздухъ. Этимъ актомъ публичнаго уваженія монаршаго достоинства кончилась презентація.

На другой день, въ первомъ засѣданіи сейма, надобно было ждать бури. Но коронный канцлеръ Оссолинскій, стоя по обычаю на первой ступени трона, произнесъ „королевскую пропозицію“ съ такимъ благодушіемъ, какъ будто его только и занимали ложные слухи на счетъ короля, которые онъ тутъ же уничтожалъ своимъ плѣнительнымъ для Поляковъ словомъ. У соотечественниковъ Оссолинскаго эта пропозиція считается самою знаменитою изъ его рѣчей, сказанныхъ имъ по-польски. Пасторій переложилъ ее на латинскій языкъ и помѣстилъ въ свой *Historiae Polonae plenioris partes duae*, на вѣчную, какъ онъ писалъ, память потомству. Коронный канцлеръ такъ ублажилъ представителей Шляхетскаго Народа восхваленіемъ созданной имъ Рѣчи Посполитой, что одинъ изъ самыхъ завзятыхъ земскихъ пословъ назвалъ его слово „благодарнымъ елеемъ“, а подъ конецъ пропозиціи представилъ въ такомъ ласкательномъ видѣ просьбы короля о многочисленныхъ нуждахъ, какъ его собственныхъ, такъ и всего королевскаго дома, что слушателямъ показалось неправдоподобнымъ, чтобы король, находясь въ такой зависимости отъ Рѣчи Посполитой, могъ питать замыслы, противныя желаніямъ ея. Сохраненная на вѣчную память потомству рѣчь много способствовала тому, что сеймъ, настроенный весьма враждебно, прошелъ гораздо тише, нежели можно было надѣяться.

Для русскаго читателя интересно пышное начало ея, точно медомъ помазавшее по сердцу польскую пляхту, отъ природы довѣрчивую и добродушную.

„Населили доблестные Поляки въ открытыхъ поляхъ свободное королевство, окруженное только стѣною любви и единодушнаго между сословіями довѣрія. Поставили среди него сторожевую башню коро-

левскаго маестата, дабы съ ея высоты во время слышать предостереженія единого повелителя, усматривающаго отдаленнѣйшія бури. Возлѣ башни отъ имени Сената воздвигли курію (то есть Посольскую Избу), дабы, вмѣстѣ съ верховными предостереженіями, во всѣ стороны растекался зрѣлый и непорывистый совѣтъ о потребностяхъ Рѣчи Посполитой. На себя же, неразлучные съ боевымъ оружіемъ, взяли функцію добровольной, ревностной обороны общественной безопасности.

„Такъ установленная стояла и, дасть Богъ, будетъ стоять непоколебимо цѣлость, слава и краса нашего милаго отечества, усиленнаго братскимъ присоединеніемъ къ нашимъ предкамъ великихъ народовъ, возвеличеннаго безстрашными подвигами королей, повелителей нашихъ, особенно же расширеннаго въ своихъ границахъ отважными дѣлами его королевской милости, нашего всемилостивѣйшаго государя.

„И однакожь“ (продолжалъ исполненный гражданскаго самоотверженія канцлеръ) „безчестная жадность частныхъ выгодъ силится при всякомъ удобномъ случаѣ порицать и путать столь хорошо обдуманную форму правленія. Въ стачкѣ съ самоубійствомъ, она всего неистовѣе штурмуетъ это главное передовое укрѣпленіе взаимнаго довѣрія, дабы, открывъ непріятелю и его хитростямъ общественное благо, тѣмъ легче обезпечить свою ненасытную *привату*. Вотъ откуда происходитъ уклончивость отъ должнаго довѣрія къ предостереженіямъ бдительнаго и благодѣтельнаго государя и въ высшей степени легкомысленное увѣреніе, что ни откуда не грозитъ намъ никакая опасность; вотъ откуда превратное истолкованіе горячей его заботливости; вотъ откуда пренебреженіе къ братской радѣ сената, а что горше всего—потрясеніе цѣлаго состава Рѣчи Посполитой“, и т. д. и т. д.

Исчисливъ подвиги короля и жертвы, принесенныя подданнымъ для освобожденія отечества, коронный канцлеръ, въ числѣ такихъ жертвъ, упомянулъ и „усмиреніе козаковъ безцѣнною кровью рыцарства“, а потомъ перешелъ къ татарскимъ опустошеніямъ края, которыя де сопровождаютъ наполненіемъ Крыма и Буджаковъ христіанскими плѣнниками. „И до того уже дошла“ (говорилъ онъ) „языческая самоувѣренность, что и подъ самый бокъ его королевской милости, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, посолъ татарскій привелъ въ тяжкихъ оковахъ польскаго шляхтича, пана Замойскаго, заплоненнаго въ Сѣверіи, и тутъ же устроилъ позорный базаръ для торга свободою шляхетскою кровью, къ несмываемому стыду нашихъ народовъ и къ неутѣшной горести его королевской милости и всего двора, бывшаго тому свидѣтелемъ“.

Но напрасно сторожевая башня, олицетворяемая славнымъ ораторомъ въ особѣ короля, давала сигналы объ угрожающей польскимъ гражданамъ опасности. Краснорѣчивую пропозицію принялись обсуждать сенаторы, встрѣченные на презентаціи громкимъ смѣхомъ со стороны земскихъ пословъ. Первый изъ нихъ, архіепископъ гнѣзненскій, Матвѣй Лубенскій, будучи старъ, говорилъ такимъ тихимъ голосомъ, что видно было только, какъ шевелились его губы, но и ближайшіе къ нему послы „не могли сказать, произносилъ ли онъ хоть что-нибудь“. Вслѣдъ за нимъ бискупъ хелмскій, Станиславъ Петроконскій, говорилъ „сухо и холодно“, наступательной войны не совѣтовалъ, но и подарковъ Татарамъ не одобрялъ. Далѣе воевода равскій, Андрей Грудзинскій, не соглашался на войну, и подъ конецъ наговорилъ такого, „что никто его и самъ себя онъ не понимаетъ“. Каштелян сѣрадскаго, Предислава Быковскаго, „никто не слушалъ и не слышалъ“. Каштелянъ дапцигскій, Станиславъ Кобѣржицкій, въ „прекрасно рѣчи“, хвалилъ королевскія предначертанія, но настоящей войны съ Татарами не одобрялъ, боясь Турціи; совѣтовалъ, однакожъ, быть готовымъ и не желалъ распускать вербововъ, а только полковниковъ поставить польскихъ. Каштелянъ бжезинскій, Хабрицкій, войны не одобрялъ. Каштелянъ перемишльскій, Тарло, „совѣтовалъ быть черепахою, сидѣть тихо и головы не выставлять“. Еще два каштеляна сопротивлялись войнѣ. Жарче и смѣлѣ всѣхъ говорилъ подканцлеръ, бискупъ хелминскій, Андрей Лещинскій. Онъ угодилъ шляхтѣ дерзостями противъ короля, но совѣтовалъ не посылать въ Турцію посла, а лучше думать объ оборонѣ. Вообще всѣ сенаторы соглашались въ томъ, что Рѣчь Посполитая должна быть готова къ войнѣ, но каждый изъ нихъ „боялся королевской немилости“, и не высказался вполне.

Голосованье двѣнадцати сенаторовъ тянулось четыре дня. Оссолинскій былъ раздраженъ нѣкоторыми рѣчами, какъ публичными, такъ и домашними, которыя тогда произносились въ провинціальныхъ кругахъ, гдѣ его называли открыто сочинителемъ королевскихъ замысловъ. Въ заключительной канцлерской рѣчи, онъ излилъ свою досаду на короннаго подканцлера, Лещинскаго.

„И у меня“ (говорилъ онъ) „скорѣе не хватитъ жизни, нежели свободы слова. Но пользоваться свободой мысли въ царствованіе благодѣтельнаго монарха, любящаго права, вольности и счастье подданныхъ,—въ этомъ еще мало славы, заслуги никакой... Надобно только благодарить Бога, что въ нашъ вѣкъ мы наслаждаемся такимъ счастьемъ, истекающимъ отъ благотворнаго царствованія его королевской милости... Я подаю мой голосъ только въ пользу сохраненія

неразрывной связи королевскаго маестата съ общественнымъ благомъ. Тотъ былъ бы общій измѣнникъ, кто бы смѣлъ маестать монарха разлучать со свободой народа тайнымъ поджигательствомъ, или публичною декламаціей“...

Такое вступленіе слушали „съ великимъ смущеніемъ“. Глава всѣхъ обратился на подканцлера, котораго Оссолинскій назвалъ измѣнникомъ и декламаторомъ. Лещинскій „сидѣлъ блѣдный, какъ стѣна“. Но краснорѣчію Оссолинскаго не доставало той побѣдительной силы, которая заключается въ чистотѣ побужденій и возвышенности духа. Не одинъ изъ его слушателей вспоминалъ о другомъ „великомъ“, какъ называли Оссолинскаго, государственнымъ мужѣ, — недавно утраченномъ Станиславѣ Конецпольскомъ, который „скорѣе дѣлалъ, чѣмъ высказывался“, и котораго каждое слово, произносимое съ природнымъ занканіемъ, растекалось по всей Польшѣ. Коронный канцлеръ, желая польстить примасу, Лубенскому, неожиданно кончилъ свою рѣчь ссылкой на его мнѣніе, „котораго никто не слышалъ“. Тогда „поднялся шумъ, шепотъ, смѣхъ. Послы не обращали вниманія на остальную часть рѣчи, и вынесли убѣжденіе, что канцлеръ не хотѣлъ высказать собственнаго мнѣнія относительно распущенія войска, ссылаясь въ дѣлѣ военномъ на отзывъ архіепископа“.

Со стороны короля дѣлались всяческія заискиванія у третьяго сословія въ пользу Турецкой войны. Недавно были имъ получены отъ гетмана Потоцкаго желанныя извѣстія о грозномъ для Поляковъ движеніи Турокъ. Король надѣялся, что подъ впечатлѣніемъ этихъ извѣстій, послы озаботятся безопасностью государства, утвердятъ и войско, и налоги, вслѣдствіе чего ненадобно будетъ ни распускать вербунокъ, ни платить имъ: ибо въ такомъ случаѣ Рѣчь Посполитая приняла бы ихъ на собственный счетъ и вернула бы ему надержки.

Первая рѣчь Оссолинскаго при открытіи сейма ублажила земскихъ пословъ, успокоила опасенія, придала надежды сторонникамъ двора. Да и между послами было много приверженцевъ Турецкой войны. Таковы были: Янушъ Радивиль, Александръ Конецпольскій, Іеронимъ Радзѣвскій. Прочіе бѣлорусскіе, червонорусскіе и украинскіе можновладники, засѣдавшіе въ Посольской Избѣ, при всемъ своемъ возбужденіи въ оппозиціи, готовы были стать на сторонѣ короля, еслибы представители третьяго сословія зашли слишкомъ далеко. По признанію Поляковъ, „многихъ можно было, какъ это дѣлалось обыкновенно, уговорить просьбами, убѣжденіями, подкупомъ и обѣщаніями, а въ наихудшемъ случаѣ—создать сильную факцію и парализовать дѣятельность Посольской Избы“. Таланты Оссолинскаго и его

канцлерское достоинство могли сдѣлать много и даже все, когда бъ онъ былъ искренно преданъ королю и его грандіозной политикѣ. Но для этого недоставало одного, — чтобы король, выльпивъ себѣ канцлера изъ простой глины, вдохнулъ въ него самоотверженную душу. Такой души природа не дала ему самому. При всей готовности своей служить Христіанству и при всемъ своемъ геройствѣ, онъ былъ своего рода эгоистъ и своего рода трусъ. Усвоенная имъ съ дѣтства лживость, свойственная ему по его природѣ оплошность, недостатокъ опредѣленнаго начертаннаго плана дѣйствія, внезапныя затѣи по вдохновенію минуты и швольническія увертки передъ судьями гражданскаго долга, — все это ослабило достоинство его царственности, раздражало дерзость оппонентовъ и придавало имъ небывалыя силы.

31 (21) октября, по выслушаніи сенаторскихъ заявленій, земскіе послы вернулись въ свою Избу, недовольные тѣмъ, что Сенатъ стращаетъ ихъ татарскимъ и турецкимъ набѣгомъ, совѣтуетъ готовить войско и требуетъ отъ нихъ налоговъ. Они не вѣрили, чтобы Турція думала о войнѣ съ Рѣчью Посполитою, гремѣли противъ королевскихъ замысловъ, противъ совѣтниковъ войны, а когда одинъ посолъ изъ Сендомирскаго воеводства, разсыпаясь въ похвалахъ канцлеру, подавъ голосъ въ пользу вооруженія, — это возбудило такое негодованіе, что нѣсколько человекъ ухватилось за сабли. Въ первомъ же засѣданіи Посольской Избы, состоялось постановленіе: отправить къ королю посольство съ объявленіемъ, что послы не приступятъ ни къ чему, пока противозаконно набербованное войско не будетъ распущено.

Король отговаривался нездоровьемъ, и едва 5 ноября, принявъ земскихъ пословъ, да и то въ постели. Онъ отвѣчалъ имъ чрезъ посредство Оссолинскаго, между прочимъ, что распущенное войско не преминетъ грабить и угнетать ихъ согражданъ. Если земскіе послы и сенаторы не заботятся объ оборонѣ Рѣчи Посполитой и рѣшатъ, что набранное войско не нужно, король готовъ распустить его, лишь бы Рѣчь Посполитая указала способъ распущенія.

Изда послала вновь къ королю посольство, съ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ главнаго совѣтника Турецкой войны и разослалъ универсалы на распущеніе жолнеровъ. Рѣчь Посполитая не нуждается де въ нихъ, такъ какъ, въ случаѣ надобности, собственною грудью готова отражать непріятеля.

Король опять отеладывалъ со дня на-день аудіенцію, сказываясь больнымъ, и только 10 ноября принявъ маршала Посольской Избы Яна Николая Станьевича. Отвѣчалъ ему Оссолинскій, совѣтуя вновь, отъ имени короля, чтобы Посольская Изба, относительно распущенія

войска, держала раду съ Избой Сенаторской, такъ какъ дѣло вдѣсь идетъ о королевскомъ достоинствѣ и безопасности отечества.

Коронные послы соглашались на эту проповѣцію, но литовскіе за рѣшеніемъ другаго, важнаго собственно для нихъ вопроса, протянули, дѣло до 15 ноября.

Въ этотъ незабвенный для польскихъ либераловъ день выступили на сцену дѣйствія познанскіе послы, именно Болеславъ Лежчинскій, Лукашъ Оржелскій, Леонъ Шлихтингъ и Андрей Твардовскій, съ инструкціями отъ своего сеймика, и потребовали „братской бесѣды съ сенаторами въ отсутствіи короля“.

Предложенная ими братская бесѣда, называвшаяся *collegium vel colloquium*, это былъ древній парламентскій обычай, въ которому прибѣгали только тогда, когда поведеніе Короля, или Сената возбуждало опасенія. Въ такомъ случаѣ два государственныя сословія, въ лицѣ своихъ представителей, соединялись въ одно тѣло, въ отсутствіи короля совершенно независимое, и совѣщались объ устраненіи зла. Диктатура братской бесѣды надъ верховною властью предпринималась въ моменты важные, когда всѣ легальныя способы оказывались неэффективными.

Оссолинскій, какъ мы видѣли, предлагалъ уже посламъ совмѣстную съ сенаторами раду и надѣялся отъ нея великой пользы; но эта бесѣда была нѣчто совсѣмъ иное. „Если бы совмѣстная рада происходила въ присутствіи короля, то сенаторы могли бы отвергнуть постановленіе Посольской Избы относительно распущенія войска; въ отсутствіи же короля они этого сдѣлать не смѣли“.

Посольская Изба одобрила проповѣцію познанскихъ пословъ и постановила: отправить въ третій разъ посольство къ королю съ требованіемъ, чтобъ онъ разослалъ универсалы на распущеніе жолнеровъ; чтобъ выдалъ сочинителя Турецкой войны, и согласился на братскую бесѣду въ своемъ отсутствіи.

Это было постановленіе опасное для короля, для сенаторовъ и министровъ. Нельзя было на него согласиться, но страшно было и отказать въ согласіи, именно потому, что, послѣ каждаго отказа, требованія Посольской Избы росли, опасность увеличивалась. Варшава кипѣла нетерпѣливостью вооруженной шляхты, которая наполнила столицу и была готова, съ оружіемъ въ рукахъ, поддержать постановленіе земскихъ пословъ.

Король рѣшился обѣщаніями успокоить оппонентовъ. Когда 16 ноября герой безплодной и злоторной революціи, Станкевичъ, потребовалъ аудіенціи, ему отвѣчали, что король самъ пошлетъ къ третьему

сословію посольство. Дѣйствительно въ Посольскую Избу прибыли: познанскій и жмудскій бискупъ, Андрей Шолдрскій, брестскій, мстиславскій и померанскій воеводы, сѣрадскій и данцигскій каштеляны. Бискупъ Шолдрскій, обнаживъ покорно голову, объявилъ земскимъ посламъ, что не кто иной, какъ самъ король, безъ всякаго внушенія, изъ побужденій важныхъ и изъ любви къ отечеству, вербовалъ войско, и что готовъ распустить вербунокъ добровольно, лишь только его намѣренія представляются противными праву, если Посольская Изба, съ своей стороны, изыщетъ способъ для обороны государства, возвратитъ королю издержки, а королеву, которая растратила свои скарбы, снабдитъ приличнымъ содержаніемъ.

Въ отвѣтъ на это посольство, третье сословіе потребовало, чтобы тотчасъ были изготовлены универсалы, и чтобы копии были ему прочитаны. Король, желая угодить земскимъ посламъ, немедленно прислалъ проектъ универсаловъ; но его нашли слишкомъ мягкимъ, и потребовали болѣе строгаго, съ прибавкой инфаміи на непослушныхъ и писемъ къ гетманамъ и старостамъ, повелѣвающихъ карать преступныхъ иностранцевъ. Король велѣлъ изготовить новый проектъ универсаловъ, съ объявленіемъ, что жолверовъ, которые не подчиняются комиссарамъ и разойтись не захотятъ, повелѣваетъ считать *маастрою* (сволочью), лишенною покровительства законовъ. Эти универсалы обѣщали онъ разослать немедленно.

Неожиданная уступчивость короля показалась подозрительною. Увѣряли, что король, нѣсколько дней назадъ, разослалъ полковникамъ приказъ, чтобы на универсалы, еслибы къ нимъ пришли, не обращали вниманія. Твердили, что король выдаетъ новые патенты; что въ Польшу съѣзжаются иностранцы-полковники и ждутъ указанія, гдѣ имъ представиться. Нѣкоторые изъ земскихъ пословъ предсказывали, что король въ случаѣ крайности, причислитъ упраздненныя хоругви къ своей гвардіи, количество которой не опредѣлено закономъ. Другіе были готовы присягать, что король играетъ комедію, и ни универсаловъ, ни комиссаровъ къ войску не пошлетъ.

Чтобы успокоить шляхту, король нѣсколько разъ призывалъ сенаторовъ къ себѣ, и увѣрялъ ихъ дружески, что сдѣлаетъ все, чего государство отъ него домогается.

Между тѣмъ ноября 27 пришло въ Посольскую Избу извѣстіе, что распушеніе войска секретно пріостановлено. Въ страшномъ волненіи умовъ, начались объ этомъ совѣщанія, и когда одинъ изъ пословъ намекнулъ слегка, что все сдѣланное до сихъ поръ ни къ чему не приведетъ, Посольская Изба вдругъ постановила нѣсколько

пунктовъ, и съ этимъ постановленіемъ двинулась „наверхъ“ въ Сенать, гдѣ король отправлялъ правосудіе.

Станкевичъ представилъ Владиславу слѣдующія требованія: чтобы дѣйствіе универсаловъ о распущеніи жолнеровъ наступило немедленно; чтобы король назначилъ комиссаровъ для распущенія войска; чтобы козаковъ пріудержалъ, дабы они не давали повода къ войнѣ съ Турціей; чтобы гвардію уменьшилъ, новыхъ патентовъ на вербунки не выдавалъ, и согласился на братскую бесѣду съ Сенатомъ въ своемъ отсутствіи, съ цѣлью выговора сенаторамъ за недосмотръ и невниманіе.

На это требованіе Оссолинскій вовсе неожиданно отвѣчалъ коротко, жестко и неучтиво (*niedyskretnie*), не пригласивъ даже, какъ велѣлъ обычай, сенаторовъ въ аудіенціи; что универсалы посланы; что гвардіи будетъ король держать столько, сколько ему понадобится; относительно козаковъ спесется съ гетманомъ; новыхъ патентовъ не выдастъ, а на бесѣду не согласенъ.

Дѣло въ томъ, что король всё еще полагается на свое личное вліяніе, поддерживаемое раздачею дигнитарствъ, надѣялся склонить на свою сторону пановъ, располагавшихъ значительными боевыми средствами, и, съ помощью сторонниковъ войны, полавить партію мира. Но въ Шляхетскомъ Народѣ распространились уже опасенія на счетъ его автократическихъ замысловъ. Боялись не однихъ военныхъ тягостей, неразлучныхъ съ войной утратъ и бѣдствій, боялись, и самого торжества надъ непріателемъ.

„Теперь мы свободны въ нашемъ отечествѣ“ (разсуждали республиканцы); „теперь мы знаемъ принадлежація намъ права и имѣемъ всё средства ихъ отстаивать. Но предположимъ, что король, съ помощью чужеземцевъ, завоюетъ себѣ Константинополь. Чья это будетъ собственность? самого ли короля и его союзниковъ, или же Рѣчи Посполитой? Если это будетъ королевская собственность, будемъ ли мы довольны тѣмъ, что нашъ король усилится? А еслибы король подѣлился добычею съ народомъ, то какая была бы разница между Поляками и народами присоединенными въ Польшѣ? Новые подданные, привычные къ рабству, повиновались бы королю во всемъ, а намъ достался бы жребій тѣхъ Македонянъ, которые, бывши свободными, пошли за Александромъ Македонскимъ на войну, и вернулись бы рабами, еслибъ Александръ не умеръ“.

Въ то время побѣдителямъ на Солоницѣ, въ Медвѣжьихъ Ложахъ, подъ Переяславомъ, Кумейками, на Сулѣ и на Старцѣ—не могло прійти въ голову, что своимъ терроромъ надъ благодушнымъ

хоть и безпутнымъ, королемъ они напоминали ему тѣ счастливые моменты жизни, когда козаки, въ широковладычной Московіи, бросались передъ его глазами въ быстрыя рѣби, обращали въ забаву страшные морозы, играли смертью и жизнью безразлично, и своимъ боевымъ энтузіазмомъ увлекали въ опасныя сраженія рыцарскую шляхту. Польское самолюбіе, польская вычливость не давали сеймующимъ Станкевичамъ приписать побѣды подъ Москвой и подъ Смоленскомъ тѣмъ „хлопамъ козакамъ“, которые, по признанію одного изъ участниковъ голодной Хотинской войны, помогли шляхтѣ отразить Ксеркса Османа, и сдѣлались „розовымъ вѣнкомъ“ на ея головѣ. Но король Владиславъ былъ выше шляхетской надменности. Лѣнивая, мечтательная и беспорядочная жизнь, часто весьма скудная, ставила иногда его самого въ положеніе бездомнаго козака. Любилъ онъ бивуакъ, охоту, отсутствіе царственной обстановки, и часто проводилъ запросто время въ мужицкой хатѣ съ простолюдинами гораздо веселѣе, чѣмъ у себя во дворцѣ съ магнатами. Въ его глазахъ, какъ и въ глазахъ Станислава Конецпольскаго, козаки были такіе же рыцари, какъ и паны, съ важнымъ преимуществомъ беззавѣтной преданности, которой отсутствіе сеймовые паны давали ему теперь такъ горько чувствовать; и если онъ мечталъ о возстановленіи Восточной Имперіи, то 100.000 „козаковъ-сѣромахъ“ въ его надеждахъ играли весьма важную роль,— быть можетъ, гораздо важнѣйшую, нежели всѣ „королята“ съ ихъ многочисленными хоругвями. Самое имя *хлопы*, даваемое козакамъ въ смыслѣ юридическомъ, никло въ умѣ короля, отъ котораго зависѣло снять баницію и инфамію съ преступной шляхты, воровавшей козацкими дѣлами, и наградить помѣстьями тѣхъ, которыхъ нужда и безпомощность прогоняли изъ общества *кармазинной* шляхты въ сѣрыя козацкія купы. Не принимали Станкевичи въ расчетъ „диной милиціи днѣпровской“ и на сердцѣ своего короля, поражаемомъ безпощадно, какъ наковальня, патриотически выковывали близкую къ нимъ уже Хмельнитчину...

Получивъ неожиданно гордый и полный рѣшимости отвѣтъ, земскіе послы вернулись въ свою революціонную Избу смущенными. Брацлавскій подсудокъ Николай Косаковскій затормозилъ законность дальнѣйшихъ совѣщаній своимъ veto (*nie pozwalam*), посредствомъ котораго каждый земскій посолъ дѣлался могущественнымъ народнымъ трибуномъ. Въ устахъ Косаковскаго veto состояло въ заявленіи, что не приступитъ ни къ чему, доколѣ войско не будетъ распущено. Краковскій подсудокъ Хршопстовскій и Малорусскій Обуховичъ предложили братнюю бесѣду хоть бы и въ присутствіи короля. Они со-

вѣтовали идти къ королю еще однажды и, въ случаѣ отказа въ бесѣдѣ, оставить сеймъ. Краковскій стольникъ, Корицинскій, предложилъ послать къ примасу, чтобы назначилъ бесѣду съ Сенатомъ. Нѣкоторые совѣтовали отправить бесѣду въ жилищѣ самого примаса. Понентовскій пошелъ дальше всѣхъ: онъ выступилъ съ постановленіемъ о *неоказаніи повиновенія* (*de non praestanda obedientia*). По его мнѣнію, надобно было взять съ собой избирательныя условія (*paeta conventa*) и, ставши передъ примасомъ, призвать его въ свидѣтели нарушенія королемъ правъ и пактовъ, а потомъ—отказать клятвопреступнику въ повиновеніи. Большинство пословъ рукоплескали его словамъ. Обороняли короля Шумскій, Яблоновскій, Остророгъ (имена почтенныя въ польской анархіи, которая вызвала торжество руинниковъ надъ строителями). Къ нимъ присоединилось много и другихъ земскихъ пословъ, совѣтуя просить еще разъ о бесѣдѣ, тѣмъ больше, что приближался уже конецъ сейма. Не согласились на это земскіе послы. „Не просить больше! переговорить съ примасомъ!“ горланилъ Шлихтингъ. Корицинскій сравнивалъ Владислава съ Ксерксомъ. Понентовскій кричалъ, потрясая надъ головой рукою: „Кто отвергаетъ лекарства, тотъ готовитъ гибель (*qui negat remedia, procurat interitum*)“... Вообще, не было ниодного посла, который бы не сказалъ какого-нибудь сарказма противъ короля, а всѣ королевскіе замыслы толковали самымъ злобнымъ образомъ. Проклинали не только сенаторовъ и министровъ, секретарей, резидентовъ королевскихъ, князей итальянскихъ, но „и самого папу“; а одинъ староста грозилъ публично, что убьетъ графа Магни, хоть за это положить голову. Бѣшенство душило разъяренныхъ. Отворяли двери, разбивали окна для воздуха; терзали заподозрѣнныхъ; грозили разсѣкать противниковъ... Маршалъ отложилъ засѣданіе до утра.

А въ это самое время Хмельницкій, не зная, что дѣлается съ королемъ, открылъ реестръ для 20.000 козаковъ, за которыми стояло еще 80.000 готовыхъ на все доброе и на все злое для Польши, смотря по тому, кто будетъ ими гетманить: самъ ли король Владиславъ, или наслѣдникъ Царя Наливая.

Вечеромъ того же зловѣщаго 15 ноября шляхта совѣщалась объ отказѣ въ повиновеніи. Послы грозили, что, если король не распуститъ войска, они не разѣдутся до тѣхъ поръ, пока ихъ собратія и избиратели не придутъ въ столицу съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы изгнать изъ государства непрошенныхъ гостей. Королю грозилъ шляхетскій *рѣкошъ*.

„Если домашняя война не вспыхнула, и потомъ не раздвоилъ насъ на нашу гибель какой-нибудь посредникъ“ (писалъ Обуховъ), „то за это мы должны хвалить милосердіе Божіе“.

„Чтобы въ короткихъ словахъ“ (писалъ прусскій резидентъ) „представить образъ того, что здѣсь дѣлается, довольно сказать, что ни 1618 годъ въ Чехіи, ни начало англійскаго парламента не посѣяли столько вражды, какъ нынѣ посѣяно здѣсь. Обѣ стороны были готовы броситься въ драку, когдабъ у одной были деньги, а у другой голова“.

„Все въ великомъ лабиринтѣ“ (писалъ Тьеполо), „изъ котораго, безъ домашней войны, а можетъ быть—и потери свободы, не выйдутъ. Король, невыразимо смущенный, не знаетъ, что дѣлать“.

Кареты сенаторовъ летали изъ Уяздова въ замокъ и обратно. Одни молили короля уступить, другіе королеву—подѣйствовать на мужа, что она и дѣлала. Были и такіе, что совѣтовали королю лучше разорвать сеймъ, но сохранить королевское достоинство. Король такъ и сдѣлалъ бы, но боялся за будущность сына... Въ любви къ идеѣ государства и въ готовности жертвовать ради этой идеи всѣмъ польскому Владиславу было такъ далеко до нашего Петра, „какъ до небесной звѣзды“.

Онъ созвалъ сенаторскую раду и, получивъ почти отъ всѣхъ удостовѣреніе, что „Рѣчь Посполитая сама должна почувствовать долгъ свой относительно общей обороны и безопасности своей“, рѣшилъ „отдаться въ руки шляхты“.

Когда, на другой день, собралась посла въ своей Избѣ, и одни побуждали собраніе идти къ примасу, а другіе—вмѣстѣ съ сенаторами къ королю, выступилъ Подкоморій Великаго княжества Литовскаго, Паць, любимецъ короля, и сообщилъ посламъ его рѣшеніе, подъ видомъ увѣренія, что его королевская милость теперь дастъ болѣе благосклонный отвѣтъ. Законодательное собраніе шляхты, въ лицѣ своихъ революціонныхъ вождей, отправилось въ „последній разъ“ просить у короля—отреченія отъ верховной власти.

Маршалъ Посольской Избы, знаменитый Станкевичъ, произнесъ къ нему рѣчь, въ которой прежде всего настаивалъ на томъ, чтобы жолнеры были „дѣйствительно распущены“. Потомъ говорилъ объ универсалахъ, которыми король повелѣвалъ содержать его гвардію въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ; о козакахъ, которымъ онъ дозволилъ идти на море; о братской бесѣдѣ съ Сенатомъ въ отсутствіи короля; объ уменьшеніи гвардіи и прекращеніи вооруженій.

Король, какъ бы въ вознагражденіе за прежнюю ошибку свою, что, безъ соглашенія съ папами рады, далъ такой жесткой отвѣтъ,

пустилъ представленіе Посольской Избы на голосованіе сенаторовъ, послѣ чего, устами канцлера, произнесъ требуемое отреченіе въ слѣдующихъ словахъ, записанныхъ Альбрехтомъ Радвиломъ:

„Украсилъ Богъ дивными триумфами правленіе его королевской милости, сегодня же возложилъ на главу его новый вѣнецъ, когда онъ, послѣ столькихъ побѣдъ, побѣдилъ самого себя и отдалъ во власть и въ руки своимъ подданнымъ. Однакоже не безъ горести принимаетъ король эти слова маршала, чтобы жолнеры *дѣйствительно* были распущены: ибо не разъ показалъ свою дѣйствительность, когда подвергалъ свою голову и грудь столь великой опасности. Что же касается жолнеровъ, онъ повелѣлъ ихъ распустить, отправилъ листы къ гетманамъ и старостамъ, отправилъ еще и комиссаровъ. Универсалы Великому Князеству Литовскому онъ отрицаетъ: онъ писалъ только частнымъ образомъ къ литовскому подскарбію, чтобы не отказывали по экономіямъ въ прокормленіи королевской гвардіи, которая прибыла уже къ королю. Что до козаковъ, то это правда, что они готовили чайки съ вѣдома Сената: ибо въ пактахъ съ султаномъ написано, чтобъ онъ не держался за руки съ Буджацкими Татарами, а какъ онъ это нарушилъ, то представлялось необходимымъ постращать его козаками. Теперь, удовлетворяя вашимъ желаніямъ, король пошлетъ къ гетману листы, чтобы козаки оставили эти чайки и вели себя спокойно, не давая повода къ нарушенію мира. О бесѣдѣ съ Сенатомъ король повелѣлъ сказать, что въ какой формѣ нашелъ онъ Рѣчь Посполитую, въ такой желаетъ сохранить ее и оставить потомкамъ. Если въ этой бесѣдѣ будутъ совѣщаться о дѣлахъ королевскихъ, какъ тому существуютъ примѣры, то король согласится на то охотно. Наконецъ гвардіи держитъ король больше ради достоинства и величія королевства. Если обезпечить общественную безопасность, король готовъ отъ него отказаться“.

Такова была сцена зловѣщей разлуки государя съ его верховною властью. Оссолинскій, желая уладить ее своимъ „новымъ вѣнцомъ“, еще увеличилъ ея горечь. Зато послы вернулись домой въ восторгѣ отъ своего подвига. Теперь многіе изъ нихъ объявляли публично, что не видятъ уже надобности въ братской бесѣдѣ. Но предводители оппозиціи хорошо знали, что только посредствомъ бесѣды достигнуть полной законности и непреложности своего постановленія, для чего было необходимо согласіе всѣхъ трехъ сословій, то есть короля, Сенаторской Избы и Избы Посольской. Казуистъ канцлеръ, говоря отъ имени короля, ограничилъ эту бесѣду совѣщаніемъ о предметахъ, касающихся исключительно его особы, а не общественныхъ дѣлъ.

Посольская Изба не могла отступить отъ состоявшагося своего постановленія, хотя бы дѣло шло только о выполненіи формальности. На основаніи такого уваженія къ народному праву, начали толковать о недостаткѣ послѣдовательности короля, и достигли наконецъ того, что король, умиrotворяя Шляхетскій Народъ свой, велѣлъ увѣдомить Станкевича частнымъ образомъ, точно товарища товарищъ, что соглашается на братнюю бесѣду въ своемъ отсутствіи безо всякаго ограниченія. Это былъ карточный король, котораго побивалъ даже и такой тузъ, какъ Станкевичъ.

Славное colloquium состоялось 1 декабря 1646 года, въ присутствіи министровъ и сенаторовъ, которыхъ подѣхало въ Варшаву столько, что набралось теперь 36, и которыхъ имена лучшіе люди того влополучнаго времени записали, какъ бы для „вѣчной памяти“ о томъ, что дома выжидало конца бури всё-таки больше сотни представителей втораго сословія. Здѣсь-то наконецъ правительствующая шляхта связала своего короля по рукамъ и по ногамъ такъ, что онъ очутился „во власти и въ рукахъ подданныхъ“. Фактъ совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ въ отсутствіи короля считали новою добычей, которой обогатилась пресловутая свобода Шляхетскаго Народа. Въ ближайшемъ засѣданіи Посольской Избы главнымъ вопросомъ дня было *исполненіе* братской бесѣды, то есть представленіе королю пунктовъ, принятыхъ въ ней Сенатомъ. Всѣ поняли необходимость этого акта, приняли его единогласно, поспѣшно изложили постановленные пункты, и велѣли увѣдомить Сенатъ и короля, что вся Посольская Изба тотчасъ прибудетъ „наверхъ“. Всѣ сознавали, что побѣда зависить отъ поспѣшности. Оба королевскіе маршала, великій коронный и литовскій, находили невозможнымъ ввести въ Сенатъ земскихъ пословъ, говоря, что король теперь занимается дѣломъ великой важности.

„Нѣтъ важнѣйшаго дѣла, какъ дѣло всей Рѣчи Посполитой!“ закричали земскіе послы, и тотчасъ двинулись шумно (*trzaskiem*) наверхъ.

Станкевичъ побѣдоносно подалъ пукеты братней бесѣды примасу. Сенаторы встали съ кресель, и примасъ, исчисливъ требованія Посольской Избы, просилъ короля отъ имени Сената—удовлетворить законнымъ желаніямъ „Народа“.

Вслѣдъ за нимъ обратился къ Владиславу „свободнымъ голосомъ (*głosem wolnym*)“ брестокуювскій воевода, Щавинскій. Стоя у своего сенаторскаго кресла, онъ говорилъ, что свѣтскіе сенаторы не должны всего бремени своей службы взыаливать на духовныхъ, а всѣ вмѣстѣ склонять короля къ устраненію причинъ зла. Восхваливъ потомъ

общими мѣстами отеческую попечительность польскаго государя, онъ перешелъ въ слѣдующимъ внушеніямъ: „До сихъ поръ мы и по церквамъ, и по частнымъ домамъ не иной слышали голосъ, какъ только такой: „Вивать, король Владиславъ“! Но теперь наша радость измѣнилась въ печаль и въ огорченіе по причинѣ бѣдствія убогихъ, воздыханія злополучныхъ. Теперь только и слышимъ, что жалобы, проклятія и вздохи убогихъ людей. Первая тому причина—рада иностранцевъ, которыхъ полноъ дворъ. Они даютъ вашей королевской милости дурные совѣты, лишь бы только жить чужимъ добромъ. Невозможное дѣло, чтобы они любили наше отечество, не имѣя съ нимъ ничего общаго. Это вы можете видѣть изъ того, что мы скорѣе получаемъ извѣстія о томъ, что дѣлается у васъ, изъ Гамбурга, Любека, или Данцига, нежели изъ Варшавы. Вѣрьте, государь, что они причина всего зла, такъ какъ подъ видомъ услугъ вашей королевской милости, ищутъ своихъ частныхъ интересовъ. Обращаю мое слово къ венеціанскому послу. Исполнивъ свое посольство, живеть онъ здѣсь такъ долго для того, чтобы сдѣлаться началомъ всего зла, своими стараніями всю тягость войны съ венеціанскихъ плечъ взвалить на наши. Слѣдовало бы напомнить ему сентенцію венеціанскаго сенатора, который, въ отвѣтъ Чехамъ на ихъ призывъ къ союзу противъ императора, сказалъ: „Не хотимъ зажигать своего дома, чтобы дымомъ нашимъ устрашить императора“. Поэтому покорнѣйше просимъ вашу королевскую милость отдалить отъ себя иностранцевъ, такъ какъ ихъ совѣты производятъ у насъ великое замѣшательство. Умоляемъ также распустить иностранное войско, введенное во внутренности отечества въ противность правамъ и пактамъ. Оно такъ намъ надоѣло, что словомъ невозможно выразить. Угнетенія, претерпѣваемыя отъ этихъ жолнеровъ, превосходятъ шведскія и мансфельдовскія жестокости: ибо рана отъ руки друга болить сильнѣе. Рука вашей королевской милости, предназначенная для защиты отечества, такъ тяжело на насъ падаетъ! Причиняетъ намъ боль и злословіе жолнеровъ, которые смѣютъ хвалиться публично, что насъ усмирятъ, и дивною алхиміей обѣщаютъ превратить хлопа въ шляхтича, а шляхтича—въ хлопа“.

Послѣднія слова дерзостнаго олигарха были вѣщими. Скоро настало время такого превращенія; но дивными алхимиками явились не иноземные жолнеры, а русскіе попы да монахи вмѣстѣ съ запорожскими крамольниками, питомцами цѣлаго ряда самовванцигъ,—вмѣстѣ съ банитами да инфамисами, руководившими бозацкою вольницей со временъ Самуила Зборовскаго.

Коронный канцлеръ, именемъ короля, отвѣчалъ всѣмъ „кротко“ что онъ тѣмъ больше склоняется къ желанію Рѣчи Посполитой, чѣмъ тѣснѣйшее видитъ согласіе всѣхъ сословіи въ пунктахъ ихъ просьбъ, и, перечисливши всѣ пункты, заключилъ желаніемъ короля, чтобы они были довольны деклараціей, и приступили къ дальнѣйшимъ постановленіямъ, причѣмъ предостерегалъ, чтобы не слишкомъ полагались на спокойствіе Рѣчи Посполитой, ничѣмъ не обезпеченное.

Заручившись теперь согласіемъ и Сената, и Короля, третьему сословію оставалось только обезпечить оборонительное постановленіе (*wagowną kostytucyę*), дабы въ будущемъ не случилось чего-либо подобнаго. Король этому не сопротивлялся, и тѣмъ самымъ изъявилъ согласіе на изложеніе такого постановленія. Цѣлыхъ два дня трудилась Посольская Ижба, эта спасительная *курія* Оссолинскаго, надъ сочиненіемъ акта, по словамъ самихъ Поляковъ, нашихъ современниковъ, „уничтожающаго славу, достоинство и власть короля“, — наванунѣ событій, въ которыхъ только государь, облеченный всѣми принадлежностями верховенства, могъ бы спасти шляхту отъ гибельной несостоятельности присвоеннаго ею правленія.

Актъ былъ прочитанъ 6 декабря, въ заключеніе достославнаго, по мнѣнію шляхты, сейма и занялъ почетное мѣсто въ польскомъ сводѣ законовъ (*Volumina Legum*). Этимъ оборонительнымъ на будущее время постановленіемъ, отъ имени связаннаго по рукамъ и по ногамъ короля, повелѣвалось: на вербованное войско распустить не далѣе, какъ черезъ двѣ недѣли послѣ настоящаго сейма; а которые изъ на вербованныхъ людей не разойдутся, противъ тѣхъ вооружатся коронныя гетманы, старосты и городскія власти, какъ противъ своевольныхъ, не ожидая королевскихъ универсаловъ. Кто изъ польскихъ гражданъ принадлежитъ къ на вербованному войску, тѣмъ король за непослушаніе грозилъ варой и конфискаціи имущества. Онъ обѣщалъ за себя и за потомковъ своихъ никогда впредь подобныхъ вербунковъ не дѣлать, приповѣдныхъ листовъ подъ комнатной печатью не выдавать, никакихъ войнъ безъ вѣдома и совѣта Рѣчи Посполитой не предпринимать, и никакихъ договоровъ съ сосѣдними державами не заключать, а заключенныхъ не нарушать; а кто бы осмѣлился по такимъ приповѣднымъ листамъ дѣлать вербунки, того имущество король будетъ раздавать кадуковымъ (выморочнымъ) правомъ. Обѣщалъ также иностранцевъ при себѣ не держать, и къ совѣтамъ ихъ не обращаться, гвардію же ограничить шестьюстами человекъ изъ гражданъ Рѣчи Посполитой.

Король выслушалъ актъ своего уничтоженія съ веселымъ видомъ и подтвердилъ безъ колебанія, прося только увеличить гвардію до 1.200 человекъ, что тотчасъ и сдѣлано.

Этой сговорчивостью онъ такъ задобрилъ шляхту, что она назначила королевѣ 250.000 французскихъ ливровъ ежегоднаго дохода.

Всякій общественный и государственный переворотъ имѣетъ свое оправданіе въ нравственныхъ успѣхахъ и въ благосостояніи гражданъ. Созданный задолго до христіанской эры, во времена быстрого развитія Грековъ, идеаль республиканскаго правленія занимаетъ, яко идеаль, высокое мѣсто въ исторіи культуры; но приближаются къ нему народы не своевольствомъ и дерзостью, а благородствомъ общественныхъ понятій о долгѣ и чести, съ которыми граждане совершенствуютъ всякую форму правленія, и безъ которыхъ самая либеральная форма дѣлается лишь видоизмѣненіемъ гражданскаго рабства. Со стороны шляхты было бы и разумно и доблестно взять въ свои руки государственное управленіе во всѣхъ его частяхъ, когда бы шляхта стояла на высотѣ гражданственнаго развитія, когда бы она была способна защищать отечество отъ всяческихъ враговъ единствомъ убѣжденій своихъ въ томъ, что надобно дѣлать, и господствомъ лучшихъ людей надъ худшими. Но польско-русская шляхта была только само-мнительна, и относительно государственности вовсе не отличалась той способностью, которую Конецпольскій признавалъ въ презираемыхъ ею Москваляхъ, привыкшихъ, по его словамъ, „въ каждый предметъ вникать основательно“. Это доказала она слишкомъ скоро, когда ни высокая образованность нѣсколькихъ изъ ея представителей, ни воинскіе таланты другихъ, ни громадныя богатства третьихъ, ни великія жертвы остальныхъ—не могли остановить наплыва двухъ разноплеменныхъ ордъ, соединенныхъ только жадностью къ добычѣ.

Даже и теперь, въ сладостномъ упоеніи революціоннымъ успѣхомъ, котораго никто не предназначивалъ и не ожидалъ, многіе либералы были недовольны своимъ завоеваніемъ и не знали, что съ нимъ дѣлать. Одни роптали, что опрометчиво ослабили власть и достоинство короля; другіе находили оборонительное постановленіе мѣрою безсильною; наконецъ, были и такіе, что не довѣряли королю даже въ его уничтоженіи. Всосавши съ матернимъ молокомъ совмѣстимость обѣщанія и клятвы съ противнымъ намѣреніемъ, шляхта ждала отъ короля новаго посягательства на ея свободу. „Никто не можетъ понять“ (писалъ въ это время прусскій резидентъ), „какія намѣренія у короля, который собралъ столько войска, предпринималъ такое дѣло, увѣдомилъ о немъ всѣхъ государей, и теперь вдругъ выпустилъ вой-

ско изъ рукъ. Это возбуждаетъ подозрѣніе во всѣхъ сословіяхъ. Не довѣряютъ королю, готовятся воевать на вербованныхъ жолнеровъ, и назначили новый сеймъ черезъ четыре мѣсяца“.

Въ самомъ дѣлѣ, было постановлено созвать новый сеймъ на 2 мая 1647 года, собственно для того, чтобы всякую мысль о войнѣ и всевозможныя недоразумѣнія устранить. Опозоренный, но тѣмъ не менѣе упрямый въ своихъ замыслахъ, король, съ своей стороны, надѣялся, что въ маѣ будущаго года ему удастся склонить Рѣчь Посполитую исполнять его предначертанія, и потому далъ свое согласіе на созваніе новаго сейма.

Но едва земскіе послы успѣли разгласить въ провинціи о своемъ республиканскомъ торжествѣ, какъ онъ, 10 декабря, объявилъ, что не увольнитъ ни одного жолнера. Онъ представлялъ сенаторамъ резидентамъ грозную опасность со стороны Турціи; и въ самомъ дѣлѣ Порта думала тогда о примиреніи съ Венеціей и о войнѣ съ Польшей.

Король сдѣлался крайне раздражительнымъ. Сенаторы боялись говорить съ нимъ официально, и не знали, что дѣлать. Наконецъ прибѣгнули къ хитрости: королю была подана просьба объ увольненіи отъ полковниковъ гвардіи, Денгофа; Осинскаго, Лесстевана. Король сдѣлался прямымъ казуистомъ: началъ ссылаться на законоположенія, по смыслу которыхъ (говорилъ онъ) сеймовое постановленіе относится къ будущимъ вербовкамъ, но не къ настоящимъ. Тогда нѣсколько духовныхъ сенаторовъ погрозило ему закономъ *de non praestanda obedientia*, и онъ обѣщалъ оставить на службѣ только 1.200 человекъ. Однакожъ, далъ полковникамъ гвардіи приказъ—для вида, распустить немного войска, но лучшихъ жолнеровъ оставить. 13 декабря онъ снова перемѣнилъ свое рѣшеніе: оставилъ гвардію въ полномъ составѣ и выслалъ ее въ Прусы, чтобы спрятать отъ сенаторовъ, а войска, подъ предлогомъ опасности со стороны Турціи, велѣлъ не распускать. Потомъ разослалъ по полкамъ нарочитыхъ посланцовъ для возвращенія универсаловъ разосланныхъ Оссолинскимъ, а 14 декабря началъ снова вербовать жолнеровъ. Изъ Силезіи нѣсколькими дорогами вступили въ Польшу на вербованныя прежде хоругви, грабя и насильствуя по пути, къ неопisanному негодованію шляхты, которая, при этомъ извѣстіи, начала съѣзжаться для принятія своихъ мѣръ.

Шляхетскій народъ чуялъ давно уже, что стоитъ на вулканѣ; наконецъ додумался, гдѣ находится кратеръ вулкана, и сталъ опасаться своего короля всего больше со стороны украинскихъ бунтовъ. Еще во время сейма король повелѣлъ запорожскимъ козакамъ соединиться съ донцами и грабить морскія побережья, а къ султану отправилъ

тогда же посла, въ надеждѣ, что онъ вернется съ угрозами. Жолнеры между тѣмъ бушевали. Шляхта начала сильно вооружаться противъ буяновъ. Все говорило о враждѣ двухъ партій, изъ которыхъ одну поддержать козаки. Но готовую начаться въ Польшѣ усобицу остановили сами жолнеры. Видя грозу со стороны шляхты, они „поблагодарили за службу“, и во многихъ мѣстахъ, не дождавшись даже уплаты заслуженнаго жолду, разошлись. Только тогда король, съ крайней досадой, постановилъ распустить войско.

Но тѣмъ не менѣе мечтавъ онъ о Турецкой войнѣ, надѣясь на иностранную помощь со стороны Швеціи и Франціи. Опять начались у него сношенія по этому предмету съ папой и съ итальянскими князьями.

Между тѣмъ Россія, рассчитывая на обѣщанную королемъ помощь, начала воевать съ Татарами и задѣла Турцію. Царь просилъ у него помощи. Но король не могъ ни послать ему войска, ни одновременно съ нимъ начать войну; не могъ даже отправить къ нему посла для заключенія договора. Бездѣйственно долженъ былъ онъ ждать сейма, въ страшной тревогѣ, какъ бы не потерять этого драгоцѣннаго случая для соединенія польскихъ силъ съ московскими, какъ бы союзники Польши, Москали, не обратились въ непріятелей.

Съ этой стороны бѣда грозила Полякамъ еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ со стороны Дикихъ Полей. Будучи покамѣстъ не въ силахъ мѣряться съ Польшею боевыми людьми, Москва превосходила ее государственнымъ строеніемъ. У республиканца Поляка все валилось изъ рукъ, и даже военныя средства его были опаснѣе для него самого, нежели для сосѣдей. Монархистъ Москаль держалъ добытое потомъ и кровью крѣпко, не такъ какъ его сосѣдъ, легко ему доставшюся Малороссію. Для насъ, потомковъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей въ Польшѣ, очевидно, чѣмъ были способны Москали воспреобладать надъ вхозяевами южнорусской земли, Поляками. Современники не видѣли того ни съ польской, ни съ московской стороны. Москва не управлялась еще съ остатками покоренной ею Кипчакской Орды, Крымцами, которые подъ управленіемъ Исламъ-Гирея, сдѣлались похожи на своихъ предковъ, батыевцевъ. Но изъ посольства „раціоналиста и политика“ Стрѣшнева мы видимъ, что завоеваніе Крыма было у нея на очереди. Смерть Конецпольскаго и бунтъ Хмельницкаго съ его руинными послѣдствіями отодвинули это важное дѣло больше, чѣмъ на столѣтіе. Русская жизнь давно уже заявила потребность подавленія ордынцевъ, но ее постоянно эксплуатировали и тормазили для своей иноземной политики Ляхи. Питомцы и пособники Ляховъ, днѣпров-

скіе козаки, сдѣлались новымъ тормазомъ русскаго торжества надъ ордынщиной.

Въ прошломъ году, какъ мы уже знаемъ, донцы и подвластные Москвѣ Татары готовились какъ бы своевольно, безъ вѣдома царя, начать войну съ Татарами. Татары, узнавъ объ ихъ замыслѣ, предупредили ихъ вторженіемъ въ московскіе предѣлы, но были отражены. Осмѣленные этимъ донцы облегли Азовъ со стороны моря, въ то время когда Кондратовъ и князь Черкасскій заперли Азовъ со стороны суши съ черкесскими, калмыцкими и астраханскими Татарами. Но тутъ явился на выручку Азова крымскій ханъ и отгѣснилъ осаждавшихъ. Ханъ доносилъ султану, что донцы готовятъ 150 новыхъ чакъ, съ цѣлью воевать Крымъ, и просилъ о позволеніи вторгнуться въ Московское Царство. Ханскіе послы прибыли въ Стамбулъ, когда Турки одержали побѣду надъ Венеціанцами. Въ ноябрѣ Турки взяли крѣпость Реттимо, и султанъ, закончивъ кампанію текущаго года этой побѣдою, могъ располагать свободно своими силами. Поэтому великій визирь, какъ было слышно въ Польшѣ, посадилъ московскаго посла въ тюрьму, и послалъ хану повелѣніе вторгнуться въ Московское Царство. Исламъ-Гирей бросился на добычу и, какъ рассказывали за московскимъ рубежомъ, увелъ въ Крымъ 40.000 асыра. Въ возмездіе за это, царь повелѣлъ донцамъ идти на Черное море грабить турецкіе города, а самъ, собравъ 100.000 войска, намѣревался воевать Крымъ и просилъ у короля Владислава помощи.

Можно вообразить, съ какою горечью принялъ эту просьбу Владиславъ. Ему были готовы повиноваться одни козаки, какъ бы предчувствуя, что побараютъ за него сборище пановъ своекорыстниковъ и, въ концѣ концовъ, нагнуть ихъ гордыя выи подъ Москва еще ниже, нежели Посольская Изба нагнула подъ свою волю королевскую власть.

Все теперь зависѣло въ Польшѣ отъ одобренія сейма, который долженъ былъ собраться въ маѣ 1647 года. Король ждалъ его съ терпѣніемъ, воображая, что достаточно раздражилъ мусульманъ, и что два враждебныя ему сословія поневолѣ должны будутъ выполнять его планы. Но и въ этомъ ошибся.

Въ Стамбулѣ хорошо знали, что дѣлалось въ Варшавѣ. У Порты были въ Польшѣ шпионы между купцами Армянами. Она получала точныя вѣсти изъ Крыма и Буджаковъ, изъ Мультианъ и Волоцины отъ пограничныхъ воеводъ-башей своихъ, а еще больше отъ европейскихъ резидентовъ при султанѣ, которые считали своею обязанностью увѣдомлять его визиря о взаимныхъ отношеніяхъ христіан-

скихъ дворовъ. На сей разъ Венеція доставила Портъ наилучшія извѣстія о королевскихъ намѣреніяхъ. Она была болѣе вреднымъ другомъ для Польши, нежели врагомъ для Турціи. Съ самаго начала Порты знала, что задумалъ Владиславъ, и бракъ его съ Маріей Гонзага подтвердилъ ее опасенія.

Поляки, по проторенной ими дорогѣ самозванщины, еще въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія заявили мысль о попушеніи на оттоманское владычество посредствомъ самозваннаго турецкаго царевича, крещенаго тайно въ христіанскую вѣру. Москва, съ достоинствомъ державы степенной, безъ шума столкнула претендента съ его ходуль, устроенныхъ шляхтой да козаками, очевидно, подъ руководствомъ все той же таинственной интриги, которая создала и ея Лжедмитрія. Но въ 30-хъ годахъ появился передъ Оттоманами призракъ Палеологовъ изъ Франціи. Князь Нервезъ, отецъ Маріи Гонзага, вмѣстѣ съ княземъ тосканскимъ (который поощрялъ и чествуемаго козаками „Турецкаго Царя Ахію“) стали готовить возстаніе Грековъ и другихъ подвластныхъ Турціи христіанскихъ народовъ. Англія, Испанія и Франція обѣщали имъ свою помощь. Хотя замыслы князя Нервеса, наследника Палеологовъ, оказались такою жъ несостоятельною затѣей, какъ и претензіи Александра Оттомануса, но имя его постоянно пугало Турокъ, бывшихъ свидѣтелями потрясенія Московскаго Царства польскими героями самозванщины. Бракъ польскаго короля съ наследницей претендента, котораго права католическая Европа лужаво признавала серьезными, былъ для турецкихъ правителей событіемъ тревожнымъ. Владиславъ слытъ счастливымъ полководцемъ и казался наддлин грознымъ.

Были извѣстны Портъ, хотя бы только изъ газетъ, и сношенія короля съ Москвою, Персією, Венеціей, Римомъ, Тосканой и другими державами. Она подозрѣвала обоихъ господарей въ невѣрности и боялась волненія христіанскихъ народовъ, ненавидѣвшихъ турецкое подданство. Если взять во вниманіе, какъ легко было заохотить къ войнѣ Персовъ и всѣ христіанскія національности въ Азіи и въ Африкѣ къ возстанію, то легко понять опасенія Порты, чтобы, въ случаѣ войны съ Польшею, не загорѣлся у нея пожаръ, котораго не могли погасить ея силы. И однакожь, въ виду столь грозной опасности, не могла Порты рѣшиться на заключеніе мира съ Венеціей.

Еще въ 1619 году писалъ испанскій посоль, что Турки видятъ въ Венеціи единственное препятствіе своимъ стремленіямъ къ господству на моряхъ, и лишь только раздѣляются съ Персіей, немедленно стануть воевать за Кандію. Обладаніе этимъ богатымъ островомъ, по

его взгляду, обезпечить Портъ Архипелагъ и отворить дорогу въ Средиземное море; поэтому и Венеціанамъ (писалъ онъ) не остается ничего иного, какъ покупать временный миръ дорогою цѣною; но лишь только явится визирь непоколебимый, ничто ихъ не избавитъ отъ войны.

Вотъ почему Турки, начавши воевать съ Венеціей, не хотѣли кончить войны безъ пріобрѣтенія Кандіи. Тѣмъ не менѣе, однакожь, былъ моментъ, когда Порта колебалась въ выборѣ непріятеля между Польшей и Венеціей,—именно въ 1646 году, когда король объявилъ въ Варшавѣ Турецкую войну, и особенно, когда выѣхалъ во Львовъ, чтобы начать военныя дѣйствія, и послалъ отсюда ультиматумъ, требующій переселенія Буджацкихъ Татаръ въ Крымъ. Султанъ повелѣлъ было стаять часть войска къ Силистріи, другую послалъ на Буджаки, а съ третьей готовился двинуться самъ визирь. Все это дѣлалось подъ покровомъ увѣреній въ мирѣ; но король узналъ изъ вѣрнаго источника, уже послѣ сейма, что великій визирь убѣждалъ султана къ примиренію съ Венеціей и совѣтовалъ перенести войну въ Польшу. Такъ близко было осуществленіе надежды короля втащить Рѣчь Посполитую въ Турецкую войну; такъ возможно было соединеніе Россіи съ Польшей безъ козацкой руины!

Не получая никакого отвѣта на свой ультиматумъ, король велѣлъ наконецъ Оссолинскому послать гонца въ Стамбулъ, чтобы осведомиться о положеніи сейма до начала майскаго сейма.

Оссолинскій послалъ къ визирю письма отъ себя и отъ гетмана Потоцкаго. Канцлеръ вступался за волошскаго государя Лупула; гетманъ же обвинялъ хана, что набѣгаетъ на Москву, и требовалъ переселенія Буджацкихъ Татаръ въ Крымъ.

Король ожидалъ и желалъ суроваго отвѣта,—пожалуй, даже заключенія гонца въ тюрьму. Но визирь обошелся съ нимъ ласково и представилъ его султану. Ему дозволили повторить жалобу на хана и дали таковой отвѣтъ, какимъ польскіе короли не разъ отдѣльвались отъ Турокъ, когда тѣ настаивали на уничтоженіи козаковъ, именно,—что „падишаху нѣтъ никакого дѣла до этихъ людей“, чего никогда прежде отъ нихъ не слыхали, и тутъ же былъ отправленъ съ письмомъ къ королю султанскій чаушъ, Соганмъ-баша.

Прибытіе чауша, о которомъ увѣдомляли съ каждаго ночлега, ожидалось въ Варшавѣ со страхомъ и надеждою. Шляхта боялась объявленія войны; король надѣялся, что ему развяжутъ наконецъ руки и позволятъ козаковать, въ роли новаго Ахія Оттомануса.

Султанскій чаушъ прибылъ въ концѣ января 1647 года, и немедленно получилъ аудіенцію. Церемоніаль его пріема замѣчательнъ

въ томъ отношеніи, что Стамбуль чествовалъ еще Варшаву, какъ соперницу своего могущества. Съ высоты утвержденного всячески въ политическомъ мірѣ мнѣнія о Рѣчи Посполитой Польской правителямъ ея было суждено спуститься, точно съ ломкихъ подмостковъ, на самую низкую ступень, на ступень господъ, подчиняющихся требованію рабовъ.

Чаушъ Согаимъ-баша вѣдѣхалъ изъ отведенной ему квартиры верхомъ, въ сопровожденіи 20 конныхъ королевскихъ дворянъ. Ему предшествовалъ слуга, неся султанскую грамоту въ мѣшкѣ изъ золотой парчи, на подушкѣ, вышитой жемчугомъ. Надворный маршалъ, Казановскій, ввелъ его къ королю, окруженному радю сенаторовъ. Чаушъ приблизился къ трону медленно и съ важной осанкою; вдругъ онъ остановился шагахъ въ десяти и потомъ быстро подошелъ къ ступенямъ трона, упалъ на колѣни, поцѣловалъ королевскую руку и край плаща у короля, ударилъ челомъ, потомъ вернулся на то мѣсто, гдѣ было приостановился, взялъ отъ своего слуги подушку съ грамотой, подошелъ къ Оссолинскому и, когда канцлеръ принялъ грамоту, чаушъ быстро вернулся на прежнее мѣсто, и оттуда произнесъ рѣчь, которую толмачъ повторялъ попольски.

Султанская грамота была дружелюбная, и сверхъ титуловъ, заключалась только въ слѣдующихъ словахъ, разбавленныхъ повтореніями:

„Въ пактахъ между нами написано, чтобы ты удерживалъ отъ набѣговъ разбойниковъ и воровъ, называемыхъ козаками донскими и запорожскими, а я татарскаго хана и буджацкія орды буду крѣпко держать. Но ты другой годъ уже не отдаешь хану дани, да еще и пословъ его задерживаешь; а я повелѣлъ хану ни подъ какимъ видомъ не нарушать нашего мира, лишь бы ты, помня достоинство святаго примиренія, отдавалъ ему обычную дань и держалъ козаковъ, дабы они не осмѣливались выходить Днѣпромъ на Дунай подъ названіемъ донцовъ“.

Эта миролюбивая грамота раздражила короля до такой степени, что онъ, какъ доносилъ въ Венецію посоль, „имѣлъ на особу чауша извѣстные виды“. Однакожъ, Владиславъ отправилъ Согаимъ-башу спокойно, съ письмомъ къ султану слѣдующаго содержанія:

„Не понялъ ты моего письма, отправленнаго въ августѣ прошлаго года. Я требовалъ, чтобы ты, согласно пактамъ, прогналъ Татаръ изъ Буджаковъ и переселилъ въ Крымъ. Теперь, видя изъ твоего письма, что ты этихъ Татаръ хочешь обуздать, вновь требую, чтобы переселилъ ихъ въ Крымъ, и тогда зацвѣтетъ между нами миръ.“

Отдать подарки хану соглашусь охотно, но подь условіемъ, что Татары перестанутъ наѣздить, плѣнниковъ возвратятъ, изъ Буджаковъ прогнаны будутъ, и когда ихъ позовутъ на военную службу, обязательства свои будутъ выполнять вѣрно. Но поелику сіе дѣло откладывается до слѣдующаго сейма, то ожидаю твоего посла съ отвѣтомъ на нынѣшнее письмо“.

Вслѣдъ за чаушемъ прибыло въ Варшаву отъ хана пять посланцовъ, которые объявляли по дорогѣ миръ, и опровергали королевскія извѣстія о враждебномъ настроеніи мусульманъ. У каждаго изъ нихъ было особое письмо, обѣщающее ничѣмъ не нарушить мира и вмѣстѣ просащее подарковъ. Король былъ взбѣшенъ миролюбіемъ азіатцевъ, велѣлъ ихъ остановить и помѣстить въ пяти миляхъ отъ столицы.

Но вѣсть о томъ и другомъ посольствѣ разнеслась по Польшѣ, и вдругъ всѣ страхи, которыми король побуждалъ Шляхетскій Народъ къ Турецкой войнѣ, исчезли. Отъ нихъ осталось только подозрѣніе, что не султанъ короля, а король султана вызываетъ на войну.

Съ своей стороны, король, видя, что не удалось ему закрыть свои замыслы мнимою Татарскою войною, рѣшился вторично сбросить маску и выступить съ Турецкою войною открыто. Онъ просилъ папу выслать въ Польшу breve, вызывающее шляхту на войну съ Турціей, а самъ старался, черезъ холмскаго бискупа, Станислава Петровонскаго, склонить къ этой войнѣ прочихъ бискуповъ. Это ему не удалось. Бискупъ куявскій, Гнѣвошъ, выступилъ съ полной твердостью противъ короля, а прочіе сенаторы, сознавая себя, въ виду султанскаго и ханскаго посольства, освобожденными отъ обѣщанія, даннаго королю на прошломъ сеймѣ, распространили по государству вѣсть о его новыхъ военныхъ замыслахъ.

Владиславъ былъ принужденъ опровергнуть эту вѣсть, имѣя въ виду приближающіеся сеймики, но не умѣлъ скрыть своего неудовольствія: разослалъ къ остальнымъ сенаторамъ собственноручныя письма, въ которыхъ жаловался на амбицію многихъ изъ нихъ и недовѣріе къ нему, говорилъ, что постановленіе прошлаго сейма ослабило королевское достоинство и просилъ — или переимѣнить его, или уничтожить, съ вознагражденіемъ его за причиненный ему вредъ.

Онъ сдѣлалъ еще худшее: вслѣдъ за этими письмами, королевская канцелярія, а потомъ и Оссолинскій, разослали инструкція на сеймики и *дементаторіи* къ сенаторамъ, переполненные жалобами на оппонентовъ.

„Въ прошломъ году“ (сказано было, между прочимъ, въ инструкціяхъ) „было предпринято королемъ дѣло, которое обезпечило бы все-

ну христіянству и Рѣчи Посполитой миръ и безопасность... Но святыя помыслы, вмѣсто благодарности, были осмѣяны злостью ядовитыхъ языковъ, которая дерзнула броситься на репутацію и достоинство сажого маестата королевскаго, представляя, будто бы его предпріятія насилывали свободу и безопасность подданныхъ, и т. д. Король, однакожь, изъ-за злости нѣсколькихъ языковъ не утратилъ любви къ подданнымъ, и теперь представляетъ имъ опасность Рѣчи Посполитой по причинѣ ненадежной вѣрности язычниковъ и т. д. и т. д. Для предотвращенія этой опасности, хотя бы король могъ предложить дѣйствительныя средства, давши всей Европѣ доказательства своего мужества, счастья и воинской опытности, но желая показать, что свои совѣты думаетъ согласовать съ намѣреніями сословій, требуетъ отъ сеймиковъ, чтобы поручили посламъ своимъ совѣщаться о дѣйствительныхъ средствахъ и опредѣлить оныя“.

Делибераторіи также выступали жестоко противъ оппонентовъ. Король упрекалъ ихъ въ исканіи популярности наступленіемъ на его репутацію, и утверждалъ, будто бы потому распустилъ войско, что Рѣчь Посполитая, по увѣренію сенаторовъ, сама почувствовала обязанность позаботиться объ общей оборонѣ и безопасности государства.

По повелѣнію короля, и коронный гетманъ разослалъ письма на всѣ сеймики о враждебномъ намѣреніи Турціи, внушая земскимъ посламъ, чтобы они, имѣя передъ глазами грозяція отечеству опасности, не полагались на слабыя силы квартанаго войска и готовили такую оборону, которая была бы достаточна для сохраненія безопасности Рѣчи Посполитой и отраженія непріятелей.

Все было не впадать. И духовныя, и свѣтскіе можновластники, обиженные королевскою инструкціей, которая представляла ихъ злоязычными клеветниками, писали на сеймики, якобы король оскорбляетъ весь Шляхетскій Народъ. Въ это же время кто-то распубликовалъ поддѣльную грамоту султана, объявляющую королю войну. Шляхта твердила, что это сдѣлалъ самъ король, и хоть обманщикъ былъ открытъ и наказанъ, но королевская репутація пострадала тѣмъ не менѣе.

Трехнедѣльный сеймъ 1647 года начался при самыхъ неблагоприятныхъ для короля обстоятельствахъ. Между сеймовыми панами было рѣшено—всячески устранять мысль о войнѣ, а чтобы занять умы—покончить съ тѣми религиозными вопросами, надъ которыми такъ долго трудился король. *Диссиденты и дивуниты постановили добиться собственными силами равноправія, котораго король, очевидно, не могъ уже имъ доставить, а католики грозили лишить и протестан-

товъ, и православниковъ всякихъ вольностей, соединяя религіозные интересы тѣхъ и другихъ съ замыслами короля противъ Швеціи и Турціи.

Были и другія причины необычайной религіозной ревности со стороны католической партіи. Она боялась, чтобы Польша не обратилась въ духовное государство, и вооружила уже пятого короля противъ обогащенія пастырей на счетъ пасомыхъ. Делѣя въ душѣ житейскую мысль о самозащитѣ отъ господствующей въ Польшѣ церкви, паны, забитые съ дѣтства духовными наставниками своими, не могли придумать иного средства къ освобожденію земскихъ имуществъ отъ набожнаго расхищенія, какъ угодить папѣ подавленіемъ его отступниковъ и схизматиковъ у себя дома, въ свободной, теперь, можно сказать, уже и безворолевной республикѣ.

Въ первые дни сейма нунцій роздалъ всѣмъ бискупамъ письма, которыми папа, по просьбѣ короля, возбуждалъ Поляковъ въ войнѣ съ Турціей, обѣщая съ своей стороны всякую помощь. Король отвѣчалъ папѣ на это breve 4 мая, что готовъ двинуться на освобожденіе Гроба Господня, если ему помогутъ другіе государи, и объявилъ при открытіи сейма, крестовый походъ устами придворнаго Петра Пустынника, всендза Выджги. Королевскій проповѣдникъ съ великимъ жаромъ гремѣлъ противъ тѣхъ, которые осмѣяются сопротивляться христоролюбивымъ предначертаніямъ великаго вонтеля. Но и папа, и его варшавскій апостоль только повредили королю. Какъ бискупы, такъ и вся шляхта вознамѣрились явить главѣ вселенской церкви тѣмъ еще большее рвеніе сеймовымъ угнетеніемъ домашнихъ его противниковъ. Можетъ быть, святой отецъ, не имѣя денегъ для Турецкой войны, на то и рассчитывалъ, чтобы, вмѣсто невѣрной затраты круглыхъ суммъ скуди, увеличить, безъ всякаго риска, свои доходы въ разновѣрномъ покамѣстѣ польскомъ стадѣ своемъ. А Поляки, съ своей стороны, угождая намѣстнику Христа дешевою ревностью къ его владычеству, старались освободить земскія имущества отъ чужездннихъ порожденій римской ехидны.

На новомъ сеймѣ Оссолинскій явился министромъ холоднымъ и нелицеприятнымъ. Повторивши въ королевской пропозиціи инструкціи на сеймики, выразилъ онъ желаніе, чтобы, вмѣстѣ съ весеннимъ пробужденіемъ природы, пробудилось довѣріе между трономъ и народомъ; увѣдомилъ, что на сеймъ прибудетъ коронный гетманъ Потоцкій и поставитъ сословія въ извѣстность объ опасностяхъ со стороны язычниковъ; объявилъ волю короля, чтобы Рѣчь Посполитая свергнула съ себя постыдный татарскій гарачъ, въ виду того, что московскій царь

такъ горячо и безпрестанно домогается союза; а такъ какъ посолъ за болѣзнію ещё не уѣхалъ въ Москву, то спрашивалъ, какую декларацію долженъ дать король царю, и какъ поступить, когда посолъ возвратится изъ Москвы.

Въ этой же пропозиціи, наряду съ необходимостью починить и снабдить обороною пограничныя замки Каменецъ, Кольмакъ, Владиславъ, указана была необходимость ограничить закономъ излишество въ драгоценныхъ одеждахъ, всюду вошедшее въ обычай,—точно какъ бы самъ канцлеръ сознавалъ, что Поляки не способны оборонять грудью того, чѣмъ они дорожили.

На пункты пропозиціи, среди напряженнаго вниманія обѣихъ законодательныхъ Избъ, говорилъ извѣстный уже намъ Гнѣвошъ, куавскій бискупъ. Громозвучный и ровный голосъ его достигалъ до самыхъ дальнихъ галлерей Сенаторской Избы, гдѣ королева, окруженная дворомъ, сидѣла въ сообществѣ венеціанскаго посла. Ораторъ, по разсказу польскаго историка, вырасталъ гигантомъ съ каждымъ отдѣломъ рѣчи своей; глаза его свѣтились огнемъ зловѣщимъ; лицо выражало maestatъ Рѣчи Посполитой, а говорилъ онъ съ такимъ сознаніемъ своего превосходства, какъ будто всѣ замыслы и все поведеніе короля считалъ фантазіями безпокойнаго и высокомѣрнаго недоросля, котораго надобно было проучить. Подобно тому, какъ король, въ инструкціяхъ на сеймики исчислялъ свои благодѣянія, оказанныя Рѣчи Посполитой, громовержецъ бискупъ началъ свою рѣчь исчисленіемъ всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ королю Рѣчью Посполитою. „Воспитаніе, снабженіе средствами, единогласное избраніе на престолъ, уплата долговъ, обезпеченіе всего семейства, безпрестанные налоги, любовь и довѣріе, оказываемыя королю во все время его царствованія: вотъ наши доказательства (гремѣлъ сеймовой витія), что въ Польшѣ нѣтъ у короля ни злоязычныхъ, ни злонамѣренныхъ людей, и было бы лучше, если бы королевская канцелярія назвала тѣхъ, на кого она мѣтила. Такихъ людей нѣтъ въ Польскомъ народѣ. Ихъ надобно искать между иностранцами, которыми полонъ дворъ и которые королевское сердце отравляютъ злобою противъ народа. Поэтому покорнѣйше прошу его королевскую милость отослать отъ себя графа Магни, ксендза капуцина, Фантони и Бильбони, какъ людей, вредныхъ для Рѣчи Посполитой. Надобно также, чтобы канцелярія отправляла скоро иностранныхъ пословъ, которые у насъ обратились въ постоянныхъ резидентовъ, выдаютъ секреты Рѣчи Посполитой, и дошли наконецъ до такого любопытства, что на этой самой галлерей, въ Сенаторской Избѣ, подслушиваютъ наши совѣщанія. Хотѣлъ бы я спросить венеці-

анскаго посла, позволила ли бы мнѣ Венеціанская Республика такъ подслушивать свои рады“...

Когда Гяъвошъ говорилъ это, обращаясь къ галлерей, королева спросила великаго конюшаго Платемберга, о чемъ ораторъ такъ разглагольствуетъ. Узнавъ, что бискупъ требуетъ отсылки всѣхъ иностранцевъ, она воскликнула: „О, какое порабощеніе (O che servitu)“! и удалилась со всѣмъ дворомъ.

Гяъвошъ говорилъ далѣе: гореваль о несбывшейся надеждѣ государства, что король оставитъ военныя заѣмъ; критиковаль инструкции и пропозиціи канцлера; выражалъ недоувѣріе къ опасеніямъ со стороны Турціи. „Не могу согласиться на наступательную войну“ (гудѣль онъ, точно церковный колоколъ): „ибо вижу, что нашихъ силъ ни въ какомъ случаѣ недостаточно, и потому совѣтую отправить посла къ Портѣ, склонить шляхту, въ случаѣ надобности, къ посполнтому рушенію, козакамъ строго запретить морскіе походы и постановить двухнедѣльный сеймъ единственно на случай опасности со стороны Турціи. А чтобы Турція обратила въ провинцію Мультанъ и Волощину, это напрасныя опасенія. Султанъ этихъ земель ни Татарами не населитъ, ни башамъ не отдастъ: ибо земли эти снабжаютъ съѣстными припасами его кухню, визирямъ приносятъ великіе доходы, и за такимъ распоряженіемъ тотчасъ бы въ Седмиградіи всмхнулъ бунтъ, а волошскіе и мультавскіе мужики разбѣжались бы въ Венгрію и въ Польшу“.

Долго въ такомъ смыслѣ ратоваль противъ короля бискупъ. Король слушалъ его наморщивъ лобъ, наконецъ всталъ и вышелъ изъ законодательной толпы, а по окончаніи засѣданія выразилъ всему сенату свое безсильное неудовольствіе.

Это происходило 4 мая. На другой день, въ числѣ многихъ другихъ пановъ, прибыли въ Варшаву два магната, соперничавшіе на сеймовомъ судѣ за Хороль и Гадячъ въ нашей Малороссіи. Для обычныхъ въ Польшѣ доводовъ своего права, обратившихся въ поговорку *жельзные доводы* (*zelazne gasye*), они привели съ собой 5.000 такъ называемой ассистенціи. Одинъ изъ нихъ, князь Іеремія Вишневецкій, заявилъ, что на прошломъ сеймѣ кто-то, въ его отсутствіе, „сдѣлавшись ревизоромъ имѣній, лежащихъ на татарскомъ пограничѣ“, жаловался передъ королемъ, якобы онъ (Вишневецкій) грозилъ ему (самозванному ревизору) кіями. „Еслибъ я думаль объ этомъ“ (сказалъ представитель общественной свободы среди Шляхетскаго народа), „то навѣрное онъ бы почувствовалъ это на своей спинѣ“. Таково было

предувѣдомленіе полновластнаго магната о томъ, какъ независимые отъ короля паны должны рѣшить его тяжбу.

Между тѣмъ дѣло Турецкой войны совсѣмъ упало, а вмѣсто него католическая партія подняла два вопроса и, поставивъ ихъ выше прочихъ государственныхъ интересовъ, заняла ими всѣхъ сеймующихъ пановъ. Наканунѣ паденіе Рѣчи Посполитой (она пала въ Хмельничину), оправдалися ласкательныя слова Оссолинскаго къ панѣ, что Поляки больше заняты религіозною борьбою съ согражданами, нежели безопасностію и цѣлостію отечества.

Первый вопросъ касался аріянина Шлихтинга. Его обвинили въ изданіи богохульныхъ книгъ, отрицающихъ божественность Христа, и 11 мая, за таковое возмущеніе противъ Божескаго и королевскаго маестата, онъ былъ заочно приговоренъ къ инфаміи и конфискаціи имущества. Изданныя имъ книги сожжены чрезъ палача; всѣ аріянскія сочиненія воспрещены, новыхъ не дозволено печатать, подъ смертною казнью, и аріянскія школы уничтожены. При семъ Оссолинскій выразилъ удивленіе, какъ эта новая секта, будучи пришельцемъ и гостемъ въ Польшѣ, усиливается притѣснить старинную въ ней хозяйку—вѣру католическую!

Второй вопросъ касался полеваго гетмана литовскаго, Януша Радивила, потомка двухъ Радивиловъ, на которыхъ опирались даже и такіе православники, какъ Іовъ Борецкій. Виленскій бискупъ обвинялъ этого кальвиниста въ низверженіи придорожныхъ крестовъ, поставленныхъ мѣщанами въ его имѣніи. Дѣло это подоткнуло двѣ недѣли сеймоваго времени, „среди страшнаго крику однихъ, которые были воспламенены религіозною ревностію, другихъ, которые, подъ этимъ предлогомъ, хлопотали о своихъ приватахъ, и третьихъ, которые желали показать свой умъ въ ораціяхъ“ (пишетъ современный намъ Полякъ-историкъ). Замѣчательнѣе всѣхъ показались тѣ орація, въ которыхъ, съ одной стороны, взвѣшивалась оскорбленная „честь Бога“, а съ другой—„великое имя“ обвиняемаго. Когда одинъ ораторъ заявилъ, что здѣсь надобно стоять больше за „кривду Божию“, нежели за „посполитое право“, ошмянскій подстаростій, „одноглазый еретикъ“ (какъ назвалъ его въ дневникѣ литовскій канцлеръ) замѣтилъ, что непристойно сравнивать Божіе право съ человѣческимъ. На это воронный подчашій, ученый Остророгъ, тотчасъ отвѣтилъ ему, что рѣчь идетъ не о сравненіи, часто „одноглазость и хромота“, и этотъ „жартъ“ записалъ въ своемъ дневникѣ литовскій канцлеръ, обыкновенно чуждый того, что называлъ бы онъ празднословіемъ.

Оставалась уже только недѣля для сеймованья. Тогда Посольская Изба назначила однихъ депутатовъ для комиссіи Шведской, другихъ— для комиссіи Московской по предмету союза противъ Татаръ, и наконецъ— озаботилась уплатою установленному войску, въ числѣ которыхъ и реестровые козаки уже пять лѣтъ не получали жолду. Дальнѣйшимъ совѣщаніямъ помѣшала жалоба пословъ Мазовецкаго воеводства на воеводу поморскаго, Денгофа, и каштеляна хелминскаго, Горайскаго, совершавшихъ лютеранское богослуженіе въ Варшавѣ во время сейма, на который должна была призываться благодать исключительно бога католическаго. Мазуры выступили съ такимъ „бѣшенствомъ“, что хотѣли отказать въ повиновеніи познанскому бискупу за то, что, какъ онъ, такъ и другіе есенды и даже іезуиты не достаточно ревностно обороняли вѣру. Превзошедшіе самихъ учителей ученики ссылались на декретъ мазовецкихъ князей 1525 года, воспрещающій, подъ смертною казною, произносить какія-либо проповѣди, кромѣ католическихъ, и повторяли премудрое мнѣніе лонжинскаго старосты,—что людскія кривды Богъ предоставилъ своему суду, но свои собственные поручилъ намъ. Изъ-за придорожныхъ крестовъ (которые, какъ видимъ, не напрасно ставилъ въ Малороссіи Петръ Могила) едва не былъ сорванъ чрезвычайный сеймъ; наконецъ это важное дѣло удалось отложить до слѣдующаго сейма (а слѣдующій сеймъ 1648 года собрался уже по паденіи *свободной* Польши). Достойны замѣчанія слова заблудовскаго плебана, по свидѣтельству литовскаго канцлера, успокоившія земскихъ пословъ: „Князь Радивиль—мой благодѣтель, и часто приглашаетъ меня къ своему столу“.

Если засѣданія королевскихъ законодателей поставить рядомъ съ государственными думами царскихъ бояръ и дьяковъ, то можетъ показаться, что здѣсь умствовали дѣти, а тамъ—зрѣлые мужи. И дѣйствительно, католичество, котораго самымъ выразительнымъ проявленіемъ были іезуиты, направляло все нравственное вліяніе своей церкви на то, чтобы держать и общество, и государство въ дѣтской отъ себя зависимости; а Поляки превозносили всѣ народы въ дѣтской покорности папѣ, и на ней основывали славу свою.

При концѣ сейма, когда и такой вопросъ, какъ запоздалая уплата жолду жолнерамъ и козакамъ, оставался еще нерѣшеннымъ, теченіе совѣщаній прервало прибытіе двухъ коронныхъ гетмановъ: „ибо многіе послы выѣхали имъ навстрѣчу“, говоритъ очевидецъ. Это напоминаетъ русскому читателю 1589 годъ, когда татарскій набѣгъ увели въ неволю множество панскихъ женъ и дѣтей, а сеймующіе паны прекратили спѣшныя дѣла, и цѣлый день глазѣли на великолѣпный

въѣздъ князя Василя, который прибылъ на сеймъ ради фамильныхъ интересовъ своихъ и привелъ такое войско съ богатымъ обозомъ и артиллеріей, котораго было бы достаточно для устрашенія Татаръ, набѣжавшихъ почти безоружно.

Наконецъ сеймовое время совсѣмъ истекло среди волненій и ссоръ изъ-за Божьихъ кривдъ. Посольская Изба не утвердила еще ни одного постановленія, не взирая на просьбы литовскихъ пановъ и канцлеровъ, отъ которыхъ земскіе послы отдѣльвались восклицаніями и непристойными выраженіями, забывая даже о присутствіи короля. По просьбѣ сенаторовъ, согласились наконецъ на продленіе сейма до 27 мая. Обѣ законодательныя палаты соединились немедленно, и сами „двинулись, что сеймъ начинается въ тотъ день, въ который слѣдовало бы ему кончиться“. Но и тутъ былъ поднятъ злополучный вопросъ о господствѣ католиковъ надъ прочими религіянтами.

Евангелики выступили противъ него сильнѣе, нежели когда-либо, жалуясь, что всѣ исповѣданія вѣры, кромѣ католическаго, только *терпятся* въ Польшѣ: ибо, по мнѣнію католиковъ, велюнскій декретъ противъ иновѣрцевъ можетъ быть осуществленъ во всякое время. Протестанты представляли несправедливости и притѣсненія со стороны католической партіи, а королю припоминали права, конфедерація и его присягу. Съ своей стороны бискупы вооружались противъ диссидентовъ, представляя несправедливости и притѣсненія, терпимыя католиками. Оссолинскій былъ умѣреннѣе всѣхъ и говорилъ противъ католиковъ за безчинства, которыя они себѣ позволяли, но и онъ не признавалъ за иновѣрцами, кромѣ спокойствія и безопасности, сохраняемыхъ терпимостью, никакихъ правъ, не только равенства. „Въ государственныхъ дѣлахъ“ (говорилъ онъ) „вы равны съ католиками на основаніи конфедераціи, и не имѣете причины жаловаться, ибо занимаете высшія должности наравнѣ съ католиками, но занимаете лишь потому, что вы шляхта, а не потому, что вы разновѣрцы. Ради вашей религіи нието не сталъ бы входить съ вами въ конфедерацію“. Наконецъ король объявилъ, что желаетъ оставить Рѣчь Посполитую въ томъ же положеніи, въ какомъ ее нашель, и не видитъ надобности въ новыхъ постановленіяхъ.

На другой день выступили съ своими претензіями наши православники, какъ арріергардъ протестантовъ, которыхъ авангардомъ были аріане. Здѣсь важную роль играли освободившіяся вакансіи. Въ самомъ началѣ 1647 года умеръ кievскій митрополитъ и печерскій архимандритъ, Петръ Могила. Король, по желанію участвовавшихъ въ сеймованіи пановъ православниковъ, въ концѣ сейма, отдалъ кievскую

митрополію Сильвестру Косову, иначе Косу, воспитаннику Петра Могилы, а печерскую архимандрію, Іосифу Тризьянъ, происходившему изъ знатной бѣлорусской фамиліи и состоявшему въ родствѣ съ Сопігами. Такъ какъ право „подаванія“ этихъ „духовныхъ хлѣбовъ“ (Jus patronatus) принадлежало королю, и панамъ не за чтѣ было съ этой стороны спорить на сеймѣ, то православниковъ нашихъ успокоили обѣщаніемъ — права греческой религіи безотлагательно привести въ исполненіе согласно пунктамъ, изложеннымъ на избирательномъ сеймѣ, и съ этою цѣлью назначили тотчасъ изъ сейма комиссаровъ.

Здѣсь я припомню моему читателю, что литовскій канцлеръ Левъ Сопіга, предшественникъ Альбрехта Радивила, еще до витебской трагедіи, пугаль уніятскаго фанатика, Іосафата Кунцевича, петиціею, „поданною королю отъ всего Запорожскаго Войска“, говоря, что „козаки ждуть въ Кіевѣ рѣшенія назначенной по сему предмету комиссіи“. Но козаки оставили безъ вниманія витебскую трагедію, не смотря на то, что изъ-подъ бунчука Сагайдачнаго перешли подъ бунчукъ Жмайла. Мало того: спустя два года, не могли они въ Медвѣжьихъ Лозахъ, сказать военносудной комиссіи и ея президенту, Конецпольскому, ничего о своемъ вмѣшательствѣ, при Сагайдачномъ, въ дѣла церковной іерархіи, кромѣ того, что объ этомъ „духовные старшіе имѣли переговоры съ коронными властями“. Въ „Пактахъ съ Козаками“ послѣ осады ихъ въ Переяславѣ Конецпольскій упрекалъ ихъ зловредною выдумкой о ломаньѣ греческой вѣры, „которой никто не ломалъ“, но козаки не отвѣтили ему ни слова на этотъ упрекъ. Въ петиціи, которою запасся, ѣдучи на избирательный сеймъ, Петръ Могилы, козаки снова фигурируютъ подъ покровомъ панской политики. Ихъ даже научили просить объ участіи въ избраніи короля и о томъ, чтобы „греческая религія была успокоена, и чтобы ее не беспокоили уніаты“. Но отвѣтъ имъ отложенъ до другаго времени, а между тѣмъ протестанты, „подъ видомъ“ православниковъ, или, какъ называли ихъ католики, схизматиковъ, представили на сеймѣ свои еретическія требованія и грозили, въ случаѣ отказа, противодействовать предстоящему избранію. Протестанты домогались, чтобы русская митрополія была отдана православникамъ и подчинялась константинопольскому патріарху; чтобы владыки, архимандриты и другіе члены іерархіи были его ставленниками; чтобы уніаты, оставивъ свои мѣста, отдали православнымъ семинаріи, типографіи и инныя мѣста. *) etc. etc.

*) Не любя *братства*, могиллинская факція назвала ихъ здѣсь *внѣшніи мѣстани*.

Это даетъ намъ понять, почему на послѣднемъ передъ Польскимъ Разореніемъ сеймѣ 1647 года постарались разъединить православниковъ съ ихъ покровителями, или—другими словами—отдѣлить отъ протестантовъ ихъ арріергардъ. Что касается козацкихъ пословъ на избирательномъ сеймѣ, то, по словамъ литовскаго канцлера, князя Радзивила, имъ сдѣлали строгій выговоръ за дерзостную просьбу объ участи въ избраніи короля, и Сенатъ сурово наказалъ имъ, чтобъ они не смѣли больше говорить о томъ.

По воцареніи Петра Могилы на митрополіи, козаки сдѣлались не нужными арріергарду протестантскаго движенія противъ католиковъ. Интересовались греческою вѣрою такіе люди, какъ Адамъ Кнсьль и Лаврентій Древинскій, въ качествѣ представителей оппозиціи католикамъ; но козаки, въ лицѣ своего героя, Сулимы, чествовали папу въ самомъ Римѣ, не чуждались даже перехода въ католичество, а ихъ свирѣпыя бунты противъ пановъ 1637 и 1638 годовъ не представляютъ намъ никакого съ ихъ стороны упоминанія о томъ, чтобы права греческой религіи, взятая Владиславомъ на свою отвѣтственность, были введены въ самую жизнь. Теперь на сеймѣ, непосредственно предшествовавшемъ козакотатарскому нашествію, о козакахъ, какъ православникахъ, не было и помину. Образцомъ возстанія за вѣру творцу этого нашествія могла служить одна Переяславщина, иначе Тарасовщина.

Сеймовые паны, „дивясь“, что убили все время сеймованья своего въ религиозныхъ тревоженіяхъ, начали читать свои постановленія „въ неслыханномъ замѣшательствѣ“. Такъ какъ Посольская Изба не утвердила до сихъ поръ ниодного закона, то теперь „все разомъ, совмѣстно съ Сенатомъ, формулировали, писали, разсматривали и рѣшали“... При этомъ разныя факціи и даже единичные послы подавали свои проекты постановленій маршалу для чтенія, вмѣстѣ съ заявленіемъ, что, въ случаѣ непрочтенія, сеймъ будетъ сорванъ, а ихъ единомышленники вторили угрозѣ неистовыми криками. Было такимъ образомъ прочитано и принято 134 пункта, и большая часть безъ всякой обдуманности, среди восклицаній, воззваній и протестовъ.

Шляхетскій народъ, въ послѣдній моментъ своей политической цѣлости, показалъ вполне свою государственную и общественную несостоятельность. Благо личной свободы, драгоцѣннѣйшее изъ благъ жизни, путемъ самоуправства, превратилось у него въ такое зло, которое могла устранить одна диктатура. Первымъ на нее претендентомъ явился король Владиславъ IV, но, по его неспособности, завладѣла диктатурою шляхта. Присвоивъ себѣ верховенство, она явилась

Трагикомическое явленіе представляла величавая Польша, порываясь, наканунѣ своего паденія, въ обладанію имперіей Палеологовъ. Признаки Польскаго Разоренія, далеко превзошедшаго Московское, намѣтились тогда уже выразительно. Обыкновенно думаютъ, что еслибы кто-нибудь изъ полновластныхъ пановъ догадался убить „страшнаго человѣка“, Хмельницкаго, передовые въ Европѣ борцы за подавленіе свободной совѣсти и процвѣтаніе свободы личной, Поляки, благоденствовали бы въ своей республикѣ донинѣ. Но между козаками, кромѣ Хмельницкаго, были Цари Наливай, были дивныя войны Сагайдачные, были непостижимые въ воинскомъ искусствѣ Гуни. Русскіе таланты, не имѣя простора въ іезуитскомъ государствѣ для его строенія, должны были проявить себя въ дѣятельности разрушительной.... Да и кромѣ козацкихъ буйтуровъ, Польша была полна буйтуровъ панскихъ, все-таки нашихъ Русичей, втянутыхъ такъ или иначе въ составъ этого „духовнаго“, ксендзовскаго государства. Гиганты сильной воли и боевой энергіи, они проявляли свое бурное величіе въ борьбѣ съ разрушительнымъ разливомъ русскотатарскаго козачества; но сами были готовы разрушить Польшу изъ-за той дикой свободы, которую Поляки считали верхомъ человѣческаго благополучія, и которую они вѣдрили съ одной стороны въ жолнерахъ, съ другой—въ козакахъ.

Это могъ видѣть каждый, у кого были бы глаза, и на послѣднемъ, едва не разстроившемся сеймѣ. По разсказу покойнаго Шайнохи, самаго талантливаго изъ польскихъ историковъ, одно событіе кончившееся на этомъ сеймѣ благополучно,—подобно пролетѣвшей таинственно бурѣ, бросило на польскую будущность такой же кровавый свѣтъ, какъ и глухо ревушая покамѣсть въ отдаленія бура козацкая, дававшая о себѣ знать переговорами орды днѣпровской съ ордою крымскою. Въ сравненіи съ этимъ зловѣщимъ эпизодомъ, всѣ перипетіи двухъ послѣднихъ сеймовъ теряютъ свою антигосударственную выразительность, и я перескажу его со словъ Шайнохи, давая, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, предпочтеніе органу тѣхъ, которые заинтересованы въ характеристикѣ событія ближе насъ, Русичей.

Былъ у короля Владислава IV извѣстный любимецъ, Казановскій, связанный съ нимъ тѣсною дружбою съ самаго раннаго возраста. Когда еще при Сигизмундѣ III, была завоевана московская Сѣверія, королевичъ Владиславъ выпросилъ у отца для Казановскаго обширныя дѣбра, называвшіяся Ромномъ. Лѣтъ пятнадцать пользовался Казановскій спокойно королевскимъ пожалованіемъ; но въ эти годы возмужалъ князь Іеремія Вишневецкій, и предъявилъ старинное право свое на роменскія дѣбра, опиравшееся на такія данныя, что на нихъ во время

оно не обратили никакого вниманія. Вишневецкій былъ уже славнымъ воиномъ. Въ битвахъ съ козаками на Сулѣ и Старцѣ въ 1638 году онъ былъ правой рукою Николая Потоцкаго, а въ пораженіи Татаръ подъ Охматовымъ помогъ Станиславу Копецпольскому настолько, насколько Сагайдачный Ходкевичу—подъ Москвою. Слава означала въ Шляхетскомъ народѣ силу, и славный воинъ повелѣлъ своимъ слугамъ занять Роменъ. Способъ, къ какому прибѣгнулъ князь Вишневецкій для овладѣнія королевскимъ пожалованіемъ, могъ выработаться только въ Польшѣ, которой паны унаслѣдовали кулачное право нашихъ удѣльныхъ князей.

Въ одинъ прекрасный мѣсяцъ (разсказываетъ Шайноха), лѣтомъ 1644 года, къ „губернатору“ роменскихъ добръ явился, въ видѣ гостя, пріятель, принадлежавшій къ партіи Вишневецкаго. Панъ губернаторъ угощалъ его ужиномъ, къ которому, по счастливой случайности, подоспѣлъ другой, третій, четвертый гость, все старые знакомые губернатора. Но когда встали изъ-за стола, гости просятъ пана губернатора *остаться ночевать у нихъ*, и въ то же самое время столовую наполнили княжескіе жолнеры. Многочисленной дружинѣ непрошеныхъ гостей мудрено было дать отпоръ, и губернаторъ считалъ себя еще счастливымъ, что и импровизированные обладатели замка выпустили его за ворота живымъ и здоровымъ. Ему былъ данъ торжественный наказъ—объявить своему пану, что князь Іеремія Вишневецкій занялъ Роменъ по праву наслѣдства.

Весь королевскій дворъ пришелъ въ волненіе отъ самоуправства пограничнаго магната. Вся Польша наполнилась разсказами о сеймовыхъ замѣшательствахъ по поводу вражды королевскаго любимца съ великимъ воиномъ. Съ 1644 года не переставала эта вражда занимать законодательную власть и обнаруживать ничтожество власти исполнительной. Вишневецкій былъ объявленъ банитомъ, но, какъ ни въ чемъ не бывало, появлялся въ Варшавѣ и даже въ королевскомъ дворцѣ. Король только тѣмъ и могъ явить свое неудовольствіе, что не захотѣлъ съ нимъ видѣться. Дѣло въ томъ, что если одна половина Польши стояла за королевское пожалованіе, то другая рукоплескала прерѣнію воиственнаго магната къ власти закона. Это засвидѣтельствовали провинціальныя сеймики, заговорившіе въ пользу Вишневецкаго, лишь только разослалъ онъ по всему государству письма. Наконецъ король, съ большимъ трудомъ, примирилъ враговъ, присудивъ Роменъ Вишневецкому, съ тѣмъ чтобы онъ уплатилъ Казановскому 100.000 злотыхъ. Это было сдѣлано въ силу рѣшенія луцкаго сеймика, который далъ строгій наказъ посламъ своимъ, „чтобы лучше рвался сеймъ,

нежели чтобы Вишневецкаго удалили какимъ-либо декретомъ отъ владѣнія роменскими добрами, отнятыми у Казановскаго“.

„По тогдашнему возрѣнію на вещи“ (говоритъ Шайноха) „такая мировая сдѣлка была самымъ постыднымъ заключеніемъ процесса: ибо въ подобныхъ случаяхъ магнаты ратовали не столько за самыя добра, сколько за то, чтобъ устоять на своемъ. Затѣявъ разъ что бы то ни было, надобно было упорствовать до конца, не обращая вниманія на всяческія отсюда опасности для себя и хотъ бы даже для государства... Казановскій за мировую съ Вишневецкимъ взялъ деньги, а такой торгъ за претензію, за punkt honogu, подорвалъ его панскую репутацію у шляхты. Самъ король, послѣ ихъ мировой, перешелъ на сторону Вишневецкаго, какъ это извѣстно изъ дневника литовскаго канцлера. „Взявши 100.000 злотыхъ“ (пишетъ канцлеръ) „Казановскій подвергся презрѣнію короля и другихъ... Умѣетъ Вишневецкій побѣждать и враговъ отечества, и своихъ собственныхъ““.

„Однакожь (замѣчаетъ краснорѣчивый историкъ) отъ такихъ домашнихъ побѣдъ дрожали стѣны дома“, и о такомъ дрожаніи непрочно построеннаго государства рассказываетъ еще болѣе многозначительный примѣръ магнатскаго гайдамачества со стороны того же Вишневецкаго.

Черезъ годъ по захватѣ Ромна у Казановскаго, захватилъ князь Вишневецкій у своего пвагера, короннаго хорунжаго Александра Коцепопольскаго, добра гадяческія. Панъ хорунжій позвалъ пана воеводу на сеймовой судъ 1646 года; но Вишневецкій уклонился отъ суда подъ предлогомъ болѣзни. Въ 1647 году коронный хорунжій готовъ былъ сорвать сеймъ, если князь не присягнетъ, что дѣйствительно въ прошломъ году былъ боленъ; а читатель помнитъ, что оба магната прибыли судиться съ желѣзными доказательствами. Литовскій канцлеръ выразился объ этомъ лаконически, какъ о дѣлѣ, не поражавшемъ тогдашняго Поляка: „5 мая прибыли въ Варшаву воевода русскій и коронный хорунжій, которыхъ ассистенція заключала въ себѣ 5.000, ради непріязни ихъ между собою“.

Присягнуть по требованію пвагера для магната, не знавшаго никакого принужденія, было такимъ униженіемъ, что послѣ того оставалось только убить соперника среди Сенаторской Избы, на что Вишневецкій и рѣшился.

„Узнавъ объ этомъ требованіи“ (записалъ въ своемъ дневникѣ дворянинъ Вишневецкаго, Машкевичъ, и польскій историкъ не нашелъ въ его показаніи ничего невѣроятнаго), „князь всячески старался уклониться отъ присяги (książe zabiegał różno, żeby nie przysięgał), одна-

кожъ, по причинѣ упорства пана хорунжаго, не могъ склонить его къ этому. Но сохрани Господи Боже! была бы бездна зла изъ-за этой присяги. Ибо съ вечера, передъ судомъ, князь Вишневецкій, собравши всѣхъ слугъ, которыхъ было съ нимъ до 4.000, собравши всѣхъ, кромѣ пѣхоты да мелкаго народа, сказалъ всѣмъ рѣчь и просилъ, чтобы всѣ стояли за него и смотрѣли на его почицъ, а потомъ кончили, что онъ начнетъ. Ибо объявилъ то, что, если присягну, то, вставши, тотчасъ ударю саблею хорунжаго и буду сѣчь всѣхъ, кто бы за него стоялъ, *хотя бы и самого короля*, а вы всѣ до одинаго, дворные слуги и молодежь, протѣснитесь въ Сенаторскую Избу и меня поддержите. И было бы все это, еслибы присягнулъ. Но самъ король Владиславъ IV съ панами сенаторами постарались, чтобы хорунжій не настаивалъ на присягѣ“.

„Яко актъ доброй воли“ (замѣчаетъ Шайноха), „эта уступка не вредила въ общественномъ мнѣніи Конецпольскому“.

Литовскій канцлеръ, въ своемъ дневникѣ доканчиваетъ характеристику обоихъ соперниковъ. Русскій воевода овладѣлъ Гадячемъ за то, что коронный хорунжій присвоилъ себѣ Хороль, который прежде принадлежалъ къ добрамъ князя Вишневецкаго, но сеймовымъ декретомъ обращенъ въ королевщину. Не смотря на готовность Вишневецкаго къ неслыханному покушенію, въ возможности котораго никто не сомнѣвался, король настолько цѣнилъ и боялся бывшаго бапита, что назначилъ во дворцѣ домашнія засѣданія сенаторовъ, расположенныхъ къ одному и другому сопернику. Послѣ многократныхъ сходовъ, насилу согласили ихъ къ тому, чтобы князь отдалъ гадяческія добра хорунжему, а хорунжій уплатилъ князю за хорольскія добра 100.000 злотыхъ. „О примиренія ихъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ) „долго мы хлопотали и насилу обоихъ уговорили поблагодарить короля за интерпозицію своего достоинства. Итакъ, взаимно обнявшись, не знаю, искренно ли, разстались они: ибо хорунжій сказалъ мнѣ: „Что пользы въ этомъ мирѣ, который скоро *заныластъ еще большею враждою?* И потомъ, не побесѣдовавъ, оба выѣхали изъ Варшавы“.

Оставалось уже только двѣнадцать мѣсяцевъ до кроваваго мая 1648 года, въ которомъ враждующіе паны должны были мириться для того, чтобъ отстаивать свою колонизацію противъ собственныхъ подданныхъ.

Глава XIV.

Пророчество о гибели Польши отъ уни.—Вопросъ церковный и вопросъ козацкій.—Вершитель козацкихъ бунтовъ.—Свиданіе короля-демагога съ козакомъ-демагогомъ.—Надежда на возстаніе Болгаріи.—Козако-татарскій союзъ противъ Рѣчи Посполитой.—Козацкія досады на украинскую шляхту.—Пограничныя сношенія Польши съ Москвою.—Панское войско идетъ противъ козакаго.

Оба заговорщика противъ „свободнаго королевства, населеннаго доблестными Поляками въ открытыхъ поляхъ и окруженнаго только стѣною любви и единодушнаго между сословіями довѣрія“; оба казуиста, пользовавшіеся для своихъ личныхъ цѣлей неурядицей олигархической республики и ея неспособностью къ государственности; оба великіе мужа, которые могли бы спасти свою польскую отчизну, даже и наканунѣ уготованной ею себѣ гибели, еслибъ не были эгонстами и трусами,—рѣшились отнынѣ дѣйствовать подъ покровомъ глубокой тайны, и потому осталось весьма мало письменныхъ слѣдовъ отъ ихъ послѣдней игры въ политику.

Покровъ глубокой тайны лежалъ и на козацкихъ дѣлахъ того времени. Въ качествѣ преданныхъ королю подданныхъ, козаки сдѣлались наконецъ главнымъ орудіемъ для принужденія Королевской Республики въ Турецкой войнѣ. Какъ много значили они теперь у короля, видно изъ одного того, что для сношеній съ ними послалъ онъ такого человѣка, котораго никто не могъ бы замѣтить ни въ Лондонѣ, ни въ Римѣ, ни въ Венеціи и Вѣнѣ.

Но съ козаками, кромѣ военнаго ремесла ихъ, соединился у Поляковъ погибельный для олигархіи церковный вопросъ. Возникъ этотъ вопросъ, какъ надобно думать, въ умахъ московскихъ собирателей Русской Земли, и обнаружился въ Кіевѣ внезапнымъ возстановленіемъ православной митрополіи чрезъ посредство Сагайдачнаго. Теперь онъ опирался уже не на такихъ людей, какими были творцы „Совѣтованія о Благочестіи“, а на такихъ, какимъ явился Петръ Могила съ его

питомцами и креатурами; только Малороссія наша не была успокоена съ религіозной стороны митрополитомъ, созданнымъ родственниками магнатами. Монашескіе вопли о „наступленіи Ляховъ на христіанскую вѣру“ подхватывали зложелатели „пановъ Ляховъ“, запорожскіе крамольники, питомцы цѣлаго ряда козако-панскихъ усобицъ, и, вмѣстѣ съ бѣгавшими съ нимъ банитами да инфамисами, усердно ширили эти вопли въ козацкихъ кошахъ, куда не имѣли ходу ни пошы, ни чернецы. Огласивъ Малороссію при „аровитомъ католикѣ“, монашескія жалобы не переставали раздаваться и при томъ королѣ, котораго латинскіе клерикалы заподозривали въ покровительствѣ всѣмъ ересямъ.

Одинъ изъ „юродивыхъ ради Христа“ игуменовъ, Аонасіѣ Филипóвичъ, видѣлъ погибель Польши не въ „козацкихъ войнахъ“, которыя онъ, подобно многимъ такимъ, какъ онъ, энтузіастамъ, приписывалъ введенію униі, а въ самой униі, потворствуемой, по его словамъ, даже православною іерархіею. Строгій аскетъ, безсребрянникъ и вѣчный богомолецъ, Филипóвичъ вообразилъ себя пророкомъ, посланнымъ отъ Бога предостеречь короля Владислава отъ страшной участи, которая должна постигнуть народъ его. Не допускаемый къ королю не только свѣтскими панами, но и собственными духовными „старшими“, Филипóвичъ зашилъ свое пророчество въ зеленый атласъ и бросилъ Владиславу въ карету. Дерзновеніе свое оправдывалъ онъ словами, которыя даютъ намъ понять, что въ православноиъ духовенствѣ произошло, при Петрѣ Могилѣ, такое же дѣленіе, какое при князѣ Василии постигло православниковъ пановъ, то есть, что духовные верховники носили на себѣ уже только образъ древняго русскаго благочестія, духа же его отверглись.

„Нѣкоторые“ (писалъ Филипóвичъ) „обращаются ко мнѣ, убогому человѣку, такъ: Почему ваши владыки и старшіе отцы не домогаются того, чего требуешь *одинъ ты*, ничтожный?... Такъ, правда! Но не моя вина, что меня всемогущій Богъ назначилъ и послалъ къ вашей королевской милости съ объявленіемъ святой воли Его, подобно тому, какъ убогій человѣкъ Наанъ былъ посланъ къ царю Давиду“, и т. д.

Это было еще въ 1645 году. Юродиваго игумена, за его безумное, какъ тогда казалось, предсказаніе, держали по нѣскольку недѣль въ тюрьмѣ. Но онъ вырывался изъ-подъ надзора тюремщиковъ, бѣгалъ (по собственному разсказу) выпачкавшись въ грязной лужѣ нагой, въ одномъ влобукѣ и монашескомъ парамантѣ, по Варшавѣ и кричалъ: „Горе проклятымъ и невѣрнымъ (Vae maledictis et infidelibus)“! По королевскому распоряженію, Филипóвича отправили въ Кіевъ къ

Петру Могиль, а Могила помѣстилъ его въ отдаленномъ отъ Украинны Берестовскомъ монастырѣ, то есть возвратилъ въ ту самую Литовскую Брестъ, откуда и распространилось волненіе между православнымъ духовенствомъ посредствомъ „синодовъ“ и объявленія церковной уніи *).

Напрасны были всѣ старанія правительства успокоить эти волненія: причины ихъ таились въ „дѣлахъ давно минувшихъ дней“. Ни потачки архіереямъ, посвященнымъ іерусалимскимъ патріархомъ въ виду ставленниковъ римскаго папы, ни признаніе ихъ законности въ лицѣ Петра Могилы, ничто не перемѣнило вкоренившася въ народной массѣ убѣжденія, что паны о томъ только и думаютъ, какъ бы „христіанскую“ вѣру перемѣнить на *римскую*“. Правительство, озабоченное денежными затрудненіями своими и борьбою шляхетскихъ партій, не удостоивало даже прислушиваться къ толкамъ русскаго простонародія, руководимаго своимъ убогимъ и озлобленнымъ духовенствомъ; а между тѣмъ эти толки смѣшивались въ темныхъ умахъ съ возацкими вымыслами о поголовномъ истребленіи воровнымъ войскомъ такихъ мѣстечекъ, какъ Лысянка, объ избіеніи панами жолнерами встрѣчавшейся на походѣ Руси единственно за то, что она *Русь*, о предположеніи вырѣзать все православное населеніе Украинны вплоть до московскаго рубежа и тому подобныхъ ужасахъ. Двѣ пропаганды, исходя изъ разныхъ источниковъ и побужденій, приводили украинскую городскую и сельскую чернь къ ненависти и, можно сказать, освящали въ ея сердцѣ ненависть къ тѣмъ, кого называла она *Ляхами*, въ отличіе отъ тѣхъ, кого разумѣла она подъ именемъ *Руси*. Недоставало только случая къ широкому бунту. Этотъ случай готовилъ король съ премудрымъ своимъ канцлеромъ.

Неожиданно скончался митрополитъ, съ помощью котораго Владиславъ надѣялся оторвать схизматиковъ отъ константинопольскаго патріарха, дабы потомъ привести ихъ къ такой уніи, которая была бы прочнѣе устроенной Сигизмундомъ въ Брестѣ. Ревностные католики не любили Петра Могилы. Имъ не было дѣла до его важнаго, въ историческомъ смыслѣ, для насъ, какъ и въ князѣ Острожскомъ, единенія съ римскою церковью путемъ науки, общежитія, родства и національности. Еще больше не любили Петра Могилы уніаты, у которыхъ отнялъ онъ вдругъ столько хлѣбовъ духовныхъ. Но съ Замој-

*) Въ Московской Патріаршей библіотекѣ хранятся записки Филиновича, ожидающія изданія.

скими, Потоцкими, протестантами Радивилами и окатоличившимися Вишневецкими онъ былъ связанъ родствомъ и наследственной *зависимостью*. Это и было причиною, что никто, а всего меньше самъ онъ, не беспокоилъ сеймовъ напомианіемъ о козакахъ, изъ которыхъ Кисели да Древинскіе, заодно съ протестантами, дѣлали „опекуновъ греческой Церкви“ въ Малороссіи, страдая своихъ религіозныхъ противниковъ изучая, какъ страдалъ и Сопіга Кунцевича. Смерть законнаго, хоть и „схизматическаго“, кievскаго митрополита заставила короля, въ началѣ 1647 года, съ согласія нунція, назначить съѣздъ въ Вильнѣ, съ цѣлью компромисса между „схизматиками“ и уніятами.

Малорусскій панъ Іоакимъ Ерличъ, владѣлецъ лежащаго не вдалекѣ отъ Кіева мѣстечка Ходоркова *), былъ одинъ изъ тѣхъ представителей православнаго движенія, которые, съ благими наміреніями, содѣйствовали, какъ и Петръ Могила, ополяченію Малороссіи. Ерличъ участвовалъ въ сеймованьѣ 1647 года, и ему надворный маршалъ, Казановскій, подарилъ копію состоявшагося въ Вильнѣ компромисса. Въ своихъ воспоминаніяхъ, писанныхъ попольски, подъ названіемъ *Latopisiec*, онъ говоритъ слѣдующее:

„Средство для общаго умиротворенія, предложенное съѣздомъ въ Вильнѣ, состояло въ томъ, чтобы никто изъ Руси греческаго обряда не произносилъ символа вѣры съ прибавкою *и отъ сына* исходящаго Духа Святаго; чтобы никто изъ Руси не порицалъ и не упрекалъ латинниковъ ересью за прибавку *и отъ Сына*; чтобы каждый греческаго исповѣданія Русинъ говорилъ, что Святой Духъ есть Духъ Отца и исходитъ черезъ Сына, и никто изъ латинниковъ не упрекалъ бы его за то въ ереси; чтобы всѣ въ Руси греческаго исповѣданія вѣровали въ третье мѣсто, въ которомъ души задерживаются для покаянія, или для разрѣшенія, и нуждаются въ молитвахъ вѣрныхъ, но никто не долженъ вѣровать, что въ томъ третьемъ мѣстѣ есть огонь, а можетъ разумѣть огонь не огнемъ. Вся Русь греческаго обряда, находящіеся въ подданствѣ у короля, должны быть подъ властію патріарха константинопольскаго, но съ условіемъ,—что патріархъ будетъ вѣровать, какъ написано выше; что патріархъ будетъ вѣрнымъ, то есть христіаниномъ; что будетъ посвященъ по правиламъ и будетъ избранъ одинъ; что послѣ своего посвященія пошлетъ въ польскому королю, въ митрополиту и епископамъ русскимъ, и объявить, что такъ

*) Въ наше время это мѣстечко принадлежало Константину Свиданскому, которому исторіографія обязана, между прочимъ, и сохраненіемъ лѣтописи Ерлича, требующей болѣе полнаго и точнаго изданія.

вѣруетъ, какъ написано выше. Тогда только вся Русь греческаго обряда будетъ ему послушна, а всѣ другіе пункты вѣры, церемоніи, обряды, согласно обычаю восточной церкви, должны сохранить ненарушимо, безъ всякихъ новыхъ выдумокъ“.

Каждому изъ насъ, православныхъ, ясно, что этотъ компромиссъ былъ тѣмъ же отлученіемъ цаствы отъ константинопольскаго патріарха, которое хотѣли сдѣлать посредствомъ патріархата малорусскаго. Теперь король намѣревался, все съ той же цѣлью, испросить у константинопольскаго патріарха согласіе на учрежденіе въ Польшѣ экзархата для Русиновъ. Всегда здѣлать для Польши внушеніе папскаго нунція, или папскихъ духовъ тѣмъ—іезуитовъ, обнаружилось при этомъ въ намѣреніи избрать экзарха схизматикамъ вмѣстѣ съ унітами, или же, чтобы его назначалъ самъ король, а *сакру* долженъ былъ онъ получать явно—или отъ мѣстнаго епископа, или (какъ этого желали уніаты) отъ константинопольскаго патріарха, а потомъ „другую сакру, преподанную папою, отъ короля, хотя бъ и тайно, ради спокойствія совѣсти“.

Эти пункты были предложены на сеймѣ русской шляхтѣ (о мнимыхъ опекунахъ греческой церкви въ Малороссіи никто не думалъ, не думалъ даже и король, нуждавшійся въ козакахъ) и избранному его *электу*, Сильвестру Косову, котораго король, въ концѣ сейма, наименовалъ кievскимъ митрополитомъ. На томъ же сеймѣ состоялось постановленіе, въ которомъ король обѣщалъ дизунитамъ привести въ исполненіе всѣ права греческой религіи, и съ этой цѣлью назначилъ изъ сейма комиссію, которая должна была притязанія схизматиковъ рассмотреть на мѣстѣ.

И вотъ коронный канцлеръ выѣхалъ въ Украину, чтобы склонить на мѣстѣ малорусскую шляхту греческой вѣры къ принятію виленскихъ пунктовъ, чтобы облегчить и проложить дорогу комиссіи, избранной сеймомъ, съ цѣлью введенія въ жизнь признанныхъ за дизунитами правъ, и, наконецъ, чтобы изслѣдовать на мѣстѣ несправедливости, какія они терпѣли.

Королевскій дворянинъ Освѣцимъ, великій поклонникъ Оссолинскаго, вспоминаетъ объ этой миссіи канцлера такъ:

„Въ августѣ 1647 года коронный канцлеръ выѣхалъ изъ Варшавы въ задуманную давно дорогу на Задніпріе, въ Батурицъ, Котопъ и другія находящіяся тамъ свои маестности, которыя онъ держалъ леннымъ правомъ. Тайная же цѣль этой поѣздки была вотъ какая. Такъ какъ королю его милости не удалось въ прежніе годы присоединить къ своей церкви всѣхъ еретиковъ, то онъ возжелалъ

присоединить обратно къ римской церкви греческую вѣру, которую такъ давно схизма отъ нея оторвала, съ намѣреніемъ при этомъ слѣчаѣ вмѣстѣ присоединить дизунитовъ къ униі и прервать оную козацкую лигу съ Татарами. Когда у него въ переговорахъ съ нѣкоторыми панами русскихъ краевъ и даже съ митрополитомъ кievскимъ явилась великая и вѣроятная надежда, упомянутый канцлеръ, желая привести это какъ можно скорѣе въ исполненіе, изобрѣлъ себѣ предлогъ осмотрѣть заднѣпровскія свои маетности, дабы, подъ этимъ предлогомъ, тѣмъ скорѣе съ ними переговорить и предложить способы (*media*) для удовлетворенія обѣихъ сторонъ, сносясь съ кievскимъ митрополитомъ, съ Адамомъ Киселемъ и Максимилианомъ Бжозовскимъ, — которому обѣщалъ кievскую каштелянію, *) дабы его тѣмъ болѣе заохотить и на свою сторону привлечь, — яко съ старшими главами греческой религіи. Въ чемъ они не только великую — дай Богъ согласіе — надежду, но назначили и время для публичнаго трактата на день 16 (6) іюля будущаго (1648) года. И хотя это держали въ великомъ секретѣ, но, такъ какъ всѣ дѣла пана канцлера — хотя бы были и самыя святныя — возбуждаютъ къ нему немалую зависть, то и эта заднѣпровская поѣздка возбудила между шляхтою разныя противъ него подозрѣнія“.

„Великій секретъ“ не позволилъ Оссолинскому быть лично въ Кіевѣ и другихъ близкихъ къ нему мѣстахъ. Операціоннымъ базисомъ тайныхъ сношеній служилъ канцлеру Батуринь, въ которомъ памяникомъ его пребыванія осталась данная имъ Крупецкому монастырю грамота. Черезъ подстолѣтія съ небольшимъ, отсюда велъ такія же покрытыя глубокою тайною сношенія Мазепа. Приѣзжавшіе къ нему іезуиты останавливались въ 30 верстахъ отъ Батурина, въ селѣ Оленовкѣ. Можетъ быть, такъ поступали и агенты преемника Могилы, продавая нашу отеческую церковь папистамъ.

Католическія же подозрѣнія, о которыхъ говоритъ Освѣцимъ касались другаго дѣла, которое обработалъ Оссолинскій, прерываясь дѣлами экономическими, а, можетъ быть, и церковными. Его въ послѣдствіи обвиняли, что *главною* цѣлью поѣздки его въ Украину были договоры съ козаками. Враги упрекали его за это въ измѣнѣ государству, дѣлали его отвѣтственнымъ за бунты, поднятыя Хмельницкимъ, и за всѣ несчастія, постигшія Рѣчь Посполитую въ послѣдніе

*) А Биселя той же дорогой прочили изъ кievской каштеляніи на брацлавское воеводство.

годы. Пріятели не были въ состояніи оборонять его и освободить отъ упрековъ и подозрѣній, которые, въ страшномъ раздраженіи общества, разрослись до того, что ихъ повторяли наконецъ и люди безпристрастные. Даже украинскіе землевладѣльцы, которымъ легче было *промахнуться*, чѣмъ дѣлать въ Украинѣ королевскій наперсникъ, считали его виновникомъ Польской Руины. Спасаясь въ Печерскомъ монастырѣ отъ разлива Хмельнитчины, прибѣжавшій туда изъ Ходоркова пѣшкомъ Ерличъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Чтѣмъ сдѣлалось въ Польской Коронѣ отъ хлопства, то все черезъ короля и гнуснаго измѣннѣнаго канцлера, челоуѣка безбожнаго,—эта распря и гибель Польской Короны и столь великое кровопролитіе, поруганіе и посмѣяніе отъ иноземныхъ сосѣдей, что собственные хлопы и подданные завоевали насъ и обратили въ ничто“.

Про канцлера говорили публично, что по его внушеніямъ король, съ помощью козаковъ, хотѣлъ отнять у шляхты свободу и ввести монархизмъ наследственный. Между обвинителями короля и его совѣтниками были и такіе, которые утверждали, что король дозволилъ козакамъ увеличить число ихъ войска для того, чтобы, въ случаѣ несогласія сейма на Турецкую войну, козаки не послушались королевскаго повелѣнія прекратить набѣги на Турокъ и Татаръ. Король выступилъ бы въ походъ подъ предлогомъ ихъ усмиренія, вошелъ бы съ ними въ переговоры и склонилъ бы ихъ къ повиновенію позволеніемъ воевать съ мусульманами. Козаки сдѣлались бы тогда авангардомъ королевскаго войска, которое Владиславъ повелъ бы въ Турцію съ преданными ему панами, не заботясь о меньшинствѣ противниковъ Турецкой войны. А современный французскій посолъ рассказывалъ своему соотечественнику, Петру Шевалье, въ Варшавѣ слѣдующее:

„Ходили слухи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, весьма правдоподобные, что король, желая еще однажды поднять давнишній замыселъ похода на Татаръ, вошелъ въ соглашеніе съ Хмельницкимъ, и что Хмельницкій дѣйствовалъ по его волѣ и повелѣнію, начиная бунтъ съ тою цѣлью, чтобы доставить королю поводъ къ набору войска противъ козаковъ. Войдя въ Украину, намѣревался онъ присоединить козаковъ къ своему войску, которое, будучи предводимо иностранцами, или приверженцами короля, не заботилось бы о волѣ и повелѣніи Рѣчи Посполитой, а пошло бы съ королемъ въ Крымъ и потомъ противъ Турокъ, чтѣмъ неизбѣжно привело бы къ наступательной войнѣ. Между тѣмъ Хмельницкій, видя, что письма, которыя послалъ онъ съ жалобой о козацкихъ и своихъ собственныхъ обидахъ, при всей покорности, съ которой были писаны, не имѣли никакого послѣдствія, напро-

тивъ, коронный гетманъ готовился противъ него,—пересталъ довѣрять собственнымъ силамъ, и призвалъ на помощь Татаръ, которые зимовали въ Дивихъ Поляхъ и ждали удобнаго случая, чтобы распуścić по Украинѣ загоны“.

Сколько правды, преувеличеній и прибавокъ во всѣхъ этихъ толкахъ, мудрено сказать, не имѣя письменныхъ свидѣтельствъ о дѣятельности Оссолинскаго въ Украинѣ и зная, какъ онъ умѣлъ себя маскировать еще въ положеніи путешествующаго швобльника. Несомнѣнно одно—что Оссолинскій договаривался съ козаками. Въ этомъ убѣждаютъ историка не только достовѣрныя свидѣтельства, но и самая необходимость договора, указанная обстоятельствами.

Десять лѣтъ уже, такъ называемая, козацкая Украина была въ глухомъ, но постоянномъ бунтѣ. Хотя такіе люди, какъ Дмитрій Гуня, отчаялись въ возможности соединить еще однажды разсѣянную козацкую орду и призвать къ ней на помощь орду татарскую, но наследственная привычка многихъ десятковъ тысячъ людей питаться „козацкимъ хлѣбомъ“ могла быть подавлена—и то не скоро—привычкою въ трудовому хлѣбу только подъ рукою такихъ великихъ хозяевъ, какими были московскіе собиратели Русской Земли. Кромѣ того, въ Королевской Республикѣ доступъ къ дигнитарствамъ, соединеннымъ всегда съ обильнымъ кормленіемъ, имѣли только шляхтичи-землевладѣльцы; люди же, тѣснимые можновладниками и заѣдателями шляхетскаго имущества—ксендзами да католическими монахами,—по уtratѣ земельной собственности, обращались къ исканію хлѣба козацкаго. У насъ въ Россіи не только высшая и низшая старшина козацкая вошла въ составъ привилегированнаго сословія, но даже два сына козалецкой козацки Розумихи, очутясь, царскою волею, на высшихъ мѣстахъ, какъ и нѣкоторые простолюдины великорусскіе, были приняты древними сановитыми барями въ родство и дружбу. Въ Польшѣ, какъ мы видѣли, знатная шляхта не хотѣла забыть, что музыкантъ и поэтъ Фантони—итальянскій мужичокъ, не смотря на то, что король сдѣлалъ его своимъ секретаремъ, а церковь католическая возвела въ каноники. Тамъ даже такихъ дѣятелей, какъ Жовковскій и Конецпольскій, паны, наследовавшіе „великія имена“, называли людьми мелкими. Слѣдствіемъ „столь хорошо обдуманнаго государства“ было то, что 40.000 козаковъ Сагайдачнаго, этотъ „розовый вѣнокъ“ на головахъ побѣдителей турецкаго Ксеркса, были заперты въ тѣсномъ пространствѣ чигиринскаго, корсунскаго и черкаскаго староствъ, и не только не входили въ составъ государственныхъ сословій, какъ и торговые классы, но, за исключеніемъ 6.000 реестровиковъ, считались пая-

скими, или, что все равно, старостинскими подданными. Каковы бы ни были козаки по своему разбойно-воровскому быту, но государство, обязанное имъ столько времени славою побѣдъ и завоеваній, должно было бы позаботиться о нихъ по крайней мѣрѣ настолько, чтобъ они, въ дикомъ отчужденіи своемъ, не терзали, какъ выражались паны, „внутренностей“ этого государства. вмѣсто того, имъ вѣчно не доплачивали скуднаго жолду; вмѣсто того, Польша обрекала на тѣсноту и убожество, даже тѣхъ реестровиковъ, воспитанныхъ въ школѣ Конашевича, Сагайдачнаго, которые были способны орудовать цѣлыми арміями и, какъ Дмитрій Гуня, совершали почти невѣроятные подвиги военнаго искусства. Въ наше время говорятъ это сами Поляки: намъ остается только повторять ихъ признанія.

Низойдя, волею законодательной шляхты, до уровня пренебрегаемыхъ украинскими *мыцарями* „хлѣборобовъ“ и „гречкоسةвъ“, *козаки Сагайдачнаго* (такъ величали ихъ и по смерти великаго наѣздника) вліяли на своихъ товарищей по убогому ничтожеству столь же вредоносно для „доблестныхъ Поляковъ“ Оссолинскаго, какъ и наши голодные попы да монахи, въ виду пожирателей русскихъ духовныхъ хлѣбовъ. Это было тѣмъ опаснѣе для Королевской Республики, что и между панскими мужиками было множество воиновъ, которыхъ руками паны „граничились“ между собою, оборонялись отъ Крымскихъ и Буджацкихъ Татаръ и, сверхъ того, хаживали съ ними помогать Баторію, Сигизмунду и Владиславу въ ихъ прославленныхъ походахъ. Этимъ способомъ интересы козачины мало-по-малу сдѣлались интересами громадной массы украинскаго населенія, и въ виду такъ называемаго народа Шляхетскаго явился даже въ лѣтописяхъ и документахъ столь же несообразно называемый народъ Козацкій.

Очевидно, что Украина, при такомъ положеніи общественныхъ дѣлъ, находилась въ постоянномъ, нѣмомъ покаместъ, заговорѣ противъ государства, которому принадлежала, и которому была обязана цвѣтушкою колонизаціей своихъ пустынь; а такъ какъ Рѣчь Посполитая успокоить козаковъ не хотѣла и, по своей тройственности, не могла, то взрывъ повсемѣстнаго бунта былъ только дѣломъ времени.

Гетманъ Конецпольскій держалъ козачество въ желѣзныхъ, но, по отношенію къ реестровикамъ, справедливыхъ рукахъ, и заставлялъ его быть послушнымъ. Будучи доблестнымъ воиномъ, онъ умѣлъ цѣнить, какъ мы видѣли, воинственныя доблести козаковъ даже и въ то время, когда усмирялъ ихъ бунты. Онъ ихъ оборонялъ и отъ ихъ собственныхъ демагоговъ, по нынѣшнему булаковъ, и отъ наглыхъ въ

пользованіи своими правами шляхтичей. *) Онъ ихъ награждалъ и землю и другими „подарками на саблю“... „Но, зная ненадежную вѣрность ихъ“ (привожу слова Освѣцима, служившаго въ званіи маршала гетманскаго двора), „зная ихъ завзятую злость и обычную готовность къ бунту, старательно наблюдалъ за ихъ дѣлами и частными поступками, дабы заблаговременно предупредить возможность событія. И, хотя они, чуя надъ собою бдительную стражу, поступали весьма осторожно въ своихъ замыслахъ, однакожь не могли уберечься, чтобъ ему не были извѣстны сокровеннѣйшія дѣла ихъ чрезъ посредство шпионовъ, размѣщенныхъ въ самой средѣ ихъ. Этимъ способомъ узналъ гетманъ, что козаки, желая вырваться изъ-подъ своего ярма, и не смѣя рвануться собственными силами, наученные давнишними поражениями, начали трактовать съ Татарами о союзѣ, обѣщая поддаться имъ, лишь бы Татары искренно имъ помогали воевать Ляховъ“.

Съ цѣлью разорвать этотъ союзъ, коронный гетманъ находилъ возможнымъ дозволить козакамъ идти на море, совѣтовалъ королю войну съ Татарами и завоеваніе Крыма.

Король сохранилъ въ тайнѣ извѣстіе Конецпольскаго о козацкомъ замыслѣ, сознавая себя, въ свою очередь, вольнымъ козакомъ, которому, за всѣ боевыя заслуги, законодательная шляхта связала руки. На козацкую завзятость рассчитывалъ онъ всего больше въ Турецкой войнѣ. Мы уже знаемъ, что, по смерти Конецпольскаго, онъ вызвалъ въ Варшаву Барабаша, Вірмена, Нестеренка и—какъ его называли въ народѣ—Хмель; что они обѣщали королю 100.000 войска, и что король далъ имъ за это весьма важныя обѣщанія, подкрѣпленныя венеціанскими талерами. Была ли въ ночныхъ переговорахъ рѣчь о козакотатарскомъ союзѣ, и какъ стоялъ Хмель съ тремя своими товарищами относительно этого темваго вопроса, мы ничего не знаемъ. Но королевскія обѣщанія и походъ на Черное море, устроенный на полученныя въ Варшавѣ деньги, произвели въ козацкой средѣ великое движеніе, и такъ какъ не было уже на свѣтѣ великаго гетмана, который даже на козацкій заговоръ съ Татарами смотрѣлъ съ увѣренностью въ могущество своего режима, то движеніе между козаками перешло въ бурныя волненія, грозившія бунтомъ.

Этотъ моментъ Николай Потоцкій изобразилъ, въ письмѣ къ подканцлеру Лещинскому, такими словами:

*) Самъ Хмельницкій упомянулъ объ этомъ въ своемъ „Реестрѣ козацкихъ Бривдъ“, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

„Надобно было мнѣ удержать Запорожское Войско въ повиновеніи... такъ какъ, по смерти святой памяти короннаго гетмана, распространился слухъ, что всѣ войсковыя должности будутъ отмѣнены; однако, эту искру тотчасъ потушилъ“.

Искра бунта была потушена, очевидно, не чѣмъ инымъ, какъ допущеніемъ тайной вербовки въ казаки со стороны Потоцкаго, за добренняго въ пользу королевскихъ замысловъ, по которымъ козацкое войско въ первый же годъ войны предполагалось увеличить до 20.000.

Вербовкой, поукраински *затягиваемъ* въ казаки, долженъ былъ заниматься не кто другой, какъ писарь Запорожскаго Войска, который вписывалъ годныхъ людей въ войсковой реестръ. Онъ могъ принять и вписать столько, сколько ему было угодно, если только въ его реестровку не вникалъ королевскій по козацкимъ дѣламъ комиссаръ, и это было тѣмъ легче, что новонабранныхъ *затяжцевъ* не нужно было сзывать въ полки: они ждали „покилка“ по своимъ жилищамъ.

Зная московское (1618), хотинское (1621) и смоленское (1633) сверхштатное затягиванье въ казаки, надобно думать, что, по королевской регуляціи 1647 года, 6.000 реестровиковъ должны были оставаться подъ властью королевскаго комиссара и польскихъ полковниковъ, согласно ординаціи, а 12 и до 14 тысячъ новыхъ затяжцевъ, называемъ также Запорожскимъ Войскомъ, состояло бы подъ начальствомъ козацкаго гетмана и козацкихъ полковниковъ. Этимъ способомъ король не нарушалъ постановленія Рѣчи Посполитой, столь важнаго и столь чувствительнаго для шляхты (Оссолинскій, въ знаменитой своей пропозиціи, причислилъ это постановленіе, какъ результатъ усмиренія козаковъ, въ королевскимъ благодѣяніямъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялъ козаковъ, не думая, какъ не думали и во времена оны, о послѣдствіяхъ сверхштатной вербовки. Она, въ глазахъ псевдоправительства польскаго, была то же самое, что и вербовка, подъ нужду, жолнеровъ посредствомъ приповѣдныхъ листовъ, а между тѣмъ домогательства козаковъ объ увеличеніи реестра и назначеніи избирательныхъ предводителей—совпадало съ интересами короля, такъ какъ было извѣстно, что, стоило только дозволить козакамъ избрать гетмана и собственныхъ полковниковъ, число ихъ тотчасъ выросло втрое и вчетверо. Подъ разными видами, подъ видомъ родичей, козацкихъ чуръ, пастуховъ, погонцевъ и т. п., они принимали къ себѣ тысячи и тысячи людей, которыхъ исчислить и выискать не было возможности. Гетманомъ новыхъ козаковъ, вѣроятно, подъ скромнымъ именемъ „козацкаго старшаго“, былъ тогда назначенъ войсковою асаулъ

Иванъ Барабашъ, а писаремъ остался Богданъ Хмѣль, для польскаго благозвучія зовомый Хмельницкимъ.

Столько, не больше, опредѣленности допускаетъ изученіе неопредѣленной сумятицы, въ которой зародилась истребительная во всѣхъ отношеніяхъ наша Хмельнитчина.

Польская историографія называетъ Хмельницкаго, по его дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, превосходнымъ вождемъ, несравненнымъ организаторомъ и политикомъ, мастеромъ изобрѣтательности и предательства. Мы, питомцы гражданственности москворусской, сторонясь и отъ панской, и отъ козацкой славы одинаково, принимаемъ это мнѣніе безъ поправовъ. Кому, какъ не Полякамъ, знать, что такое былъ Хмельницкій? Родной нашъ Хмѣль, выросши на воздѣланной іезуитами почвѣ подъ именемъ Хмельницкаго, былъ продуктомъ культуры польской, продуктомъ того политическаго разврата, который рѣзко бросается члену нынѣшняго велико-и малорусскаго общества въ глаза и подъ королевской мантией, и подъ козацкимъ кобелякомъ. Поляки, прежде нашихъ разъединенныхъ и перепорченныхъ ими предковъ, отличили Хмельницкаго въ толпѣ ему подобныхъ козаковъ. Они возвели его на самое высое мѣсто, какое только могъ занимать козакъ въ Запорожскомъ Войскѣ, обезгетманенномъ и разжалованномъ, по сеймовому постановленію, въ хлопцы. Они, устами блестяще образованнаго Радзѣвскаго, рекомендовали его особенному вниманію своего короля. На нашу долю, въ оцѣнкѣ опьяниваемаго козацкую орду Хмеля, остается только кровь, пролитая лучшими изъ нашихъ малорусскихъ и великорусскихъ предковъ по милости его предательской политики, да въ тому еще превращеніе цвѣтущихъ областей въ безлюдную и голодную пустыню, да несмѣтный ясырь, которымъ онъ оплачивалъ татарскую помощь, да крайняя деморализація не только нашихъ мірянъ, но и самого духовенства малорусскаго... Если сердце Поляка сжимается при мысли объ этой демонической личности, то пускай оно утѣшится хоть малорусскимъ признаніемъ національнаго позора въ той славѣ, которою козакующая пресса покрыла Исламъ-Гиреева сподвижника; пускай утѣшится хоть вѣчнымъ нашимъ сожалѣніемъ о рѣзахъ неповинно пролитой и погубленной ясыромъ нашей крови, ничѣмъ невознагражденной и никѣмъ неотомщенной.

Что касается воинской и политической характеристики нашего Хмеля, то онъ сдѣлался вершителемъ попытокъ предшествовавшихъ ему бунтовщиковъ, очевидно, безъ опредѣленнаго плана дѣйствій, въ силу теченія жизни, которая слишкомъ долго подчинялась панской неурядицѣ, считавшейся нормальной. Онъ первую свою молодость про-

вель въ школѣ у ярославогалицкихъ іезуитовъ, но не порхнулъ изъ ихъ рукъ такимъ наметаннымъ соколомъ своекорыстія, какъ Оссолинскій съ австроіезуитской насѣсти; напротивъ, мирился съ низменнымъ положеніемъ панскаго слуги-козака и мелкопомѣстнаго хозяина до такихъ лѣтъ, въ которыя порывъ къ широкой дѣятельности сохраняется у немногихъ. Увильнувъ отъ бѣды, постигшей подобныхъ ему шляхтичей подъ Кумейвами, онъ служилъ вѣрно интересамъ Конецпольскаго,—такъ вѣрно, что никакіе шпіоны не заронили въ верховномъ вождѣ козачества ни малѣйшаго подозрѣнія, до его послѣдняго свиданія съ королемъ. Но, сознавая въ себѣ способности къ чему-то большому, не могъ нашъ Хмѣль выносить спокойно высокомерія магнатскихъ креатуръ, въ родѣ Самуила Лаца, съ одной стороны, и подвергаться мстительности новыхъ бунтовщиковъ козацкихъ—съ другой. Человѣку съ его грамотностью, природными способностями, подавленной энергіей и мятежной опытностью, не трудно было стать во главѣ козакотатарскаго заговора, хотя паны приписывали потомъ непостижимымъ чарамъ свой недосмотръ относительно „давнишнихъ его стачекъ съ перекопскимъ беємъ“. Если же козаки скрывали и отъ него самого, какъ отъ наслѣдственнаго панскаго слуги, новое обращеніе козаковъ къ татарской помощи, то оно могло передъ нимъ обнаружиться во время волненій, послѣдовавшихъ за смертью Конецпольскаго; а, пожалуй, и самъ онъ былъ въ числѣ тѣхъ, посредствомъ которыхъ Конецпольскій, съ величавымъ спокойствіемъ сильнаго, свѣдалъ о начинающейся козакотатарской „лигѣ“. Тогда ему представлялось два пути къ торжеству надъ своими обидчиками: или идти по теченію козацкихъ бунтовъ, все болѣе и болѣе широкому, или же стать противъ шляхетскаго самовластия на сторонѣ любимаго козаками короля.

Хмельницкому была хорошо извѣстна слабость королевской власти. Онъ зналъ, что шляхетскій деспотизмъ никогда не подѣлится своими захватами добровольно ни съ королемъ, ни съ козаками; зналъ, что полноправная панская республика безъ борьбы не перемѣнитъ ординаціи безправной республики козацкой,—той ординаціи, которую съ такимъ трудомъ завоевали панамъ Конецпольскій и Потоцкій. Король между тѣмъ былъ непомѣрно щедръ на обѣщанія. Это знало множество людей въ Польшѣ и повыше и пониже нашего Хмеля. Да и по народной философіи Малорусса вѣрить обѣщаніямъ вообще считается глупостью: „обіцѣнка—цацѣнка, а дѣрневі радіці“. Какъ Хмельницкій, такъ и другіе умудренные прежними бунтами козаки могли скорѣе надѣяться, что Турецкая война, къ которой они порывались

и для Ахіа Оттомануса, представить королю возможность измѣнить Польшу въ абсолютную монархію, которая обезпечитъ имъ права равенства на судѣ и въ землевладѣніи вѣрнѣ всякихъ обѣщаній. Среди козаковъ было много шляхтичей банитовъ, много шляхтичей, обѣднѣвшихъ подъ давленіемъ możновладниковъ и чужезднаго католическаго духовенства. Въ Запорожскомъ Войскѣ было много вихреватыхъ головъ, подобныхъ Зборовскому. Сидя по пятнадцать и больше лѣтъ за Порогами, въ отчужденіи отъ правоправящаго сословія, какъ премникъ Наливайка, Кремпскій, какъ товарищъ Лободы, Подвысоцкій, всѣ такіе люди, конечно, желали, чтобы король властвовалъ безъ „королятъ“, противъ которыхъ въ послѣдствіи гремѣлъ Хмельницкій, а козаки, подъ его верховенствомъ, были бы такою же самоуправною республикой, какъ и шляхта. Вотъ въ какихъ интересахъ и стремленіяхъ позволительно историку искать источника тѣхъ слуховъ о заговорѣ короля съ козаками, которые ходили и до, и послѣ Хмельниччины по всей Польшѣ. На этой-то связи королевскихъ интересовъ съ козацкими могло основываться и мнѣніе козаковъ, высказавшеся еще въ Павлюковщину, что король не будетъ гнѣваться за ихъ бунтъ.

Въ 1646 году затыгиванье затыжцевъ козаковъ шло быстро. Весело и бурно оглашалась Козацкая Украина пѣснями, которыхъ дошедшіе до насъ отголоски поражаютъ знатока дивою поэтичностью народа, забытаго тогдашнею Россією, пренебрегаемаго Польшею и называющаго себя, какъ бы въ укоръ имъ обѣимъ, народомъ козацкимъ, что собственно значитъ разбойноворовскимъ. Въ его пылкомъ, все преувеличивающемъ воображеніи даже Ахіа былъ благочестивымъ „Турецкимъ Царемъ“. Теперь король представлялся ему Царемъ Восточнымъ: титулъ, который козаки, уважавшіе силу больше всего на свѣтѣ, перенесли потомъ на московскаго самодержца, согнувшаго ихъ въ бараній рогъ. Довѣріе къ Владиславу, носившему такое любезное козацкому сердцу имя силы и власти, съ каждымъ днемъ возрастало.

Сельская шляхта и замковые урядники, слывшіе у Козацкаго народа Ляхами, хотя бы по языку и обычаю были разрусскими, а по родству и вѣрѣ разблагочестивыми,—слышали кругомъ косвенныя и прямыя угрозы, подобныя тѣмъ, какія въ Великой Польшѣ дѣлали на вербованные за-границей жолнеры. Въ „домѣторахъ греческѣяхъ и хлѣборобахъ“ проявлялась дерзость, которою еще за полвѣка до Хмельниччины гуманный кіевскій бискупъ, Верещинскій, характеризовалъ малорусскаго хлопа, „гордящагося украинскою свободою своею“. Вообще въ простонародѣ обнаруживались чувства, внушенныя ему съ того поколѣнія, которое назвало пановъ неблагодарными, и распро-

страненныя въ темной массѣ козаками съ одной стороны, а мужиковатымъ, отверженнымъ новыми „старшими“ духовенствомъ — съ другой.

Шляхта смотрѣла съ ужасомъ на глухое волненіе окружавшаго ее народа, и ждала сейма, безъ котораго никто не могъ ничего предпринять; а король послалъ для Запорожскаго Войска красныя китайчатыя знамена, съ изображеніемъ на нихъ креста и своего имени, гласящаго о славѣ, слѣдовательно и о добычѣ,—знамена, родственныя той хоругви новосформированныхъ гусаръ, которая была освящена имъ въ Ченстоховѣ. На Днѣпрѣ и въ Данцигѣ строились чайки и другія суда для морскаго похода. Изъ Варшавы ожидались изготовленные королемъ корабельные реквизиты. Всѣ козаковатые люди обзавелись оружіемъ, въ ожиданіи стотысячнаго „затяганья на войну“. И старымъ, и новымъ затяжцамъ, и безчисленному множеству затяжцевъ будущихъ—грезилось, что зависимое положеніе козаковавшихъ такъ или иначе людей никогда уже не возвратится, какъ изъ Варшавы пришло извѣстіе, что сеймъ не согласился на войну, повелѣлъ распустить, подъ страшными угрозами, всѣхъ вообще затяжцевъ, какъ бы они ни назывались, и строжайше воспретилъ козакамъ идти на море.

Невозможно изобразить, какое впечатлѣніе сдѣлало это извѣстіе на окозаченную чернь, и на тѣхъ, кого она звала заурядъ Ляхами. Но легко представить, съ какою злостью принялось повелѣвающее сословіе за расчеты съ подчиненными ему людьми, въ томъ числѣ и съ прямыми козаками, о которыхъ въ послѣдствіи не напрасно Хмельницкій писалъ, въ исчисленіи козацкихъ обидъ, что имъ вырывали бороды.

Постановленіе 1646 года было первымъ сигналомъ въ бунту, славу котораго приписываютъ нашему Хмелю. Зная всѣ обстоятельства, при которыхъ и въ силу которыхъ онъ совершился, Хмѣль долженъ былъ выбрать одинъ изъ двухъ жребіевъ: или сдѣлаться жертвой козацкой ярости, какъ Грицько Чорный и Сава Кононовичъ, или прославиться, какъ тѣ, которыхъ имена гремѣли въ подмывающихъ на разбой и руину кобзарскихъ пѣсняхъ. Выборомъ его властительно управляли событія, которыхъ слѣдствія онъ могъ предвидѣть лучше торжествующей шляхты. И въ Павлюково время носился уже слухъ,— что король самъ воюетъ со шляхтою; что паны держатъ его въ осадѣ; что король зоветъ козаковъ на выручку. Теперь Владиславъ дѣйствительно боролся съ „доблестными Полявами“ Оссолинскаго на жизнь и на смерть; дѣйствительно, паны облегли его тѣсно и въ Посольской Избѣ, и въ Сенаторской; дѣйствительно, звалъ онъ козаковъ на помощь, подъ ночнымъ покровомъ, въ качествѣ заговорщика. Какъ пер-

вый кличъ Косинскаго къ *Татарамъ* получилъ наконецъ свою фатальную реальность; какъ первое воззваніе Тараса Федорóвича *за стру* сдѣлалось въ послѣдствіи кровавымъ девизомъ Хмельницкаго; такъ и призывъ къ *свободѣ* со стороны государя, обращенный къ единственному подданному, готовому за него идти въ огонь и въ воду, сдѣлался теперь всепобѣждающимъ двигателемъ бунта. „Свованныхъ рабовъ можно утѣшать безопасно“ (говорить объ этомъ моментѣ съ образцовымъ для насъ безпристрастіемъ современный намъ польскій историкъ), „можно увеличивать постепенно угнетеніе до послѣдняго обезсиленія, но снять оковы и желать наложить ихъ сызнова, этого безъ кровопролитія сдѣлать невозможно“.

Сообразивъ такую невозможность, Хмельницкій началъ дѣйствовать въ пользу бунта; но какъ, съ чего и когда именно началъ, никакихъ точныхъ свидѣтельства намъ этого не открыли.

Лично ли ему принадлежалъ починъ договора съ Татарами, или онъ воспользовался работой другихъ, за которую слѣдилъ, можетъ быть, въ качествѣ шпиона покойнаго своего пана, точныхъ извѣстій объ этомъ также не сохранилось. Но если законодательная шляхта давала ему чувствовать свое владное право когда-либо, такъ это было теперь. Среди приближенныхъ къ коронному гетману войсковою писарь значилъ много и зналъ, изъ-за чего ему служить; но у гетманскаго наслѣдника, оффиціально чуждаго Запорожскому Войску, онъ былъ, естественно, человѣкъ лишній; а то, что пріобрѣлъ по благосклонности къ нему великаго колонизатора малорусскихъ пустынь, теперь возбуждало зависть у старостинскихъ намѣстниковъ, такъ называемыхъ подстаростіевъ короннаго хорунжаго, Александра Конецпольскаго, и вообще дворянъ молодаго магната.

Хуторъ Сѹботовъ, съ его слободами, населенными смѣло надъ рѣкой Тясминомъ, въ одной милѣ отъ Чигирина, въ виду татарскихъ кочевьевъ, показался чигиринскому подстаростію, Данилу Чаплинскому, имѣніемъ завиднымъ по его пасѣвамъ, пастбищамъ, рыбнымъ входамъ, составлявшимъ главные статьи полуномаднаго козацкаго хозяйства, и даже по земледѣлію, которое процвѣтало тогда въ Козацкой Украинѣ только „подъ защитою воткнутой на межѣ сабли“, подъ защитой не только отъ Татаръ, но и отъ соперниковъ-осадчихъ.

Съ другой стороны, надобно помнить, что подстаростіемъ чигиринскимъ былъ, въ свое время, отецъ Богдана Хмельницкаго, Михайло, и что сыну тяжело было видѣть-насиженное отцомъ теплое мѣсто во власти какого-то *заводки* Ляха. Но, при другихъ обстоятельствахъ, Богданъ Хмельницкій могъ бы провести вѣкъ свой мирно, го-

ная на украинскія и заграничныя ярмарки рогатый скотъ и лошадей, кочуя въ пасѣвахъ, попивая съ пріятелями въ свободное отъ сторожевой службы время и ходя въ погоню за Татарами на своемъ любимомъ сѣромъ конѣ, какъ проводили свой вѣкъ многіе хозяйливые и козакующіе шляхтичи. Этому помѣшало торжество законодательной шляхты надъ королемъ отразившееся яростно и на орудіи королевской власти, на козакахъ, во главѣ которыхъ стоялъ нашъ Хмѣль.

По смерти короннаго великаго гетмана, сынъ его, коронный хорунжій, будучи озабоченъ содержаніемъ въ порядкѣ громаднаго наслѣдства послѣ знаменитаго малорусскаго и червонорусскаго хозяина, долженъ былъ свои старостинскія права передавать подстаростіямъ, то есть управителямъ королевщинъ, а тѣ не находили ничего выгоднѣе и покойнѣе, какъ отдавать свою „державу“ въ аренду жидамъ. Уже и самъ по себѣ жидъ, хлопотливый и безпощадный экономистъ, въ роли арендатора, былъ ненавистенъ козаку, какъ онъ бывалъ ненавистенъ и заслуженному жолнеру. Но жида, на свою бѣду, всегда были готовы въ услугамъ сильнаго, тамъ, гдѣ онъ притѣснялъ слабого. Такъ случилось и въ Чигиринѣ.

По разсказу современнаго Хмельниччинѣ жида, Натана Ганновера, въ этомъ старостинскомъ городѣ держалъ аренду жидъ Захарія Сабиленскій, который, такъ же, какъ и другіе заинтересованные въ прижимкѣ козаковъ, вооружалъ хорунжаго Конецпольскаго противъ Хмельницкаго,—хотя здѣсь тотчасъ надобно замѣтить, что арендатору подстаростія не приходилось имѣть подобныхъ сообщеній съ широко-владѣтельнымъ магнатомъ, и что скорѣе могъ выслушивать его извѣты развѣ подстаростій. Какъ бы оно ни было, только Ганноверъ повѣствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ *) такъ:

Однажды хорунжій спросилъ жида Захарія наивнымъ тономъ: „Вѣдь ты владѣлецъ города: скажи-ка мнѣ, кто именно богачи въ немъ?“ Намѣреніе же его было навести на нихъ напраслину, дабы такимъ образомъ вымогать у нихъ побольше денегъ. Захарія назвалъ ему богачей, упомянувъ, между прочимъ, и о чрезвычайномъ богатствѣ Хмеля. Услышавъ о немъ, хорунжій сказалъ: „Вѣдь отецъ мой завѣщалъ мнѣ объ этомъ зловредномъ человѣкѣ (слухъ позднѣйшій)... да и въ самомъ дѣлѣ откуда у него взялось такое чрезмѣрное богат-

*) Она напечатана порусски вторымъ изданіемъ въ Лейпцигѣ, въ 1883 году, докторомъ Манделькерномъ, подъ заглавіемъ: „Богданъ Хмельницкій, Разсказъ Еврея современника, Очевидца событій въ Малороссіи за 1648—1653 годы“.

ство? Безъ сомнѣнія, онъ ограбилъ моихъ же подданныхъ, живущихъ въ моихъ же помѣстьяхъ, слѣдовательно все принадлежитъ мнѣ“.

Конецпольскій (продолжаетъ свою полусказку Ганноверъ) насильно отнялъ у Хмеля одинъ хуторъ со всѣмъ скотомъ, до нѣсколькихъ сотъ штукъ, что составляло около половины его имущества.

Далѣе Ганноверъ рассказываетъ, выдавая все слышанное имъ за несомнѣнное,—что Хмельницкій, въ отместку Конецпольскому, подговорилъ Татаръ вторгнуться въ его добра, а потомъ проговорился объ этомъ на попойкѣ съ козаками, и что за это, по доносу жида арендатора, панъ хорунжій бросилъ Хмеля скованнаго въ тюрьму, намѣреваясь казнить его смертью, однакожь освободилъ его, по увѣренію друзей узника въ его невинности.

Для исторіи Хмельничины, свирѣпствовавшей, между прочимъ, и надъ жидами, во всемъ этомъ важна только характеристика жидоарендаторской дѣятельности въ Малороссіи, представленная жидомемуаристомъ.

Зависть къ чужому куску хлѣба, свойственная самимъ козакамъ не меньше шляхты, сдѣлалась, въ этой громадной катастрофѣ, причиною гибели какъ взаимныхъ завистниковъ, такъ и жидовъ, которые сообщали широкое движеніе сельскохозяйственной промышленности, не разбирая средствъ къ наживѣ, и какъ это было въ Чигиринѣ, помогали шляхтѣ притѣснять козаковъ. Но къ зависти, обычной спутницѣ и козацкаго, и шляхетскаго хозяйства, присоединился еще и другой предметъ жаднаго соисканія въ малолюдномъ и опасномъ краѣ—женщина.

Хмельницкій былъ вдовецъ и имѣлъ уже взрослыхъ дѣтей; но попавшая какими-то судьбами въ козацкую Украину очаровательница степныхъ сердець, Польша, предпочла его своему коханку, пану подстаростію, Чаплинскому. Поднявъ обычную въ самоуправной странѣ войну за свою Елену, шляхетскій Менелай вторгнулся въ козацкую Трою, Суботовъ, и вмѣстѣ съ похищеніемъ измѣнницы, похитилъ всю хозяйственную движимость Хмельницкаго. Жаловаться на подстаростію войсковой писарь могъ только пану старостѣ да верховнику козачества, коронному великому гетману. Суды градскій, земскій и трибуналъ существовали исключительно для шляхты. Но панъ староста былъ потаковникъ своего намѣстника, а намѣстникъ его разставилъ по дорогѣ къ резиденціи короннаго гетмана засады на Хмельницкаго, если тому правда, что потомъ писалъ Хмельницкій въ „Реестрѣ козацкихъ Кривдъ“. Оставалось искать управы только у короля, и Хмельницкій, въ сопровожденіи десятка козаковъ, отправился въ Варшаву. Это могло

случиться не раньше конца ноября 1647 года, потому что Хмельницкій участвовалъ въ ноябрьскомъ походѣ на Татаръ, о чемъ упоминаеть онъ въ томъ же „Реестрѣ“, а въ декабрѣ онъ былъ уже за Порогами. Какъ ни сильно терзала козака досада за наѣздъ на хуторъ и за похищеніе любовницы, но для Хмельницкаго всего важнѣе было новое свиданіе съ королемъ. Ссора съ Чаплинскимъ, очевидно, послужила ему только предлогомъ для поѣздки въ Варшаву.

Онъ появился передъ королемъ въ то время, когда король, основываясь на сеймовомъ постановленіи объ удержаніи на службѣ квартаннаго войска, готовился къ новому способу войны съ Турціей. Парижскій рассказъ Линажа со словъ Радзѣвскаго о томъ, что Владиславъ утаилъ отъ Оссолинскаго сдѣланныя козакамъ обѣщанія, и что эту тайну Оссолинскій узналъ только теперь отъ Хмельницкаго, ничѣмъ не подтверждается. Оссолинскому надобно было играть роль незнающаго королевскихъ обѣщаній. Владиславъ принималъ нашего Хмеля секретно у себя въ комнатѣ, и никто не зналъ, о чемъ они бесѣдовали, но послѣ секретной бесѣды, король велѣлъ написать Александру Конецпольскому увѣщаніе, по всей вѣроятности, только для прикрытія болѣе важнаго дѣла. Въ этомъ увѣщаніи нѣтъ рѣчи ни о Чаплинскомъ, ни о возвращеніи Хмельницкому хутора, (Владиславъ долженъ былъ обойтись кротоко съ украинскимъ магнатомъ), а говорится вообще о притѣсненіи козаковъ старостинскими намѣстниками. Рассказъ о драматической жалобѣ королю на Чаплинскаго, очевидно, былъ распространенъ вездѣ сперва самимъ Хмельницкимъ, а потомъ сдѣлался достояніемъ стоустой молвы да тѣхъ историковъ, которыхъ можно назвать „убогими собирателями чужихъ сужденій и вѣстей“. Слушая мистификацію самого Хмеля и тѣхъ, кому онъ замыливалъ глаза, современники вѣрили, что король произнесъ приводимыя Грондскимъ слова: „Ты воинъ, и если у Чаплинскаго есть пріятели, то можешь и ты ихъ имѣть“, или, какъ пересочинили эти слова наши историки: „Пора бы, кажется, всѣмъ вамъ вспомнить, что вы воины; у васъ есть сабли: кто вамъ запрещаетъ постоять за себя?“ *) Но странно предполагать, чтобы заговорщикъ-король впутывалъ заговорщика-козака въ хуторскую драку, имѣя въ виду господство надъ Востокомъ. Еслибы Владиславъ и былъ такъ простъ, какъ историки Хмельничны, то войсковою писарь надоумилъ бы его не хуже канцлера.

Убогіе собиратели чужихъ сужденій и вѣстей, повторяя болтуна

*) Востомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. I, стр. 242.

Грондскаго и нашихъ сплетниковъ-лѣтописцевъ, сочинили цѣлую повѣсть о романѣ Хмельницкаго, о его тяжбѣ съ Чаплинскимъ въ мѣстныхъ судахъ, о его пребываніи въ Варшавѣ во время майскаго сейма, о возвратномъ путешествіи новаго Вильгельма Теля и соглашеніи въ восстаніи представителей русскаго элемента въ Польскомъ государствѣ. *) Всѣ эти извѣстія, выдуманныя друзьями и врагами его а posteriori, не соотвѣтствуютъ ни времени, ни положенію дѣлъ въ Рѣчи Посполитой, ни положенію самого Хмельницкаго. Смѣшно воображать, чтобъ у будущаго Герострата панской республики было тогда на умѣ козакотатарское безпрепятственное шествіе съ мечемъ, ножомъ и плѣненіемъ отъ Корсуна до Львова и Замостья. Даже геніальныхъ бунтовщиковъ, каковъ былъ, напримѣръ, современникъ Хмельницкаго, Кромвель, только непредвидимыя случайности приводили къ ихъ широкимъ планамъ. А Хмельницкій самъ говорилъ посламъ Яна Казимира, что, будучи человекомъ ничтожнымъ (*lichyn*), сдѣлалъ то, о чемъ и не думалъ. Съ чѣмъ отпустилъ его Владиславъ, не извѣстно, какъ и все, что дѣлали тайкомъ заговорщики противъ панской республики, послѣ майскаго сейма. Но, такъ какъ и самъ Хмельницкій, во время своего успѣха, ничего не высказывалъ о послѣднихъ своихъ сдѣлкахъ съ королемъ и канцлеромъ, кромѣ выдумки, что король „велѣлъ козакамъ добывать свободы саблею“, то видно, что его третируютъ не иначе, какъ слѣпое орудіе тайнаго замысла, какъ палку въ рукѣ человѣка, по іезуитскому правилу. Отъ этого предположенія легче перейти логически къ бѣгству Хмельницкаго за Пороги и дѣйтельному соглашенію съ Татарами, чѣмъ отъ королевской интимности съ козакомъ. Хмельницкій, очевидно, сондировалъ почву, на которой поставили его прежде, и, видя, что она колеблется, рѣшилъ выборъ между королемъ и ханомъ, чисто козацкаго.

Во время таинственнаго пребыванія Оссолинскаго въ Украинѣ, король дѣлалъ военныя приготовленія, но, умудренный опытомъ, покрывалъ ихъ большею, чѣмъ прежде, тайною. Въ это время умеръ единственный сынъ его, ради котораго не смѣлъ онъ сдѣлаться героемъ и преобразователемъ Польши. Смерть малолѣтняго королевича Карла освободила его отъ малодушнаго взвѣщиванья великихъ дѣлъ pro и contra на вѣсахъ домашней приватны, общей всѣмъ его приверженцамъ и противникамъ въ Польшѣ. Онъ горько сожалѣлъ теперь, что распустилъ войско, и выразилъ свое сожалѣніе, какъ говорятъ, такими сло-

*) Костомаровъ, тамъ же, стр. 238—251.

вами: „Такъ какъ Богу было угодно взять моего сына къ себѣ, то я желалъ бы, чтобъ Онъ взялъ его передъ сеймомъ: не переѣхалъ бы я никогда моего намѣренія“.

Владиславъ не могъ уже дѣлать новыхъ вербовокъ, и потому старался обезпечить себѣ, на случай войны, помощью Франціи и Швеціи, отказываясь за это отъ всякаго участія въ готовившемся тогда Вестфальскомъ мирѣ. Въ это время Венеція начала сухопутную войну въ Далмаціи, разсчитывая на возстаніе въ Босніи. Въ Польшу прибылъ посольство отъ императора марокскаго и, какъ гласила молва, посланецъ константинопольскаго патріарха, заочившая къ Турецкой войнѣ.

Въ ноябрѣ 1647 года явился къ королю, подъ великимъ секретомъ, посольство, облеченное полномочіемъ большей части Греціи, съ предложеніемъ ему болгарской короны и съ ручательствомъ, что вся Болгарія взбунтуется и выставитъ 40.000 вооруженнаго народа, лишь бы только король принялъ Болгаръ въ подданство и выслалъ своего намѣстника, въ качествѣ предводителя возстанія. Этотъ посольство, старикъ съ большою бородою, посѣщалъ короля тайно, подъ видомъ чернокнижника, съ которымъ будто бы король совѣтовался. Только королева и „два польскіе канцлера“ были допущены къ этой тайнѣ.

Имя посла было Петръ Парцевичъ. Въ венеціанскомъ архивѣ хранится интересная реляція посольства Парцевича.

„Еще въ 1630 году“ (пишетъ онъ) „послали было Болгары, по соглашенію съ другими поработченными турецкими народами, своихъ посланниковъ къ польскому королю Сигизмунду III и къ императору Фердинанду II. Оба монарха приняли пословъ благосклонно и обѣщали свою помощь, Дальнѣйшіе договоры прервало наступленіе Густава Адольфа на Германію. Когда началъ султанъ войну съ Венеціей, между Болгарами возобновилось движеніе. Начальники этого народа, какъ греческаго, такъ и латинскаго обряда, видя слабость Турціи, вошли въ вѣдѣнные договоры и предложили предводительство мультянскому воеводѣ, Матвѣю Бассарабѣ, обѣщая ему восточную корону. Господарь призналъ нужнымъ отнестись объ этомъ къ королю Владиславу, котораго геройскія предначертанія зналъ, и котораго военное счастье наполняло Турокъ страхомъ. Созвавъ потомъ начальниковъ договора, и между ними Петра Деодата, архіепископа Сардики (Св. Софіи), Франциска Марканича, губернатора Болгарин, и другихъ, совѣтовалъ отправить посольство къ польскому королю. Выборъ палъ на Петра Парцевича, миссіонера (латинскаго), который, въ соупутствіи нѣкоего францисканца, выѣхалъ, въ началѣ 1647 года, въ Польшу.

Прибывъ, по долгомъ и утомительномъ путешествіи, въ Варшаву, въ турецкой одеждѣ и подъ перемѣняемыми названіями, представили они королю просьбы Болгаръ, объявили свои инструкціи, планы и списокъ союзниковъ. Король тотчасъ написалъ къ гетману, чтобы держалъ войско въ готовности, и къ господарю Матвѣю, именуя его главнокомандующимъ восточной арміи (*generalissimo di tutto l'Oriente*), и удостоверяя, что въ скоромъ времени поспѣшить на помощь съ другимъ войскомъ. Посланникамъ наказалъ онъ, чтобы, оставивъ поѣзду въ Венецію, возвращались въ Болгарію и успокоили народъ. Подарилъ имъ свой портретъ, говоря: „Я у васъ кажущійся и малеванный, пока приду живой и дѣйствительный (*Haebatis me fictum et pictum, quodusque venego vivus et verus*)“^а, и далъ имъ красное знамя, съ крестомъ на одной сторонѣ и съ надписью: „Яви славу твою (*Vindica gloriam tuam*)“^а на другой. Вручилъ имъ и перстень, въ знакъ обрученія своего съ Востокомъ, и священническую ризу, яко знакъ христіанской свободы. Королева присутствовала при прощальной аудіенціи и говорила королю такъ: „Государь, доверши отважно начатое дѣло, а если у тебя не хватитъ денегъ, я сниму мои серьги, отдамъ мои браслеты, лишь бы дѣло не остановилось“^а. Когда послы возвратились съ отвѣтомъ и королевскимъ подаркомъ, старый господарь помолодѣлъ отъ радости, увидѣвъ представителей союза, а они съ восторгомъ показывали ему, какъ легко можно завоевать Востокъ и съ какой стороны можно имѣть наибольшую помощь. Съ того времени *католики* и православные жили въ наилучшемъ согласіи, исполненные надеждъ, а Турки присмирѣли и говорили громко, что, когда придутъ Поляки, то они вернутся къ вѣрѣ своихъ предковъ и сдѣлаются *католиками*, такъ какъ царство Магометово уже кончилось^а.

Когда все это дѣлалось въ Варшавѣ, на Украинѣ произошло событіе, которое такъ соответствовало королевскимъ планамъ, какъ будто Оссолинскій имѣлъ тамъ дѣло не съ одними православниками да козаками, а подготовилъ къ содѣйствію королю и главныхъ представителей малорусской колонизаціи. Коронный хорунжій, Александръ Конецпольскій, и воевода русскій, князь Іеремія Вишневецкій, двинулись одновременно, въ ноябрѣ, на Татаръ. Конецпольскій съ 4.000 войска, въ составѣ котораго былъ и Богданъ Хмельницкій^{*)}, достигъ Очакова и, въ отместку Татарамъ за набѣгъ на чигиринское староство, захватилъ 3.000 лошадей, 1.500 воловъ, 2.000 коровъ, 2.000

*) Объ этомъ упоминается въ запискѣ Хмельницкаго, извѣстной подъ названіемъ Реестра козацкихъ Бривдъ.

овець и 50 плѣнниковъ, а Вишневецкій, съ 26.000 своихъ ополченцевъ, двинулся къ Запорожью, а оттуда часть своего войска послалъ къ Перекопу.

Это были обыкновенные походы пограничныхъ магнатовъ, для обузданія татарскихъ козаковъ, которые своевольно, какъ и наши казаки, разбойничали и воровали въ сосѣднемъ краѣ. Но Варшава боялась возмездія со стороны Татаръ, и успокоилась только извѣстіемъ, что въ Крыму вспыхнулъ бунтъ. Ширинскіе мурзы, соединенные съ Ногайцами и съ сыновьями Салмаса-мурзы, давнишняго ханскаго мятежника, вторгнулись въ Крымъ, вырѣзали 700 мурзь, осадили хана, принудили къ уступкамъ и къ принатію визиремъ Сеферъ-Казы-аги, который возбудилъ этотъ бунтъ, а теперь сдѣлался всемогущимъ министромъ хана.

Застигнутый бунтомъ Исламъ-Гирей написалъ сперва жалобу къ королю, и просилъ гетмана Потоцкаго, чтобы не допускалъ своевольныхъ походовъ со стороны пановъ; но потомъ созвалъ мурзь на тайную раду. Рада постановила—вторгнуться весною въ Польшу. Отправили къ султану просьбу о дозволеніи и тотчасъ начали чрезвычайныя приготовленія къ набѣгу.

До сихъ поръ Исламъ-Гирей держалъ себя съ нашими казаками гордо. Они заискивали его помощи окольными путями, чрезъ пограничныхъ беевъ. Презираемые, какъ низшія твари, невѣрные набѣдники пригодились теперь ему, какъ орудія мести надъ панами.

Между тѣмъ по Украинѣ начали носиться слухи, что Хмельницкій бунтуетъ исподтишка козаковъ противъ короннаго гетмана и украинской шляхты. Слухи эти доходили и до Потоцкаго. Всего больше надобно ихъ приписывать подстаростію Чаплинскому и его пріятелямъ. Въ интересъ каждаго изъ нихъ было—погубить человѣка, ими обиженнаго, извѣстнаго королю и опаснаго своимъ значеніемъ въ Запорожскомъ Войскѣ. Весьма быть можетъ, что его обвиняли и въ призывѣ Татаръ на староство Конецпольскаго. Могли даже войти и въ соглашеніе съ жидомъ-арендаторомъ, показавшимъ, что Хмель, на підпѣтку, проболтался козакамъ въ отмщеніи пану старостѣ за хуторъ посредствомъ татарскаго набѣга. Какъ бы то ни было, только дошло до того, что его схватили и едва не обезглавили. Тогда Хмельницкій рѣшился бѣжать въ пристанище обѣдѣвшихъ, промотавшихся, угрожаемыхъ преслѣдованіемъ закона и беззаконія, --за Пороги.

Разказы о приключеніяхъ Богдана Хмельницкаго до бѣгства его за Пороги, равно какъ и кобзарскія думы о вѣмѣ Хмельницкаго, Барабашѣ, пратавшемъ королевскіе листы „въ глухомъ концѣ подъ во-

ротами^а, интересны только, какъ характеристика козацкой и шляхетской публики временъ Хмельнитчины. Ограничимся фактомъ его бѣгства, въ сопровожденіи двухъ сыновей и нѣсколькихъ пріятелей.

Изъ Запорожья началъ Хмельницкій вести переговоры съ Татарами. Но въ это время загорѣлась въ Крыму новая усобица, а султанъ между тѣмъ прислалъ хану запрещеніе вторгаться въ Польшу, и потому товарищи Хмельницкаго вернулись въ Украину, чтобы завзять къ нему большее число козаковъ. Хмельницкій же, скрываясь на островѣ Буцкомъ, правильнѣе Бутскомъ, или Бутовскомъ, иначе Товмаковскомъ *), управлялъ всѣмъ движеніемъ, которое прикрывалъ поборными жалобами своими королю, короннымъ гетманамъ и королевскому по козацкимъ дѣламъ комиссару.

Происходившія въ это время въ Запорожскомъ Войскѣ волненія напоминали начало Павлюковщины. Поводъ или предлогъ къ нимъ былъ тотъ же самый. „Скарбовые люди“ опять не заплатили за цѣлыя пять лѣтъ козацкаго жолду, и козаки подозрѣвали въ утайкѣ денегъ пановъ полковниковъ. Недовѣрчивая всегда къ своей старшинѣ козацкая „чернь“ сдѣлалась теперь недовѣрчивѣе, тѣмъ когда-либо. Теперь въ Запорожскомъ Войскѣ старшиновали не избранники боеваго народа, а панскія креатуры, охранители землевладѣльческихъ интересовъ противъ козацкихъ. Еще до побѣга Хмельницкаго козаки, въ задорныхъ случаяхъ, поговаривали о повтореніи надъ ними того суда, какимъ павлюковцы покварали „войсковыхъ измѣнниковъ“. Самого комиссара по козацкимъ дѣламъ, Шемберка, обвиняли они въ стачкѣ съ полковниками и въ утайкѣ жолду.

Но всего больше возмущала козаковъ регуляція пропинаціонныхъ доходовъ, пошлинь и чиншей въ тѣхъ королевскихъ имѣніяхъ, гдѣ имъ было дозволено имѣть свою осѣдность (обійстье), или гдѣ они занимались чумачествомъ и шинкарствомъ. Эти доходы были главными хозяйственными статьями въ украинскихъ экономіяхъ, но они требовали постоянного надзора, правильнаго учета, неутомимой хлопотливости. Ни къ чему этому пограничная шляхта не была способна. Она свои винокурни (вінниці), пивоварни (бровары), „кабаки“, шинки, корчмы, мыта, прѣмыта и чинши „пускала въ аренду“, а на свой пай оставляла хозяйство, болѣе приличное сословію господствующему: земледѣліе, скотоводство, пасѣки, бобровые „гоны“, рыбные „входы“,

*) Бутомъ называли козаки толмача, полалорусски *товмача*. Отсюда и островъ Товмаковскій, иначе Товмаковка.

селитряныя „бурты“ и поташныя „буды“. Арендаторами были почти вездѣ Жиды, если не Армяне, которыхъ промышленная дѣятельность, не чуждая подкупа сильныхъ и прижимки слабыхъ, мѣстному простонародью, „гордившемуся украинскою вольностью своею“, казалась порабощеніемъ. А когда „жидъ-рандаръ“ запрещалъ козаку выкурить горілки, или сварить меду и пива къ свадьбѣ, крестинамъ или храмовому празднику, козакъ называлъ это „зневѣгою“ христіанской вѣры, „даругою“ надъ христіанскою вѣрою. Все вмѣстѣ возмущало козацкую чернь, тѣсно соединенную съ людьми посполитыми и, подъ вліяніемъ вѣчно крамольничавшихъ низовцевъ, приготовляло умы гулящаго и убогаго народа (классъ многочисленный и въ нынѣшней Малороссіи) къ новому покушенію противъ господства такъ называемыхъ „пановъ Ляховъ“.

Король былъ сильно встревоженъ бѣгствомъ Хмельницкаго, у котораго, какъ у войсковаго писаря, хранились такъ называемые въ кобзарскихъ думахъ королевскіе листы. Онъ тотчасъ поручилъ канцлеру выслать комиссію для изслѣдованія терпимыхъ козаками притѣсненій, и велѣлъ выплатить козакамъ за пять лѣтъ жолдѣ. Получивъ же извѣстіе, что ханъ готовится къ войнѣ и послалъ къ султану за эмиромъ, велѣлъ, какъ уже сказано, коронному гетману быть наготовѣ. Къ сенаторамъ и панамъ написалъ онъ, чтобы всѣ вышли съ допнимъ войскомъ своимъ въ поле и расположились на Черномъ Шляху между Бѣлою Церковью и Винницею, а московскихъ воеводъ велѣлъ просить, чтобы спѣшили съ помощью согласно договору. Этимъ способомъ долженствовалъ начаться первый актъ Турецкой войны.

Въ самомъ дѣлѣ, отряды Орды Ногайской, Очаковской и Крымской приближались къ польскимъ границамъ. Но, слыша о великомъ войскѣ, стоящемъ между Брацлавомъ и Винницею, немедленно вернулись въ свои юрты; а гетманъ и сенаторы, узнавъ отъ волошскаго господара, что султанъ отказалъ хану въ эмирахъ, и что Татары ни въ какомъ случаѣ не двинутся изъ Крыма, пока не наростетъ трава, распустили 30.000 войска, и этимъ способомъ опять отсрочили королевскіе замыслы до весны. Дѣятелями этой отсрочки, оказавшейся губельною, по исчисленію Адама Киселя къ путивльскому воеводѣ, кромѣ Николая Потоцкаго, были: краковскій воевода Любомирскій, сендомирскій воевода, князь на Острогѣ Заславскій, кievскій воевода Тишковичъ, русскій, — Вишневецкій, черниговскій — Калиновскій, староста калучскій Замойскій, староста львовскій Сѣнявскій, князь Корецкій, паны Немиричи и другіе украинскіе землевладѣльцы. Перечисливъ, сколько кто изъ нихъ привелъ войска, комиссаръ пограничныхъ съ

Москвою дѣль, Адамъ Свѣнтольдковичъ Кисѣль, писалъ съ обычнымъ своимъ краснорѣчіемъ: „Яко исчезаетъ дымъ, тако, Божою милостію, исчезли враги наши: съ полей Чернаго Шляху въ Крымъ повратили“. Онъ увѣдомлялъ путивльскаго воеводу, князя Юрія Долгорукаго, что „Венеты и Малтыне“ побѣдили многолюдное турецкое войско, и потому отъ султана пришли въ хану „немѣры жестокіе, сирѣчь заказы“, чтобъ онъ не вторгнулся ни въ Польшу, ни въ Московское Царство. Это было писано въ февралѣ 1648 года. Имя Хмельницкаго еще не прозвучало, но Кисѣль увѣдомлялъ пограничнаго воеводу, что „войско квартанное здѣ въ Украину притягнуло и положенное есть въ черкасскихъ козацкихъ мѣстахъ (городахъ), потому что козаки черкасци одного пулловника своего чигиринскаго зрадили“.

Лѣтомъ 1647 года Адамъ Кисѣль ѣздилъ въ Москву въ качествѣ королевскаго посла для заключенія съ царемъ договора противъ Татаръ, но, заставъ царскихъ сановниковъ уже въ мирныхъ переговорахъ съ Ордою, могъ постановить съ ними только такія условія: 1) Оба монарха не будутъ задѣвать Татаръ, и будутъ поступать съ ними постарому. 2) Еслибы Татары вторгнулись въ Польшу, или въ Московское Царство, тогда оба монарха будутъ заодно, то-есть будутъ помогать одинъ другому, и увѣдомятъ объ этомъ договорѣ хана. 3) Но еслибы ханъ объявилъ Польшѣ, или Москвѣ, войну, въ такомъ случаѣ монархи обдумаютъ, что будетъ наилучшимъ, и король съзоветъ сеймъ.

Съ этого времени начались у Киселя пріятельскія съ царскими людьми отношенія, которыми онъ пользовался и въ качествѣ комиссара пограничныхъ съ Москвою дѣль. Когда на Польшу поднималась изъ Запорожья непредвидимо грозная буря, у Киселя шла съ царскими боярами дѣятельная переписка самаго мирнаго свойства. Польша могла хозяйничать на русской землѣ, отторгнутой у царя въ 1633—1634 году, съ помощью козаковъ. Кисѣль, не довольствуясь королевскими пожалованіями въ Черниговщинѣ, выпросилъ у царя позволеніе—въ трехъ мѣстахъ Трубчевскаго уѣзда и въ двухъ Недригайловскаго вѣчь золу для выдѣлки поташа, или, какъ онъ писалъ, *шмальцуги*, „и на это дѣло рубить лѣсъ въ черныхъ двѣихъ мѣстахъ опрѣчь бортнаго дерева“, въ теченіе пяти дѣтъ. Съ обѣихъ сторонъ старались опредѣлить спорныя земли по границѣ между двухъ государствъ и разобрать „обидныя дѣла“ на польскую и на московскую сторону“.

Московскія власти при этомъ „всѣхъ, до ково што по сыску и по уликамъ воровство дойдетъ, велѣли пытать по томужъ, что съ обѣ стороны людемъ, хто въ каковѣ дѣлѣ отъ ково изобиженъ, управа въ правду учинить, а воровъ, смотря по винамъ, наказанье бесъ пона-“

ровки дать, чтобъ, на то смотря, инымъ не повадно было воровать“. Напротивъ, судьи „съ литовской стороны“, по именамъ: Райскій, Конопляный, Бѣла, Бурый, люди русскіе, сперва отказывали въ судѣ своихъ преступниковъ, говоря, что „шляхта ихъ сама своихъ крестьянъ судить“; потомъ требовали, чтобы крестьянина, обвиненнаго въ убійствѣ „за литовскимъ рубежомъ“, „казнить смертною казнью безъ смску“; а когда имъ было доказано, по свидѣтельству духовника умершаго литовца, что обвиняемый крестьянинъ за литовскимъ рубежомъ покойнаго „не убивывалъ“, то панъ судья Райскій съ товарищи „и съ суда усердья пошли“, объявивъ, что „впередъ на рубежъ для росправы никакихъ дѣлъ не будутъ“.

Польскіе Русичи, намѣченные уже силою жизни къ воссоединенію съ Русичами московскими, въ порубежныхъ сдѣлкахъ сосѣднихъ государствъ, при одной и той же вѣрѣ, смотрѣли чужеземцами. (Въ этомъ—начало будущихъ смуть по присоединеніи Малороссіи).

Московскіе пограничные воеводы усердно досматривали, чтобы королевскіе люди, ни въ какомъ дѣлѣ, къ воеводамъ и ни къ кому иному не дерзали писать „непристойно“, и чтобы въ титулахъ обоихъ сосѣднихъ государей не было „ни прибавки, ни умаленья“... „а есть ли кто въ прописѣ тителъ объявится“, то чтобы „всякъ таковъ“ былъ судимъ „и казненъ по винѣ своей, яко явный нарушитель миру“. Ревностнымъ защитникамъ правъ своего царя, отвоеванныхъ у Сигизмунда и Владислава съ такими утратами и жертвами, было „въ великое подивленье, какими обычай князь Еремѣй Вишневетцкой, воевода русской, и канцлеръ корунный, Юрьи Осолинской, и хорунжей корунный, и иные старосты и державцы въ листѣхъ своихъ писали, мимо вѣчнаго докончанья, неостерегательно, а по вѣчному докончанью королевскому величеству царемъ и великимъ княземъ и многихъ государствъ государемъ и обладателемъ не отписыватися и не именоватися“... „А люди они“ (внушали царскіе бояре, какъ недорослямъ), „князь Еремѣй и канцлеръ, думные и сенаторы большіе, и имъ бы обоихъ великихъ государей честь пригоже оберегать, больши иныхъ простыхъ людей; а на канцлера то дѣло наипаче и иныхъ людей надлежить, что государская честь остерегать“.

Точно какъ будто знали царскіе люди про отзывъ Осолинскаго передъ папой о Москаляхъ, которые де однимъ именемъ христіане, а дѣломъ хуже послѣднихъ варваровъ. Теперь, наканунѣ крушенія польской силы и славы, московскій бояринъ Алексѣй Трубецкой въ простосердечной преданности интересамъ отечества, требовалъ, „чтобы королевское величество, по вѣчному докончанью, велѣлъ нарушителей

дѣлѣнныя казнити... чтобъ отъ того межъ обоими великими государи нашими нелюбѣя и ссоры не было“.

Это достопамятное по своимъ повтореніямъ внушеніе было писано 15 марта, а черезъ два дня Адамъ Кисѣль сообщилъ московскимъ пограничнымъ воеводамъ первую вѣсть о челоувѣкѣ, изъ котораго польскорусская жизнь создала карателя шляхты за ея многовѣковыми злоупотребленія личною свободою. Въ качествѣ руководителя пограничныхъ разбирательствъ съ польской стороны, писалъ онъ къ путивльскому воеводѣ, который жаловался, что „буды отмежеванное не уступаютъ, пасѣбъ щельныхъ польскіе чиновники не зносятъ“ съ царской земли, „и поселили хаты за рубежомъ“, а тѣ съ своей стороны жаловались, „будто его царского величества воеводы съ Ахтыра, Олжаного и Бобрика у хрестянь Гадяцкое волости взяли поклоны одъ пасѣбъ, ихъ потомъ пасѣки многіе насильствомъ забрали и колко тысячій щелы побили, и самихъ хрестянь многіхъ порѣзали и порубили“. Кисѣль не вѣрилъ такимъ „зачепкамъ“ въ противность „вѣчному дѣлѣннѣ“, говорилъ о братской любви обоихъ пресвѣтлыхъ государей и о дружельюбномъ соединеніи обоихъ великихъ государствъ, и только въ концѣ письма упомянулъ о событіи, которое занимало его больше всѣхъ пограничныхъ ссоръ и дракъ:

„Еще же о томъ тебѣ вѣсть даю, и ты къ его царскому величеству писать будешь, что никакая часть, тысяча, или мало того большъ своевольниковъ козаковъ черкасцовъ избѣгли на Запорожьѣ; а старшимъ у нихъ простой холопъ, нарицається Хмельницкій; и думаютъ донскихъ козаковъ подбити на море... аще ли же збѣжить (Хмельницкій) зъ Запорожа на Донъ, и тамъ бы его не пріймати, не шадити, ни на море пустити“.

Дѣятельный охранитель Рѣчи Посполитой Польской на другой день писалъ къ воеводѣ сѣвскому, Замятнѣ Леонтьеву, благодарилъ за увѣдомленіе о Калмыцкой Ордѣ и прибавилъ: „Только того не разумѣю, што тая Орда въ Крыму дѣлами маєт: чи сами зъ собою мѣждоусобную брань учнутъ, или обоимъ великимъ господарствомъ пресвѣтлыхъ господарей нашихъ, совокупившихся, вражду думаютъ.—На сей сторонѣ Днѣпра одъ Очакова“ (увѣдомлялъ онъ, въ свою очередь) „Орды нѣтъ, только двѣ albo три тысячи: вся на Крымской сторонѣ“, и опять занялся пасѣбками да будами, не предвидя, что скоро все польское хозяйство на русской почвѣ пойдетъ прахомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Кисѣль увѣдомилъ путивльскаго воеводу, Никифора Плещеева, что ханъ ласкается, черезъ своего посла, къ гетману Потоцкому, къ князю Вишневецкому, что тотъ посолъ теперъ въ

Прилука, „и до многихъ изъ насъ (ласкается), со всѣми нами братающися и дружество хотя имѣти“; но твердилъ Москалю поучительно, что татарское дружество съ однимъ государствомъ есть вражда противъ другаго. Прошли уже (писалъ онъ) времена татарскихъ опустошеній то того, то другаго изъ нихъ. Теперь, если Татары хотятъ быть съ нами въ дружбѣ, пускай будутъ въ дружбѣ и съ Московскимъ Государствомъ. Заключилъ же свое посланіе словами: „Уже бо ихъ приближается кончина, родовъ же христіанскихъ Божію милостію вознесеніе: Венетовъ и Малтанъ вознеслъ Господь“.

Черезъ три дня „ваштелянъ енераль кіевскій, житомирскій, овручскій, староста носовскій“, какъ величали Киселя царскіе сановники, торопилъ бояръ князя Алексѣя Трубецкого, Григорія Пушкина и думнаго дьяка Григорія Чистого къ скорымъ отвѣтамъ на его письма веселица: „Толікое время само вопіеть, какое бысть умедленіе! Впредь же сице да не будетъ между нами: дружбѣ убо и любвѣ пріятельской есть противно“. По словамъ Киселя, ему, теперь уже брацлавскому воеводѣ, вмѣстѣ съ ясновельможнымъ паномъ Краковскимъ (Николаемъ Потоцкимъ), было поручено разузнать, по какой причинѣ нѣкоторые козаки ушли на Запорожье, и „какъ будутъ Крымцы думать, промышляти обо всемъ“.

Тутъ же встаетъ („еда къ тому пришло“) увѣрялъ Кисель царскихъ сановниковъ, что онъ жадничаетъ не будъ, а славы московскаго царя: „Мнѣ не будъ жадно, но добродѣтели его царскаго величества: слава убо есть и будетъ въ томъ его пресвѣтлаго величества, что надарилъ меня, его королевскаго величества великаго посла; честь же моя, што на мнѣ просіяеть, величества есть добродѣтель“.

Неизвѣстно, что думали себѣ въ бороду царскіе сановники объ умѣнѣ Адама Свѣнтольдича льстить и выпрашивать, которое въ Польшѣ преподавалось, какъ наука жизни.

Буря между тѣмъ незримо приближалась. Лобызаясь письменно съ московскими пріятелями своими по случаю „всеславнаго воскресенія Господа нашего, Иисуса Христа“, Кисель былъ преисполненъ радостныхъ упованій, и изъ „своего города Кобызчи“, близкаго къ Кіеву, отъѣхалъ въ „дальній свой городъ Гоцу, за Кіевъ миль тридцать“; если же „Орда что задумаетъ“, намѣревался снова прибыть въ Украину, и беззаботно писалъ о Хмельницкомъ, не предчувствуя, что онъ превратитъ въ прахъ и пепель близкіе и дальніе панскіе города вмѣстѣ съ королевскими.

„Своевольнаго черкасца Войско Запорожское само поднялося на Запорожу поймать, и крестъ на томъ цѣловали. Войско же наше ко-

ронное, скоро трава начнетса, на Шляху Черномъ-лѣсу положенно будетъ, и самъ ясновельможный панъ Краковскій и съ нимъ панъ воевода черниговскій, польный гетманъ, будетъ, дондеже объявится, што Орда думаетъ: аще убо и братается гань, посылаючи къ намъ вѣры не даемъ. Аще бы зъ Запорожа збѣжалъ Хмельницкій, козаць своевольный, на Донъ и хотѣлъ подвизати донцовъ на море,—по союзѣ обоихъ великихъ господарей нашихъ, надобно зимать его какъ адряцовъ обоихъ великихъ господарствъ“.

Въ заключеніе, Кисѣль просилъ пріятелей своихъ передать латинскую грамотку царскому доктору, который обѣщалъ сдѣлать ему водку противъ его „скорби и болѣзни, подагры“.

Эта болѣзнь была весьма распространена между польскими панами, и потому имѣетъ значеніе историческое. Привычка къ пьяной жизни развилась у нихъ въ ужасающей степени еще въ царствованіе Сигизмунда III, Владиславъ IV, какъ мы видѣли, страдалъ подагрой даже во время вторичнаго брака. Новый фельдмаршалъ его, Николой Потоцкій, былъ также подагрикъ. На подагру жаловался въ своемъ безцѣнномъ дневникѣ и литовскій канцлеръ, Альбрехтъ Радивилъ. Если бы шаловливая богиня Венера бросила яблоко въ собраніе Избы Земской, или Сенаторской, нецрѣмѣнно попала бы въ подагрика. „Старое венгерское“ составляло въ Польшѣ столь важный предметъ государственныхъ попеченій, что на послѣднемъ свободномъ сеймѣ, лишь только панскій ареопагъ проглотилъ безъ заврѣнія совѣсти вопросъ о колутора милліонахъ, которые Рѣчь Посполитая „задолжала жолнеру“, тотчасъ его занялъ жизненный польскій вопросъ „о składowie wina węgierskiego“. Венгерское вино было, можно сказать, національною честью и славою истинно-панскаго дома. По известной пословицѣ, оно въ Венгріи только рождалось, а воспитывалось и старилось въ Польшѣ (*Hungariae natum, Poloniae educatum*). Здѣсь его склады дѣлались ежегодно, съ расчетомъ пировать, пока Польша будетъ стоять на своемъ вѣчномъ основаніи, на милой шляхетскому сердцу и уму неурядицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, даже во времена послѣдняго оловчателнаго паденія панской республики, поэтъ Мальчевскій написалъ о Полякахъ прекрасными стихами то, что они дѣлали наканунѣ Хмельнитчины:

Tloch pański jak serce zdawał się otwarty,
A stary węgrzyn płodził nie bez duszy żarty *).

*) И панскій погребъ, какъ сердце, казался открытымъ, а старое венгерское рождало не безъ души шутки.

Царскіе вѣстовщики были пронырливѣе панскихъ. Въ Бакчисараѣ вывѣдали они отъ „половнянина“ о козацкой стачкѣ съ Татарами и донесли своему государю, а изъ Москвы бояре Трубещкой, Пушкинъ и думный дьякъ Чистаго, отъ 10 апрѣля, сообщили Адаму Киселю слѣдующее:

„Марта де въ 5 день пріѣхали въ Крымъ къ царю зъ Дибпра запорожскихъ Черкасъ четыре человекъ, а прислали де ихъ Черкаси крымскому царю бить челомъ, чтобъ онъ, крымской царь, принялъ ихъ въ холопство; а они де стоятъ на Дибпрѣ, а въ зборѣ ихъ пять тысячъ; и просили у крымскаго царя людей, чтобъ имъ идти на королевского величества Полскую Землю войною за свою черкасскую обиду; и какъ де они королевскаго величества съ людьми управятца, и они де крымскому царю учнутъ служить вѣчнымъ холопствомъ, и всегда съ нимъ на войну будутъ готовы. И крымской де царь тѣхъ Черкасъ, четырехъ человекъ, дарилъ кафтанами и держалъ у себя въ Бакчисараехъ недѣлю, и, давъ имъ по лошади, отпустилъ ихъ назадъ; а крымскимъ людямъ и чернымъ Татаромъ приказалъ кормить лошади и готовитьца на королевского величества землю; а въ Перекопъ къ Тогаю, князю Ширинскому, писалъ, чтобъ Нагайскіе люди на королевского величества землю въ войну готовилися жъ. Да и Татаромъ де и Русскіе половняники говорятъ не втай, что царь приказалъ Крымскимъ и Нагайскимъ людямъ войною на королевского величества землю готовитьца. А въ Крымѣ де голодъ большой, и прошлого году хлѣбъ не родился, а нынѣ скоть, овцы и коровы вымерли, и черные Татаровъ войнѣ ради, и безъ войны де нынѣшняго лѣта никакимъ обычаемъ пробыть имъ не умѣтъ“.

Въ заключеніе важнаго извѣстія, оказавшагося вполне справедливымъ, царскіе сановники совѣтовали и принять мѣры въ тому, чтобы не „допустить тѣхъ Черкасъ подъ владѣніе крымскаго царя“. Въ этомъ совѣтѣ заключалась не только христіанская, но и русская мысль, хотя Москва смотрѣла, въ этомъ случаѣ, на самихъ Черкасъ изчужа, точно Малоруссы время Ярославовскихъ—на Торковъ и Берендеевъ.

Недѣли двѣ корреспонденты двухъ сосѣднихъ державъ молчали, словно чуяли съ обѣихъ сторонъ что-то грозное. Наконецъ, отъ 4 мая „рымскимъ числомъ“ польскорусскій сановникъ увѣдомилъ сановниковъ московорусскихъ (изъ своего города *Новосюлки*, здѣ за Кіевомъ миль пять) о начавшейся Хмельничинѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Никогда холопская рука, найпаче же змѣнниковъ, невозможна есть подвизатися противъ своимъ господиномъ; и тотъ холопъ нашъ, змѣнникъ черкаскій, зъ дружиною своею, въ сихъ днехъ еще не из-

бѣжить въ Крымъ, измѣнною головою своею запечатуетъ: полемъ убо и Днѣпромъ на него пошло войско наше... Все Войско Черкасское Запорожское есть вѣрно, точію еденъ змѣнникъ Хмельницкій, простыхъ холоповъ прибавши къ себѣ, на Запороже збѣжалъ; и всѣ козаки черкаскіе вѣрны, крестъ цѣловавши, пошли Днѣпромъ доставати змѣнника того“.

Отъ 10 римскаго мая князь Іеремія Вишневецкій увѣдомилъ путивльскаго воеводу, Плещеева, изъ Прилуки о слухахъ, которые приходятъ, безпрестанно повторяясь, что „непріятель Креста Христова наготовѣ собранныхъ ордъ на урочищѣ стоятъ у Княжихъ Байраковъ 40.000 подлинно ихъ сказываютъ, а того еще не вѣдомо, въ которые стороны; чего имъ, Боже, не помощи. Если въ наготовѣ его королевскіе милости Коруны Польскіе, албо въ землю его царского величества Московскую мысль имъ есть итти, всѣ наготовѣ и за таковыми вѣстями по обѣ стороны Днѣпра съ войсками корунными стоятъ, а я при здѣшнихъ маетностяхъ моихъ съ людьми моими готовъ есмь, ожидаю сворне вѣсти, и повѣсти, куды мнѣ лучица итти. И для того сею грамотою моею его царского величества и тебѣ знати даю, чтобъ вы были наготовѣ на большое остереганья отъ стороны непріятеля Креста Святаго“.

Такъ плохо порусски писалъ Русинъ, передѣланный львовскими іезуитами въ Поляка. Про козаковъ до него не дошелъ еще слухъ. Но въ то же время княжескій староста *) Малюшицкій, по письму Малоруссъ, сообщилъ изъ Краснаго тому же Плещееву слѣдующее:

„Пишетъ его милость панъ гетманъ коронній стороны людей Крымскихъ, съ которыми сполившися Хмельницкій своевольній въ тысячахъ козаковъ чотирохъ зъ Ордою, и пана комисара осадили на вершиннахъ Савсагану въ четверъ, прошлій, и Войско Запорожское тамъ послыкуеть противко Татаровъ; але предся (однакожь) гору беретъ Орда и подъ Чегиринъ обѣщается подходить рихло (вскорѣ); и панъ полковникъ переяславскій видѣлъ въ Кучвасехъ по сей сторонѣ, въ поляхъ, виширь и долго большой милѣ, Орда стоитъ и еще прибываетъ. И по напису сеен грамоти прибѣгли зъ листами отъ гетмана коронного, же (что) Орда скупилася съ Хмельницкимъ, гдѣ всѣ войска обернулись противо ихъ людей“.

Наконецъ Адамъ Кисѣль, отъ 11 мая римскимъ числомъ, увѣдо-

*) Паны имѣли, какъ и король, старостъ, которые, по отношенію къ этиамъ королятамъ, были тѣ же *brachia regalia*.

милъ Плещеева изъ Гощи о роковомъ событіи на Желтыхъ Водахъ, на вершинахъ Саксагана,—о первомъ пораженіи панскаго войска козаками:

„Нынѣча же достиже мя вѣсть о прелести поганской татарской, што они, егда засневельможный каштелянъ краковскій, гетманъ великій коронный, послалъ полкъ оденъ войска короннаго на змѣнниковъ черкасскихъ, они, собавове Татары, Крымци и Нагайци, тотъ полкъ на поляхъ, на урочищу Жолтые Воды, осадили; тридцать тысячъ Орды на тотъ полкъ пришло, римскимъ числомъ 2 мая. Они же, въ Христа Господа вѣруючи, храбро и бодро ополчившись, бранятся; но по нынѣшнее время што се здѣяло, Богъ вѣсть“.

Кисѣль, вонечно, зналъ, что козаки соединились уже всѣ и, вмѣстѣ съ Татарами, били пановъ; но не хотѣлъ сказать объ этомъ Плещееву. Онъ вопіялъ о скорой помощи къ воеводамъ путивльскому, хотмыжскому и къ воеводамъ сѣвскимъ, ссылаясь на договоръ короли съ царемъ. Польская Русь, утратившая уже чистоту своего древняго языка и подражавшая рѣчи московской, съ примѣсю полонизмовъ, умоляла спасать ее отъ Крымцевъ, а въ сущности—отъ польской неурядицы, породившей руинную козаччину.

Какъ велика была эта неурядица, мы увидимъ, перенесясь на правую сторону Днѣпра, въ лагерь коронныхъ гетмановъ.

Когда Кисѣль писалъ къ путивльскому воеводѣ, что „козаки черкасци одного пульковника своего, чигиринского, зрадили“, это значило, что Хмельницкій, еще въ февралѣ, прогналъ изъ Запорожья стоявшій тамъ, въ видѣ гарнизона, чигиринскій полкъ. Извѣстіе объ этомъ потрясло всю Украину, точно какъ будто Павлюкъ еще однажды сошелъ съ эшафота. Страхъ обнялъ шляхту. Одни бѣжали въ лагерь Потоцкаго, другіе бросились къ обоимъ короннымъ гетманамъ съ мольбой о снабженіи Украины гарнизонами. Потоцкій двинулся съ квартирнымъ войскомъ въ глубину Козацкой Украины, обезпечилъ гарнизонами замки и города, велѣлъ свозить пушки съ безоборонныхъ мѣстъ, убѣждалъ „городскими универсалами“ мѣстныхъ помѣщиковъ—не оставаться въ ихъ домахъ, а присоединяться съ надворными дружинами къ коронному войску, разослалъ воззванія къ магнатамъ, чтобы спѣшили къ нему на помощь, уговорилъ всѣхъ землевладѣльцевъ обезоружить мужиковъ, и наконецъ—опубликовалъ грозный универсалъ, воспрещавшій всякое сообщеніе съ Хмельницкимъ, бѣжавшимъ же къ нему для своевольтва угрожалъ смертью оставленныхъ ими семействъ и уничтоженіемъ собственности. Словомъ, въ запыхавшую козацкимъ бунтомъ Украину подложилъ горючаго матеріала.

Нельзя сказать, чтобъ онъ дѣлалъ „много шуму изъ ничего“. Онъ, провозившійся съ козацкими бунтами столько времени, еще въ декабрь 1647 года заявилъ, что не можетъ быть въ отечествѣ опасности, болѣе чреватой бѣдствіями (*więcej pęgnans periculum*). Онъ понималъ положеніе страны и выражалъ, можно сказать геройски, недоумѣніе, какъ „съ такою малою горстью кватянаго войска“ отражать Татаръ, которые и безъ козаковъ были весьма опасны; но тѣмъ не менѣ шелъ на борьбу съ ними.

Король, однакожь, былъ крайне недоволенъ мѣрами своего фельдмаршала. Король повелѣлъ Потоцкому немедленно пустить козаковъ на Черное море, и не подвигаться съ войскомъ въ глубину Украины.

Коронный гетманъ оправдывалъ свои дѣйствія тѣмъ, что двинулся спасать Украину по общей просьбѣ и по всестороннемъ обсужденіи дѣла; что не было такого села, такого города, гдѣ бы не призвали къ своевольству и не умышляли на жизнь и имущество пановъ и державцевъ, гдѣ бы не домогались вознагражденія своихъ заслугъ и не подавали безпрестанно жалобъ на несправедливости и притѣсненія. О вѣрѣ, которую наши лѣтописцы и историки дѣлають первую и главною причиною бунта, предводитель его усмирителей не упомянулъ въ своемъ оправданіи передъ королемъ ни единымъ словомъ. Зачинщиковъ бунта онъ видѣлъ только въ недовольныхъ экономическими порядками да матеріальными потерями.

„Повидимому, не велика бѣда 500 взбунтовавшихся козаковъ“ (писалъ онъ); „но это вникнуть, съ какими упованіями и надеждами поднять бунтъ, каждый долженъ признать, что было изъ-за чего мнѣ двинуться въ Украину: ибо эти 500 человѣкъ подняли бунтъ въ заговорѣ со всѣми козацкими полками и со всей (мужицкой) Украиной. Когдабъ я не поспѣшилъ, запылалъ бы въ Украинѣ такой огонь, который не скоро былъ бы, или же великими силами, погашенъ... Одинъ князь воевода русскій (Вишневецкій) отобралъ у своихъ подданныхъ нѣсколько тысячъ самопаловъ, а сколько же другіе! Все это огнестрѣльное оружіе, вмѣстѣ съ людьми, принадлежало бы бунту Хмельницкаго. Еслибы не были предупреждены приготовленія къ бунту, еслибы не были забраны пушки въ разныхъ мѣстахъ, которыми своевольные люди (*swawola*) намѣревались овладѣть, то какова была бы сила ихъ, и чтѣ дѣлали бы они во владѣніи вашей королевской милости, можете представить. Впрочемъ я вовсе не съ тѣмъ двинулся въ Украину, чтобы пролить христіанскую кровь, которая въ свое время будетъ необходима для Рѣчи Посполитой, но съ тѣмъ, чтобы, не обнажая сабли, однимъ только страхомъ кончить войну. До сихъ поръ

казаки не потеряли ни одной капли крови и не потеряютъ, если успокоятся. Но вижу, что этотъ безразсудный человѣкъ, Хмельницкій, не преклонится передъ милостью. Не разъ уже я посылалъ къ нему, чтобъ онъ оставилъ Запорожье, обѣщая ему помилованіе, отпущеніе преступленій. Ничто на него не дѣйствуетъ. Пословъ моихъ задержалъ. Наконецъ послалъ я и пана Хмельницеаго, ротмистра вашей королевской милости, человѣка расторопнаго и хорошо знающаго казацкіе *чуморы*, съ увѣщаніемъ, ручаясь моимъ словомъ, что волосъ не упадетъ съ его головы. Но не тронутый и этой благосклонностью, отправилъ ко мнѣ моихъ пословъ съ требованіемъ, чтобы коронное войско вышло изъ Украины; чтобы паны полковники, со всею ихъ ассистенціей, были изъ полковъ удалены; чтобы правительственная ординація относительно казаковъ была уничтожена“.

Далѣе Потоцкій доносилъ королю, что Хмельницкій зоветъ къ себѣ на помощь Татаръ, которые хоть и вернулись главною массою въ свои кочевья, но все еще чего-то ждуть у Днѣпра. Нѣсколько сотъ Крымцевъ переправилъ онъ даже на сю сторону, съ тѣмъ чтобъ они сгоняли польскія сторожи, поставленныя на разныхъ пунктахъ для удержанія своевольныхъ людей отъ побѣговъ на Запорожье. Слышно было, что у Хмельницеаго уже 3.000 казаковъ. Въ этомъ Потоцкій видѣлъ доказательство, что онъ давно уже думалъ о томъ, какъ начать свой бунтъ.

„Сохрани Богъ“ (продолжалъ коронный гетманъ), „еслибъ онъ съ этимъ войскомъ вступилъ въ Украину! тысячи обратились бы вдругъ во сто тысячъ, и было бы намъ, что дѣлать съ этими своевольниками. Теперь онъ готовится и укрѣпляетъ себѣ на Буцѣ городъ (hogod), и рѣшилъ сильно въ немъ обороняться. Высоки доводы вашей королевской милости, которые благоволите высказывать по предмету отвращенія этого несчастья: чтобы позволить своевольникамъ идти на море, еслибъ того пожелали. Не того ему хочется, чтобъ идти на море, а того, чтобы жить въ стародавнемъ своевольствѣ и чтобы испровергнуть священныя постановленія Рѣчи Посполитой, стоявшія столькихъ трудовъ и шляхетской крови. Согласенъ я, что для общественнаго блага слѣдовало бы пустить казаковъ на море, именно въ интересахъ самой Рѣчи Посполитой, чтобъ эта милиція не залегала поля и не забывала давнишняго способа войны, который можетъ въ послѣдствіи понадобится. Но въ такое скользкое время нельзя этого сдѣлать потому, что одни челны еще не готовы, а другіе хоть и готовы, но не такъ снаряжены, чтобы годились для морской битвы. Поэтому неготовые приказалъ я кончить при себѣ, а на мѣсто сдѣла-

ныхъ кой-какъ будутъ присланы другіе. Но хоть и будутъ изготовлены, для этого необходимо, чтобы козаки были успокоены и въ надлежащемъ порядкѣ отправлены, если то уважаетъ надобность Рѣчи Посполитой и воля вашей королевской милости. Ибо, сохрани Боже, чтобы неуспокоенные вышли они на море и, вернувшись, подняли неугашенный бунтъ: тогда удержать ихъ въ указанной ординаціи Рѣчи Посполитой значило бы воевать и съ козаками, и съ Турками, и съ Татарами. Вотъ почему надобно, по моему мнѣнію, постараться, какъ я и стараюсь, угасить сперва нынѣшніе бунты. Но во всемъ этомъ я желаю повиноваться волѣ и повелѣніямъ вашей королевской милости^а.

Было это писано, вѣроятно, въ то время, когда султанъ запретилъ Татарамъ вторгаться въ Польшу. Паны были этимъ обрадованы, и фельдмаршалъ окончилъ свое покорно-оппозиціонное оправданіе горькою для короля лестью:

„Радъ бы я былъ видѣть въ эту зиму побѣды вашей королевской милости надъ неприятелемъ Св. Креста и новые лавры, украшающіе ваше славное имя; но такъ какъ задуманныя предначертанія (вражескія) отмѣнены, что видно изъ прилагаемыхъ при семь писемъ господаря, то униженно прошу принять отъ меня вѣнецъ служенія отечеству^а.“

Такое было положеніе измечтанной королемъ Турецкой войны и дѣйствительнаго бунта Хмельницкаго въ концѣ марта 1648 года, когда Потоцкій, обезпеченный дружественнымъ письмомъ Исламъ-Гирея, рѣшился послать противъ Хмельницкаго войско и подавить бунтовщиковъ, пока они не усилились приливомъ своевольныхъ людей изъ Украины. Между тѣмъ Хмельницкій, въ началѣ марта, заключилъ договоръ съ Татарами, отдалъ хану въ залогъ сына своего, Тигоея, а самъ вернулся на Запорожье сзывать въ себѣ козаковъ.

Войско, находившееся въ распоряженіи Николая Потоцкаго и его товарища по гетманству, Мартина Калиновскаго, долго стояло въ бездѣйствіи между Брацлавомъ, Винницею и Бѣлою Цервовью, въ предупрежденіе татарскаго набѣга. Отъ Бѣлой Церкви до Канева оборонять Поросье должны были польскіе Торки и Берендеи, козаки, а за Днѣпромъ Посуліе защищали многолюдныя дружины удѣльнаго, можно сказать, князя Рѣчи Посполитой, Іереміи Вишневецкаго. Въ виду быстро закипающаго бунта, Потоцкій не дождался королевскаго универсала для наступленія на козаковъ, какъ бывало до сихъ поръ, и поспѣшилъ на театръ своихъ подвиговъ 1637 и 1638 годовъ.

Теперь ужъ Николай Потоцкій былъ не тотъ, что въ оныя прославленные имъ годы, когда Шляхетскій Народъ восторжествовалъ надъ Народомъ Козацкимъ и, какъ панамъ казалось, навѣки подчинилъ его

своей законодательной власти. Болѣль Потоцкій панскою болѣзнью, подагрою, и въ Агамемноновскомъ своемъ походѣ на Сулу. Десятилѣтіе, проведенное среди „хлѣбодцевъ“ и винопійцевъ гостепріимнаго дома Потоцкихъ, сдѣлало польскаго защитника Поросья и Посулія неспособнымъ сѣсть на коня. Онъ ѣздилъ по полкамъ въ каретѣ и во время битвы. Но въ отяжелѣвшемъ тѣлѣ носилъ Потоцкій энергическій духъ своихъ предковъ, Русичей: ибо не напрасно волочилась Польша за нашими буйтурами, вовлекая ихъ въ свою національность: она ловила въ Малороссіи таланты, которыми была скудна, и этими талантами прославилась въ католическомъ свѣтѣ. Потоцкій вѣровалъ, подобно православному Ляху Киселю, что „никогда хлопская рука не возможна есть подвизатися противъ своимъ господиномъ“.

Еслибы сенаторы и вельможные паны, исчисленные въ реторическомъ письмѣ Киселя къ путивльскому воеводѣ, предвидѣли, что новый козацкій царь Наливай всего больше разсчитываетъ на соединеніе козаковъ съ ордынцами,—не повернули бь они своихъ ополченій во-свои до тѣхъ поръ, пока не сдѣлали бы невозможнымъ столь давно намѣченное сляніе польскорусской орды съ татарскою. Но гордые побѣдами своего Потоцкаго надъ козаками и своего Конецпольскаго надъ Татарами, они смотрѣли спокойно на то, что одна орда раздражена неуплатою жолду, а другая—отказомъ въ гарачѣ: они забыли, что оба скопища хищниковъ задѣты за живое и съ другихъ сторонъ. Побѣдители Косинскаго и всѣхъ козацкихъ бунтовщиковъ упустили изъ виду, что Конецпольскій преслѣдовалъ Жмайла въ непроходимыя трупы Медвѣжьихъ Лозъ единственно изъ-за его попытки вызвать Крымцевъ на опустошеніе колонизуемой имъ Украины,—попытки, повторяемой упорно козаками въ каждомъ бунтѣ своемъ и, что Потоцкій совладалъ съ христіанскими ордынцами подъ Кумейками и на Старцѣ только благодаря ихъ тогдашней враждѣ съ мусульманскими.

Владиславъ IV былъ одаренъ умомъ вовсе не строительнымъ; но паны, вырвавшіе у него изъ руцъ всю власть, оказались теперь несостоятельнѣе своего развѣнчаннаго монарха въ государственномъ строительствѣ и въ сохраненіи за собой края, безъ котораго Польша, по выраженію одного простолюдина, была все равно, что рукавъ безъ жупана. Сравнительно съ этими пигмеями царственности, онъ былъ великъ уже тѣмъ, что могъ бы, такъ, или иначе, двинуть въ походъ громадныя войска и въ томъ числѣ 30.000 ихъ собственнаго контингента. Но, низложивъ титулярнаго короля своего, фактическіе короли польскіе, легкомысленно играли съ огнемъ, о которомъ еще отцы и дѣды ихъ говорили, что его надобно гасить въ искрахъ. Благоразум-

но, или нѣтъ воспротивились они войнѣ своего избранника съ непріятелями Св. Креста,—это могло бы оказаться только въ непредвидимой комбинаціи разнообразныхъ человѣческихъ интересовъ; но совершившіеся факты говорятъ намъ, что паны не понимали значенія царственности, и либеральною борьбой съ Владиславомъ сдѣлали то, что теперь Св. Крестъ несли противъ нихъ самихъ Татари руками Хмельницкаго, съ тѣмъ, чтобы подъ этимъ знаменемъ „землю, текущую молокомъ и медомъ“, превратить въ безлюдную пустыню.

Что касается Потоцкаго, то, не поддержанный умомъ и предусмотрительностью сенаторовъ, которые самоувѣренно вернулись домой съ наряда на Черномъ Шляху, онъ взялъ подавленіе украинскаго бунта на свою нравственную отвѣтственность, и долженъ былъ еще оправдывать свое геройское предпріятіе передъ уничтоженнымъ королемъ, приправляя правду ложью.

Положеніе талантливаго полководца было рискованнымъ и десять лѣтъ назадъ, по милости правительственной неурядицы. Въ роковомъ 1648 году оно сдѣлалось крайне затруднительнымъ, и потомъ—такимъ отчаяннымъ, какъ послѣдній походъ незабвеннаго Русина-католика, Жовевскаго. Недавно видѣлъ онъ передъ собой въ движеніи всю сосѣдню-азіятчину, командуя шеститысячнымъ квартанымъ войскомъ, которому авангардомъ служили еще непопавшіеся шесть тысячъ реестровиковъ, а въ арріергардѣ стояло 30.000 панскихъ дружинъ. По словамъ Киселя, враги христіанства и цивилизаціи исчезли предъ лицомъ этой грозной силы, *яко исчезаетъ дымъ*. Теперь главнокомандующій оную грозною силою очутился противъ той же азіятчины въ виду всего анти-шляхетнаго населенія Украины, взбунтованнаго козаками,—очутился съ такими силами, которыхъ едва было достаточно для однихъ рекогносцировокъ.

Но Потоцкому долго не вѣрилось, чтобы ханъ Исламъ-Гирей, считавшій свой родъ старше султанскаго, низошелъ съ высоты своей кипчавской царственности до панибратства съ бродягами, которыхъ предшественники его отвергли, какъ „безголовое тѣло“. Онъ лично зналъ Исламъ-Гирея во время его пребыванія у отца князьпнаго его сподвижника, Сѣнявскаго, и, можетъ быть, заодно съ королемъ, расположилъ пріятеля къ тому великодушію, съ которымъ онъ возвратилъ своему плѣннику свободу. Потоцкій до сихъ поръ не могъ подозрѣвать, что дружескія письма хана были только усыпительнымъ для пановъ напитокомъ лести... Но его успокоивало своевременное занятіе главныхъ сѣдалищъ украинской козачины. Самъ Потоцкій расположился въ Черкасахъ; полевой гетманъ, Калиновскій, въ Корсуни;

прочіе поляки стояли тамъ же, по рѣкѣ Роси. Утвердясь на стратегическихъ точкахъ опоры противъ степнаго варварства, защитники польской цивилизаціи ждали наступленія мятежниковъ, которые, по его мнѣнію, могли бы увеличить свое число только тогда, когда бы появились невозбранно среди Козацкой Украины.

Между тѣмъ побѣги на Запорожьѣ продолжались. По Украинѣ шлялись изъ села въ село хмельничане, переодѣтые—то нищими, то богомольцами, и подготавливали убогую чернь къ нападенію на людей шляхетныхъ и зажиточныхъ, которыхъ вообще называли они *Ляхами*, а если не Ляхами, то *Недоляшками*, то-есть не достигшими еще полного ляхства, по-козацки *лядства*, но у которыхъ съ Ляхами „одинъ духъ“. Въ теченіе полустолѣтней оппозиціи всякому *присуду* (юрисдикціи) и всякой власти въ Украинѣ, козаки выработали о себѣ въ гулящемъ простонародьѣ такое мнѣніе, что только въ козацкихъ сердцахъ осталась на свѣтѣ правда, которой нѣтъ уже ни у пановъ, ни у какихъ-либо властителей. И въ наше время, упорядоченное и счастливое несравненно больше того бѣдственнаго вѣка, кобзари твердятъ въ своихъ пѣсняхъ категорически:

Ужѣ тепѣрь правда стойтъ у порога,
А тая неправда—въ панівъ кінєць стѣла.
Ужѣ тепѣрь правда сидѣтъ у темницѣ,
А тая неправда—съ панами въ свѣтлицѣ...

Вообразимъ тогдашнихъ кобзарей, что они пѣли, и съ какими чувствами *изъ* слушали!

Для низшихъ классовъ украинскаго населенія, образовавшихся путемъ постоянного перекочевыванья съ мѣста на мѣсто, козакъ, по простонародной пѣснѣ *души правдивая* въ своемъ убожествѣ, сдѣлался идеаломъ удалства, счастья и вольной воли, до того, что украинскіе дѣвическіе баллады и романсы называютъ своихъ героев *козаченьками* вмѣсто другихъ ласкательныхъ именъ, а женскіе и материнскіе украинскіе пѣсни-плачи переполнены выраженіями тоски о козацкихъ *придодахъ*, то-есть бѣдственныхъ случайностяхъ, не говори уже о тѣхъ пѣсняхъ мужскихъ, которыя, по своему содержанію, не отличаются отъ великорусскихъ пѣсенъ, именуемыхъ *разбойничьи*, и предають проклятію самихъ мастеровъ, строившихъ темницы даже для такихъ преступниковъ, какъ губители дѣвицъ, вдовъ и мужнихъ женъ. Тогдашняя запорожская пропаганда оправдывала всѣ преступления и обвиняла всѣхъ представителей общественной юрисдикціи. Она сулила черни золотой вѣкъ безнаказанности, всяческой свободы

и незаслуженнаго трудомъ богатства. Это была пропаганда крайне опасная и для правительства, и для той массы, которую поднимала противъ правительственныхъ органовъ порядка.

Украина, занятая теперь короннымъ войскомъ, еще недавно состояла изъ однихъ козацкихъ кочевьевъ. Шляхетская хозяйственность пришла сюда съ обычаями, выработанными обществомъ, сравнительно культурнымъ, и градація этой хозяйственности начиналась тогда съ промысла первобытнаго—съ выжиганія лѣсовъ для поташной золы, которую Нѣмцы-выходцы научили насъ называть пшальцугою. Къ этому варварскому промыслу всего больше былъ склоненъ мѣстный мужикъ, гладѣйшій вообще волкомъ на земледѣльда-ратая и на его служебниковъ. Заложивши въ лѣсу *буду*, то-есть поташной ко-стеръ, онъ оставался свободенъ и празденъ въ своей труппѣ во всю охоту диваря къ спанью и звѣроловству. Къ работникамъ этого рода, называвшимся *будниками*, ближе всего стояли пасѣчники, поеѣзжавшіе лѣса, старожившіе „бортные ухожан“ въ нихъ и сидѣвшіе пасѣ-ками въ такихъ „нѣтрахъ“ (неторенныхъ мѣстахъ), въ которые хищниковъ ордынцевъ не вели широкіе Татарскіе Шляхи. За пасѣчниками слѣдовали *чабаны*, кочевавшіе въ „катрягахъ“ при стадѣ овецъ, рогатаго скота или лошадей, люди, также свободные етъ надзора въ своихъ занятіяхъ и досужіе во времени. За ними рабочую силу хозяйственной жизни составляли *могильники*, насыпавшіе сторожевыя могилы и земляныя подъ именемъ „могиль“ памятники, селитряные бурты, а въ городахъ и селахъ валы, безъ которыхъ не уцѣлѣлъ бы тогда пограничный поселокъ и одного года. Далѣе шли уже черно-работіе, болѣе или менѣе стѣсненные въ своихъ занятіяхъ присутствіемъ людей культурныхъ, но зато разгульные въ своихъ привычкахъ,—люди, которыхъ называли „роскѣшными“. Это были *винники*, *броварники*, *лазники*, отбывавшіе условленную между *осадчимъ* (колонизаторомъ) и *осадникомъ* (колонистомъ) панщину, или служившіе по винокурнямъ, пивоварнямъ и лазнямъ, то-есть банямъ, въ селахъ и городахъ.

Всего труднѣе было пріучить и пріохотить украинскаго мужика къ земледѣлію, которое особенно не правилось попробовавшимъ козачины, какъ занятіе, требовавшее сидѣнья на одномъ мѣстѣ. Ратаи, или пахари пользовались особенными преимуществами передъ панскими подданными, и составляли какъ бы средній классъ между землевладѣльцами и тою смѣшанною массою, которая селилась и кочевала въ ихъ имѣніяхъ. Эта хаотическая масса сидѣла по своимъ мѣстамъ только тогда, когда голодъ и холодъ смирялъ ее до готов-

ности трудиться изо дня въ день. И ремесленники, и хлѣборобы заимствовали изъ нея рабочія руки для своего производства. Но лишь только наступала весна, каждый *нетяга* наровиль уйти въ безлюдную глушь на независимый промыселъ, хотя бы для этого пришлось ему „забирать въ торбу дѣтей“.

Изъ такихъ-то нетягъ, работающихъ за кусокъ хлѣба мѣщанамъ, ратаямъ и землевладѣльцамъ, низовые козаки составляли свои ополченія, тогда какъ люди осѣдлые старались удержать ихъ дома секестромъ ихъ подвижности, нажитой, по условію съ хозяиномъ, на его землѣ и въ его заведеніяхъ.—Удачный морской набѣгъ, удачный грабежъ татарскаго, волошскаго купческаго или панскаго добра—давали новымъ гайдамакамъ средства для вербовки украинской голоты, которая обыкновенно собиралась въ козацкія купы съ дрекольемъ, а „полатавши свой злыдні“, вооружалась списами (рогатинами), саблями и пищальми. Кобыри писали съ натуры, изображая Хмельницчину такими, напримѣръ, словами:

Котѳрый козаць шабли булатной,
 Пищали семипядно:
 Не має,
 Той кѳна на плѣчи забірає,
 У вѳиско до Хмельницького поспішає.

Наслушался Потоцкій рассказовъ объ этомъ еще въ Павлюковщину. Теперь онъ видѣлъ собственными глазами, какъ украинская голота перебѣгаетъ изъ становища хозяйственности въ становище добычнаго промысла. Вотще звалъ онъ къ себѣ на помощь вернувшихся во-свояси вельможныхъ землевладѣльцевъ: они величаво почивали на лаврахъ своего степнаго парада. Напрасно представлялъ королю, что козачина должна быть подавлена окончательно, какихъ бы жертвъ это ни стоило Польшѣ, если Польша хочетъ владѣть своими займищами: король былъ глухъ къ его представленіямъ.

Король видалъ козаковъ только въ своихъ походахъ. Онъ цѣнилъ опустошительные подвиги варваровъ, помогшихъ ему восторжествовать надъ Москвою. Онъ былъ готовъ жертвовать разореніемъ украинскихъ королевщинъ въ виду возможнаго завоеванія Турціи, которое неотступно занимало его мысли, и потому продолжалъ высказывать убѣжденіе, что дружелюбнымъ обращеніемъ съ казаками всего лучше укротить завзятыхъ; что дозволеніемъ ходить на море козакъ были бы совершенно примирены съ начальствомъ; а если есть въ Украинѣ какія-нибудь вспышки, то сеймовой комиссіи надобно на-

радить строгое слѣдствіе и предать суду тѣхъ, вторые своими несправедливостями подали въ нимъ поводъ. Члены этой комиссіи, какъ люди, непріятные интересамъ обидчиковъ и обиженныхъ,—по мнѣнію короля, всего больше могли содѣйствовать Потоцкому въ умиротвореніи пограничнаго края.

Еслибы (замѣчу встать) была хотя тѣнь догадки у короля, что на козаковъ досадуютъ ватолки и увіаты,—это высказалось бы теперь въ его наказахъ. Еслибы Хмельницкій жаловался ему на Чаплинскіе, —это нимъ хоть мелькнуло бы въ его сношеніяхъ съ главнокомандующимъ. Факты за фактами сыплются обильно зернами исторической правды въ современной перепискѣ, которой передъ нами горы, а все вымышленное отсутствуетъ въ ней, на горе сочинителямъ дѣтскихъ сказокъ о козакахъ.

Оставалась одна надежда на сенаторовъ и вельможныхъ пановъ, которые такъ поспѣшно увели свои дружины. Но паны всегда собирались въ походъ медленно; а теперь ихъ тормазила королевская партія, настроенная миролюбиво на счетъ козаковъ и воинственно на счетъ Турокъ.

Между тѣмъ, въ началѣ апрѣля, Дибѣръ выступилъ изъ береговъ; воду въ рѣкахъ и рѣчкахъ, какъ говорится, *кустало*. Козаковъ таго украинца весенняя вода располагала въ бродячей жизни. Дѣвчата пѣли своими возлюбленнымъ:

Ой весна красна, ой весна красна,
Та й изъ стріхъ вода капле:
Ой ужè жъ тобі, мій козаченьку,
Та й мандрівочка пахне.

А влюбленные молодцы обивали своимъ „крялямъ“ серебро-золото безъ счету, дорогія ткани безъ мѣры. Густыя купы голоты, тнувшіеся въ страну мечтаній о китайчатыхъ онучахъ, за Пороги, оправдывали слова кобзаревой думи:

А якъ прийде весна красна;
Будè вся наша голо́та расна.

Подобно весенней водѣ въ Дибѣрѣ, ежедневно и ежечасно прибывали на Низу козакки. Нпротивъ силы Потоцкаго увеличивались панскими контингентами мало. Паны, не получая крупныхъ извѣстій объ украинскихъ бунтахъ, считали дѣло не стоящимъ особенныхъ заботъ. Одна молодежь панская, желая составить себѣ рыцарскую репутацію, выѣзжала въ Украину на челѣ своихъ блестящихъ почтовъ.

О Хмельницкомъ ничего вѣрнаго не знали, а вѣсти, приходящія съ низовьевъ Днѣпра, считали обыкновенными въ тревожныхъ случаяхъ росказнями. Не отерывая въ Украинѣ новыхъ признаковъ готовящагося бунта, коронные гетманы оставались попрежнему въ положеніи выжидательномъ.

Въ это время кто-то изъ приближенныхъ къ Потоцкому писалъ къ кому-то, 2 римскаго апрѣля, изъ Черкасъ о томъ, какъ ему представлялось дѣло.

„Трудна эта несчастная козацкая война. Хмельницкій *лежимъ* на днѣпровскомъ островѣ, называющемся Буцкимъ, отъ нашего берега въ двухъ миляхъ, а отъ крымскаго на выстрѣлъ изъ доброй пушки. Но пушекъ тамъ у насъ нѣтъ. Посылалъ туда панъ Краковскій пана Хмелецкаго, да Хмельницкій на то не смотритъ. Онъ отдѣливается только готовностью къ услугамъ и бьетъ челомъ, говоря: что выйдетъ на власть, *) пускай только его милость панъ Краковскій удалится съ войскомъ и отзоветъ пановъ полковниковъ; одинъ комиссаръ пускай останется: онъ значить у нихъ много.

„Прибыла отъ его милости короля комиссія“ (продолжаетъ неизвѣстный); „но не знаю, что сдѣлаютъ они безъ денегъ, а козакамъ надобно дать 300.000 (*trzy kroć sto tysięcy*), да отдать подъ судъ полковниковъ и самого комиссара. Этого пива наварили они. Не мало обвиняютъ и пана воровнаго хорунжаго (Конецпольскаго). Не такъ-то легко успокоить то, что предстоитъ.

„*Лежимъ* покажемъ по Заднѣпрію. Полеъ его милости пана Краковскаго въ Черкасахъ; пана полеваго гетмана въ Корсуни и въ Миргородчинѣ, по всѣмъ наслѣдственнымъ имѣніямъ пана короннаго Хорунжаго; полеъ пана Чернѣховскаго (каштеляна черниговскаго Яна Одривольскаго), въ Каневѣ, въ Богуславѣ. Послеъ святошь тотчасъ идетъ на Запорожье сухимъ путемъ, а козацкое войско—Днѣпромъ на челнахъ. Гудьтаевъ же на этомъ островѣ не меньше 1.500: ибо у нихъ всюду отнимали пашу, чтобъ не собирались въ одну кучу“.

Кто бы ни былъ писавшій это, но его мнѣніе было выраженіемъ общаго суда усмирителей козацкаго бунта. Дѣло началось все-таки съ недоплаты жолду, какъ и первые козацкіе бунты. Приучивъ козаковъ къ своеволію, которае прощали шляхтѣ, паны хотѣли обуздать ихъ Подьяками-полковниками. Это для козаковъ было и въ нравственномъ и экономическомъ отношеніи бременемъ тяжелымъ; пото-

*) Въ населенную Украину.

му-то Хмельницкій и настаивалъ на отозваніи полковниковъ со всею ихъ ассистенціею. Козаки павлюковцы, какъ мы помнимъ, и собственныхъ набранниковъ обвиняли въ заѣданіи жолду: тѣмъ бо бѣе козаки хмельничане должны были подозрѣвать въ этомъ навязанныхъ имъ полковниковъ-Ляховъ и комиссара-Нѣмца; а жолдовой недоимки наводилось такъ много, что сеймовые паны проходили ее молчаніемъ и помнили только о полумилліонѣ жолнерской. Не меньше полковниковъ и „скарбовыхъ людей“ виновнымъ въ бунтѣ оказывался и Александръ Конецпольскій, позволявшій себѣ поступать съ Хмельницкіями такъ въ XVII столѣтіи, какъ предокъ Мартина Калиновскаго поступилъ съ отцомъ Наливайка въ XVI.

При этомъ замѣчательно, что полевой гетманъ прикрылъ собственнымъ полкомъ всѣ вотчинныя имѣнія Конецпольскаго. Это показываетъ, что на нихъ были намѣрены наступить козаки Хмельницкаго, какъ на Острожчину наступили козаки Косинскаго. Хмельничина, какъ видимъ, имѣла въ началѣ характеръ частной ссоры, какою была Косинщина, и король, безъ сомнѣній, смотрѣлъ на нее не иначе, какъ на ссоры своихъ королятъ за взаимный захватъ имѣній.

Одновременно съ приведенной выше реляціей младшій Чернецкій привезъ въ Варъ извѣстіе, — что у Хмельницкаго людей набралось уже 2.500, въ томъ числѣ 500 Татаръ, и что Хмельницкій заявилъ требованіе — чтобы ни одинъ Ляхъ не былъ старшимъ надъ Запорожскимъ войскомъ: „Вотъ чего надѣлала жадность полковниковъ и тиранское обращеніе съ козаками!“ писалъ объ этомъ подоляскій судья Мясковскій, и повторялъ предсказаніе Чернецкаго, что съ козаками будетъ долгая и трудная „голландская война“. Но о вѣрѣ, копытъ нашихъ историковъ, нѣкто не слова!

Что касается Татаръ, то козаки, не смотря на соглашенія съ ними со временъ Косинскаго, не все одобрили договоръ съ ханомъ, какъ это было и въ то время, когда Самуилъ Зборовскій принялъ названіе ханскаго сына. Сохранилась рѣчь одного козака, записанная въѣмъ-то изъ Полябовъ помалорусски раньше прибытія татарской помощи:

„Пане отамане и панѣе молодці!“ (говорилъ козацкій ораторъ); „вѣльно вамъ волю гетьманську и свою чинити, та не знаю, чи буде вондъ гараздъ, щобъ намъ поганцівъ за опекунівъ собі брати. Дастъ Богъ, наше військо може й само те справити, щдъ мы хочемо черезъ тихъ поганцівъ одъ Ляхівъ оборонитись и въ короля, пана нашего, кривды нашої дохдѣти“.

Слушатели закричали на это: „Гараздъ! Богъ ме *), гараздъ“! Но вмѣстѣ съ татарскою помощію пришелъ къ Хмельницкому и терроръ, а терроромъ уже и Царь Наливай завѣдывалъ ему подавлять козацкое разномысліе.

Долго скрывалъ Хмельницкій свои силы и свои намѣренія (въ этомъ онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ). Наконецъ какой-то козакъ-чатовникъ прицѣсь панамъ извѣстіе, что бунтовщикъ вышелъ изъ урочища Микитинъ Рогъ (въ которомъ стоялъ кошемъ и Павлюкъ), и идетъ берегомъ Днѣпра, чтобы стать въ жуть, образуемомъ Двѣпромъ и рѣкой Тясминомъ (подобіе тѣхъ вылъ на Сумѣ, въ которыхъ съ такимъ успѣхомъ оборонялся Гуна). Такъ какъ вѣрный козакъ не могъ добыть болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, то было рѣшено послать въ Дикія Поля сильный отрядъ, который бы отыскалъ непріятеля и привезъ отъ него къ гетманамъ плѣнниковъ. Только отъ нихъ можно было вывѣдать, сколько у Хмельницкаго войска и каковы его намѣренія.

Отрядъ былъ снаряженъ въ такомъ составѣ, чтобы онъ могъ не только открыть, но въ случаѣ удачи, даже истребить непріятеля. Онъ заключалъ въ себѣ 1.200 отборныхъ воиновъ съ 12 пушками и множествомъ походныхъ воевъ, которые, вмѣстѣ съ артиллеріей, представляли подвижной замокъ, способный выдержать атаку многочисленной толпы азіатцевъ, какъ этому былъ не одинъ примѣръ со времени славнаго и доблестнаго предводителя подольской шляхты, Мелецкаго. Еслибъ этому отряду не удалось разогнать христіано-магометанской орды, то, отступая въ порядкѣ и раздражая стѣнныхъ набѣдниковъ рыцарскими гордами, онъ долженъ былъ привести непріятеля въ такое мѣсто, гдѣ главное войско воспользуется своимъ превосходствомъ въ стратегіи и тактикѣ. Такъ было поступлено съ павлюковцами подъ Кутейвами. Такъ, очевидно, вознамѣрился Потоцкій поступить и съ хмельничанами.

Предводителемъ посылаемаго въ почепѣжскую степь отряда былъ назначенъ сынъ коронаго великаго гетмана, Степанъ Потоцкій, подъ руководствомъ опытнаго и ученаго ротмистра Шемберка, состоявшаго въ должности козацкаго комиссара. Множество азіатскихъ „панать“ вызвалось раздѣлить съ молодымъ Потоцкимъ опасности, труды и завыи степнаго похода. Подъ знаменемъ дома Потоцкихъ собрался цвѣтъ польскорусскаго рыцарства. Лучшіе кони, лучшіе снаряды, луч-

*) Богъ ме—сокращеніе словъ: „Богъ менѣ вѣи.“

шіе польскіе и русскіе боевые люди ручались главнокомандующему за успѣхъ предпріятія.

Но предпріятіе было всё-таки рискованное. Силы завязатаго бунтовщика были невѣдомы, а между тѣмъ изъ за Днѣпра пришло извѣстіе, что десятки тысячъ голодныхъ Крымцевъ „висать“ надъ Ворсклою и у Кременчуга. Страшно было старому гетману отпускать сына въ таинственную степь, съ которою козакъ и его конь, по выраженію молодого, слишкомъ рано угасшаго польскаго порца, составили одну дикую душу:

I przez puste bezdroża król pustyni rusza;

A step, koń, kozak, ciemność—jedna dzika dusza.*)

Призывалъ онъ къ себѣ лучшихъ представителей реестроваго козачества и, забывая, что Хмельницкій еще недавно былъ тѣмъ же, какъ они, орудіемъ законной власти, забывая даже собственное увѣреніе, что бунтовщикъ дѣйствуетъ въ заговорѣ, со всѣми полками, просилъ ихъ поддержать достойнымъ образомъ сухопутное войско, спускаясь въ постоянномъ сообщеніи съ нимъ, до Днѣпру. При этомъ Потоцкій старался внушить реестровикамъ отвращеніе къ татарскому быту запорожскихъ гультаевъ, невѣрному въ матеріальномъ отношеніи и позорному въ нравственномъ.

Основою внушенія служила ему мысль,—что козаки живутъ въ Украинѣ такъ же привольно, какъ и шляхта; что роптать на свое положеніе могутъ одни выписчики, эти баниты и инфамисы козачества; что паны, какъ землевладѣльцы и высшіе сановники, не только не тѣснили козаковъ, напротивъ нуждались въ добромъ съ ними согласіи для защиты отъ Татаръ и домашнихъ разбойниковъ; что и хлѣборобы украинскіе жили, „во всемъ изобильно, въ лѣбахъ, въ стадахъ въ насѣвахъ“, и что одни крамольники вооружали худшихъ изъ нихъ—то противъ панскихъ урядниковъ, то противъ Жидовъ-арендаторовъ.

Не сомнѣвался Потоцкій, что люди осѣдлые и домовитые подорожатъ своими достатками, своимъ почетнымъ положеніемъ, и не станутъ явшаться съ одичалыми дугарями, которые ведутъ въ Украину враговъ Св. Креста. Что же касается запорожской мстительности, которою мятежники обыкновенно стращали людей неподатливыхъ, то отъ нея, по его убѣжденію, реестровики были достаточно охранены присутствіемъ въ Украинѣ короннаго войска.

*) И летитъ пустынный бездорожьями царь пустыни, а степь, конь, козакъ, темнота, эта—одна дикая душа.

Въ отвѣтъ на рѣчь пана Краковскаго реестровникъ увѣрили его въ неизмѣнной преданности своей, поклялись изловить Хмельницкаго, какъ нѣкогда Сулиму, и онъ отправилъ ихъ на челнахъ внизъ по Днѣпру, въ тѣхъ видахъ, что сынъ его будетъ имѣть въ нихъ, на всякій случай, готовую поддержку.

Походъ молодаго Потоцкаго былъ обезпеченъ... Не даромъ козаки потомъ, въ своихъ революціонныхъ разсудіяхъ, приписывали старому гетману женскій разумъ (рѣзумъ жіночкый): онъ въ самомъ дѣлѣ показалъ легковѣріе женское, для котораго, въ извѣстныхъ случаяхъ, не существуютъ и тысячеклѣтія примѣровъ.

Искусному усмирителю козацкихъ бунтовъ оставалось, повидимому, только выбрать мѣсто, подобное Кумейкамъ, на которое бы, въ случаѣ невозможности поразить новаго Павлюка въ Дикихъ Поляхъ, Стефанъ Потоцкій навелъ его фальшивымъ бѣгствомъ. Такое мѣсто, по предварительнымъ развѣдамъ, находилось въ глубинѣ приднѣпровскихъ пустынь, за Чигириномъ. Туда онъ и двинулся по слѣдамъ сына. Все было принято имъ въ соображеніе, кромѣ одного—, что *step kon, kozak, ciemność—jedna dzika dusza.*“

Глава XV.

Битва на Желтыхъ Водахъ.—Битва подъ Бореунемъ.—Строительныя дѣйствія Москвы въ виду Польскаго разоренія.—Бозаки между Польшею и Москвою.—Гибель польскихъ трудовъ на русской почвѣ.—Пещера непокорныхъ враговъ со стороны московскаго царя.—Бунтъ въ Вишневецкѣй.

Хмельницкій принималъ всё мѣры для того, чтобы степь оставалась для пановъ нѣмою. Онъ зналъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ; зналъ и о томъ, что по Днѣпру спускаются реестровики. Онъ вышелъ въ Дикія Поля изъ-за Пороговъ съ восемью тысячами сбродной козачины, и всю надежду возлагалъ на татарскую помощь. Направляясь къ устью Тясмила и къ Цыбульнику, памятному по войнѣ 1625 года, послѣдователи Жмайла и Павлюка остановились при потокахъ Желтыхъ Воды, на вершинахъ степной рѣчки Саксагана, по-козацки—на Саксані^а. *) За Хмельницкимъ издали слѣдовалъ шпринскій князь Тогай, иначе Тогай-бей.

Этотъ знаменитый у Татаръ полководецъ, тому назадъ четыре года, былъ на Желтыхъ Водахъ съ 20.000 отборнаго войска, которое вскорѣ Конецпольскій, вмѣстѣ съ Вишневецкимъ, разбилъ на голову подъ Охматовымъ. Теперь онъ жаждалъ битвы съ панами, и ждалъ ихъ приближенія нетерпѣливо.

Скоро появился отрядъ Стефана Потоцкаго. Солнце склонялось къ западу. Никто не рѣшался начать битву. Молодой Потоцкій поджидалъ козацкой флотиліи.

*) Когда козацкіе кобзаріи возбуждали къ бунту горожанъ и сельскую чернь, они пѣли, будто бы жиды заарандовали *всі козацкіе рѣки*. Эти заарандованныя рѣки помѣщали кобзаріи не въ Дикіихъ Поляхъ, а на *слабій Украині*. Первая изъ невозможныхъ для жидовъ рыболовныхъ арендъ находилась, по кобзарской думѣ, на Самарі, вторая—на Саксані, третья—на Гнилій, четвертая—на Прошойной, иначе на Пробойной (по Мапроцкому, существовала Пробойный Шляхъ), пятая—на річці Булесці.

Но чаты, или разѣзды, Хмельницкаго вошли уже въ сношенія съ реестровиками. Узнавъ, что Хмельницкій ведетъ за собой 40.000 Татаръ, реестровые воевы не устояли противъ страха запорожской мести надъ ихъ семьями, надъ ихъ имуществомъ и противъ соблазна быстрого обогащенія на счетъ пановъ. Вѣрные правительству полковники были перебиты, и Хмельницкій привезъ къ себѣ дѣйровскихъ аргонавтовъ на татарскихъ лошадяхъ.

Вѣсть объ этомъ извѣдомыхъ панамъ Дѣкихъ Полей долетѣла къ литовскому канцлеру Радзивилу въ такомъ видѣ:

„Гетманы отправили противъ Хмельницкаго 4.000 козаковъ съ ихъ полковниками (Ильясомъ) Вадовскимъ, Гуровскимъ и Кричевскимъ. Они падали на построенную Хмельницкимъ небольшую крѣпость, и прогнали оттуда козаковъ, которыхъ было 50. Между тѣмъ козаки (на Дѣбрѣ), сдѣлавши заговоръ съ Хмельницкимъ, произвели между собою бунтъ, схватили королевскія хоругви и буздыганы, *) перерѣзали всѣхъ вѣрныхъ королю козаковъ, и послали нѣсколько хоругвей за Кричевскимъ и Барабашемъ. Когда они были приведены, ихъ обезглавили мечемъ, равно какъ и Гурскаго, Вадовскаго Ильша, котораго я лично зналъ, Коліняку (Kolenaке), Олексу, Гайдученка, Нестеренка и другихъ знатныхъ козаковъ; потомъ избрали вождемъ Дзеджалу (Działatusza) и соединились съ Татарами“.

Извѣстіе объ измѣнѣ реестровиковъ смутило коронное войско, окруженное многочисленнымъ непріателемъ. Но въ отрядѣ молодаго Потоцкаго находился знаменитый въ послѣдствіи воинъ, — Чарнецкій, — очевидно, потомокъ Русина *Чернецкаго*. Онъ ободрилъ другихъ вождей. Послали вѣстника къ короннымъ гетманамъ; рѣшились противопоставить военное искусство европейское азіатской тактикѣ, д, зная, что у Хмельницкаго всего пять пушекъ, да и то плохихъ, надѣялись отсидѣться до прихода выручки.

Эту надежду разрушила новая измѣна. Въ отрядѣ Стефана Потоцкаго было всего 300 шляхтичей. Остальное войско состояло изъ драгунъ пана Сѣнявскаго (опять имя русское), намербованныхъ въ малорусскихъ провинціяхъ, да изъ надворныхъ панскихъ козаковъ, въ которые вступали большею частью воевскіе вѣстичики. Драгуны сомѣивались въ возможности отсидѣться въ степи, имѣя 50 человекъ противъ одного, и послѣдовали примѣру реестровиковъ, а надворные

*) Буздыганы — знакъ власти: булава, перчатъ и „просто“ чевѣкъ, показавши кельпъ.

козаки, въ свою очередь, доказали, что не у одного старика Потоцкаго былъ довѣрчивый „розумъ жинѳцькій“, не соображавшій того, что простонародная Русь не была еще колонизована подобно Потоцкимъ, Чернецкимъ, Сопігамъ (по-польски Sapięha) и другимъ потомкамъ тѣхъ, которые, во времена оны, бились недалеко отъ Желтыхъ Водъ на рѣкѣ Калкѣ.

Но умъ умомъ, а боевое мужество мужествомъ. Триста шляхтичей были тоже почти исключительно Русичи, только по вѣрѣ, по языку и обычаю назывались, какъ и сыновья князя Василя, Поляками. Въ настоящемъ случаѣ три сотни польскорусскихъ, или рускопольскихъ, шляхетныхъ витязей не уступали въ стойкости и рѣшимости Фермопильскимъ Грекамъ. Они замкнулись въ четверугольникѣ, построенномъ изъ походныхъ воевъ и. отступая въ видѣ подвижнаго зѣмба, два дня отпугивали козакотатарскія полчища. Но хлынулъ дождь, быть можетъ, вызванный изъ сотрясеннаго воздуха ихъ же пальбою; отсырѣлъ порохъ; измученные чрезвычайными усиліями войны едва двгались.

Между тѣмъ козаки отняли у нихъ воду, и Хмельницкій прислалъ къ Стефану Потоцкому его письмо къ отцу, перехваченное козацкими чатовниками. Бунтовщикъ предложилъ героямъ панской республики условія капитуляціи. „Мы не можемъ трактовать съ вами о нашихъ дѣлахъ“ (говорилъ онъ), „потому что между вами нѣтъ ни сенатора, ни уполномоченнаго, которому бы мы могли объяснить, что заставило насъ взяться за оружіе. Отдайте намъ ваши пушки, и ступайте себѣ съ миромъ домой“.

Потоцкій потребовалъ отъ козаковъ присяги, точно какъ будто присяга была дѣломъ надежнымъ не только въ Козацкомъ народѣ, но и въ Шляхетскомъ. Козаки присягнули по-іезуитски, тая въ сердцѣ иное *namъреніе*. Пушки были отвезены въ таборъ Хмельницкаго.

„Это встаети козакамъ!“ восклицаетъ козацкій историкъ сочувственно, рассказывая, какъ Хмельницкій обратилъ полученныя вѣроломствомъ пушки противъ трехсотъ воиновъ, и забывая, что козаки, черезъ десятокъ лѣтъ, поступали еще вѣроломнѣе съ московскими ратями.

Но и подъ выстрѣлами собственной артиллеріи шляхетные рыцари продолжали еще бороться съ козако-татарскою ордою. Она шла въ сомкнутомъ четверугольникѣ до тѣхъ поръ, пока козаки, заскакавши впередъ, не завалили имъ дорогу срубленными деревьями на днѣ степной западины, носившей имя Княжихъ Байраковъ, можетъ быть, еще со временъ Варягорусскихъ князей. Тогда Хмельницкій раз-

билъ пушками подвижную крѣпость въ щепы, и бросился съ Татарами на недобитковъ. Стефанъ Потоцкій, весь покрытый ранами, былъ взятъ почти мертвый въ плѣнъ. За нимъ и остальные положили оружіе. Голову комиссара Шемберка Хмельницкій приказалъ носить на жерди передъ своимъ побѣдоноснымъ воинствомъ. Чернецкаго и Соцігу оставилъ у себя въ плѣну; остальныхъ увели въ неволю Татары.

Въ какомъ бы отношеніи ни была замѣчательна Желтоводская битва, для насъ, Малоруссовъ, она незабвенна тѣмъ, что, въ числѣ плѣнниковъ, достался здѣсь Хмельницкому шляхтичъ православнаго исповѣданія, Иванъ Выговскій, извѣстный въ исторіи, какъ его ближайшій другъ, его alter ego, его преемникъ въ коварствѣ и предательствѣ. *)

Итакъ новый козацкій противъ польскорусскихъ пановъ бунтъ заявилъ о себѣ кровопролитіемъ. Изъ-за чего же взбунтовались козаки?

Украинскіе кобзари пѣвали намъ, будто они встали за „христіанскую вѣру“; малорусскіе лѣтописцы, устами даже лучшаго изъ нихъ, твердили намъ, будто бы „початокъ и причина войны Хмельницкаго есть едино отъ Ляховъ на православіе гоненіе и козакомъ отягощенія“; козацкіе историки, вмѣстѣ съ почтенными археографами, увѣряли насъ, будто бы козаки „возстали за жестокія угнѣсенія жителей Малороссійской Украины, претерпѣнныя ими отъ Поляковъ въ вѣрѣ, чести, имуществѣ и самой жизни“; наконецъ, сами козаки представляли себя московскому царю „помирающими за старожитную греческую вѣру и за свои вольности, заслуженныя кровью“.

Но въ первой манифестаціи желтоводскихъ героевъ чести и вѣры нѣтъ и помину о вѣрѣ, хотя свою рыцарскую честь обнаружили они весьма выразительно. Эта манифестація, извѣстная подъ именемъ „Реестра козацкихъ Кривдъ“, писана самимъ Хмельницкимъ, и заключаетъ въ себѣ почти исключительно его личныя обиды. Такъ какъ очевидно, что передъ королемъ Владиславомъ и его правительствомъ нельзя было говорить небывальщину, которую въ послѣдствіи козаки

*) Выговскаго называютъ волынскимъ шляхтичемъ, тогда какъ слава рожденія столь знаменитой личности принадлежитъ Землѣ Бѣвской. Еще въ царствованіе Сигизмунда I, предки Ивана Выговскаго, овручскіе бояре Лучичи, купили у королевы Боны, торговавшей, какъ извѣстно, подъ рукою у короля, должностями и пожалованіями, „пустовскую землю въ Бѣвскомъ повѣтѣ, называемую Скопчовскою, въ Выговѣ, съ обязательствомъ служить съ этой земли земскую службу. Выданную имъ жалованную грамоту Сигизмундъ I, въ 1541 году, подтвердилъ по ходатайству Боны, а въ 1611 и въ 1632 подтвердилъ ее Сигизмундъ III.

прожужжали уши царю Алексію Михайловичу, то этотъ документъ слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду при дальнѣйшемъ повѣствованіи, затрудненномъ сказками историковъ, „для истины тупыхъ и равнодушныхъ“. Онъ гласитъ слѣдующее:

„1. Его милость панъ Чаплинскій, урядникъ чигиринскій, выпросилъ у покойнаго пана Краковскаго себѣ хуторъ, собственный наслѣдственный Хмельницкаго, королевское пожалованіе, утвержденное нынѣшнимъ его милостію королемъ; куда набѣжавши панъ Чаплинскій на заселенныя слободы съ голоднымъ народомъ, захватилъ все гумно, то есть 400 копь хлѣба, и ограбилъ хозяйство.

„2. Тотъ же панъ Чаплинскій, злобствуя на Хмельницкаго за преслѣдованіе его судомъ за его насилія, сына Хмельницкаго, десятилѣтняго мальчика, велѣлъ такъ избить канчуками среди рынка, что его принесли еле жива, и онъ вскорѣ умеръ.

„3. Панъ Коморовскій, зять этого Чаплинскаго, влялся нѣсколько разъ передъ козаками, что если не совладають съ Хмельницкимъ, то непременно велятъ его убить.

„4. Его милость панъ хорунжій коронный, идучи теперь, послѣ пораженія Татаръ, изъ Запорожья, велѣлъ взять Хмельницкаго подъ стражу и снять ему голову. Когда Хмельницкій хотѣлъ жаловаться на это пану Краковскому, то по дорогамъ были засады.

„5. Въ 1646 году, когда Хмельницкій, добывъ двухъ Татаръ, представилъ ихъ пану Краковскому,—въ его отсутствіе, взяли у него поволопцину и въ конюшнѣ сѣраго коня, на которомъ онъ хаживалъ въ Дикія Поля.

„6. Чтѣ понравится панамъ урядникамъ украинскимъ въ козацкомъ домѣ, берутъ насильно. Козацкая жена, козацкая дочка должны тогда плясать, когда имъ заиграють.

„7. О таковыхъ обидахъ его милость панъ Краковскій писалъ нѣсколько разъ къ урядникамъ и державцамъ съ выговоромъ; но это не помогло нимало.

„Теперь Хмельницкій, когда ѣхалъ со своимъ полковникомъ, въ прошломъ году, противъ Татаръ, которые набѣжали было на Чигиринъ,—нѣкто панъ Дашевскій, какъ его называютъ, Ляхъ, подученный вѣмъ-то изъ старшины, заѣхавъ сзади, ударилъ его по головѣ такъ, что спасла его только мисюрка, а то бы разсѣкъ голову. Когда Хмельницкій спросилъ его: чтобъ это значило? онъ отвѣчалъ: „Я думавъ, братіку, що ты Татаринъ“.

„Эту обиду Хмельницкій считаетъ наибольшею, тѣмъ болѣе, что

его нѣкто Пешта, хамъ, козакъ, оболгалъ (*sinistre tradukował*) передъ его милостью паномъ хорунжимъ, якобы онъ думалъ выпроводить армату на море. За это его милость панъ хорунжій, при другихъ относительно Чаплинскаго претензіяхъ, прогнѣвался и велѣлъ наступить на жизнь Хмельницкаго, и тогда Хмельницкій, не зная уже, къ кому обратиться, отправился на Нивъ къ другимъ подобно ему обиженнымъ, которыхъ немало живетъ по тамошнимъ низовымъ краямъ и по морскимъ островамъ, и они избрали Хмельницкаго своимъ вождемъ (*dicem sobie obrali*)^с.

Кого обиженные низовцы избрали своимъ вождемъ, тому надобно было хвататься за все, чѣмъ интересовались безпкойные люди всякаго званія и состоянія. Для украинскаго населенія, для малорусскихъ городовъ и даже для нашихъ пановъ, которые говорили уже, писали и думали по-польски, вѣра была важнѣе *козачихъ* обидъ, которыми войсковой писарь возбудилъ мятежный запорожскій духъ, — и однакожъ онъ умолчалъ о вѣрѣ. Она, какъ ему самому, такъ и всѣмъ участникамъ его бунта пришла въ голову только тогда, когда бунтъ вовсе неожиданно перешелъ за предѣлы интересовъ козацкихъ.

Послѣ своей побѣды на Желтыхъ Водахъ, двинулись козаки изъ Дѣкихъ Полей къ такъ называемымъ Городамъ, иначе къ Городовой Украинѣ, и расположились у самаго крайняго города, Крылова, надъ рѣчкою Цыбульникомъ. Многіе изъ нихъ помнили 1625 годъ; многіе стояли здѣсь подъ пушками Станислава Конецпольскаго. Весьма бытъ можетъ, что тѣ самыя пушки везли они теперь противъ его наслѣдника, котораго добра прикрывалъ жолнерами полевой гетманъ Калиновскій, зная, на кого изъ магнатовъ злится Хмельницкій, какъ злился въ свое время Косинскій на князя Острожскаго: ибо въ такомъ видѣ представлялся тогда бунтъ войсковаго писаря. Самъ Александръ Конецпольскій находился въ это время въ своихъ червонорусскихъ Подгорцахъ. Тамъ онъ получилъ изъ Украины извѣстіе, что и князь Вишневецкій „отъ своей Руси въ великомъ страхѣ и опасности“^с. Коронный хорунжій спѣшилъ въ новыя осады, и взялъ съ собою изъ старыхъ 10 пушекъ.

Въ Подгорцахъ о движеніи козаковъ знали уже 21 (11) мая, но ничего не вѣдали въ лагерь гетмана Потоцкаго: такъ искусно былъ онъ окруженъ козаками и татарскими чатами. Хмельницкій пресѣкъ всякое сообщеніе между атакованнымъ отрядомъ и главнымъ войскомъ. Сколько ни посылалъ Николай Потоцкій такъ называемыхъ подѣздовъ для добыванія вѣстей, — его жолнеры, даже изъ Татаръ и Волоховъ, попадали въ руки хмельничанамъ, или же привозили извѣ-

стія неопредѣленныя. О положеніи передоваго полка онъ только и узналъ, что „слышна издали сильная пальба въ Кляжихъ Байракахъ“.

Между тѣмъ отъ короля было получено новое внушеніе. Король писалъ, черезъ короннаго канцлера, что намѣренъ самъ ѣхать въ Украину и своимъ присутствіемъ привести Хмельницкаго къ покорности, а потому повелѣвалъ короннымъ гетманамъ выйти изъ Украины: ибо „они рискуютъ войскомъ въ странѣ, которая извѣстна имъ очень мало, а козакамъ—очень хорошо“.

Справедливость этихъ словъ была поразительна. Потоцкій видѣлъ, что, добываясь напрасно вѣстей о Хмельницкомъ, онъ только открываетъ ему свое положеніе. Незримые для жолнеровъ среди своихъ пустынь, козакъ сторожили всѣ ихъ движенія, и ловили „языковъ“ для своего гетмана. Но Николай Потоцкій былъ волею на Хмельницкаго за покушенія сорвать съ него лавры, а этими лаврами онъ, по словамъ великаго Конецпольскаго, проложилъ себѣ дорогу къ бессмертной славѣ, которая (писалъ Конецпольскій къ Владиславу IV), не умолкнетъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать Рѣчь Посполитая. Бумейскій побѣдитель загнался въ Дикія Поля для того, чтобъ уничтожить въ самомъ началѣ дерзостное покушеніе.

Теперь, боясь быть отрѣзаннымъ отъ Городовой Украины въ странѣ Печенѣговъ и Торговъ, коронный великій гетманъ двинулся обратно въ страну Варягоруссовъ, какъ это дѣлали бывало его русскіе предки, чтобы поставить себя подъ защиту „вѣрнѣннхъ городовъ“.

Когда предводимое имъ войско достигло древнерусскаго Поросія и миновало Ярославскій Корсунъ, возстановленный Баторіемъ, Хмельницкій, въ сопровожденіи Татаръ, настигъ его, окружилъ со всѣхъ сторонъ и принудилъ къ битвѣ, которая повернула круто судьбу Королевской Республики. Поворотное событіе произошло 26 (16) мая, между Корсунемъ и Стебловымъ, на лѣвомъ берегу Роси.

По донесенію участника битвы, шляхтича-слуги, Кристофа Любомирскаго, Раецкаго, писавшаго отъ 28 (18) мая изъ Полоннаго, дѣло происходило такимъ образомъ:

Хмельницкій съ 40.000 Татаръ подошелъ къ панскому войску 25 (15) мая. Козакъ захватили лагерь Потоцкаго въ весьма неудобномъ мѣстѣ, такъ что надобно было окружить его шанцами. Сдѣлавъ это, паны вышли въ поле, и провели остатокъ дня въ гарцахъ. Когда войско сошло съ поля, Потоцкій велѣлъ готовиться на утро въ походъ *таборомъ*. Внутри помѣстилъ онъ лошадей, а все войско, окруживъ таборъ, шло пѣшкомъ въ боевомъ порядкѣ. Въ передней части табора находился коронный великій гетманъ, а въ задней—полевой.

О распоряженіи Потоцкаго Татары и козаки знали уже ночью, не смотря на то, что приказъ былъ протрубленъ тихо „сквозь мундштукъ“. Они отправили всю свою пѣхоту впередъ, съ пушками. Лишь только панскій таборъ двинулся, орда наступила на него сильно со всѣхъ сторонъ. Но отъ пушечной и ружейной пальбы густо падалъ татарскій и козацкій трюпъ. Татары отступили, и вмѣстѣ съ козаками провожали таборъ издала, пока не навели его на лѣсную засѣку. Здѣсь густая перестрѣлка шла съ утра до полуночи. Пользуясь густотой заросли и съюзившеюся дорогой, орда снова начала напирать сильно со всѣхъ сторонъ. Въ обозѣ падало много лошадей. Непріятель оторвалъ едва не третью часть панскаго табора, но артиллерія была еще цѣла.

Такъ панское войско (по разсказу Раецкаго) прошло около мли въ сильной перестрѣлкѣ, наконецъ и въ рукопашномъ бою. На самомъ выходѣ изъ лѣса находились два глубокіе оврага (*wortebv*), одинъ противъ другаго, а за ними—пасѣна, поросшая высокими деревьями. Въ этомъ мѣстѣ были поставлены въ непримѣтной засадѣ, на дорогѣ, пушки и съ боковъ и впереди. Когда панское войско вступило съ таборомъ въ эту западню, грянула густая пальба. Правое крыло очутилось передъ непріателемъ. Впереди у него былъ вырытый козаками ровъ, съ одной стороны—таборъ, а съ другой—засѣка и такой же ровъ. Между тѣмъ какъ жолнеры были заняты боемъ, впереди табора Татары и козаки овладѣли артиллеріей. То же самое произошло и сзади табора. Тогда Татары пошли на проломъ черезъ таборъ, взяли въ плѣнъ обоихъ коронныхъ гетмановъ, черниговскаго каштеляна, Яна Одривольскаго, и богатаго магната, львовскаго старосту Сѣнявскаго.

Не знали еще этого срединныя хоругви, боровшіяся на крыльяхъ. Пользуясь зарослями, эти хоругви обстрѣливали таборъ, который началъ уже опрокидываться въ яры. Между тѣмъ челядь, сидѣвшая на господскихъ лошадяхъ, слыша, что гетманы въ плѣну, бросилась вонъ изъ табора. Часть орды пустилась въ догонку, другая часть, вмѣстѣ съ пѣшими козаками, наступила на защитниковъ табора. Панское войско было разорвано на части. Одни легли труномъ; другихъ перехватили живьемъ. Ушли только тѣ, которые оборонною рукой добрались до лошадей. Въ бѣгствѣ спасло ихъ только то, что орда сперва гналась за бѣглецами, а потомъ въ туманѣ не распознавала и собственныхъ ѣздовыхъ. Кромѣ того, множество Татаръ и козаковъ увлеклось грабежемъ панскаго обоза. За бѣгущими гнались по двѣ, по три, по четыре мили и многихъ настигли.

Самъ Раецкій, первый историкъ достопамятной битвы, спасся, по его словамъ, чудомъ Божиимъ. Онъ былъ раненъ козачьей пулей выше глаза и татарской стрѣлою въ ногу. Въ это время Татаринъ оглушилъ его, ударивъ кистенемъ (kiścieniem) по шипаку. Когда онъ очнулся въ кустѣ и ждалъ уже смерти, подоспѣлъ къ нему товарищъ и, обстрѣливая, далъ ему коня-подъѣздка, который и вынесъ его изъ побоища.

Конные бѣглецы обгоняли множество пѣшихъ, но пѣшихъ (разсказывалъ Раецкій) мужики избивали по дорогамъ.

Разспрошенный вслѣдъ затѣмъ кѣмъ-то бѣглый мушкетеръ дополнилъ, сколько позволяла ему тревога, сказаніе панскаго слуги слѣдующими подробностями:

На помощь тому табору, который былъ у Желтыхъ Водъ, паны гетманы шли, не имѣя больше пяти тысячъ войска. Квартяныхъ было 3.000, волонтеровъ 2.000. Полковниковъ было два: черниговскій каштелянъ, Одривольскій, и „оберстеръ“ Денгофъ; ротмистровъ квартяныхъ гусарскихъ только два: Сѣнявскій и Болобанъ (по-польски Bałaban), а козачьихъ (легко вооруженныхъ) три: Коморовскій, Гдешинскій, Олдаховскій; капитановъ четыре: Бѣгановскій, Гордонъ, Лавестуди, Флигъ; волонтеровъ-полковниковъ три: одинъ — Сѣнявскаго, другой — князя Вишневецкаго, третій — Замойскаго.

Было это войско уже за Чигириномъ, только въ 16 миляхъ отъ Желтыхъ Водъ. Уже были готовы и хорошіе шанцы, а когда пришло извѣстіе о великой силѣ непріятеля, хотѣли окопать и таборъ. Потомъ, неизвѣстно почему, 13 (3) мая, перенесъ панъ Краковскій обозъ на полмили по сю сторону Чигирина. Единственное извѣстіе объ уничтоженіи желтоводскаго войска, какое можно было добыть во все время похода, состояло въ томъ, что панскіе развѣдчики слышали издали пальбу въ Княжихъ Байракахъ.

Отступая, панское войско стояло два дня надъ Днѣпромъ подъ Боровицею, памятною Потоцкому по выдачѣ Павлюка съ товарищами. Теперь, можетъ быть, онъ и пожалѣлъ, затѣмъ было раздражать козаковъ нарушеніемъ данной имъ Адамомъ Киселемъ присяги, что жизнь ихъ будетъ пощажена!

Непріятель взялъ такіа мѣры относительно развѣдчиковъ, что изъ четверыхъ ѣздоковъ, осмѣлившихся чатовать за большую плату „для языка“, двое попали сами въ языки козакамъ, а изъ двоихъ, спасшихся бѣгствомъ, продавшійся панамъ Татаринъ (Tatarzyn Przedajczyk) прискакалъ лежа у коня на крестцѣ, тяжело раненный саблею въ зашей.

Хмельницкій достигалъ своей цѣли: въ неизвѣстности о судьбѣ сына, Потоцкій простоялъ еще и подъ Черкасами два дня, тогда какъ ему, съ 5.000 воиновъ, надобно было убираться за добра ума въ Городовую Украину, за Рось. Только 19 (9) мая узналъ онъ о поражениі своего драгоцѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ отряда, но подробно ли узналъ, неизвѣстно. Наконецъ, миновавъ уже Корсунь, знали паны, что Татары переправляются черезъ Тасминъ, у мѣстечка Тясмина. *) Потоцкій сталъ окапываться, а Корсунь отдалъ жолнерамъ на разграбленіе, чтобъ не достался неприятелю.

Рано утромъ 25 (15) мая видать было въ зрительную трубу неприятельское войско въ бѣлыхъ сермягахъ. Догадались, что это козаки (*козаки-бляжи*, какъ называетъ ихъ кобзарская дума, въ отличіе отъ старшины). Но едва солнце начало всходить, какъ появился татарскій полкъ на другомъ берегу Роси, съ противоположной стороны Корсуни, потомъ и другой, и третій. Одни переправлялись ниже Корсуни, другіе—черезъ Корсунь (придерживаюсь точныхъ словъ реляціи). Потоцкій велѣлъ зажечь городъ. Все сгорѣло, кромѣ замочка и церкви въ сторонѣ.

Въ виду неприятеля панское войско стояло цѣлый день въ полѣ, занимаясь герцами. Въ прощальной стичкѣ на ночь захватили паны девятерыхъ Татаръ и козацкаго бута, то есть переводчика. На пыткахъ они показали, что Татаръ 47.000, что въ тотъ же день къ Хмельницкому пришло болѣе 15.000 козаковъ, и что у хана еще больше силы въ Днѣхъ Поляхъ. „Послѣ этой исповѣди“ (говорилъ мушкатеръ) „имъ отсѣкли головы“.

Калиновскій (продолжаетъ реляцію) весь этотъ день наставлялъ на томъ, чтобы дать битву; но Потоцкій боялся подвергать опасности Посполитую Рѣчь, и говорилъ, что понедѣльникъ всегда былъ для него въ бою днемъ несчастнымъ. Наконецъ рѣшился отступить.

Отданъ былъ приказъ готовиться въ походъ, оставить всѣ тяжелые возы, взять одни легкіе, для таборованья. Двинулись по корсунской дорогѣ къ Богуславу.

Когда дошли до „несчастной дубровки подъ Гороховымъ“ (разсказывалъ мушкатеръ), начался неприятельскій натискъ; возы опрокидывались; таборъ наткнулся на поперечные рвы, которыми козаки перекопали дорогу...

*) Можетъ быть, это было древнее „селище, Родивонова на Тясминѣ и съ пасѣнами“, которое князь Федоръ Глинскій „выслужилъ на князи Александръ (литовскомъ) и на князь Семенъ (киѣвскомъ)“ „Акты Западной Россіи“, I, № 158.

Это было то пагубное дѣло Хмельницкаго и тотъ важный недо-
смотръ пановъ полководцевъ, о которомъ кобзарскія думы сохранили
память въ слѣдующемъ обращеніи воездекаго гетмана къ своимъ за-
тяжцамъ:

Гей, друзі молодці,
Братте козакі запорозці!
Добре дбайте, барзо гадайте,
Відь села Ситниківъ до города Корсуня
Шляхъ канавою перекопайте,
Потдцького пійшайте,
Мені въ руки подайте.

Гибельная мѣстность, по лѣтописному извѣстію, называлась Кру-
тою Балкою. Паны (разсказывалъ мушкатель) оборонялись въ ней че-
тыре часа. Былъ слухъ, что легло у нихъ на мѣстѣ 500 бойцовъ;
остальные, кромѣ разбѣжавшихся, взяты въ плѣнъ.

„Страшное превращеніе наступило въ нашемъ отечествѣ!“ (пи-
салъ къ примасу Адамъ Кисель отъ 31 (21) мая). „Непобѣдимое для
турецкаго императора и столькихъ монарховъ, оно побѣждено однимъ
взмѣнникомъ козакомъ... Теперь уже рабы господствуютъ надъ нами...
Откуда мы черпали всяческую силу отечества, всѣ украинныя провин-
ціи взяли они у насъ, какъ свои, саблею... Киевское, Брацлавское,
Черниговское воеводства пазываютъ они своими; грозятъ Волини, По-
долии (червоно)русскаимъ землямъ. Такъ внезапно, такъ тяжело этотъ
непріятель растопталъ польскую славу и драгоцѣнное отечество наше!“

Оплакавъ такимъ образомъ то, что было неизбежно въ силу пе-
редѣлки шляхетной Руси въ *Ляхву* и въ силу польской неурядицы,—
то, чѣмъ судьба грозила Польшѣ издавна,—Кисель обращается къ
причинамъ гибельнаго бунта. „Я видѣлъ“ (пишетъ онъ), „что козаковъ
угнетали и безпощадно убивали больше, нежели простыхъ хлоповъ
(*Widziałem kozaków plus, quam prostych chłopów oprzesos i pes-
sime trucidatos*).“ Но замѣчательно, что, будучи присяжнымъ право-
славникомъ, не упоминаетъ онъ здѣсь вовсе о церкви и вѣрѣ; а къ
кому бы, если не къ примасу, да еще къ такому, который чуждался
уніи, могъ онъ обратиться теперь съ православными сѣтованіями на
религіозную нетерпимость католиковъ, когда бы она вооружила коза-
ковъ и сдѣлалась причиною общаго несчастія Полякоруссовъ!

Черезъ четыре дня послѣ Киселя писалъ львовскій синдикъ од-
ному изъ придворныхъ: „Кончено съ нами, мы погибли! (*actum est de
nobis, perimus!*)“—и это было чувство вѣрное... Корсунскіе недобит-
ки разсказывали во Львовѣ, что Николай Потоцкій, въ теченіе 20

дней, не могъ добыть никакой вѣсти о судьбѣ сына, несмотря на великія награды развѣдчикамъ своимъ, что Шемберку сперва отсѣкли руки (его подозрѣвали въ утайбѣ козацкаго жолда), а потомъ будто бы Хмельницкій собственноручно снялъ ему голову; *) что Татарская орда представляла уже не разсыпчатую толпу, какъ прежде, а стройную милицію; что непріятель наступалъ на панское войско свирѣпо и съ увѣренностью въ успѣхъ, а паны предавались паникѣ и предчувствовали поражение; что украинская чернь предана Хмельницкому и называется его своимъ освободителемъ, а самъ онъ титулуется себя русскимъ княземъ. По словамъ синдика, во Львовѣ былъ сильный всполохъ, точно какъ бы козаки могли появиться въ городѣ ежедневно и еженочно. Были отворены одни только ворота, загроможденные стеченіемъ народа съ его пожитками. „Воины среди рынка, воины въ ратушѣ, воины на стѣнахъ“, писалъ синдикъ. Боялись тайныхъ козней со стороны греческой вѣры. Каждаго пугалъ слухъ, что Хмельницкій разослалъ 70 козаковъ по всей Польшѣ для поджога городовъ. . .

Еще большій всполохъ произошелъ въ Варшавѣ. Литовскій канцлеръ записалъ въ своемъ дневникѣ о козакахъ, что, „когда бы ихъ не приудержала Божія сила, то навѣрное могли бы они пройти до самаго Кракова и Варшавы безъ всякаго отпора. Ибо таковой страхъ овладѣлъ всѣми, что больше думали о бѣгствѣ, нежели о защитѣ, и хотя подобное бѣдствіе постигло Королевство въ 1620 году, когда гетманы были разбиты, одинъ убитъ, а другой взятъ въ плѣнъ, однакожь это произошло не въ Королевствѣ и не безъ короля, предъ наступленіемъ зимы и во время внутренняго спокойствія, а теперь—въ самихъ внутренностяхъ Королевства, въ самую весну, отъ вѣроломныхъ подданныхъ: ибо не только козаки подняли бунтъ, но и всѣ подданные наши на Руси пристали къ нимъ, „и увеличили козакамъ войско до 70.000, да и больше еще прибывало къ нимъ русскихъ хлоповъ, только Хмельницкій отсылалъ ихъ къ повинутому плугу“.

Когда литовскій канцлеръ записывалъ такіе страхи въ своемъ дневникѣ, канцлеръ коронный получилъ отъ Жовковскаго-Глуха изъ Львова слѣдующее донесеніе:

„Только что прибѣжалъ изъ подѣзда, ходившаго къ Дубну. Пишу, что видѣлъ. Его милость панъ Сѣнявскій прибылъ передъ тѣмъ въ Межибожъ въ сермягѣ и длинной сорочкѣ. (Только въ мужицкѣй

*) Шемберкъ былъ житель города Львова, какъ и комендантъ Бодацкой крѣпости, которому козаки также отсѣкли руки.

одеждѣ могъ онъ добратъся до своихъ имѣній). Панъ Яскульскій (слуга Николая Потоцкаго) съ нимъ. Долженъ (Сѣнявскій) заплатить за себя 20.000 червонныхъ злотыхъ Тогай-бею... Двоихъ (плѣнныхъ) Татаръ отдали пану вкраковскому воеводѣ (Любомирскому), третій въ Острополѣ. Этотъ былъ въ радѣ, когда козаки прощались съ Татарами и обѣщали платить имъ ежегодно дань, а Татары должны придти по увѣдомленію со всею ордою. Поэтому не пойдутъ въ Крымъ, а тутъ отдыхаютъ въ Поляхъ съ этой стороны Днѣпра въ кутахъ (на budziakach). Другое условіе: чтобы не брали (въ ясырь) людей греческой религіи, а только Ляховъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоишь подѣ Бердичевомъ, не взяли ничего у пана кіевскаго воеводы (Тишковича), который находится въ Заславѣ, гдѣ собирается наше войско, только всюду пьянствовали Татары позорно. Если кого изъ нихъ взяли (въ плѣнъ), то очень пьянаго: ибо у одного пана кіевскаго воеводы (въ имѣніяхъ) выпили 20 бочекъ вина. Въ Быстрикѣ не взяли ни малѣйшей вещи; иногда тайно держали Русина... Но когда Татары, отдохнувъ, возвратятся, то будутъ брать (ясырь) и бить (негодныхъ для ясыря)... Ихъ 120.000. Козаковъ стоишь подѣ Бѣлою Церковью 30.000, и Хмельницкій велѣлъ всей Украинѣ быть наготовѣ. Каждый хлопь или убилъ своего пана, или выгналъ въ одной одеждѣ съ душою и дѣтьми. Города переполнены всендзами, шляхтою. Хмельницкій разослалъ шпионовъ, чтобы доносили ему о нашихъ приготовленияхъ, о числѣ нашего войска въ полѣ, и гдѣ будутъ его стягивать. Панъ Радецкій схватилъ одного подѣ Дубномъ, а другаго подѣ Константиновымъ. Все сказали тотчасъ, согласно съ Татарами. Въ пятницу одного посадили на колъ въ Константиновѣ, а другой еще живъ“.

Сводя въ одно все высказавшіяся въ панскомъ обществѣ мнѣнія о Корсунской катастрофѣ, историкъ останавливается на томъ, что высказалъ прибѣжавшій домой въ сермягѣ и мужицкой сорочкѣ потомокъ знаменитаго изслѣдователя Татарскихъ Шляховъ. У его отца находился въ плѣну Тогай-бей, и панъ Сѣнявскій не только возвратилъ ему свободу, но еще далъ въ провозатые 60 всадниковъ. Помня благодаренія, Татаринъ показалъ, что и онъ не хуже козаковъ—пиратовъ, которые по разказу кіевскаго Русича, Песочинскаго, являя купцамъ Грекамъ *opus misericordiae*, захватывали у нихъ деньги да товары. Тогай-беево *opus misericordiae* состояло въ томъ, что онъ за свободу молодаго Сѣнявскаго назначилъ 20.000 червонцевъ и отпустилъ его на честное слово. Но плѣнный коронный великій гетманъ поручился за него. И однакожь, Сѣнявскій положительно высказывался, что Потоцкій подѣ Корсунемъ потерялъ бодрость духа. По

словамъ Сѣнявскаго, онъ окопался было на удобной позиціи, имѣлъ въ обозѣ аммуниціи и съѣстныхъ припасовъ на два или на три мѣсяца, и могъ бы дать отпоръ непріятелю; но не послушался совѣта опытныхъ воиновъ, и согласился съ мнѣніемъ людей неизвѣстныхъ. Робость его сообщилаь и другимъ, несмотря на мужество и опытность. Такъ разсказывалъ львовскій староста Сѣнявскій, и весьма правдоподобно. Потеря сына и самая неизвѣстность о его судьбѣ и судьбѣ отряда, составлявшаго цвѣтъ панскаго войска (*nos militiae nostrae*), должны были истомить душу панскаго фельдмаршала, а старость и болѣзненность довершили нравственное изнеможеніе. Ревнитель благочестія, Ерличъ, не пощадившій въ своихъ запискахъ и Петра Могилы, полонизованнаго одинаково съ нимъ борца за вѣру, изобразилъ престарѣлаго борца за дорогую и ему самому Шляхетчину въ отвратительномъ видѣ *). Не такимъ воевателямъ слѣдовало ввѣрять судьбу отечества, да видно такова была Польша на растлѣнныхъ высотахъ своихъ.

Кто знаетъ, какія мысли и чувства томили разслабленнаго духомъ и тѣломъ фельдмаршала подъ Корсунемъ? Можетъ быть, онъ вспоминалъ не одну Боровицу, гдѣ онъ коварно, іезуитски коварно подставилъ козакамъ единовѣрца Киселя. Можетъ быть, памятки были ему и „десять сотенъ“ искорчившихся на воляхъ мертвецовъ на Задѣпріи, которые долженствовали обезпечить за его домомъ славу спасенія отечества, „доколѣ будетъ существовать Польша“. Онъ зналъ по опыту, что козаки, уступая панамъ въ военномъ искусствѣ, не уступали имъ нисколько въ наслѣдованной отъ ВарагоруССовъ талантливости. Глядя на обступившихъ его хмельничанъ, онъ, безъ сомнѣнія, вспоминалъ изумительнаго воина, Дмитрія Гуню, достойнаго гомеровскихъ пѣснословій,—и старое сердце его упало...

Изъ своего сидѣнья въ неволѣ Потоцкій прислалъ двоихъ слугъ-шляхтичей, изъ которыхъ одинъ, Яскульскій, войсковою стражникомъ, долженъ былъ представить королю реляцію о погромѣ войска. Не пайдя короля въ живыхъ, слуги Потоцкаго представили реляцію (отъ 9 іюня, 30 мая) подванцлеру Лещинскому. Прежде всего они въ ней

*) Онъ пишетъ о Николаѣ Потоцкомъ такъ: „...więcej radził o kieliszkach i szklannicach, niżeli o dobru Rzeczpospolitej i całości onęj; jakoż w nocy radził o pannach albo dziewczkach młodych i nadobnych żonkach, będąc sam w starości lat podeszłych, nie znosząc się ani radząc kolegi swego Marcina Kalinowskiego Hetmana Polnego, ani innych pułkowników i rotmistrzów, tak też towarzystwa. Z powodu pijanstwa ustawicznego i wielkiego wszete cześćstwa zatracił wojsko...“

объяснили, что заставило короннаго гетмана отступить отъ Корсуня, гдѣ онъ хотѣлъ было сидѣть въ осадѣ. По ихъ словамъ, козаки, въ одной милѣ отъ Корсуня, у Стеблева, стали отводить воду, такъ что рѣка Рось вдругъ начала мелѣть. Объ этомъ записалъ въ дневникѣ своемъ и литовскій канцлеръ. „Козаки и Татары“ (говоритъ онъ), „облегши наше войско и воду куда-то спустивши, привели нашихъ къ рѣшимости отступить“. Но козаки не облегли еще пановъ, и панамъ рано было приступать къ такимъ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ. Козаки могли пустить между Ляховъ только молву о своей гидравликѣ, чтобы маскировать свое піонерство въ Крутой Балкѣ.

По разсказу войсковаго стражника, у Хмельницкаго было 12.000 козаковъ, у Тогай-бея 40.000 Татаръ; въ томъ числѣ Астраханскихъ, никогда не бывавшихъ въ Польшѣ, 4.000, Ногайцевъ 12.000, Вѣггородскихъ и Буджацкихъ 20.000. Непрiятелю достались и тѣ деньги, которыя привезъ Потоцкому Будынский для уплаты Запорожскому Войску, — болѣе 70.000. Недоставало все-таки 230.000.

Орда (писали слуги Потоцкаго) расположилась у Бѣлой Церкви. Съ одной стороны Татары, съ другой — козаки. У Татаръ набралось уже болѣе 200.000 ясыру, но они продолжаютъ еще брать. Тогай-бей хвалился передъ своимъ знаменитымъ плѣнникомъ, что теперь они заключили съ козаками договоръ на сто лѣтъ; что теперь имъ не страшно воевать не только съ польскимъ королемъ, но и съ турецкимъ султаномъ, и что не выйдутъ изъ предѣловъ Польши до тѣхъ поръ, пока имъ не доплатятъ гарачъ, а козакамъ — жолдъ, итого 800.000 злотыхъ.

Интереснѣе всего разсказъ шляхтича Собѣскаго, котораго козаки схватили на пути изъ Кодава и привели къ Хмельницкому. Не зналъ еще тогда Хмель о смерти короля, и отпустилъ Собѣскаго подъ условіемъ, чтобы онъ объявилъ папамъ „нѣкоторые рунста“. Собѣскаго разсказывалъ на конвокаціонномъ сеймѣ официально, что Хмельницкій желаетъ мира и проситъ помилованія, съ тѣмъ чтобы его оставили при его правахъ. Онъ говорилъ Собѣскому, что на челны далъ ему деньги король, а на вопросъ: зачѣмъ вы (козаки) такъ поступили съ Рѣчью Посполитою? отвѣчалъ: „Я, съ моимъ товариствомъ, былъ очень огорченъ, притѣсненъ и обиженъ (utrapiony, ucisniony i ukrzywdzony), а правосудія найти не могъ. Набрался бѣ (у насъ) прошеній къ его королевской милости огромный коробъ, да король его милость хоть бы и хотѣлъ явить правосудіе, никто его у васъ не слушаетъ (nikt go u was nie slucha): поэтому онъ велѣлъ намъ добывать свободы саблею“.

Собѣскій находился въ плѣну у Хмельницкаго пять дней и слышалъ между козаками, что онъ сперва держалъ съ асаулами своими тайную раду, а потомъ объявилъ плѣнникамъ, что „вы, бѣдняки, называющіеся теперь шляхтою (wy, chudzi pachołcy, co się teraz ślachta chrzścicie), будете боярами, а только паны ваши будутъ шляхтою, а король единою главою, котораго одного будемъ слушать и вы и всѣ мы“.

Но Собѣскій не все еще высказалъ; остальное сохранилъ для болѣе секретнаго засѣданія (*ad secretiorem sessionem*), и до насъ не дошла его тайна.

Такъ отразилось въ центрѣ Королевской Республики событіе, повернувшее вруто судьбою Польши. Герой этого событія, Хмельницкій, долго не двигался отъ Бѣлой Церкви. Неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на беззащитную родину, кругомъ пылавшую пожарами, кругомъ представлявшую сцены плѣненія, насилія, убійства. Но она была беззащитна до такой степени, что Татары открыли въ ней повсемѣстно базары, на которыхъ смѣлые купцы, и въ особенности налетѣвшіе изъ Московскаго Царства, вели съ ними и съ ихъ друзьями, козаками, обширную и разнообразную торговлю. Добытыя безъ труда издѣлія фабрикъ, ремеслъ и продукты сельскаго хозяйства продавались добычниками за безцѣнокъ; а забираемые въ ясырь люди вздешевѣли до такой степени, что за одного коня Татаринъ давалъ шляхтича, или нѣсколько мужиковъ. Окрестности Махновки, Бердичева, Бѣлополя, Глинска и Прилуки надъ Собою первые испытывали разницу между панскимъ и козацкимъ присудомъ.

Зато другая половина Русскаго Свѣта, во главѣ которой стояла Москва, начинала уже возмѣщать грабежи, сдѣланные въ ней, со временъ оныхъ, шляхетною и козацкою Русью, натравляемою Поляками,—возмѣщать, покамѣсть, руками только своихъ торговыхъ людей,—такъ что и сокровища царской казны, и раки московскихъ чудотворцевъ обѣщали вернуться, если не въ прежнемъ, то въ превращенномъ видѣ на Сѣверъ, гдѣ столько времени хозяйничала козако-шляхетская орда, устремляемая въ сердце нашего расторгнутаго отечества римскою политикою Польши. Сама судьба, повидимому, благопріятствовала восполненію ущерба, причиненнаго Полякоруссами Москворуссамъ. Въ Козацкой Украинѣ, какъ и въ Крыму, былъ тогда голодь, и царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ вывозить въ единовѣрную страну хлѣбъ, соль и всякіе товары. Такимъ образомъ москворусскія драгоценности возвращались теперь домой за москворусскіе продукты первой необходимости.

Когда скончался потаковникъ безпощадной Самозванщины, Сигизмундъ III, Поляки нарядили его въ „привезенную изъ Москвы тяжеловѣсную корону“, слишкѣмъ тяжеловѣсную, по слову поэта, даже и для такой головы, которая основала было въ Москвѣ новую династію; а это можетъ сказать, изъ чего дѣлались драгоценныя панскіе *ржонды* *), которыми щеголяли ренегаты русскаго элемента Потоцкіе, Сѣнявскіе, Собѣскіе? Теперь добыча кроваваго меча и жадныхъ рукъ начала возвращаться вспять, между тѣмъ какъ Татарокозакъ „такъ внезапно, такъ тяжко растопталъ польскую славу и польское отечество“. Два народа, простиравшіе виды на господство между морей и океановъ, вступили въ новый періодъ соперничества.

Въ то время, когда на татарскихъ пограничьяхъ *польскорусскаго* государства происходили дѣйствія разрушительныя, общественный организмъ государства *московорусскаго* устремлялъ все еще свѣжія силы свои къ цѣлямъ строительнымъ.

Въ Польшѣ, какъ мы знаемъ, проповѣдывалось такъ называемыя даже и въ наше время *народными пророками*, — что „это дикіе звѣри, которые живутъ только ночью“ **), и такое опредѣленіе относилось не столько къ Москалямъ чернорабочимъ, торгующимъ, воинствующимъ, сколько къ правоправцамъ. Они со своимъ царемъ во главѣ, со своими архіереями, боярами, думными дьяками и всею низходящею свѣтскою и духовною іерархіею, по словамъ польскихъ просвѣтителей, представляли „фурію, вѣчно стремящуюся въ Польшу“. ***)) Съ своей стороны и тѣ, которые формировали мнѣнія общества московскаго, не падали мрачныхъ красокъ для изображенія Польши, съ ея панами, съ ея свѣтскими и духовными властями въ самомъ ужасномъ видѣ, какъ это дѣлаетъ и современная намъ велико-и малорусская беллетристика.

Но изъ областей, доставшихся Владиславу IV по Поляновскому миру, безпрестанно бѣгали въ звѣрскую Московію не только хлопцы, но и шляхтичи, а изъ-за новаго московскаго рубежа уходило подъ власть „безчеловѣчныхъ пановъ“ такое множество крестьянъ, что царское правительство нашлось вынужденнымъ объявлять въ пограничныхъ торговыхъ мѣстахъ, что тѣмъ боярскимъ людямъ, которые вернутся на „старыя печища“, дана будетъ „воля“, то есть они, съ по-

*) Сѣдла, узды и проч.

**)) Слова знаменитаго проповѣдника, Фабіана Бирковскаго.

***)) Слова того же *народнаго пророка*.

томствомъ ихъ, будутъ жить не за боярами, а за государемъ. Существуетъ въ архивахъ обширная переписка, относящаяся къ удерживанью барскихъ мужиковъ отъ переселенія въ панскія имѣнья и вызова ихъ обратно изъ польской Руси въ московскую.

Выходитъ, что не таковы были московскіе порядки, какими ихъ описывали польскіе „народные пророки“ да наши козаки, и не таковы были паны Ляхи и Полякоруссы, какими ихъ изображаютъ у насъ историки да беллетристы.

Сами по себѣ это предметы мелкіе, не удостоиваемые названія явленій историческихъ. Но побѣги крестьянъ съ обѣихъ сторонъ и сношенія по поводу этихъ побѣговъ между королевскими, крайне распущенными, и царскими, крайне исполнительными властями, привели два сосѣднія общества въ мысли, которая осуществилась путемъ войны, но могла бы осуществиться и безъ человѣко-истребленія, путемъ необходимости. Королевскіе шляхтичи, въ борьбѣ съ мжно-владствомъ и продуктомъ его—разбойнымъ элементомъ, развившимся во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ, завидовали обитателямъ Царства Московскаго, которое наши монахи называли *страною тихою*, и въ особенности стали завидовать въ то время, когда на престолѣ, поколебленномъ Иваномъ Грознымъ, Борисомъ Годуновымъ и Василіемъ Шуйскимъ, возсѣлъ Алексѣй Михайловичъ Романовъ, получившій отъ своихъ подданныхъ прекрасное названіе *Тихаишаго Государя*.

Хотя Владиславъ IV былъ очень популяренъ и не пренебрегалъ, во время вѣчной охоты своей, гостить даже въ хлопскихъ избахъ; но польскіе „королята“ (królewjeta), со всѣми партіями и безпрестанными ссорами, не давали покоя мелкимъ землевладѣльцамъ, а шляхетные слуги ихъ, ихъ жолнеры козаки,—были, можно сказать, ордою, постоянно буйствовавшею, какъ выражались они, въ нѣдрахъ государства (in visceribus regni). Обижало мелкопомѣстную шляхту и то, что магнаты, при извѣстной сноровкѣ, отхватывали на свой паи громадныя вотчины и королевщины (królewszczyzny), которыя должны были быть общимъ достояніемъ заслуженнаго шляхетства. Обижало и то, что *великіе паны*, получивъ за свои заслуги и безъ всякихъ заслугъ, по десяти и болѣе староствъ, пускали въ аренду Жидамъ не только села, но и пограничныя замки, которые, въ жидовскихъ рукахъ, обращались въ развалины, тогда какъ „рыцарская шляхта“ могла бы здѣсь быть на своемъ мѣстѣ и, зарабатывая кусокъ хлѣба, охранять край отъ набѣговъ и разбоевъ. Но всего больше жаловались мелкопомѣстники въ Королевской Землѣ—на ея бессудность.

Въ отвѣтъ на эти сѣтованія и жалобы царскія, должностные люди говорили имъ: „Нашъ великій государь достоинъ содержати (кромя Московскаго) и множайшія царства и власти. Нашъ государь его царское величество зѣло къ ратнымъ людямъ милостивъ. Даролюбивый у насъ государь: жалуется онъ имѣнія и власти по достоинству. Судъ у него правъ и непоколебимъ. Нашъ великій государь, царь и многихъ земель обладатель, имѣетъ мѣрило праведное, и многихъ свиптродержавныхъ властодержателей (они были начитаны въ церковной письменности, и выражались въ подобныхъ случаяхъ витіевато) его царское величество премудростью и храбростью превосходить“.

„Вотъ еслибы *насъ* привелъ Господь подъ царскую высокую руку!“ (говорили царскимъ людямъ люди королевскіе по смерти Владислава IV). „Слышно у насъ, что многіе хотятъ на польскій престолъ звать вашего царя, какъ въ старину призывали великаго князя литовскаго“.

„Что же?“ (отвѣчали царскіе люди). „По Божію дарованію, государю нашему вольно и на васъ милостивыя свои щедроты изліати, яко же и на прочихъ отъ Бога данныхъ ему людей подъ его царскую высокую руку“.

Въ самомъ дѣлѣ вся шляхта и мѣщане въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ и въ Новгородскомъ повѣтъ, а равно такъ называемые Бѣлорусцы, иначе Литовскіе люди, въ Кіевѣ, Черниговѣ и другихъ малорусскихъ городахъ—о томъ только и говорили, „чтобы Господь Богъ по ихъ желанію исполнилъ и учинилъ великаго государя царемъ надъ обоими государствами, на Московскомъ и на Польскомъ, и чтобы великое государство Московское и Польское были заодно“.

Доносъ объ этомъ царю съ привычною точностью, безъ какихъ-либо сужденій, пограничные воеводы передавали ходячій слухъ, будто бы даже „коснѣръ“ (канцлеръ) корунный, Юрьи Осолинской, въ листахъ своихъ писалъ изъ Польши къ новгородскому полковнику, Понентовскому: „Посполитая де Рѣчь, государь, хотятъ бити подъ твою царского величества высокою рукою и тебя, великаго государя, царемъ имѣть, и Московскому Государству съ Польскимъ Государствомъ заодно быть“.

Какъ бы ни думали въ Москвѣ о письменныхъ сношеніяхъ „коруннаго коснѣра“ съ пограничнымъ офицеромъ по такому важному предмету, но донесеніе царскихъ людей было принято, какъ дѣло серьезное. На оборотѣ подлинника читаемъ помѣту: „156 (1648) года іюня въ 13-й день. Государь слушалъ и бояре. Указалъ государь послать свою государеву грамоту въ Сѣвскъ къ воеводамъ; велѣтъ за

рубежъ послати нарочно, кого пригожь, и велѣть провѣдать подлинно о всякихъ вѣстахъ противъ себѣ отписки; а провѣдывать велѣть тайнымъ обычаемъ“.

Трудно вообразить контрастъ больше того, какой представляли два соперничавшія государства. Одно стояло на поблажливости и снисходительности въ преступленіямъ; другое—на строгости и грозѣ. Однакожь, въ поблажливомъ государствѣ люди томилась безсудьемъ, и сама шляхта, органъ законодательной власти, мечтала издавна о переходѣ подѣ строгое и грозное правленіе. Теперь, когда ея желанія, невѣдомо для нея, приближались къ исполненію, духъ польской государственности высказывался, подѣ перомъ Адама Киселя, въ такой формѣ:

„Въ нашемъ вольномъ народѣ“ (писалъ онъ къ царскимъ боярамъ въ апрѣлѣ 1648 года) „ни приказомъ, ни суровствомъ, ни наказаніемъ, ни смертію, точію разумомъ, вся лучшее промышляюще во всемъ чинѣ поставляются и утверждаются“.

Но прославляемая Поляками національная и общественная *людо-костъ* (слово прекрасное) до того подрывала основы государственности, что Москаль, якобы поработенный царскимъ деспотизмомъ, съ высоты своего превосходства читалъ слѣдующее наставленіе „вольному народу“, въ лицѣ его пограничнаго представителя, смоленскаго подвоеводія, который остановилъ было его въ посольствѣ изъ-за домогательства взятки отъ ѣхавшаго съ нимъ купца.

„Если бы мнѣ купецъ и братъ родной былъ, и я бы великаго государя нашего дѣлъ и на кровнаго своего, да и всего свѣта на богатство не промѣнялъ. То всѣхъ насъ царскаго величества подданныхъ повинность, что дѣлъ его царскихъ остерегать паче головъ своихъ, а не тоюмо что для своей корысти и пожитку государственнымъ дѣламъ помѣшку дѣлать, какъ нынѣ подвоеводе дѣлаетъ для своей корысти и пожитку съ такимъ великимъ государственнымъ дѣломъ“.

И дѣйствительно, царское посольство, пріостановленное смоленскимъ подвоеводиємъ, должноствовало разрѣшить въ Москвѣ вопросъ: спасать ли Польшу на краю гибели, или же оставить ее падать въ такую яму, какую она рыла нѣкогда подѣ ногами Москвы?

Между тѣмъ по путивльскимъ, чугуевскимъ и бѣлгородскимъ „саемамъ“, или сторожевымъ пунктамъ, гдѣ стояли стрѣльцы и заставные головы, мѣняясь одни съ другими „доѣзжими памятами“,—съ самаго начала бунта Хмельницкаго, козачкіе забронничи, или, какъ ихъ называли царскіе люди, *воры Черкасы*, производили грабежи и разбой,

подкрадывались по-татарски къ московскимъ сторожамъ и къ пограничнымъ селамъ, въ числѣ пяти, двадцати и до двухъ сотъ человекъ, „наряднымъ дѣломъ“, то есть въ полномъ вооруженіи; побивали сторожевыхъ стрѣльцовъ, отнимали станичныхъ лошадей, ружья и всякую рухлядь. Иногда воры Черкасы появлялись одни, иногда—виѣсть съ Татарами, и это повторялось такъ часто, что по рѣкѣ Сѣверному Донцу и по сосѣдней степи не было за ними проѣзда. Даже тѣ козаки, которые сидѣли пасѣками съ польской стороны по рѣчкамъ Мжѣ, Удамъ, Комольшѣ, стали разбойничать на Донцѣ и подъ Чугуевымъ. Воры Черкасы, по зову Хмельницкаго, вооружались на счетъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ пограничниковъ за вѣру, честь и прочая, какъ проповѣдуетъ малорусская историографія *).

Все своевольное и безпутное почуяло, что съ Низу Днѣпра вѣтъ вѣтеръ, благоприятный для дивихъ инстинктовъ и привычекъ. Во всѣхъ „корчмахъ-внягняхъ“, во всѣхъ разгульныхъ „кабакахъ“ и „шинкахъ“, гдѣ отъ возачкаго хмѣлю валились печи и „за сажей не видать было Божія свѣту“, какъ это воспѣвается въ вобзарской думѣ, у всѣхъ „степныхъ шинкаровъ“, этихъ „Настей кабашныхъ“, гдѣ возакъ за свои „воровскія“ деньги живилъ грубыми наслажденіями жизни, на всѣхъ базарахъ и ярмаркахъ—распѣвали тогда пѣсни, которыхъ полузаглушенные временемъ звуки донесли и до насъ:

Ой изъ Низу Днѣпра тихий вѣтеръ вѣе-повивае,
Військо козацьке запорозьке у походѣ выступае.
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницький думає-гадає.

Въ самомъ дѣлѣ, мудро было угадать мысли человека, который, по словамъ крымскихъ „полоняниковъ“, обѣщаль „служить хану вѣчнымъ холопствомъ“, не предвидя, что у него будетъ въ рукахъ не хуторъ съ тясминскими слободами да пасѣками, а цѣлое государство. Испугался ли онъ своего успѣха, боялся ли врѣзаться глубже въ Королевскую Землю, чтобъ Орда въ самомъ дѣлѣ не взяла возачество

*) Еще и въ апрѣлѣ 1649 года царскій дворянинъ Унковскій упрекалъ Хмельницкаго, въ Читиринѣ,— что „Черкасы нападаютъ на порубежныхъ людей, чинятъ имъ великія обиды, грабятъ и убиваютъ, въ угоды вѣзжаютъ, пчелъ выдираютъ, рыбу ловятъ, хлѣбъ и сѣно увозятъ насильно, и ваши порубежные начальники“ (говорилъ Унковскій) „такихъ воровъ не наказываютъ и не сыскиваютъ“.

въ свое вѣчное холопство вмѣстѣ съ опустошенною Украиною, или же ему страшно было поднять на себя шляхту, сгущенную бѣгствомъ во внутреннихъ областяхъ?... Неизвѣстно, почему онъ остановился у самаго входа въ область городскихъ и сельскихъ промысловъ, на Ярославской колонизаціонной границѣ, на „Рѣси“. Этотъ его поступокъ до того былъ загадоченъ, что литовскій канцлеръ приписывалъ его Божеской силѣ.

Хмельницкій, вѣроятно, и самъ не зналъ, что ему дѣлать, — ему, который хотѣлъ помститься надъ можновладникомъ, Конечпольскимъ за обычныя въ Украинѣ обиды, и, точно во снѣ, увидѣлъ себя побѣдителемъ коронныхъ гетмановъ. Новость и опасность его положенія между Татаръ и Руси, между бродягъ и землевладѣльцевъ, между безхатниковъ козаковъ и обладателей вооруженныхъ замковъ, между православныхъ и папистовъ, наконецъ между Крыма, Москвы и Польши, озадачивала его, надобно думать, такъ сильно, что онъ больше прежняго началъ поддаваться козацкой привычѣ къ безпробудному пьянству, которое привело его къ смерти задолго до періода старческой немочи.

Онъ окружалъ себя — то странствующими монахами, то колдуньями и ворожеями. Лишь только занялъ онъ Бѣлую Церковь, къ нему хлынули чернецы и черницы за милостынею, теперь, очевидно, не такою скудною, каковую получалъ отъ жмайловцевъ и тарасовцевъ голодный кievскій митрополитъ. Но это была монастырская чернь, имѣвшая теперь такъ мало общаго съ „духовными старшими“, какъ мужики съ панами. Напротивъ то духовенство, которое скиталецъ Филипъвичъ называлъ *Могилянами*, бѣжало изъ Кіева вмѣстѣ съ латинскими ксендзами, уніятами, шляхтою, Жидами, Армянами и всѣмъ зажиточнымъ народомъ. Адамъ Кисѣль увѣдомлялъ объ этомъ примаса изъ своей Гощи, отъ 31 (21) мая, среди важныхъ сообщеній и политическихъ соображеній, въ такихъ словахъ: „Хмельницкій объявилъ Кіевъ своею столицей, и хотя всѣ первенствующіе люди, какъ духовные, такъ и свѣтскіе всѣхъ религій (unicuiusque religionis) бѣжали, онъ приказалъ оставшейся черни готовиться къ его пріѣзду“.

Наши историки, не стѣсняясь характеромъ тогдашней церковной іерархіи, пишутъ, будто бы замыселъ Хмельницкаго благословляли даже такіе люди, какъ Петръ Могила. Но Хмельницкому стоило немного труда остановить бѣгство духовныхъ старшихъ насильствомъ и обѣщаніями. Это бѣгство грозило уничтожить пущенную въ народъ молву, что козаки поднялись на Ляховъ за вѣру. Хмельницкій былъ на столько смѣтливъ, чтобы сохранить кажущееся согласіе между цер-

ковью и козачиной. Онъ озаботился устроить при митрополитѣ стражу, которая бы охраняла его спокойствіе среди революціоннаго движенія, но которая въ сущности держала его подъ надзоромъ козацкой полиціи.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, побѣдитель короннаго и панскаго войска послалъ въ Варшаву четверыхъ старшинъ съ оправдательнымъ письмомъ къ королю, какъ бы не зная еще о его смерти.

Онъ жаловался на украинскихъ старостъ и землевладѣльцевъ, которые де вотъ уже столько лѣтъ отнимаютъ у козаковъ хутора, луга, сѣнокосы, ставы, млины, взимаютъ десятину съ козацкихъ пчелъ, хоть бы и въ королевскихъ имѣніяхъ; кому что у козаковъ понравится, тотчасъ берутъ силою, а самихъ обдираютъ, бьютъ, тиранятъ, сажаютъ въ тюрьмы, и надѣлали много раненыхъ и озагченыхъ въ нашемъ товариществѣ; а козацкіе полковники, будучи ихъ руководящими слугами, не только не обороняютъ насъ отъ такихъ угнетеній, но еще помогаютъ имъ въ этомъ, и даже Жиды, надѣясь на старостъ, чинятъ надъ козаками великое самоуправство (*wielkie zbytki*), „такъ что и въ турецкой неволѣ“ (писалъ Хмельницкій) „невѣроятно, чтобы христіанство переносило такіа бѣды, какія причиняются намъ, подножкамъ вашей королевской милости“.

Но въ чемъ состояло самоуправство, отъ котораго страдало христіанство въ Украинѣ, Хмельницкій промолчалъ, и обратился снова къ обидамъ, не касающимся религіи.

„Мы знаемъ“ (продолжалъ онъ), „что это самоуправство чинили они надъ нами въ противность вашей королевской милости. Всѣ бывало приговариваютъ: „Вотъ вамъ король! Ну, что? поможетъ вамъ король, славіе-такіе сыны“? Поэтому, будучи не въ силахъ больше терпѣть такіа притѣсненія и безвинное мученіе, не могли мы уже отъ своихъ великихъ бѣдъ усесть и въ домахъ своихъ, а, покинувши женъ, дѣтокъ и всю убогую худобу свою, были принуждены мы, часть нашего войска, уносить изъ великой неволи куда можно головы свои только съ душами, и некуда больше, какъ на обычныхъ мѣста наши, на Запорожьѣ, откуда предки наши съ давнихъ вѣковъ привыкли Польской Коронѣ и вашей королевской милости, нашему милостивому пану, отдавать вѣрное подданство свое и услуги“.

Это письмо напоминаетъ воззваніе Павлюка къ реестровымъ козакамъ самымъ тономъ и складомъ своимъ. Хмельницкій пѣлъ павлюковскую пѣсню, которую, по всей вѣроятности, онъ же, въ званіи войсковаго писаря, сочинялъ и для предыдущаго бунта.

„Но и *тутъ на Запорожьѣ*“ (продолжалъ онъ, очевидно, списывая написанное за Порогами) „не давая намъ покоя, и не обращая

вниманія ни на какія привилегіи, которыя мы имѣемъ отъ вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, наши войсковыя вольности и самихъ насъ обратили въ ничто. Въ томъ самъ Господь Богъ намъ свидѣтель, что мы, будучи въ вѣрномъ послушаніи вашей королевской милости, не учинили никакого своевольства и не заслужили никакой кары (ani na nic złego nie zagobili). Но его милость, панъ Браковскій, о которомъ не думаю, чтобъ онъ былъ добрымъ пріателемъ вашей королевской милости, нашего милостиваго пана и, вѣроятно, съ его позволенія дѣлались надъ нами такія тиранства,—наступилъ и туда на насъ на Запорожье съ войскомъ своимъ, а Украину опустошилъ, съ намѣреніемъ, кѣтъ видно, искоренить и наше козацкое имя, или прогнать и съ земли. Но мы не жалаемъ, пока живы, отрѣшиться отъ благоволенія вашей королевской милости. Мы по неволѣ, видя, что, противъ воли и повелѣнія вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, наступили на нашу жизнь съ великими войсками, должны были воспользоваться помощью крымскаго хана, который помогъ намъ въ этомъ случаѣ, помня, что мы имъ также нѣсколько разъ помогали въ такихъ несчастіяхъ и спасали отъ непріятелей. Такъ должно было случиться по Божію Провидѣнію, что при сухихъ дровахъ и сырнмъ досталось. Кто тому причиною, пускай самъ Господь Богъ судить. А мы, какъ до сихъ поръ были вѣрными подданными вашей королевской милости, такъ и теперь не преминемъ и готовы на всякой службѣ Рѣчи Посполитой противъ каждаго непріятеля жертвовать жизнію своею за достоинство вашей королевской милости, нашего милостиваго пана. И Крымская Орда до сихъ поръ, заключивъ съ нами договоръ, ни подъ каемъ видомъ не вторгается въ государство вашей королевской милости. Посему униженно просимъ вашу королевскую милость, нашего милостиваго пана, чтобы, явивъ надъ нами, низжайшими подножкамъ своими, отеческое милосердіе и невольный сей грѣхъ намъ отпустивъ, благоволили повелѣть—оставить насъ при давнишнихъ нашихъ правахъ и вольностяхъ, якобы сами священной особою своею, и мы бы, низжайшіе слуги вашей королевской милости, не терпѣли больше этой неволи. Мы же снова при вѣрномъ подданствѣ нашемъ, съ униженными служебниками, подъ ноги маестата вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, низжайше и покорнѣйше отдаемса“. *)

*) Эта косвенная прокламація, подобная павлюковской, такъ точно уничтожаетъ апокрифическій универсалъ Хиольницкаго изъ-подъ Бѣлой Церкви, какъ павлюковская—фальшивый универсалъ Острияницы, включенный въ Лѣтопись Ве-

Въ виду того, что предшествовало этой манифестации и что за нею послѣдовало, стоить вникнуть въ смиренное и покорное оправданіе козака, наступившаго панамъ на горло. Она была подписана такъ:

„Вашей королевской милости, нашего милостиваго пана, низжайшіе подножки и вѣрные подданные. Богданъ Хмельницкій на это время старшій Запорожскаго Войска вашей королевской милости“.

Вмѣстѣ съ оправдательнымъ письмомъ послы Хмельницкаго представили панамъ и свою инструкцію. Она сохранилась и въ краткомъ, и въ болѣе пространномъ изложеніи. Въ ней частію повторяется сказанное въ самомъ письмѣ. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что оправдательное письмо было писано 12 (2) іюня и подано примасу, какъ видно изъ помѣты, die 7 Julii, тогда какъ „Пункты Инструкціи“, въ краткомъ изложеніи, помѣчены 9-мъ іюля, а въ болѣе пространномъ не помѣчены вовсе. Дѣло въ томъ, что важнѣйшій и самый тяжкій для пановъ пунктъ о религіи помѣченъ въ самомъ концѣ инструкціи, тогда какъ объ этомъ важномъ предметѣ вовсе не упомянуто въ петиціи къ королю. Читателя, наслушавшагося отъ историковъ сказокъ о козацкой борьбѣ за церковь и вѣру, поражаетъ въ этомъ пунктѣ посольской инструкціи то, что козаки умалчиваютъ о „Козацкой Украинѣ“, и хлопчутъ о тѣхъ провинціяхъ, гдѣ козачество вовсе не существовало. Вотъ этотъ пунктъ:

„Касательно же нашего духовенства стародавней греческой религіи усердно просимъ, чтобы она была ненарушима, и тѣ святаы церкви, которыя насильственно взяты подъ унию, какъ въ Люблинѣ, въ Красномъ Ставѣ, въ Саноуѣ и въ другихъ мѣстахъ приневолены, чтобы оставались при давнишнихъ вольностяхъ“.

Посольствомъ къ несуществующему королю Хмельницкій давалъ панамъ понять, что нѣтъ имъ надобности принимать мѣры обороны отъ козаковъ, и что козаки удовлетворятся только возвращеніемъ къ тому положенію, въ какомъ находились до сеймоваго постановленія о

лична. При отсутствіи у насъ исторической критики, Археографическая комиссія напечатала бѣлоцерковскій универсалъ въ своихъ актахъ и еще не такъ давно публиковала его для Европы, съ переводомъ на французскій языкъ. Я указалъ на это въ „Матеріалахъ для Исторіи Возсоединенія Руси“, по Бостомаровъ, въ 4-мъ изданіи „Богдана Хмельницкаго“, пишетъ, что Хмельницкій, „съ шестидесятью козаками, разослалъ изъ-подъ Бѣлой Церкви списки зазываго универсала ко всѣмъ южноруссамъ, обитающимъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра“, и прочая.

нихъ 1638 года. Раздѣльность панскихъ интересовъ подавала Хмельницкому надежду, что тѣ изъ магнатовъ, которые владѣютъ въ Малороссіи вотчинными и ранговыми имѣніями, перессорятся съ тѣми, которые не участвовали въ колонизаціи малорусскихъ пустынь, но завидовали колонизаторамъ и сваливали вину козацкаго бунта на ихъ жадность къ обогащенію. Въ то же самое время всѣвалъ онъ разнь между католиковъ и православныхъ, между католиковъ и униатовъ (вспомнимъ, какъ Левъ Социга обвинялъ ревнителѣй униѣ), а протестантамъ намекалъ, что, съ помощью козацкаго войска, они могутъ поставить свою церковь наравнѣ съ католическою, какъ пытались это сдѣлать въ 1632 году. Дѣля такимъ образомъ панское общество на части, Хмельницкій надѣялся, что не вся Рѣчь Посполитая встанетъ противъ него и, въ своей раздѣльности, дастъ козакамъ возможность овладѣть Украиной.

Можетъ быть, на эту мысль навели его письма, найденныя въ бумагахъ Потоцкаго. Къ числу магнатовъ, отстаивавшихъ козаковъ противъ Потоцкаго, принадлежалъ и вравовскій воевода, Станиславъ Любомирскій, человекъ весьма вліятельный между панами. Дней черезъ пять послѣ Борсунскаго погрома, Хмельницкій выразилъ свою благодарность за его покровительство въ письмѣ къ его бѣлоцерковскому подстаростію, Черному, предостерегая подстаростіа, что „во множествѣ войска есть и злые люди“, такъ чтобы онъ стигивалъ подданныхъ пана своего изъ селъ, ближайшихъ къ городу, а въ болѣе далекихъ, чтобы народъ соединялся въ большія купы съ своею худобой. „Мы бы съ радостію вернулись отсюда“ (писалъ онъ, исполнѣ увѣренный, что письмо полетитъ къ пану воеводѣ), „но узнали, что еще множество такихъ непріятелей идетъ противъ насъ, каковъ былъ его милость, панъ Краковскій: по-неволѣ должны мы къ нимъ спѣшить. Да будетъ воля Божія“!

Спустя дней десять, написалъ Хмельницкій такое же тормазящее письмо и къ князю Доминику Заславскому, богатѣйшему изъ польско-русскихъ пановъ, о притѣсненіяхъ и тиранствахъ, претерпѣваемыхъ козаками въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Въ этомъ письмѣ онъ говорить о Потоцкомъ такъ: „Его милость панъ Краковскій, наступивши съ великими войсками на наши дома, опустошивъ почти весь край нашъ и обративши въ ничто имущества наши, погнался было за душами нашими и на Запорожьѣ“.

Въ письмахъ къ панамъ онъ смиренно называетъ себя *старшимъ* Запорожскаго Войска, не давая себѣ права титуловаться гетманомъ, подобно Косинскому и Наливайку, которые, въ виду постав-

ленныхъ правительствомъ *старшихъ*, подписывались гетманами въ письмахъ къ королю и коронному канцлеру. Что касается инструкціи козацкихъ пословъ, то она говорила о такихъ предметахъ, которые могли возбуждать въ панахъ только національно-польскую людскость и тѣмъ самымъ дѣлать ихъ на умѣренныхъ и жадныхъ, на добрыхъ и злыхъ. Она интересна для насъ въ томъ отношеніи, что характеризуетъ быть козака и его социальное значеніе. Прочтемъ ее въ болѣе полномъ видѣ:

„1. Жалуются (козаки) на ихъ милостей пановъ державцевъ и урядниковъ украинныхъ, что, имѣя насъ уже въ своей волѣ, поступаютъ съ нами не такъ, какъ слѣдовало бы съ рыцарскими людьми и слугами его королевской милости, но еще хуже, нежели съ невольниками своими: такія чинятъ самоуправства и нестерпимыя обиды, что мы не свободны не только въ нашихъ имуществвахъ, но и въ самихъ себѣ.

„2. Хутора, сѣнокосы, луги, нивы, пахаты, ставы, млины, что бы только которому пану ни понравилось, отнимаютъ у козаковъ силою; сажаютъ въ тюрьмы, убиваютъ насъ до смерти за наши добра, и надѣлали раненныхъ, искалѣченныхъ въ нашемъ товариществѣ множество.

„3. Десятинные, пчельное и поголовщину, хотя живутъ (козаки) и въ добрахъ его королевской милости, берутъ у нѣкоторыхъ, наравнѣ съ мѣщанами, что есть лучшаго.

„4. Козацкимъ сыновьямъ не дозволено держать при себѣ ихъ старыхъ матерей и родныхъ отцовъ. Прогонять же старыхъ родителей не слѣдуетъ. Козакъ долженъ и передъ паномъ за нихъ отвѣчать (*i grzech musi za nich Panu kozak czynić*), и всякую войсковую повинность отбывать.

„5. Женамъ козацкимъ, не то чтобы до трехъ лѣтъ, но и одного года, какъ бы стара ни была, не дозволяется посидѣть (на грунтѣ) безъ мужа, хотя бы у нихъ были и сыновья на службѣ. Тотчасъ поворачиваютъ ихъ, наравнѣ съ мѣщанами, въ панскіе налоги.

„6. Полковники наши обходятся съ нами не по своему обѣщанію и присягѣ. Не только не обороняютъ насъ въ какихъ-либо обидахъ отъ нихъ милостей пановъ урядовъ, но, еще помогая имъ обижать насъ, что бы которому у насъ ни понравилось, добрый ли конь, или оружіе, или другое что,—надѣли ему подъ видомъ покупки, а не надѣлили, размышлай тогда о себѣ, бѣдняга козакъ!

„7. Вола или яловицу не запирай въ особомъ мѣстѣ. Сѣно въ стогахъ, хлѣбъ въ сирдахъ и на нивахъ жатый жолнерская челядь беретъ силою.

„8. Когда зайдемъ на Запорожье не установленною стражею (nie zwyczajną załoga), и тамъ на Днѣпрѣ паны полковники въ свободномъ пользованіи напемъ дѣлають намъ великую неволю. Какъ же теперь, не имѣя возможности бывать въ морскихъ добычахъ, можетъ вызволиться козакъ своимъ трудомъ? Кто промышляетъ звѣремъ, кто рыбою, считайся и съ этимъ. Кто ловить лисиць, у тѣхъ берутъ по лисицѣ отъ головы важаго козака, хоть бы было и 500; а не поймаетъ лисицы, то отбирають самопалы отъ козаковъ. Кто бы ловилъ рыбу, давай подводу и на пана полковника. Если нѣтъ коня для доставки, доставляй по водѣ своими плечами, или плати.

„9. Въ полевой же добычѣ, когда самъ Господь Богъ пошлетъ счастье, что возьмешь въ ясырь не то старыхъ Татаръ, но и малыхъ Татарятъ, которые принадлежали намъ Войску, чѣмъ бы убогій козакъ приодѣлся,—и то все поотнимали у насъ, такъ что не для чего и трудиться. Иногда также случится заяць, стадо, кони, овцы, скоть,—со всего этого паны полковники вмѣстѣ съ панами жолнерами наберутъ себѣ что будетъ лучшаго, сколько имъ надобно, а намъ, бѣднымъ козакамъ, и по одному не достанется, и то—что есть горшаго изъ браку. Рискуеть (козакъ) жизнью ни за что.

„10. Найдя какую-нибудь прицѣпку къ козаку, чтобъ содрать съ него, что увидятъ, тотчасъ его въ тюрьму. Искупай же, бѣдняга козакъ, свою душу! Ко всему этому, трудно даже исчислить всѣ другія нестерпимыя обиды, какъ насъ гонять на работы и въ подводы.

„11. А что была воля его королевской милости, нашего милостиваго пана, когда повелѣлъ было намъ всемилостивѣйше, чтобы мы шли на море,—для чего мы получили на челны деньги, и назначено было приписать въ нашему Запорожскому Войску еще 6.000, то мы, имѣя нашихъ старшихъ изсреды себя, обѣщаемъ и кланемся совѣстью своею, что не будемъ принимать сверхъ того ниодного, такъ какъ не въ 6.000 войска привыкли мы служить столь великія службы его королевской милости и всей Рѣчи Посполитой, а развѣ большею купою.

„12. Просимъ также униженно, чтобы заслуженный жалдъ, котораго не видимъ уже пять лѣтъ, дошелъ до насъ вполне, при комиссіи“.

Послѣ того слѣдуетъ приведенная выше просьба о вѣрѣ, написанная безъ той реальности, съ какою хоть и не совсѣмъ складно, изложены 12 пунктовъ.

„Обо всемъ этомъ“ (заключаютъ свою посольскую инструкцію козаки) „послы наши, упавши къ милостивымъ ногамъ его королевской

милости, нашего милостиваго пана, будутъ просить отъ насъ какъ нельзя прилежнѣе и поворнѣе, чтобы мы вполнѣ и ненарушимо могли оставаться при всяческихъ нашихъ войсковыхъ вольностяхъ, какъ отъ бывшихъ святой памяти польскихъ королей дарованныхъ и привилегіями утвержденныхъ, такъ и отъ его королевской милости, щастливо надъ нами царствующаго короля“.

Отвлекая такимъ образомъ вниманіе „королятъ“ отъ военныхъ приготовленій, Хмельницкій зорко слѣдилъ за сношеніями Польши съ Москвою, которая, по мирному договору, заключенному съ нею стараніями Адама Киселя, была обязана помогать Полякамъ противъ Татаръ, какъ и Польша—Москвѣ. Одно изъ писемъ Адама Киселя, относящихся къ этому предмету, попало въ руки Хмельницкаго. Зная сношенія царя со Шведами о томъ, какъ „поотомститъ Полякамъ за тотъ вредъ, который они причинили землѣ его и народу“; зная, что и въ предыдущіе бунты побитые за Росью и надъ Сулою козаки были приняты царемъ на московскую почву; зная, сверхъ того, что вся Сѣверщина, Кіевская Земля и Бѣлоруссія проникнуты мыслью о соединеніи Польши съ Москвою подъ одной короною,—Хмельницкій написалъ къ царю письмо, въ которомъ относительно соединенія государствъ повторялъ то, о чемъ доносили въ Москву пограничане воеводы, представилъ козаковъ „помирающими за старожитную греческую вѣру отъ безбожныхъ аریانъ“, извѣщалъ царя о своихъ побѣдахъ и предлагалъ ему свои услуги въ войнѣ противъ Ляховъ.

Когда на это письмо отвѣта не послѣдовало, а перехваченныя козаками письма царскихъ людей къ панамъ дали понять козацкому бунтовщику, что царь остается вѣренъ оборонительному договору съ Польшею,—онъ дерзко высказалъ свою досаду путивльскому воеводѣ: „Дай же, Боже, чтобы и всякій непріятель нашего Войска Запорожскаго такъ же шеи уламалъ и потѣхи не относилъ, какъ нынѣ Ляховъ Богъ помогъ намъ надсломити!“

Всѣ пограничные воеводы получили изъ Москвы наказъ посылать за рубежъ расторопныхъ людей для провѣдыванья, что дѣлается въ Польшѣ, и за что у Червасъ учинилась война съ Ляхами. Сохранилось множество донесеній, основанныхъ на словахъ развѣдчиковъ, которыми были обыкновенно люди торговые, какъ наиболѣе заинтересованные въ такой миссіи, наиболѣе бывалые, а главное—наименѣе въ глазахъ пановъ и козаковъ подозрительные. Они приносили къ пограничнымъ воеводамъ, вмѣстѣ съ точными вѣстями, много невѣрныхъ слуховъ, какими пробавлялись тогдашніе рынки, постоянные дворы, священническіе дома и монастыри.

Нѣсколько разъ было, напимѣръ, донесено въ Москву, что король Владиславъ умеръ въ мартѣ, а не въ маѣ. Доносили также, будто бы короля убилъ князь Вишневецкій; будто бы сына Потоцкаго козаки разстрѣляли; будто бы его посадили на колъ подъ Кіевомъ, и тому подобныя небылицы. Получались въ Москвѣ извѣстія и такого рода:

„Сынъ Николая Потоцкаго учился въ одной школѣ съ сыномъ Богдана Хмельницкаго, и побранясь де Богдановъ сынъ Хмельницкаго съ Николаемъ сыномъ Потоцкаго, погрозилъ ему, что за насильство Потоцкаго надъ его сыномъ онъ, сынъ Хмельницкаго, только де дастъ Богъ взмужаетъ, и онъ ему, Потоцкаго сыну, то отомститъ. И Потоцкаго де сынъ то сказалъ отцу своему, и Николай де Потоцкой велѣлъ Богданова сына Хмельницкова, какъ онъ ѣхалъ изъ Кіева къ отцу своему, на дорогѣ изымать и его у себя во дворѣ убить, обѣвши руки и ноги, веснѣ 156 (1648) году, а жену Богдана Хмельницкова съ дочерью взялъ Потоцкой къ себѣ. И за то де Богданъ Хмельницкой собралъ войско черкасское и призвалъ къ себѣ Крымскихъ Татаръ, и все войско королевское Черкасы побили, и гетмана Николая Потоцкаго и полнаго, и Николаева сына Потоцкаго, Петра, и многихъ зятныхъ людей поимали; и Петра Николаева сына Потоцкаго Хмельницкой казнилъ на полѣ передъ отцомъ его за своего сына“.

Подобныя вѣсти варіировались безконечно, давая матеріалъ современнѣмъ лѣтописцамъ и кобзарямъ для изображенія того, чего даже не могло и быть. Но вмѣстѣ съ ними отовсюду, начиная съ Бѣлой Церкви и оканчивая Смоленскомъ и Дорогобужемъ, приходилъ столь же нелѣпный слухъ, что козаки бьются съ Ляхами за вѣру. Даже такіе люди, какъ дорогобужскій мытникъ, Жидъ Давидъ, даже заѣзжіе нѣмецкіе прикащики, наконецъ, и сами „Ляхи“ въ Бѣлороссіи — твердили въ одинъ голосъ: что „война съ козаками учинилась за вѣру“; что „козаки съ Ляхами завоевались за вѣру“; что „бьются козачи съ Ляхами за вѣру“.

Бѣгство монаховъ за московскій рубежъ продолжалось. Мѣстныя власти, отъ имени оставшихся игуменовъ, просили пограничныхъ воеводъ вернуть ихъ, какъ воровъ, похитившихъ церковное серебро, книги и даже одежду братій своихъ. Но бѣглецовъ препровождали въ Москву и царская дума выслушивала отъ нихъ (не выражая ни въ какихъ наказахъ собственнаго воззрѣнія на козацкій бунтъ): что „Поляки на нихъ похваляются: какъ де они съ козаками запорожскими управятся и они де христіанскую вѣру греческаго закона искоренятъ,

и церкви христіанскія разорать, а ихъ, чернцовъ, побьютъ всѣхъ, *чтобъ отъ нихъ, чернцовъ, впрядь бунтовъ не было*“.

Эти послѣднія слова вовсе не выражаютъ, чтобы малорусскіе монахи принимали непосредственное участіе въ козацкихъ мятежахъ, хотя козацкіе историки рассказываютъ, на основаніи современныхъ выдумокъ, будто бы львовскій владыка послалъ порохъ и свинець козакамъ Хмельницкаго, а луцкій—даже пушки, называвшіяся гаковницами. (Объ этомъ будетъ у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ). Но вопли поповъ и монаховъ, изгоняемыхъ изъ церковныхъ имуществъ для водворенія въ нихъ тѣхъ, которые отвергли „схизму“ во имя единенія церквей, или тѣхъ, которыхъ смѣстили, по Филиповичу, *мошляне*,—эти вопли и жалобы, плачь и озлобленныя рѣчи противъ Ляховъ, подъ которыми разумѣлись вообще паны, и способные, и не способные защищать вѣру предковъ своихъ,—сдѣлали глубокое впечатлѣніе на ту массу, для которой ни государственное, ни общественное право не существовало; а въ этой-то массѣ и обратились казаки. *За вѣру! за вѣру!* раздавался всюду кличъ, гдѣ изъ панскихъ жилищъ голодная сволочь таскала хлѣбъ, гдѣ пылали панскіе дома вмѣстѣ съ экономическими заведеніями, а панское добро дѣлалось достояніемъ поджигателей.

Но это былъ кличъ героев самозванщины, героев Московскаго Разоренія, изобрѣвшихъ только новый девизъ для своего истребительнаго промысла. Ниодинъ епископъ, ни игуменъ, ни даже протопопъ, въ чести полуразрушенной малорусской церкви, не выступилъ вмѣстѣ съ запорожцами Хмельницкаго въ роли возмутителя украинскаго престонородья. Даже нерадивые, подобные Филиповичу, даже и они притаились въ своихъ скитахъ и монастыряхъ.

Въ ужасное лихолѣтье Хмельнитчины, заставившее насъ припомнить позабытую Батшевщину, игуменствовалъ въ Почаевскомъ монастырѣ почти столѣтній уже старецъ, преподобный Іовъ Желѣзо. Родившись въ 1551 году, онъ прожилъ въ иноческихъ подвигахъ и времена протестантскаго легкомыслія малорусскихъ пановъ, и времена продажнаго отступничества малорусскихъ архіереевъ. Его чествовалъ Князь Василій, обратясь отъ уніатскихъ мечтаній къ православицкой борьбѣ съ папистами. Съ нимъ Іовъ Борецкій, въ „великой“ печерской церкви предавалъ проклятію апологію Смотрицаго. Его репутація, какъ мужа святаго, была такова, что одному появленію его въ монастырскихъ стѣнъ приписывали испугъ и бѣгство Татаръ, набѣжавшихъ „великою Ордою“. Если кто-либо, такъ именно этотъ самоотверженный аскетъ могъ бы теперь играть роль Петра Пустынника проповѣ-

даніемъ войны за древнее русское благочестіе, за поруганное нами отступниками православіе. Но, состоя въ постоянномъ общеніи съ черскими застолпниками и съ аеонскими „преподобными мужами Россіаи, житіемъ и богословіемъ цвѣтущими“, Іовъ Желѣзо не имѣлъ ничего общаго съ наливайковцами, жмайловцами, тарасовцами, павлюковцами и, наконецъ, хмельничанами.

Козацкіе исторіи, ловя современные слухи съ легковѣріемъ пограничныхъ московскихъ развѣдчиковъ, заставляютъ какихъ-то безыменныхъ представителей нашего духовенства взывать къ народу во время Хмельничины: „Приспѣлъ часъ, желанный часъ! Время возвратить свободу и честь нашей вѣры“, и т. д. *) Между тѣмъ преподобный Іовъ Почаевскій, сидя въ своей подземной кельѣ, изъ которой братіи святаго человѣка видѣлся исходящій сверхъестественный свѣтъ, произносилъ скорбнымъ голосомъ одни только слова: „Господи, помилуй! Господи, помилуй!“ и эти слова, въ своемъ согласіи съ апостольскою программю „Совѣтованія о Благочестіи“, были соотвѣтственнѣе духу православной церкви, нежели все, что прославители козачины могли узнать о нашемъ духовенствѣ отъ католиковъ и протестантовъ.

Видя въ козацкихъ похожденияхъ нѣчто достойное сочувствія и уваженія, козакоманы посвящаютъ цѣлые томы на повтореніе всяческихъ свазаній о томъ, какъ разлились по аренѣ древне-русской культуры козаки въ сопровожденіи своихъ единомышленниковъ Татаръ; какъ они вызывали на свой кровавый пиръ безумныхъ, бестыдныхъ и жестокосердыхъ людей всѣхъ племенъ, всѣхъ нарѣчій и состояній; какъ дивія полчища ихъ прошли вдоль и поперекъ всю Кіевщину, Черниговщину, Подолію, Волинь, Червоную и Бѣлую Русь, точно сплошной пожаръ, гонимый дующимъ изъ Запорожья вѣтромъ; какъ не давали козаки пощады ни старцамъ, ни женщинамъ, ни груднымъ младенцамъ, не отличали благочестивыхъ отъ злочестивыхъ, православныхъ отъ кривовѣрныхъ, ругались всячески надъ женскою чистотою, находили симпатичную для звѣрской толпы забаву въ томъ, чтобы, изнасиловавъ дѣвицу шляхетскаго званія, наградить ее красною лентою изъ кожи, содранной съ ея же шеи и бюста, разорали церковныя усыпальницы, выбрасывали тѣла покойниковъ на улицу, одѣвались въ ихъ одежду безъ отвращенія, безъ ужаса, безъ утрызненія совѣсти и пр. и пр. и пр.

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, т. I, стр. 317.

Возведя козацкіе разбои въ идею народной самозащиты, въ сознаніе своихъ исконныхъ правъ и національности, въ чувство русской чести и вѣры, они находятъ интересъ углубляться во всё подробности убійствъ и мучительствъ, вдохновляются новымъ и новымъ краснорѣчіемъ по мѣрѣ того, какъ разливаемая козаками рѣка крови дѣлается шире и этому позору имени русскаго, этому поруганію историческаго характера православной вѣры придаютъ санкцію со стороны ея верховниковъ. Если-бы верховники нашей малорусской церкви въ эпоху Хмельницкаго и были способны, по своей природѣ, къ тому, что имъ приписываютъ, то не въ козацкую сторону глядѣли они по своему образованію, по своимъ общественнымъ связямъ, по своимъ нравственнымъ интересамъ.

Сами же козацкіе панегиристы перомъ своего вожака, Костомарова, пишутъ, что преемникъ Петра Могилы по митрополіи, Сильвестръ Косовъ, „совсѣмъ не раздѣлялъ православнорусскихъ идей независимости, которыя (будто-бы) одушевляли его предшественника“. Но, нетопырствуя въ потемкахъ баснословія, не обращаютъ вниманія на поразительное обстоятельство, что, отъ начала и до конца козацкихъ бунтовъ противъ пановъ, правительство Рѣчи Посполитой не подвергло суду и слѣдствію ни одного попа и монаха за участіе въ этихъ бунтахъ, а исполнительная власть этого правительства, въ лицѣ племянника и намѣстника Николая Потоцкаго, въ 1638 году освободила отъ ареста нѣжинскаго приходскаго дьячка на основаніи собственной его присяги въ непричастности къ бунту. Хмельницкій, пожалуй, писалъ къ московскимъ воеводамъ, что Ляхи, умоляя его о мирѣ, сажаютъ на колъ православныхъ священниковъ; но его слова заслуживаютъ еще меньше вѣры, нежели сказанія малорусскихъ лѣтописцевъ о мѣдныхъ волахъ, мурованныхъ столбахъ, поголовномъ избіеніи Руси за то, что она Русь, и ляхескомъ свирѣпствѣ надъ козаками, надъ ихъ женами и дѣтьми среди Варшавы, въ присутствіи сенаторовъ и земскихъ пословъ. Помраченный своими страстями и злодѣйствами бунтовщикъ долженъ былъ прибѣгать ко всѣмъ ухищреніямъ самозванщины, чтобы съ высоты воителя за вѣру, не спуститься до того уровня, на которомъ стояли Татары, призванные имъ на добычный промыселъ.

Что касается Москвы, то она, глядя издали на пожаръ, уничтожившій польскіе труды на русской почвѣ, держала себя выжидательно. Ни кievскій митрополитъ, воспитанникъ Петра Могилы, ни кто-либо изъ тѣхъ владѣль, которые, по словамъ легковѣрныхъ историковъ, снабжали козаковъ порохомъ и гаковницами, ни даже таковой энтузі-

асть, какъ извѣстный на Москвѣ Аѳанасій Филиповичъ, не присылали къ царю пословъ и не являлись, подобно Исаію Борисовичу, съ просьбами принять козаковъ подъ свою высокую руку, какъ это бывало въ тѣ времена, когда козаки не вводили еще Татаръ въ Христіанскую Землю. О Хмельницкомъ ходили не межъ одними польско-русскими панами слухи, что онъ, бывши долго послѣ Цедорскаго пораженія въ плѣну, отуречился, что отсюда завязалась у него дружба съ мусульманами и что онъ, въ случаѣ неудачи въ войнѣ съ панами, отдастъ Украину турецкому султану. Да и самъ Хмельницкій много разъ хвастался, что отдастъ султану всю Польшу. Ходатайствовать передъ московскимъ царемъ въ пользу такого патріота, стремившагося къ Великой Руси „всѣми силами души“, не могли ни тѣ, которые, по почину Петра Могилы, вели малорусское общество къ соединенію церквей путемъ школьной науки и польской общественности, ни даже тѣ, которые, устами Филиповича, вопіяли: „*Vae maledictis et infidelibus!*“

Москву, надобно думать, смущало отчужденіе отъ нея малорусской церкви въ такой критическій моментъ, когда силы ея исконнаго супостата были поколеблены и когда русская почва тряслась подъ его ногами, дымилась какъ вулканъ, извергала пламя вмѣстѣ съ потоками крови. Теперь бы, именно теперь, слѣдовало козакамъ соединиться съ церковными властями и обратиться къ царю съ общою просьбою о покровительствѣ, какъ это было сдѣлано 23 года тому назадъ. Но Малорусскій народъ, въ лицѣ своего духовенства, дворянства, купечества и мѣщанства, держался въ сторонѣ отъ козаковъ.

Между тѣмъ бунтъ Хмельницкаго сдѣлалъ громадныя успѣхи. Огни, истреблявшіе панскіе хозяйства и дома, пылали уже на Волыни. Счастливый въ возбужденіи низкихъ инстинктовъ разбойникъ мечталъ о завоеваніи себѣ удѣльнаго княжества. Выжидательное положеніе Москвы раздражало его и онъ посылалъ къ пограничнымъ царскимъ воеводамъ сердитыя письма.

Правительство Тишайшаго Государя знало, что между козаками Хмельницкаго находится множество донцовъ. Знало оно, что къ запорожскимъ Черкасамъ примкнули не одни Татары, но и Калмыки. Козацкая ватага, мечтавшая еще въ XVI вѣкѣ о разрушеніи Кракова, могла, въ случаѣ чего, покуситься, подобно Косолаповцамъ, на Москву, которая, по пословицѣ антигосударниковъ, „стояла на крови“, то есть подавила удѣльных князей, какимъ задумалъ сдѣлаться нашъ Хмѣль и уничтожила драчливыхъ вѣча, воскресавшія въ козатчинѣ. Нельзя было оставлять польскаго Косолапа безъ вниманія, съ его гро-

мадными полчищами и съ его рѣшимостью дѣйствовать по козацкой пословицѣ: „абѣ панъ, абѣ пронавъ“!

Хотмыжскій воевода, князь Болговской, на вопросъ: какъ отвѣчать Хмельницкому противъ его грозящаго письма? получилъ изъ Москвы проектъ отвѣта. Онъ отписалъ къ запорожскому гетману, — что царскіе ратные люди стоятъ съ нимъ (княземъ Болговскимъ) „на Украинѣ и въ другихъ украинскихъ городѣхъ и у крѣпостей воеводы и многіе ратные люди есть, какъ и прежде сего бывали. А стоимъ де съ тѣми ратными людьми для обереганья его царскаго величества украинскихъ городовъ и мѣсть отъ приходу Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. А что будто на васъ хотять стоять, и то нѣкто вмѣстилъ вамъ непріятель христіанскіе вѣры, хотя тѣмъ въ православной христіанской вѣрѣ ссору учинить. И вы бы и впередъ отъ насъ того не мыслили и опасенья никакова не имѣли. И отъ васъ никакова дурна не чаемъ и опасенья не имѣемъ, потому что вы съ нами одно православныя христіанскіе вѣры“.

Это было писано въ іюлѣ 1648 года. Въ концѣ русскаго іюля Хмельницкій благодарилъ князя Болговскаго за его дружескій отвѣтъ, и приглашалъ Москву нападать на Польшу. Но передъ тѣмъ онъ писалъ къ путивльскому воеводѣ, Никифору Плещееву: „Ужъ то третьяго посла вашего имаемъ, что вы, утаясь насъ, ссылаетесь съ Ляхами насъ воевать... Если себѣ того будете желати, чтобы есте на насъ, на свою вѣру православную христіанскую, имѣли мечъ поднять, а мы будемъ Богу молитися, что также потѣхи не отнесете, какъ и кто иной. Легче намъ, колько бившися межъ собою, помиритися, а помирився, на васъ поворотитися, что за намѣну вашу Богъ насъ погубить“.

Въ своихъ письмахъ къ царскимъ людямъ счастливый разбойникъ титуловалъ себя „*Божією милостію* гетманъ“, чего, конечно, не оставила Москва безъ вниманія, — хоть однажды онъ, съ пыла, заключилъ свое письмо къ Путивльскому воеводѣ (отъ 11 русскаго іюля) словами: „*Вашему величеству* всего добра желаю пріятно“, а подписался безъ *Божіей милости*.

Москва была поставлена въ положеніе затруднительное, опасное и вмѣстѣ съ тѣмъ неловкое. Въ августѣ путивльскій воевода получилъ указъ о томъ, какъ написать отвѣтное письмо къ Богдану Хмельницкому, и при указѣ—образецъ самаго письма, по поводу задержанія Хмельницкимъ московскаго посланца къ Іереміи Вишневецкому. Плещееву было наказано: „къ Вишневецкому и къ Адаму Киселю, и къ инымъ ни къ кому, безъ царскаго указу, ни о какихъ дѣлахъ листовъ отъ себя не писать и съ ними не ссылаться“.

Въ „образцовомъ письмѣ“, которое Плецеевъ долженъ былъ „написать на листѣ слово въ слово“, всего замѣчательнѣе то, что въ титулѣ: „Богдану Хмельницкому, гетману Войска его королевской милости Запорожскаго“, слова: *его королевской милости*, написанныя въ черновомъ отпускѣ, были (безъ сомнѣнія, думной редакціей) зачеркнуты. Можетъ быть, здѣсь имѣлось въ виду безкоролье, а, можетъ быть, и что иное. Въ образцовомъ письмѣ, посланномъ бѣлгородскому воеводѣ, князю Пронскому, отъ 27 февраля 1649 года, по избраніи на королевство Яна Казимира, означенныя слова не были восстановлены, какъ и никогда послѣ.

Сочиненное въ Москвѣ письмо Плецеева къ Хмельницкому было буквальныймъ повтореніемъ увѣреній, сочиненныхъ для князя Болговскаго; прибавлены только слова: „Писалъ ко мнѣ князь Еремей Вишневецкой, воевода русской, что Крымскіе Татаровя въ собраніи на урочищѣ у Княжихъ Буераковъ 40.000 стоятъ наготовѣ, а хотять идти царскаго величества на украины войною. И противъ того ево письма язъ, царскаго величества путивльскаго воевода, къ нему ко Князю Еремѣю Вишневецкому писалъ, хотя отъ него прямыя вѣсти вѣдать, куды тѣхъ Крымскихъ Татаръ впрямъ походу чають, для опасеня царскаго величества украинныхъ городовъ. А то дѣло не новое, что о Татарѣхъ на обѣ стороны вѣдомо чинить и отъ ихъ безвѣстнаго воинскаго приходу береженье держать“.

Наконецъ, въ началѣ 1649 года получено въ Москвѣ изъ Смоленска тарабарское письмо отъ царскаго гонца, думнаго дьяка Григорія Кунакова. Это былъ человекъ въ посольскихъ дѣлахъ опытный и вообще смѣтливый. Ему было поручено „довѣдаться подлинно, за что учинилась у пановъ (не сказано у *Полковъ*) ссора съ Черкаскаимъ“, и онъ, донося обо всемъ, что ему рассказывали русскіе зарубежники, написалъ слѣдующее:

„Богданъ Хмѣльницкій хотѣлъ отомстить Потоцкому за свои обиды домашнія, и собралъ черкасское войско, даючи причину, будто для того, что межъ королевствъ устоять о вѣрѣ, чтобъ имъ подъ угѣ его не быть“.

Эти слова согласовались съ извѣстной уже намъ отпиской путивльскаго воеводы 1638 года, въ которой онъ, со словъ строителя Густинскаго монастыря съ братією, доносилъ, что Поляки побиваютъ Черкаска за самовольство, за избіеніе по городамъ урядниковъ, за грабежи надъ Жидами и Ляхами, за поджиганье костеловъ и святотатство, а не за *отру*. И видно было для чего писать „вѣсти въ Смоленску доведаны есь“ тарабарскимъ письмомъ, иначе *письмомъ по ми*

торь, котораго ни Кунаковъ, ни другіе вѣствовщики въ послѣдствіи не употребляли. Это былъ великій государственный секретъ: Москва наконецъ знала, въ чемъ дѣло и какъ ей быть.

Всѣ, однакоже, польскіе труды на русской почвѣ уничтожались, какъ бы неисповѣдимымъ судомъ Божиимъ, чрезъ посредство козацкихъ и всяческихъ разбойныхъ рукъ. Новая орда грозила вырости на древнемъ пепелищѣ Варагуруссовъ, засыпанномъ костями тѣхъ Русичей, которые забыли, что „ихъ предки вѣры отъ паны не принимали“. Эта орда (такъ должна была размышлять Москва) будетъ необходимо подначальна Крымской Ордѣ, а Крымская Орда пошла отъ той, которая испедила первопрестольную столицу Руси, и такимъ образомъ снова готова встать уничтоженное Москвой и Литвой владычество Чингисхановичей надъ широкимъ займищемъ Рюриковичей. Что станется тогда съ Великой Русью? Ее совсѣмъ отрѣжутъ отъ христіанскихъ народовъ, и, можетъ быть, на мѣстахъ древнихъ кievскихъ святыхъ, Ярославской Софій, Золотоверхаго Михаила, Царствующей Печерской Лавры, появятся магометанскія мечети. Если же такъ не станется; если козаки будутъ „сильны Татарамъ“ и удержатъ подъ своей властью священныя и славныя высоты кievскія, тогда донцы соединятся съ запорожцами, тогда и вся козачина царскихъ украинъ применеть къ днѣпровскимъ наѣзникамъ, — и настанетъ новое царство, хуже Литовскаго, царство козацкое, воровское. Уже и то было слыхать, что Хмельницкій, „гетманъ Божию милостію“, объявилъ своей столицей Кіевъ, а въ Смоленскѣ Кунаковъ довѣдался, что козаки не пустили кievскаго митрополита на сеймъ и „приставили къ нему варту по сту человекъ: знай де свою келью и въ такія дѣла не вступайся“.

Правда, Кунаковъ доносилъ, что Хмельницкій домогается отъ новаго короля, чтобы онъ „церкви благочестивыя христіанскіе вѣры въ Кіевѣ и во всей Бѣлой Руси всѣ отъ унѣи учинилъ свободны, и достеловъ бы и унѣи въ Кіевѣ и во всей Бѣлой Руси отнюдь не было“; но тутъ же писалъ своею государственной тарабарщиной, что козаки требуютъ отъ короля — отдать „кievское и всей Бѣлой Руси правленіе на ихъ гетманскую волю, а самъ бы король въ Кіевѣ и во всѣхъ бѣлорусскіе города, ни въ росправу, ни въ што не вступался, и на томъ бы де король и паны рады присягли и записями укрѣпились“.

Это было бы не больше и не меньше, какъ воскресеніе великаго князя литовскаго Гедимина въ особѣ козацкаго гетмана Богдана. Случись это на самомъ дѣлѣ, — и Москва была бы стѣснена козацкой вольницей гораздо больше, чѣмъ во времена оны новгородскимъ и

псковскимъ вѣхами. Москвѣ тогда угрожалъ бы переворотъ еще болѣе тяжкій, чѣмъ подъ владычествомъ навязаннаго ей въ Смутное Время Владислава Жигимонтовича. Устроенное въ ней вѣхами должно было разстроиться, и утвержденное великими заботами да вѣрными думами царскихъ сановниковъ было бы поколеблено. Москва не могла допустить у себя подъ бокомъ, на древнерусской почвѣ, безбоарщины и безгосударщины. Какъ ни противна ей была вольница шляхетская, но вольница козацкая противорѣчила всѣмъ ея симпатіямъ и государственнымъ преданіямъ. Притомъ же, что бы тамъ ни дѣлали латинцы Римляне изъ-подъ руки у короля во вредъ малорусско-бѣлорусскому православію, но ей, какъ державѣ самоуважающей, не подобало насѣдять на сосѣднюю, тоже почтенную державу въ ея несчастныхъ обстоятельствахъ. Ужъ если судомъ Божиимъ пришло такое время, что Польша должна поплатиться за всѣ свои грѣхи, содѣянные въ угожденіе беззаконному Риму, такъ надобно выждать, чтобы фіалъ гнѣва Господня излился на нее самъ собой до конца:

Такъ должна была разсуждать и такъ дѣйствительно *поступала* Москва, эта фурія польскихъ „народныхъ пророковъ“, постоянно стремившаяся въ Польшу для ея разрушенія,—эта робѣющая передъ „сильнымъ могуществомъ Польскаго государства“ держава напихъ козакомановъ, игравшая роль друга и Поляковъ и козаковъ. Въ предыдущемъ, не-тарабарскомъ письмѣ своемъ Кунаковъ доносилъ царю:

„Въ Дорогобужѣ, государь, говорилъ со мною, холопомъ твоимъ, въ розговорахъ бурмистръ Хриптофъ Красовскій, удивляясь и похваляя твою государскую милость, что ты, великій государь, въ такое ихъ безглавное время и въ великомъ упадку и въ разореньѣ, въ которое они время ни откуда послышу себѣ не чаяли, показали надъ ними свою государскую милость, въ вѣчные роды удивленію и хвалѣ достойную: не изволилъ на нихъ послати своей государевой рати; а мочно де, государь, было тебѣ, государю, все свое изволеніе учинить и города отыскать и небольшимъ собраньемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Тихайшій Государь былъ расположенъ благоволить евангельски даже исконнымъ врагамъ своего царства, Полякамъ и ихъ побратимамъ, Литворуссамъ. Но его думные бояре и дьяки должны были оглядываться на польскую воинственность, усиленную съ одной стороны богатырями Русичами, а съ другой—„хороброю Литвою“. Поляко-Литво-Руссы—надобно было признаться—съ малыми боевыми силами торжествовали надъ многолюдными московскими ратами. Правда, теперь лучшіе польскорусскіе ротмистры были побиты; весь походный нарядъ пропалъ, и даже арсеналъ Рѣчи Посполит-

той, Барс, не сегодня, такъ завтра, могъ озутиться въ рукахъ у во-
завою. Притомъ же, въ польскихъ войнахъ съ Москвою, воюаки бы-
ли бурнымъ вѣтромъ, предшествовавшимъ грозу; оиъ были крыльями
громовосныхъ орловъ; они были пламенемъ, превращающимъ заселен-
ныя области въ нѣмня пепелища. Теперь этотъ „духъ буряи“, этотъ
„поядающій огонь“ обращенъ волей Всевышняго на царскія супоста-
товъ и, судя по началу Хмельничины, не устоитъ противъ нея ни
Кравовъ, ни Варшава. Но Москва знала по себѣ, какъ можетъ быть
сильна земля противъ онустошителей. Запасы боевой силы въ странѣ
Мечиславовъ, Болеславовъ, Каанмировъ, Сигизмундовъ и Владиславовъ
не исчерпывались ни выбывшими изъ польскихъ ополченій козаками,
ни погибшими воровными и панскими полкерами. Польскарусскій и
литворусскій шляхтичъ оказывался весьма часто на войнѣ трусомъ, а
въ мирное время разорителемъ беззащитной братіи славянъ, но въ слу-
чай крайности онъ являлся героемъ. Онъ велъ свое происхожденіе,
если не отъ тѣхъ, которые повищербили свои мечи на Золотыхъ Во-
ротахъ въ Кіевѣ; то отъ тѣхъ, которые приковали свои щиты въ во-
ротахъ царградскихъ, да отъ тѣхъ, которые съ своимъ Вадиминани
и Ольгердами прегнали Бичкаскую Орду съ днѣстра-днѣпротскаго
Черноморья. Надобно было, кромѣ того, помнить еще, что славя
Польша стояла Римъ съ послушными ему государетвами. Дорога сло-
жилъ передовымъ редутомъ, римскій папа, чего добраго, поднимаетъ на
сво сащиту все Католичество, которое цѣлымъ тридцать лѣтъ билось,
въ угоду Вѣчному Городу, съ нѣмецкими да швейцарскими люторами, и
которое какъ разъ теперь, послѣ Вестфальскаго мира, удесужилось.
Наконецъ, въ Польшѣ, какова она ни есть сама по себѣ, могутъ жить-
ся свои Лапуоны, свои Сюоныи Шуйские, Минниги, Поморскіе, ко-
торые остановать козацкое всегубительство, какъ было установлено
Московское Разореніе подвигами героевъ Смутаго Времени, и Польша,
помнившаяся теперь объ отступленіи за Вислу, движется ароче-
но къ Днѣпру, а потомъ и къ Москвѣ-рѣкѣ.

Таки оображенія, естественно, могли занимать совѣтниковъ Ти-
шайшаго Государя, и политика ихъ не была ни ошибочна, ни черезъ
чуръ осторожна.

Среди всеобщаго страха и унынія польско-русскихъ пановъ, го-
ройскій духъ шляхетскаго народа проявился въ боевыхъ подвигахъ
князя Іереміа Корибута Вишневецкаго.

Князь Іеремія объявилъ себя католикомъ незадолго до того вре-
мени, когда двоюродный братъ его матери, Петръ Могила, сдѣлался
кіевскимъ митрополитомъ. Извѣстно трогательное заклинаніе гонима-

го Могилою Копинскаго, обращенное къ отступнику. Ничего подобнаго, да и вовсе таки ничего, не предпринялъ дядя малорусскаго магната, чтобъ удержать его въ православіи; а кому, казалось бы, снисая молодого человѣка отъ католичества и попятенія, какъ не тому, о православно-русскихъ дѣянїяхъ котораго печатають нынѣ грузныя томы въ тысячу страницъ?

Домъ Вишневецкихъ, какъ домъ князей Острожскихъ и самихъ Могилъ, представлялъ одинъ изъ тѣхъ подмытыхъ римскими рабскими устоевъ православія, которые паписты уничтожали послѣдовательно, начиная съ древнихъ домовъ Радвильовъ, Сопѣгъ, Замойскихъ, Потоцкихъ, Збаржескихъ, Чорторыйскихъ (по польски *Skarotoryjskich*), Сагушевъ, Ходковичей, Пузинъ, Тишковичей. Но, принявъ господствовавшее въ Польшѣ вѣроисповѣданіе, князь Іеремія не трогалъ монастырей, основанныхъ подъ патронатомъ его матери. Подобно всѣмъ аристократамъ, воспитаннымъ латинскою наукою, онъ презиралъ малорусскихъ монаховъ, какъ жалкихъ сантантовъ. Онъ былъ увѣренъ, что, съ распространеніемъ тѣхъ скандъ, которыми снабдили наше малорусское общество наставники могилскихихъ школы, монахи Исаи Копинскаго сами собою оцѣнятъ и примутъ благодѣнія царскаго единства, съ которыми, въ умѣ римскихъ политиковъ, была тѣсно сязана мысль о единствѣ общественномъ и національномъ. Онъ ограничивался только тѣмъ, что, въ виду обскурантовъ и паниковъ, каменявшихъ наши монастыри, водворялъ въ своихъ имѣніяхъ представителей сана и монашества католическаго, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлю уничтожить полудемоніи модельки, казавшіи ему, воспитаннику львовскихъ іезуитовъ, представлялись наши храмы, и привлечь симпатіи лучшихъ людей въ релігіи обласороженской, Князь Іеремія, построилъ доминиканскій, а это значитъ — проповѣдническій, монастырь въ Прилуцѣ; въ нашей южнвской Прилуцѣ, и костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Доквицѣ. Этими сооружеженіями, какъ явствуетъ нынѣ, воспитатели Байдича мѣтили къ самой центрѣ малорусской народности. Какъ тыла исчезаетъ отъ свѣта, такъ, по ихъ воззрѣнію, должны были исчезнуть малорусскіе умы и монахи отъ вліянія образованнаго по европейски духовенства на общество. (Мужики въ расчетъ не принимались).

Самъ Вишневецкій отличался среди пановъ трезвою и порядочною жизнью, необыкновенною дѣятельностью по всѣмъ частямъ коло-

нищеннаго хозяйства и тѣмъ удѣльно-внѣзскимъ или можновлад-
скимъ патріотизмомъ, который былъ основанъ на возвышеніи собствен-
наго дома. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на самодержавнаго монарха.
Въ немъ ожилъ литворусскій духъ предка его, Корибута-Дмитрія Оль-
гердовича, подъ вѣбными видомъ польскаго магната. На всѣ сторо-
ны раскинулъ онъ свои владѣнія съ помощью мелкой, такъ называе-
мой *мизмей* шляхты, этихъ дружинниковъ можновладства, отдававших-
ся подъ панскій щитъ съ беззаветною преданностію, этихъ протопла-
стовъ козачины, послужившихъ ей такъ или иначе кадрами. Онъ,
какъ мы видѣли, былъ „сиденецъ“ каждому сосѣднему магнату и стра-
шалъ необузданностію духа самого короля Владислава. Не только
у людей вѣликихъ и бездѣйственныхъ, но и у такихъ, какъ Станиславъ
Юнеципольскій, враса польскаго племени, слава древнихъ Сарматовъ,
оспаривалъ онъ поприще колонизаціи малорусскихъ пустынь, на ко-
торомъ не имѣлъ и не терпѣлъ соперниковъ. Изъ этихъ жестякихъ и,
пожалуй, отталкивающихъ чертъ характера Князя Іеремія необхо-
димо прибавить такія, которыя дѣлаютъ изъ него симпатичнаго ры-
царя. Не въирахъ на то, что великій Конецпольскій тѣгался съ нимъ
до самой смерти за сорокъ спорныхъ осадъ въ Украинѣ, Вишневец-
кій всегда былъ готовъ помогать ему, какъ и всякому другому пану,
въ борьбѣ съ врагами колонизаторскихъ трудовъ и помочь Конец-
польскому одержать славную побѣду надъ Татарами подъ Охнатовицъ.
Подругу своей кипучей и воинственной жизни нашелъ онъ себѣ въ
домѣ гуманнаго, разносторонне просвѣщеннаго Оми Замойскаго, из-
вѣстную своею красотою Гривельду, въ которую былъ влюбленъ до
конца недолгаго своего вѣка, какъ подобаетъ истинному нападнику
безъ страха и упрека.

Основавъ съ 1634 года свою резиденцію въ Лубнахъ, Вишневец-
кій отнюдь не дозволялъ московскимъ пограничникамъ переходить за
черту его владѣній у Недригайлова, подъ Путивлемъ, а Крымская
Орда, вторгавшаяся безпрестанно въ Западную Украину, черезъ дре-
внее Поросіе, въ имѣнія такихъ козаковатыхъ помѣщиковъ, каковы
были князья Жоредкіе и Рожинскіе,—не смѣла съ востока перейти
Ворскло и Пселъ, чтобы ясырничать на Посуліи. Корибутъ Вишне-
вецкій служилъ шляхетскому народу щитомъ на весьма важной линіи
отъ своихъ вѣстечекъ Баровицы и Мошенъ на правой сторонѣ Дибц-
ра до московской, такъ называемой *польской* (полевой, степной) украй-
ны—на лѣвой, колонизуя здѣсь новую Вишневетчину въ подспорье къ
старой, которой центральнымъ пунктомъ былъ Вишневецъ на Горы-
ни,—и это важное обстоятельство придавало Князю Іеремію характеръ

удѣльнаго князя больше, нежели кому-либо изъ польскорусскихъ магнатовъ, такъ что и самъ Хмельницкій, въ письмахъ къ нему, называлъ его задѣйковскія владѣнія государствомъ (państwo). Чѣмъ былъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, на тогдашнемъ пограничьи, Рѣчи Посполитой домъ князей Острожскихъ, тѣмъ въ XVII-мъ, на пограничьи новомъ, сдѣлался домъ Корбутовъ Вишневецкихъ. И какъ дому Острожскихъ оборонять свои владѣнія преемниками Торонъ и Берендеевъ козаками, такъ точно поступать, въ магнатской самозащитѣ отъ Татаръ да сосѣдей-пановъ, и домъ князей Вишневецкихъ. Козаки были истреблены то дружинами и хлѣбоѣдцами, то врагами и опустошителями этихъ маркграфовъ Рѣчи Посполитой. Одинъ изъ предковъ Іереміи Вишневецкаго, князь Димитрій, по прозвищу Байда, водилъ ихъ за собой даже на службу къ Сулейману Великолепному, потомъ къ Ивану Грозному, далѣе осаждалъ низовыхъ козаковъ, со своими козаками-городовниками, у Днѣпра, въ устьѣ Сулы (сволько это извѣстно по воспоминанію старожиловъ Павлюковщины), и наконецъ попалъ, съ козацкою дружиною своею, въ ловушку, устроенную для него въ Володчанѣ политикою Сулеймана. Козаки воспылали его, подъ именемъ Байды, какъ борца за христіанскую вѣру, погибшаго отъ магометанъ мучительною смертію на желѣзныхъ вѣрчакъ.

Средняя съ развитіемъ воззрѣній идею вѣры и путался въ ней, какъ муха въ паутинѣ, наши историки дѣлаютъ изъ жизни, постигнутой „козака Байду“ за имѣну султану, то же самое *не любо не слушая*, которое они проводятъ въ своихъ писаніяхъ отъ Косинскаго до Хмельницкаго. *) Но вѣра и для самого Іереміи Вишневецкаго не была главной заботой жизни. Подобно своимъ предкамъ и подобно множеству разновѣрныхъ магнатовъ своего времени, онъ, какъ, говорится поукраински, *когавсь у козакахъ*, и его наследственная страсть къ полудѣвнымъ набѣдникамъ сопривасалась такъ же мало съ его религіозными воззрѣніями, какъ и страсть къ стейнымъ вѣрстамъ-гарогамъ, которыхъ для него искали даже на московскимъ рубежамъ. Козаки были ему нужны, какъ хищныя птицы, направляемыя, то его слугами-шляхтичами, то имъ самимъ, на такихъ же хищниковъ. И какъ Острожскому не снилось даже во снѣ защищать православіе съ помощію Наливайка, такъ Вишневецкій не могъ вообразить, чтобы между нимъ и такимъ бунтовщикомъ, какъ Хмельницкій, стояла религія.

*) Если Байда былъ религіозенъ, то по духу его времени и по его связи съ такими людьми, какъ владѣлец Хотма, Ласкій, онъ былъ *аріанистомъ*.

Во времена князя Василя лугари, кочевавшіе въ виду Татаръ, селились, подъ его прикрытіемъ отъ закона, въ переяславской пустынѣ. Во время князя Яремы (какъ называли его, сперва любя, а потомъ ненавидя, козаки) отатарившіеся вновь бѣглецы культурнаго общества ютились подъ его широкою полой въ такихъ мѣстахъ, которыхъ до него никто не имѣлъ права, силы и смѣлости обратитъ въ населенныя. Нарушители закона и отверженцы прочно осѣдлыхъ корпорацій, защищенные отъ всякаго преслѣдованія однимъ именемъ Корбута Вишневецкаго, новаго козака Байды, были его *подданными* больше въ смыслѣ военномъ, чѣмъ экономическомъ. Они были его вассалы, его дружинники, и подъ его знаменемъ собиравось ихъ, въ видѣ охочихъ козаковъ, тысячъ по двадцати. Но своенравное, хищное, разбойное Запорожье мало-по-малу возымѣло на нихъ приманками и угрозами то самое вліяніе, какому подчинились козаки, такъ или иначе зависѣвшіе отъ Острожскаго. Добычники по ремеслу и образу жизни, принятые новымъ Байдою подъ его широкій щитъ, въ видахъ охраненія занимаемой ими земли отъ степной кочующей и осѣдлой граничащейся дичи, захотѣли жить на счетъ панскаго хозяйства, и стали смотрѣть на *своего князя*, какъ вольные „служебники“, а не какъ „подданные сутужники“, — стали такъ смотрѣть, какъ въ свое время архикозакъ Байда смотрѣлъ на Сулеймана Великолѣннаго и на Ивана Грознаго. Негодуя на его экономическіе порядки, они, со времени Павлюковщины, стали оборачивать свои пищали, какъ противъ него самого, яко пана и „душмана“, такъ и противъ тѣхъ своихъ товарищей, которые больше вѣровали въ добычу плуга и мирнаго труда, нежели въ добычу меча и хищенія.

Князь Вишневецкій каралъ коронныхъ и своихъ собственныхъ бунтовщиковъ заодно съ Потоцкимъ, которому, какъ и Конецпольскому, служилъ правой рукой. Онъ думалъ властвовать надъ воинственными номадами по примѣру предковъ своихъ, которые, мѣняя въ отношеніи къ нимъ гнѣвъ на милость и милость на гнѣвъ, умѣли дѣлать ихъ ручными, какъ дивихъ степныхъ лошадей. Но взаимная вражда козаковъ и пановъ росла въ силу внутреннихъ недуговъ Рѣчи Посполитой, которые, по замѣчанію краковскаго воеводы, Любомирскаго, „чѣмъ вреднѣе, тѣмъ болѣе скрыты“, *) а презираемые Вишневецкимъ иноки,

*) Этотъ мудрый сенаторъ писалъ къ сеймующей шляхтѣ въ іюлѣ 1648 года: Трудно возстановить спокойствіе, „pòki niezagoją się nie tylko powierzchowne, ale i wewnętrzne rany, które, im szkodliwsze, tém skrytsze“.

съ умысломъ и безъ умысла, давали козацкой ненависти въ окатоличенному потомку знаменитаго Байды санкцію въѣры. Указывая на отступничество князя Вишневецкаго и распространяя тревожные слухи даже насчетъ его дяди, кіевскаго митрополита, они, безъ всякихъ политическихъ замысловъ, дѣлили рѣзче и рѣзче украинское населеніе на пановъ и людей посполитыхъ, на злочестивую Ляхвѣ и благочестивую Русь. Къ панамъ причисляли они, въ понятіи черни, всѣхъ жолнеровъ, состоявшихъ большею частью изъ православнаго просто-народья, а къ *Ляхамъ*—всѣхъ землевладѣльцевъ и ихъ шляхетныхъ слугъ, не взирая на то, что многіе изъ великихъ домовъ сохраняли еще въѣру русскихъ предковъ своихъ, а служилая шляхта, подобно самому Хмельницкому и его отцу, не находила никакой выгоды въ томъ, чтобы мѣнять православнаго попа на католическаго ксендза, или на уніята.

Общая нужда въ защитѣ имуществъ и семействъ подавляла тогда въ Малороссіи всѣ прочіе житейскіе интересы. Не только козаки забывали свои досады на пановъ и на ихъ служилую шляхту, но даже такіе люди, которые, повидимому, не нуждались въ помощи магнатовъ-сосѣдей, такіе, которые граничились между собой изъ года въ годъ и тягались въ трибуналахъ за взаимные захваты,—превращали старыя счеты и вооружались вмѣстѣ противъ постояннаго врага колонизаціи—Татарина. Такъ въ 1643 году козацкій комиссаръ, Николай Зацвилюховскій, подначальный Станиславу Конецпольскому, яко великому коронному гетману, водилъ козаковъ на помощь князю Іеремію Вишневецкому противъ 4.000-й Орды слѣпаго Умерли-аги и отбилъ у нея надъ Сулою, между Ревцемъ и Псломъ, ясирь съ добычею, а въ 1644-мъ, Князь Іеремія съ 3.000 своего войска ходилъ на помощь Станиславу Конецпольскому противъ Тогай-бея и дѣйствовалъ такъ энергически, какъ и съ Потоцкимъ противъ козаковъ Острияницы и Гуни. То же самое вспомнимъ здѣсь и о другомъ поземельномъ сосѣдѣ Князя Іереміи, Адамъ Киселъ, интриговавшемъ въ послѣдствіи между правительственною шляхтою противъ его геройскихъ предпріятій. По фамильнымъ бумагамъ Ростишевскихъ, владѣльцевъ Липоваго въ Кіевщинѣ, эти два одинаково дѣятельные сосѣда граничились по-козацки за свои осады и слободы, но противъ козаковъ дѣйствовали, кто во что былъ гораздъ, какъ противъ общихъ неприятелей.

Такъ дѣло шло у малорусскихъ колонизаторовъ до 1648 года. При первыхъ признакахъ новаго бунта Корнбуть Вишневецкій понялъ опасность своего колонизаторскаго поста на окраинѣ государства, въ странѣ дикой, и принялъ рѣшительныя мѣры для предупрежденія ка-

тастрофы. Нѣсколько десятковъ тысячъ самопаловъ, оборонявшихъ его колоніи отъ хищниковъ и пановъ сосѣдей, было отобрано имъ у своихъ правыхъ подданныхъ и сложено въ лубенскомъ арсеналѣ до поры до времени. Но не предвидѣлъ онъ, что Татары будутъ призваны козаками въ товарищи добычнаго промысла и впущены въ Городовую Украину именно тѣми, которые не менѣе землевладѣльческой шляхты были заинтересованы въ ея оборонѣ. Не могло прійти никому въ голову, чтобы перекопскій царь, два поколѣнія тому назадъ стогнявшій козаковъ съ Днѣпра по договору съ княземъ Острожскимъ для обоюднаго спокойствія мусульманъ и христіанъ, чтобы потомокъ Чингисхана, гордившійся старшинствомъ рода своего передъ цареградскимъ повелителемъ правовѣрныхъ, чтобы тотъ, кто еще такъ недавно являлъ себя царемъ въ своихъ обычаяхъ,—унизился до панибратства съ бунтовщикомъ, кроющимся среди воровъ и горькихъ пьяницъ въ днѣпровскихъ камышахъ и плавняхъ. Самъ же онъ, этотъ Исламъ-Гирей, писалъ къ нему, князю Вишневецкому, недавно, увѣряя его въ своей дружбѣ и поступая царски относительно царственныхъ сосѣдей. Вдругъ все перевернулось къ верху дномъ. Запруда, сдерживавшая напоръ азіатской дичи на Христіанскую Землю, уничтожена въроломнымъ слугой знаменитѣйшихъ панскихъ домовъ, Жовковскихъ, Даниловичей, Копецпольскихъ. Цвѣтущая сельскимъ хозяйствомъ и промыслами половина королевства предана разбойникамъ. Завоеванія шляхетскаго меча и плуга достались безмысленнымъ и беспощаднымъ руйнникамъ.

Но Вишневецкій держался крѣпко на своемъ пограничномъ посту, и въ глубинѣ Рѣчи Посполитой на него смотрѣли какъ на спасительный устой отечества. Можетъ быть, онъ удержался бы на своемъ важномъ стратегическомъ пунктѣ и до конца. Онъ требовалъ подкрѣпленія во-время. Но во-время шляхетская республика не дѣлала ничего. По замѣчанію Адама Киселя, ея медлительность въ подобныхъ случаяхъ съ каждымъ годомъ увеличивалась. Считаая этотъ порокъ своей правительственной братіи неисправимымъ, Адамъ Кисель, уже десять лѣтъ тому назадъ, предлагалъ свой проектъ правительственныхъ мѣропріятій, которыми была бы предотвращена и самая возможность повторенія Павлюковщины. Напрасная предусмотрительность! Быстрый разливъ козако-татарскаго нашествія по Кіевщинѣ, Подоліи и Волини, отрѣзалъ Вишневецкаго отъ тѣхъ панскихъ владѣній, въ которыхъ все стояло еще на своихъ мѣстахъ.

Хмельницкій между тѣмъ доказывалъ справедливость распространявшагося уже въ Польшѣ мнѣнія о талантливости коварнаго козака,

которую паны могли бы, да не умѣли воспользоваться. Коронный подчашій Остророгъ писалъ къ Оссолинскому о нашемъ Хмелѣ: „Великихъ способностей человекъ и воинъ по самой природѣ (*dowcipi wielki ego i z natury żołnierz*)“^{*}. Читая такое донесеніе одного изъ учнейшихъ полководцевъ своихъ, Поляки должны были съ горечью вспоминать слова геральдика Папроцкаго, которыми онъ такъ разогорчилъ ихъ отцовъ и дѣдовъ: *) „Кто въ наше время въ чемъ бы то ни было превзошелъ Русака? Пошлете вы его въ посольство,—онъ исполнитъ посольство лучше, нежели вы ему прикажете. Между Русаками ищите полководца и добраго воина. Съ досадою слышать онъ совѣщанія о мирѣ“^{**})

Козацкій гетманъ отправилъ на *Татарскую* сторону Днѣпра (по милости Вишневецкаго, сдѣлавшуюся, какъ и правая сторона, *Русскою*) одного изъ своихъ полковниковъ, Кривоноса, по пѣснямъ-Перебѣиноса, бунтовать Вишневетчину и въ выборѣ своемъ показалъ тотъ же *dowcip*, который восхвалялъ Остророгъ. Эта была одна изъ тѣхъ личностей, симпатичныхъ для пьяной и свирѣпой толпы, которымъ украинскія разбойничьи пѣсни принесли полную дань своихъ дивныхъ восторговъ.

Вишневетчина была готова къ бунту со временъ Павлюка. Но хозяйственность Князя Яремы сдерживала звѣрскіе инстинкты тѣхъ забродниковъ, которые, воруя, грабя, убивая, скитались въ видѣ гонимыхъ всюду волевоу, прошли широкое поприще панской колонизаціи изъ конца въ конецъ, и не бѣжали далѣе отъ новыхъ обязательствъ и новыхъ преступленій только потому, что далѣе бѣжать было некуда. За Ворскломъ и Псломъ голоднаго скитальца подстерегали съ арканомъ и лыками Татаринъ, а Запорожье прогоняло забродниковъ въ Городовую Украину тѣмъ же самымъ голодомъ, который заставлялъ ихъ дѣлаться винниками, броварниками, будниками, могильниками, фигурирующими въ Иліадѣ козацкихъ разбоевъ. Среди народа работащаго и въ городахъ и въ селахъ, такъ называемые *гультаи*, *кайдары*, *нетяги* чувствовали себя въ самомъ неприятомъ положеніи: они были способны только *пліндрувати*, *руйновати*, *въ пень рубити*.

Теперь пришелъ чередъ силъ опустошающей выступить противъ силы производящей, во всеоружіи того безпутства, котораго начала

*) Книга Папроцкаго: „Panosza, to iest Wystawienie Panow Buskich y Podolskich“, была въ Польшѣ преслѣдуема, какъ и его гербовникъ.

***) Poślecie go w poselstwie, dobrze je odprawi.
Ledwie mu tak rozkażą, jak on lepiej sprawi.
Tam pytaj o Hetmanie, o dobrym Hycerzu,
Nie rad kiedy wotuią w Radzie o przymierzu.

кроются въ безпутствѣ шляхетскаго народа, бредившаго вольностью въ своей зависимости отъ каждаго сильнаго и дерзостнаго. Винники, броварники, лазники, будники, могильники, чабаны, пасѣчники и тѣ, которыхъ королевскія комиссіи, съ 1617 года, требовали исключить изъ козачества подѣ непонятными уже для насъ названіями *канкаюковъ, былачеевъ, балакезеевъ, кафанниковъ*, вмѣстѣ съ ремесленною своевольною молодежью и промотавшеюся или обобранною своими всендзами да монахами шляхтою, — отдѣлились отъ общества людей порядочныхъ, или, какъ говорилось тогда, *статѣчныхъ*. Внимая дерзкому призыву Кривоноса къ истребленію всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, причеиъ имѣлась въ виду не вѣра и національность, а зажиточность, гультая принялись кривоносничать всюду, гдѣ пахло поживою, горілкою, безнаказанностью, и наводили ужасъ на тѣхъ, чьи выгоды были въ какомъ-либо отношеніи общими съ панскими.

Не довѣряя обезоруженнымъ подданнымъ, которыхъ недавно еще собиралось вокругъ него до 26.000 для демонстраціи передъ Крымомъ, Вишневецкій окружилъ себя только служилою шляхтою и разгонялъ гайдамацкіе загоны Перебийноса на пространства отъ Ворскла до Трубежа, а пойманныхъ на *горячемъ учинкѣ* перебийносцевъ казнилъ тутъ же, какъ дѣлалъ Николай Потоцкій въ 1638 году. Но онъ, въ свою очередь, не принялъ во вниманіе важнаго обстоятельства, что въ рукахъ у него былъ мечъ католическій, и что самое безупречное право суда съ его стороны, какъ охранителя чести, собственности и личной безопасности гражданъ, было только новымъ ударомъ „Ляха“ по малорусскому сердцу. Церковная реторта таинственно, точно въ кельѣ алхимика, передѣлывала польскія добродѣтели въ пороки, а малорусскіе пороки — въ добродѣтели. Страхъ казни за бунтъ, за грабежи, насилія, разбой — уничтожался дикимъ крикомъ *за вѣру!* слышимымъ отъ Чигирина и Корсуня до Путивля и Сѣвска, отъ Путивля и Сѣвска до Смоленска и Дорогобужа, отъ Смоленска и Дорогобужа до самой Москвы. По малорусской пословицѣ: „у своіей хаті й кутей помагають“, пренебреженному панамъ православію помогали, на его родной почвѣ, даже тѣ люди, которые не знали, въ чемъ состоитъ оно, — тѣ, которые были гораздо ближе къ исламу, нежели къ евангелію, — тѣ, которые изъ моралиста-протестанта дѣлали „Святаго Рѣя“, *) — тѣ, которыхъ,

*) По разсказу Кассіана Саковича, одинъ благочестивый попъ, развернувъ протестантское сочиненіе польскаго поэта Рѣя, обратился къ прихожанамъ со словами: „Пандве миряне, православні християне, послушайте лишь казанія Святого Рѣя“, и по доносу католика, былъ привлеченъ за это къ суду.

по словамъ самихъ защитниковъ православія, чаще выдали въ кабакъ, нежели въ церкви. *) Чѣмъ энергичнѣе дѣйствовалъ Вишневецкій, чѣмъ усерднѣе подвигался онъ по камертону польскаго центра Варшавы, тѣмъ больше вѣсы таинственной судьбы склонялись въ сторону центра русскаго—Москвы. Безстрашный охранитель польской границы, врѣзавшейся въ московскую землю, онъ собственнымъ мечемъ указывалъ нашему народу дорогу въ Москву. Вишневецкій былъ похожъ на великана, пытающагося погасить вспыхнувшій пожаръ бурнымъ дуновеніемъ; но пожаръ, не „погашенный въ искрахъ“, превзошелъ наконецъ великанскую силу: бурный духъ восточнаго маркграфъ польскаго раздувалъ пламень международной вражды до бѣшенства. Такою представляется исторіку дѣятельность колонизованнаго Байдича въ конечномъ результатѣ своемъ. Каждый ударъ его геройской руки и все блестящее поприще воинской славы его въ эту гибельную для Польши усобицу—были не что иное по своимъ послѣдствіямъ, какъ мимовольная служба русскому элементу, пренебреженному имъ ради польскаго.

Положеніе князя Вишневецкаго было еще трагичнѣе, чѣмъ оныхъ героевъ отпора антикультурной Татарщинѣ, о которыхъ знаменитый геральдикъ XVI вѣва писалъ, что они стояли на границѣ христіанскаго міра, какъ мужественные львы, и жаждали одной кровавой бесѣды съ невѣрными. Тѣ пролагали колонизаторамъ-панамъ дорогу въ обѣтованную землю, которой сами не увидѣли; а онъ создалъ цѣлое царство, текущее молокомъ и медомъ въ виду голодной Скиѳіи, — и люди, призванные имъ въ участію въ благахъ привольной жизни предпочли превратить его богатое хозяйство княжество въ такую же голую и голодную Скиѳію, какъ та, которая лежала за Ворскломъ съ одной стороны и за Тясминомъ—съ другой.

Означенные Хмельницкими да Перебійносами поселяне дѣйствовали на его колонизаціонную ассоціацію сильно прельщеніемъ, но еще сильнѣе—терроромъ. Попасть въ число ихъ жертвъ было страшно и безстрашному. Недаромъ ходили всюду рассказы о томъ, какъ сулиминцы казнили коменданта кодацкой крѣпости, а хмельничане—козацкаго комиссара, Шемберка. Недаромъ и о самомъ Хмельницкомъ шла молва, что онъ собственноручно снялъ голову съ этого „нашійника“. Не было той жестокости, которою бы не насладилось тогда безпощадное козацкое сердце. Если старожилъ нашего времени изоб-

*) Печерскій архимандритъ Захарія Копыстенскій сѣтуетъ въ своей „Палинодіи“, что нашего попа чаще выдали въ кабакъ, нежели въ церкви (Автографъ Палинодіи хранится въ Варшавской бібліотекѣ графовъ Красинскихъ).

разилъ намъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, гайдамаку Желѣзняку и Гонты, подавшаго крестьянской благотворительницѣ дитя ея на своемъ козацкомъ списѣ (копѣѣ) *), что дѣлали въ XVII столѣтіи хмельничане? и чего долженъ былъ ждать отъ кривonosовцевъ приверженецъ Князя Яремы? Имущество вѣрнаго Байдичу челоуѣка обрекалось расхищенію и пожару, его семья—повору и всевозможной тиранніи, а его жизнь, яко, „панського підлізы“ и „Недоляшка“, могла быть обезпечена—или отчаянною защитою въ малочисленномъ ополченіи шляхтичей, или, гораздо вѣрнѣе, участіемъ въ кровавой оргіи козатчины. Попавъ между двухъ лагерей и слыша о баснословныхъ успѣхахъ бунта Хмельникаго, не только простолюдины, но и шляхтичи, преданные дотолѣ Вишневецкому, оставляли „своего князя“, и если не переходили подъ бунчукъ Перебийноса, то прятались въ сѣверскихъ трупобахъ до рѣшенія страшилищнаго спора между козаками и панами.

Разгоняя гайдамацкія шайки и карая своихъ измѣнниковъ съ той же завзятостью, которой отличались козаки, Вишневецкій дошелъ до Переяслава. Но усмиренный Конецпольскимъ, а черезъ семь лѣтъ Потоцкимъ, Переяславъ кипѣлъ уже бунтомъ. Въ немъ сидѣлъ достойный преемникъ изолганнаго полудикою малорусскою письменностью Тараса Трасила **), Перебийносъ, и готовился выйти навстрѣчу Князю Яремѣ, котораго шляхетное ополченіе таяло по мѣрѣ приближенія къ старому гнѣзду козатчины.

Вишневецкій очутился въ положеніи крайне опасномъ. Отрѣзанный отъ Кіевщины и Волини, онъ смотрѣлъ подозрительно на своихъ пограничныхъ вассаловъ, на своихъ испытанныхъ дружинниковъ, и долженъ былъ опасаться всего худшаго. Не желая пасть въ безславномъ бою, или сдѣлаться жертвою козацкой тиранніи, все еще страшный для Перебийноса Князь Ярема отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству въ другую Вишневетчину, колонизованную предками его,—на Горынь. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣпости обожаемую любовницу-жену, красавицу Гризельду, и тогда уже ринуться на бой съ чудовищемъ неслыханнаго бунта, очертя голову.

*) См. Кіевскую Старину 1887 года, январь, стр. 51.

**) Прозвище *Трасило* дали Тарасу Федорѣвичу (по фамиліи шляхтичу) козаки, распускавшіе слухъ о своемъ торжествѣ надъ Конецпольскимъ. Ложное преданіе о *Тарасовой Ночи*, въ которую будто-бы Тарасъ Ляховъ за чуба по-трѣсь, дошло до нашего времени, и пущенъ въ ходъ новыми лѣтописцами да кобзарями.

Въ Лубнахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Истребитель панскаго войска принялъ за правило, подобно коварному Исламъ-Ги рею, разсылать во всѣ стороны миролюбивыя письма, въ которыхъ не писался *милостію Божією*, какъ въ сношеніяхъ съ московскими воеводами: раболѣпствуя передъ магнатами, смиренно называлъ онъ себя *старшимъ* Запорожскаго Войска и хлопоталъ о помилованіи, а между тѣмъ занималъ подъ козацкій присудъ города, разорялъ панскія имѣнія, вооружалъ новыя десятки тысячъ черни и велъ войну такими варварскими средствами, что его называли Тамерланомъ.

Многіе изъ магнатовъ поддались его хитрости, надѣялись войти съ униженнымъ ласкателемъ своимъ въ компромиссъ, не принимали крайнихъ мѣръ къ защитѣ имѣній, и этимъ убѣждали чернь въ своемъ безсиліи: того и желалъ Хмельницкій, на то и рассчитывалъ. Онъ хотѣлъ убаюкать и Вишневецкаго; но тотъ, не показывая вида, что потерялъ надежду устоять противъ Перебийноса, маскировалъ свое бѣгство военными приготовлениями и, взявши съ собой лишь нѣсколько походныхъ возовъ да 15 рукодайныхъ слугъ, оставилъ свое заднѣпровское княжество, въ которое не суждено уже было вернуться ни ему самому, ни его потомкамъ. Онъ объѣхалъ обнятое бунтомъ Заднѣпріе московскими саками, переправился на правый берегъ Днѣпра въ Любечъ и отправилъ свою Гризельду съ сыномъ Михаиломъ, будущимъ польскимъ королемъ, черезъ Полѣсье, въ Вишинець. Въ Любарѣ присоединилась къ нему украинская шляхта, бѣжавшая изъ своихъ имѣній.

Описывая бѣгство Вишневецкаго, извѣстный уже намъ Натанъ Ганноверъ даетъ понятъ, почему Хмѣль и вообще козаки больше всего злились на короннаго хорунжаго, Александра Конецпольскаго, и на русскаго воеводу, Іеремію Вишневецкаго: тотъ и другой вели сельско-хозяйственные промыслы съ участіемъ Жидовъ. Не принимали козаки во вниманіе, что неспособность туземцевъ къ торговлѣ и промышленности искони была причиною привлеченія въ нашу Русь иноземныхъ выходцевъ, среди которыхъ Жиды и Армяне оставляли позади себя даже Нѣмцевъ. Эти двѣ народности внушали козакамъ особенную къ себѣ злобу, такъ что въ изображеніяхъ Страшнаго Суда козацкіе маляры на свиткѣ, исходящемъ изъ устъ Судіи судей, писали слова: „Жиды и Вірмѣне! идіте въ муку вічну відъ мене“. Напротивъ хозяйственное жидолобіе Вишневецкаго Натанъ Ганноверъ изображаетъ слѣдующими словами:

„Въ это смутное время находился князь Вишневецкій,—да будетъ память о немъ благословенна! — со своимъ войскомъ тамъ за

Днѣпромъ. Онъ чрезвычайно любилъ Жидовъ, отличался безподобными военными доблестями, но и онъ убѣжалъ со своимъ ополченіемъ, по направленію къ Литвѣ. Съ нимъ же убѣжало около пяти тысячъ домовладѣльцевъ Жидовъ съ своими семействами. Вишневецкій оказывалъ имъ бдительную охрану, пока не привелъ ихъ къ желанному мѣсту, наприимѣръ: когда бѣжавшимъ угрожала опасность сзади, онъ приказывалъ Жидамъ идти впереди всѣхъ; если же чуяли опасность впереди, то Жидамъ велѣлъ идти за войскомъ, дабы оно служило имъ защитою“.

Глава XVI.

Геройскій духъ Шляхетскаго Народа въ лицѣ ополченнаго Русича.—Безсознательная работа отступниковъ русскаго элемента въ пользу Россіи.— Православный миротворецъ между панами сенаторами.— Отсутствие патриотизма.— Безнравственный контингентъ козачины.— Соперничество магнатовъ-доматоровъ съ колонизаторами.— Каптуровый сеймъ.— Триумвиратъ.— Вопросъ о вѣрѣ.— Шляхетская Украина.— Обманувшіеся въ своихъ надеждахъ миротворцы.

Не прошло тогда еще и мѣсяца послѣ погрома панскаго войска, а козакотатарскіе загоны достигали уже Горынь и Случи. „Знай, Лаше, по Случъ наше“! кричали козаки, забывая, что *наше* значило *козакотатарское*. Но Житомиръ, опора кievскаго Полѣсья, еще держался. Онъ былъ переполненъ сбѣжавшеюся отовсюду шляхтою, оплакивавшею свои великія утраты. Вишневецкій появился въ ея средѣ, какъ ангелъ отмщенія за козачіи злодѣяства. Въ упадшемъ духѣ мѣстнаго общества произошла реакція. Нашлись и деньги для сбора войска, явились и предпримчивые люди. Покамѣсть, и самъ князь далъ заманчиво нѣсколько тысячъ злотыхъ на ополченіе. Въ качествѣ русскаго воеводы, Вишневецкій послалъ призывные универсалы во Львовъ, извѣщая, что Татары скоро придутъ въ Польшу великою ордою, подѣ предводительствомъ самого хана. Онъ требовалъ отъ соотечественниковъ усилій чрезвычайныхъ. Онъ умолялъ понять великость угрожающей опасности.

Но это былъ гласъ вопіющаго въ пустынь. Правители шляхетскаго народа находились въ нравственномъ оцѣпенѣніи. По словамъ знаменитаго краковскаго воеводы, который пѣлъ уже свою лебединую пѣсню, шляхтѣ казалось, что дѣлность отечества зависить отъ усмотрѣнія непріятели (*na szczerej dyskrecyjej nieprzzyjacieliskiej zda się zostawać incolumitas patriae*). Въмѣсто того, чтобы приготовлениями къ войнѣ достигнуть мира, шляхта искала его въ миролюбивыхъ сношеніяхъ, со стороны Хмельницкаго коварныхъ.

Главнымъ представителемъ партіи миротворцевъ явился брацлавскій воевода Адамъ Кисѣль. Письмомъ отъ 12 (2) іюня онъ обратидся къ страшному бунтовщику отъ имени общаго отечества, которому де въ вольностяхъ и свободахъ нѣтъ равнаго въ свѣтѣ. „Въ нашемъ свободномъ государствѣ“ (писалъ онъ) „легче домогаться того, что у кого болитъ, а потерявъ его, не найти уже другаго такого ни въ Христіанствѣ, ни въ Поганствѣ. Всюду неволя; одна только Корона Польская славится вольностями.

И тутъ же этотъ жалкій объѣдокъ іезуитства говоритъ, что изъ всего польскорусскаго народа онъ *одинъ* сенаторствуетъ въ Польской Коронѣ, „держа на своихъ плечахъ наши древности святой церкви“. Столь же нехстати вспомнулъ онъ при этомъ и о кровопролитныхъ Кумейкахъ, гдѣ онъ „не обагривъ де никогда рукъ своихъ христіанскою кровью козацкою“. То и другое, по его мнѣнію, должно было внушить Запорожскому Войску полное къ нему довѣріе. Онъ дружески совѣтовалъ Хмельницкому отправить Татаръ, а это значило—обезоружить себя въ виду раздраженныхъ землевладѣльцевъ, и брался примирить его съ преобладающею властью, какъ сановникъ, безъ котораго де „не можетъ быть постановлено ни войны, ни мира“.

Хмельницкій отписалъ ему на другой же день изъ Бѣлой Церкви, будто бы велѣлъ Ордѣ вернуться (куда, не сказано), „униженно“ просилъ предстательствовать о возвращеніи козакамъ старыхъ войсковыхъ вольностей, и „если мы *съ самимъ дѣломъ*“ (писалъ онъ) „осиротѣли всѣ по смерти его королевской милости, нашего милостиваго пана“, удостоить его (Хмельницкаго) своимъ посѣщеніемъ, чтобы онъ могъ переговорить съ паномъ воеводой обо всемъ устно, воспользоваться его мудрымъ совѣтомъ и узнать, кого Рѣчь Посполитая желаетъ имѣть своимъ королемъ.

Это значило, что козаку хотѣлось только допросить вездѣрчиваго сенатора обо всемъ ему нужномъ, а, пожалуй, задержать у себя челоуѣка, доставлявшаго панамъ свѣдѣнія о козацкихъ дѣлахъ. Но Киселю, по пословицѣ, „показались и козы въ золотѣ“. Онъ хвалился примасу, что Pan Вѣг черезъ него, низайшаго изъ сыновъ отечества, устранилъ кровавую радугу и остановилъ междоусобную брань (*internum bellum*), а въ заключеніе краснорѣчиваго письма просилъ его отеческой и всѣхъ пановъ братій милости, чтобы никто „не отнималъ у него этой вѣрной службѣ“, и чтобы она не осталась „безъ памятника любви къ отечеству (*absque monumento pietatis ku ojczyznie*)“.

Когда князь Вишневецкій появился на правой сторонѣ Днѣпра, православный патріотъ Польши хвалился и ему, что убѣдилъ Хмель-

ническаго къ приміренію, причѣмъ послалъ ему копію своей переписки съ примасомъ и короннымъ канцлеромъ о томъ, какъ бы что называется по малорусски *уждьскать* бунтовщика.

Но патриотизмъ окаатоличеннаго Русина былъ совсѣмъ иного рода. Вишневецкій отвѣчалъ Киселю такъ:

„Я, напротивъ, долженъ плавать (*ingemiscere*) о томъ, что не могъ раньше ополчиться съ кварталнымъ войскомъ на истребленіе этихъ ядовитыхъ чудовищъ, которыхъ измѣнники и бунтовщики извергли теперь на Рѣчь Посполитую. Глядя на горестное положеніе республики, въ которой господствуютъ рабы, и невольники плебеевъ (*servi et mancipia plebejorum*), съ изумленіемъ болѣю сердцемъ и о томъ, что, обогатясь на счетъ братій нашихъ и причинивъ ей такое поруганіе, эти чудовища, за то, что растерзали утробу государства, еще мечтаютъ о наградахъ и удовлетвореніи. О, лучше было бы умирать, нежели дожить до такого времени, когда слава нашихъ великихъ народовъ такъ страшно искажена,—дожить до такой невозвратимой утраты въ нашей Коронѣ! Не могу хвалить принимаемыхъ по этому предмету мѣръ: могу вѣрно судить лишь о томъ, какъ наилучше воспользоваться временемъ. Но чтобы вести съ ними переговоры о приміреніи, не вижу никакого основанія,—развѣ хотите, чтобы вкоренившаяся въ этихъ рабскихъ сердцахъ отвѣга не покинула ихъ до новаго бунта, и чтобы ихъ притязанія возрастали съ каждымъ разомъ больше и больше. Если Рѣчь Посполитая покроетъ вѣчнымъ забвеніемъ громадную, непримѣрную въ прошедшемъ рану, нанесенную этими измѣнниками, то ничего не можетъ ожидать въ будущемъ, какъ только крайнихъ несчастій и гибели. Кто бы могъ поступить богѣ враждебно съ отечествомъ, какъ поступили тѣ, которые продаютъ его язычникамъ, которые шляхетскую кровь разливаютъ, какъ воду, и уничтожаютъ стражей коронныхъ границъ? Вы хлопчете съ такимъ жаромъ о томъ, чтобы вознаградить насъ за пролитую кровь нашихъ братій и возстановить честь отечества: въ этомъ я увѣренъ. Но достойны ли такіе люди пользоваться его благодѣяніями? Если послѣ истребленія короннаго войска и плѣненія его гетмановъ Хмельницкій будетъ вознагражденъ и останется съ этимъ гультайствомъ при старыхъ вольностяхъ, я не хочу жить въ этомъ отечествѣ, и лучше намъ умереть, нежели допустить, чтобы язычники и гультаи господствовали надъ нами“.

Прошло недѣли двѣ. Хмельницкій, отписавъ немедленно Киселю, задержалъ у себя его посланца, а посланцемъ Киселя былъ старецъ состоящаго подъ его патронатомъ монастыря въ Гоцѣ, отецъ Патро-

ній Ляшко, котораго онъ, въ письмѣ къ примасу, называлъ своимъ конфидентомъ и шляхтичемъ добрымъ.

Добрымъ шляхтичемъ, какъ это мы помнимъ, называли паны и того монаха, который, въ Павлюковщину, сослужилъ имъ службу соглядатая. Человѣка, прѣосновеннаго такъ или иначе къ панскимъ интересамъ, кованамъ слѣдовало задержать.

Двѣ недѣли загадочнаго отсутствія конфидента охладили киселевскую любовь къ отечеству и мечты о памятникѣ панскому *нѣтизму*. Въ письмѣ къ примасу отъ 30 (20) іюня Кисѣль является передъ нами печальнымъ историкомъ кроваваго момента.

Изъ этого письма мы узнаемъ, что паны, такъ сильно повліявшіе на поступки короннаго гетмана въ противность повелѣніямъ короля, до тѣхъ поръ совѣщались между собой о контингентахъ, пока 60.000, или даже болѣе, непріятельскаго войска не захватили его съ малочисленной арміей. Потомъ узнаемъ, что въ день Корсунскаго погрома подошли къ Потоцкому люди князя Любомирскаго да самого Киселя. „Орда ѣхала на нихъ до самой Бѣлой Церкви“, пишетъ онъ. Такимъ образомъ паны происхожденія русскаго, Вишневецкій, Любомирскій, Кисѣль, оказались единственными слугами польскаго отечества въ его крайности.

Далѣе Кисѣль нашъ повѣствуетъ о видѣнномъ и слышанномъ такъ:

„Лишь только разнесся слухъ, что войска и гетмановъ уже нѣтъ, а Орды идетъ при козацкомъ таборѣ 60.000, тотчасъ вся Украина, Кіевское и Брацлавское воеводства, бѣжали передъ такимъ гвалтомъ и силою непріятельскою, бросая домъ свои и дорогіе залогі любви (сага рiгнога); а непріятель, войдя въ нѣдра (in viscera) государства, распустилъ всѣ свои загоны. Города опустѣли. Полонное, Заславъ, Корець, Гоца сдѣлались Украинною (Ukrainą zostaty); а нѣкоторые помѣщики, не опершись и здѣсь, разбѣжались въ Олыку, Дубно, Замокосте. Ни одинъ шляхтичъ не остался. Осталась только чернь. Одна часть ея пошла къ этому Хмельницкому, и нѣсколько тысячъ войска его обратила въ нѣсколько десятковъ тысячъ, а другая часть, будучи увѣрена (freta), что съ нею ничего не случится, осталась беззаботно по домашь. Но и этимъ Орда, когда они выходили изъ мѣстечекъ привѣтствовать ее, сдѣлала таковой привѣтъ, что во многихъ мѣстахъ высѣкла въ пень. Только тогда начали бѣжать ото всего добра и хлопцы. Такимъ образомъ Татары возвращались къ своему кошу и къ табору Хмельницкаго подъ Бѣлую Церковь, обремененные добычею. А что дальше будетъ, слушаемъ только да выглядываемъ. Различныхъ до-

бываемъ языковъ: одни пойманые изъ тѣхъ загоновъ Татары говорятъ, что присягли другъ другу оставаться до зимы; а другіе, что, кончивъ это посѣщеніе (*odprawiwszy gościne*), Татары хотятъ идти въ Волощину, а козаки—къ Днѣпру. Теперь уже не можемъ имѣть никакой помощи изъ Кіевщины, Подоліи, Брацлавщины; только изъ Волыни взываемъ въ остающейся въ тылу братіи. Но и тѣхъ трибуналъ задержалъ до сихъ поръ несчастными судами, не обращая вниманія на огонь, который охватилъ уже большую часть Республики (*mağazam Republicae partem*). Такимъ образомъ не остается никакой надежды устоять противъ непріятеля, находящагося въ (ей) вѣдрахъ (*in visceribus*): сила его возросла до 200.000 Орды и козаковъ⁴.

Сидя на чеку въ своей Гошѣ, вспоминалъ Кисѣль и о Кумейвахъ, которыми съ притворною наивностью закрывался отъ козацкой кести. Теперь писалъ онъ къ временному главѣ государства—примасу:

„Что сдѣлаетъ мое увѣщаніе, и какъ обойдется съ моимъ конфидентомъ, жду между надеждой и страхомъ. Хотя я всегда старался снискать у козаковъ довѣріе на случай бѣды, но боюсь, чтобъ они не припомнили мнѣ кумейскаго предпріятія; они тамъ поддались по моей присягѣ, которою увѣрилъ я ихъ, что жизнь ихъ вождей будетъ пощажена, но этого (въ Варшавѣ) не исполнили“.

И всё-таки вѣровалъ онъ въ силу своего хитроумія; всё еще надѣялся, что увѣселялъ своимъ посольствомъ бунтовщика и размягчилъ его, какъ воскъ (*albo uszupni reflexya tą rebelkis tą moją legacya liquefactus i uglaskany, albo, strzeż Boże procedet ultra*):

Въ томъ же письмѣ къ примасу сенаторъ, безъ котораго „не могло быть постановлено ни войны, ни мира“, ознаменовалъ себя мудрымъ совѣтомъ — избрать главнокомандующимъ будущаго панскаго войска богатѣйшаго, неспособнѣйшаго и трусливѣйшаго изъ польскорусскихъ пановъ, сендомирскаго воеводу, князя Доминика Заславскаго, наслѣдника богатства и нравственной несостоятельности нашего „святопамятнаго“ князя Константина-Василія Острожскаго.

Сеймики въ покинутыхъ воеводствахъ находилъ онъ невозможными, потому (писалъ онъ), что „воевода кіевскій (Тышевичъ) находится въ Дубнѣ; а въ Винницу не могу ѣхать (въ такое время), когда помѣщики разбѣжались и непріятель преградилъ путь. Самъ князь Вишневецкій отступилъ въ Драгину. Одни хлопья сеймикують, или лучше—бунтуютъ въ покинутыхъ провинціяхъ“.

Въ заключеніе письма, Кисѣль называлъ себя нищимъ и сѣтовалъ, что „теперь мало кто думаетъ объ отечествѣ“.

Это было писано 30 (20) іюня. Черезъ 17 дней литовскій канцлеръ писалъ въ своемъ дневникѣ о грозномъ положеніи дѣлъ въ отечествѣ, о которомъ *теперь* мало кто думаетъ,—о томъ, что и въ Литвѣ собралось уже 12.000 хлопотъ, которые сожгли, разграбили, вырѣзали нѣсколько селъ, мѣстечекъ, городовъ, потому—о свирѣпыхъ подвигахъ Перебийноса въ Винницѣ, о приближеніи козацкой орды къ Волыни, и наконецъ замѣтилъ, какъ и Кисель: „однакожь все это не произвело у насъ движенія: всѣ дѣла шли медленно“.

Не мудро было Хмельницкому прослыть челоуѣкомъ wielkiego dowcipu и военнымъ гѣніемъ въ такомъ государствѣ, гдѣ каждый думалъ только о себѣ и въ годину страшнѣйшей опасности хлопоталъ, чтобы его любовь къ отечеству „не осталась безъ памятникѣ“.

Пока паны сносались между собой да готовились вяло къ отраженію татаро-козаковъ, князь Вишневецкій соединилъ вокругъ себя раздраженную козацкими злодѣйствами шляхту, вооружилъ наскоро преданныхъ ему подданныхъ, — тѣхъ подданныхъ, которыхъ отцы и дѣды ходили съ Байдю въ Туреччину, Московщину, въ Волощину, — и ринулся на козацкіе загоны, свирѣпствовавшіе въ шляхетскихъ добрахъ. Ожесточеніе шляхты вяло тогда самый дикій аккордъ съ козацкимъ „звѣрствомъ“, — и вышелъ адскій концертъ взаимныхъ убійствъ и терзаній.

Малорусскіе историки въ особенности налегаютъ на жестокосердіе князя Вишневецкаго въ этомъ случаѣ. Но то, что дѣлали козаки съ панами, ксендами, Жидами, съ женщинами и дѣтьми, было чудовищно до невѣроятности. Напримѣръ, Ганноверъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, рассказываетъ вотъ какіе ужасы:

„Жители множества жидовскихъ городовъ за Днѣпромъ, Переяслава, Борисовки, Пыратина, Бориспола, Лубенъ, Лохвицы, не имѣвшіе возможности бѣжать, были умерщвлены за вѣру разными жестокими видами смерти. Съ нѣкоторыхъ содрали кожу заживо, а тѣло бросили собакамъ; нѣкоторымъ отрубили руки и ноги, и бросили на дорогѣ, потому ѣхали по нимъ возами; нѣкоторымъ нанесли множество несмертельныхъ ранъ и бросили на площади, дабы они мучились въ предсмертной агоніи, пока не испустятъ духъ; многихъ закопали живыми въ землю; рѣзали дѣтей на лонѣ матерей; множество дѣтей разорвали въ куски; беременнымъ женщинамъ распарывали животъ, вынимали недоношенный плодъ и бросали имъ же въ лицо, а нѣкоторымъ, распоровши животъ, впускали туда живую кошку, и животъ зашивали, а имъ рубили пальцы, дабы не могли вынуть кошку; нѣкоторыхъ дѣтей привязывали къ сосцамъ матерей; нѣкоторыхъ наса-

живали на вертелъ, жарили на огнѣ, а потомъ заставляли матерей ѣсть ихъ. Иногда брали жидовскихъ дѣтей, мостили ими улицы и ѣздили по нимъ... На подобіе сказаннаго они дѣлали вездѣ, куда только достигали, и даже съ Поляками, а преимущественно съ есендзами*, и пр. и пр.

Другой современный Жидъ-мемуаристъ, Егонша, сынъ львовскаго раввина, въ книгѣ своей „Бѣдствія Времени“*), описалъ тираннію, претерпѣнную Жидами отъ козаковъ въ 1648 и 1649 годахъ, еще въ болѣе, если возможно, ужасномъ видѣ. По его разсказу, козаки, допытываясь у Жидовъ, гдѣ они спрятали клады, сдирали съ живыхъ кожу; бросали Жиденятъ въ ямы, откуда нѣсколько дней были слышны ихъ крики и стоны. Въ Барѣ кололи младенцевъ, варили, жарили и съѣдали ихъ въ присутствіи матерей. Въ Полонномъ избилъ столько Жидовъ, что кровь лилась черезъ окна. Убивая при этомъ Жиденятъ, козаки предварительно ощупывали ихъ, жиры ли они, а потомъ насмѣшливо осматривали ихъ внутренности (какъ дѣлаютъ раввины при убіеніи животныхъ), разрѣзывали найденнаго *коммунікаль* Жиденка на куски, продавали, какъ говядину, и пр. и пр. и пр.

Извѣстный въ кобзарской Иліадѣ подъ именемъ Перебійноса гайдамака Кривоносъ, выпустивъ Князя Ярему изъ заднѣпровскихъ колоній, взялъ на себя задачу—доѣхать его въ старыхъ панскихъ осадахъ. Но здѣсь народъ былъ устойчивѣе. Не всѣ здѣсь бросались на кровавый пиръ. Козацкій терроръ дѣйствовалъ на мужиковъ и на мѣщанъ почти такъ же слабо, какъ и въ Наливайщину. Притомъ же столпившаяся вокругъ Вишневецкаго шляхта потеряла характеръ помѣщиковъ-бѣглецовъ. Она напоминала тѣхъ жолнеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ ломились въ таборъ Гуни на Сунѣ и стояли въ ночной битвѣ противъ Филоненка на Старцѣ Днѣпрѣ. Козакъ Аякъ не смѣлъ напасть на магната Гектора въ открытомъ полѣ. Онъ слѣдилъ за движеніями яростной шляхты изъ лѣсныхъ да болотныхъ зарослей и „залегалъ“ на нее въ мѣстахъ, подобныхъ Княжимъ Байракамъ да Крутой Балкѣ. Но всѣ его козацкія залеганья и полученіи отъ Хмеля уроки были напрасны. Вишневецкій стряхивалъ съ себя рожъ насѣдавшихъ на него гайдамакъ и, гоня передъ собой дикія ватаги, прошелъ невредимо до Немирова.

Это былъ родовой городъ Вишневецкихъ, основанный еще въ тѣ

*) Переводъ съ еврейскаго напечатанъ въ „Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“, 1859 года, кн. I.

времена, когда колонизаторы малорусскихъ пустынь смотрѣли на *миръ* съ невѣрными гордо и жаждали только „кровавой съ ними бесѣды“. Теперь онъ былъ во власти хмельничанъ, какъ Пиковъ да Брацлавъ у наливайцевъ, и не впустилъ своего князя въ укрѣпленія, которыми прикрыли его отъ Орды предки Байдича. Вишневецкій взялъ непокорный городъ приступомъ, разсѣялъ козаковъ, безпощадно казнилъ многихъ мѣщанъ своихъ, обезпечилъ, какъ ему казалось, ихъ покорность и, оставивъ среди нихъ, шляхетскій гарнизонъ, двинулся далѣе. Но едва немировцы оплакали своихъ мертвыхъ, какъ снова къ нимъ нахлынули казаки, и снова подданные Вишневецкаго сдѣлались хмельничанами.

Узнавъ объ этомъ, Князь Ярема вернулся на свои слѣды, чтобы показать примѣръ казни необыкновенной. Но угрожаемые козаками его союзники просили его спасти Махновку. Едва онъ выбилъ козацкую орду изъ Махновки, какъ напалъ на него съ тылу Кривоносъ. Не успѣлъ онъ отразить Кривоноса, какъ прибѣжала къ нему толпа волынской шляхты съ мольбой о защитѣ Полоннаго. На этотъ новый подвигъ не хватило силъ у Вишневецкаго. Пока онъ занимался новой вербовкою, Кривоносъ вломился въ Полонное и произвелъ страшную бойню надъ укрывшимися тамъ шляхетскими и жидовскими семьями. Князь Ярема спѣшилъ уже съ обновленными силами на защиту Полоннаго и, можетъ быть, уменьшилъ бы громкую донинѣ въ слѣпой Украинѣ славу Перебийноса; но подъ Старымъ Константиновымъ загородилъ ему дорогу Остапъ Половьянъ, присланный въ помощь Перебийносу отъ Хмельницкаго. Битва была упорная. Половьянъ стоялъ крѣпко, но наконецъ былъ сломенъ и взятъ въ плѣнъ. Поздно было тогда спасать женщинъ и дѣтей въ Полонномъ. Въ виду побѣдителей Половьяна появился завоеватель Полоннаго, Кривоносъ. Вишневецкій сдѣлалъ искусное движеніе къ Случи и на переправѣ черезъ Случи разбилъ Кривоноса на голову.

Но успѣхи не радовали его. На пытѣхъ Половьянъ показалъ, — что Хмельницкій наступаетъ, слѣдомъ за своими предтечами, съ громаднымъ войскомъ; что онъ ведетъ за собой стотысячную Орду; что казаки хотятъ идти съ Татарами за Бѣлую Рѣку, то есть за Вислу. Не рѣшился Вишневецкій ждать Хмельницкаго надъ Случью съ отважнымъ, но малочисленнымъ ополченіемъ своимъ. Онъ удалился въ крѣпкій и надежный городъ Збаражъ. Оставленные на свободѣ, передовыя полчища Хмельницкаго опустошили Корець и Межиричъ. Мѣстечко Межибожье, принадлежавшее Сѣнявскому, сопротивлялось козакамъ упорно, но наконецъ сдалось и, къ удивленію шляхты, было поща-

жено: сдѣлка Тогай-бея съ Сѣнявскимъ спасла его мѣстечко отъ разоренія.

Покрывъ себя незабвенною славою кровопролитія въ Полонномъ, Кривоносъ двинулся въ Подольскому Каменцу. Но тамъ ему не почастливилось. Онъ ограничился опустошеніемъ окрестностей, густо заселенныхъ мелкопомѣстною шляхою. Подольскіе землевладѣльцы, привычныя къ отраженію Татаръ собственными средствами, оборонялись мужественно и въ одной схваткѣ взяли въ плѣнъ нѣсколько козаковъ. Оказалось, что это были не козаки, а карпатскіе *опришки*, или разбойники. Слухъ объ удачномъ бунтѣ Хмельницкаго привлекалъ отовсюду въ козацкія купы людей одного и того же сорта.

Прочимъ руинникамъ, подобнымъ Кривоносу, на сей разъ почастливилось больше. Они овладѣли городами Луцкомъ, Кременцемъ, Клеванью, Тайкурами, Владиміромъ, Кобриномъ, Заславлемъ, повторяя всюду кровавыя и гнусныя сцены своего господства. Разорили козаки и мѣстечко сенатора православника, Гощу, наравнѣ съ мѣстечками и городами другихъ православныхъ пановъ. Не пощадили они и знаменитаго города Острога, на который столько лѣтъ были обращены взоры тѣснямаго папистами малорусскаго духовенства съ отрадными упованіями; не пощадили и Литовскаго Бреста, иначе Береста, котораго мѣщане и попы стали въ упоръ церковной уніи и сдѣлались первыми жертвами правосудія восторжествовавшихъ папистовъ.

Далѣе Береста разбой козацкій не проникнулъ въ Бѣлоруссію. Тамъ было мало людей кочевыхъ, бродячихъ, безсемейныхъ, а потому было мало и пособниковъ козацкой пропаганды. Возмущеніе черни дѣйствовало тамъ слабо; самозащита шляхты проявлялась энергично. Ибо общую черту успѣховъ Хмельниччины составляло то обстоятельство, что города и села предавали козакамъ ихъ соумышленники. Не войты, не бурмистры, не райцы и лавники, не церковные и цеховые братчики, не осѣдые и *статѣчные* люди какого-либо сословія, званія и вѣроисповѣданія являлись козацкими соумышленниками до Хмельницкаго и при Хмельницкомъ, а тѣ, которыхъ современныя писмена просто-на-просто называютъ пьяницами, повѣсами и негодяями. Этотъ многочисленный классъ польскорусскаго населенія Малороссіи, извѣстный подъ именемъ гультаевъ, вырабатывался изъ простолюдиновъ и шляхтичей, которыхъ отъ сельскихъ общинъ и сельскихъ хозяевъ увлекали къ себѣ городскія забавы и буйства. Спившіеся съ бруга, запутаннѣе въ долги, въ тяжбы, въ уголовныя дѣла, разоривъ свои семьи и сдѣлавшись врагами тѣхъ, кого жизнь и природа давали имъ въ друзья, въ помощники, въ руководители, они сперва дѣлались агента-

ми запорожскихъ соблазновъ среди своего общества и его молодежи, а потому — предателями своихъ согражданъ. И вотъ какимъ путемъ наши мѣщане входили въ широко-разлившійся потокъ разбоя и разврата, извѣстный намъ отъ нашихъ историковъ подъ именемъ борьбы козаковъ за православную вѣру и русскую народность!

Но это горестное явленіе вытекало не изъ общественнаго безпутства русскихъ людей, оставленныхъ историческими причинами за предѣлами гражданственнаго вліянія Москвы. Конечно, въ немъ отразилась наслѣдственная дикость разореннаго и поработченнаго Батыемъ края, въ которой Малоруссы были способны воспринять и отъ кочевыхъ, и отъ гражданственныхъ сосѣдей своихъ одно худшее; но, еще очевиднѣе, оно было продуктомъ общихъ грѣховъ Шляхетскаго Народы, который выработалъ безпутное и безпощадное *козачество* въ привилегированной средѣ своей еще въ тѣ времена, когда это слово не получило національно-русскаго значенія.

Въ эпоху Хмельницкаго дѣленія всего населенія малорусскихъ (а это значитъ вообще русскихъ) провинцій Польши на козаковъ и не-козаковъ принимало всё болѣе и болѣе грозные размѣры, какъ отъ малодушной уступчивости однихъ землевладѣльцевъ, во главѣ которыхъ, въ качествѣ примирителя, стоялъ православный Русинъ, Адамъ Кисѣль, такъ и отъ великодушной рѣшимости другихъ, вождемъ которыхъ сдѣлался католикъ Русинъ, Іеремія Вишневецкій. Успокоивая людей добрыхъ, поблажливыхъ, вялыхъ и боязливыхъ своими миролюбивыми, жалобными и льстивыми письмами, Хмельницкій козацкіе разбои и необходимость быть въ союзѣ съ Татарами оправдывалъ свирѣпыми, какъ онъ представлялъ, дѣйствіями князя Вишневецкаго, а между тѣмъ собралъ, какъ было слышно, до 200.000 войска, готоваго стереть съ лица земли и самый слѣдъ колонизаціонныхъ панскихъ трудовъ, причемъ волей и неволей позволилъ Татарамъ увести въ Крымъ столько же, если не больше, рабочаго народа, не принимавшаго участія въ козакотатарскихъ набѣгахъ.

Князь Іеремія понималъ истребительную политику Хмельницкаго яснѣе, нежели кто-либо изъ его правительственныхъ товарищей, и ломалъ руки, глядя на крушеніе государства, составлявшаго оплотъ Западной Европы отъ азіатскаго нашествія. Напрасно слалъ онъ гонцовъ за гонцами къ панамъ, которые могли бы еще остановить разливъ кочевниковъ, когда бы выдвинули противъ нихъ ресурсы гражданственности. Его сенаторская и воинская репутация стояла высоко у однихъ; но зато другіе въ тайнѣ радовались подрыву его могущества въ Рѣчи Посполитой и напирали на уступчивость въ борьбѣ съ козаками

только для того, чтобъ козаки поуменьшили прыть и ему, и другимъ колонизаторамъ юго-восточныхъ пустынь. Старое соперничество при-висянскихъ доматоровъ съ воинственными и предприимчивыми мар-графами продолжало развиваться на гибель Польши, не подчинявшей-ся никакому положительному правительству даже и въ виду общаго врага всѣхъ партій.

Тако было и у насъ во времена нашествія Батыева. Мы полу-чили тогда хорошій урокъ для строенія той государственности, кото-рою теперь гордимся въ своемъ воссоединеніи съ Великоруссами. Но къ Польшѣ, вмѣстѣ съ нашей землей, перешелъ и тотъ своенравный, разъединительный духъ нашихъ малорусскихъ предковъ, который сдѣ-лался причиною постигшаго ихъ Татарскаго Лихолѣтя. Еще задолго до повторенія Наливайщины, въ видѣ Жмайловщины, правительство Сигизмунда III называло козацкое своевольство, подъ именемъ *swawo-łi Ukraińcjej*, страшнымъ пожаромъ и убѣждало пановъ гасить этотъ пожаръ совокупными средствами. Теперь онъ былъ въ полномъ раз-гарѣ, и паны раздували его въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ.

Интересенъ за это время, какъ и всегда, дневникъ литовскаго канцлера. Почтенный предводитель католической партіи, потомокъ пра-вославныхъ князей Радивилевъ, сознается, что въ іюнѣ 1648 года Польша „едва дышала отъ боязни“. Самъ онъ искалъ спасенія отъ насту-павшей грозы у чудотворнаго образа *Przenajświętszej Matki*, который славился чудесами въ его селѣ Песочяѣ, окрещенномъ въ Пасечню. Цѣлый мѣсяцъ іюнь, послѣдовавшій за Корсунской катастрофою, прой-денъ у него молчаніемъ о томъ, что дѣлалось въ землѣ, текущей мо-локомъ и медомъ. Онъ былъ—точно ребенокъ, зажмурившій глаза у груди матери, или, пожалуй, страусъ, воткнувшій голову въ песокъ. Іюля 1 Альбрехту Станиславу Радивилу исполнилось 55 лѣтъ. Онъ усердно молился о своихъ грѣхахъ въ костелѣ „своей благодѣтельница-цы“, всё той же чудотворной иконы, а потомъ съѣздивъ въ Пеплицъ, въ монастырь Св. Бернарда, „особеннаго любимца Пресвятой Дѣвы (*osobliwego kochanka Najświętszej Panny*), поручая его предстатель-ству несчастное королевство“.

Вотъ она, та беспомощность въ трудныхъ обстоятельствахъ, тотъ недостатокъ самодѣтельности, которые были въ польскихъ панахъ, говоря о нихъ вообще, результатомъ клерикальнаго и іезуитскаго вос-питанія! Магнатъ Радивиль умѣлъ заставить короля Владислава на-рушать монаршее обѣщаніе, умѣлъ отказывать ему въ приложеніи канц-лерской печати, смѣлъ наставлять его, чтобъ онъ, присягая словомъ, не присягалъ намѣреніемъ,—и теперь, когда надобно было дѣйстви-

вать, уподоблялся грудному ребенку, или глупому страусу! Что же сказать о другихъ, не столь ученыхъ, не столь способныхъ и могущественныхъ польскорусскихъ панахъ?

Въ іюлѣ 1648 года созвали они такъ называемый каптуровый сеймъ, то есть такое національное собраніе, въ которомъ, при несуществованіи короля, всѣ головы были покрыты шапками, по старинному *каптурами*. До избранія новаго короля королей шляхетской республики, мѣсто его занималъ гнѣзненскій архіепископъ, въ качествѣ примаса.

На каптуровомъ, иначе конвокаціонномъ, сеймѣ прежде всего было рѣшено — выставить противъ козаковъ 36.000 войска: сила ничтожная по численности полчищъ Хмельницкаго; но въ рукахъ такого вождя, какъ Вишневецкій, она сдѣлала бы съ Хмельницкимъ то, что сдѣлала, вдохновляемая нашимъ Байдичемъ, горсть волонтеровъ съ Польшаномъ у Старога Константина и съ Черевійносомъ на Случи. Только ему не ввѣрили диктатуры. Паны боялись всякаго сильнаго характера, всякаго широкаго въ политическіе ума. Любовь къ личной свободѣ ослѣпляла ихъ до того, что имъ казалось опаснымъ соединить подъ властью одного лица эти 36.000, которыя они великодушно постановили набрать, но которыхъ не позаботились хорошо вооружить и вывести на сцену дѣйствія въ полномъ составѣ. Даже теперь, когда сосредоточенная въ сильныхъ рукахъ власть могла бы спасти шляхетскую республику, на сеймикахъ, предшествовавшихъ каптуровому сейму, налегали на то, „чтобы постоянная диктатура гетманская (*perpetua dictatura hetmanska*), которая появилась въ Польшѣ недавно, (какъ проповѣдывали ораторы), была уничтожена; такъ какъ это не только неудобно для Республики (*Reipublicae incommodum*); но и опасно (*ale i periculosum*)“. Поэтому каптуровый сеймъ, вмѣсто одного главнокомандующаго, назначилъ троихъ „гетмановъ“, подъ именемъ *реиментарей*.

Первымъ изъ нихъ былъ указанный примасу нашимъ Адамомъ Свѣнтольдичемъ неспособный къ военному дѣлу сендомирскій воевода, князь Доминикъ Заславскій; вторымъ — коронный хорунжій, Александръ Конецпольскій, отличавшійся воинственнымъ духомъ своего отца, но не его талантами; а третій — коронный подчашій Николай Остророгъ, славный классическою ученостью и дипломатическимъ искусствомъ, но не рожденный быть полководцемъ. Басенные щука, лебедь и ракъ не могли бы дѣйствовать менѣе согласно въ общемъ дѣлѣ, какъ эти три героя въ трудной козакотатарской войнѣ; а явное отверженіе того, кто одинъ заграждалъ бунтовщикамъ путь, когда всѣ помышляли толь-

во о бѣгствѣ, оскорбило партію почитателей его и внесло рознь между самыхъ вліятельныхъ членовъ республики.

Одинъ изъ люблинскихъ пановъ, въ письмѣ къ пріятелю, такъ отзывался въ это время о правителяхъ шляхетскаго государства: „Изъ Варшавы не пишутъ ничего добраго: все только *kawu dla zabawy*. Даже литовскихъ пановъ не позаботились призвать для отвращенія опасности *). Неизвѣстно, по чьему совѣту назначили этихъ триумвировъ, чего и сами начинаютъ уже стыдиться **). Печатари (канцлеры), въ своемъ разединеніи, должно быть, прочать царствованіе не кому-либо изъ королевской крови, а себѣ самимъ (*sibi regnum sperant*), чтобы каждому властвовать надъ покорными подданными (панами). Боже! смѣшай ихъ совѣты, отерой фальшь и измѣны (*Boże, zamieszaj ich gady, odkryj fałsz i zgady!*)! Но все это перемѣнится, когда братья (шляхта) снесутся съ тѣми панами, которые держатъ въ рукахъ сабли, а не молитвенники, да перья“.

При такомъ помраченіи общественнаго смысла, вопросъ о томъ, что вызвало новый козацкій бунтъ и чѣмъ возможно подавить или успокоить мятежниковъ, сталъ обсуждаться въ пустой слѣдъ послѣ того, какъ противъ нихъ были приняты недѣльные мѣры. Теряясь въ догадкахъ и не зная на чемъ остановиться, вожди Шляхетскаго Народа обратились къ посламъ Народа Козацкаго, присланнымъ подъ видомъ испрошенія помилованія Хмельницкому, а въ сущности для того, чтобы вывѣдать настроеніе панскихъ мыслей и узнать о положеніи государственныхъ дѣлъ.

Одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ совѣтовалъ не тратить времени попусту. „Мы хотимъ знать причину пожара, не погасивъ его“ (говорилъ онъ). „Это все равно, какъ если-бы кто упалъ въ колодець и кричалъ о спасеніи, а его бы сперва спрашивали, какъ онъ туда попалъ“. Но сеймовые паны всё-таки допросили козаковъ о причинахъ ихъ бунта.

Отвѣты козацкихъ пословъ заключались въ извѣстной уже намъ инструкціи.

Не было лучшаго времени и мѣста для ревнителей малорусской

*) Литовскіе паны домогались уравниенія правъ своихъ гетмановъ съ коронными, если бы кто изъ нихъ пришелъ съ войскомъ въ лагерь. На это коронные паны не согласились.

**) Въ Дневникѣ Конвокаціи Варшавской читаемъ: „Z strony Uniwersału, w którym są trzej Hetmani naznaczeni, aby takowe in posterum nie wychodzili, praecustoditum“.

народной вѣры и чести, чтобы не только выразить накипѣвшія у нихъ на сердца оскорбленія религіозной совѣсти и національнаго достоинства, но и оправдать ужасы бунта. Здѣсь присутствовали князья Четвертинскіе, изъ которыхъ одинъ въ послѣдствіи облекся въ санъ кіевскаго митрополита. Здѣсь засѣдали Кисели и Древинскіе, ораторствовавшіе на сеймахъ въ пользу древней греческой вѣры. Здѣсь много было земскихъ пословъ православнаго исповѣданія, непричастныхъ не только римской политикѣ, но и передачѣ интересовъ православія въ руки могилинской, полупольской іерархіи. Если-бы козакамъ были нужны посредники католико-православнаго спора, поднявшагося съ обнародованія церковной уніи, то вмѣстѣ съ панами католиками и панами православными засѣдали здѣсь и вожди польскорусскихъ протестантовъ, съ которыми наши православники были тѣсно соединены со временъ Князя Василя. Только кіевскаго митрополита не было: его козаки не пустили на сеймъ, тогда какъ борцамъ православія слѣдовало бы всячески побудить малорусскаго первосвященника къ поѣздкѣ въ Варшаву для свидѣтельствванія о той вѣрѣ, за которую они „помирали“, какъ увѣрялъ Хмельницкій царя Алексѣя Михайловича. Но то, что было приписано въ концѣ инструкціи козацкимъ посламъ, оставалось только на бумагѣ. Послы.—или не хотѣли, или даже не умѣли заговорить о дѣлахъ церкви и вѣры, какъ это случилось и въ Медвѣжьихъ Лозахъ съ козацкими уполномоченными.

Литовскій канцлеръ, въ числѣ прочихъ первенствующихъ пановъ, получилъ отъ козаковъ, чрезъ ихъ посольство, просительное, alias туманящее, письмо. Онъ присутствовалъ при многократныхъ аудіенціяхъ, данныхъ на сеймѣ козацкимъ посламъ. Пословъ допрашивали о королевскихъ листахъ, о поощреніи Запорожскаго Войска къ задранью Турціи. Дневникъ Радивила слѣдилъ за козацкимъ вопросомъ обстоятельно. Радивиль отмѣтилъ даже, какъ послы блѣднѣли и дрожали (разумѣется, при мысли о козацкомъ террорѣ, въ случаѣ несоответственныхъ показаній). Но ни слова не записалъ онъ о томъ, чтобы козаки стояли за свою стародавнюю греческую религію, тогда какъ тутъ же писалъ о протестантахъ, что они домогались уступокъ въ пользу своей новой вѣры, и что коронный канцлеръ сказалъ имъ: „Хоть бы не только Хмельницкій, но и весь адъ возсталъ противъ нашего отечества, не дозволимъ вамъ больше того, чѣмъ вы пользовались“. *)

*) Въ Дневникѣ Варшавской Конвокаціи слова Оссолинскаго записаны такъ: „Jeżeli na nas chcecie wyłargować co uporem swoim, iż to czas urget maxime.“

Интересно сравнить эту часть Радивилова дневника съ тою, гдѣ онъ описываетъ домогательства протестантскихъ вождей въ 1632 году.

Въ то время протестанты (пишетъ Радивилъ), „подъ видомъ этихъ схизматиковъ, заявили всѣ свои требованія, угрожая помѣшать избранію короля, въ случаѣ неисполненія ихъ“.

4-й пунктъ требованій гласитъ: „Кто бы учинилъ какое-либо насиліе русскимъ церквамъ или зборамъ диссидентовъ, публичнымъ актамъ, богослуженію, того чтобы карали въ трибуналѣ, яко нарушителя общественнаго спокойствія“, и пр.

5-й пунктъ: „Чтобы русская митрополія подчинялась константинопольскому патріарху; чтобы владыки, архимандриты и другіе получали посвященіе отъ того же патріарха; чтобы уніаты, отказавшись отъ этихъ достоинствъ, отдали семинаріи, типографіи и другія мѣста дизунитамъ“, и пр.

6-й пунктъ: „Гдѣ бы нынѣ ни были монастыри, церкви, семинаріи, основанные издавна, а равно синагоги и зборы диссидентовъ, по какому бы то ни было праву существующіе, чтобы потому были сохраняемы со всѣми принадлежащими къ нимъ имуществами“, и пр.

8-й пунктъ: „Чтобы дизуниты и диссиденты какого бы то ни было состоянія и достоинства имѣли право чинить записи, завѣщанія и фундаціи, активовать ихъ въ грѣдахъ и извлекать изъ нихъ публичные акты, привилегіи и декреты“.

9-й пунктъ: „Чтобы дѣла дизунитовъ и диссидентовъ съ духовными, со студентами, были разбираемы въ Коронѣ смѣшаннымъ судомъ, а въ Литвѣ—въ судѣ свѣтскомъ трибунальскомъ“, и пр.

10-й пунктъ: „Чтобы въ коронныхъ и литовскихъ городахъ дизуниты и диссиденты имѣли право занимать городскія должности въ магистрата, а кто изъ нихъ былъ изъ магистрата исключенъ, тѣ чтобы возвратились“.

11-й пунктъ: „Чтобы дизунитская шляхта, по своимъ заслугамъ, пользовалась правомъ на всѣ дигнитарства и уряды, прерогативы и доходы съ имѣній Рѣчи Посполитой, и чтобы въ королевскую присягу были влючены слова: *безъ различія религій*“, и пр.

Это извлеченіе изъ дневника литворусскаго канцлера представлено мною въ сокращеніи. Не преминулъ бы онъ и теперь внести въ

dla niebezpieczeństw, to powiem: choćby nie tylko Chmielnicki, ale wszystkim ten świat, a nawet pekło wszystko na mnie się obaliło, velante conscientia mea, nad to, co macie w przeszłej konwokacyej, ne unum quidam jota przystapie“.

дневникъ такой важный фактъ, какъ домогательство о церкви и вѣрѣ со стороны козаковъ, стоящихъ во всеоружіи грознаго бунта. Но послы Хмельницкаго не сказали о религіи ни одного слова.

Съ другой стороны, протестанты поднимали теперь вопросъ о своей новой вѣрѣ въ отдѣльности отъ вѣры старогреческой, титулуемой древнимъ русскимъ благочестіемъ. Это доказываетъ, что православники, вписывавшіе въ козацкія петиціи жалобы свои, только и держались протестантами, и что не *козаки* интересовались вѣрою даже въ лицѣ такихъ людей, какъ Сагайдачный, а козацующая *шляхта*, за которую хватались и не принадлежавшіе въ козачеству православники. Теперь наша малорусская шляхта ни изъ Украины и Волыни, ни изъ Червонной и Бѣлой Руси не смѣла домогаться попрежнему того, что позволяли себѣ, для политической демонстраціи, вписывать въ посольскую инструкцію козаки. Раза два поднимала она, въ своей отдѣльности отъ козаковъ, вопросъ о разсмотрѣніи терпимыхъ ею экзорбитанцій въ дѣлѣ вѣры; но ей отвѣчали, что не за что покровительствовать религіи, которая всегда была крайне враждебна римской (*inimicissima Romanae*), а нынѣ являетъ ужасное свирѣпство, подобное татарскому (*aevisissima, eaque tartarica prosequitur rabie*). Ни Адамъ Кисѣль со стороны православниковъ, ни сынъ Перуна, Радивиль, со стороны протестантовъ не ораторствовали больше въ пользу вѣроисповѣданія, столь вредоноснаго, и не соединяли въ одну фалангу, какъ прежде, своихъ разновѣрныхъ борцовъ.

Хмельницкій, освобождая изъ плѣна нѣкоторыхъ пановъ, членовъ вышшняго каптуроваго сейма, твердилъ имъ, что будто бы самъ король велѣлъ козакамъ добывать себѣ свободу саблею; но и онъ не находилъ возможнымъ говорить имъ о войнѣ за оскорбленіе религіознаго чувства, которой вѣрили только въ Москвѣ, и то не всѣ, какъ это мы видѣли по донесеніямъ Плещеева и Кунакова. Козацкій гетманъ домогался права неподсудности и произвола, принадлежавшихъ *de facto* каждому магнату, начиная съ Вишневецкаго, хотя *de jure* каждый изъ магнатовъ находился въ зависимости отъ своей шляхетской братіи. Это право, право открытой силы, господствовавшее въ Рѣчи Посполитой подъ видомъ конституціи, одни изъ членовъ національнаго собранія признавали за козаками молча, но другіе позволяли себѣ высказываться рѣшительно въ пользу бунтовщиковъ, и, подъ вліяніемъ стараго соперничества съ маркграфами панами, „преувеличивали“ притѣсненія, которыя козаки терпѣли отъ украинскихъ землевладѣльцевъ, урядниковъ и жолнеровъ.

Въ средѣ сеймующихъ пановъ даже духовные сенаторы требо-

вали, во-первыхъ, амнистіи козакамъ, во-вторыхъ, возстановленія козацкихъ вольностей и, в-третьихъ, устраненія ненавистнаго козакамъ князя Вишневецкаго отъ предводительства короннымъ войскомъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ сенаторовъ настаивали на строгой карѣ козаковъ за поруганіе католическихъ святилищъ; зато другіе соглашались съ надворнымъ короннымъ маршаломъ, извѣстнымъ любимцемъ покойнаго короля, Казановскимъ, который оправдывалъ козаковъ даже въ томъ, что они заключили договоръ съ Татарами. „Они были готовы обратиться къ самому аду“ (говорилъ Казановскій), „лишь бы освободиться отъ такого рабства и притѣсненія, которыя бѣдныя, какъ видимъ, терпѣли. Хороша была, нечего сказать, ординація Рѣчи Посполитой для обузданія будущаго ихъ своевольства!“ (продолжалъ онъ). „Козацкій комиссаръ былъ Полякъ, полковники—Поляки, гарнизоны на Запорожьѣ состояли постоянно изъ Поляковъ. Можно бы и ординацію сдѣлать, и судъ установить на тѣхъ, которые хотѣли бы обижать и притѣснять козаковъ. Чего тогда не сдѣлали, я, по званію моему, совѣтую, чтобы козаки были во всемъ удовлетворены. Пускай козакамъ, живущимъ подъ шляхетскою юрисдикціей, дано будетъ право жаловаться на обидчика шляхтича въ градскомъ судѣ, въ земскомъ судѣ, въ трибуналѣ. Это-то и заставитъ ихъ сдѣлать между собой переборъ, такъ что только старинныхъ будутъ они принимать въ свои вольности“.

Рѣчь Казановскаго, безъ сомнѣнія, была направлена противъ князя Вишневецкаго, который, въ борьбѣ съ нимъ за Роменъ, унижилъ его даже во мнѣніи короля. Но члены каптуроваго сейма вообще относились къ вопросу о козацкомъ бунтѣ безъ той злобы и фанатизма, на которой выѣзжаетъ малорусская историографія. „Общимъ соборомъ“ (пишетъ литовскій канцлеръ) „просили брацлавскаго воеводу (Киселя) дать ясное понятіе объ этой войнѣ“.

И по отношенію къ могущественнымъ панамъ протестантамъ и по отношенію къ могущественнымъ теперь болѣе прежняго козакамъ, Кисель могъ бы и долженъ былъ бы засвидѣтельствовать, что причиною страшнаго войны—притѣсненіе вѣры въ Козацкой Украинѣ. Радивилъ говоритъ, что онъ „широко изложилъ информациі войны“, но что „сумма информациі была такая: Хмельницкій часто запрашивалъ Потоцкаго не преслѣдовать его, но тотъ не унимался и хотѣлъ уничтожить его въ самыхъ начаткахъ (бунта). Поэтому Хмельницкій обратился къ Татарамъ, и хотя брацлавскій воевода убѣждалъ Потоцкаго не дѣлать этого, и послалъ письмо къ королю, чтобъ отвлекъ

его отъ этого предпріятія, но пока письмо пришло, наше войско было уже разбито, гетманы взяты въ плѣнъ“, и т. д.

Общею чертою панскихъ совѣщаній о томъ, какъ поступить съ бунтовщиками, было непониманіе всей грозы бунта. Раздробленное на множество панскихъ царствъ и мѣщанскихъ республикъ Польское Королевство оказывалось мелочнымъ въ своихъ мѣропріятіяхъ. Намъ, и самымъ мелкимъ, и самымъ крупнымъ органамъ консолидированныхъ народныхъ русскихъ силъ, почти невѣроятно то, что рассказываетъ литовскій канцлеръ о совѣтахъ Оссолинскаго и другихъ высшихъ сановниковъ. Совѣтовали, наприимѣръ, послать къ Хмельницкому полученное отъ хана письмо, въ которомъ ханъ говорилъ, что козаки хотѣли идти къ самой резиденціи короля, но ханъ не согласился на это ради пактовъ Польши съ турецкимъ султаномъ; а такъ какъ въ томъ же письмѣ ханъ прибавлялъ, что вторженіе свое сдѣлалъ по турецкому велѣнію, то послать письмо и къ визирю. Самъ Радивилъ совѣтовалъ поскорѣе отправить козацкихъ пословъ, чтобы ихъ задержкою не раздражить еще больше козачину, „а причиною бури“ (пишетъ онъ) „представилъ я наши грѣхи да угнетеніе убогихъ“, — и только!

Вслѣдъ за этимъ глубокомысленнымъ и патріотическимъ представленіемъ прочитано было государственному собранію письмо достойнѣйшаго, по мнѣнію Киселя, изъ прозелитовъ польщизны, князя Доминика Заславскаго, „который“ (пишетъ Радивилъ) „не совѣтовалъ давать амнистію козакамъ: ибо это“, говорилъ онъ, „не представляетъ намъ ни пользы, ни чести, а лучше все нести съ отвагою“.

Въ письмѣ своемъ Заславскій рассказывалъ, между прочимъ, что козаки въ іезуитскомъ костелѣ, въ Винницѣ, пили священными чашами горілку, нарядившись въ всендзовскіе орнаты; ваплановъ жестоко сердно замучили, выбрасывали трупы изъ гробовъ и, разсѣвши на куски, бросали собакамъ, а плѣнныхъ шляхтичей, для большаго поруганія, продавали Татарамъ по нѣскольку грошей.

Далѣе Кисиль представилъ сочиненный имъ универсалъ отъ сената къ козакамъ. Только-что хотѣли было послать этотъ универсалъ въ Посольскую Избу, какъ она прислала собственный, въ которомъ исчислила всѣ козацкія злодѣянія: какъ соединились козаки съ погаными Татарамъ, какъ разбойничали и опустошили столько провинцій, какъ уведено было въ татарскую неволю множество христіанъ, какъ вырѣзано нѣсколько воеводствъ, какъ попирали козаки ногами священную евхаристію, какъ святыми чашами пили горілку. „Однакожь“ (сказано было въ универсалѣ), „если искренно скажутся, если удовлетворятъ Рѣчь Посполитую, поелику поворно просятъ о поми-

лованіи, то можно все имъ простить, только чтобы спойвно ждали комиссаровъ, бунты усмирили, зачинщиковъ на руки комиссарамъ выдали, плѣнниковъ отпустили, въ прочихъ же пунктахъ ждали повелѣній Рѣчи Посполитой чрезъ комиссаровъ". Крыловская басня „Котъ и Поваръ“ представлена была здѣсь въ лицахъ.

„Понравился этотъ проектъ (podobał się ten koncert)“, пишетъ наивно литовскій канцлеръ, и рассказываетъ, какъ назначили 18 особъ изъ представителей всѣхъ вѣроисповѣданій въ комиссію съ козаками, а козацкіе послы были отпущены съ однимъ универсаломъ отъ Сенаторской Избы и отъ Посольской за подписью примаса и посольскаго маршала“.

Никто не смѣялся при этомъ; но громко смѣялись, когда Адамъ Кисель и писарь Великаго Княжества Литовскаго, Паць, излагали подробно, какъ они были въ посольствѣ „у Москаля“. Съ антиславянскою точки зрѣнія, усвоенной даже и православными панями Ляхами, московскіе порядки казались имъ нелѣпыми. Еслибы такіе представители русскаго элемента въ Польшѣ, какими являлись Кисели да Древинскіе, не были тѣми же Поляками, не потѣшали бы они польскихъ законодателей карикатурою московской дипломатіи, и остановили бы столь несвоевременный смѣхъ малорусскимъ замѣчаніемъ: „Коли бь вамъ, пані Ляхи, та не сміятись на кутні!“ Впрочемъ, въ концѣ одного засѣданія, маршалъ Посольской Избы напрямикъ сказалъ своимъ избирателямъ, что кого хочетъ Богъ наказать, у того отнимаетъ разумъ, и попрекнулъ ихъ королемъ Владиславомъ, назвавъ его головою, „отъ которой зависѣло существованіе шляхетскаго соловія“.

Для полной характеристики каптуроваго или конвокаціоннаго сейма слѣдуетъ упомянуть о злобѣщей сценѣ въ церковно-религіозномъ духѣ. Въ число депутатовъ транзакціи съ козаками надѣялся попасть и кievскій подкоморій, аріанинъ Немирить; но маршалъ Посольской Избы исключилъ аріанина изъ списка, а прочіе ревнители католичества высказали ему,—что люди, не признающіе Св. Троицы, не пользуются общественнымъ правомъ, и что сеймовые паны должны остерегаться такихъ людей, какъ мороваго повѣтрія. При этомъ освѣтцискій (т. е. освѣтимскій) староста, Адамъ Корицинскій (т. е. Кортинскій) объявилъ, что лучше ему разить свою кровь и лишиться жизни, нежели единиться съ подобными еретиками; а Мазовецкое воеводство не дозволяло, по своимъ правамъ (*juxta jura sua*), ни подъ какимъ видомъ терпѣть никакого диссидента. У нихъ де и Жыдамъ ихъ древніе законы не дозволяютъ нигдѣ жить подъ смертною казнью

(sub roena colli). Вслѣдъ за Мазурами и представители Кіевскаго воеводства, земляки Немирича, заявили, что желаютъ сохранить ненарушимымъ право, по которому допускаются у нихъ только двѣ религіи, римская и греческая.

Избранники панскаго большинства, Заславскій, Конецпольскій и Остророгъ, изъявили согласіе на то, чтобы во главѣ комиссаровъ стоялъ миротворецъ Адамъ Свѣнтольдичъ Кисѣль. Представитель панскаго меньшинства, князь Вишневецкій, устранился съ негодованіемъ отъ совѣщаній польскихъ царей и, подобно гнѣвному сыну Пелесъ, обращалъ въ умѣ своемъ грозныя мысли, проникнутыя глубокою скорбью. То онъ готовился (по дошедшему до Кунакова характеризующему Рѣчь Посполитую слуху) „наварить Полякамъ пива горше Хмельницкаго“, то рѣшался предоставить ихъ погибельной ихъ участи, то намѣревался совсѣмъ уѣхать изъ безалабернаго и неблагодарнаго отечества.

Правоправящая панская республика, въ борьбѣ съ революціонной республикой козацкой, все еще мѣрила взаимныя свои отношенія мѣриломъ прошлыхъ своихъ успѣховъ и своего торжества надъ нею. Депутованные на козацкую комиссію предполагали, что, для транзакціи съ козаками, всего лучше было бы избрать мѣсто, недалекое отъ Кіева, гдѣ бы можно было покупать съѣстные припасы для своей ассистенціи, а коронное войско, чтобы стягивалось между тѣмъ въ Константинову. Ассистенція же комиссаровъ (совѣщались паны) не должна быть ни слишкомъ многочисленна, чтобы не испугала козаковъ, ни слишкомъ мала, чтобы козаки не пренебрегали ея. Козаки хотятъ 12.000-наго реестра (размышляли депутованные). Пожалуй, можно согласиться на одну-другую тысячу. Козаки просятъ объ уплатѣ жолду. Но вѣдь приготовленные для нихъ деньги (съ дефицитомъ въ 230.000) взяты вмѣстѣ съ обозомъ, да притомъ же изъ-за этого жолду надѣлано столько шкодъ и Татарами, и самими козаками... Но всего забавнѣе въ совѣщаніяхъ представителей Польскаго государства, что они придумывали мѣры къ тому, какъ бы козаки не показались передъ Шляхетскимъ Народомъ предписывающими ему условія.

Это происходило 24 (14) іюля,—и тутъ же Варшава получала извѣстія о хлопскихъ разбояхъ въ „Литвѣ и въ Руси“, о безпощадныхъ нападеніяхъ Перебийноса на шляхетскія жилища.

На другой день депутованные засѣдали у примаса. Тотъ спрашивалъ, какъ о предметахъ равнозначущихъ: что дѣлать съ диссидентами, которые хотятъ отиѣнить сеймовой декретъ объ уничтоженіи въ Вильнѣ протестантскаго збора, и что дѣлать съ новонавербованными жолнерами, угнетающими духовныя добра своими стаціями?... Депуто-

ванные важно рѣшили: сопротивляться диссидентамъ, а жолнерскія угнетенія переносить въ это плачевное время терпѣливо.

Съ той же важностью постановили, 26 (16) июля,—чтобы комиссія началась 23 римскаго августа въ Кіевѣ, а кончилась 6 сентября, чтобъ отъ козаковъ потребовать освобожденія плѣнниковъ и выдачи пушекъ. Пускай де козаки разорвутъ лигу съ Татарами, безпоявойныхъ людей выдадутъ, вѣрность Республикѣ возобновятъ; уплаты жолда пускай не надѣются по причинѣ надѣланныхъ ими шкодъ; королевскіе листы возвратятъ; вольностью довольствуются такою, какая дарована имъ комиссіею Кумейскою, а максимумъ—Куруковскою, и т. п.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти несообразности Варшава получила вѣсти, что Кривоносъ овладѣлъ Полонными, мѣстечкомъ краковскаго воеводы Любомирскаго (къ которому такъ ястился Хмельницкій послѣ Корсунскаго погрома) и произвелъ въ немъ неслыханныя убійства надъ беззащитными людьми, какъ объ этомъ было говорено уже выше. Зато сторонники князя Вишневецкаго увѣдомляли раздраженныхъ варшавянъ, что онъ, командуя только 6-ю тысячами жолнеровъ, три раза бился съ 60-ю тысячами козаковъ и положилъ ихъ 10.000 трупомъ.

Непосредственно за этими вѣстями въ дневникѣ Радвила записано, безъ всякой пропіи, слѣдующее: „Мы, депутаты, цѣлый день провели въ спорѣ съ диссидентами“, а въ Дневникѣ Варшавской Конвокаціи читаемъ,—что едва не всѣ воеводства объявили свою рѣшимость—отдѣлится отъ диссидентовъ съ протестаціею противъ нихъ (*cum protestatione contra dissidentes*).

Всѣ-таки кровопролитіе, произведенное Перебійносомъ въ Полонномъ, заставило пановъ немедленно отправить полномочную комиссію къ козакамъ подъ начальствомъ брацлавскаго воеводы, и казалось имъ, что они сдѣлали весьма важное дѣло.

Между тѣмъ изъ разныхъ мѣстъ получались донесенія о признаніяхъ, вымученныхъ пытками у плѣнныхъ козаковъ и козацкихъ шпіоновъ, бродившихъ подъ видомъ попрошайекъ. Одни изъ нихъ рассказывали, будто бы московскіе послы были у Хмельницкаго (шляхта всего больше боялась его сношеній съ Москвою) и объявили ему, что царь проситъ козаковъ уступить ему землю по Днѣпръ, а онъ зато поможетъ козакамъ прогнать Поляковъ за Вислу и сядетъ на Польскомъ королевствѣ. Другіе показывали, будто бы малорусскіе владыки снабжали козаковъ порохомъ, пулями и гаковницами. Отъ третьихъ судебная инквизиція узнавала такія важныя вещи,—что какой-то чернецъ говорилъ: „Кто лучший, тому, Господи, помоги“, или такія,—что въ Новомъ Константиновѣ есть мѣщанинъ Харко, который сносится съ

козаками, и еще: что въ такомъ-то мѣстечкѣ есть у козаковъ пріатели — Харкѣ, Иванъ, Мартинъ, Иванко, Лесь, Павлюкъ: или, наконецъ, — что въ Володаркѣ есть трое такихъ, у которыхъ не допытаются ничего и десять катовъ: такое де знаютъ зелье. Эта исповѣдь, раздражавшая попусту чернь противъ „пановъ Ляховъ“, стоила споровъ съ диссидентами. Умы, какъ видимъ, были въ туманѣ.

Съ своей стороны продолжалъ туманить правителей безгосударнаго государства Хмельницкій своими письмами, и распускалъ о нашемъ духовенствѣ и его паствѣ разные слухи соответственно своимъ цѣлямъ.

Несовѣтовавшій прощать козаковъ наслѣдникъ Острожскаго вопіялъ теперь, въ письмѣ къ примасу, что дѣла находятся въ отчаянномъ положеніи, и боялся уже, чтобъ „не упала высокая Троя (i boję się, żeby nie upadła alto a culmine Troja)“. Онъ отпиралъ одного изъ своихъ приближенныхъ, какого-то Колонтая, посломъ къ Хмельницкому, — къ „предателю Хмелю“, какъ называлъ его передъ панами.

По этому случаю почтилъ его своимъ письмомъ предтеча предателя Хмеля, Кривонось. Знаменитый истребитель Жидовъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей увѣрялъ князя Заславскаго, что козаки не хотѣли опустошать Польской Земли, но заѣлся де съ ними князь Ярема, тиранилъ, посѣждалъ, сажалъ на колъ невинныхъ людей, въ каждомъ городѣ становилъ среди рынка висѣлицу, а потомъ буравилъ глаза. „Мы тоже“ (писалъ человѣколюбивый разбойникъ), „обороняя свою вѣру и жизнь, были принуждены стоять за свою обиду. Вотъ и о нашихъ послахъ не имѣемъ никакой вѣсти. Видно, уже спать, что не проснулись до сихъ поръ. А Жидовъ“ (закончилъ письмо кровавый *лицарз*) „направляйте къ самой Вислѣ. Вся бѣда началась отъ Жидовъ: ибо они свели съ ума и насъ“.

Это было написано передъ рѣзней въ Полонномъ, которая (говорить Радивилъ) произошла отъ того, что козаки повѣрили распущеннымъ хлопамъ слухамъ, будто ихъ пословъ посадили въ Варшавѣ на колъ: легковѣріе, достойное козацкихъ потомковъ, малорусскихъ историковъ и беллетристовъ.

Чѣмъ ничтожнѣе былъ, по своей природѣ, князь Доминианъ, тѣмъ больше дорожилъ его вліаніемъ на миротворцевъ Киселей козацкій Батько, Хмилъ. Отпуская Колонтая изъ Павлочи, онъ вручилъ ему универсалъ къ нѣсколькимъ городамъ, чтобъ его не задерживали ни хмельничане, ни Татары, то-есть, чтобъ успокоительный отвѣтъ на посольство дошелъ по адресу.

Хмельницкій свидѣтельствовался Богомъ передъ „ясноосвѣщен-

ннмъ" княземъ Заславскимъ, что, будучи неизмѣнными слугами Рѣчи Посполитой, козаки желали мира отъ всего сердца; но наступилъ де на нихъ князь Вишневецкій, котораго они отпустили изъ-за Днѣпра, хотя держали, можно сказать, уже въ рукахъ, и поэтому козаки должны были двинуться войскомъ. Въ удостовѣреніе своихъ словъ, послалъ ясноосвѣщенному князю для прочтенія универсала его милости князя Вишневецкаго и письма изъ Москвы. Хмельницкій ждалъ только своихъ пословъ изъ Варшавы, чтобы вернуться со всѣмъ войскомъ и съ Ордою въ Украину: „пускай де не бродятъ больше въ христіанской крови"... „Да и то" (продолжалъ онъ) „я постоянно удерживаю своихъ отъ чать и грабежа не чѣмъ инымъ, какъ только мечемъ, и именно потому, что ваша княжеская милость благоволите являть столь великую милость въ намъ, низайшимъ слугамъ своимъ, еще съ предковъ своихъ. Будучи этимъ чрезвычайно обрадованъ" (лебезила далѣ старая лиценца передъ старой вороной) „и возблагодаривъ за это сперва Господа Бога, мы готовы исполнить всякое повелѣніе вашей княжеской милости, въ такомъ упадкѣ Польской Короны. Только сердечно и униженно просимъ, благоволите сноситься съ нами, своими низайшими слугами, обо всемъ. По желанію его милости пана Коловтая, велѣлъ я выдать строгій универсалъ къ нѣсколькимъ городамъ, чтобъ имѣнія вашей княжеской милости для войска нашего были неприкосновенными и мы прилагаемъ всяческое попеченіе, чтобы никто не дѣлалъ ни малѣйшей кривды ни вотчинамъ вашей княжеской милости, ни вашей княжеской милости слугамъ".

Въ заключеніе раболѣпнаго письма своего, Хмельницкій, не безъ тайной ироніи, выразилъ желаніе отдать первенствующему магнату поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ. Мы увидимъ, какъ обрадовался католическій потомокъ нашего Изяслава возможности такого поклона подъ Плявцами. Онъ и теперь умолялъ уже примаса не полагаться на повѣтвыя ополченія (*praesidia*) и обратиться къ посполитому рушенію да къ панскимъ собственнымъ силамъ. Въ то же самое время послалъ онъ свою пѣхоту, въ числѣ 2.500 человекъ, для обороны своихъ имѣній, подъ начальствомъ Осинскаго, носившаго званіе обознаго Великаго Княжества Литовскаго, а самъ занялся тѣмъ, чтобы своими переменчивыми приказами сводить его съ ума. Опытный въ военномъ дѣлѣ Осинскій могъ бы погибнуть ни за что, но его спасъ Вишневецкій, подоспѣвъ къ нему для совѣстныхъ подвиговъ. Съ горстью мужественныхъ людей, они успѣшно воевали противъ Кривоноса и отбили у него знамена корсунскихъ кварталныхъ, фамильное знамя Калиновскихъ, четыре пушки и какія-то *органки*.

Козацкія ревуція гарматы дѣйствовали противъ пановъ такъ плохо, что не причиняли имъ никакого вреда, а отъ ихъ мелкой стрѣльбы поле покрывалось козацкими свитками, „точно бѣлымъ сукномъ“. По реляціи Осинскаго, Кривоносъ бѣжалъ отъ Случи „безстыдно“.

Но у смѣлыхъ бойцовъ за боязливую братію было мало хлѣба и фуража, а боевыя силы ихъ убывали съ каждымъ боемъ. Князь Вишневецкій послалъ въ сенатъ, отъ 30 (20) іюля, коллективное письмо, подписанное главными его соратниками. То были: кievскій воевода Янушъ Тишковичъ, коронный стражникъ Самуиль Лащъ, обозный Великаго Княжества Литовскаго Самуиль Осинскій и брацлавскій подсудокъ Криштофъ Тишковичъ.

Читателя поразитъ странное обстоятельство, что знаменитый баянить Лащъ Тучапскій попалъ въ число представителей польскаго патриотизма... „Такъ наша пічъ печѣ“, могли бы сказать малорусскою словицей Поляки. По смерти Станислава Конецпольскаго, панъ Лащъ, правая рука его въ борьбѣ съ сосѣдами, безъ которой не обходилась панская колонизація, а также—въ отраженіи Татаръ и въ обузданіи козаковъ, долженъ былъ бѣжать отъ кievской шляхты, окружившей его домъ съ приговорами трибунала въ рукахъ, и скрывался въ магнатскихъ домахъ отъ преслѣдованія закона, то есть отъ своихъ враговъ. На сеймѣ 1646 года о Лащѣ ходатайствовали въ Посольской Избѣ, по обычной снисходительности пановъ къ подобнымъ преступникамъ. Бунтъ Хмельницкаго вызвалъ его на боевую арену, подъ защитой военнаго *экземпта*, и тотъ же Янушъ Тишковичъ, который, въ качествѣ кievскаго воеводы, послалъ на него мѣстную шляхту, подвизался на ряду съ нимъ въ борьбѣ съ козаками. Между колонизаторами Малороссіи случалось много разъ, что недавніе враги сражались плечо съ плечемъ противъ азіятской дичи и родственной съ нею дичи козацкой. Самъ Вишневецкій ненавидѣлъ разбойника Лаща за многое, но въ борьбѣ съ козаками и козацкими побратимами, онъ, подобно Тишковичу, не дѣлалъ различія между Осинскимъ и Лащемъ Тучапскимъ. Такимъ образомъ подпись Лаща красовалась рядомъ съ подписью нашего Байдича.

Это было уже второе представленіе польскихъ воителей польскимъ доматорамъ, членамъ каптуроваго сейма и копровокаціи. Они доносили о несчастнѣйшемъ положеніи Республики (*statum Reipublicae afflictissimum*). Они видѣли все большую и большую руину (*ruinam*) всего отечества. Они недоумѣвали, почему къ нимъ, въ ихъ отважныхъ бояхъ съ многочисленнымъ непріателемъ, не приходятъ ни откуда вспоможенія: потому ли, что паны братья сами по себѣ беззаботны,

или же потому, что они отуманены напрасною надеждою на миръ (spe tractatōw ubespēczeni et vana nube armisticii obumbrati). „Предостерегаемъ васъ опять“ (писали воятели), „что непріятель, подъ покровомъ обѣщаннаго мира, всё болѣе и болѣе увеличиваетъ свои жестокости, всё шире и шире растекается и усиливается, такъ что въ каждомъ хлопѣ надобно видѣть врага, въ каждомъ городѣ и селѣ— толпу непріятелей (catervas hostium). И неудивительно: изъ нашей безопасности чернь заключаетъ, что все ей позволительно (omnia sibi licet in omnes). Отсюда происходитъ, что никто не сопротивляется, всё разбѣжались, всё подавлены страхомъ (wszyscy terrore pressi zostaja)“.

Послѣ такого увѣщанія, изолированные защитники польской чести и славы умоляли сенатъ не вести переговоровъ безъ Марса, чтобы не подпасть подъ власть непріятеля. Напрасныя мольбы! Конвокаціонисты были только поражены (perculsi) новыми извѣстіями,— больше ничего. Съ ужасомъ узнавали они, что силы Вишневецкаго истощились потерями въ битвахъ; что долѣе не можетъ онъ сдерживать „импета“ непріятеля; что отступаетъ съ обозомъ подъ Константиновъ; что Полонное осаждено (писавшіе не знали еще, что Кривонось въ него вломился); что Чорторыя и Черкинъ вырѣзаны... Но, вмѣсто того чтобы послать своему защитнику помощь, они держали въ Сенаторской Избѣ тайную раду, изъ которой велѣди выйти даже королевскимъ секретарямъ, и цѣлый день совѣщались— не о томъ, какъ отразить непріятеля, а о томъ, какъ поступить съ самоотверженнымъ героемъ. Надежды на миръ до того сбивали ихъ съ толку, что Вишневецкій казался имъ опаснымъ революціонеромъ, въ родѣ самого Хмельницкаго.

Письма Козацкаго Батьеа къ вельможнымъ панамъ и распускаемые имъ, по старинному обычаю, выдумки, подѣйствовали на панское общество такъ, какъ это было ему нужно. Отособивъ талантливаго полководца и отъ лучшихъ, и отъ худшихъ согражданъ его, хитрый козакъ маскировалъ свои приготовленія къ борьбѣ съ панами гривосовскими набѣгами, которые разгоняли мѣстную шляхту, обезоруживали панскіе замки и открывали ему свободный путь въ глубину давнишней Украины— Волини, Украины не козацкой, а шляхетской. Но путь къ нему самому, въ его украинскія тущобы, оказался непроходимымъ для правительственныхъ комиссаровъ.

Краснорѣчивый и глубокомысленный Адамъ Кисѣль былъ одурченъ имъ больше всѣхъ тѣхъ, которые въ національномъ собраніи внимали ему, какъ оракулу. Предпринятая Киселемъ экспедиція превышала его вещественныя и нравственныя средства. Онъ и его

трое товарищей, Сельскій, Дубравскій и Обуховичъ (все наши соплеменники, избранные изъ среды депутованныхъ, отправились подъ прикрытіемъ полка въ 2.000 человекъ, то есть такой ассистенціи, „чтобы не испугать козаконъ“, какъ совѣщались государственные люди; но эта ассистенція оказывалась ничтожною силою среди бушевавшей на Волыни козачины. Законы свирѣпаго Пересѣйна не хотѣли знать никакихъ мирныхъ переговоровъ, и безпрестанно покушались побить комиссаровъ съ ихъ жолнерами; а Хмельницкій, „удерживавшій своихъ отъ чашъ и грабежа ни чѣмъ инымъ, какъ только мечемъ“, не отвѣчалъ на пріятельскія письма Киселя, умолявшаго его о защитѣ отъ гайдамаковъ. Хмельницкій дѣлалъ видъ, будто ничего не знаетъ о панскомъ посольствѣ. Козаки взяли и опустошили Полонное, Корець, мѣстечко самого Киселя, Гощу, ограбили Геблѣвъ, Тучинъ и всѣ панскія имѣнія по Горыни. Не рѣшаась „идти въ глаза“ бушующимъ гультаямъ, Кисель остановился въ безопасномъ еще отъ нихъ Луцеѣ и послалъ къ Хмельницкому посланцовъ, жалуясь на прерванное такимъ ужаснымъ способомъ перемиріе, и прося обезопасить ему дорогу въ Украину. Но, прождавъ напрасно двѣ недѣли возвращенія посланцовъ, пустился на Горынь въ свои „пустки“, и по дорогѣ посылалъ въ разныя стороны подѣзды, разгоняя разбойничьи купы. Побѣда надъ ними обходилась ему не дешево: онъ терялъ лучшихъ людей своихъ и въ концѣ концовъ не зналъ, какъ выпутаться изъ миротворной миссіи.

Шляхетская Украина, Волынь, успокоившаяся отъ домашнихъ разбоевъ со временъ Косинскаго и Наливайка, не только была заражена козачиною, но отрыгала и старую жвачку разбойной шляхетчины, такъ какъ эта нѣкогда украинная область, со временъ незапмятныхъ, была тѣмъ, тѣмъ сдѣлалась теперь собственно такъ называемая Козацкая Украина. Самое имя ея своимъ грамматическимъ складомъ показываетъ, что здѣсь *волынъ* была такимъ же обычнымъ явленіемъ, какъ въ хорошей избѣ — *теплымъ*. Во времена варяжскія въ ея лѣсистыхъ и болотистыхъ пустыняхъ наѣздничала и гнѣздилась вольная *воля*, самоправная удаль. Въ литвопольскомъ періодѣ нашей исторіи Волынь оставалась вѣрно своему варягорусскому прозвищу. Право открытой силы преобладало здѣсь надъ закономъ и обычаемъ больше, нежели, напримѣръ, въ Холмской Землѣ, гдѣ, какъ мы знаемъ изъ автобіографіи Іосифа Верещинскаго, шляхтичъ, не помѣченный рубцами въ имущественныхъ столкновеніяхъ съ „панами братьями“, былъ замѣчательнымъ исключеніемъ.

Въ Землѣ Волинской власть и богатство представляли почти такую же грубую ассоціацію съ рабочей силою, какъ и въ собственно такъ называемой Украинѣ, отодвигавшейся все далѣе и далѣе къ востоку. Эта первобытная, чуждая строгой регламентаціи союзность повелительности съ подчиненностью, работала здѣсь по закону тяжелой необходимости, и выработала общество, отличавшееся отъ варягорусской толкотни только примѣсью польскаго языка и обычая къ элементу русскому.

Ни въ одной изъ литворусскихъ и польскорусскихъ областей не было столько богатыхъ и убогихъ шляхтичей, титуловавшихся князьями, и нигдѣ между служилыми и чернорабочими людьми не встрѣчалось такое множество *бояръ*. Сокрушенная Батыемъ варягорусская система засыпала своими осколками Волинь густо. Когда Кіевская Земля опустѣла и Литва да Ляхва захватили въ свои руки остатки недобитой Монголами Руси, — между Припетью и Днѣстромъ засѣли представители древняго русскаго самоуправства, не хотѣвшіе подчиниться новымъ порядкамъ.

Въ эпоху Наливайка были уже забыты кровавыя смуты, которыя пришлось пережить кореннымъ Литвинамъ и Полякамъ для водворенія на Волини этого шаткаго государственнаго права, которое дѣлало польскорусское общество сборищемъ недоступныхъ для закона преступниковъ. Памятны были правительству только услуги князей Острожскихъ, Заславскихъ, Четвертинскихъ, Сангушковъ, Чарторыйскихъ, Корецкихъ, Збаражскихъ, Вишневецкихъ, чуждавшихся уже верховодства въ политическихъ усобицахъ и помышлявшихъ всего больше объ интересахъ экономическихъ. Эти потомки древней княжеско-боярской вольницы сдѣлались тузами среди прочихъ *князей* и спустившихся до служилаго званія *бояръ*, благодаря силѣ, отвагѣ и искусству властвовать: качества, бывшія въ оно время естественною замѣною нынѣшняго общественнаго права. По невозможности подавить своеволие этихъ можновладныхъ дукъ, правительство старалось ихъ задобрить пожалованіями и привилегіями, предоставляя имъ ту власть надъ городами и тянувшими къ городамъ землями, которой не могло удержать за собою. Купленные великими уступками со стороны польской верховной власти, наши русскіе дуки, изъ неугомонныхъ бунтовщиковъ, сдѣлались орудіями правительства для усмиренія другихъ демагоговъ. Такъ, по наказу Баторія, князь Василій, съ помощью крымскаго хана, усмирялъ низовцевъ, какъ объ этомъ была у меня рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Но когда король пытался урегулировать свои доходы съ волинскихъ городовъ и замковъ, эти гордые покорники верховной вла-

сти давали королю чувствовать свое революціонное происхожденіе, и не удостоивали сановитыхъ ревизоровъ даже такого вниманія, чтобы предъявить документы на свое полноправство. Въ теченіе многихъ лѣтъ на владѣніяхъ князя Василя накопилась весьма значительная сумма недоимки подымнаго налога. Озлясь на него за противодѣйствія церковной уніи, Сигизмундъ III потребовалъ отъ него недоимки весьма строго; но строгое требованіе осталось мертвою буквою.

Повелѣвая Волинью на бумагѣ, короли на дѣлѣ должны были терпѣть удѣльную независимость волинскихъ князей, оруженныхъ служилыми, князьями, панами, боярами, *вольными людьми*, и грозившихъ удесятерить свою гвардію. Въ лицѣ своихъ магнатовъ, Волинь долго противилась окончательному соединенію Великаго Княжества Литовскаго съ Польскою Короною, но и послѣ Люблинской политической уніи тамошніе князья фактически оставались независимыми владыками своего края, то-есть владѣли имъ не по *польскому праву*, а по старорусскому обычаю. Правда, воинственность потомства Олеговъ, Святославовъ, Ияславовъ уступила мѣсто заботамъ имущественнымъ, но она сохранилась въ той шляхто-боярской и бояро-мѣщанской массѣ, которая служила прежде панамъ-дукамъ въ ихъ борьбѣ съ ополченіями королевскими; а потомъ нападала на нихъ самихъ подъ бунчуками Косинскаго и Наливайка. По старой памяти, имена крупныхъ волинскихъ князей всё еще могли сдѣлаться кличемъ для вооруженной оппозиціи правительству, и правительство боялось ихъ попрежнему.

Скрѣпляя связь между разноплеменными частями Польши, короли „попускали пдпускъ“ вельможнымъ дукамъ до такой степени, что ихъ владѣнія увеличивались во много кратъ на счетъ государственныхъ, церковныхъ, шляхетскихъ и мѣщанскихъ имуществъ различными путями, а мѣстная власть ихъ надъ волинянами получала характеръ власти монархической.

Но эти буйтуры Королевской Земли были обязаны своимъ богатствомъ и значеніемъ не столько знатности своего рода, не столько своему вліянію на короля и потачкамъ верховной власти со стороны нансеныхъ *жорбитанціи*, сколько умѣнью править разбойнымъ элементомъ, образовавшимся на Волини издревле въ средѣ *низшей* шляхты, бояръ, мѣщанъ и такъ называемыхъ официально и въ силу привычки *вольныхъ людей*, начинавшихъ уже принимать повсюду имя козаковъ, по самому промыслу своему *вольныхъ*.

Подъ покровительствомъ можновладивовъ, на Волини совершались всевозможныя насилія пановъ надъ панами, мѣщанъ надъ мѣ-

панамъ, поповъ надъ попами, монаховъ надъ монахами, при помощи готоваго во всякимъ услугамъ козачества, и происходившая отсюда неурядица не только не вредила ихъ экономическимъ интересамъ, напротивъ, увеличивала богатства ихъ съ быстротою прогрессивною.

Грубость вѣка и неопредѣленность понятій о правѣ сильного надъ слабымъ давали волынскимъ князьямъ и великимъ панамъ возможность уклоняться отъ нравственной и юридической ответственности за творимыя вокругъ нихъ беззаконія. Короли относились къ нѣкоторымъ изъ нихъ съ особеннымъ уваженіемъ, если не страхомъ, такъ что они оставались не только безъ суда, но даже и безъ упрека, въ такихъ случаяхъ, когда другіе были лишены чести и покровительства законовъ. Наши волынскіе демагоги-князья были подсудны королямъ юридически, но фактически не были.

Что касается самого общества, то волынскіе дуки, не смотря на всѣ свои магнатскія экзорбитанціи, вовсе не представлялись ему притѣвнителями. Они часто слыли даже благотворительными вельможами, покровителями науки и древней русской вѣры. Обиженные вопіали громко противъ своихъ тирановъ и грабителей, изъ которыхъ многіе были приближенными лицами этихъ бароновъ. Но голоса, обвинявшіе на Волыни сильныхъ земли, заглушались хоромъ безчисленныхъ сообщниковъ ихъ въ пользованіи „нетруженнымъ хлѣбомъ“. Да и не было въ тѣ времена пановъ, которые могли бы служить первенствующимъ волынскимъ магнатамъ живымъ уворомъ въ ихъ самоправствіи. Отъ своихъ собратьевъ отличались они только загребистою лапой въ дѣлѣ общей панской добычи. Всѣ другіе паны дѣйствовали въ томъ же духѣ, каждый по мѣрѣ своего гражданскаго безсовѣстія, по мѣрѣ своей магнатской безнаказанности, хитрости, корыстолюбія. И этимъ-то способомъ поддерживалась на Волыни та вольная воля, отъ которой Волынская Земля получила свое названіе. Богатство и убожество, свобода и порабощеніе, веселое буйство и мрачное уныніе были здѣсь перемѣшаны рѣзко, точно въ турецкой азійчинѣ.

Это была зловѣщая помѣсь: отъ нея произошли тѣ смуты, которыя начались на Волыни при безсовѣстѣйшемъ изъ Острожскихъ, прозванномъ у сплетниковъ было *святомятымъ*, и черезъ полстолѣтія покрыли большую часть польсворусской территоріи кровавыми развалинами. Но, съ притупленіемъ чувства справедливости у высшего и у низшихъ сословій, вѣрнѣе сказать — состояній, притуплялось въ Королевской Землѣ и чувство опасности отъ повсемѣстной *порчи правосія*. Между тѣмъ она-то, а не *Крѣсы*, какъ думаетъ польская историографія, была „Ахиллесовой пятою“ въ составѣ Рѣчи Посполитой.

Даже такіе православники, какъ Адамъ Кисѣль при всей своей заботливости о судьбѣ Польши смѣтрѣли на князя Василя и подобныхъ ему обладателей Шляхетской Украины Волини, прежде всего, какъ на защитниковъ Христіанской Земли отъ разлива мусульманщины. Въ виду большихъ расходовъ на постоянную борьбу съ Татарами и великихъ опасностей украиннаго быта, имъ казались извинительными панскія эзорбитанціи; а во что были способны превратиться орудія панскихъ эзорбитанцій, низшая шляхта, бояре, мѣщане и возаки вмѣстѣ съ попами, не уступавшими въ грубомъ эгоизмѣ ниодному сословію, и полудикими, готовыми на все пагубное мужиками,—предвидѣть это было тогда рано. Это увидѣли только въ то время, когда пособить бѣдѣ было уже невозможно.

Магнатскіе завистники и недоброжелатели, мелкопомѣстные и безземельные шляхтичи, не только не хотѣли помогать своимъ патронамъ въ отраженіи козацкихъ набѣговъ, но еще и сами нападали по-козацки на панскіе отряды, занятые партизанскою войною съ кривосовцами. Кисѣль собственными глазами видѣлъ толпы волынскихъ шляхтичей, и притомъ „szluzatych“, которые ходили заодно съ козаками на разбойный промыселъ, подъ предводительствомъ своего же брата, шляхтича, и отъ которыхъ ему приходилось оборонять свои возы. „Они даже бились не такъ, какъ бьются козаки“ (писалъ онъ къ Оссолинскому). „Тѣ обыкновенно стрѣляютъ изъ самопаловъ, а эти нападали на наши отряды въ полѣ рукопашнымъ боемъ“. Для несчастнаго панскаго общества вернулись времена Косинскаго и Наливайка. Вернулись для него и тѣ Баторіевскія времена, когда не только украинская шляхта, но и паны старосты дѣлали козакамъ „равныя адмінісіcula“. Оно видѣло въ страшномъ развитіи зло, порожденное собственнымъ безпріемьмъ, и не знало, чѣмъ и какъ помочь себѣ.

Вотъ въ какомъ водоворотѣ, или чертормѣ очутился Кисѣль съ отважнымъ, но сравнительно ничтожнымъ полкомъ своимъ. Добравшись кой-какъ до своей Гощи, напелъ онъ въ гощинскихъ „пусткахъ“ нѣсколько сотъ бражничавшихъ опустошителей. Гультаи привѣтствовали козаяна стрѣльбой изъ самопаловъ, и не обратили никакого вниманія на объявленіе, что это пришли комиссары съ мирными предложеніями. Напротивъ, напали на Киселевыхъ жолнеровъ съ такой завзятостью, что пришлось положить почти всѣхъ пьяницъ трупомъ, при чемъ съ панской стороны убитъ храбрый воинъ, шляхтичъ Люля изъ-подъ хоругви Александра Конецпольскаго, еще одинъ шляхтичъ Березинскій (оба Малоросса) и нѣсколько человекъ челяди.

Въ Гошчу пришли къ Киселю измышленныя вѣсти, что когда Кривонось, онъ же и Перебийнось, вернулся въ Украину, Хмельницкій приковалъ его цѣпью за шею къ пушкѣ, заповолоненную Кривоносомъ шляхту выпустилъ на волю, и болѣе сотни его „разбойниковъ“ приказалъ своимъ Татарамъ обезглавить. Кисѣль всему этому вѣрилъ, и хвалился коронному канцлеру, очевидно, понимавшему козаковъ не лучше его самого. Онъ вѣрилъ и тому, что ханъ остановилъ свои полки и дожидается его прибытія. Хвалясь всѣмъ этимъ Оссолинскому, онъ усердно просилъ пановъ удерживать свои войска отъ всякихъ подѣздовъ, чтобъ они не раздражали Хмельницкаго.

Миролюбивымъ панамъ, послѣ этого, только и оставалось, что держать тайныя рады противъ полководца, который одинъ былъ способенъ отстоять ихъ панованье.

Въ позднѣйшемъ письмѣ къ Оссолинскому Кисѣль опять просилъ „не портить его переговоровъ такими подѣздами“, и окончилъ письмо увѣреніемъ, что Кривонось *былъ* прикованъ къ пушкѣ, но потомъ де, при Отцѣ Ляшкѣ, *) его отпустили за порукою. Но Хмельницкій не могъ, хоть и хотѣлъ бы, приковать къ пушкѣ полковника, создавашаго 60-тысячный корпусъ головорѣзовъ, а комедіи, въ родѣ подставныхъ лицъ, онъ строилъ и не передъ такими людьми, какъ монашествовавшій конфитентъ великаго дипломата. Ему было нужно, чтобы паны, по просьбѣ Киселя, „не портили переговоровъ никакими подѣздами“.

Не дождавшись въ Гошчѣ отвѣта на свою просьбу, Кисѣль опять началъ прокладывать себѣ дорогу къ Тамерлану, какъ называлъ онъ Хмельницкаго. Когда, въ своемъ фантастическомъ походѣ, приблизился онъ къ знаменитому городу Острогу, резиденція „начальника православія“, этого „столба и утвержденія вѣры“, была уже занята козаками, которые „день и ночь пили вино и мальвазію“. Пьяницы выбѣжали за ворота и хотѣли здороваться съ нимъ тѣмъ же способомъ, какъ и Гошчинскіе незваные гости. Но Кисель построилъ свое войско въ боевой порядокъ и отправилъ къ нимъ посла. Насилу взяли они въ толкъ, что это миротворный, а не наступательный походъ. Кисѣль показалъ полученное въ дорогѣ письмо отъ Хмельницкаго и

*) Дворянская фамилія *Ляшка* до сихъ поръ существуетъ въ Борзнѣ. Кисѣль, вѣроятно, во избѣжаніе неприятнаго для козаковъ имени, называлъ своего конфидента *Lasko*, словомъ, не значащимъ ничего. Тогдашніе *модоляшки*, подобные Киселю, попали въ такое положеніе между двухъ народностей, что не знали, какъ имъ быть.

отдавался со всѣмъ полкомъ, чтобъ они вели его къ своему гетману. Козаки видѣли, что это немаловажный призъ, и были готовы конвоировать пановъ, но потребовали отъ нихъ восемь заложниковъ. Кисѣль на это согласился, если козаки дадутъ столько же своихъ.

Но едва обмѣнялись они заложниками, къ Острогу приблизился отправляемый Осинскимъ, соратникомъ Вишневецкаго, подѣздъ, подъ начальствомъ отважнаго партизана, пана Сокола, съ тѣмъ, чтобы выбить козаковъ изъ города, принадлежащаго князю Доминику, достойному наслѣднику князя Василия. Козаки завели съ неприятелемъ гарцы, а въ городѣ между тѣмъ поднялся крикъ, что Кисѣль разомъ „я трактуетъ и штурмуетъ“. Пятеро изъ пановъ заложниковъ очутились безъ головъ; троицхъ спрятали отъ пьаной черни старшина. Во время гарцевъ, козаки добыли у пана Сокола языка и узнали, что Кисѣль былъ тутъ ни при чемъ; но не захотѣли уже его конвоировать и не дозволили ему даже провести свой полкъ черезъ городъ. Коммиссары, удержавъ у себя козацкихъ заложниковъ, повернули къ Ляховцамъ.

Тѣмъ и кончилось премудрое путешествіе панскаго миротворца къ Тамерлану-козаку. Изъ Ляховцевъ Кисѣль отправилъ одно письмо къ Хмельницкому, жалуясь въ немъ, между прочимъ, на профанацію со стороны козаковъ не только польскіихъ, но и русскихъ алтарей „Божіихъ“, а другое—въ своему давнишнему пріятелю, вѣвскому митрополиту, котораго просилъ ѣхать къ Хмельницкому съ просьбой о пропускѣ къ нему панскаго посольства. Въѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ онъ правительствующихъ пановъ, что теперь, увы! „ближе къ войнѣ, нежели къ миру“. Все-таки польскій патриотъ Русинъ приписывалъ себѣ важную услугу отечеству тѣмъ, что своимъ путешествіемъ и своими посланіями пріостановилъ настолько времени неприятельское нашествіе, намекая несма ясно, что не желаетъ видѣть своей pietatis ki odczyznie безъ памятника.

Недавно миновало 16 (6) іюля, условленное время трагата Сильвестромъ Косомъ и Адамомъ Киселемъ о соединеніи церквей. „Не то было бы въ Украинѣ, тогда бы слушались его (Киселя) съ самаго начала“! Такъ, безъ сомнѣнія, думалъ онъ, отправляя письмо къ иному Петру Могилѣ.—„Не то было бы со мною, когда бы намъ удалось осуществить планъ, покрытый великою тайною“! Такъ, безъ сомнѣнія, помышлялъ наперсникъ Адама Свѣтольдица, читая письмо его, которое, видно, сжегъ, потому что оно до насъ не дошло. Можно себѣ представить воздыханія стрегомаго козаками архипастыря, когда онъ ѣхалъ къ свирѣбному гетману, сокрушителю драгоценнѣйшихъ его

надеждъ и той славы въ польскомъ потомствѣ, которой не удалось и его воспитателю стяжать себѣ на кievской митрополіи.

Но Хмельницкій не далъ ему ничего сдѣлать и для досточтимаго имъ Свѣтольдича, котораго память ублажаютъ и въ наше время тупые сплетники бываго *). Хмель задержалъ у себя Коса на нѣсколько дней подъ тѣмъ же почетнымъ карауломъ, который не позволялъ ему сношаться съ Ляхами да съ Недолашевцами, проводилъ время въ казняхъ-то „бесѣдахъ“ съ нимъ и въ казняхъ-то „спорахъ“, увѣрялъ, что готовъ помириться съ панами, но что ему не позволяетъ козацкая рада.

А Свѣтольдичъ узналъ между тѣмъ окольными путями, что на пановъ идетъ вся козацкая сила, и поспѣшилъ обратно въ свою Гошу. „Все-таки я сдѣлалъ много и послѣ перваго соглашенія съ Хмельницкимъ и нынѣшнимъ посольствомъ своимъ!“ Такъ думалось ему, судя по его дальнѣйшимъ письмамъ.

Киселя, въ самомъ дѣлѣ, превозносили паны за то, что онъ своими мирными, „весьма искусными“, переговорами удержалъ козака Тамерлана отъ наступленія на беззащитное государство послѣ гибели короннаго и панскаго войска на Желтыхъ Водахъ и въ Крутой Балкѣ подъ Корсунемъ. Примасъ, въ пропозиціи своей на конвокаціонномъ сеймѣ, объявилъ, что онъ за это достоинъ вѣчной памяти и благодарности въ потомствѣ, а законодательное собраніе выразило ему свою признательность публичною рѣчью.

Естественно, что Кисель полюбилъ роль миротворца; а панамъ доматорамъ было пріятно исполнять его просьбы, чтобы воинственные люди никакими поѣздами не раздражали Хмельницкаго и не портятъ мирныхъ переговоровъ. Подвиги Вишневецкаго были досаднымъ переверомъ ихъ чувствамъ, ихъ надеждамъ, и самъ Кисель, въ одномъ изъ писемъ къ Оссолинскому, давалъ понять, *кто* былъ причиною нарушеннаго козаками перемирія, слѣдовательно—и всѣхъ несчастій миролюбивой шляхты. Два противоположныя настроенія общества колебали пановъ и въ ту, и въ другую сторону, ослабляя нравственную и физическую энергію Шляхетскаго Народа. Наконецъ, громадные размѣры козацкаго разбоя, гибель городовъ, истребленіе людей, повсемѣстное опустошеніе края, болѣе обширнаго и богатаго всѣми дарами природы, чѣмъ Великая и Малая Польша вмѣстѣ, заста-

*) См. въ „Кievской Старинѣ“ 1885 года, августъ, стр. 745 — 750, а въ сентябрьской—декабрьской гв. біографію Адама Киселя.

вили нѣкоторыхъ подозрѣвать стачку самого Киселя, яко Русина, съ Хмельницкимъ *). Даже товарищи комиссары возмущались его увѣренностію въ мирномъ настроеніи козацкаго гетмана, указывали своему презусу на потерю городовъ и крѣпостей, писали къ нему, что ихъ вѣрность заподозрѣна у Рѣчи Посполитой (*fides panza u Rpliej suspecta*). Только тогда встревожился миротворецъ вѣстями о вооруженіи Хмельницкаго и его движеніи противъ пановъ.

*) Наирингъ львовскій архибискупъ писалъ, отъ 1-го римскаго сентября, къ своему пріятелю: „Pan Kisiel w traktatach excuzuje złości Kozackie, i tѣm traktaty stanowi; et hostes excusat, jako Busin“.

Глава XVII.

Разстройство финансовъ.—Козаки морочатъ пановъ надеждой на миръ.—Пышность панскаго лагеря подъ Пилявцами.—Борьба между собой трехъ Русичей на гибель Польши.— Два триумвирата.—Удачная проба панскаго оружія подъ Пилявцами и перевѣсъ паники.—Бѣгство пановъ изъ-подъ Пилявцевъ.—Козаки осаждаютъ Львовъ, потомъ Замостье, и принуждаютъ пановъ къ избранію узаннаго имъ короля.

Было чего тревожиться панамъ и дома. По докладу ихъ министра финансовъ на конвокаціи, въ коронномъ скарбѣ было у нихъ всего на-всего 76.000 злотыхъ. По всей Руси (доносилъ онъ), „главной“ (относительно доходовъ) странѣ, таможни и мытницы (*ścis i kopolgu*) были уничтожены; торговля пріостановилась, даже ярмарокъ не было; а въ самой Коронѣ, во время междуцарствія, доходы очень уменьшились. Къ явной досадѣ заинтересованныхъ пановъ, коронный подскарбій объявилъ, что *администрація* въ государственныхъ имуществвахъ весьма убыточна для Рѣчи Посполитой, и что *аренды* несравненно выгоднѣе.

Этотъ докладъ панскаго министра финансовъ, короннаго подскарбія, служить отвѣтомъ на вопросъ, естественно представляющійся русскому читателю: почему бы не задобрить хищныхъ Татаръ и не менѣе хищныхъ козаковъ своею временною уплатой однимъ за четыре года гарача, а другимъ за пять лѣтъ жолда, не дожидаясь, пока они примутся вознаграждать сами себя разбоемъ, какъ это дѣлала много разъ и служилая шляхта, составлявшая кадры жолнеровъ, какъ и самихъ козаковъ. Нѣмецъ вѣрнѣе всѣхъ обозначилъ причину паденія Польши своею поговоркою: *polnische Wirthschaft* *). Въ этомъ смыслѣ историкъ приходитъ на память упрекъ одного сеймоваго брошюрста, сдѣланный правительственнымъ панамъ лѣтъ за десять до

*) Польское хозяйство.

Косицщины. Онъ говоритъ, что паны держали козаковъ на Татаръ, какъ собакъ на волковъ, но, побивши Орду, не платили имъ жолду, и тѣмъ приводили въ новымъ бунтамъ *). То же самое можно сказать и о вознагражденіи жолнеровъ за службу, вѣчно несвоевременномъ.

Едва кончилась въ Варшавѣ конвокація, какъ получено было извѣстіе, что козаки взяли приступомъ опору панской колонизаціи, ранговый городъ коронныхъ гетмановъ, „арсеналь Рѣчи Посполитой“, Баръ, по древнерусскому названію своему—Ровъ. Послѣ отчаянной и безуспѣшной защиты города и замка, воинственная, подольская шляхта вопіяла къ варшавянамъ своимъ окатоличеннымъ голосомъ: „Спасайте же хоть муръ и костелы, если ужъ не насъ, братьевъ!“ Но варшавяне умѣли только полячить русскихъ людей на ихъ пагубу, а спастись и самихъ себя не умѣли.

Одновременно съ жаждавшими войны Подолянами и миротворецъ Кисѣль жаловался Оссолинскому, что козаки опустошили большаго прежняго его Гощу, а Перебийнось (не смотря на сказочный приковъ къ пушкѣ) вырѣзалъ по своему обычаю Межибожь.

Во время новаго грабежа гостепримной Гощи (повѣствовалъ гострестно Свѣнтольдичъ) козаки схватили юркаго монаха, Отца Ляшка, и, не взирая на его православіе, положили среди улицы, и до такой степени избили кіями, что его благочестивый патронъ сомнѣвался, будетъ ли онъ живъ. Козаки (продолжалъ Кисѣль) взяли у него всѣ письма и какой-то „патентъ отъ примаса“. (Видно, и Ляшко принадлежалъ къ такимъ православникамъ, какъ самъ Кисѣль и его пріятель, витропольтъ). Три дня гостили хмельничане въ Гощѣ, какъ во время оно Наливайцы въ Яссахъ, распуская кругомъ загоны по имѣніямъ горынскихъ помѣщиковъ Сошгъ, Нарушевичей, Хребтовичей и многихъ другихъ, носившихъ малорусскія имена **).

*) Печатныя брошюры, распространяемыя между сеймующими панамъ, заслуживаютъ прілежнаго изученія. Biblioteka Polska г. Туровскаго напечатала ихъ нѣсколько, но въ нее не вошла весьма рѣдкая брошюра: O powych Osadach: Słobodach ukraińnych Zdanie i Wozzadek, напечатанная безъ означенія года и имени автора, но по шрифту и правописанію относящаяся къ XVI столѣтію. Не думаемъ, чтобы заслуженный передъ наукою издатель отвергъ ее потому, что въ ней высказано много непріятной для Поляковъ правды.

**) Одинъ весьма талантливый польскій писатель, вида въ мессѣ „Исторія Возсоединенія Руси“ возстановленнымъ по малорусскому произношенію имена нашихъ колонизованныхъ Русичей, знаменитыхъ въ исторіи Польши, спрашиваетъ печатно въ недоумѣніи, для чего я это дѣлаю. Отвѣчаю ему: для науки, для

чекъ вина“ (писалъ Кисѣль, забывая, въ своемъ новомъ горѣ, о томъ, что козаки, по его прежнему допесенію, *допивали остатки меда*) „и нѣсколько десятковъ бочекъ *меду* пили (у меня) день и ночь, почтивая момъ же хлѣбцевъ, равно какъ и сосѣднихъ, а что осталось, пороздавали мужчинамъ“.

Угѣдомивъ объ окончаніи этой, какъ назвалъ онъ, *трагедіи*, Кисѣль доносилъ, что, по словамъ посланныхъ языковъ, Хмельницкій собралъ уже 120.000 войска, сверхъ Кривоносова корпуса, и стоитъ подъ Янушполемъ, недалеко отъ Любартова. „Вида“ (писалъ разочарованный миротворецъ), „что мы не спѣшимъ собирать войско, что главные наши дѣятели“ (слѣдовательно Заславскій, Конецпольскій и Острогоръ) „безсилны, что всѣ, въ страхѣ, показываютъ неприятелю спину (*terga dederunt omnes*), „и никто не хочетъ заглянуть ему въ глаза,— мужчины дѣлаются смѣлыми, и всѣ пристають къ этимъ войскамъ, или козацкимъ, или мужицкимъ, или разбойничьимъ“.

Такъ нашъ Адамъ Свѣнтольдовичъ, самъ того не замѣняя, повторялъ то, что давно проповѣдывалъ гласъ вопіявшаго въ панской пустынѣ Вишневецкаго. Но ему было тяжело разстаться съ великою своею надеждою на памятникъ любви къ отчизнѣ, и потому Хмельницкій представлялся ему (если не онъ представлялъ Хмельницкаго) дѣйствующимъ вопреки собственной волѣ. Толпа черни (*multitudo plebis*), по его словамъ, не допускала козацкаго гетмана до примиренія съ панами. Кисѣль даже предполагалъ, что эта *multitudo plebis* перебила пословъ Хмельницкаго на обратномъ пути изъ Варшавы, поэтому де и его (Киселевы) письма не доходили до Хмельницкаго (а о приковѣ Кривоноса къ пушкѣ передъ глазами Ляшка молчалъ). Такъ умѣлъ козакъ морочить панскую голову Свѣнтольдича.

Въ надеждѣ на мировую, панскія ополченія собирались вяло. Хмельницкій, въ письмахъ своихъ къ предводителямъ коронныхъ силъ,

науки *самопомощія*. Въ нашешъ „домашнемъ старомъ спорѣ, уже взвѣшонною судьбою“, интересно видѣть, насколько польскій элементъ былъ увлечателенъ для русскаго, и какъ потомъ русскій элементъ восторжествовалъ надъ всѣми польскими признаками (о принужденіяхъ молчу). Что Поляки умѣли торжествовать надъ Русью посредствомъ Руся, это составляетъ гордость польскаго имени. Почему же намъ не гордиться сознаніемъ, что безъ насъ, русскихъ людей, сами по себѣ Поляки были бы еще больше несостоятельны въ войнѣ и политикѣ, чѣмъ они есть нынѣ, когда, въ лицѣ полонизованныхъ Русичей, владѣютъ значительною частью древней русскою почвой и пользуются присвоенною Польшѣ славою императва русскаго имени?

только и говорилъ, что о помилованіи, о своихъ усиліяхъ приостановить пролитіе христіанской крови да о страшномъ свирѣствѣ князя Вишневецкаго, который будто бы одиѣ и мѣшалъ ему привести козаковъ къ миру съ панами. Кромѣ панскихъ ополченій, войско состояло изъ *охочей* шляхты. Шляхта извѣстнаго повѣта записывалась въ одну названную по имени повѣта хоругвь; въ нѣсколькихъ хоругвей составлялся полкъ, называвшійся по соотвѣтственному воеводству. Этакъ вся Польша имѣла въ войскѣ представителей своего Шляхетскаго Народа. По рѣшенію конвокаціоннаго сейма, входившіе въ составъ ополчившейся шляхты паны, въ числѣ 24, составляли родъ совѣта, которому дано было право принимать участіе въ походныхъ распоряженіяхъ.

Сборнымъ пунктомъ ополченій, вооруженныхъ для защиты отечества, было назначено мѣстечко Глиняны, верстахъ въ 30 къ востоку отъ Львова. Вишневецкій колебался между негодоваіемъ на своихъ собратьевъ и злобою къ опустошителямъ края. Онъ выдвинулся съ преданными ему людьми въ Константинову. Лично на Доминика Заславскаго и его товарищей триумфировъ не за что было ему гнѣваться. Князь Доминикъ не искалъ первенства: оно принадлежало ему въ Рѣчи Посполитой по обширности его владѣній, какъ императору между королями. Система обороны Польши была построена на томъ, чтобы великіе паны, расходуя деньги и боевыя средства на защиту края, одушевлялись мыслью о защитѣ своихъ имѣній, и паны избрали Заславскаго первенствующимъ военачальникомъ именно потому, что „большая половина козаковъ Хмельницкаго состояла изъ его подданныхъ“. Что касается товарищей князя Доминика, то они были приданы къ нему—одни въ видѣ дополненія скудныхъ его позпаній, а другой—для поддержки его трусливаго духа. Вишневецкій это зналъ, и былъ доволенъ публичнымъ уничиженіемъ диктатора.

Еще больше былъ онъ доволенъ, когда богатѣйшій землевладѣлецъ, сознавая свое ничтожество, сталъ искать союза съ нимъ, отверженцемъ польскихъ законодателей. Эти два представителя широкаго можновладства были соперники въ любви. Оба они искали руки прекрасной Гризельды, и Гризельда предпочла самаго воинственнаго пана самому богатому, несмотря на то, что, по понятіямъ общества, онъ былъ завиднымъ по преимуществу женихомъ. Забывая оскорбленіе панской гордости въ виду опасности для своего государства въ государствѣ, князь Доминикъ смирялся передъ обидѣннымъ и уничиженнымъ княземъ Іереміей.

Вишневецкій былъ богатъ преданностью лучшихъ воиновъ польскихъ и благороднѣйшихъ польскихъ умовъ. На поруганіе сеймоваго большинства, знаменитое нравственными преимуществами меньшинство возвышало Вишневецкаго публичными демонстраціями. Многіе, прибывъ подъ Глиняны, не хотѣли повиноваться князю Доминику, и перешли подъ знамя князя Іереміа. Вообще люди независимаго характера и положенія поступали здѣсь относительно Вишневецкаго и Заславскаго по малорусской пословицѣ: „лучче зъ розумнымъ згубити, ніжє изъ дурнымъ знайти“. Даже младшій изъ триумвировъ, Александръ Конецпольскій, присоединился, съ ополченцами своими къ тому, котораго доматоры провозглашали едва не вторымъ Хмельницкимъ.

Такъ, изъ наслѣдственнаго опасенія пановъ, чтобы въ Шлякетскомъ Народѣ не явилась диктатура, образовалось два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ недоставало предводителя, а въ другомъ — предводимыхъ. Въ Гомеровской Греціи, въ нашей федеративной Руси и въ поглотившей было насъ, Малоруссовъ, феодальной Польшѣ повторялись одни и тѣ же явленія антиобщественности, антигражданственности, антигосударственности. Желать гибели сподвижникамъ изъ-за оскорбленнаго самолюбія — не считалось дѣломъ безчестнымъ. Не могъ князь Вишневецкій не предвидѣть гибели войска, ввѣреннаго полководцу, котораго онъ отказался бы взять къ себѣ въ ротмистры, и, въ мрачномъ настроеніи духа, безъ сомнѣнія, услаждалъ себя мыслью о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя должны были постигнуть презираемую имъ панскую толпу. Но въ лучшія свои минуты былъ готовъ забывать личныя обиды. Такъ, стоя гордо на передовомъ своемъ посту, написалъ онъ дружески къ Остророгу, что, оставаясь подъ Глинянами, гетманы предоставляютъ въ добычу непріятелямъ Волинь, Подолію и почти всю Червонную Русь. „Оттого упали“ (писалъ онъ) „воеводства Брацлавское, Кіевское, Черниговское, Волинское, Подольское, что хлопство, видя, что не въ глаза имъ, а въ глазъ идутъ наши войска, встало отовсюду и, не имѣя никакого отпора, или по крайней мѣрѣ острастки, дѣлаетъ столь великія злодѣйства. Чего не удалось бы самому могущественному иноземному непріятелю, то нынѣ свободно совершаетъ плебейскій осадокъ (flex plebejorum regāgit libere). Такъ сдѣлали козаки и теперь, когда ввали Баръ и его замокъ, истребили гарнизонъ и овладѣли военными припасами, вмѣстѣ съ другой добычей. То же самое угрожаетъ и Каменцу, когда не бросимся ему на помощь, когда по крайней мѣрѣ не покажемъ оружія и какой-нибудь нашей готовности... Но гдѣ бы вы ни рѣшили дѣйствовать противъ непріятеля“ (заключаетъ Вишневецкій свое письмо), „я не замедлю прибыть къ

вамъ видѣть съ тѣми, которые готовы, какъ и я, жертвовать жизнью для отечества. Въ это тяжелое время каждый изъ насъ общее долженъ предпочитать своему частному (*publica privatis anteponeere oportet*)⁴.

Хмельницкій—было слышно—двинулся уже съ бѣлоцерковскаго своего кочевья и, поелавъ старшаго сына, Тимошѣ, въ Крымъ звать Орду, приближался къ Константинову. Съ нимъ были: Бривомость, иначе Перебийнось, Колодза, знаменитый, какъ и Наливайко, вѣтнемъ въ Бѣлорусіи Слудка, Лисенко, Гайчуря, Нечай, Морозенко, Тима, Носачъ, Ганджа, Дзеджалѣ, герои, прославленные въ свое время козацкими кобарями и прославленные въ наше время козацкими историками. Къ навербованнымъ такъ или иначе малорусскими простолюдинамъ, „борцамъ за вѣру“, примѣшались у него Молдоване, Волохи, Сербы, Донскіе козаки. Но цѣль этого христолюбиваго воинства, розовый вѣнокъ на головахъ „преславнаго Запорожскаго Войска“, находился еще въ Крыму.

Въ виду страшнаго непріятеля, Заславскій послушался наконецъ совѣта Вишневецкаго: въ половинѣ римскаго сентября переносъ оуъ свой лагерь и расположилъ его вблизи лагерь князя Іереміи близъ Константинова. Въ этомъ городѣ, составлявшемъ наслѣдованную послѣ Острожскихъ собственность Заславскаго, побывали уже козаки, и, въ качествѣ защитниковъ православія, оставили слѣды свои на опустошенныхъ и поруганныхъ костелахъ. Мѣщане, какъ всегда, волей и неволей козакovali или дѣлали для козаковъ то, что называлось *adminisra*. Послѣ того что, благодаря іезуитамъ, произошло въ Польшѣ между тѣми, которыхъ наши называли благочестивыми, и тѣми, которые считались у нихъ злочестивыми, мѣщанамъ было пріятно, какъ и козакамъ, глумиться надъ католическою святынею. Но Заславскій объявилъ своимъ константиновцамъ общее прощенье, чтобы захотить прочихъ козацкихъ сообщниковъ въ повиновенію. Его примѣру послѣдовали и другіе паны. Въ это время панамъ столько было надѣлано мужиками огорченій, что каждый дышалъ отмищеніемъ. „Но кто же будетъ отбывать повинности“? говорили вздыхая землевладѣльцы, и вслѣдствіи старались умиротворить вооруженную противъ нихъ массу, о чемъ надобно было позаботиться цѣлымъ столѣтіемъ раньше.

Настроенье Шляхетскаго Народа, собравшагося со всей Польши въ этотъ походъ, было „какое-то торжественное“. Понесся стелъ внезапно тяжкія утраты въ Дикіяхъ Поляхъ и полѣ Корсунемъ, потерявъ такъ много въ городахъ и селахъ отъ козало-татарскаго нашествія, паны точно сговорились показать Козацкому Народу, будто бы онъ

отняли у нихъ сравнительно бездѣлицу: чувство истинно польское, то самое чувство, которое, при другихъ обстоятельствахъ, было обнаружено хвастовствомъ Оссолинскаго въ Римѣ.

Въ послѣднія два царствованія, паны такъ много поработали мечемъ внутри и внѣ государства, такъ много уложили въ сырую землю дорогахъ сердцу составной націи представителей ея силы, ея чести, ея воинскихъ и гражданскихъ доблестей, что и самими воинственными изъ нихъ захотѣлось почить отъ блестящихъ и представляемыхъ блестящими дѣлъ своихъ,—хотѣлось имъ, насладясь добычей польскаго меча, насладиться и добычей польскаго плуга. Въ истекшее десятилѣтіе внутренняго и внѣшняго спокойствія, польскорусская колонизація сдѣлала успѣхи громадныя. Она такъ подняла и обезпечила сельское хозяйство, что даже на самихъ окраинахъ, по сосѣдству съ татарскими кочевьями, панскіе подданные „жили во всемъ изобильно, въ хлѣбахъ, стадахъ, пасѣкахъ“. Тѣмъ изобильнѣе во всѣхъ приходахъ успокоеннаго отъ козаковъ и Татаръ сельскаго быта жила служилая и господствующая, низшая и высшая шляхта. Уже и въ царствованіе Сигизмунда III, Янъ Замойскій въ законодательномъ собраніи, Петръ Скарга въ церкви; а Симонъ Старовольскій въ литературѣ—проповѣдывали объ уменьшеніи излишествъ въ пищѣ, напиткахъ, одеждѣ, выѣздахъ, указывая на желаніе каждаго пана виднеться впередъ *выставностью*, при невозможности нарушить сословное равенство титулами.

Блестящее побѣдами и превозносимое выше всякой мѣры царствованіе Владислава IV надѣлало въ Шляхетевомъ Народѣ тысячи королей по тщеславной пышности, а благословенія десятилѣтняго спокойствія вселили въ немъ убѣжденіе въ его непобѣдимости и въ неистощимости средствъ къ роскошному существованію. Выставность, роскошь, соединеніе множества кліентовъ и всевозможныхъ слугъ во-кругъ щедрыхъ и гостепріимныхъ изъ расчета и тщеславія патроновъ—казались панамъ силою и въ походѣ, какъ они были силою на сеймикахъ и сеймахъ. Въ этомъ-то трагикомическомъ смыслѣ представительница всѣхъ воеводствъ, крупная и мелкая шляхта, была построена въ своемъ походѣ, по словамъ самихъ Поляковъ, торжественно.

Совѣстно смѣяться надъ несчастными; но Поляки и—что еще досаднѣе—ополяченные Малоруссы такъ нагло и такъ долго смѣялись надъ всѣмъ русскимъ и даже надъ спасительною для насъ русскою царственностью, что нельзя, безъ нѣкотораго самоуслажденія, изображать ихъ общее безпутство. Впрочемъ, и новѣйшая литература польская представляетъ намъ описаніе тогдашняго безголовья Шляхетскаго

Народа въ томъ смыслѣ, какой заключается въ словахъ пророка, оплакивавшаго паденіе Израиля: „Горькимъ моимъ смѣхомъ посмѣюся“.

„Шляхта“ (рассказываетъ Полякъ) „вступила въ походъ съ такою пышностью, на какую только могла собираться послѣ многолѣтняго мира. Добыли паны изъ скарбовень богатѣйшее оружіе (а мы знаемъ, что у нихъ бывали сабли цѣною въ 10.000 злотыхъ), одѣлись въ рыси и соболи, забрали пурпурные, раззолоченные рыдваны и полные дорогихъ одеждъ, серебра, золота, драгоценностей, обоимъ скарбовые возы, а было много такихъ товарищей (рядовыхъ шляхтичей), которые, для того, чтобы сравняться съ другими, продали послѣднее имущество. Такъ явилось подъ стѣнами Львова (на переходѣ изъ Глинянъ подъ Пяльцы) 40.000 шляхты, снарядившейся какъ бы на свадебное пиршество. Мигали въ толпѣ протканные серебромъ шелки, бархаты, золотые пояса, серебряные панцири и шлемы; шумѣли на всадникахъ соколы крылья, волнхались брилліантовыя кисти, а пышные кони, въ позолоченной упряжи, въ шелковыхъ сѣткахъ, выступали на серебряныхъ подковахъ.

„Войско шло“ (продолжаетъ онъ) „въ Украинну, какъ бы на коронацію. Двѣсти тысячъ слугъ, въ легкомъ вооруженіи, сопровождало безчисленные панскіе возы и кареты. Хотѣли показать взбунтованнымъ хлопамъ, что это идутъ паны; а шляхта говорила громко, что будетъ воевать съ хлопамъ не саблею, а нагайками“.

Но чтобы панское безпутство явилось во всемъ ужасѣ будущности, къ которой оно неизбежно вело Польшу, надобно прибавить, что вся эта кампанія была непрерывнымъ пиршествомъ, на которомъ сквозь панскія горла пропущены громадныя суммы, а между тѣмъ панское войско, промотавъ полученное впередъ жалованье, добывало себѣ продовольствіе по селамъ, сопровождая грабежъ обычными жолнерскими безчинствами.

Такъ было подъ Глинянами. Теперь настала очередь страдать отъ защитниковъ Польши волиньцамъ, и они вопіяли, что шляхетскія ополченія разоряютъ ихъ еще больше, чѣмъ козаки. Естественно, что Вишневецкому, строгому воину и хорошему хозяину, было противно и мучительно смѣшать свои воздержныя дружины съ объѣдалами, пьяницами и мародерами. Онъ больше всѣхъ понималъ опасность грезы, наступающей на вавонъ со стороны Дикихъ Полей, и готовился встрѣтить ее такъ, чтобы не посрамить землю, которую называлъ, по старой памяти, Русскою.

Но правительственные паны условили себя высылкою въ поле роскошнаго парада, и не обратили вниманія на полученное сеймомъ

предложеніе хана, который соглашался порвать лигу съ козаками, если ему заплатятъ 700.000 злотыхъ недомочнаго гарача. Мы знаемъ, что князь Василій оставилъ послѣ себя 20 милліоновъ своему Янушу. При такихъ запасахъ въ скарбѣвникъ частныхъ лицъ, можно бы, кажется, было спасти общее отечество, разъединивъ Татаръ съ козаками. Но паны были неспособны къ пожертвованіямъ, а государство свое такъ эксплуатировали ловкой *администраціей*, вымогательствами и простой кражею денегъ, что, хотя многіе изъ нихъ располагали милліонами, а въ коронномъ скарбѣ оставалось у нихъ въ десять разъ меньше той суммы, какою могли бы они разлучить орду татарскую съ ордою козацкою.

Ждали Хмельницкаго. Было получено извѣстіе, что онъ ведетъ не меньше ста тысячъ козаковъ. Татаръ на этотъ разъ было у него мало. Но къ нему должна была подойти многочисленная Орда изъ Крыма. Такъ доносили панамъ, и въ то же время ходили между ними успокоительные слухи, что Татары недовольны козаками. Татары деропщутъ на козаковъ, что сами они захватили лучшую добычу, а имъ отдали пльвинниковъ, которые у нихъ перемерли. Остальныхъ они должны были продавать дешево. Угнанныя въ Крымъ стада тоже пропали отъ безкормицы. По словамъ Яскульскаго, слуги пльвинаго Потоцкаго, множество лошадей у Татаръ и ихъ самихъ не мало „перехло“. Но козаки (разсказывалъ Яскульскій) склонили Орду къ новому походу безпрестанными носольтвами и обѣщаніемъ „побусурманиться“.

Гораздо больше успокаивало доматоровъ полученное въ это время Киселемъ отъ Хмельницкаго письмо. Оба корреспондента были вѣрны—одинъ своей глупости, не дававшей ему понять, съ кѣмъ имѣеть дѣло, а другой—своему злобному уму, преслѣдовавшему руиную цѣль съ настойчивостью Сатаны.

Кисѣль писалъ къ нему: „Неужели нѣтъ у тебя Бога на небѣ, который видитъ все? Чѣмъ же виновата передъ тобой наша отчизна, воспитавшая тебя? Чѣмъ виноваты дома и алтари того Бога, который далъ тебѣ жить на свѣтѣ? Чѣмъ виновны мы,—одни, которые обязывали наши желанія Запорожскому Войску, а другіе, которые вовсе ничѣмъ невинны? Нѣтъ на свѣтѣ человѣка безъ совѣсти и безъ воздыханія къ небу. Турки, и тѣ имѣютъ своего Бога; а вашей милости, который родился христіаниномъ, должно проявить сердце и душу то, что стало и что дѣлается, и какою будетъ конецъ соединенія такого множества черни на людскую кровь“, и т. д.

Хмельницкій отвѣчалъ на это,—что нѣсколько хоругвей войска князя Вишневецкаго напали на нѣсколько сотъ козаковъ, которые де

шли мимоходомъ въ Острогожъ, безъ его (Хмельницкаго) вѣдома, ради прокормленія; а въ городѣ Межиричѣ невинныхъ христіанъ вырубили въ пень. „Развѣ это по христіански?“ (привѣдывалъ Хмель въ свою очередь). „Велите тѣхъ свободныхъ изъ оboза вывезти его милости Вишневецкаго поучать“, и т. д. Навошецъ, сдѣлавъ комиссарамъ такое предложеніе: „Благополите, ваши милости, вѣзти прямо подѣ Константиновъ; а имъ пришлемъ туда расудательныхъ людей, и обо всѣмъ, какъ бы могло быть наилучше, будемъ условливаться“.

Это письмо, превращая подвиги Вишневецкаго въ государственныя преступленія, показывало въ Хмельницкомъ панягъ чловѣка стоворчиваго, и разъединяло ихъ нравственныя и вещественныя средства гибельно. Общественное мнѣніе между двухъ представителей жадно проглоченной Польшею, но плохо переваренной, Руси колебалось то въ одну, то въ другую сторону. Православникъ Русинъ, Кисель, обвинялъ католика Русина, Вишневецкаго, въ томъ, что усмиранный бунтъ возобновился (*uśmierzona gestruduit hostilitas*), и что рецидива больше надѣлала бѣды, нежели первый, котъ и ужасный, пароксизмъ (*gesydują swoją więcej złego przyniosła; niżeli pierwszymъ lubo ciężkimъ paroxysmemъ*); а Русинъ католикъ приписывалъ православному соплеменнику своему и его примирительной утопѣ паденіе городовъ, крѣпостей, замковъ, истребленіе беззащитнаго населенія, и предсказывалъ новые ужасы войны, если изъ-за надежды на невозможное примиреніе паны будутъ ждать соединенія чужихъ язычниковъ съ язычниками домашними (*jeżeli będącъ czekać ligi pogańskiej swojeji domowemi poganu*).

Если бы взглянуть на Польское государство à vol d'oiseau, то его гибельное междуусобіе представилось бы борьбою трехъ Русиновъ, изъ которыхъ одинъ ополчился, другой окатоличился, а третій отатарился. Каждый изъ нихъ желалъ добра своимъ единомышленникамъ, но желанію каждаго, по древней пословицѣ; боги исполнили бы во мнѣвѣ своемъ. Такъ, или иначе, только проглоченная Польшею жадно, но переваренная плохо, Русь должна была разрушить польскій государственный организмъ. Три Русина, точно три зама духа, представители общественныхъ беззаконовъ, боролись на погибель Польши.

Во время письменныхъ переговоровъ Хмель съ Киселемъ о мирѣ, воевы овладѣли Луцкомъ, Клеванью и Олыкою, той Олыкою литовскаго канцлера, которую, по его мнѣнію, свасали отъ нихъ чудотворная якона въ Пясечной да предстательство Св. Бернарда, *osobliwszego koscianka Najświętszej Panny*. Это извѣстіе потрясло пановъ не меньше, какъ и рѣзня въ Колодномъ, хотя подробности новыхъ

козацкихъ завоеваній намъ неизвѣстны; а о рѣзні въ Полонномъ сохранилось нѣсколько представленныхъ сенаторскому засѣданію строкъ, которыя врѣзаются въ сердце, какъ ножъ. „Тамъ“ (доносили сеймующимъ панамъ официально) „козаки кѣли добычи на четыре милліона, и вирѣзали до 400 двѣдцѣ-пшхтановъ и маленькихъ дѣтей въ замкѣ. Кровь запекалась въ поль-козѣна“. Это была такая страшная бойня, что козацкая Иліада приписала ее самому Хмельницкому. Козацкій Батько (пѣли козари) сдѣлалъ такое воззваніе къ осажденнымъ:

Есть у мене одна пушка Сиротѣ,—
Однинацца вѣші залізіні широкі ворота.

и продолжали набожнымъ тономъ:

Тогдѣ жъ то, якъ у святій донь божественный четвертокъ
Хмельницкий до слѣду сонца уставиъ,
Шдѣ городъ Полянѣ блішой прибувавъ,
Пушку Сиротѣ у передѣ нестановлавъ,
У городъ Полянѣго гостыцца подававъ, и т. д.

Вмѣсто переплеси съ кровавадымъ Хмелемъ, Вишневецкій дѣлалъ поддѣвы да разсылалъ всюду развѣдчиковъ, наконецъ увѣдомилъ примаса, отъ (30) 20 августа, что Татары переправляются уже черезъ Днѣпръ. „Вотъ онъ, плодъ перемирія, fructus armistitii!“ (восклицалъ онъ). „Козаки берутъ у насъ города, а вѣдѣсь намъ велеть молчать и вжуть Республиѣ руки“.

Раздраженіе противъ Киселя раздѣляло съ Вишневецкимъ едва ли не столько же польскорусскихъ сердець, сколько съ Киселемъ — злобу сторонниковъ примиренія противъ самого Вишневецкаго. Но ни тѣ, ни другіе не смѣли высказаться открыто. Однакожъ, когда Кисель вернулся съ полкомъ своимъ къ околелію своихъ противниковъ и поклонниковъ, никто не вышелъ и не послалъ привѣтствовать его, а одинъ изъ пановъ, Вольскій Ржемиць, увидѣвши въ его обозѣ козаковъ-заложниковъ, схватилъ ихъ, какъ шпіоновъ, передъ собственной его палаткою и велѣлъ челяди обезглавить.

Хмельницкій, вмѣсто того, чтобы послать подъ Константиновъ „рассудительныхъ людей“, двинулся въ этому городу со всѣми своими силами. Густая туча будтовщиковъ надвигалась медленно, предшествуемая молніями пожаровъ, которыми они истребляли панскія гумна и мельницы, чтобъ отнять у неприятеля средства продовольствія.

Въ войскѣ Заславскаго было тысячъ тридцать съ небольшою хорошо вооруженнаго народа, но видавшаго бои мало. Остальную массу составляли толпы кой-какъ вооруженной челяди, которая, подъ нужду, помогала въ битвѣ панамъ, но больше смотрѣла за лошадьми, волами, кузнею, и занималась опустошительною фуражировкой.

Въ старину, когда подольскіе и подгорскіе паны хаживали за Днѣстръ для борьбы съ Турками, всѣхъ плохихъ воиновъ и лишнихъ людей отсылали бывало домой, находя ихъ помощь вредною. Съ развитіемъ богатства края, развились и прихоти походовъ, и десятилѣтіе благоденствія панскаго усыпило въ Шляхетскомъ Народѣ воинственность, и замѣнило ее роскошной обстановкой. Въ этомъ упрекалъ шляхту еще Старовольскій, говоря: „Наши отцы называли себя сѣрою шляхтою (что соотвѣтствовало козацкой *сѣромъ*), потому что не носили блестящихъ блаватовъ и пурпуръ. Довольствовались они сукномъ, выдѣланнымъ дома, или въ сосѣднихъ мѣстечкахъ, а доблестью да некрепностью сіяли больше, нежели теперь златоглавыми да дорогими клейнодами. Не ѣдали съ кореньями, не знали вина, которое зарождаеть въ насъ подагры да скорбути, не возили въ лагерь серебра, ни золота: довольно было мѣднаго котелка да желѣзнаго рожна. Не издерживались на рысьи да собольи воротники, или на сбрую, украшенную драгоценными камнями. У нихъ были въ цѣнѣ ремень да желѣзо. Не знали ни тигровыхъ, ни леопардовыхъ шкуръ, а только кирасы да панцири. Теперь серебряные сервизы, теперь собольи креня, подшитые золотыми табунами; теперь вышитые чапраны, висти съ запонами, а сердце зайчье, глаза хорьковые, ноги оленьи. Погибла смѣлость, погибло мужество, а излишество наслажденій, въ которомъ привыкли мы дома, подѣлало насъ бабями.

Но чѣмъ больше терала шляхта смѣлость и мужество, тѣмъ больше привыкла она къ излишествамъ наслажденій, тѣмъ больше развивалась въ ней беспощадность къ беззащитнымъ и убогимъ людямъ во время ея походовъ. Вотъ и теперь львовскій архидиаконъ жаловался пріятелю: „Хоругви идутъ безпрестанно изъ Перемишльскаго и Сендомирскаго погѣтовъ. Волонтеровъ также много. Уже шляхетскія и королевскія села обращаются въ ничто; изъ многихъ мужики бѣгутъ, бросая дома. Господь Богъ знаетъ, что съ нами будетъ“.

Все это было хорошо навѣство Хмельницкому. Зналъ онъ и триумвировъ панскихъ, изъ которыхъ Заславскаго прозвалъ, въ своемъ козацкомъ обществѣ, пухомкомъ, по малорусскій *періною*, Конопольскаго—ребенкомъ, или *дѣтїною*, а Остроорога схоластикомъ, или *латїною*. Ему былъ страшенъ одинъ Вишневецкій, этотъ пото-

моуъ буйтура Байды, сохранившій всё крупнѣише черты знаменитаго предка. Но въ панскихъ радакъ господствовала унаслѣдованная Сарматами отъ Варягоруссовъ ровнь, и на нее рассчитывалъ Хмельницкій больше, нежели на свои добытня у пановъ гарматы и кавовницы, на свои громадныя пушки Сироты, на свои *кованые и босые* возы и на подпаваемыхъ передъ битвой козаковъ. Рассчитывалъ онъ на эту ровнь больше, нежели даже на татарскую помощь.

Выиграть время и перессорить пановъ, эти двѣ задачи выполнялъ онъ съ такимъ стараніемъ, съ какииъ Кисѣль хлопоталъ объ умиротвореніи козаковъ. „Ни сынъ въ дѣлѣ отцовскомъ“ (писалъ Кисѣль къ Хмельницкому), „ни слуга—въ панскомъ не ногъ принимать столь горячаго участія, какое принималъ я въ этой несчастной кровавой усобицѣ Запорожскаго Войска съ Рѣчью Посполитою. И сколько за это вытерпѣлъ колкостей и презрительныхъ толковъ, это знаютъ не только въ Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ“.

Дѣйствительно объ его разномыслии съ княземъ Вишневецкимъ выросъ уже такой чудовищный слухъ: будто бы Вишневецкій требовалъ отъ него объясненія въ трехъ пунктахъ, именно: 1) Кисѣль де публично объявлялъ, что козаки обѣщали отдать въ его распоряженіе 15 000 своего конюшня; 2) каждый козакъ обязался уплатить ему по талеру; 3) козаки наняли 8.000 Татаръ, которые помогутъ ему овладѣть польскимъ престоломъ.

Это писалъ (вѣроятно, къ „шведскому королю“ Яну Казимиру) будущій проповѣдникъ его, доминиканецъ Цѣплинскій. Уменьшительное равновѣрцевъ дошло до того, что рассказывали, будто самъ Хмельницкій шепталъ примиренія, но Кисѣль умышленными проволочками довелъ до войны.

Ученѣйшій, хотя вовсе по мужественнѣйшій, изъ пановъ, коронный подчашій, а нынѣ и региментарь, Николай Остророгъ, выразилъ свое разномысліе съ партией миротворцевъ, и поддержалъ самаго виноватнаго можновладника, князя Вишневецкаго. Онъ писалъ къ подканцлеру Лещинскому отъ 3 римскаго сентября: „Что касается переговоровъ Хмельницкаго, то въ нихъ тайну составляетъ то, о чемъ Кисѣль говоритъ вслухъ, что даже на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ (*etiam iniquissimis conditionibus*) надобно помириться: въ противномъ случаѣ Рѣчь Посполитая погибнетъ. Я же думаю такъ, что миръ здѣсь невозможенъ, не только честный, но и безчестный. Никогда это хлопство не держало даннаго слова (*fides datam*), а теперь, надменные побѣдою, тѣмъ меньше будутъ его держать. Лишь только исчезнетъ

эта общая готовность къ войнѣ, они опять взбунтуются, и тогда послѣдняя будутъ горша первыхъ (*beŕa posteriora reŕora prioribus*)“.

Но чѣмъ рѣшительнѣе поддерживали паны Русина-католика, видѣвшаго спасеніе Польши въ ожесточенной войнѣ, тѣмъ упорнѣе стояли другіе за Русина-православнаго, готоваго на самый постыдный миръ, лишь бы сохранить ея цѣлость. Панское царство раздѣлилось на ся, и, по евангельскому суду, должно было погибнуть.

Приближаясь къ разьединенному панскому становищу, лицемѣръ козакъ продолжалъ пѣть все ту же пѣсню, которою выманилъ уже время у премудраго Киселя и у почитателей его краснорѣчія, его политическаго глубокомыслія. Ненавистнаго козакамъ князя Ярему не могъ онъ ни обмануть, ни ублажать. Онъ подрывалъ только его совѣты, уничижалъ его высокія доблести. Онъ манилъ пановъ готовностью къ примиренію, и вооружалъ противъ энергическаго полководца польскихъ гуманистовъ, какъ противъ единственной причины остервененія козаковъ. Отъ 29 августа писалъ онъ къ Адаму Киселю и его товарищамъ:

„...Помня о своей христіанской крови, чтобы не лилась уже больше, и чтобы непріятель не радовался со стороны“ (намекъ на Москву), „мы и сами возвратились было вспять, какъ и Татары. Но князь его милость Вишневецкій неразсудительно порывался на насъ, и не только производилъ надъ нашимъ христіанскимъ народомъ, надъ невинными душами тиранство и жестокости не похристіански и не порыцарски, но и духовныхъ нашихъ вельѣтъ посажать на колья. Не дивно намъ, когда бъ это дѣлалъ какой-нибудь простакъ, въ родѣ Кривоноса, съ нашей стороны, которому мы не позволяли нивакого грабежа и не давали позволенія на разрушеніе городовъ и поджоги,— пускай бы онъ не умѣлъ съ этимъ совладать; но мы видимъ передъ собой въ нихъ обоихъ не одинаковыхъ людей“.

Далѣе Хмельницкій хвалился милосердіемъ въ плѣнникамъ и предлагалъ открыть мирные переговоры для Божіей хвалы немедленно, такъ чтобы войска стояли въ это время вдалькѣ одно отъ другаго, подобно тому, какъ и въ прежнія времена отправлялась комиссія, сопровождаемая великими почтами.

Противъ этого возставали тѣ, которые полагали, что „при обнаженной саблѣ быстрѣе идутъ переговоры“, присовокупляя тутъ же, что *Кисель былъ такою же Божіей карой для Шляхетскаго Народа, какъ и самъ Хмельницкій*. „Кто знаетъ“ (раздавались голоса), „не изрекаетъ ли онъ уже нашей отчизнѣ неминуемую гибель (*certain periodum*)“?

Между тѣмъ „człowiek wielkiego dowcipu“ расположилъ свой таборъ у мѣстечка Пилявцы, занялъ пилявецкій замочекъ, который шляхта называла куратнивомъ, и первымъ его дѣломъ было — обратиться съ глубоко почтительнымъ письмомъ въ Заславскому, яко въ единственному вельможѣ, отъ богатства, могущества и разума котораго зависѣло умиротвореніе козаковъ. Старая лисица доносила старой воронѣ смиренно, что козаки совсѣмъ не желаютъ вести междоусобную войну, что они готовы повиноваться и просить ясно освѣщеннаго князя разсудить ихъ, уладить возникшее между Запорожскимъ Войскомъ и Рѣчью Посполитою несогласіе, и что онъ постановить, они обѣщаютъ исполнить его рѣшеніе всепокорнѣйше.

Князь Доминикъ представлялъ вѣрный снимокъ безхарактернаго своего дядюшки, князя Василя. Въ своей деклараціи на каптуровый сеймъ, какъ мы помнимъ, совѣтовалъ онъ не давать амнистіи козакамъ, такъ какъ это, по его словамъ, не представляло панамъ ни пользы, ни чести; а теперь, когда Хмельницкій пришелъ „отдать ему поклонъ лично со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ“, онъ былъ миролюбивѣе самого Киселя. Такъ и „святопамятный“ нашихъ историковъ сперва грозилъ собрать пятнадцать, даже двадцать тысячъ войска на защиту православія, а потомъ отдалъ „аровитому католику“ въ жертву грѣха Никифора, помирился съ поборниками уни и совѣтовалъ православникамъ „терпѣть, терпѣть и терпѣть“. Князь Доминикъ увлекся ролью примирителя двухъ противоположныхъ стремленій, всё равно какъ тотъ мечталъ о соединеніи двухъ несоединимыхъ церквей. Воображая, что дѣлаетъ великое дѣло, князь Доминикъ дался въ обманъ питомцу ярославскихъ іезуитовъ, котораго игра житейскихъ столеновеній перевела изъ панскаго лагеря въ лагерь панскихъ завистниковъ. Католическому представителю знаменитаго дома князей Острожскихъ всего интереснѣе было — посредствомъ пощады молящихся о помилованіи козаковъ, сохранить за католиками обширныя владѣнія свои, которыхъ не умѣлъ сохранить за православными превозносимый нашими разумниками до небесъ „начальникъ православія“.

Въ этомъ особенно поддерживалъ его Кисѣль, присоединившійся къ его войску послѣ неудачныхъ попытокъ повидаться съ Хмельницкимъ. Кисѣль потерялъ 100.000 золотыхъ годоваго дохода и остался при 400.000 долга, которымъ онъ обременилъ себя, проталкиваясь между полуманатою на правительственныя высоты. Славный ораторскимъ искусствомъ, онъ въ кругу царей можновладнѣевъ занималъ мѣсто Гомерова Нестора, или, вѣрнѣе, Улисса. Для слуха пановъ-доматоровъ —

Рѣчи сладчайшія меда изъ усть его вѣщихъ ллися,

и всегда онъ предлагалъ свои услуги тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать не столько силою, сколько хитростью, по собственнымъ словамъ его, *non vi, sed consilio*. Теперь совѣтовалъ панамъ *созавѣ*, но не *орасаться* съ козаками. По его мнѣнію, медлительною проволочкой времени можно было достигнуть вѣрнѣйшей побѣды и прочнѣйшаго мира.

„Къ чему отваживаться на опасности“ (говорилъ онъ), „когда можно побѣдить безъ кровопролитія? Только безумный запрягаетъ быстрый источникъ, когда бѣгъ его можно отвести другимъ образомъ. Послѣдуемъ лучше разсудку, нежели страсти. Воспоминанія о Желтоводскомъ и Корсунскомъ пораженіяхъ, мнѣ кажется, должны удерживать насъ отъ стремленія къ новой бѣдѣ, когда можно побѣдить средствами мирными. Довольно будетъ показывать *возможность* къ войнѣ. Этимъ однимъ можно укротить волненіе. Явимъ бунтовщикамъ милость, дадимъ имъ опомниться, — и они пожелаютъ вернуться къ прежнему долгу повиновенія, такъ какъ будто содѣяннымъ ими преступленіемъ произошли противъ ихъ воли. А если дерзость ихъ будетъ такъ уперна, что они пренебрегутъ мирными нашими предложеніями, то любовь къ роднымъ и врожденная челоуѣку необходимость домашней жизни всѣ-таки заставятъ ихъ войти въ прежнее спокойное состояніе“.

Такъ проповѣдывалъ панскій ораторъ, соединявшій краснорѣчіе Нестора съ хитроуміемъ Улисса. Къ сожалѣнію, рѣчь его дошла до насъ по книжному пересказу современниковъ. Но воѣ-таки въ ней виденъ Кисѣль съ его риторическимъ остроуміемъ и тупымъ взглядомъ на дѣло. Отвѣтъ на нее Вишневецкаго, присутствовавшего на военномъ совѣтѣ, также пересказанъ по-книжному, но въ немъ сохранились черты ума и героизма Байдица. Онъ возразилъ обольстителю доматорскаго слуха такъ:

„Я согласился бы съ вами, господа, когда бы у козацкой сволочи было столько совѣсти, сколько дара краснорѣчія у тѣхъ, которые только что передо мною говорили. Неужели бунтовщики удовлетворятся нашими несчастіями и нашею кровью? Это просто мечта, а не разсужденіе. Начатое дѣло можетъ кончиться только гибелью одного изъ противниковъ. Намъ совѣтуютъ вести войну безъ битвы. А если неприятель самъ нападетъ на насъ? Уклоняться, говорить намъ. Это значить: мужики будутъ тѣснить наше войско, преграждать намъ путь, не пускать нашихъ лошадей на пастбища, отнимать запасы, устраи-

вать засады, а мы будемъ терпѣть, сложа руки, и марать бумагу въ мирныхъ переговорахъ, а на Русской Землѣ будетъ литься шляхетская кровь. Душа возмущается отъ безчестной мысли: изъ-за украинскихъ берлогъ согласны отдать на разореніе средину королевства. Если хотите побѣдить, то побѣждайте смѣлостью. Надобно теперь ударить на козаковъ, пока Орда еще только переправляется черезъ Днѣпръ. Отъ одной быстроты зависитъ сповѣсть Рѣчи Посполитой. Не давши битвы, и не думайте о мирѣ. Вспомните Переяславъ, Кумейки, Отарецъ. Тамъ вы побѣждали враговъ смѣлостью и мужествомъ“... *)

Панское общество было не въ силахъ соединиться ни въ томъ, ни въ другомъ возрѣвнн. Два Русина тянули созданное Поляками и цесвдогосударство одинъ за лѣвую, а другой за правую руку, въ то самое время, когда третій Русинъ мѣтилъ ему въ сердце: триумвиратъ, и импровизированный судьбою, въ виду триумвирата, придуманнаго сеймомъ. Но представители Шляхетскаго Народа чули опасность раздѣльности своей въ виду непріятели, и старались по крайней мѣрѣ соединить боевыя силы свои въ одномъ пунктѣ. Кіевскій воевода Тишновичъ сдѣлался посредникомъ между двумя князьими. Вишневецкому не нравилась та роль, которую Заславскій позволялъ играть въ своихъ войскахъ Самуилу Лащу. Онъ требовалъ, чтобы Заславскій удалился отъ себя Лаща. Заславскій выкавалъ въ этомъ случаѣ строитивость, нападвшую иногда нехстати и на его православнаго дядюшку. Вишневецкій отплатилъ ему тѣмъ же, когда къ нему явилась депутація изъ гетманскаго лагеря. Наконецъ соединенныя старанія Тишковича, Остророга и Александра Конецпольскаго привели двухъ полякующихъ князей Русичей къ тому, что они расположили свои лагеря одинъ вблизи другаго, надъ озеромъ Човганскимъ Камнемъ.

Здѣсь было получено извѣстіе, что непріятель овладѣлъ Константиновымъ. Оно заставило Вишневецкаго прекратить всѣ споры **) съ панскимъ фельдмаршаломъ. Пригодился теперь и вихреватый Лащъ: его послали въ первомъ подъѣздѣ противъ козаковъ съ 1.500 человекъ.

Сентября 13 (8) панскій лагерь двинулся на Корчовскія Поля

*) Эту рѣчь владывалъ въ уста Вишневецкому и Костомаровъ. Но у него не спросила критика: какъ могъ Вишневецкій, въ такой важный для него моментъ, называть *пораженіе* Конецпольскаго подъ Переяславомъ *побѣдою*? (См. т. I моей книги, стр. 165, примѣч.). Впрочемъ, она ни о чемъ подобномъ у него не спрашивала, довольная тенденціею сказокъ его.

**) „Umogzewe wazywkіe konducyo“, сказали въ обозномъ дневникѣ.

и расположился въ полумилѣ отъ комиссарскаго становища Киселя. Не довѣряя „Русину“ и его „схиматикамъ“, старался подставлять его подъ козацкую силу отдѣльно,—тѣмъ больше что онъ хвастался своимъ ученичествомъ въ походахъ великаго Жюновскаго и, проповѣдуя миръ, выставялъ себя воинномъ неустрашимымъ.

Сыѣстныхъ припасовъ было у пановъ много *). Наилучшій вольт стоилъ 4 злотыхъ, яловица—2, баранъ—16 грошей, вебрь—12, гарнець пива—6, меду—16, кварта водки—20. Много было въ распоряженіи пановъ овецъ и стоячаго и скопшеннаго, и въ коняхъ, а въ смирдахъ былъ большой запасъ даже трехлѣтняго хлѣба. Но печенный хлѣбъ составлялъ самый дорогой продуктъ, потому что желѣзо было повывнуто изъ мельницъ, да и то привозили издалека „базарники“.

Начало Пилявецкой войны (если можно ее назвать войною) не было имъ пугающимъ по обстоятельствамъ, ни трусливымъ по расположенію духа въ панскомъ войскѣ. Оно могло бы пугать развѣ тѣмъ, которые собрали бы воедино а priori всѣ элементы готовившейся панники, какъ это можно сдѣлать намъ а posteriori. Злая судьба даже польстила панамъ, и завлекла впередъ успѣхами, если въ этомъ не было военной хитрости со стороны козацкаго гетмана.

Въ Константиновѣ встѣло тысячь пять козачковъ. Къ городу было возможно приступать съ одной только стороны. Панскій отрядъ, человекъ до 5.000, съ 6-ю пушками, думалъ, что козачки будутъ оборонять переправу черезъ рѣчку Пилявку въ Россоловцахъ, въ 2-хъ миляхъ отъ Константинова. Но переправа оставалась незанятою. Предводителемъ отряда былъ Остророгъ, постоянный начальникъ авангарда: его-то, яко *Латину*, и хотѣлъ, какъ видно, провести первымъ успѣхомъ Хмельницкій. Занявъ переправу въ Россоловцахъ, Остророгъ сбѣлъ козачковъ съ другихъ переправъ, въ Гирявѣ и Кузьминѣ, а потомъ пошелъ подъ Константиновъ, гдѣ уже начали бой съ козаками отряды Конецпольскаго и Лаца. Къ нему присоединился и князь Вишневецкій. Охотниковъ пановъ прибывало все больше и больше. Козачки дрались мужественно и, повидимому, рѣшились отстоять городъ. Но наступившая ночь прекратила „пробу“ панскаго оружія.

Заинтересованный успѣхами своего авангарда, Заславскій двинулся всѣмъ лагеремъ на сию сторону рѣчки Пилявки. Огромность его

*) Въ отвѣтъ на рѣчь Киселя заставляли Вишневецкаго говорить о недостаткѣ запасовъ и т. н., тогда какъ обозный дневникъ (неизвѣстный современникъ историкамъ) похваляетъ противное. На этомъ основаніи я исключилъ изъ рѣчи Вишневецкаго, очевидно постороннюю, вставку.

табора и масса сопровождавшей пановъ челяди не дали ему перейти за Россоловскую переправу. Онъ провелъ ночь у Россоловцевъ. Но знаменитые защитники Константинова, очевидно, маня пановъ на невыгодныя для нихъ становища, не дождались приступа, и 16 (6) сентября бѣжали изъ города. Кто не успѣлъ бѣжать, всѣхъ тѣхъ жолнеры вырубали до ноги, но много ли погибло козаковъ, неизвѣстно. „Страшное опустошеніе города и языческая профанация костеловъ“ (писатьъ участникъ избиенія отсталыхъ) „не позволили никому упасть имъ. Не нашли мы ниодного цѣлаго распятія Christi Domini: всѣ были исколоты, изрублены, прострѣлены. А люди, какъ будто съ того свѣта, полуживые, измученные тиранскими руками и голодомъ, встрѣчали насъ плачемъ, опираясь о стѣны. Это такъ раздражило войско, что оно было готово броситься въ одинъ часъ на этихъ язычниковъ“.

Въ такомъ раздраженіи, подъѣздъ Конецпольскаго наскочилъ на 2.000 козацкаго подъѣзда и ударилъ на него такъ стремительно, что только остатокъ спасся въ заросляхъ, насколько вообще слѣдуетъ полагаться на реляціи людей, заинтересованныхъ въ дѣлѣ боя. Жолнеры взяли въ плѣнъ козацкаго писаря шляхтича и челоуѣкъ 15 козаковъ. Отъ нихъ паны узнали, что Хмельницкій презираетъ (contemnit) панское войско, воображая, что оно состоитъ изъ 7.000 шляхты, остальные же люди въ немъ—Жиды (то-есть трусны). Такъ и долженъ былъ представлять Козацкій Батько своимъ дѣтямъ панское ополченіе. „Это козацкое гультайство“ (писалъ панъ пану изъ-подъ Константинова отъ 18 (8) сентября) „лежитъ всего въ полуторѣ миляхъ отъ насъ на Пиливецкихъ Поляхъ, и надѣется на Орду; но мы, дасть Богъ, предупредимъ ее завтра“.

Отъ 19 сентября писалъ кто-то изъ обова за Константиновымъ: „Теперь только начнется у насъ война. Завтра наступимъ на непріятеля, который приготовился принять насъ подъ Пиливцами. Всюду у него лѣса, фортели (естественная защита) и тяжелыя для насъ переправы. Хотять (полководцы) всюду нами (конницею) затыкать дырья. Правда, воинный народъ у насъ добрый, но пѣхоты мало, и навели всякаго сброду: обманули (вербовщики) Рѣчь Посполитую. Коммиссаровъ у насъ множество, рады мало; соперничество и приваты большія. Непріятель собираетъ у фортелей безчисленное множество хлопства и ежечасно ждетъ великой Орды. Войны не намѣренъ ованчивать, а протануть надолго: такія и диспозиціи дѣлаеть. Наше довольно порядочное войско презираетъ, несмотря на его многочисленность. Въ поле выйти не хочетъ; мы должны на него наступать. Кисѣль насъ обманулъ. Прежде мы не догадались, и время ухо-

дѣло. Хотѣлъ уйти отъ насъ на Волынь съ своимъ полкомъ, но его задержали... Никто у насъ не смотритъ на вождей; каждый поступаетъ по своему. Нѣкоторыя хоругви только что пришли, а уже отка- зываются служить: спѣшать назадъ домой. Четверть истекла въ пере- ходѣ. Мы же, хотъ и давно уже въ обозѣ, и не всѣ деньги получили, но хотимъ служить“.

Подъ Константиновымъ продовольствіе было уже не то, что у Човганскаго Камня. Отсюда писали въ Варшаву, что хлѣбъ и напитки достаютъ жолнеры съ трудомъ. Боченокъ пива стоитъ 20 злотыхъ, но яловица—1 или 2 злотыхъ, а конь 3 злотыхъ, потому что нечѣмъ кормить: „сѣна, овса рагит“. Хмельницкій, какъ видимъ, переманяетъ „ясно освѣщеннаго князя“ съ его нелѣпнымъ многолюдствомъ въ страну опустошенную, а *фортели*, которыми козачи всегда умѣли пользо- ваться, дѣлали нападеніе на него опаснымъ; ожидаемый же имъ „еже- часно“ приходъ Орды не давалъ панскому фельдмаршалу времени осмо- трѣться и расположиться.

Между тѣмъ блаженному миротворцу, Киселю, чудилось, что только чернь удерживаетъ Хмельницкаго отъ мировой съ панами, и онъ писалъ въ познанскому бискупу, Андрею Шолдрскому, что въ козацкомъ таборѣ доходило до кровопролитія. Между панами ходилъ даже таковъ слухъ, что Хмельницкій убитъ въ таборномъ замѣшатель- ствѣ, а нѣкоторые утверждали, что онъ бѣжалъ съ 12.000 комонника.

Что въ козацкомъ таборѣ, при отсутствіи Орды, могли возник- нуть смуты въ виду неожиданно громадной панской арміи, это весьма вѣроятно; но до бѣгства Хмельницкаго было еще далеко. Между тѣмъ у Киселя былъ на умѣ Острияница, повинувшій козаціей таборъ на Сулѣ, и самъ Хмельницкій, бѣжавшій передъ его глазами, въ со- ставѣ комонника, изъ-подъ Кумеекъ.

Охотно вѣрилъ Киселю почтенный бискупъ. Еще охотнѣе вѣри- ли въ Замостьѣ прилетѣвшей туда вѣсти, будто бы przed Świętym Mateuszem (слѣдовательно 21 (11) сентября) въ битвѣ съ козаками паны положили ихъ 20.000 на мѣстѣ, а остатокъ преслѣдуетъ князь Вишневецкій комонникомъ. Злая судьба Польши подсовывала ей ра- достныя вѣсти какъ разъ наканунѣ катастрофы, которая не имѣетъ подобной въ исторіи панней.

Дѣло въ томъ, что, пытаясь выманить Хмельницкаго на бой изъ фортелей, которыми онъ былъ окруженъ надежнѣе всякихъ редутовъ, злосчастные триумвiry расположили свое войско такъ неудобно, какъ только онъ одинъ могъ бы имъ посовѣтовать,—in loco quodam po- stris iniquissimo (писалъ знатокъ дѣла). Панскій обозъ, то-есть лагерь,

занималъ пространство въ польскую мялю въ окружности, а пѣхоты хватало въ немъ едва на половину окружности. На этомъ протяженіи были долины, озера и т. п., которыхъ окопать не было возможности никакимъ образомъ, а неприятелю, при его природной способности (*pro calliditate ejus naturae*), представляли они много мѣстъ для вторженія. Повелѣвали въ панскомъ войсѣ три полководца, и каждый—по собственному усмотрѣнію, а что хуже всего—каждымъ руководило или соперничество, или самоинѣвіе, какъ это естественно должно было быть при такой сложной власти, „а особливо“ (замѣчаетъ откровенно писавшій) „въ нашихъ польскихъ душахъ (а *zwłaszcza* и *naszych* *polskich* *animuszach*)... Не видѣли этого наши правоуправяще, *Ordines Regni*,“ (продолжаетъ онъ), „когда назначали этотъ фатальный триумvirатъ.... Въ мирное время мы говорили бы и писали *изъ милости*, но въ общей бѣдѣ каждому позволительно и чувствовать, что хочеть, и говорить, что чувствуетъ.... Повѣтвые хоругви не хотѣли подчиняться власти региментарей; каждый полкъ обращался къ своему полковнику, и потому въ обозѣ не было ни правильной стражи, ни упорядочныхъ подѣздовъ“.

По письму Остророга къ Лещинскому отъ 18 (8) сентября, региментарей сильно беспокоило загадочное обстоятельство, что хотя неприятель „чуялъ надъ собой войско“, однакожъ въ тылу у нихъ появлялось много бунтовщиковъ“... „Поэтому“ (писалъ онъ) „пришлось намъ десятка полтора сотенъ людей послать на Волынь и столько же назадъ къ Трембовли, чтобы погромить эти купы и обезопасить Львовъ“.

Двумя недѣлями раньше онъ же писалъ къ Лещинскому, что у Хмельницкаго, по слухамъ, 180.000 войска, въ томъ числѣ 20.000 пѣхоты. „Это еще бы ничего“ (замѣтилъ онъ); „лишь бы у насъ немного прибавилось войска, а только (одно для насъ важно): чтобы къ намъ не приходили Татары.“

Все это элементы готовившейся паники, и то еще не всё.

Мы видѣли, какъ сильно напиралъ Вишневецкій, чтобы ударить на Хмельницкаго до его соединенія съ Татарами; а писавшіе изъ лагера къ своимъ пріятелямъ воюли только о томъ и молили Бога, чтобы дружнымъ наступленіемъ *упредить Орду*. Изъ того, что Хмельницкій забрался въ такіе фортели, видно, какъ онъ это предусматривалъ.

Первая проба счастья подъ Пилявцами открыла знатокамъ военнаго дѣла и то, что позиція Хмеля неприступная, и то, что онъ хочеть затануть войну надолго, а что всего важнѣе—они видѣли опасности собственной позиціи, соединенныя съ лагерной неурядицей.

Всѣмъ и каждому въ панскомъ обозѣ было извѣстно, что козаки ждуть къ себѣ Татаръ ежеминутно. Видя непреодолимые фортели неприятеля и „боясь прихода Орды“, нѣкоторые изъ членовъ военной рады (а ихъ официально было 24) совѣтовали Заславскому остаться за рѣчкою Пилявкою, а лучше „наводить неприятеля на свои, нежели нападать на его фортели“. Но большинство рѣшило двинуться впередъ. Здѣсь тотчасъ началась борьба съ козаками за воду. Одну греблю на Пилявкѣ паны три раза брали приступомъ и теряли, пока наконецъ очистили берега конницей, переправя ее подъ неприятельскимъ огнемъ. Это было во вторникъ 22 (12) сентября. Отступленіе козаковъ къ табору подняло духъ въ панскомъ войскѣ. Но неудобная мѣстность смущала знатиковъ дѣла, чего они, конечно, не скрывали отъ профановъ. Каждый полковникъ становился, гдѣ хотѣлъ. Шанцы, стражи, пушки, походные возы тѣснили войско, не представляя обороны. Въ смутномъ предвидѣніи бѣды, regimentарн стали совѣтоваться въ военной радѣ, куда бы перенести лагерь. Въ совѣщаніяхъ и перѣшпимости засталъ панское воинство вечеръ... Передъ закатомъ солнца пришли въ Хмельницкому Татары. То, чего „боялись“ и что надѣялись „упредить“, совершилось, по милости мѣшкотваго *застра*.

Козаки привѣтствовали своихъ побратимовъ пушечной пальбою, — и настроеніе духа въ панскомъ войскѣ перемѣнилось. Представители Польши, собравшіеся подъ Пилявцами, подготовили себя къ панивѣ.

Въ среду 23 (13) сентября начались опять гарцы и стычки; но если до сихъ поръ Заславскій не рѣшался — да и не сумѣлъ бы — наступить на Хмельницкаго всѣми своими силами, то теперь и того меньше. Паны, какъ и прежде, ограничивались только тѣмъ, что (какъ писалъ одинъ изъ нихъ же) „показывали неприятелю свое блестящее войско, построенное въ боевой порядокъ, съ намѣреніемъ привести его страхомъ къ покорности“. По разсказу того же участника Пилявецкой кампаніи, въ панскомъ лагерѣ еще въ воскресенье былъ слухъ (которому вѣрили и послѣ бѣгства), будто бы козацкая чернь хотѣла уже выдавать старшину съ мольбой о помилованіи. Отъ этого слуха паны расхрабрились до такой степени, что въ понедѣльникъ намѣревались дать залпъ изъ „сотни пушекъ“ (столько у нихъ и не было) и штурмовать козацкій лагерь вмѣстѣ съ его „вуратникомъ“. Но не Заславскому съ его регуляторами было вдохновить войско, какъ одну душу, рѣшительнымъ движеніемъ. Ни дикая отвага такихъ людей, какъ Лаць, ни воинственный энтузіазмъ такихъ, какъ Вишневецкій, не могли этого сдѣлать подъ предводительствомъ нравственно убогаго и своекорыстнаго двойника князя Василя. Бой танулся вяло, безтолково и

привелъ войско въ тому, что оно, еще до прихода Орды, почуяло неопредѣленную робость, а теперь, когда вмѣстѣ съ козаками гарцовали Татары, панская робость получила свою опредѣленность.

Пришли Татары! эти слова, передаваемые изъ устъ въ уста, значили: пришли истребители короннаго войска въ Дикихъ Поляхъ и надъ рѣкой Росью,—пришли тѣ, которые повели въ неволю побѣдителя козаковъ подъ Кумейками и на Старцѣ.

Но Орда пришла въ незначительномъ числѣ. Къ Хмельницкому вернулся сынъ Тимошъ, и привелъ 4000 Татаръ, подъ начальствомъ Карачъ-бея. Тѣмъ не менѣе панское войско „упало духомъ (*straciło serce*)“. По разсказу Адама Киселя, который, надобно помнить, былъ не точенъ въ реляціи о своемъ гошчинскомъ погребѣ, regimentари и полковники стали совѣтоваться въ полѣ на коняхъ, „что дѣлать далѣе“. Когда дошла очередь до него, онъ, велерѣчивый и велемудрый всегда, предложилъ три совѣта: или „удариться всѣми силами о непріятели“, но это, по его мнѣнію, была опасная крайность; или стоять всю ночь въ боевомъ порядкѣ, а лагерь перенести подъ Константиновъ и, тамъ окопавшись, бороться съ непріятеlemъ выносливостью (*pojść na wytrwają z nieręzujacielem*); или же, „взявшись за руки“, отступить таборомъ, а не то (это Кисель спряталъ въ самомъ концѣ своей рѣчи), *бросивши возы* (*wozy porzuciwszy*), брать что познательнѣе на лошадей да (взять лучшее) изъ пѣхоты, и, такъ построившись въ порядкѣ, ударить на одну Орду, отдѣлить ее отъ козаковъ и... здѣсь уклонился онъ отъ слова *бѣжать*, и замѣнилъ его хитроумно словами *собраться съ силами* (*zesumere vires*).

Такъ писалъ Кисель официально. По буквальному смыслу его словъ, онъ бѣжать не совѣтовалъ: онъ совѣтовалъ только *zesumere vires*, а „для красоты слога“ прибавилъ *ударить на Орду*.... Но въ словахъ *бросивши возы* сказано было все... *) „Послѣдній совѣтъ (продолжалъ свою реляцію ученикъ великаго Жовковскаго) поправился всѣмъ (*miął aplausum od wszystkich*), и все должно было такимъ образомъ двинуться (а пѣхота-то?) до наступленія дня. Но, когда наступила почъ, не вѣдаю, какой послѣдовалъ совѣтъ, что ихъ милости тотчасъ пустились комонниномъ, бросивши всѣхъ и таборъ. Мнѣ дали знать объ этомъ только на разсвѣтѣ. Тогда, не нѣжа моею по-

*) Въ подлинникѣ это важное обстоятельство изложено темиовато, а именно: „*lubo wozy porzuciwszy, co znaczniejszego brać na koni i piechoty, i tak porządnie ustanowiwszy ze wszystkiẽm przeciwko Ordzie samej, odwaliwszy ją od ozaków, zesumere vires*“.

дагры, бросился я на коня и пустился съ моимъ полкомъ той же дорогою... Вотъ какъ совершилась эта несчастная трагедія! Войско бѣжало въ разсыпную днѣмъ и ночью. До сихъ поръ нѣкоторые очутились надъ Вислою. Въ бою не погибло больше трехсотъ человѣкъ*.

Николай Остророгъ весьма умно рассказывалъ, въ письмѣ къ подканцлеру Лашинскому, что онъ совѣтовалъ отступить таборомъ на основаніи Цецорской традиціи, переданной ему покойнымъ короннымъ гетманомъ. Но дѣло въ томъ, что триумвиры поддались паникѣ первые и побѣжали изъ лагеря опрометью, а вслѣдъ за главными предводителями побѣжали воеводы, каштеляны, комиссары, полковники, „побѣжало все“ (писалъ Остророгъ) „побросавъ знамена, артиллерію, таборъ и возы“.

Уносимые безуміемъ паники, жолнеры бросали о земь сабли, ружья, панцири. Нечего было дѣлать и самымъ воинственнымъ людямъ. Князь Вишневецкій, генералъ артиллеріи Артишевскій, предводитель королевской гвардіи Осияскій—должны были бѣжать за другими.

Такова панская реляція Пилявецкаго бѣгства. Козацкой реляціи вѣрить не слѣдуетъ. Козаки не знали, какъ искренно признавались въ своей трусости паны, и сочинили имъ трусость менѣе постыдную. Всего характеристичнѣе писалъ одинъ изъ пановъ бѣглецовъ, львовскій подкоморій Войцѣхъ Мясковскій: онъ увѣрялъ бензскаго воеводу Криштофа Конецпольскаго, что непріятелю въ этомъ случаѣ послужили не столько грѣхи и несчастная фортуна пановъ, сколько не слыханныя чары, которыхъ очевидность доказываютъ вѣрные знаки (*szagu niestychane z wielkięj konjektury z widomych znaków posłużyły*). „Ибо такой страхъ, такая констернація обняла нашихъ“ (объясняетъ почтенный воинъ), „что они летѣли во всю прыть, сколько хватило у лошадей силы, твердя, что за ними гонятся уже Татары, отъ которыхъ, по милости Божіей, ничего внезапнаго не произошло“.

Какъ именно началось незабвенное бѣгство, съ кого именно началось оно, допрашивать никто не могъ, и никому не было охоты признаваться. Довольно съ насъ того, что, по словамъ самихъ пановъ-бѣглецовъ, въ стычкахъ подъ Пилявцами пало не больше трехсотъ человѣкъ, и что Пилявецкая побѣда досталась козакамъ *безъ боя*. Это подтверждаетъ и новѣйшая польская историографія, тогда какъ нашей малорусской понадобилось дать козакамъ-героямъ кровопролитную работу подъ Пилявцами и въ два предшествовавшіе дни, и въ день великаго бѣгства *).

*) См. описаніе пилявецкаго дѣла у Костомарова, въ 4-мъ изд. „Богдана Хмельницкаго“.

Козацкіе вобзари поступили еще лучше козацкихъ историковъ: осеннее событіе отнесли они къ весеннему празднику Преполовенія, называемому *Правую Середю* (29 апрѣля), и воспѣли: что будто бы

..... на Праву Сѣреду
Гнали козаки Ляхів такъ, якъ бы череду.

Не въ козацкомъ обычаѣ было гнать бѣгущаго непріятеля, оставивъ перасхватанною добычу. Въ противность пословицѣ, совѣтующей слать ему золотой мостъ, онъ самъ постлалъ золотой мостъ козакамъ въ видѣ покинутаго лагеря. На этомъ мосту козаки, яко войны-дикари, позабыли, что Польша теперь стоитъ передъ ними, какъ говорили сами Ляхи, настезь (otwogem), и пьянствовали такъ мертвецки нѣсколько дней, что еслибъ у бѣглецовъ хватило духу на нихъ наступить, они были бы истреблены до ноги *). Вина было выпито ими въ четыре дня и четыре ночи столько, что, по словамъ современника, его хватило было мѣсяць при обыкновенномъ употребленіи.

По современнымъ извѣстіямъ паны покинули въ добычу козакамъ до ста двадцати тысячъ возовъ съ лошадьми, 80 пушекъ и на 10 милліоновъ примѣрно разныхъ драгоценностей.

Уничтоженная паникою панская армія большею частью направлялась во Львовъ. Князь Доминикъ Заславскій, гонимый общимъ раздраженіемъ противъ него всѣхъ и каждаго, проѣхалъ черезъ городъ въ закрытой каретѣ, и поспѣшилъ спрятаться въ своемъ замкѣ Ржешовѣ, польскомъ замкѣ даже по имени. Въ его лицѣ, фамилія Острожскихъ за совращеніе въ католичество отплатила католикамъ вѣчнымъ позоромъ и невознаградимымъ Польскимъ Разореніемъ, превзошедшимъ Разореніе Московское.

Вся Польша возопила противъ пиявечкихъ бѣглецовъ Шляхетскій народъ требовалъ казни виновникамъ не слыханной въ народахъ измѣны долгу война и гражданина. Но для казни столькохъ предателей отечества не хватало у нея палачей. Преступленіе осталось безнаказаннымъ по своей громадности.

Пошировавъ скотски въ покинутомъ панами лагерѣ, козаки двинулись къ Збаражу, хорошо укрѣпленному городу и, не найдя въ немъ ниодной живой души, вспомнили, какъ іезуиты, руками прозелита Кунцевича, выбрасывали изъ могилъ тѣла, похороненныя не-уніятскими

*) Такъ погибла въ послѣдствіи одна козацкая армія, вся поголовно вылая.

священникомъ. Одинъ или два случая безумнаго фанатизма, оскорбивъ чувство человѣчности, свойственное и людямъ просвѣщеннымъ, и самымъ темнымъ дикарямъ, произвели широкую молву, которая проникла даже въ землянки степняковъ, не выдавшихъ отъ роду церкви, и вызвала изъ этихъ землянокъ чудовищныхъ отмстителей за чудовищное злоупотребленіе церковнаго права. Козаки Хмельницкаго, оскорвивъ и разоривъ збаражскіе костелы, выбросили изъ усыпальницъ останки католическихъ пановъ и есендзовъ, причемъ досталось и трупамъ православниковъ, похороненнымъ по-пански.

Въ числѣ поруганныхъ ими усопшихъ былъ и знаменитый примиритель Польши съ Турціей, князь Криштофъ Збаражскій. По сказанію збаражскаго стихотворца, бѣжавшаго изъ объятаго ужасомъ города, самъ Хмельницкій ругался надъ прахомъ князя Криштофа и его вьагини, говоря, что и мертвому льву надобно вырвать бороду. Не предчувствовалъ онъ, что разогнанная имъ отъ плуговъ и токовъ шляхта хлынетъ опять на мѣста своей колонизаціи, и что надъ нимъ самимъ, въ его Суботовѣ, повторится такая расправа съ мертвымъ львомъ.

Стоя въ Збаражѣ, Хмельницкій объявлялъ своей козацкой радѣ, что намѣренъ вернуться въ Украину, послать на сеймъ уполномоченныхъ отъ Запорожскаго Войска и дожидаться избранія короля. Къ этой рѣшимости привело его извѣстіе, полученное изъ Москвы. Москва вовсе не была намѣрена содѣйствовать опустошительному вторженію днѣпровской и крымской дичи въ сосѣднее государство, хотя и на варшавской конвокаціи первымъ словомъ открывшаго ее оратора было *московское коварство* (*Moskiewska perfidia*). Напротивъ, Запорожское Войско получило отъ молодаго царя внушеніе—пріостановить разливъ христіанской крови и примириться съ панами. Тимашій государь услаждалъ свои царственныя заботы мыслью, что у него нѣтъ недруга во всемъ христіанскомъ свѣтѣ, и не хотѣлъ сдѣлать Полякамъ „никакой неправды въ ихъ упадкѣ и въ безглавное тогдашнее время“.

Мысли Хмельницкаго обратились къ польскому королю, котораго избраніе зависѣло теперь отъ него. Новый, обязаный ему престоломъ, король могъ упрочить за нимъ его положеніе вѣрнѣе, чѣмъ ковако-татарская орда, которой перемѣнчивость относительно его особы, драгоцѣннѣйшей для него всего на свѣтѣ, свидѣтельствовалъ онъ своею пятитысячною гвардіею. Но разлавомявшіеся козацкимъ счастьемъ сподвижники Хмеля, не хотѣла знать ничего, кромѣ войны. Козацкая орда требовала, чтобъ онъ шелъ *кончатти Лялвз* по идеѣ предшественниковъ его. Краковъ и Варшава должны быть разрушены! Все

важнымъ на тѣхъ выбжихъ правилахъ долга и чести, которыя характеризовали всѣхъ просвѣщенныхъ иезуитами шляхтичей. Онъ-то, этотъ Выговскій, доигралъ относительно Тишайшаго Государя ту роль, которую самому Хмельницкому не дала доиграть одна привычка къ неумѣренному пьянству. Безъ совѣта Выговскаго не дѣлалъ Хмельницкій ни одного шага. Все, что у Хмеля было двумысленнаго въ сношеніяхъ съ Поляками, Москвою, Татарами, Турками, Волохами, Венграми, Нѣмцами, принадлежало на добрую долю Выговскому. Отъ него, безъ сомнѣнія, научился Хмельницкій туманить и самихъ козаковъ, которые воображали, что правятъ своимъ гетманомъ, какъ шляхта правила королемъ, а между тѣмъ исполняли то, что было нужно ему.

Ни одной крѣпости и города не занялъ Хмельницкій по выходѣ изъ Пилявецкаго „курятника“. Города козакамъ, какъ и Татарамъ, были не нужны. Черезъ знаменитый будущую осадю Зборажъ и черезъ Старый Константиновъ прошелъ онъ, забавляясь вырываньемъ бороды мертвымъ львамъ: эти города совсѣмъ опустѣли. Въ Бродахъ оставилъ онъ такую часть войска, которая была способна только опустошать окрестности, и лишь для виду наказалъ этому отряду овладѣть замкомъ, а съ городомъ древняго русскаго князя Льва, какъ увидимъ, игрался, точно съ мышью вотъ, пресыщенный уже ловитвою.

Тамъ давно началась тревога. Ополченный съ XIV столѣтія Львовъ, эту столицу Руси и редутъ отъ внѣшняго непріятеля (*Metropolis Russiae et propugnaculum ab internis hostibus*), какъ величали его Поляки, считали они гнѣздомъ тайныхъ заговорщиковъ противъ польскаго отечества, и самый бунтъ Хмельницкаго былъ у нихъ „бунтъ Русскій (*rebellia Ruska*)“.

За недѣлю до Пилявецкаго бѣгства, львовяне вопіали къ королю Каролію о защитѣ ихъ отъ непріятеля. „Уже цѣлыхъ три мѣсяца безъ остановки льется кровь днемъ и ночью“ (писали они). „Русскій бунтъ и соединившаяся съ язычниками хлопская сволочь отправляютъ въ Запорожье страшныя массы награбленнаго добра, артику, пушки, порохъ, и священное, и мирское, отдають въ языческую неволю столь многія тысячи людей. Ежедневно, ежечасно это безчестное предательство подполазаетъ въ нашей крови, идетъ сюда пожаромъ уже подъ самыя львовскія стѣны. Ничего неприкосновеннаго, ничего безопаснаго, ничего обезпеченнаго! Уже и въ самомъ городѣ отерываются явныя измѣны и ежедневно—ночныя заговоры. Глядя на это и видя дальнѣйшую опасность, здѣшніе граждане и братья наши, бѣжавшіе сюда изъ другихъ воеводствъ, думаютъ уходить отсюда,

спасая жизнь, такъ какъ Рѣчь Посполитая не озаботилась никакимъ спасеніемъ и обороной этого города, и у ихъ милостей пановъ региментарей, прося покорѣйше, не вымолила и одного десятка гарнизона“.

Они умоляли королевича, чтобъ онъ оставилъ у нихъ для защиты свой полкъ, такъ какъ этотъ полкъ „или не пройдетъ въ войску сквозь Татаръ и своовольныя кушы, или придетъ послѣ битвы, дай Боже счастливой“.

Извѣстіе объ этой ожидаемой съ такимъ страхомъ битвѣ вырвало у нихъ изъ груди крикъ отчаянья: „Теперь мы совсѣмъ погибли (*Zginęliśmy już totaliter!*)“... „Нѣтъ никакой надежды на правителей государства, *nadziej żadnej in Principibus Regni nie mamy*“ (весьма вѣрно писали они своимъ друзьямъ). „Развѣ особенный промыселъ Божій будетъ спасать насъ чудеснымъ способомъ“.

„Еще 24 іюня“ (говорить авторъ письма) „предсказывалъ я, что будетъ изъ триумвирата коронныхъ региментарей: теперь предсказаніе мое исполнилось“...

Во Львовѣ до того были напуганы „Русскою ребелліей“ и тѣми татарокозацкими купами, которые могли не допустить королевичева полка въ дѣйствующую армію, что изъ Торговой Горки одинъ шляхтичъ писалъ къ другому отъ 18 (8) августа, опереживая событія, будто мѣщане сами сожгли Краковское предмѣстье, а также монастырь и костелъ босыхъ кармелитовъ для безопасности обороны.

Еще недавно жители Львова видѣли дивное по своей нарядности войско на пути его къ Пилявцамъ. Теперь гетманы этого войска ушли ночью изъ своего лагеря, точно воры, застигнутые хозяиномъ. По ихъ слѣдамъ приплы въ столицѣ древнерусской *Владимеріи*, перековерканной въ *Лодомерію*, опустошители края, возстановленнаго послѣ Татарскаго Лихолѣтя безпримѣрными трудами и подвигами польсворусскихъ колонизаторовъ. Многочисленныя сермяжныя и кожшныя полчища ихъ, въ сопровожденіи потомковъ Батыевой Орды, появились подъ стѣнами Львова на смѣну блестящихъ культурниковъ. Теперь имъ не было преграды въ стремленіи за Бѣлую Рѣку. Теперь нашему Хмелю оставалось только возвеселить завзятые души Криштофа Косинскаго и Царя Наливая разрушеніемъ Кракова, который попалъ какъ-то и Батшй, гостя въ немъ, какъ Болеславъ Храбрый въ Кіевѣ. Но Хмельницкій не смѣлъ сдѣлать того, на что дерзали оба начинателя козацкихъ бунтовъ. Если онъ и не былъ умнѣ этихъ безсмысленныхъ руинниковъ, то его время поумнѣло. Не Львовъ остановилъ его, какъ это пріятно думать польскимъ патриотамъ города,

въ которомъ испарился патріотизмъ русскій и, какъ болячка, притаились патріотизмъ козацкій. Городъ нашего славнаго князя Льва не былъ приготовленъ въ оборонѣ иноземнымъ правительствомъ, обманувшимъ его надежды на „благоденственное и мирное житіе“; а муниципальная республика львовская не имѣла ни денегъ, ни оружія, ни съѣстныхъ припасовъ. Остановила козака Тамерлана политическая комбинація, передъ которой „страшенна козацька сила“ оказывалась весьма слабою.

Первые пилявецкіе бѣглецы, прискакавшіе въ Полякамъ, Армянамъ и Жидамъ, подавившимъ во Львовѣ русскихъ аборигеновъ, трагически терзали на себѣ въ слезахъ одежду. Они плакали о гибели отечества, которое для огромнаго большинства ихъ заключалось въ скарбовыхъ возахъ да въ раззолоченныхъ каретахъ, да въ утраченныхъ маіонткахъ. Они громко проклинали своихъ региментарей и кричали, что непріятель идетъ за ними „въ копыто“. Отсталые въ бѣгствѣ подтверждали слова самыхъ быстрыхъ, и слѣшили, подобно Князю Домпнику, убраться подальше изъ опаснаго города. Въ домахъ и улицахъ поднялась неизобразимая суматоха. Хотѣли затворить ворота, чтобы не вторгнулся въ нихъ непріятель, — невозможно было этого сдѣлать: такъ густо одни тѣспались въ городъ, а другіе рвались изъ города, ница безопасности каждый по-своему.

Отъ Пилявцевъ до Львова считалось 40 миль. Это пространство пролетали паны-бѣглецы въ 36 часовъ, тогда какъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ (говорили насмѣшники) иной вельможный панъ ѣхалъ бы сюда цѣлые полгода. Изнуренные, голодные, не знавшіе доселѣ никакой бѣды „панята“ лишились голоса.

Одни изъ бѣглыхъ пановъ приводили горожанъ въ ярость; другіе внушали участіе. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и князь Вишневецкій, который (говорили въ толпѣ) „потерялъ все, что имѣлъ“, и которому одинъ Армянинъ далъ обѣдъ и постель.

Замѣчательно, что Поляки не исключаютъ ни князя Вишневецкаго, ни Осинскаго изъ подавшихся общей паникѣ, и героя того времени изображаютъ прискакавшимъ съ Пилявецкихъ Полей въ одиночку. По ихъ описанію всѣ представители Польши единодушно струсили. Никто изъ тѣхъ, которые носили такія громкія имена, какъ Замойскій, Жовковскій, Конецпольскій, не сказалъ, подобно нашимъ древнимъ Русичамъ: „Мертвымъ не стыдно: лучше быть побитыми, нежели половенными“. Никто не рѣшился лечь подъ Пилявцами востыни, чтобы не видѣть срама польскому отечеству. На молебны мѣщанъ, чтобы не оставляли города, его жителей и святынь безъ обороны, ученый Остророгъ, чтившій традиціи великаго Конецпольскаго, отвѣ-

чать, что все потеряно, и что лучше отдаться на волю неприятеля, нежели отваживаться на невозможный отпоръ. Таково было могущество Хмельницкаго. Поляки думали, что ему помогали „неслыханныя чары“; но въ Москвѣ, какъ увидимъ далѣе, измѣряли это могущество нравственнымъ безсиліемъ Поляковъ.

Львовскіе торгоши оказались болѣе мужественными, чѣмъ избранныки Шляхетскаго Народа, триумвиры. Составивъ собственный военный совѣтъ, они послали къ Остророгу другую депутацію съ объявленіемъ, что постановили спасать себя и спотыкнувшуюся (szwan-kująca) Рѣчь Посполитую кровью и имуществомъ своимъ; что сдѣлають государству заемъ, дадутъ оружіе и все, что будетъ нужно для обороны. Такъ пристыдили они шляхту и пановъ, которые исключили мѣщанство изъ государственныхъ сословій своихъ. Такъ показала они, что сила общества заключается не въ привилегіяхъ, а въ разумной хозяйственности.

Скитавшіеся по львовскимъ предмѣстьямъ жолнеры соглашались продолжать службу, но не хотѣли звать regimentарей, которые уходятъ изъ войска, и требовали, чтобы главнымъ вождемъ былъ назначенъ князь Вишневецкій. Этимъ они засвидѣтельствовали, что его никто не заподозрилъ въ малодушномъ бѣгствѣ, и спасли его военную репутацію отъ пятна общей трусости.

Собралась въ костелѣ Бернардиновъ генеральная рада. Въ составъ этой рады вошли—и королевскій агентъ по козацкимъ дѣламъ, Радзѣвскій, и вѣчный бантъ-инфамись, Лаць (о Конецпольскомъ не было слышно). Кто и въ какой степени былъ теперь инфамись, львовскому купечеству и мѣстному шляхетству было не до того. Небывалая и неслыханная трусость представителей Польша понизила и въ самой шляхтѣ гордое сознаніе своего достоинства. Между тѣмъ неприятель всего замѣточнаго и осѣдлаго могъ, какъ думали, нагрянуть ежеминутно. Виѣсть съ ротмистрами, ихъ поручиками, то-есть наиѣстниками, и войсковыми товарищами, набралось всего въ генеральной радѣ 3.000 голосовъ.

Остророгъ сидѣлъ среди собранія, какъ осужденный на смерть. Онъ и писалъ о себѣ, что самая реляція о Пилявецкомъ бѣгствѣ равняется для него смертной казни. Между членами импровизированной рады были такіе, которые дѣлали ему въ глаза жестокія упреки. Но какъ ни волновалась панская рада въ своемъ раздраженіи, она все-таки была человѣчище козацкой рады, которая на Старцѣ подвергла днюому своему суду полковника Филоненка.

Главномандующимъ избрали единодушно Вишневецкаго. Долго не соглашался на трудную и безнадежную въ настоящемъ случаѣ должность нашъ Байдицъ, наконецъ уступилъ критическому времени и страстнымъ просьбамъ собранія, но гетманскую булаву принялъ онъ только подъ условіемъ, чтобы товарищемъ его остался Остророгъ,— и собраніе тотчасъ же приступило съ просьбами къ человѣку, котораго недавно готово было растерзать. Остророгъ не хотѣлъ пользоваться великодушіемъ князя, но его упросили остаться въ своемъ званіи, для сохраненія достоинства Рѣчи Посполитой, которая сдѣлала его региментаремъ.

Честь владычествующаго совѣмъ по честно пола велить упомянуть, что починъ прекраснаго общественнаго дѣла принадлежалъ въ этомъ случаѣ жоншицѣ. Когда собралась рада, и ея нервенствующіе члены затруднялись, въ присутствіи поруганнаго нѣкоторыми Остророга, заговорить о перемѣнѣ полководца,—въ костель вошла смѣлая шляхтанка, Катерина Слонѣвская. Она повергла къ ногамъ Вишневецкаго свое имущество и серебро отъ монахинь кармелитокъ, заклиная князя именемъ Бога, святыхъ патроновъ края и всѣмъ, что есть драгоценнѣйшаго въ свѣтѣ, стать во главѣ народнаго ополченія и спасти отечество. Энтузіазмъ ся овладѣлъ всѣмъ собраніемъ, и посрамленная бѣгствомъ панская честь была возстановлена какъ выборомъ достойнѣйшаго полководца, такъ и его благороднымъ обращеніемъ къ несчастному сподвижнику.

Немедленно были разосланы универсалы, сзывающіе разсѣянную войска подъ Львовъ. Въ виду козакотатарскаго нашествія, жители не боялись давать подъ простыя расписки значительныя суммы (напримѣръ, какой-то Бруховецкій далъ 14.000, а Грабанка 80.000 злотыхъ *). Костелы жертвовали своими украшениями, женщины—драгоценностями. Въ нѣсколько дней было собрано милліонъ злотыхъ наличными деньгами и 300.000 дорогими вещами, то-есть въ 17 разъ больше той суммы, какая оказалась отъ Коронномъ Скарбѣ во время конвокаціи. Снарядили 4.360 жолперовъ, за невозможностью созвать больше. Остальныя деньги роздали ротмистрамъ для вербовки.

Но въ этотъ грозный моментъ Вишневецкій поступилъ такъ, какъ поступали древніе московскіе государи въ тяжкія времена нашествія Татаръ на самую столицу ихъ. Оставаться съ небольшимъ гарнизономъ во Львовѣ значило бы только—пасть подъ его развали-

*) Одно имя знакомо намъ по извѣстному козаку - предателю, другое—по фальшивому лѣтописцу малорусскому.

нами съ оружіемъ въ рукахъ. Съ него было мало такого подвига. Воспользовавшись непонятною тогда ни для кого медлительностью не-пешего Тамерлана, Вишневецкій занялъ сильную крѣпость Замостье, достойный Яна Замойскаго памятникъ, съ цѣлью преградить непрятелю путь къ столицѣ и создать новую армию. Во Львовъ прислалъ онъ своего ротмистра Цихоцкаго съ 50-ю драгунами, и Цихоцкій не уклонился отъ опаснаго поста. На Вишневецкаго ронтали во Львовѣ; но для насъ понятно, что онъ, призывъ булаву отъ представителей „споткнушагося“ государства, долженъ былъ служить не одному только городу Львову.

Львовская мѣщанская республика не потерялась, однакожъ, отъ этой неожиданности, какъ ни сильно возмутила она съ начала грозжанъ, люди торговые вооружились лично и увеличили оставленный имъ ничтожный гарнизонъ, а во главѣ своего ополченія поставили ратмана Грозвайера. Вишневецкій поручилъ оборону Львова генералу артиллеріи, Кристофу Артимьевскому, ветерану голландской службы въ Америкѣ, завоевавшему Ріо-Жанейро. Это былъ родственникъ старыхъ колонизаторовъ кievскаго пограничья, владѣлецъ мѣстечка Липоваго, оставившій родину изъ религиозныхъ несогласій. Но Артимьевскій не принялъ званія комсиданта, вида недостатокъ въ артиллеристахъ и съѣстныхъ припасахъ. Онъ согласился только служить опытными своими совѣтами воинственному городскому ратману, до прибытія ожидаемой помощи изъ Пруссій.

Тогдашній Львовъ заключалъ изъ себя всего 400 домовъ, и былъ окруженъ стѣною, въ видѣ четвероугольника, потомъ — рвомъ, далѣе — валомъ и наконецъ — другой стѣною, укрѣпленною 17-ю башнями. Надъ городомъ возвышался древній, такъ называемый Верхній Замокъ, построенный изъ тесаннаго камня и кирпича въ незапамятныя времена, на высокой среди плоской мѣстности горѣ. Кромѣ того, съ юга городъ обороняли укрѣпленный монастырь, называвшійся Бернардины, съ запада топкія болота, а съ сѣвера Нижній Замокъ, укрѣпленный сильнѣе прочихъ оборонныхъ пунктовъ.

Но въ военное время составляли важное неудобство два предместья, заключавшія въ себя 1.500 домовъ и домиковъ. Между предместьевъ, на западной и восточной сторонахъ, были разбросаны сады, лѣтвія вупеческія жилища, пасѣнки, виноградники и множество красивыхъ домовъ, костеловъ, монастырей. Здѣсь красовалась на холмѣ и знаменитая русинская церковь, „Святый Юръ“. Все это пространство было обведено, въ пристульных мѣстахъ, валомъ; въ предѣлахъ котораго, вмѣстѣ съ городомъ, считалось 30.000 жителей.

Было очевидно, что оба предмѣстья скоро перейдутъ въ непри-
ятельскія руки, и предмѣщане должны будутъ уходить въ городъ. Кроме
голода, который, въ такомъ случаѣ, грозилъ уже издали городу, не
меньшая опасность угрожала ему и со стороны Верхняго Замка, ко-
торый находился въ такомъ же запущенномъ состояніи, въ какомъ
были укрѣпленія кіевскія, находились подъ воеводствомъ богатѣйшаго
изъ малорусскихъ пановъ, игравшаго притомъ роль охранителя право-
славныхъ святынь. Въ немъ помѣстили покаместъ только 50 прислан-
ныхъ Вишневецкимъ драгунъ, которые могли дать неприятелю только
слабый отпоръ. Занявъ столь важный пунктъ, неприятель могъ обстрѣ-
ливать городъ своими полевыми пушками и принудить въ сдачу. Это
видѣли мѣщане хорошо, и однакожь рѣшились обороняться.

Скоро появились козаки, въ сопровожденіи Татаръ, къ которымъ
подоспѣлъ и знаменитый Тогай-бей съ своей Ордою. Они прорвались
въ предмѣстья, сломили мѣщанъ, оборонившихъ валъ и частовалы.
Козакамъ помогали мужики, увеличивавшіе массу польскихъ враговъ
во мѣрѣ ея движенія впередъ. Предмѣщане съ дѣтьми и пожилыми
врылись въ костелы, ютились у Кармелитовъ, Бернардиновъ, Доми-
никанъ, у Святаго Юра, бѣжали въ Верхній Замокъ и въ городъ. У
городскихъ воротъ столпились тысячи воевъ и народу, подъ защитой
пушекъ, отпугивавшихъ неприятеля.

Разъяренныя сопротивленіемъ и жадные добычи хмельничане
бросались было уже на валы самого города, и ничто бы не остано-
вило ихъ подавляющей массы. Но Хмельницкому было не до занятія
и даже не до разоренія городовъ. Къ изумленію своихъ и чужихъ
людей, онъ прекратилъ битву въ рѣшительный моментъ.

Неповытна никому дѣйствія опустошителя Польши и вмѣстѣ съ
нею Руси ввухали козацкииъ кобзарямъ набожные стихи:

Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницький думає-гадає...
Про те не знали ні джурь козацькі,
Ні ніші гродяцькі:
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницький думає-гадає...

Набожные же меньше кобзарей всенды изъ прекращенія битвы
въ самую опасную минуту едѣляли чудо. Передъ козакомъ Тамерла-
вонъ явился въ облакахъ молящійся на колѣняхъ Бернардинъ, въ ко-
торомъ они безъ труда узнали Świętego Jana z Dukli. Этому Св. Яну

изъ Дукли, по удаленіи козаковъ и Татаръ, воздвигли они колѣнопреклоненную статую, существующую и нынѣ.

Не столь были счастливы львовскіе окизматыи, спрятавшіеся у Святаго Юра своего, воображая, что козаки пощадятъ ихъ не только внутри православнаго храма, но и въ самой оградѣ его. Хмельницкій извинялъ „простава“ Кривоноса, который не умѣлъ совладать съ домашними Татарами своими, но теперь самъ оказался такимъ же простакомъ. Козацкая орда сперва перебила или продала ордѣ татарской тѣхъ несчастныхъ, которые столпились вокругъ Святоюрской церкви на цвинтарѣ *). Спрятавшіеся въ самой церкви заперли двери надежными засовами. Но „борцы за православную вѣру и русскую народность“, по Косгомарову *единственные* борцы, продолбили въ стѣнахъ отверстія и стрѣляли внутрь церкви, пужды нѣтъ, что, по ихъ же козацкимъ думамъ, считалось великимъ грѣхомъ—не снять шапки передъ церковью, „домомъ Божиимъ“ и не „положить на себя креста“. Наконецъ запертыя двери уступили козацкимъ колесамъ **).

Тогдашній львовскій поэтъ, Армянинъ Зяморовичъ, пѣвецъ полей и мирной сельской жизни, слѣдовательно другъ мѣстной Руси, освѣтилъ передъ нами въ Святомъ Юрѣ картину, напоминающую подвига Гренковича въ „Межигорскомъ Спасѣ“:

Козаки выволакивали побитыхъ людей на паперть съ крикомъ: *Галдй! Галдй! бра; заур!* (прикидываясь Татарами передъ небеснымъ патрономъ родной нашей Владимеріи). Когда въ алтарѣ „старый игуменъ“ увѣщевалъ ихъ прекратить разбой, эти ревнители древняго русскаго благочестія, эти единственные борцы за православную вѣру, допытывались у него, гдѣ спрятаны деньги, а для большаго убѣжденія обляли ему голову горілкою и подожгли свѣчками. „Гей, пробі, ***) христіане! віра! віра!“ кричалъ бѣдняга; но козаки отвѣчали съ малорусскимъ юморомъ своимъ, съ тѣмъ самымъ юморомъ, съ каковымъ дарили въпасилованнымъ шляхтянкамъ алыя ленты, *чередні стрічки*: „Батеньку, не треба намъ тебе віры, лишѣ дідчихъ грѣшей“ ****)

Такъ поступали освободители Русской Земли и съ другими единовѣрцами своими. Они считали милостью уже и то, что выворачивали

*) Малоруссы донныѣ кладбище (обыкновенно устраиваемое прежде вокругъ церкви) называютъ по-польски цвинтаремъ (cmentarz).

***) Чеканамъ, которые назывались и *обухами*.

****) Малорусское восклицаніе *пробі!* или *пробу!* заимствовано изъ польскаго *prze Bóg!* (ради Бога).

*****) Дьявольскихъ денегъ. (*Дідько*—дьяволъ).

вали только карманы святоюрцивъ. На вопли о единствѣри они отвѣчали игриво: „Такъ, такъ, да въ тебѣ лицькі грѣші; ідишиъ при собі найбѣльшихъ нѣшихъ ворогівъ: до мѣсимо тебѣ скарѣта“.

Перебивши и обобрани въ святоюрскихъ стѣнахъ живыхъ людей, прицались козаки и за мертвыхъ: взрывали и разбивали гробы львовскихъ борцовъ за православіе, борцовъ дѣйствительныхъ, не такихъ, какими, на посрамленіе національнаго достоинства нашего, дѣлають у насъ хмельничайъ; выбрасывали полунетлѣвшіе трупы; долбили стѣны, всюду искали спрятанныхъ скарбовъ. Наконецъ добрались и до образа Св. Георгія. На немъ была серебряная шата. Козаки сорвали ее, приговаривая съ обычными своими *ждртами*: „Не здивуй намъ, Святій Юру! прощай намъ за се“, и т. п. *)

Между тѣмъ другіе молодцы, оставшіе безъ работы по неопытному повелѣнію гетмана, заняли Шемберкову (нынѣ Вронѣвскаго) гору, взобрались на кровли опустѣлыхъ костеловъ и домовъ по близу городского вала, стрѣляли изъ оконъ, изъ-за угловъ, съ кровель и домовыхъ трубъ въ городъ. Жители рѣшились на отчаянную, хотя давно предвидѣнную, мѣру—сжечь предмѣстья. Ночью былъ подожженъ огонь въ ближайшихъ строеніяхъ, и Львовъ занялъ вокругъ своего тѣснаго четверугольника. Непріятель оставилъ предмѣстья, но зато дымъ душилъ осажденныхъ, а раздуваемое вѣтромъ пламя угрожаетъ пожаромъ и самому городу. Истребленіе Львова посредствомъ огня не входило въ соображеніе новаго Батя, такъ точно какъ и вѣліе приступомъ. Татары пришли къ нему великой Ордою, и ему теперь надобно было отнустить ихъ. Пылавское бѣгство перемѣнило военный планъ его. Онъ привелъ сюда козацкихъ соратниковъ только для того, чтобы заплатить имъ польскими, жидовскими и русинскими деньгами, выжатыми изъ города, который широко слылъ богатымъ.

На другой же день по сожженіи предмѣстій прискакалъ отъ него похъ городскія укрѣпленіи гонецъ, держа высоко надъ головой шапку, чтобы по немъ не стрѣляли, и оставилъ воткнутый въ землю шестъ съ письмомъ написаннымъ по-русски. Хмельницкій требовалъ выдачи князя Вишневецкаго, Коцепопольскаго и всей бѣглои шляхты; въ противномъ случаѣ грозилъ приступомъ, а Русиновъ увѣщевалъ, чтобы

*) Почитаніе и вѣстѣ поруганіе иконъ можно встрѣтить еще и теперь въ Козакомъ Народѣ (независимо отъ штунды). Считаютъ, напиримѣръ, грѣхомъ ветхій образъ сжечь. Его пускають на волю. Но иногда ставятъ въ *комѣри*, приговаривая: „Нехай мыші лдвять“.

они въ то время, когда городъ начнутъ грабить, заперлись въ церквахъ.

Требованіе свое подрѣзали онъ движеніемъ на приступъ подъ предводительствомъ знаменитаго Перебийноса. Но приступъ, очевидно, былъ фальшивый, и кончился тѣмъ, что козаки перерубили водопроводныя трубы. Это Хмельницкому было нужнѣе истребленія города. Мѣщане написали къ нему, что ни требуемыхъ пановъ, ни шляхты во Львовѣ нѣтъ, и просили его не жаждать пролитія христіанской крови.

Вмѣсто отвѣта на просьбу, Хмельницкій, на другой день, велѣлъ штурмовать Верхній Замокъ, теперь уже защищаемый нѣсколькими тысячами львовянъ, подъ предводительствомъ буртграфъ Братковскаго. Бились они съ козаками мужественно, и цѣлый день отражали приступъ. Зато козаки взяли монастырь Кармелитовъ, и вырѣзали въ немъ все живое, по козацкому выраженію, до ноги.

Во время штурма было получено въ городъ и другое письмо отъ Хмельницкаго, на польскомъ уже языкѣ, съ требованіемъ выдачи Жидовъ, которые де были причиною этой войны: ибо давали деньги на вербовку жолнеровъ противъ козаковъ.

Наши историки сперва повторяли вымыслы кобзарей о жидовскомъ глумленіи надъ церквами и вѣрою, а потомъ вооружались на нихъ за аренды и откупы, которые кобзарскія думы переносили даже на Самару и Сакаганъ. Но Хмельницкій своимъ письмомъ опровергъ козацкихъ панегиристовъ, указавъ совсѣмъ на иную причину жидоистребленія. И попамъ, и всендзамъ, и панамъ, и Жидамъ козаки могли повторять искренно слова святоюрскихъ героевъ своихъ: „Батеньку, не треба намъ твоєі віри, лишє дідчихъ грошей“.

Мѣщане отвѣчали Хмельницкому, что Жиды — тѣ же подданные короля и Рѣчи Посполитой, несущіе всѣ издержки и подвергающіеся всѣмъ опасностямъ вмѣстѣ съ городомъ.

На третій день Хмельницкій прислалъ грозное требованіе, чтобы городъ приготовилъ для Татаръ 200.000 дукатовъ. Все, что до сихъ поръ дѣлалъ онъ съ городомъ, и имѣло только эту цѣль, и татарскій побратимъ не ошибся въ своемъ расчетѣ: севать городской республике называлъ полученную имъ новость *счастливою* послѣ всѣхъ претерпѣваемыхъ осажденными бѣдствій. Онъ просилъ у Хмельницкаго *глейта*, или безопаснаго пропуска для своихъ пословъ. Съ этой просьбой отправился въ козацкій таборъ всендзь Андрей Гункъль Мокрскій, регулярный каноникъ и эксъ-іезуитъ, бывшій наставникъ Хмельницкаго въ ярославскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ *).

*) Шляхетская фамилія Мокрскаго существуетъ и нынѣ во Львовѣ.

Но напрасно іезуиты воспитывали юношество въ явныхъ добродѣтеляхъ и въ тайныхъ порокахъ: такое воспитаніе привносило имъ въ житейскихъ дѣлахъ безцѣнную пользу, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ. Мокрекій принесъ отъ Хмельницкаго самый благопріятный отвѣтъ. Тогда немедленно были отправлены къ нему городскіе уполномоченные, въ числѣ которыхъ представителемъ Русской улицы, единственно принадлежавшей Руси во Львовѣ, явился Павелъ Лаврисевичъ *).

Глейтъ изображали собою два гетманскіе эсаула. Они провели уполномоченныхъ пословъ къ малому костелу Св. Петра. Вѣхо отъ него стояла Орда, а вправо занималъ войсковую квартиру Хмельницкій вмѣстѣ съ Тогай-беємъ, котораго называлъ онъ передъ королевскими послами, братомъ своимъ, душою своею, единымъ соколомъ на свѣтѣ. Оттуда велѣли имъ ѣхать въ Лисеницы, за милою отъ Львова, гдѣ жилъ павъ гетманъ.

Хмельницкій принялъ ихъ ласково и потчивалъ горілкою. Послы плакали, представляя побѣдителю бѣдствія, постигшія городъ ихъ, и молили его уменьшить окупъ. Видя ихъ слезы, воспитанникъ лицемѣровъ по профессіи заплакалъ вмѣстѣ съ ними, но не уступилъ ни одного дуката. Онъ произносилъ привычные случаю монологи, обвиняя въ общихъ несчастіяхъ Вишневецкаго и Конецпольскаго. „Вы требуете отъ меня милосердія“ (сказалъ онъ между прочимъ). „Я самъ не испытывалъ его. Довольно вамъ съ меня того, что я оставляю васъ живыми. Это великое милосердіе, и за него вы мнѣ пособишите съ двумя стами тысячъ червоныхъ злотыхъ. Вотъ вамъ оставляю еще Жидовъ, этихъ запачканныхъ плюгавцевъ, и не домогаюсь ихъ, лишь бы только вложили они довольно въ эту сумму, накопивши столько скарбовъ изъ козачества на Украинѣ“.

Наонецъ, переговоривъ съ Тогай-беємъ въ открытомъ полѣ, созвалъ онъ въ свѣтлицѣ у предводителя козацкаго загона, полковника Остапа Павлюка, татаро-козацкую раду. Первые мѣста заняли Татары: Тогай-бей съ Султанъ-калгою (первымъ изъ двухъ совратителей хана) и Пири-агою; послѣ нихъ сѣлъ Хмельницкій съ полковниками. Козаки держали въ рукахъ по золотой булави, украшенной драгоценными камнями. Одна изъ нихъ еще недавно принадлежала „ясноосвѣщенному князю“, не дождавшемуся личнаго поклона отъ

*) Лаврисевичи также существуютъ во Львовѣ, но не знаю, ополчались ли они, или только не дояшествуютъ въ унѣ, которую наши тамошніе соплеменники приняли въ 1720 году.

Хмельницкаго и всего Запорожскаго Войсва подъ Плявцами. Но рада была прервана извѣстіемъ, что верхній замокъ взялъ наконецъ Кривоносъ, овъ же и Перебийнось. Дѣйствительно, бургграфъ Братковскій, истощивъ запасъ пороха и пуль, отступилъ еще ночью въ городъ, и козаки, вломившись въ это пристанище смѣшаннаго народа, рубили съ плеча, сколько было имъ любо *), а остальныхъ, обобравъ до-нага, гнали келепани на продажу Татарамъ. Кровь изъ Верхняго Замка лилась ручьями въ самый городъ, а замковнй дворъ нашли потомъ заваленнымъ тѣлами побитыхъ.

Эта вѣсть напомнила львовскимъ уполномоченнымъ о Полонномъ и ускорила рѣшеніе вопроса между лицедѣемъ страшной сцены и его ужасавшимися зрителями. Уполномоченные обѣщали выплатить окупъ немедленно. Хмельницкій послалъ за полученіемъ денегъ полковника Головацкаго, обозначившагося шляхтича, извѣстнаго своею жадностью къ добычѣ и развратною жизнью, а Тогай-бей, съ своей стороны, послалъ Пиря-агу, татарскаго обознаго. Этихъ комиссаровъ сопровождалъ отрядъ мурзь, есауловъ, козацкихъ и татарскихъ писарей; и только тогда прекратились непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ.

Мѣщане прежде всего задобрили обонхъ комиссаровъ, давши Головацкому 100 талеровъ, да оружіе въ дорогой оправѣ, всего на 1.500 злотыхъ. Пиря-ага получилъ всего на 990, его мурзамъ дали 2.100, козацкимъ есауламъ и писарямъ 1.000 злотыхъ. Вся эта хищная ватага согласилась тогда на униженную просьбу мѣщанъ (припрятавшихъ цѣнную собственность заблаговременно) засвидѣтельствовать передъ вождями, что у нихъ остались только расписки Вишневецкаго въ полученіи денегъ, что они наличной суммы не имѣютъ, а предлагаютъ окупъ товарами и всѣмъ, что ни окажется въ городѣ. Сдѣлана была ревизія костеловъ, церквей, монастырей и городскихъ домовъ. Татаро-козацкая коммиссія всюду брала паличность и всѣ товары съ драгоцѣнностями по паричательной цѣнѣ, полотно, одежду, шапки, сапоги, давая ручательство собственникамъ, что все это уплатить Рѣчь Посполитая. Собранное такимъ образомъ добро препровождалось возами въ таборъ побѣдителей. Тогай-бей далеко превосходилъ въ этомъ случаѣ козаковъ точностью оцѣнки и помога-

*) Въ пѣснѣ о Перебийнось, записанной мною самимъ, поется:

Рубае мечемъ головы съ плечей,
А рѣшту топить водою.

тельствомъ. Городъ былъ вынужденъ подарить и самому Хмельницкому богатыхъ одеждъ и сбруй на 20.000 злотыхъ. Ни одинъ козацкій старшина не остался безъ соотвѣтственнаго приношенія, а Кривонось, воображая себя не менѣе великимъ разбойникомъ, какъ и Хмельницкій, выжалъ изъ мѣщанъ подарковъ тысячъ на пять злотыхъ.

Безчестный во всѣхъ отношеніяхъ торгъ продолжался двѣ недѣли. Между тѣмъ Орда распустила свои загоны во всѣ стороны,—за Ярославль, Перемышль и далѣе по тому Татарскому Шляху, который Кантемиръ-мурза прозвалъ Золотымъ; а Хмельницкій волей и неволей долженъ былъ оставаться подъ Львовомъ, какъ бы на привязи у своего „брата“, не смѣя оставить его здѣсь, точно въ огородѣ жозла.

23 (13) октября Тогай-бей съ Султанъ-калгой отступилъ къ Каменцу. На другой день отступилъ къ Замостью Хмельницкій, оставивъ на нѣсколько дней во Львовѣ своего двоюроднаго брата, Захарія Хмельницкаго, съ нѣсколькими есаулами и атаманами, какъ ручательство въ безопасности города со стороны переходящихъ козацкихъ вупъ, которыя сновали въ окрестностяхъ и все еще держали жителей какъ бы въ блокадѣ.

Внутри города между тѣмъ чувствовался мучительный голодъ. Трудно было добыть хлѣба, такъ какъ всѣ гумна, до самаго Люблина, были сожжены. Многие, обѣдивъ и тѣспясь въ нездоровыхъ жилищахъ, умирали. Множество валяющихся въ разныхъ мѣстахъ труновъ и навали заражало воздухъ. Настала сильная смертность, такъ что въ три слѣдующіе мѣсяца было похоронено во Львовѣ 7.000 душъ.

Выворотивъ старательно польскіе, армянскіе, жидовскіе и русинскіе карманы во Львовѣ, побѣдоносные козаки шли къ Замостью, воображая, что въ самомъ дѣлѣ прогонятъ Ляховъ за Вислу такъ далеко, что не возвратятся и черезъ три года. Они пѣли приплясывая:

Ніте, козаци, у окни!

Поберімося у бѣни:

Позаганаймо Ляхівъ за Вислу,

Щобъ не вернѹлись я въ три роки!

Но Хмельницкій думалъ свою думу. Съ большими ли потерями, или съ малыми, досталась бы ему знаменитая крѣпость Замойскаго, она завоевателю козаку была не нужна. Хмельницкій обманывалъ и ея гарнизонъ, и своихъ сподвижниковъ маневрами приступовъ, лишь бы сорвать взятку съ пановъ, какъ сорвалъ ее съ мѣщанъ, и угомонить своихъ Перебійносовъ, которые мечтали о разбойномъ равенствѣ

съ нимъ самимъ. Мысли его летали изъ Москвы на варшавскій избврательный сеймъ и обратно. Онъ сознавалъ, что стоитъ между двухъ великихъ силъ, изъ которыхъ каждая можетъ подавить его при извѣстной политической комбинаціи. Онъ боялся своего положенія уже и въ Червасахъ, откуда льстиво писалъ къ московскому царю отъ 8 іюня: „По смерти короля Владислава многіе сдѣлались королями въ нашей землѣ, и мы желали бы себѣ самодержца государя такого въ своей земли, какъ ваша царская всеможность, православный христіанскій царь, чтобы предвѣчное пророчество Христа Бога нашего исполнилось, что всѣ въ рукахъ его святыя милости“... Онъ, какъ бы извинялся передъ царемъ, что „посередѣ дороги Запорожской“ поблизъ сына Потоцкаго, и что потомъ коронные гетманы „нодъ Корсунемъ городомъ попали оба въ неволю“... „Мы ихъ не имали“ (писалъ онъ), „но тѣ люди имали ихъ, которые намъ служили въ той мѣрѣ отъ дядря Крымского“. Слова *Татары* онъ набѣгалъ передъ „православнымъ христіанскимъ царемъ“: оно было несомнѣваемо съ его увѣреніемъ, что вояки „помираюгъ за старожитную греческую мѣру“. Онъ думалъ, какъ думали Поляки, что царь такъ и ухватится за его совѣтъ — поспѣшить наступленіемъ „на то государство, а мы де се вѣдѣтъ. Войскомъ Запорожскимъ услужитъ вашей царской всеможности „готовы есмя“.

Величавое молчаніе Алексѣя Михайловича, надобно думать, сдѣлало на держаго Хмеля такое впечатлѣніе, какъ молчаніе Сигизмунда III на Северию Наливая. Мысль о письмѣ къ московскому самодержцу, очевидно, пришла ему въ голову только тогда, когда онъ очутился на загадочномъ распутьи, точно сказочный удалецъ. Съ киевскими подвижниками, намѣтившими воссоединеніе Руси четверть столѣтія назадъ, не имѣлъ онъ ничего общаго: иначе — онъ бы отъ нихъ узналъ, какъ слѣдуетъ величать московскаго самодержца, для котораго титулъ имѣлъ значеніе историческое и политическое: не обратилася бы къ нему Хмель, точно къ татарскому хану: „Наяснѣйшій, вельможный и преславный царь Московской, а намъ многомилостивый государь и добродѣй“. Молчаніе царя раздражало его до такой степени, что, перехватывая письма къ пограничнымъ воеводамъ дарскими изъ Украины, онъ перешелъ къ Наливаевской крайности: отъ 29 іюля написалъ къ нимъ: „за вашу *измѣну* Богъ васъ погубитъ“, и подпсался, по адресу православнаго царя, *Божією милостію*.

Въ Москвѣ, между тѣмъ, не могли смотрѣть на вояковъ-дѣшорцевъ иначе, какъ смотрѣли на нихъ пограничные воеводы, изъ которыхъ одинъ доносилъ о нихъ царю, отъ 7 іюня, какъ о „новыхъ

бессоборничавъ, которые на кровь христіанскую саблю татарскую сировадили“. Что касается призванія царя на польскій престолъ, то эта мысль, какъ мы видѣли, давно существовала въ шляхетскихъ умахъ, и занимала ихъ теперь весьма серьезно. Не всѣ въ Рѣчи Посполитой вооружались противъ Оссолинскаго за его стремленіе превратить Польшу въ абсолютную монархію: преступный, по мнѣнію однихъ, замыселъ былъ, по мнѣнію другихъ, намѣреніемъ благимъ. Это показывали самые толки о немъ новгородсѣверскихъ урядниковъ, Понентовскаго и Красовскаго, о которыхъ была рѣчь выше. Надобно думать, что польскіе багиты-инфамисты, составлявшіе издавна кадры запорожской вольницы, жаждали переменъ правленія, которая бы вернула имъ почетное положеніе и освободила отъ козацкой гегемоніи. Хмельницкій чувалъ, къ чему клонятся событія, и по-неволѣ долженъ былъ идти за ихъ теченіемъ. Оно привело его и подъ Замостье.

Теперь сила его надъ панами возросла до ужасающей степени, и еслибы то, что писалъ онъ къ „наяснѣйшему, вельможному и преславному царю московскому“ выражало его искреннее желаніе, то никогда не было болѣе удобнаго момента для осуществленія этого желанія. Еще недавно, именно отъ 29 русскаго іюля писалъ онъ къ хотмыжскому воеводѣ, Семену Болховскому, благодарственное письмо, за то, что Москва помогать Ляхамъ не хочетъ, подзадоривалъ православныхъ москвичей извѣстіемъ, будто бы Ляхи „поповъ и духовныхъ нашихъ на коле сажаютъ“, и выражалъ желаніе, „чтобы въ такомъ времени православный царь о томъ панствѣ (т. е. государствѣ) Польскомъ могъ постаратися“... „Великій русскій патриотъ“ кіевскихъ мечтателей могъ бы теперь заставить пановъ предложить польскую корону Алексію Михайловичу, какъ опоячонные Жовковскіе заставили бояръ предложить Мовомахову шляку Владиславу Жигимонтовичу,— и русское возсоединеніе совершилось бы безъ кровопролитнаго одолѣнія противниковъ его, Выговскихъ, Юріевъ Хмельницкихъ, Бруховецкихъ, Дорошенковъ, Мазепъ... Но кровавый идолъ ковакомановъ до конца не зналъ, что дѣлаетъ и что ему надобно дѣлать, чтобы выбраться изъ омута вѣроломства, торжественныхъ присягъ и всяческихъ предательствъ. Его несла кипучая волна событій, и онъ вѣчно боялся, какъ бы она его не захлоснула. Доказательствомъ служить, между прочимъ, и его пристрастіе къ ворожбамъ и ворожеямъ, которое управляло имъ во время осады Львова и во время стоянья надъ Замостьемъ.

Хмельницкій принадлежалъ къ людямъ интеллигентнымъ; но іезуитское воспитаніе на томъ и стояло, чтобы взнуздывать самые бойкіе

умы и сохранять надъ ними такъ или иначе власть. Въ случайной встрѣчѣ козацкаго бунтовщика съ есендомъ Мовреинимъ, по всеобщей рожности, скрывалась разгадка вопроса: что подавило и затмило умъ его насчетъ царя, къ которому могущественныя событія привели таки его наконецъ, черезъ шесть лѣтъ рѣзни, помоговъ и всевозможныхъ злодѣйствъ. Много ли, или мало было у него такихъ знакомыхъ, какъ Мокрскій, только онъ возжелалъ теперь содѣйствовать избранію на польскій престолъ эвксъ-іезуита и эвксъ-кардинала, королевича Яна Казимира, котораго, по развѣдкамъ царскихъ людей, въ началѣ козацкой войны желала выбрать одна Корона, а Литва и козаки не желали. Именно трубчевскій воевода, Нащоквинъ, доносилъ царю, отъ 8 іюня, о словахъ поченскаго шляхтича, пана Яна Станцкевича: „потому де у насъ, Леховъ съ Черкасы война, что де Корона Польская хотать на королевства королевича Казимира, а новѣтъ де Литовской съ Черкасы—на королевства королевича Казимира не хотать“.

Для предварительныхъ переговоровъ съ будущимъ королемъ, Хмельницкій послалъ въ Варшаву того же Мокрскаго. Ему вручилъ онъ и примирительное посланіе къ сеймовымъ панамъ. Въ этомъ посланіи онъ утѣрялъ пановъ, что всему злу виною Александръ Конецпольскій да князь Вишневецкій. Одинъ де былъ виновенъ тѣмъ, что всячески тиранилъ козаковъ и едва не запрягалъ въ ярмо (о чемъ, однакожь, не было сказано ни въ краткомъ, ни въ пространномъ реестрѣ козацкихъ обидъ), а другой тѣмъ, что нападалъ на нихъ съ войскомъ своимъ, когда они, по разгромѣ коронныхъ гетмановъ, хотѣли вернуться на обычное мѣсто свое, на Запорожье, и позволялъ себѣ мучить попадавшихъ въ его руки козаковъ и духовныхъ людей самыми страшными муками. Хмельницкій плакался на свирѣпаго князя, точно какъ будто козаки вели войну съ одними жолнерами, таборъ противъ табора, какъ будто они не вторгались въ дома мирныхъ помѣщиковъ, не убивали однимъ и тѣмъ же махомъ прадедовъ и правнуковъ, не наполняли замковъ побатыми женщинами да дѣтьми, не насиловали женъ и дочерей въ виду мужей и отцовъ, не дарили *амлы* *ленты* обезчещеннымъ дѣвкамъ и не совершали надъ храмами и ихъ усыпальницами всяческаго поруганія, какое только могли придумать ихъ сатавинскіе умы. Козакъ Тамерланъ, издѣваясь надъ бѣдствіями Шляхетскаго Народа, придавалъ его защитникамъ вѣврскія черты Народа Козацкаго.

Онъ по-прежнему свидѣтельствовалъ всемогущимъ Богомъ, что только крайняя бѣда и порабощеніе заставили козаковъ такъ оскорбить *мастатъ Божій и ихъ милостей вельможныхъ пановъ*; по-преж-

тому жаловался на грабительство Конецпольскаго и на наступленіе Вишневецкаго. Козаки де уже было и вернулись на Запорожье, но князь Вишневецкій, по совѣту ли нѣкоторыхъ пановъ (стоявшихъ за Вишневецкаго на сеймѣ), или собственнымъ упрямствомъ, наступилъ на нихъ съ войсками своими; козаковъ и духовныхъ они грабили, мучили, сажали на колъ, буравомъ глава пробурывали (этого въ обширной панской перепискѣ, весьма прямодушнѣе и даже враждебнѣе Вишневецкому, *мысли*) и паны неслыханныя мученія дѣлали. „Видя, что уже и за душами нашими гонятся“ (писалъ Хмельницкій), „мы были принуждены двинуться (опять) и давать отпоръ нашимъ наступателямъ, и это потому, что тутъ насъ успокаиваютъ ласковыми письмами отъ ихъ милостей пановъ комиссаровъ, посланныхъ Рѣчько Посполитою, а тутъ, сговорясь между собой, съ войсками на насъ наступаютъ. Поэтому шли мы по слѣдамъ князя Вишневецкаго подъ Замостье, имѣя вѣрныя извѣстія, что князь его милость Вишневецкій опять собираетъ войска, чтобы съ нами воевать. Эти два пана были всему злу причиною. Они своею жадностью и завзятостью едва не въ ничто обратили землю. Вѣдь и князь Вишневецкій за Днѣпромъ былъ точно какъ за пазухой у насъ, а мы его выпустили живымъ, помня о давнишней пріязни... Просимъ отпустить намъ *несольмый* грѣхъ“ (напѣвалъ Хмельницкій съ голоса Адама Киселя), „а этихъ пановъ, которые тому причиною, покрыть хулою (*ahy tym Panom... zganiono bylo*). Если же не будетъ вамъ помилованія, и вы начнете противъ насъ воевать, то мы это поймемъ такъ, что вы насъ не желаете имѣть своими слугами, и это было бы намъ весьма горестно“.

Хмельницкій, очевидно, домогался оспалы Вишневецкому: только подъ этимъ условіемъ готовъ былъ онъ пощадить пановъ, и въ то же время грозилъ московскимъ подданствомъ.

Сынъ князя Вишневецкаго, Михаилъ, царствовалъ въ Польшѣ послѣ Яна Казимира. Въсто Яна Казимира, паны могли бы сдѣлать королемъ Князя Іеремію, и тогда Хмельницкій достигъ бы только того, чего достигли Наливайко, Сулима и Павлюкъ. Никто не знаетъ этого лучше его самого, и потому-то онъ заставлялъ безголовыхъ пановъ приписывать ихъ несчастья челоуѣку, который одинъ былъ способенъ взять ихъ въ крѣпкія руки и спасти политическую свободу Шляхетскаго Народа надерекоръ свободѣ личной, которою такъ несвоевременно величались паны.

Козацкій идеалъ общественности не возвышался надъ сочипеною нашими предками-варварами пословицей: „колибъ хлѣбъ та одѣжа, то івъ бы козакъ лежа“; и Хмельницкій зналъ, что размноженіе ко

зачества, праздно живущаго продуктами чужаго труда, вызоветъ новую войну съ панами. Ему было необходимо, съ одной стороны, обезпечить себѣ уступчивость короля, а съ другой—разлучить его съ тѣми людьми, которые были способны одушевить шляхетское общество боевымъ энтузіазмомъ. Во всякомъ случаѣ, Польша была сподручнѣе Москвы для козацкихъ *кдверзз*,—и онъ предпочелъ ослабленіе Польши бунтами усиленію Москвы вѣрноподданствомъ. Самъ ли онъ сочинилъ такой планъ дѣйствій, или же былъ имъ обязанъ интригану Выговскому, только въ этомъ планѣ была начертана погибель Рѣчи Посполитой—и какъ независимаго государства, и какъ хозяйственнаго общества. Голодный и безащадный геній Днякъ Полей, вдохновенный поэзіей Кипчавской орды, воплотился въ орду Козацкую, чтобы пустынное Посулье и Поросье, вмѣстѣ съ Запорожскою Тмутороканью, распространить до самой Вислы. Вся великая работа колонизаціи Батыевскихъ кочевьевъ, запечатанная кровавыми жертвами и геройскими подвигами, вся многолѣтная заслуга передъ человѣчествомъ польско-русскихъ рыцарей и вмѣстѣ хозяевъ—должествовали исчезнуть отъ „козацкаго духа“, опустошительнаго, какъ смертоносный самумъ-гафруръ.

По общему мнѣнію правительствующихъ пановъ, только новый король былъ способенъ отвести грозу козацкаго бунта. Кисель вступалъ имъ, что козаки маестать Рѣчи Посполитой ставятъ ни во что, и признаютъ одну власть—королевскую. „Поэтому-то“ (говорилъ домоторскій оракуль) „Хмельницкій не пишется иначе, какъ гетманомъ Войска *его королевской милости* Запорожскаго, нужды нѣтъ, что Рѣчь Посполитая титуловала его просто гетманомъ Войска Запорожскаго. Король у козаковъ есть нѣчто божественное. Именемъ короля начался козацкій бунтъ, именемъ короля онъ и утихнетъ“.

Слова Киселя были водою, падашею на колеса Хмельницкаго. Паны приступили немедленно къ избранію и избрали не московскаго царя, который сохранилъ бы отъ гибели миллионы человѣческихъ жизней,—избрали не отца будущаго короля, который свасъ бы имъ миллиарды червонцевъ, заслуженные предками,—нѣтъ, они, вмѣсто защитниковъ ихъ жизни, ихъ имущества и чести, избрали такого государя, какой былъ нуженъ козану Тамерлану.

Глава XVIII.

Воспитаніе и характеръ короля, избраннаго по указанію козацкаго гетмана.—
Монахъ-разстрига на польскомъ престолѣ.—Избирательный сеймъ.

Янъ Казимиръ родился въ 1609 году. Въ это время всѣ добра князей Острожскихъ перешли уже въ католическія руки. Младшій сынъ Князя Василя, Константинъ, умеръ, въ католическомъ самоистязаніи послѣ распутной жизни, въ 1600 году; средній, Александръ, носившій только для виду „образъ русскаго благочестія“,—въ 1603 году; а самъ Князь Василій—въ 1608-мъ. Наслѣдникамъ „Острожчины“, составлявшей, можно сказать, государство въ государствахъ пановъ сравнительно съ Острожскими мелкопомѣстными, сдѣлался князь Янушъ Острожскій, первородный сынъ Князя Василя, „католикъ съ колыбели“, крещенный и воспитанный знаменитымъ іезуитомъ, Петромъ Скаргою.

Это было важнымъ для Римской Куріи завоеваніемъ. Но она имѣла тогда въ виду несравненно больше: была надежда присоединить къ Польшѣ Московское Царство, какъ нѣкогда было присоединено Великое Княжество Литовское. Сигизмундъ, по выраженію малорусской лѣтописи, „аровитый католикъ, который бы не понозорился привести подъ папу дѣлмый свѣтъ“, повелъ въ московскіе предѣлы 29.000 войска, чтобы возсѣсть на престолѣ великихъ собирателей Русской Земли, и это дѣло казалося Полякамъ возможнымъ.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ родился будущій король, которому было суждено, получивъ корону изъ кровавыхъ рукъ атамана запорожской вольницы, бороться во главѣ Шляхетскаго Народа съ тѣми классами населенія Польши, которые не принадлежали къ государственнымъ сословіямъ!

Іезуиты занялись воспитаніемъ Яна Казимира, на всякій случай, весьма старательно. Слабое здоровье королевича не позволяло имъ вооружать его умъ научными знаніями. Они работали почти исключи-

тельно надъ религіозностью бѣднаго мальчика, такъ что въ юномъ возрастѣ онъ уже обнаруживалъ „искусство въ богословскихъ тонкостяхъ“. О Сигизмундѣ III говорили, что онъ былъ іезуитскимъ *терциоломъ*, то есть принадлежалъ къ ордену, котораго цѣлью было истребленіе еретиковъ. Дѣйствительно, въ его царствованіе іезуиты были въ Польшѣ силою, овладѣвшіе не только должностями, но и всѣми общественными дѣлами, а королевскіе проповѣдники и духовники часто давали направленіе важнѣйшимъ государственнымъ интересамъ. Видя всеобщее въ нимъ почтеніе, малолѣтній королевичъ смотрѣлъ на нихъ съ богомольнымъ благоговѣніемъ, какъ на пророковъ.

Инь Казимиръ до такой степени былъ подавленъ господствовавшею при королевскомъ дворѣ святостью, что, будучи 23-лѣтнимъ юношею, не имѣлъ права бесѣдовать съ кѣмъ бы то ни было безъ свидѣтелей, а людей стороннихъ не допускали къ нему вовсе, — и, однакъ, въ наукѣ пользованья запретнымъ плодомъ отнюдь не остался профаномъ. Сдѣлавшись наконецъ господиномъ своей воли, по смерти родителей, продолжалъ онъ вести праздную жизнь, на которую была осуждена юность его. Природа, наслѣдованная имъ отъ безпощадныхъ Норманновъ Вазъ, находила удовлетвореніе только въ томъ, что ее возбуждало. Притворная и мертвенная святость осталась ни при чемъ: она у Яна Казимира сдѣлалась только ширмами для всего скандальнаго, какъ это водилось въ іезуитской Польшѣ силою да рядомъ.

Поляки, выплесывая нодъ іезуитскую дудку передъ Европой пляску политическаго величія и религіознаго героизма, дѣлали изъ Яна Казимира воина и патріота; но теперь, изучивъ закулисную сторону былаго, выработали такое мнѣніе о своемъ королѣ, возведенномъ на престолъ коварнымъ возакомъ:

„Слабый умомъ и лѣнивый отъ природы, онъ, послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ бездѣйствія и удаленія отъ людей, посвящалъ недѣли на религіозныя упражненія (*ćwiczenia religijne*) въ видѣ дѣятельности, и становился ко всему равнодушнѣ, что занимало его въ праздности, а потомъ дѣлалъ такой шагъ, котораго никто бы отъ него не ожидалъ. Онъ былъ способенъ рисковать жизнью, короною, родомъ своимъ и даже вѣрою, когда они ему надобдали“.

Маленькаго роста, тѣлесушный и хилый, лицомъ Инъ Казимиръ былъ безобразенъ. Нижняя челюсть выдавалась у него грубо впередъ; губы неприятно были вздуты, цвѣтъ лица — смуглый, а слѣды оспы еще больше дѣлали его безобразнымъ. Но іезуиты научили своего питомца тому, что, подъ испанскимъ названіемъ *grandeza*, считалось важнѣе всего важнаго въ человѣкѣ савоитомъ. Онъ строилъ цар-

ственную мину и, если хотѣлъ, то держалъ себя съ театральнымъ достоинствомъ.

Поляковъ ненавидѣлъ Янъ Казимиръ открыто, и этимъ—замѣчу мимоходомъ—свидѣтельствовалъ, что въ ихъ природѣ было много хорошаго; вѣлъ себя надменно, точно какой-нибудь Вальгельмъ Завоеватель, проводилъ время съ иностранцами и, по одеждѣ, самъ казался иностранцемъ.

Для того, чтобы Поляки, не извращенные до конца іезуитствомъ, отвѣчали своему королевичу ненавистью и презрѣніемъ, было достаточно одного: Янъ Казимиръ по цѣлымъ днямъ забавлялся карликами, собаками, обезьянами и птицами, а потомъ предавался грубому разврату, но при этомъ всегда возмалъ съ собой пять-шесть іезуитовъ, а въ передней у него ежедневно служили мессу, который самъ онъ никогда не слушалъ.

Все это рассказываетъ объ избранникѣ нашего Хмеля современная намъ польская историографія.

Еще больше долженъ былъ внушить презрѣнія людямъ достойнымъ королевичъ, когда, арестованный во Франціи, какъ испанскій шпионъ, выдалъ правительству особу, которая пыталась освободить его изъ заключенія, и написалъ къ мѣстному губернатору, что, въ награду за это, ожидаетъ смягченія тюремныхъ строгостей, а потомъ, будучи на свободѣ, дозволилъ выпустить въ свѣтъ книгу о своемъ арестѣ и тюремной жизни съ пропечатаніемъ въ ней нозорнаго письма къ губернатору *).

Почти двухлѣтнее пребываніе въ заточеніи и разстроеныя финансы привели Яна Казимира къ мысли о вступленіи въ орденъ іезуитовъ. Возненавидѣвъ Поляковъ еще больше за ихъ ненависть и скудость къ нему, отправился онъ въ Римъ и сдѣлался іезуитскимъ послушникомъ, отвергая всѣ почести, съ которыми принимали его въ монастырь, валяясь въ ногахъ у настоятеля и дѣлая изъ себя въ Римѣ всевозможныя выставки религіознаго уничиженія.

Іезуиты торжествовали, что „принцъ, насчитывавшій въ своемъ роду болѣе 50 королей, родственникъ первенствующихъ въ христіанствѣ монарховъ, родной братъ могущественнаго польскаго короля, предполагаемый наследникъ двухъ коронъ, — что такой принцъ, во цвѣтъ лѣтъ, оставляетъ смѣло всѣ радости и великости земныя, что-

*) Книга эта появилась черезъ три года по возвращеніи Яна Казимира въ Польшу, подъ заглавіемъ: *Serenissimi Johannis Casimiri P. S. Principis Career Gallicus. Gedani, 1644.*

бы обезпечить за собой царство небесное“; а смиренный послушникъ писалъ въ Польшу, что „избранную имъ жизнь можно сравнить только съ райскою, и ничто въ свѣтѣ, никакія багряницы и короны не въ силахъ отвлечь его отъ этого предпріятія“.

Владиславъ IV принималъ всевозможныя мѣры, чтобы возвратить брата въ міръ. Іезуитскій послушникъ отвѣчалъ ему, что „еслибы онъ сдѣлалъ такой недостойный шагъ“, то на всемъ ихъ роду „тяготѣло бы поворное пятно“, и по всему свѣту говорили бы, что „нашелся въ ихъ королевскомъ родствѣ такой, на котораго можно указывать пальцемъ и насмѣхаться итальянскою поговоркою *блѣмый монахъ, разстрига (fratre frattato)*“.

Но монастырская комедія кончилась освобожденіемъ Яна Казимира изъ монастыря посредствомъ выпрошенной имъ у папы кардинальской шляпы, а званіе кардинала сложилъ онъ съ себя для тайнаго исканія себѣ невѣсты у тѣхъ дворовъ, которые давали большіе приданого.

Несмотря на то, что, по польскому обычаю, его считали первымъ кандидатомъ на престолъ бездѣтнаго брата, съ нимъ обходились въ Польшѣ крайне презрительно, какъ за то, что я представилъ адѣсь со словъ самихъ Поляковъ, для освѣщенія лицъ и событій истиннымъ свѣтомъ, такъ и за многое другое, о чемъ нѣтъ надобности распространяться. Но примирило съ нимъ пановъ такое обстоятельство, которое не дѣлаетъ чести ни имъ самимъ, ни ихъ избраннику.

Еще во время сидѣнья Яна Казимира во французской тюрьмѣ, придворные Людовика XIII навязывали ему въ невѣсты принцессу Марію Гонзага. Невзвѣстно, что въ будущей супругѣ Владислава IV оттолкнуло королевича до такой степени, что онъ предпочелъ остаться узникомъ въ дынной и холодной камерѣ, подъ грубымъ прищотромъ тюремщиковъ. Теперь правители Польши сообразили, что содержать разомъ двухъ королей было бы для нихъ накладно, а Янъ Казимиръ увидѣлъ, что дорога къ престолу лежитъ ему только черезъ спальню вдовы брата,—и постыдная для обѣихъ сторонъ сдѣла состоялась.

Но несравненно большій стыдъ и срамъ покрылъ олигархическую республику въ томъ отношеніи, что на ея вѣсы, при взвѣшиваніи, быть или не быть іезуиту - разстригѣ королемъ, бросалъ свой мечъ, вѣрнѣе сказать—свой разбойничій ножъ, предводитель козакотатарской орды, и перевѣсилъ всѣ мнѣнія до такой степени въ пользу разстриги, что литовскій канцлеръ записалъ въ своемъ дневникѣ: „По всеобщемъ одобреніи, было принято избраніе, и мы единымъ ге-

лосомъ и единымъ сердцемъ колѣнопреклоненно воспѣли Те Deum“; а сеймовой дневникъ, на память потомству, изобразилъ такое зрѣлище: „...Его милость ксендзь примасъ, обнаживъ голову (detecto capite), что и всѣ сдѣлали, произнесъ: Согласно свободнымъ голосамъ (liberis suffragiis) вашихъ милостей, я именую избраннаго короля Яна Казимира, да царствуетъ многолѣтнѣйше и счастливѣйше (ut diutissime et felicissime vivat). Послѣ слова vivat всѣ съ невыразимою радостью кричали съ полчаса или болѣе vivat! vivat! vivat! Въ отвѣтъ на это грянули пушки, гранула армата выстроенныхъ въ полѣ войскъ. Радостныя восклицанія прошибали небо. Между тѣмъ, по старинному обычаю, преклонивъ колѣни на снѣгу, съ открытыми головами, пѣли: Тебе Бога хвалимъ. (Interim more antiquo ukłękawszy na śniegu, detectis capitibus Te Deum laudamus śpiewali)“.

Эта было возмездіе русскихъ судебъ за того бродягу, называемаго въ свое время бѣглымъ разстригою монахомъ, котораго польскіе паны признали истиннымъ царевичемъ и довели Москву до послѣдняго хваленія за него Бога „колѣнопреклоненно единымъ голосомъ и единымъ сердцемъ“. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ, фактъ избранія королемъ челоуѣка, въ сравненіи съ которымъ даже московскій Лжедмитрій былъ не совсѣмъ негодяемъ, — этотъ поразительный фактъ, подобно поднятому надъ Польшей факелу, вдругъ освѣтилъ множество подлыхъ лицъ, которыя, въ полумракѣ исторіи, казались лицами честныхъ людей.

Хмельницкій хвалился, что, еслибы паны выбрали другаго короля, тогда бы онъ пошелъ на Краковъ и далъ бы корону тому, кому захотѣлъ. Первымъ его привѣтствіемъ новоизбранному государю было адресованное еще къ „шведскому королю“ (какъ титуловали Яна Казимира) письмо, въ которомъ онъ предлагалъ себя ему въ услуги, еслибы какой сторонній король вздумалъ „спихнуть его съ престола“, а къ письму была приложена просьба къ сенаторамъ о помилованіи и примиреніи; еслибы же паны не пожелали мира, то Хмѣль объявлялъ, что будетъ искать его въ Варшавѣ, въ Краковѣ, въ Познани, а, пожалуй, и въ Данцигѣ: просьба, напоминающая легендарнаго гайдамаку, который убивалъ одного попа послѣ другаго, за то что они не находили *покуты* на его страшныя грѣхи.

Новый король прежде всего послалъ Хмельницкому такъ называемое повелѣніе, а въ сущности молящую просьбу — возвратиться въ Украину.

Хмельницкій повиновался королевскому повелѣнію безотлагательно. Не противъ короля, а посредствомъ короля, желалъ онъ воевать,

зная, что чѣмъ больше козаки станутъ поддерживать королевскую власть, тѣмъ невозвратнѣе раздѣлится на ся панское государство, сложившееся въ силу борьбы олигархическаго многоначалія — съ одной стороны — съ монархическимъ единоначаліемъ, а съ другой — съ охлократическимъ безначаліемъ.

Козацкіе вожаки шляхтичи — и всѣхъ больше Хмельницкій — не безъ пользы для себя провели время въ іезуитскихъ школахъ и въ томъ обществѣ, которое предоставило іезуитамъ заботу о народномъ просвѣщеніи. Іезуиты заставляли русскихъ людей изъ развалинъ православной Руси созидать могущества католической Польши. Окозачившіеся питомцы іезуитовъ заставляли природныхъ и дѣланныхъ Поляковъ разрушать католическую Польшу, какъ бы въ отместку за ея подкобы подъ православную Русь. Видя, что паны какъ нельзя больше способствуютъ ихъ замыслу, козаки въ дѣлѣ крушенія, составлявшемъ ихъ специальность, взяли на себя только самую дешевую роль, которую кобзари ихъ выразили въ слѣдующихъ словахъ:

Гей, друзі молодці,
 Братья козаки запордаці!
 Добре дбайте, барео гадайте,
 Изъ Ляхами пиво варити зачинайте:
 Ляцький солодъ, козацька вода,
 Ляцькі дрова, козацькі трудѣ.

На королевское повелѣніе Хмельницкій отвѣчалъ заискивающимъ и ласкательнымъ письмомъ, — стлалъ мягко, чтобы панамъ было снать жестоко. Въ отвѣтъ на это письмо, немедленно былъ отправленъ по слѣдамъ удаляющагося Тамерлана любезный ему всендзь Моврскій съ благодарственнымъ письмомъ, въ которомъ царственность новаго короля играла такую же несоотвѣтственную роль, какъ въ письмѣ удаляющагося Тамерлана — вѣрноподданство. Янъ Казимиръ обѣщалъ insignia, слѣдующія Запорожскому Войску, то есть булаву и знамя, на подтвержденіе старшинства, прислать вскорѣ, по примѣру своихъ предшественниковъ, не кому иному, а ему (Хмельницкому), точно какъ будто могъ и смѣлъ наименовать козацкимъ гетманомъ кого-нибудь другаго. Все кровавое и ужасное въ поступкахъ Запорожскаго Войска король обѣщалъ прикрыть милосердіемъ своего маестата и принять Запорожское Войско подъ непосредственную свою и Рѣчи Посполитой власть, чтобы оно не имѣло надъ собой много пановъ. Относительно просьбы Хмельницкаго объ уни король давалъ обѣщаніе удовлетворить козаковъ надлежащими средствами (służnemi środ-

кати), для чего въ свое время пришлетъ комиссаровъ на извѣстное мѣсто. Отъ Хмельницкаго требовалъ онъ, точно отъ кого путнаго, чтобы онъ отпустилъ Татаръ, усмирилъ чернь и ожидалъ въ Украинѣ королевскихъ комиссаровъ.

Эта транзакція побѣжденныхъ съ побѣдителемъ дошла до царскаго гонца, Кунакова, въ такомъ видѣ, что король послалъ Хмельницкому булаву и знамя безъ вѣдома Рѣчи Посполитой, „и за то де паны рада и вся Рѣчь Посполитая на короля приходили (съ) шумомъ и говорили королю: имъ де отъ Богдана Хмельницкаго и отъ Кривоноса и отъ Черкасъ разоренье и шкоды и крови розлитье многое, чего не бывало, какъ и Польское королевство почалось быть, а король де ихъ (Черкасъ) шануетъ, что пріятелей своихъ, тавихъ леберизантовъ“.

Долетая, въ свою очередь, до Хмельницкаго, такая молва ласкала его ухо пріятно. Въ ложномъ слухѣ, волновавшемъ Шляхетчину, высказывалась рознь, всѣянная козацкими каверзами между тѣхъ, которые воспѣли Те Деумъ единымъ голосомъ и единымъ сердцемъ, подъ давленіемъ побѣдителей.

Въ качествѣ королевскаго слуги и единомышленника, Хмельницкій издалъ универсалъ къ волынскимъ дворянамъ, въ которомъ увѣщевалъ ихъ не замышлять ничего противъ греческой вѣры и противъ своихъ подданныхъ, пропагандируя такимъ образомъ слухъ, что козаки воюютъ за угнетеніе православныхъ, а жить съ ними въ согласіи и содержать ихъ въ своей милости. Въ переводѣ на языкъ дѣйствительности, это значило, чтобы пастухи ладилъ съ волками, чтобы собственники были благосклонны къ хищникамъ. Могъ ли козакующій мужикъ мирно работать въ пользу землевладѣльца и довольствоваться установленною долею своего производства послѣ того, когда все панское добро принадлежало ему отъ Цыбульнича и Тясмина до Вислы и Западнаго Буга? Могъ ли землевладѣлецъ содержать въ милости мужиковъ, которые, по донесенію Кунакова, „у панскихъ жонъ у беременныхъ брюха распарывали и многое ругательство дѣлали“? Между тѣмъ не только кровавое мщеніе, но даже взысканіе за новыя злодѣянія и неистовства, по затверженной формулѣ козацкаго бунта, неизбежно должно было явиться, въ устахъ городской и сельской голоты, лясскимъ наступленіемъ на христіанскую вѣру и панскимъ свирѣпствомъ надъ подданными. Хмельницкій зналъ, что съ обѣихъ сторонъ поднимутся новыя вошпи, и заблаговременно объявлялъ себя сторонникомъ голоты. „А если, сохрани, Боже“, (писалъ онъ) „кто-нибудь упрямый и злой задумаетъ проливать христіанскую кровь и

мучить убогихъ людей, за, какъ скоро вѣсть объ этомъ дойдетъ до насъ,—виновный нарушитель мира и спокойствія, восстановленнаго его королевскою милостью, *доведезь Рѣчи Посполитую до погибели*“.

Увѣщательнымъ универсаломъ къ землевладѣльцамъ Хмельницкій давалъ окончательную программу дальнѣйшихъ дѣйствій. Она была изображена въ этомъ универсалѣ безвѣстно страдающею, а шляхта—фанатически свирѣпствующею. Война, въ видѣ разбоя, прекратилась только тамъ, гдѣ пановали одни мужики среди вѣхмыль остатковъ панскихъ домовъ и хозяйственныхъ построекъ. Гонимый низовымъ вѣтромъ, пожаръ дымился только тамъ, гдѣ уже нечему было горѣть. Но край, не претерпѣвшій еще полной руины, продолжалъ пылать пламенемъ и обливаться кровью. Подобно тому какъ, во время бѣдственнаго шествія Адама Киселя, съ оливковой вѣтвю мира къ Хмельницкому, свирѣпый хитрецъ дѣлалъ видъ, будто-бы даже не знаетъ о готовности безгосударнаго королевства къ миру,—теперь онъ сочинялъ новый актъ Ѳсовской комедіи передъ новооставленнымъ имъ же самимъ королемъ, его бессмысленнымъ оправдателемъ. Повторивъ надъ Вѣлоруссіей Наливайщину, Хмельницкій маловался на бѣлорусскихъ пановъ, что они своими жестокостями не даютъ ему успокоить православный народъ, упечь вровпрохлѣтѣе, примирить обоюдную вражду, и грозилъ Рѣчи Посполитой „погибелью“. После Пинска, Кобрина, Вресты, Быховъ, Попова Гора, Мозырь, Стародубъ, Мглинъ пылали одинъ за другимъ подъ диханіемъ низоваго дѣвпрѣвскаго вѣтра, который запорожцы, играя съ человѣческими сердцемъ звѣроби, называли *тихмизъ*:

Ой изъ нѣсу Дніпра тихий вѣтеръ не-повидае,
Війсью козацкае запорозьке въ похдѣ виступае.
Тяжко Богъ святий знае,
Що Хмельницькій думае-гадае.

Тихий вѣтеръ въ дикой позвѣн кобзарей былъ эмблемою модернизма волка къ его добычѣ, или поджигателя къ панскому добру. Не прекращающіеся пожары были вѣстниками новыхъ пожаровъ, новаго человѣкоустройства. Въ виду козацкаго вѣрнопоходства, король не зналъ, на которую погу ступить; но на которую бы ни ступилъ онъ, только *погибель Рѣчи Посполитой*, заповѣданная козацкимъ гетманомъ, могла кончить козацкіе счеты съ панамъ.

Тѣмъ по мнѣнію Янъ Казимиръ долженъ былъ дѣлать, что называется *bonne mine*. въ игрѣ, для которой годился менѣе каждаго изъ

своихъ руководителей,—и въ инструкціи на сеймахи передъ коронаціоннымъ сеймомъ разнеслись по государству зводкіи слова сочинителя инструкціи, Оссолинскаго,—что всемогущій Богъ дѣлаетъ королей намѣстниками своей власти; что новонабранный король приписываетъ свое возвышеніе, во первыхъ, десницѣ Najwyższego Pana, а потомъ—свободнымъ и единодушнымъ голосамъ избирателей, которые де оцѣнили, какъ благодѣянія и заслуги его королевскаго деда, такъ и собственные его любовь отечеству, труды и отважные подвиги.

Подъ отважными подвигами разумѣлось участіе въ походѣ подъ Смоленскъ. Король Владиславъ сдѣлалъ тогда вѣчно празднаго брата командиромъ пѣхотнаго полка, на вербованнаго за деньги Рѣчи Посполитой. Этотъ полкъ ограбилъ по пути нинское староство князя Альбрехта Радзивила, литовскаго канцлера. Радзивиль жаловался королю. Король выразилъ сочувствіе горю могущественнаго магната; но королевичъ обнаружилъ такую отвагу, что на жалобу Радзивила отвѣчалъ сурово: „Это сдѣлано по моему приказанію“. —Итакъ мы, взаимно раздраженные, расстались“, записалъ въ своемъ дневникѣ Радзивиль.

Больше никакихъ отважныхъ подвиговъ не совершилъ Янъ Казимиръ во внѣшнихъ и внутреннихъ войнахъ Рѣчи Посполитой. Но таково была безпомощность Шляхетскаго Народа въ борьбѣ съ Народомъ Козацкимъ, что теперь литовскій канцлеръ, тотъ же самый князь Альбрехтъ Станиславъ Радзивиль, писалъ въ своемъ дневникѣ: „Явное дѣло, что Божественное Провидѣніе, по своему милосердію, дало намъ этого короля“. И потомъ далѣе: „Янъ Казимиръ искренно призвался мнѣ, что всю свою надежду (относительно престола) полагалъ въ Богѣ и въ предстательствѣ Matki Przenajświętszej, которой чудотворный образъ въ Червенскѣ часто навѣшалъ онъ, отдавая подъ ея опеку судьбы своего избранія и своей жизни“.

Наставникъ покойнаго короля въ присягѣ словомъ, но не намѣреніемъ, понималъ Божіе милосердіе вовсе не такъ, какъ понимаетъ его Малорусскъ: „робѣ, небоже, до й Богъ помѣже“,—понималъ безъ всякой связи помощи Божіей съ заслугою, или съ покаяніемъ, сопровождаемымъ „плодомъ, достойнымъ покаянія“: религіозность пагубная!... Потомокъ литворусскихъ князей и предводитель католической партіи въ Польшѣ; Радзивиль отличался состраданіемъ къ людямъ бѣдствующимъ. Въ драгоцѣнномъ для историка дневникѣ своемъ онъ много разъ высказался въ пользу чернорабочаго и вообще убогаго класса, терпѣвшаго отъ панскихъ жоннеровъ и отъ самихъ пановъ. Ничто не отнесся къ Пилявецкому бѣгству съ большимъ прямоушіемъ, какъ онъ. По его словамъ, стоявшее подъ Пилявцами войско могло бы взять

самый Константинополь; а къ полководцамъ этого войска онъ пришлъ последицу: „войско оленей подъ начальствомъ льва лучше войска львовъ подъ начальствомъ олена“, — „Надъ нами“ (говорить онъ) „исполнилось слово, что одинъ гналъ тысячу, а два—десятою тысячъ. Но здѣсь бѣжали не отъ коло: ибо гордость, распутство, угнетеніе и мученіе убогихъ людей, вотъ тѣ, которые нападали на нихъ! Но его мѣшью, только милость Божія сохранила Шляхетскій Народъ отъ гибели, пріудержавъ изпріятеля. Онъ обвинялъ плавяцкихъ бѣгдцовъ не только въ безмысленной розни, но и въ томъ, что они предавались всякаго рода разврату, служу Венерѣ и Вахусу, — обвинялъ не только въ вѣрней беззаботности относительно добычя вѣстей, но и въ томъ, что, занявши бѣгство, таялись передъ войскомъ со своими оборонами. Наконецъ, въ полномъ собраніи сейма онъ объявилъ, что оставленные павами въ козацкихъ рукахъ воины „были нагружены нмуществомъ хлопскимъ, а потому хлопамъ и достали“. Тѣмъ не менѣе соглашался онъ съ войсковыми посланми, что и громадные войска, за свои грѣхи, подвергаются разсѣванію: ибо Господь мѣшаетъ совѣты ихъ; но что не надобно терять надежды: позаравъ одинъ разъ (за грѣхи), въ другой разъ онъ подастъ милосердную руку помощи (за что,—не сказано).

Въ этой клерикальной доктринѣ, діаметрально противоположной русскому „на Бога надѣйся, а самъ не плашай“, таятся неотвратимая причина паденія польскаго общества, а съ нимъ — и государства. „Убогіе люди“ могли плакать себѣ и „прошнать воцлани небо“ по-старому; по-старому пашевіе жолнеры, съ разрѣшенія такихъ вождей, какимъ былъ Ягъ Казимиръ, могли опустошать родной край непріятельски; по-старому поклонникъ богатства и наследственной знатности, въ родѣ Киселя, могли избирать оленей въ предводители львамъ, а эти львы — предаваться, въ виду непріятеля, Венерѣ да Вахусу вмѣсто служенія Марсу... Въ такомъ положеніи дѣлъ пускай только „Іезусовы брацшники“ да „особенные воцлани Найсвѣтцей Цявы“ непрестаннымъ каловіемъ Бога во Святой Троицѣ призовутъ на грѣшниковъ Его милосердіе, и всеблагій Господь, позаравъ грѣшниковъ одинъ разъ, въ другой разъ тѣмъ же несправивимымъ грѣшникамъ подастъ милосердно руку помощь.

Проникнутый насъкозь такую доктрину, потомокъ литворусскихъ православныхъ князей видѣлъ гривну общихъ бѣдствій не въ чемъ нномъ, какъ въ разновѣрн край, подобно многимъ такимъ же пабожнмымъ, такимъ же добрымъ и сострадагельнымъ людямъ. Онъ забывалъ, что край русскихъ предковъ его былъ когда-то единовѣрный и едине.

племенный, но въ него обманомъ и насиліемъ вошла чужая вѣра съ чужой національностью и назвала вѣру аборигеновъ схиною, а политическую національность — хлопствомъ. Онъ набивалъ и не хотѣлъ знать, что, воставая противъ религіозныхъ возвращеній пришельцевъ, многое множество передовыхъ русскихъ людей искали свѣта истинны въ нѣмецкомъ вѣроученіи и пали съ его мнимыхъ высотъ въ омутъ католичества, увеличивая собою массу прямыхъ отступниковъ древняго русскаго благочестія. Онъ смотрѣлъ клерикально на то, что и для поколебленныхъ, но остававшихся еще при своей предковской вѣрѣ, была изобрѣтена ловушка въ видѣ якобы спасительной уни. Игнорируя въ умѣ своемъ и въ совѣсти причины равновѣрія, государственной человѣкъ и своего рода мудрецъ горевалъ всей душой о его послѣдствіяхъ. Въ качествѣ ренегата предковщины своей, онъ смотрѣлъ на тѣхъ, которые оставались единовѣрцами предковъ своихъ, какъ на какихъ-то пришельцевъ, смѣшивалъ ихъ интересы съ кровавыми интересами людей, совершавшихъ свои злодѣянія подъ знаменемъ вѣры, и терялъ голову отъ того, что въ собственномъ роду его, въ роду князей Радзивиловъ, являлись такіе же враги пановъ-католиковъ подъ знаменемъ протестантовъ, наемни были козаки подъ знаменемъ православниковъ. На одномъ и томъ же листѣ дневника своего онъ описываетъ непріятельскія дѣянія иновѣрныхъ земляковъ своихъ, бѣлорусскихъ протестантовъ, и тутъ же изображаетъ другихъ земляковъ-иновѣрцевъ, украинскихъ православниковъ. Этотъ листокъ его дневника краткимъ своимъ разсказомъ проливаетъ свѣтъ на всю исторію римской политики, воспринятой Польшою.

„25 (15) ноября“ (пишетъ Радзивиль) „вѣдалъ я изъ Варшавы въ мое Гнѣвское староство. Наше литовское войско отвоевало у козаковъ, послѣ 14-дневной борьбы, Пивскъ. Ово надѣлало много вреда и опустошенія въ староствѣ, подѣ начальствомъ своего потаповника-еретика, региментаря Мирскаго. Сожжены тамъ іезуитскій костель съ коллегіумомъ и костель Св. Франциска; перебито 14.000 молодыхъ и старыхъ людей, души взяты великіе. Но жолнерская воляница не удовлетворилась и этишъ: она стояла 10 недѣль въ пиискомъ мѣстечкѣ Мотогѣ и угнетала поданныхъ ко-непріятельски, не щади ни людей, ни имущества; даже забирала жепщинъ въ неволю. Нельзя выразить, какъ обогатился жолнеръ, ограбивъ городъ и повѣтъ. А между тѣмъ (литовскій) гетманъ лежалъ въ Брестѣ, неизвѣстно чѣмъ хвораю, и хотъ я просилъ вывести оттуда войско, но ничего не выпросилъ; напротивъ, онъ расквартировалъ его и держалъ двѣ недѣли въ другомъ мѣстечкѣ, называющемся Нобель. Тамъ бѣднме подданные

отрадно; угнетены, а мой внучъ (литовскій гетманъ) отписалъ мнѣ, подшучивая надо мною, что жолнеру надобно зимой погрѣть руки, а на другое мое письмо не отвѣталъ вовсе. Италъ я, за мои грѣхи, и отъ козаковъ и отъ моего роднаго потерялъ великую шводу“.

Валѣдъ за тѣмъ добродѣтельный питомецъ іезуитовъ разсказываетъ какъ мелея серьезнѣе, что, тому назадъ нѣсколько лѣтъ, въ Галицкомъ Ярославѣ десятилѣтній ребенокъ необычайной набожности, умирая послѣ причастія, произнесъ вдохновенный ему свыше латинскій стихъ:

Quadragesimus octavus mirabilis annus *),

которымъ де предсказалъ неслыханное опустошеніе русскопольскихъ провинцій, причемъ (пишетъ Радивиль) изъ Бреста литовскаго одному доминиканцу козаки вытянули языкъ сквозь затылокъ. „Словомъ“ (продолжаетъ онъ), „они были такъ жестокосерды, что попадавшіе въ ихъ руки предпочитали быть отданными Татарамъ, которые угнали въ неволю множество народа. У одного меня взято 1.200 душъ, а по другимъ мѣстамъ погибло или уведено въ рабство съ милліонъ и больше людей“.

Несовмѣстимость противоположныхъ вѣръ подъ неуклоннымъ римскимъ режимомъ породила въ томъ же русскомъ обществѣ и забытыхъ съ младенчества католиковъ, и разнузданныхъ до отрицанія всѣхъ догматовъ христіанства протестантовъ. Подобно тому, какъ въ Бѣлоруссіи сѣтовалъ на земляковъ протестантовъ окатоличенный Радивиль, въ Землѣ Кіевской покрывалъ худую земляковъ-аріянъ окатоличенный Тишкевичъ, мужественный и добродѣтельный по-своему кіевскій воевода. Этотъ, какъ и литовскій канцлеръ, игнорировалъ гибельныя послѣдствія римскаго апостольства на Русь, и среди сеймоваго собранія вычитывалъ кіевскому подьоморію Немиричу, что Господь караетъ панскую республику за аріанство, „осквернившее нашу землю до крайности“.

Такъ вообще были несостоятельны въ своихъ сужденіяхъ о томъ, что было, что есть и что неминуемо должно послѣдовать, представители государства, которому козаки, въ своихъ татарскихъ инстинктахъ, завязались причинить такое разореніе, какое шляхта, съ ихъ участіемъ, причинила Государству Московскому. Чтобы русскій читатель приглядѣлся въ нимъ поближе и понялъ яснѣе, съ вѣмъ запорожскіе буй-

*) Сорокъ восьмой удивительный годъ.

туры имѣли дѣло, я возвращусь на избирательный сеймъ и представлю характеристическія черты его по польскимъ документамъ.

Когда любезный и вмѣстѣ отвратительный для насъ, честный по природѣ и подлый по воспитанію латовскій канцлеръ ѣхалъ въ Варшаву на избирательный сеймъ, его „проняло ужасомъ“, какъ и всѣхъ варшавянъ; вѣсть о Пилявецкомъ бѣгствѣ. Ужасъ этотъ былъ тѣмъ сильнѣе, что онъ, какъ и вся свободолюбивая шляхетская братія, совершивъ надъ Владиславомъ IV въ извѣстномъ смыслѣ царубійство, вовсе не сознавали, что они сдѣлали, и не были приготовлены къ послѣдовавшимъ отъ того Желтоводской, Корсунской и Пилявецкой катастрофамъ.

Маршалоу Посольской Избы избранъ былъ теперь землякъ нашъ Обуховичъ, мозырскій войскій, о которомъ князь Радивилъ пишетъ, что это былъ мужъ великаго ума и дивнаго дара слова, чего не написалъ онъ въ своемъ дневникѣ про демагога Станкевича. Еслибъ Обуховичъ руководилъ земскими послами въ роковые для Польши сеймы 1646 и 1647 годовъ, онъ могъ бы сохранить за Владиславомъ королевское достоинство, и спасти панскую республику отъ политическаго разложенія. Тогда бы ни иновѣрцы протестанты, ни иновѣрцы православные не губили народонаселенія Польши десятками и сотнями тысячъ, а имя Ляховъ и Поляковъ, которое наши предки усвоили себѣ въ лицѣ пановъ и шляхты, не сдѣлалось бы кличемъ ко всевозможному безчеловѣчію. Плохой король отстранилъ бы возако-татарское нашествіе лучше всѣхъ земскихъ пословъ и сенаторовъ.

Избирательный сеймъ, знаменитый не меньше царубійственнаго, открылся 6 октября (27 сентября) 1648 года, въ то время, когда Хмельницкій жарилъ въ огнѣ, душилъ въ дыму и топилъ въ крови уцѣлѣвшій отъ Батюевского Лихолѣтя городъ нашего князя Льва.

Болеславъ Лещинскій, носившій титулъ великопольскаго генерала *), въ пышной рѣчи припомнилъ цвѣтуція времена древняго Рима, и призналъ превосходство надъ нимъ государства Польскаго. По особенной милости Божіей (говорилъ ораторъ избраннаго народа) „Польша преимущественно передъ всѣми народами дана та привилегія, что цари царствуютъ здѣсь по нашей волѣ (per nos reges regnant)... Польша избираетъ себѣ государя безпримѣрно: въ ней столько избя-

*) Генераломъ назывался старшій возный (wozny general). Назывались генералами и нѣкоторые старосты съ особенными правами по присвоеннымъ имъ староствамъ.

рагелей, столько шляхты, столько *субфраній*, сколько свободныхъ голосовъ“, и т. д.

Первымъ заявленіемъ сеймиковъ было, чтобы военные люди, состоящие на службѣ Рѣчи Посполитой, не участвовали въ избраніи; вторымъ—чтобы казнить смертью полководцевъ, еслибы оказалось, что они были причиною Пилявецкаго бѣгства. Это послѣднее заявленіе, повторенное въ 4-мъ засѣданіи, сопровождалось крикомъ владычествующаго народа (*e dominantibus populis*): „Не станемъ ихъ выслушивать! Надобно было не уходить! Не слушать ихъ, а судить, какъ дезертировъ (*jako desertores castrorum*)!“

Коронный референдарій требовалъ, чтобы „панскіе поля“ не стояли близъ „конгресса“, въ избѣжавшіе замѣшательства, и чтобы сеймовые манья въ составѣ своей пѣхоты и конницы не держали „Руссаковъ-вѣроломцевъ“. Одинъ изъ земскихъ пословъ совѣтовалъ, чтобы подскарбин тотчасъ отобрали у иностранцевъ и не шляхтичей, навъ духовныхъ, такъ свѣтскіа добра, и чтобы тотчасъ карали тѣхъ, которые были причиною козацкой войны. Литовскій панцлеръ отвѣчалъ, что духовныхъ имущества нельзя отбирать, не подвергаясь *эксклюзии*, а надлежало бы искать судомъ; о диктаторахъ же козацкой войны надобно было бы сдѣлать *максимизмъ*, а потомъ *экзекюцію*.

Въ 4-мъ засѣданіи (9 октября), одинъ изъ сенаторовъ, участвовавшихъ въ Пилявецкомъ походѣ, предложилъ, какъ средство къ спасенію отечества“, утвердить князя Вишневецкаго въ званіи гетмана, потому что его любятъ жолнеры (*do którego żołnierz ma wielkie serce*). Но владычествующему народу „не нравилось, что жолнеры избрали себѣ вождя“: онъ боялся диктатуры до такой степени, что даже на одну рѣчь Киселя смотрѣлъ, какъ на гелосъ повелительный и диктаторскій. (*vocein imperiosam et dictatoriam*). Тѣмъ же вѣнѣ панцлеръ Лещинскій, въ 5 засѣданіи (10 октября) предложилъ избрать главвономандующимъ князя Вишневецкаго, но не въ видѣ утвержденія (*non per approbationem*), а въ видѣ просьбы къ нему, и въ этому прибавилъ, что, такъ какъ онъ утратилъ почти все, то надобно ему помочь (*ratować go potrzeba*). Въ томъ же засѣданіи и мазовецкій воевода, Станиславъ Варшавскій, совѣтовалъ вѣрить войско тѣмъ, которые счастливо служили доселѣ, именно воеводѣ русскому, князю Вишневецкому, и воеводѣ кievскому, Тишвиновичу. Но правительствующая шляхта—выражусь по-малорусски—любь не дочувала.

Къ чести сеймовыхъ пановъ надо сказать, что между ними было много такихъ, которые цѣнили таланты князя Вишневецкаго и требовали, чтобы коругви короннаго ополченія стягивались къ нему.

Кузевскій бюшупъ, громозесный Гнѣшошъ, сдѣлался теперь почитателемъ покойнаго короля: на томъ основаніи, что Владиславъ съ большими похвалами о воинскихъ достоинствахъ белзскаго каптеляна, Андрея Фирлея, онъ совѣтовалъ сдѣлать его товарищемъ Вишневецкаго по гетманству.

Но тутъ выступилъ на сцену единовѣрецъ нашъ, Адамъ Кисѣль, и заглѣлъ усмительную кѣсію свою, какъ будто для того, чтобы Хмельницкій подирался къ безголовымъ панамъ подь самый богъ съ пожемъ, а Вишневецкій, вмѣсто рѣшительной побѣды надъ разбойникомъ, только дразнилъ его до бѣшенства. Не смутясь волкостями, которыми встрѣтили его на сеймѣ за бѣсство въ-подъ Пилявцевъ. Кисѣль сдѣлалъ себя почти героемъ дня своими увѣреніями, что бѣжалъ съ полкомъ своимъ послѣдній. Тутъ началъ онъ пугать пановъ страшною силою Хмельницкаго, въ его соединеніи съ Татарами. „На одинъ новаръ на свѣтѣ не можетъ устоять противъ него“ (говорилъ Свѣтолицкій). „Мы потеряли все, онъ приобрѣлъ все (Muszę odpa- lić od wszystkiego, on przyszedł do wszystkiego). Когда выстрѣлятъ сотни нашихъ Нѣмцевъ, они убьютъ одного. Когда выстрѣлятъ сотни козаковъ, они панѣрное повьдутъ въ 50 человекъ. Огненный народъ! Численность его велика: панъ съ нимъ не совладать. Легче было совладать, пока не повторилась побѣда. Теперь на наши силы нѣтъ больше надежды. Это такой тиранъ, котораго надобно или терпѣть, или прогнать, или умиловать“ (три тезиса, напоминающіе гибельный совѣтъ панскаго Нестора и Улисса подь Пилявцами). Призражая польскую рѣчь макарошинами, которые ввели въ моду среди Поляковъ іезуиты, Кисѣль формулировалъ свои панне тезисы такъ: „Każy prawie tyran aut est implicite tollendus aut tolerandus; aut excludendus, aut placandus“. „Терпѣть“ (продолжалъ онъ), „это дѣло невыносимое и для Рѣчи Посполитой постыдное. Чтобы прогнать неприятеля, на это нѣтъ силъ у насъ. А умиловать его можно вотъ какимъ образомъ. Надобно какъ можно поскорѣе выбрать такого человека, который бы развѣдалъ: почему первая коммиссія была неэффективна? а тутъ козаки познаютъ короля, котораго всё-же боятся они, тогда какъ Рѣчь Посполитую презираютъ и ставятъ ни во что. Благоволиже, господа, вѣдать, что для этихъ мужиковъ маестатъ Республани (majestat Republicae) не существуетъ. А що воно Рѣчь Посполита? говорятъ они. Мы й самі Рѣчь Посполита, а вѣдь, отъ въ насъ панъ“!

Варшавскій каптелянъ, человекъ, очевидно, умный, но по имевъ панъ левѣйшій, вступалъ вѣсчастнымъ сошникомъ, что Кисѣль

селя скорѣе можно назвать шпіономъ Хмельницкаго, нежели защитникомъ отечества. И въ самомъ дѣлѣ, безъ этого Русина, котораго справедливо считали орудіемъ кары Господней, какъ и самого Хмельницкаго, у Поляковъ оказалось еще столько здраваго смысла, чтобы въ инструкціи передъ коронаціоннымъ сеймомъ поставить себѣ три спасительныя пункта: 1) уплатить жолнеру заслуженный жолдъ; 2) разлучить язычниковъ съ бунтовщиками; 3) заключить съ Москвою оборонительный союзъ.

Но „словѣтъ, посредствомъ котораго покаралъ ихъ Рап Вѳг“, сдѣлалъ эти мѣры не дѣйствительными заблаговременно. Литовскій канцлеръ говоритъ, что Кисель ненавидѣлъ князя Вишневецкаго. Онъ и долженъ былъ ненавидѣть война и патріота, въ глазахъ котораго его таланты были глупостью, его миротворные подвиги — трусливостью; а ненависть, онъ всячески противоудѣствовалъ фельдмаршалству того, кто его любовь къ отечеству лишилъ бы вождѣннаго памятника. Гетманская булава очутилась на время въ рукахъ, ея достойныхъ, только тогда, когда Кисель, въ своемъ, какъ онъ жаловался, „кальчествѣ“ (то есть подагрѣ) бѣжалъ (по его словамъ), не зная куда, потерявши всѣ свои худобы (владѣнія) и не имѣя пигдѣ угла, а въ обозѣ липась и послѣдняго имущества. Теперь ему надобно было такъ или иначе „вырвать у Геркулеса палицу“, — и Кисель, вопреки античной пословицѣ, совершилъ этотъ подвигъ, приспѣшивъ избраніе короля и затормазивъ избраніе гетмана. Неспособный же въ своему дѣлу король помогъ бессмысленному миротворцу, и доказалъ, какъ демонски уменъ былъ губитель Шляхетскаго Народа, бросая на сеймовые вѣсы свой мечъ въ пользу его избранія.

Въ 6 засѣданіи (12 октября) опять былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ собрать разсѣянное войско, какъ создать артиллерію. По мнѣнію нѣкоторыхъ, всего лучше было бы вѣрить это дѣло князю Вишневецкому, „чтобъ орудовала всѣмъ одна голова“. Но другіе заняли вниманіе законодателей болѣе важнымъ для нихъ предметомъ, чтобы не осуждали князя Заславскаго, не выслушавъ дѣла (*zeby go nie kondemnowano inaudita causa*).

Для спасенія отечества, сеймующіе паны дѣлали разныя пожертвованія, кто деньгами, кто вооруженными людьми. Канцлеръ Оссолипскій проповѣдывалъ весьма разумно, что кто желаетъ подавать полезныя совѣты въ Республикѣ (*кто chce salubre dać consilia in Republica*), тому необходимо знать настоящее положеніе Республикы и положеніе непріятеля. Послѣ того исчислялъ онъ опаснѣйшіе случаи въ прошедшемъ и указалъ на 1621 годъ, когда, послѣ Цецорской катастрофы,

краковскій воевода, Янъ Тенчинскій, пособилъ общей бѣдѣ. Такъ и теперь совѣтовалъ Оссолинскій послать кого-нибудь изъ боевой шляхты съ какимъ-нибудь полкомъ для развѣдокъ о положеніи непріятеля. Въ составъ полка предлагалъ онъ собственную ассистенцію въ числѣ 600 жолнеровъ. „Но это были только слова“ (замѣтилъ грустно въ своемъ дневникѣ князь Радзивилъ): „ничто не было приведено въ исполненіе“.

Всѣ надежды лучшихъ людей (которыхъ печальный удѣлъ составляетъ ихъ всегдашнее меньшинство), людей, возбуждавшихъ самодѣятельность въ обществѣ, на мѣсто малодушныхъ упованій да ожиданій, — всѣ ихъ надежды рушились избравіемъ таковаго короля, какой былъ нуженъ Хмельницкому.

Въ томъ же засѣданіи одинъ изъ земскихъ пословъ жаловался на Киселя, что на конвокаціи онъ обѣщаль — или умиротворить непріятеля, или положить свою душу. „Ничего этого не видимъ“ (говорилъ представитель здраваго смысла общественнаго): „напротивъ, изъ совѣта умолять Хмельницкаго мы видимъ, что онъ держитъ его сторону. Никогда мы этого не сдѣлаемъ: только Бога мы должны молить о грѣхахъ нашихъ“.

Но Кисель опирался на мнѣнія тѣхъ, которые подразумевались въ рѣчи одного изъ сеймовиковъ подъ словами: „всѣ мы находимся въ летаргическомъ снѣ“, — на тѣхъ, кого разумѣлъ князь Радзивилъ, когда писалъ въ своемъ дневникѣ: „почти всѣ намѣревались бѣжать изъ Варшавы“, да на тѣхъ, о которыхъ написалъ онъ по окончаніи сейма: „Такая была констернація въ Варшавѣ, что когда бы появилса хоть одинъ козацкій полкъ, то навѣрное всѣ бы мы разсинались“. Кисель говорилъ такъ убѣдительно для *своихъ* слушателей, что въ сеймовомъ дневникѣ записаю: „Панъ воевода брацлавскій оправдалъ себя (dał o sobie justifikacyę)“.

Въ 7 засѣданіи (13 октября) „великопольскій генералъ“ объявилъ, что, судя по реляціи комиссаровъ, онъ пришелъ къ заключенію (*te biore z niej quintam essentiam*), что Господь Богъ не далъ военачальникамъ ни ума, ни мужества (*Pan Bóg gady nie dał i serca*). Теперь приводило его въ отчаяніе то обстоятельство, что въ Варшавѣ не знали о непріятелѣ ничего вѣрнаго. А это значило (замѣчу отъ себя), что козаки превосходили шляхту и умѣемъ вывѣдывать ея тайны, и способностью скрывать свои собственныя; что козація чѣты были несравненно смѣлѣе и некусиѣ панскихъ; что онѣ театр свой разбойно-военныхъ дѣйствій окружали непроходимую для панскихъ подѣлъ

днѣ цѣлю, какъ это было и на Желтыхъ Водахъ, и послѣ Желтоводскаго боя.

„Вы согласились вчера“ (говорилъ намъ Богуславъ Лещинскій, раскрывая передъ нами всю несостоятельность панскаго правительства), — „вы согласились послать подѣздъ подъ неприятеля, да бѣда въ томъ, что денегъ нѣтъ. Панъ подскарбій уѣхалъ, не оставивъ никого въ Скарбѣ, а на общественный кредитъ (ad fidem publicam) никто не даетъ. Ужъ не сложатся ли намъ хоть по сотнѣ злотыхъ“?..

Это было знаменитое засѣданіе въ томъ отношеніи, что, не имѣя ни денегъ, ни кредита, сеймовые паны пришли къ единодушному рѣшенію: „отдать булаву надъ войскомъ князю Вишневецкому“. Такъ записалъ въ своемъ дневникѣ литовскій канцлеръ; и въ сеймовомъ дневникѣ читаемъ: „Его милость всендѣ приметъ опубликовать Князя Іеремію гетманомъ“.

То былъ великій моментъ въ жизни Шляхетскаго Народа. Князь Вишневецкій, рожденный для диктатуры или для самодержавной власти, создалъ бы этому несчастному народу и кредитъ, и войско. Судьба Народа Козацкаго была бы тогда другая, а съ нею и судьба европейскаго Сѣвера, — другая въ лучшемъ, или въ худшемъ смыслѣ, но только не было бы такого человѣкоистребленія и такого вѣрства, съ каковымъ оно совершалось этими двумя оригинальными республиками въ теченіе 120 послѣдующихъ лѣтъ.

Спасеніе польсворусскихъ культурниковъ, каковы бы они ни были, представлялось возможнымъ, и многія благородныя сердца трепетали радостными надеждами. Но Кисель (иметь литовскій канцлеръ) ненавидѣлъ князя Вишневецкаго, и хотѣлъ разрушить общее согласіе, говоря: „Я, яко сенаторъ, по долгу моеѣ присяги, обязанъ предостеречь Рѣчь Посполитую, что ея избрала гетманомъ только одна тысяча жолнеровъ. Если это избраніе будетъ утверждено, то всѣ будутъ очень обижены (wielkie wszyskimъ strasie się praejudicium). Притомъ же намъ гораздо нужнѣе избрать короля, нежели гетмана, такъ какъ, при недостаткѣ войска“... Но тутъ поднялся крикъ и заглушилъ его рѣчь. Киселя забросали сарказмами (namiebnie szczurіęc wojewodę braciawskiego), и тѣмъ засѣданіе кончилось.

На другой день, въ засѣданіи 8 (14 октября), было получено письмо князя Вишневецкаго о томъ, что, не желая быть затннутымъ во Львовѣ, онъ отступилъ съ горстью своего войска въ Замостье, и намѣренъ тамъ собирать войско. Это произвело нѣкоторое движеніе въ средѣ польскихъ законодателей; но, по словамъ сеймоваго дневника, время проходило въ бесполезныхъ толкахъ, „матерію клали на

матерію“, и не приходили ни къ какому концу. (Въ Варшавѣ не было другой Катерины Слонѣвской, а она прославилась бы своей полъ несравненно больше первой). Наконецъ остановились на вопросѣ: которыя хоругви преступилѣ: тѣ ли, которыя бѣжали съ поля битвы, или тѣ, которыя до сихъ поръ не двигались изъ своихъ *лежъ* и угнетаютъ мѣстныхъ жителей? Но отъ этого предмета отвлекъ ихъ крикъ, что паны грузятъ уже возы да шкуны, съ тѣмъ чтобъ уходить изъ Варшавы, предавши прочихъ на мясныя лавки (*na mięsne jatki wydawszy*). „Клянусь Богомъ“ (кричалъ одинъ изъ земскихъ пословъ), „мы съ братьей перебьемъ ихъ за это!“ Со стороны другихъ пословъ раздались крики противъ ротмистровъ, которые, получивъ отъ Рѣчи Посполитой деньги, не идутъ въ войско, а люди ихъ тутъ же, подъ Варшавой, грабятъ, дерутъ, разбойничаютъ. „Не для того ли они стоятъ здѣсь“ (говорили послы), „чтобы свободную шляхту лишити свободныхъ голосовъ при избраніи короля? Но сперва мы положимъ кого-нибудь труномъ, или ляжемъ сами, нежели позволимъ отнять у себя драгоценное право“.

Крикъ этотъ былъ прерванъ извѣстіемъ, что Хмельницкій прислалъ подъ Люблинъ Татаръ, чтобъ они, выжегши окрестности, держали городъ въ блокадѣ, пока самъ онъ придетъ съ войскомъ.

Заговорили о посполитомъ рушеніи. Нѣкоторые исключали изъ него свои провинціи, яко подверженныя великой опасности. Это заставило пановъ корить своихъ собратій стариною. „Тогда де было не такъ: тогда польскій шляхтичъ одной рукой держался за плугъ, а другой за саблю. Теперь шляхетское сословіе занимается больше браками, нежели походами“. Одни настаивали на посполитомъ рушеніи; другіе предлагали уплатить соотвѣтственный налогъ. Мазуры требовали, чтобъ всѣ шли въ походъ одновременно: „ато вы сперва выгубите насъ, людей убогихъ, да и заслонитесь нами (выставляя насъ впередъ) отъ неприятеля. Не позволимъ! не бывать этому“!

Въ 9 засѣданіи (15 октября) читали универсалъ, повелѣвающій, чтобъ и разбѣжавшіеся и не дошедшіе еще до лагеря собрались къ Вишневецкому въ теченіе 14 дней, подъ смертною казнью (*sub poena perduellionis et colli*). Одинъ изъ земскихъ пословъ предложилъ написать универсалъ къ мужикамъ, обѣщающій имъ безопасность, только бы они не приставали къ козакамъ: ибо нѣкоторые (говорилъ онъ) пошли въ козаки изъ-за того, что жолнеры не только грабили ихъ, но и страдали вырубити всѣхъ въ пень, идучи назадъ.

Это напоминаетъ намъ давнишнія страданья малорусской черни съ одной стороны отъ козаковъ, съ другой—отъ жолнеровъ. Польская

неурядица сама собою вела посполитый народъ къ козачинѣ. Населеніе государства, стоявшаго, по польской пословицѣ, *bezgrzede* *), само собою раскалывалось на козаковъ и не-козаковъ. Со времени великаго и несчастнаго въ своей великости Жовневскаго, не только мужики, угнетаемые жолнерами да козаками, умножали собою козачину, но и жолнеры, не получивъ заслуженнаго жолду, „проставали въ козакѣ“. Теперь готовился новый контингентъ козачины: тысячъ двадцать малорусской шляхты, оставшіеся безземельниками и не находя въ польско литовскомъ обществѣ никакого вспоможенія, угрожали присоединиться къ козакамъ, какъ это дѣлали давно уже землевладельцы всѣхъ вѣрнопровѣдавій, вытѣсняемые изъ имѣній своихъ богатыми есендзани, да мнѣхами. Объ этомъ, какъ увидимъ ниже, подумывалъ вслухъ на сеймѣ и самъ Кисель, а маршалъ Посольской Кабы, Обуховичъ, высказывалъ его мысль (въ засѣданіи 21 октября), но обинуясь.

Разореніе и распаденіе Польши объясняютъ у насъ геройскимъ стоаньемъ полутатаръ и полуполяковъ за православную вѣру и русскую народность, а Польша разорилась и распадалась уже давно сама собою. Доказательствомъ тому служить, между прочимъ, ея постоянная боязнь передъ собственными защитниками своими. Она боялась переходовъ своего *платнаго*, иначе *грошевого* (служившаго за жолдъ) жолвера; еще больше боялась *ciagnięcia* **) своихъ посполитаконъ, а еще больше—столкновенья жолдовыхъ воиновъ съ посполитами. Тамъ и настоящій сеймъ не рѣшался объявить посполитое рушеніе на козаковъ изъ опасенія, чтобъ окружающіе сеймующую Варшаву ганскіе гвардейцы, иначе *ассистенты*, возмущались вообще ганскими полями, на возвратномъ пути не сталкивались съ страдами посполитаконъ и не нападали на нихъ по поводу фуражировки, да обчичихъ польскимъ воинамъ грабежей, или же — не подвергались нападеніямъ съ ихъ стороны.

Эта боязнь парализовала оборонительную самостоятельность Шляхетскаго Народа въ то время, когда Народъ Козачій угрожалъ ему показать свою близость пожарными дымами да заревами. Сѣлся „горькимъ смѣломъ“ надъ своей братьей, медлящей въ вѣропріятіяхъ, одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія говорилъ такъ:

„Не знаю, господа, кто бѣжалъ: *тати*, или козакѣ? Мнѣ кажет-

*) Неурядицею.

**) Похода.

ся, что бояли, потому что мы ихъ не бояли. Это видно изъ того, что мы не думаемъ объ ихъ близости. Еслибъ мы ихъ боялись, то оставили бы — или воспользовались ружьемъ, или вербовали жалтера для обороны. Мы хотимъ одного, а вы, госнода, другася зватьте опасноти нѣтъ*.

Подъ шумъ безплодныхъ споровъ и пререканій, нашъ Адамъ Свѣтотльдиць хлопоталъ всего больше о томъ, какъ бы его любовь къ отчизнѣ не оставалась безъ наятника, или, какъ онъ выразился въ пещерѣ къ примасу (студитъ повторить слова великаго гражданина): „*Te moje wierna przysięga aby mi nikt nie wydzierał, i żeby abyśme poświęcenię pletatis mi ojeszuwać nie zostawała*“. Допустить, чтобы князь Геродія смась отечество — для него значило: остаться безъ награды за любовь къ отечеству. Надобно было ссадить его съ германства. Такъ нашъ, по словамъ князя Радзивила, за всякое посягательство на булаву Вишневецкаго шляхта всячески позорила Киселя, то онъ молчалъ о ней и, вмѣсто того, наотанвалъ на скорѣйшемъ избраніи короля, который могъ отдать се кому угодно.

Подобныхъ Киселю патриотовъ развелось въ свободномъ Шляхетскомъ Народѣ безъ числа. Въ 10 засѣданіи сейма (16 октября) нѣкоторые изъ его членовъ обвинили другихъ въ утайнѣ денегъ, полученныхъ на войско. Одинъ изъ обвиняемыхъ сенаторовъ, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ чановой честности, прибѣгнулъ къ доказательству жельзнымъ (*żelazne gęsy*): „Никто цетливый *) не смаетъ нѣ такъ. У меня при боку шпага острая: я вспомню объ этомъ въ свое время“. Но угроза храброго сенатора была сдѣлана не мѣнѣе храброму подсуду, и онъ отвѣчалъ: „У меня тоже острая сабля: дастъ она себя знать сенаторской глетвѣ (*ktdra się ujmie senatorskiej gęsy*). На это нашъ сенаторъ признавалъ благоразумнымъ замолчать.

Вѣсти о козакахъ, прилетѣвшія изъ Люблина, заставили даже миролюбиваго Киселя подумать о войнѣ. Онъ увѣрялъ, что неприятель стоитъ на мѣстѣ таборомъ, а вошесть пановъ гультайство, распущенное законами, и потому слѣдовало бы послать противъ этихъ законовъ „летучіе отряды, *squadrome volante*, какъ говорятъ Итальянцы“. Но это было *rimis desiderium*, Шляхта продолжала ссориться даже и тогда, когда получила вѣстие объ опасности, угрожавшей Савальскому монастырю-самку, въ которомъ окрестные паны сложили свою

*) Слово непереводимое: оно значить и добродѣтельный, и честный, и сознающій свое достоинство.

драгоценную драгоценность. Въ сеймовомъ дневникѣ записано, что въ теченіе дѣлаго дня не было рѣшено ничего, и что засѣданіе распущено въ безпорядкѣ и крикахъ (w nieładzie, hałasie soluta est sessio).

Въ 11 засѣданіи (17 октября) читали два новыя универсала: одинъ—въ разбѣяннымъ жолнерамъ (do żołnierzów rozproszonych), а другой—къ тѣмъ, которые еще не были въ лагерѣ, чтобы вернее собралась къ Вишневецкому въ теченіе 4 недѣль, а другіе—въ теченіе двухъ, подъ смертною казною. При этомъ литовскій канцлеръ, нашъ единствѣнный Гедесъ Михаилъ Тризна, „лицомъ образомъ: не согласился титуловать Вишневецкаго и его товарища Фирдоз гетманами, а только реиментарали, для того, что, когда литовскій гетманъ придетъ къ нимъ на помощь, то чтобы старшинство оставалось за нами: еще одинъ предметъ раздора!

Нѣкто Мисевскій объявилъ государственнымъ людямъ, съ подобоющею земскому послу важностью, что совѣты ихъ затрудняютъ русскія чары, не давая вѣйти имъ въ какому рѣшенію, и что лучшее средство противъ такихъ чаръ—братская искрення любовь, безъ которой до нани, въ дорскомъ самоуправствѣ своемъ, должны погибнуть (bez tej howiewa nam per. temerariam licentiam licet perire fate nostro).

Земляки наши, паны Огинскіе, приняли эти слова за камень брошенный въ ихъ огородъ, и подняли было крикъ, а тотъ началъ кричать противъ нихъ и вдвое. Но одинъ изъ ветерановъ московскихъ походовъ угамонилъ національный антагонизмъ, рассказавши, что когда онъ былъ въ осажденномъ сибирѣ въ московской столицѣ, то Москвитин хотѣли было посредствомъ чаръ выпустать своихъ въ городъ большими партіями. „Замѣтивъ это“ (говорилъ ветеранъ), „мы отиравили противъ чаръ всендза съ кропиломъ, а сами выносили Москвитин саблями“.

Эту серьезную бесѣду прервалъ коронный канцлеръ Оссолинскій. „Прекрасно вы сдѣлали, господа“ (сказалъ онъ), „что выбрали гетманомъ; но гетманы безъ войска ничего не значатъ, а войска у насъ только на бумагѣ, на дѣлѣ же у насъ больша желанія, нежели надеждъ (magis optandum, quam sperandum). Всякому понятно, что и оти бѣглецы (fugitivi) потеряли все: какъ могутъ они быть объявлены къ невозможному? Невозможно имъ служить за этого жолдъ, потому что за него нельзя снарадиться къ походу какъ слѣдуетъ, а мы оттолкнемъ (odstraszamy) отъ себя этимъ случаемъ всѣхъ иностранцевъ, если будемъ ихъ принуждать къ такой паншнѣ (gdym tak będącemu angarejowaci). Надобно разослать намъ по всеподаткамъ денута-

товъ, чтобъ узнали, сколько въ какомъ воеводствѣ денегъ, и тогда назначили жолнерамъ жолдъ вѣрный и соотвѣтственный“.

При этомъ „великопольскій генералъ“ замѣтилъ панамъ, что они избрали гетмановъ безъ войска, а войско хотять набрать безъ денегъ, и умолялъ, чтобъ депутаты были назначены по всемъ предметамъ и прежде всего добыли денегъ.

Когда сеймовики углубились въ мудреный вопросъ, какъ выйти изъ безденежья, нѣкто Бжозовскій (очевидно, Березовскій) присказалъ верхомъ и предсталъ предъ нихъ въ бандолетовой перевязи и въ ладуни, съ реляціей о пораженіи литовскаго войска и паденіи Бреста и Кобринга. Онъ донесъ, что панъ Кіевскій (то-есть кіевскій канцелярь) отдалъ свои вещи на спрятать монахамъ, и что поэтому козаки вырѣзали два города, а теперъ идутъ къ Бѣльску, и всѣ мужики съ ними. Брестскіе хлобы (говорилъ Бжозовскій) также повасаживали себя косы.

„Это вызвало свистъ и смѣхъ“ (сказано въ сеймовомъ дневникѣ), „и никто не далъ тому вѣры, хотя все была правда“.

Среди помѣшанныхъ на своей силѣ и власти сеймовиковъ, даже нашъ Адамъ Свѣнталдичъ явился мудрецомъ. Онъ произнесъ такую рѣчь:

„Господа, вы повелѣваете собраться войску въ 14 дней; но и это долгій срокъ: ибо войны зависятъ отъ момента (*belli momentis constant*). Другимъ вы назначаете 4 недѣльный срокъ; но они не придутъ и въ 10 недѣль. По воеводствамъ деньги невѣрны. О посполитомъ ршеніи ничего не ршено, а оно-то и могло бы спасти насъ. Поэтому, если *Ran Bóg* не остановитъ непріятеля, то мы неизбежно погибнемъ (*actum est, regimus*)! А между тѣмъ гдѣ прикажете намъ, убогимъ, приклонить голову? Невозможное дѣло, чтобы вы могли выкурить такъ скоро непріятеля изъ тамошнихъ нашихъ краевъ. Поэтому—или насъ обезпечьте и дайте намъ содержаніе, или велите намъ промышлять о себѣ иначе (*radzić o sobie*). Помочь намъ въ нуждѣ вы—или не хотите, или не можете. Если не хотите потому, что не заслуживаемъ того за нашу доблесть (*non mereamus pro virtute nostra*) у вашихъ милостей,—потому что соблюли вѣрность, то чего же намъ наконецъ надѣяться? (*quid tandem sperandum nobis*)? Если не можете, то — мы погибнемъ. Сдѣлайте же еще попытку: пошлите къ Хмельницкому отъ имени королевичей: ибо, какъ нужда ломаетъ законъ и достоинство Республлки, такъ и случаи творятъ законы (*jako necessitas frangit legem et dignitatem Reipublicae, tak casus faciem leges*): иначе—и самую элекцію, эту зѣницу свободы (*hanc pupillam*

libertatis), основаніе и фундаментъ нашей вольности (basim et fundamentum swobody naszej), погубите вы вмѣстѣ съ собою. Боюсь, чтобы тѣ, которыхъ силу подавляетъ убожество (których moc premitur egestate), не вздумали, въ своей бѣдѣ, покуситься на что-нибудь горшее, чѣмъ Хмельницкій (czego gorszego nie chcieli, niż Chmielnicki). А потому—или сокращайте элекцію, чтобы вмѣстѣ съ королемъ явились и всякіе способы и легче все пошло, или ужъ, опустивши руки, будемъ ожидать милосердія Божія, или же, наконецъ, побросавъ сады да фонтаны и взявшись за руки, давайте погибнемъ всѣ разомъ! Это лучше, нежели бѣжать въ Данцигъ. Скажу вамъ откровенно, господа, что если вы хотите оставить себѣ только Привислящину (Prowisłe) и нашею гибелью купить себѣ миръ, то намъ лучше убить себя съ вами (tedy się wolimy zabijać z w Mściami). И такъ—или выбирайте короля, или хлопайте о миръ.

Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела эта лукаво прямодупная рѣчь; но въ сеймовомъ дневникѣ записано слѣдующее:

„Луцкій бискупъ (Андрей Гембицкій), не желая дать 10.000 червонныхъ злотыхъ, плакалъ, и папъ маршалъ, изъ сожалѣнія къ нему (zalujać biskupa straty swego), записалъ въ реестрѣ эти деньги полученными. Папъ Фредро (львовскій каштеляпъ, писатель-философъ) корилъ пановъ, что въ прежнія вербовки, которыя дѣлались на притѣненіе нашихъ вольностей, бросали золотую посуду на деньги, а теперь ваши милости, паны сенаторы, даете такія малыя вспоможенія погибающему отечеству, что весь Сепать едва сложился на 1.000 человекъ. Клянусь Богомъ, я продаю послѣднее имущество; пускай только мнѣ за него заплатятъ, не привоснусь къ деньгамъ, лишь бы спасти отечество. Вы, господа сенаторы, дадите строгій отчетъ Богу за то, что не спасаете отчизны. Вчера я предлагалъ набрать пѣхоту въ городахъ,—никто не слушалъ меня. Просилъ ихъ милостей пановъ печатарей, чтобы приватно, собственнымъ авторитетомъ, убѣждали королевичей мириться въ соисканіи престола (aby się godzili o państwo),—и на это отвѣчали молчаніемъ“... Коронный канцлеръ говорилъ, что когда до насъ доходятъ печальныя вѣсти, это насъ такъ поражаетъ, что мы тотчасъ все даемъ и все бьемъ; а когда выйдемъ изъ-подъ сеймоваго навѣса (z szory), тотчасъ забываемъ обо всемъ и думаемъ только о добромъ здоровьѣ *вашности*. Первый разгромъ обоза такъ насъ потрясъ и воодушевилъ, что только и кричали, что *бей его! рази его!* Я думалъ, что ужъ и Крымъ, и Константинополь возьмемъ чѣтою. Прошло нѣсколько дней,—и наше одушевленіе исчезло безъ слѣда (aż owa ochota zgasła w nas, ani jej słysząc, cis-

nas w nas było). Теперь опять новая тревога разбудила въ насъ любовь къ Рѣчи Посполитой, а тамъ за бокалами смотри—опять забудемъ все. Чтò же насъ испортило? Миръ, продолжительный миръ, въ которомъ научились мы, какъ сказалъ кто-то, по-нѣмецки хозяйничать, по-итальянски фонтанничать, по-французски модничать и ароматничать. А насъ и предковъ нашихъ Господь Богъ поставилъ, какъ редутъ и предостѣнне всего Христіанства (*jako propugnaculum totius Christianitatis, jako antemurale wszystkiego Chrześcijaństwa*)^a.

Въ 12 засѣданіи (19 октября) гродзкій писарь внесъ законопроектъ, чтобы никому изъ отцовъ отчества не дозволялось ни самому спускаться внизъ по Вислѣ въ Данцигъ, ни скарбовъ и вещей не возить.

Кисѣль жаловался передъ сеймомъ на крайнее убожество малорусскихъ землевладѣльцевъ, разоренныхъ козаками. „Здѣсь насъ такихъ“ (говорилъ онъ) „plus minus 20.000. Жить намъ нечѣмъ, просить милостыни не у кого. Когда наши братья такъ туги на ухо (*obdurate aures braterskie*), то единственное средство—сохранить срокъ *елекци* и да выбрать поскорѣе короля: тогда и отечество спасемъ, и положеніе шляхты возстановимъ. Если же ваши милости остантеся и впредъ жестокосердыми къ намъ, то придется намъ промышлять о самихъ себѣ“^a...

Но тутъ собраніе вспомнило вчерашнія слова оратора: „Боюсь, чтобы тѣ, которые слабосильны только потому, что убоги, не покусились на что-нибудь горшее, чѣмъ Хмельницкій“,—и закричали: „*Et imperiosa vox et dictatoria!*“

„Нѣтъ, господа!“ (отвѣчалъ Кисѣль): „это не *vox imperiosa*, а *vox lacrymosa* *). У насъ ничего не осталось, кромѣ имени да голоса титула. Если нельзя ничѣмъ помочь намъ, то, спасаясь отъ гибели, мы будемъ принуждены какимъ бы то ни было способомъ возвратитъ себѣ древнюю свободу и прежніе достатки (*quibuscunque mediis antiquam libertatem i pierwsze dostatki nasze vindicare*)“^a.

Видя, что никто ничего не дѣлаетъ и всѣ только безконечно говорятъ, спорять, взаимно грозятъ, „великопольскій генералъ“ выразилъ опасеніе, чтобы сеймующіе паны не разсѣялись, подобно плявцекому войску, при появленіи непріятельской чѣты. Предупредить подобную катастрофу находилъ онъ возможнымъ только соединеніемъ сенаторскихъ почтовъ подъ начальствомъ „великихъ кавалеровъ“, витеб-

*) Не повелительный голосъ, а плачевный.

скаго воеводы, Павла Сопіги, и литовскаго обознаго, Осинскаго. Безъ нашихъ Русичей, крещенныхъ или еще некрещенныхъ въ римское католичество и въ протестующую противъ него нѣмецкую вѣру, Польша не видѣла себѣ спасенія. Наши Русичи, Острожскіе, Радивилы, Сопіги, Вишневецкіе, Сангушки, Черторыйскіе и пр. и пр., обогатили ее своей обширной плодородной землей. Наши Русичи, Замошскіе, Жовковскіе, Сѣнявскіе, Мелецкіе, Струси, Лжикоронскіе, Збаражскіе, Зборовскіе и пр. и пр. и пр. обороняли и прославляли ее. Наши Русичи Бѣльскіе, Кохановскіе, Рем создали польскую литературу. Наши же Русичи, поссорясь одни съ другими удѣльно-вѣчевымъ обычаемъ, втоптали въ грязь, облили кровью, растерзали въ клочки соединительное польское знамя, и погубили Польшу, какъ неспособную къ самобытности политическую систему... Дошло до того, что когда одинъ изъ земскихъ пословъ предложилъ — или заключить съ воеводами какой бы то ни было миръ, пока паны соберутся съ силами, или идти противъ нихъ таборомъ, — слушатели разсмѣялись и засвистѣли. Но ораторъ объявилъ смѣющимся свистунамъ, что мѣстные гультаи собрались было уже поджечь Варшаву съ крикомъ *Гага! Гага!* какъ дѣлали воеводы представляя изъ себя Татаръ. Свистуны ужаснулись.

Тогда другой ораторъ сказалъ: „Господа! это насъ докончить, если насъ будетъ пугать всякая вѣсть. А коронный референдарій въ вѣсти о единовѣрныхъ и единоплеменныхъ поджигателяхъ прибавилъ, что въ субботу (17 октября) видѣлъ уже корнеты и зажженные фитили.“

Чтобы не распространилась въ обществѣ паника, подсказывавшая панскимъ гультаямъ воеводскія злодѣйства, гродскій писарь предложилъ законопроектъ, — чтобы паны не посылали хлѣба въ Данцигъ, такъ какъ, подъ видомъ отправки хлѣба, они вывозили свое имущество.

Не менѣе характеристиченъ и законопроектъ, предложенный тутъ же однимъ изъ земскихъ пословъ: волонтеры должны быть извѣстны гетману: „иначе де наши будутъ грабить больше, нежели неприятель“.

Отъ избранія короля классически воспитанные паны ждали такихъ результатовъ, какіе послѣдовали въ древнемъ Римѣ за воцареніемъ Августа, который де Квиритовъ усмирилъ одною своею славою (*Quirites ipsa fama sedavit*).

Тутъ нѣкто панъ Обрынскій вспомнилъ о Павлюкѣ, который де самозванно коронованный головой (*ipso coronato capiti*) грозилъ королю Владиславу опасностью, и чѣмъ же кончилъ? Сѣлъ на колѣ.

То же было бы теперь и Хмельницкому, когда бы мы успѣли избрать короля.

Паны извращали даже недавнпрошедшее, такъ же какъ и рожденные панской неурядицей козаки. Павлюкъ былъ обезглавленъ и потомъ четвертованъ, а корону ему навязала стоустая молва, затмившая и жизнь Хмельницкаго, которую надобно изучать исторически въ дѣяніяхъ козачины, а не биографически въ пересказахъ современниковъ о его словахъ и поступкахъ.

Въ 13 засѣданіи (20 октября) войсковые послы выразили свое неудовольствіе на то, что въ сеймовыхъ универсалахъ князь Вишневецкій не названъ absolute гетманомъ, а только региментаремъ. Сеймовики „извинялись“ передъ ними тѣмъ, что и прочихъ полководцевъ именовали только региментарями, а не гетманами. „Дѣло ясное“ (говорили они), „что мы не можемъ этого права вырвать изъ рукъ у будущаго короля: ибо наименованіе *гетмана* Рѣчь Посполитая отдала ему въ руки вмѣстѣ съ раздачею дигнитарствъ (*cum justitia distributiva*). Войсковые послы возразили на это, что заслуги князя Вишневецкаго и его геройскія доблести (*heroicae virtutes*) не допускаютъ никакихъ сравненій. Но разъ универсалы были разосланы, паны оправдывали себя невозможностью исправить ошибку, такъ какъ легче порицать ошибки, нежели исправить ихъ (*errores magis persequendi, quam corrigi possunt*), хотя въ этомъ вазусѣ видать было Киселя, какъ по хвосту видна лисица. Недавно еще онъ проповѣдывалъ, что *necessitas frangit legem*; теперь, когда другіе говорили съ его голоса, онъ молчалъ.

Были еще и другіе поводы къ раздорамъ. Папы подозрѣвали одинъ другаго въ подкупности. По поводу взаимныхъ упрековъ, засѣданіе было распущено.

Въ 14 засѣданіи (21 октября) трактовали о томъ, чтобы города поставляли въ войско пѣхоту, о чемъ давно хлопоталъ моралистъ Фредро. Депутаты поклялись совѣстью (*sub conscientia*) не давать потачки городамъ, что говорить само за себя. Мѣщане подляскихъ городовъ должны были поставлять въ пѣхоту „Ляховъ“ или иностранцевъ, а не „Русь“, что также говорить само за себя.

Маршалъ Посольской Избы возлагалъ всю надежду на избраніе короля. „Можетъ быть, нашъ король“ (говорилъ онъ) „такъ будетъ счастливъ, какъ Помпей, который только ударилъ въ землю, тотчасъ вышло изъ земли войско. Въ противномъ случаѣ, помните, господа, до чего могутъ быть доведены наши братья: утративши все и не найдя въ насъ любви въ себѣ, они *навѣрное перейдутъ къ неприятелю*“.

Теперь только дошла до варшавлян вѣсть, что Хмельницкій „взялъ“ львовское предмѣстье и распустилъ загоны подъ Сендомиръ. Земскій посолъ, Лиховскій, жаловался, что подъ Сендомиромъ пропало у него имущества на 500.000 злотыхъ.

15 засѣданіе (22 октября) описано въ сеймовомъ дневникѣ такъ: „Цѣлый Божій день провели въ толкахъ о сокращеніи элекціи; наконецъ сократили ее до 4 ноября, а она должна была кончиться ноября 6. Потомъ говорили объ обезпеченіи городовъ. Послали къ намъ сенаторамъ просить объ общаанномъ гарнизонѣ, но ничего не получили, кромѣ отсрочки да невѣрныхъ обѣщаній, въ родѣ грушъ на вербѣ. Набравшись досыта и ничего не сдѣлавши, удовольствовались мы сокращеніемъ элекціи, и панъ маршалъ распустилъ насъ рано“.

О 16 засѣданіи (октября 23) сеймовой дневникъ говоритъ, что до чего ни касались, всюду было несогласіе; вѣчные споры о пустякахъ (*de lana sergina*). „Такъ совѣщаются“ (говорить дневникъ), „какъ будто въ самое мирное время (*in pacatissimo Reipublicae tempore*),— совѣщаются для забавы (*per passat il tempo*). А непріятель находится сегодня уже только въ 14 миляхъ отъ Варшавы, со стороны Литовскаго Бреста, а со стороны Люблина—въ 20 миляхъ. Одни совѣтовались, какъ бы идти навстрѣчу непріятелю, другіе—какъ бы оборонить переправу на Вислѣ, третьи—какъ бы защищаться въ Варшавѣ. Таковы были разсужденія, а самое дѣло стояло такъ, что все живое укладывало свои *робы* въ сундуки; шнуровали тюки; отправляли готовые возы; снастили шкуны и ялики. По улицамъ нынѣ о чемъ больше нѣтъ рѣчи, какъ о томъ, что паны собираются въ нуть. Мы только смотримъ, что далѣе будетъ. Въ сеймовомъ кругѣ (*w kole*) раздаются вкаты, что будутъ сопротивляться до убоя (*до gąrdŃ*), а въ дѣйствительности ни малѣйше не было на то похоже. Неужели же мы подѣлались Жидами? или ужъ отъ насъ и самъ Господь Богъ отступился, и намъ осталось только бѣжать, куда глядятъ глаза? *) Въ такомъ несчастномъ положеніи, не имѣемъ о непріятелѣ никакой вѣсти, даже о Львовѣ не знаемъ ничего (а писано это было въ тотъ день, когда Тотай-бей отступилъ уже отъ Львова съ окупомъ и многими тысячами ясыра). Знаемъ только, что въ немъ гарнизона 200 пѣхотинцевъ да мѣщанъ при Армишевскомъ человѣкъ 15. Въ Замостьѣ панъ воевода русскій велѣлъ разобрать русское предмѣстье и расположился тамъ лагеремъ подъ самыми стѣнами, запасаясь прови-

*) Въ этомъ смыслѣ и Хмельницкій называлъ панское ополченіе Жидами.

янтюмъ изъ окрестныхъ мѣстъ в не щади ни чьихъ гуменъ. Своевольныя купы бродять по разнымъ мѣстамъ. Нынѣшнее засѣданіе потрачено все на невѣрныя новости и различнымъ вѣсти, о чемъ срамъ и писать (o szém sromota i pisac̄)“.

Въ 17 засѣданіи (24 октября) „великопольскій генераль“ заявилъ, что и та горсть войска, которая находится подъ командой князя Вишведскаго, намѣрена разойтись, если жолнерамъ тотчасъ не ушлатать жодду. Онъ совѣтовалъ поступить и съ Варшавой такъ, какъ поступлено со Львовомъ, гдѣ депутаты брали на кредитъ Рѣчи Посполитой все, что находили въ лавкахъ и костелахъ. Это засѣданіе было распущено потому, что одинъ изъ молодыхъ членовъ былъ пьянъ и не далъ постановить никакого рѣшенія. Авторъ дневника изобразилъ возмутительное для насъ сеймовое безобразіе слѣдующими словами: „Tandem ktos̄ mlody zagrzawszy głowy, którego znać foecundi calices fecere disertum, in murmure powstał, że compellare licet minis, niż rationibus. Pan referendarz koronny: „troszczakę śmieie“: zkad jedni w śmiech, a drudzy się turbowali“..

Въ 18 засѣданіи (26 октября) земскіе послы роптали на то, что универсалъ къ бѣглецамъ (do gosprószehców) лежитъ неразосланный. Въ этомъ обвиняли сенаторовъ, которые де не желали, чтобъ ихъ дядовья, племянники и т. д. нюхали опять порохъ, отъ котораго ушли.

„Этого только и недоставало къ нашимъ бѣдствіямъ“ (сказалъ Фредро). „Что сегодня постановляемъ, то завтра отиѣняемъ. Не знаю, что причиною задержки универсаловъ: injuria, или industria ихъ милостей пановъ сенаторовъ. Но вижу, что мы дѣйствуемъ такъ, какъ повѣтъ вѣтеръ (że tylko wento ferimur). Когда насъ что-нибудь стращааетъ, мы желаемъ приспѣшить наши рады (videmur accelegare consilia nostra), а если вѣсть убавитъ немного страху, мы ничего не говоримъ и не дѣлаемъ. Ухватились было мы за пѣхоту съ городовъ; теперъ ужъ о ней и позабыли“.

Отсюда произошли пререканія между свѣтскими панами и духовными, которые де не хотятъ отягчать (omegare) своихъ городовъ пѣхотою, и медлятъ съ разсылкой универсаловъ для того, чтобы, получивъ деньги, послать, въ зачетъ этихъ денегъ, свою ассистенцію.

19 засѣданіе (октября 27) было ознаменовано прибытіемъ исказительнаго посла отъ такъ называемаго шведскаго короля, Яна Канимира. Просьба посла о назначеніи ему аудіенціи была приправлена тѣмъ панегирикомъ владычествующей шляхтѣ: „Не только всему свѣту, но и самому небу объявляете вы свободу, избирая свободными голосами великихъ монарховъ“. Все прочее въ немъ было еще нелѣпѣе.

Въ 20 засѣданіи (29 октября) достойна замѣчанія отиѣтка дневника: „О Хмельницкомъ, о Львовѣ—ничего вѣрнаго, какъ и о Татарахъ“.

Въ засѣданіи 21 (октября 30) маршалъ Посольской Избы жаловался на медлительное рѣшеніе самонужбѣйшихъ дѣлъ. „О нашей оборонѣ, о деньгахъ и людяхъ“ (сказалъ онъ) „мы говоримъ такъ, какъ будто непріятель находится отъ насъ въ 200 миляхъ. Не только не знаемъ, что постановили сенаторы о депутатахъ въ теченіе недѣль двухъ, но не знаемъ даже, засѣдали ли они“.

Отвѣтомъ на эту жалобу было донесеніе одного изъ депутатовъ, что сенаторы засѣдали только два раза, потому что не съѣхались. „Но и насъ не за что хвалить“ (прибавилъ онъ): „хотя насъ депутовало двѣнадцать, но на этихъ засѣданіяхъ не было больше двухъ или трехъ“.

Когда земскіе послы расходились изъ засѣданія, пришло извѣстіе, что Хмельницкій съ 40 тысячами войска идетъ комонникомъ (то есть безъ табора) прямо въ Варшавѣ, и будетъ подъ Варшавой въ среду или въ четвергъ, то-есть черезъ пять-шесть дней. „Вотъ такъ новинна на сонъ грядущимъ“! трагически восклицаетъ авторъ дневника.

Выѣстъ съ тѣмъ земскіе послы узнали, что князь Вишневецкій ѣдетъ въ Варшаву. Его пріѣздъ пророчилъ панамъ двѣ крайности: или что-то злое, или доброе. Вспомнилось имъ то время, когда превосходшій всѣхъ Поляковъ своевольствомъ и завзятостью правнукъ полумионческаго Байды готовъ былъ показать надъ своимъ соперникомъ по суду, что государство, религія, общественность, нравственность, сеймовое законодательство и самая царственность, ему подчиненная, бессильны для обузданія той личной свободы, которою Польша гордилась передъ всѣмъ свѣтомъ и передъ самимъ небомъ. Въ этомъ отступникѣ древняго русскаго благочестія, уснопленномъ Польшѣ иезуитскою школою, воскресло подъ иноземнымъ знаменемъ все буйство нашихъ буйтуровъ Всеволодовъ и все удалство Мстиславовъ Удалыхъ. Онъ былъ одинаково способенъ и спасти Польшу въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, и погубить ее въ другихъ. Вотъ почему его любило до самоубвенія героическое меньшинство и ненавидѣло до безумія противоположное большинство. Вотъ почему и сеймовой дневникъ писалъ о немъ, что его пріѣздъ пророчилъ что-то крайнее (*musiałby być per extrema*).

22 засѣданіе (2 ноября) было занято рѣшеніемъ вопроса: которому изъ двухъ братьевъ, польскихъ королевичей, отдать корону. Въ старшемъ цѣнили то, что именемъ своимъ напоминалъ онъ Казимировскія времена польской славы (обыкновенно преувеличиваемой до

нелзя). Въ младшемъ свободолюбивому Шляхетскому Народу нравились его обещанія увеличить еще выторгованныя имъ и вынужденныя у королей вольности. Нашлись вліятельные для панской толпы люди, которые въ Лвѣ Казимирѣ видѣли не только умъ, не склонный ни къ какому пороку (umysł do żadnych występków nieskłonny), твердый разумъ (rozsądek utwierdzony) и талантъ полководца (ad militaria sposobność kawalerska), но и величественную наружность... Не смотря на то, что „вѣшность его, то-есть красота (externa, to jest uroda),“ какъ выражались панегиристы, была у всѣхъ передъ глазами, о ней распространялись такъ: „Хотя это и второстепенное отличие, но когда его нѣтъ, маестать много отъ этого теряетъ, и часто это дѣлаетъ вѣнценосца презрѣннымъ (principem contemptibilem reddit), а презираемый властитель не есть властитель, и власть безъ достоинства существовать не можетъ“.

Въ засѣданіи 23 (ноября 3) Посольская Изба оставалась въ совершенной неизвѣстности относительно тайнственнаго и въ своихъ замыслахъ непроницаемаго непріятели. Она узнала только, что князь Вишневецкій на своемъ мѣстѣ оставилъ подъ Замостьемъ маркграфу Мышковскаго. Наконецъ увидѣли сеймовики того, который, по милости Киселя и многочисленной толпы аристократической черни, подчинявшейся его внушеніямъ, сдѣлался своего рода камнемъ, его же берегоша вѣждущіе.

На сей разъ князь Іеремія не представилъ ничего крайняго. Пренебрегая достоинствомъ, которымъ не хотѣли отличить его люди недостойные, онъ скромно заявилъ сейму, что прибылъ не для безпокойства Рѣчи Посполитой, а по праву свободныхъ выборовъ; поблагодарилъ за предоставленную ему власть надъ войскомъ и высказалъ, что войска надобно набрать не менѣе 60.000. Вишневецкій зналъ, какая борьба идетъ между тѣми, которые настаивали на спасеніи Польскаго государства посредствомъ смѣлой войны, и тѣми, которые вели его къ гибели путемъ выпрашиванья у непріятели цоворнаго мира. Онъ могъ бы доложить правительствующему сейму, какъ сами козаки смѣялись надъ этой мѣрой, говоря, что Господь Богъ совѣмъ оставилъ Ляховъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ иной надежды на свою оборону, кромѣ просьбы. Но это записалъ въ своемъ дневникѣ князь Радзивилъ; онъ же, который могъ бы сдѣлать изъ польскаго своего отечества государство героевъ, смотрѣлъ на него молча, какъ на государство трусовъ, управляемыхъ глупцами.

Его презрѣнія не уменьшила слеза, происшедшая на другой день въ собраніи сенаторовъ и земскихъ пословъ. Среди собранія появился

сендомирскій воевода, князь Доминикъ Заславскій. У наслѣдника нашего „святопамятнаго“ не хватило духу показаться во Львовѣ, зато хватило безстыдства оправдывать свое бѣгство изъ такого войска, „которое могло бы завоевать самій Константинополь“. Оно, это безстыдство, было его родовымъ достоинствомъ, и проявилось въ его дядюшкѣ, когда онъ, ради округленія своихъ владѣній, сдѣлалъ изъ наслѣдницы старшаго брата сумасшедшую страдалицу; когда, храня въ подземельѣ миллионы, выпрашивалъ у сеймоваго правительства пособіе для починки укрѣпленій своего воеводскаго города; когда допустилъ умерить своего гостя въ маріенбургской тюрьмѣ, а возлагавшимъ свои надежды на 15 и 20 тысячъ готоваго у него ополченія проповѣдывалъ терпѣнье, терпѣнье и терпѣнье... Въ краткихъ, но ясныхъ словахъ изобразилъ литовскій канцлеръ сцену общественной безнравственности, которая совершилась при появленіи на сеймѣ двойника князя Василія, а именно вотъ въ какихъ:

„Маршалъ Посольской Избы спросилъ: угодно ли собранію выслушать отъ сендомирскаго воеводы, по какимъ причинамъ войско такъ постыдно бѣжало? Въ это время произошла суматоха*), сенаторы начали одинъ за другимъ исчезать, и маршалъ отложилъ этотъ предметъ до другаго дня“ (который никогда не наступилъ).

Почему не наступилъ онъ никогда, это лучше всего могъ объяснить нашъ Адамъ Свѣнтольдичъ. Еще въ 5 засѣданіи онъ, по малорусской пословицѣ: „поможіи, Боже, и вѣдшии, и вѣдшимъ“, оправдывалъ присовѣтованнаго панамъ фельдмаршала, а вибѣствъ съ нимъ и весь триумвиратъ, въ такихъ выраженіяхъ:

„.... Каждый пойдетъ съ королемъ охотиться, хоть бы и я самъ, потому что король будетъ свидѣтелемъ и награждаемымъ подвиговъ нашихъ (bo hódzie oculatus abo spectator et remunerator laborum). Да что? я выскажу вамъ свои чувства, какъ членъ свободной Республики: какое мы теперь получили вознагражденіе за наши потери? Всѣ вы, господа, насъ браните, и еще слава Богу, что не бьете. Вотъ и бѣдняжки гетманы,—что имъ было дѣлать? Болѣе сотни нашихъ хоругвей ударили мужественно; потеря въ нихъ оказалась великою. Битва, господа, была настоящая: трупъ съ обѣихъ сторонъ падалъ густо“ (здѣсь Кисѣль забылъ о собственной реляціи, какъ и

*) Изъ сеймоваго дневника видно, что суматоха произошла по случаю внесенія сенаторскихъ преселъ въ Посольскую Избу. О бѣгствѣ сенаторовъ изъ засѣданія дневникъ выразился осторожно: „Chcieli Panowie Senatorowie iść za krzesłami swemi w pośrodek Koła naszego, ale się zaś z jakiejś przyczyny rozmyśliłi“.

во второмъ донесеніи о своихъ медахъ). „Мы тогда, видя, что силы наши *никоимъ образомъ не могли устоять* противъ непріятеля, рѣшили отступить (*concluseramus retyrować się*) къ Константинову, а несчастная судьба Республики сдѣлала то, что наше постановление подало въ бѣгству (*quod tandem infelici fato Reipublicae accidit, že to nasze postanowienie w rozsyркę poszło*)“.

Умѣлъ Адамъ Свѣнтольдичъ выпрашивать потапшныя буды у московскаго царя не для своей користи, а единственно для его славы; умѣлъ заискивать милости и у польскихъ королей; но всего больше умѣлъ онъ выразаться такъ, что само постановление панское бѣжало (*poszło w rozsyркę*), а не паны. Онъ заставилъ наконецъ общественное мнѣніе въ пилавецкихъ региментаряхъ видѣть спасителей польской будущности, потому что, благодаря ихъ бѣгству, удѣлялъ цвѣтъ національной знати (*Pos nobilitatis*). Въ настоящемъ случаѣ оправданіе тѣхъ, которыхъ люди неразумительные готовы были казнить за ихъ „экзорбитанціи“, совершилъ онъ, какъ бы выразился Полякъ, *gubasznie, по-козацки*: „Если будете заниматься экзорбитанціями“ (вмѣсто избранія короля), „то и права наши будутъ у чорта въ зубахъ, и вольности у двухъ чертей, а наши затылки очутятся подъ острой саблей пана Богдана“. Это была рѣчь подобнаго къ подобнымъ.

Въ 25 засѣданіи (5 ноября) земскіе послы потребовали отъ сенаторовъ, чтобъ они продолжали свои совѣщанія о депутаціи, или чтобъ ужъ совсѣмъ ее бросили, такъ какъ и самое время исключаетъ ее (*już czas jej sam excluditur*).

По войсковымъ спискамъ, разбѣжавшагося войска оказывалось на-лицо 9.000. Прочіе притаились въ средѣ доматоровъ, не имѣя охоты нюхать козацкаго пороху. Они шли не на войну подъ начальствомъ Князя Доминика, а на выставку. Они хотѣли воевать съ хлопками нагайками своей 200.000-ой челяди, а не своими драгоценными саблями. Естественно, что для такихъ кудреглавыхъ Данаевъ Кисѣль былъ самымъ подходящимъ Несторомъ.

Въ 26 засѣданіи (6 ноября) сеймующихъ пановъ заняла, какъ дѣтей, исповѣдь (*confessata*) плѣнныхъ козаковъ, представленная каптуровымъ судьбою, присутствовавшимъ при ихъ пыткѣ. Вымученныя у нихъ признанія заключались въ 8 пунктахъ, а именно:

1. Михайло Друженко, изъ Бѣлой Церкви, показалъ, что былъ подъ Кумейками въ составѣ реестровыхъ козаковъ (вторые, подобно пилавецкимъ рыцарямъ, бѣжали безъ боя); что Барабашенко, Илляшенко и Хмѣль были у короля въ ночной радѣ, въ присутствіи семи сенаторовъ; что король далъ имъ привилегіи на увеличеніе войска и на

морской походъ; что Хмѣль, наполнивъ Барабашенка, послалъ его поясъ къ его женѣ; что она, по этому знаку, выдала ему королевскіе листы, и что этими листами онъ взбунтовалъ чернь.

2. Надоѣло уже и самой черни воевать. Козаки кричатъ на Хмеля; но онъ, не довѣряя имъ, держитъ при себѣ 6.000 жолдовыхъ Татаръ, которые отправляютъ и стражу, и спятъ у его палатки.

3. Приковалъ было Хмельницкій Кривноноса, но онъ окупился великими деньгами.

4. Кіевскій архимандритъ (это значить митрополитъ), бывши у Хмеля, имѣлъ съ нимъ тайныя рады, и Хмельницкій отослалъ его съ почетомъ, подъ охраною нѣсколькихъ сотенъ коней.

5. Причиною бунта были притѣсненія козаковъ со стороны комиссаровъ, которые вымогали еженедѣльно у козаковъ—то лисицу, то по 3 золотыхъ деньгами. Какую бы большую рыбу ни поймалъ козакъ, плотву отдавали ему, а главную—пану *).

6. Другой козакъ говорилъ на пытѣ согласно съ первымъ, только прибавилъ, что Хмельницкій послалъ войско подъ Замостье, и что, какъ только будетъ король, то и война и эти бунты тотчасъ прекратятся.

7. Третій показалъ, что подъ Пилявцами на другой день козаки хотѣли было уже бѣжать. Множество молодцовъ начало было уже расходиться; но Хмѣль разставилъ по дорогамъ сторожу, которая частью убивала бѣглецовъ, а частью приводила къ Хмельницкому, и Хмѣль велитъ „задавать“ имъ разныя муки: вѣшать, четвертовать etc., за то, что бѣжали.

8. Въ конфессатахъ изъ-подъ Львова говорилось, что Львовъ окупился. Мурза, находившійся съ Татарами при Хмельницкомъ, убѣждалъ его не гнаться за Ляхами. Какъ де ихъ догнать, когда они бѣгутъ со страху? (bo któż się za niemi pagoni od strachu)? Притомъ же Татарамъ тяжело будетъ въ такую колотъ возвращаться съ полонотъ: попортятъ своихъ бахматовъ. А когда де на тебя будутъ наступать съ войскомъ, тогда придетъ съ Ордою Тогай-бей, и будетъ воевать съ тобою Ляховъ. Еще сказалъ, что Хмельницкій злится на князя Вишневецкаго, и когда бъ его добылъ, то все польское войско счи-

*) Эта причина козацкихъ бунтовъ существовала съ первыхъ извѣстныхъ намъ документально время козачества. Козаки бунтовали на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, что и теперь, съ начала XVI вѣка противъ ивѣстныхъ королевскихъ старостъ, завѣдовавшихъ первобытнымъ козачествомъ, какъ объ этомъ документально у меня въ I т. „Ист. Возсоед. Руси“, стр. 48—51.

талъ бы ни за что (*na cyfrę nie wady!*), тогда бы первое чело имѣло Запорожское войско (*ale pierwsze słoło miało by Wojsko Zaporożkie*), а Ляхи обратились бы въ Жидовъ.

Темное дѣло возведенія на престолъ Яна Казимира и низведенія съ военнаго верховенства Іеремія Вишневецкаго совершалось неуклонно, въ силу „приветовъ“, связанной съ тѣмъ и другимъ актомъ. Ноября 7, въ 27 засѣданіи, Кисѣль краснорѣчивой ораціей своею (*disertissima oratione*) вынулъ зерно изъ скорлупы передъ панами (*enucleował praesentem statum electionis*) ко всеобщему удовольствію (*z ukontentowaniem wszystkich*). Онъ совѣтовалъ развязать поскорѣ Гордіевъ узелъ избранія. Находившіеся, очевидно, подъ его вліяніемъ другіе сеймовые ораторы говорили объ опасности, угрожающей шляхетской свободѣ со стороны военачальника, наименованнаго самимъ войскомъ. „Еслибъ эта номинація состоялась не послѣ пораженія, а послѣ побѣды“ (разсуждали республиканцы), „то на что не дерзнули бы они (*quae non ausi fuissent*)?“—„Примѣръ неслыханный! (*inauditum exemplum*)!“ восклицали другіе и, побуждаемые близостью непріятеля, торопили избраніе намѣченнаго уже короля.

Въ 28 засѣданіи (9 ноября) Кисѣль произнесъ рѣчь въ томъ же духѣ. Въ 29-мъ (10 ноября) страхи по причинѣ близости Татаръ отъ Сендомира, неизвѣстно отъ чего „утихли“; но о Хмельницкомъ, какъ и прежде, не было слышно ничего вѣрнаго. Въ 30 засѣданіи князь Вишневецкій доложилъ господствующему народу, что жолнеры, обложившіе въ Замостьѣ, просятъ поддержанія во имя любви къ отечеству (*per amorem patriae*), и вручилъ великому секретарю письмо полученное имъ отъ своего намѣстника, маркграфа Мышковскаго, отъ 6 ноября. Маркграфъ увѣдомлялъ, что изъ полка эльблонскаго каштеляна, Вейгера, посланнаго къ Любачову для фуражировки, козаки нѣсколько человѣкъ убили, многихъ переранили, а нѣсколькихъ взяли въ плѣнъ. Черезъ одного изъ плѣнниковъ Хмельницкій сдѣлалъ Вейгеру, котораго воображалъ иностранцемъ, предложеніе взмѣнить Ляхамъ (*inwitując go in societatem belli*), и въ письмѣ къ нему обращался къ стоявшему подъ Замостьемъ войску и къ замостьянамъ съ такими словами:

„Свидѣтельствуюсь Богомъ, что мы не желали проливать христіанскую кровь. Мы послали пословъ своихъ, умолая о мирѣ и пощадѣ (*żebząc o pokoj i miłosierdzie*); но князь Вишневецкій началъ поступать съ нами предательски, и потому бросились мы за нимъ, чтобъ не сдѣлалъ какого-нибудь предательства; но онъ ушелъ отъ насъ (въ Варшаву). Тѣмъ не менѣе, какъ съ нами помирились львовяне, такъ

мы готовы помириться ѣ съ вами. Не отступимъ отъ Замостья, пока не совершится Божія воля. Мы ищемъ мира, и для того посылаемъ нарочно этихъ нѣсколькихъ человекъ своихъ и Татаръ, чтобъ вы послали въ своимъ старшимъ какъ можно скорѣе и получили отъ нихъ наставленіе, что вамъ дѣлать. Изъ-за двоихъ ничтожныхъ молодыхъ людей, князя Вишневецкаго и короннаго хорунжаго (Александра Конопольскаго) такое замѣшательство! Ждемъ здѣсь избранія короля. Желаемъ, чтобъ (королемъ) былъ королевичъ Казимиръ“.

Это значило—разсѣчь мечемъ Гюрдіенъ узелъ, который слушатели краснорѣчиваго Киселя такъ долго развязывали. Возвеселился мудрыхъ Адамъ Свѣнтольдичъ, пайда единомышленника въ такомъ доброжелатель Шляхетскаго Народа. *Życzmy, żeby był Króliewicz Kazimierz*: этому велѣнію не смѣли не сопротивляться люди, готовые бѣжать въ Данцигъ, по примѣру цвѣта польской знати, бѣжавшаго изъ-подъ Пилявцевъ.

Прошло еще нѣсколько засѣданій въ рѣшеніи предварительныхъ пунктовъ элекціи. Наконецъ, въ 37 засѣданіи (20 ноября) Янъ Казимиръ воссѣлъ на престолѣ Казимира Великаго.

По свидѣтельству Радзивилова дневника, его хотѣли произвести въ короля еще 5 ноября; „но произошло большое несогласіе“ (пишетъ литовскій канцлеръ), „потому что избирателей обмилъ извнутри Бакусъ, а снаружи—дождь“... Если бы тогда Поляки избрали этого „неспособнаго ни въ какихъ порокахъ, твердаго умомъ и величественнаго наружностью“ короля, то могли бы оправдываться хоть тѣмъ, что сдѣлали это съпьяна. Но судьба дала панамъ двѣ недѣли на отрезвленіе, и они все-таки не могли сдѣлать лучшаго выбора.

Причину такого единомыслія (кромѣ письма Хмельницкаго въ замостьянамъ) объяснило всѣмъ и каждому появленіе въ Варшавѣ спеціального посла его, бывшаго іезуита, а потомъ—„надѣвшаго расу регулярныхъ канониковъ Св. Августина“. Ярославскій наставникъ Хмельницкаго, всендѣз Мокрскій, объявилъ во всеуслышаніе, что сидѣлъ подъ Варшавой (имѣя, конечно, тайныя съ нею сношенія) для того, чтобы не избрали другаго короля.

Къ этому жалкому финалу національныхъ совѣщаній князь Радзивилъ придалъ еще болѣе жалостную ноту. „Хмельницкій со своей „мамалей“ (пишетъ онъ) „отѣхалъ тогда въ Бѣлой Церкви; а наши жолнеры, которые могли бы дать ему отпоръ“ (подразумѣвается, еслибы гетманилъ князь Вишневецкій) „остались въ Малой Польшѣ, въ Мазовіи, въ Сѣрадвомѣ и Лянчицкомѣ воеводствахъ, для угнетенія бѣдныхъ подданныхъ до самого коронаціоннаго сейма“.

Глава XIX.

Возвращеніе панскихъ побѣдителей въ Украину.—Привѣтствовавшіе короннаго гетмана привѣтствуютъ гетмана козацкаго.—„Что нужно Московскому Государству“.—Царское посольство въ Чигиринѣ.—Королевское посольство въ Переяславѣ 1649 года.

Весело возвращались козаки въ Украину, предводимые Козацкимъ Батькомъ, какъ справедливо стали называть Хмельницкаго; но не весело было на душѣ у Козацкаго Батька. Тайный голосъ говорилъ ему, что не разбоемъ обезпечивается будущность даже и такого общества, въ какому принадлежалъ онъ; что не кровавыми замыслами успокоивается размученное обидою сердце.

Не разогнала мрачныхъ мыслей счастливаго добычника и та встрѣча, которую приготовили ему въ Кіевѣ. Городъ, изъ котораго, тому назадъ полгода, побѣжали всѣ духовныя власти безъ различія исповѣданій, теперь привѣтствовалъ козацкаго гетмана, какъ одиннадцатъ лѣтъ назадъ—гетмана короннаго, панскаго. Въ Кіевѣ гостилъ іерусалимскій патріархъ, Пансій, какъ двадцать восемь лѣтъ назадъ—незабвенный въ исторіи русской церкви Теофанъ. Но разница между ними была такъ вещественна, какъ между Хмельницкимъ и Сагайдачншимъ, какъ между Сильвестромъ Косовымъ и Ювомъ Борецкимъ. Подкупаемые претендентами на патріаршество Турки прижали Пансію по своему обыкновенію, и онъ бросился собирать милостыню въ вертегѣ разбойниковъ, которымъ, какъ они сами говорили, жартуя со своими жертвами, не пужна была вѣра, а были нужны только „дідчі грѣші“. Неслыханное торжество козаковъ надъ панами сулило Пансію золотыя горы. Онъ окружилъ себя въ Кіевѣ сторонниками козацкаго бунта, которыхъ теперь между „духовными старшими“ обазалось волей и неволей множество, и митрополиту Косову, каковы бы ни были его религіозныя и политическія воззрѣнія, пришлось вести себя по пословицѣ: „съ волками жить—по-волчьи выть“.

Ученикъ и преемникъ Петра Могилы встрѣтилъ побѣдителя Потоцкаго и Заславскаго у стѣнъ Св. Софіи, въ сопровожденіи своего „святѣйшаго“ гостя и всего своего клира, при звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при восклицаніяхъ овозаченнаго народа. Бурсаки Могилевской Коллегіи пѣли Хмельницкому латинскіе и малорусскіе стихи, сочиненные, можетъ быть, тѣми самыми пѣтцами, которые перевозносили до небесъ усмиреніе предшественника его, Павлюка. Готовая къ противоположнымъ панегирикамъ семинарская муза сравнивала нашего Хмеля съ Моисеемъ, называла спасителемъ, охранителемъ, освободителемъ своего народа, и въ самомъ имени его *Bogdanъ* видѣла Божіе даваніе; а патриархъ Паисій, въ привѣтственной латинской рѣчи, назвалъ его *знаменитѣйшимъ княземъ*. Энтузіазмъ черни, обогащенной грабежемъ и разбоемъ, былъ таковъ, что когда гетманъ появлялся въ церкви, на него глядѣли, какъ на божество, и даже цѣловали у него ноги.

Но Хмельницкому было не по себѣ. То онъ постился, подобно Лазу Тучапскому, то молился въ древнихъ, созданныхъ и облагодѣтельствованныхъ панскимъ сословіемъ храмахъ, и лежалъ по цѣлому часу ницъ передъ образами, то, на мѣсто избраннаго въ средѣ избранныхъ духовнаго отца, призывалъ къ себѣ трехъ вѣдьмъ, которыя постоянно находились при его особѣ даже и въ походѣ; то пьяный компоновалъ козацкія думы, импровизируя въ нихъ, безъ сомнѣнія, такія событія и обстоятельства, которыя долженствовали оправдывать его кровавое дѣло. Иногда былъ онъ чрезмѣрно доступенъ и ласковъ съ козаками, иногда былъ суровъ, какъ Гирей Чингисхановичъ посреди мурзь, и гордъ, какъ польскій панъ въ виду оказаченной черни. Шеститысячная татарская гвардія и нагроможденные въ Переяславлѣ, Чигиринѣ, Суботовѣ богатства позволяли ему предаваться порывамъ раздраженнаго сердца, затѣямъ пьянаго мозга и стремленіямъ дикихъ истинетовъ. Но его, какъ видно, томили противорѣчія великости и ничтожества его подвиговъ, высоты и низости его положенія, мыслей о безсмертной славѣ и сознаніе несовѣстимой съ нею подлости.

Въ числѣ противорѣчій, въ которыхъ очутился Хмельницкій среди православнаго русскаго міра, немалую роль играла и его семейная жизнь, затемненная для насъ темнымъ вѣкомъ и козацкимъ всеожигательствомъ, козацкою лживостью, отсутствіемъ въ козацкой средѣ чувства, какъ собственнаго, такъ и чужаго достоинства. Въ глазахъ людей, передъ которыми Хмельницкій, каковъ бы ни былъ онъ, желалъ казаться, если не быть, личностью почтенною,—напримѣръ, хоть бы въ глазахъ собственныхъ взрослыхъ дѣтей,—эта жизнь

была запятнана сперва тѣмъ, что, по смерти православной жены своей, онъ связался съ *католичкой* (слово традиціоноально-бранное доннѣ въ простонародѣ), а потомъ—тѣмъ, что эту женщину (каковъ бы ни были ея достоинства), обвиняемую съ ненавистнымъ ему человѣкомъ, онъ взялъ къ себѣ вмѣсто жены, и теперь, почивъ отъ кровавыхъ дѣлъ своихъ, обвинчался съ нею по обряду православному, тогда какъ мужъ этой Чигиринской Вирсавіи обрѣтался еще въ живыхъ. Если предположить, что при такой несомнѣстимости личнаго достоинства своего, какъ отца семейства и „знаменитѣйшаго князя“, съ общественнымъ возрѣніемъ, хотя бы и козацкимъ, новый Моисей былъ ревнивъ хоть въ такомъ смыслѣ, какъ это свойственно животнымъ; то душа его, терзаемая, очевидно, и многими другими, не находила дома того, что составляетъ наибольшую отраду человѣческой жизни: она была растерзана неспѣлимо, а рѣки крови и слезъ людскихъ, дѣвольское запугиванье со стороны вѣдьмъ, безъ котораго не могли онѣ удерживать за собой мѣсто свое, и, какъ слѣдствіе всего этого, безмѣрное пьянство, дѣлали Хмельницкаго лютымъ звѣремъ и самымъ несчастнымъ человѣкомъ.

Не будемъ терять изъ виду, что подъ всѣми перодрягами Польской Республики, выразившимися въ бунтахъ самого Хмельницкаго и его предшественниковъ, незримо для исторіи совершалась многовѣковая, ежедневная и ежечасная работа двухъ церквей надъ умомъ и совѣстью націй, соединенныхъ въ одно государство. Въ борьбѣ съ греческой церковью римская церковь представила себя въ этомъ государствѣ сравнительно лучшими людьми. Какова ни есть она сама по себѣ, но въ нашемъ литворусскомъ обществѣ со временъ Ягайловскихъ, равно какъ и въ червонорусскомъ—со временъ Казимировскихъ, исчерпала она всѣхъ, кто между нами былъ познатнѣе, побогаче и поталантливѣе, на служеніе своимъ интересамъ, подъ видомъ общечеловѣческаго блага. Для поддержанія интересовъ церкви греческой остались только тѣ, которые были пренебрежены или упущены изъ виду, многоучеными и многоопытными агентами Рима. Это были, можно сказать, неотесанные камни, забракованные зодчими при возведеніи политиворелигіознаго зданія. И въ самомъ дѣлѣ, между отверженцами римскихъ вѣждителей мало было такихъ, которые были способны поддерживать интересы своей національной церкви, роняя достоинство самой религіи. Но, къ удивленію историка, надъ православнымъ обществомъ въ Малороссіи исполнились евангельскія слова: „когда вы умолкнете, камни возопіютъ“... Послѣ того какъ умолкли для насъ, одинъ за другимъ, голоса Радзивиловъ, Сопігъ и многого

множества князей и пановъ, представителей русскаго элемента въ Польскомъ государствѣ, по своему времени высоко образованныхъ и въ своей политически раціональной средѣ сравнительно нравственныхъ,—никто не былъ столь разительнымъ олицетвореніемъ вопіющихъ камней, какъ этотъ жестокосердый Хмѣль съ бессмысленными и безпощадными орудіями его мстительности—казаками. Его лукавое воззваніе за *вѣру!* было не что иное, какъ громогласная проповѣдь того, что наши темные инокѣ едва смѣли проповѣдывать шепотомъ, а громадными преступленіями соблазненной и запуганной имъ черни явились возмездіемъ за то ехидство, съ которымъ іезуиты, скрываясь подъ полой Сигизмунда III, разорили русскую церковь руками русскихъ людей. Творецъ нашихъ Терлецкихъ, Потѣевъ, Рутскихъ, Кунцевичей и такихъ ренегатовъ, какъ Замојскіе, Потоцкіе, Жовковскіе, Острожскіе, Вишневецкіе, основатели римскихъ коллегіумовъ, монастырей и костеловъ на счетъ продуктовъ Русской Земли и русской рабочей силы,—получили полную мѣру за мѣру въ ехидствѣ нашихъ бунтовщиковъ, завершившихъ свои подвиги ехиднѣйшимъ изъ всѣхъ бунтовъ, а наглое ругательство іезуитовъ надъ вроткимъ и чуждымъ какой-либо махиппаціи ученіемъ Христа отозвалось возацкими ругательствами надо всѣмъ, что было для ихъ питомцевъ святаго, и нашло достойный себя отголосокъ въ наглой программѣ свирѣпаго разбойника Хмеля: „Я сдѣлалъ то, о чемъ и не думалъ; теперь сдѣлаю то, что мною задумано. Сперва я воевалъ за свою шкуру и кривду, теперь буду воевать за нашу православную вѣру“.

Громкія манифестаціи поборниковъ папства во имя государственности и тихія нашептыванья загнаннаго духовенства во имя оскорбленной свободы совѣсти боролись между собой со временъ Ягайла, и въ результатъ борьбы явилось опустошеніе края, который уже и кіевскій митрополитъ помогалъ папистамъ сбѣгать по всѣмъ распутіямъ католическими „фигурами“. Послѣ низверженія Копинскаго съ митрополичьяго престола и возведенія на *fastigium* православія іезуитскихъ питомцевъ, окончательное завоеваніе Малороссіи на служеніе Риму было уже только дѣломъ времени. Но политика іезуитовъ оказалась несостоятельною, и несостоятельность этой политики обнаружена всего больше тѣмъ фактомъ, что козаць, побывавшій въ школѣ у іезуитовъ, заставилъ образованнаго имъ митрополита славословить губителя и католическаго неволи общества, и того, которое отверглось православной Руси недавно. Богданъ Хмельницкій, своею рѣшимостью воевать за православную вѣру, паругался жестоко надъ іезуитскимъ правиломъ: „цѣль освящаетъ средства“; а Сильвестръ Косовъ,

обративъ на злѣйшаго врага Польши то славословіе, которымъ его предшественникъ чествовалъ знаменитаго ея защитника, попралъ ногами все святое и высокое, что подъ этимъ названіемъ привнесено агентами Рима въ національную политику Рѣчи Посполитой Польской.

Но Хмельницкій и Косовъ, сами по себѣ, не были еще такъ досадны для завоевательной гордости папы. Обидѣ всего для Христа Намѣстника было то, что, въ моментъ величайшаго уничтоженія Польши, его соперникъ, восточный патріархъ, явился въ Кіевъ для того, чтобы привѣтствовать ея уничтожителя самыми громкими и почетными титлами. Онъ-то, надобно предполагать, и былъ причиною этого перехода Хмельницкаго отъ обычныхъ шляхетскихъ чувствъ и помысленій относительно церковно-православной политики къ рѣшимости воевать за православную вѣру. Его-то внушеніямъ и слѣдуетъ приписать программу насытившагося разбойной славой козака—вмѣсто одной мести за свои личные потери и обиды, воевать отнынѣ за православіе.

Сравнительно съ римскимъ папой и даже съ папскими легатами, патріархъ Писій былъ жалкій попрошайка, рабъ турецкаго султана, церковный откупщикъ. Но, въ силу историческихъ заслугъ православія передъ чистою совѣстью человѣчества, даже ничтожныя по уственному развитію, даже низменные по нравственному уровню представители Восточной Церкви, появляясь изрѣдка въ Кіевъ и въ Москвѣ, дѣйствовали на ходъ событій могущественнѣе папскихъ нунціевъ, которые одни изъ всѣхъ иностранныхъ пословъ постоянно резидовали при дворѣ польскихъ королей. Патріархъ Теофанъ, восхваленный въ Кормчей Книгѣ до зѣла, своею проповѣдью въ обществѣ Сагайдачнаго, о „христіанскомъ родѣ“ Русскомъ, далъ новое бытіе уничтоженной папою кіевской митрополии; патріархъ Писій, не восхваленный въ Кормчей Книгѣ вовсе, появился въ обществѣ Хмельницкаго какъ бы для того, чтобы эту повернутую къ папству митрополю повернуть обратно на путь православный. Теофанъ обратилъ къ покаянію разорителей православнаго царства; Писій разорителямъ царства католическаго внушилъ воссоединительную въ своемъ результатѣ мысль—объявить себя защитниками православной вѣры.

Всѣ наблюдавшіе Хмельницкаго по его возвращеніи въ Украину находили поступки его загадочными и странными, видѣли въ немъ что-то похожее на умозступленіе. Инымъ человѣкомъ сдѣлался и Сагайдачный послѣ пребыванія въ Кіевѣ іерусалимскаго патріарха. Что говорилъ и дѣлалъ Писій среди козаковъ, это осталось такъ точно неизвѣстнымъ, какъ и пребываніе Теофана въ „обоихъ русскихъ пре-

дѣлахъ“, въ обѣихъ нашихъ Россіяхъ. Но изъ дѣлъ Сибирскаго Приказа въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи мы знаемъ, что онъ, какъ и Теофанъ, проповѣдывалъ православное единомысліе. Знаемъ также, что еще до плавецкой таборщины Хмельницкій послалъ на встрѣчу Паисію къ волошской грѣницѣ полковника Мужиловскаго съ отрядомъ козаковъ, которые и препроводили его въ Кіевъ. Встрѣча, сдѣланная Хмельницкому въ Кіевѣ, была слѣдствіемъ этого распоряженія, а послѣ того Хмельницкій отправилъ іерусалимскаго патріарха въ Москву для вовлеченія царя въ козацкую войну. Сопровождалъ его тотъ же Мужиловскій. По устному наказу Хмельницкаго, Мужиловскій добился позволенія видѣть „свѣтлыя государевы очи“ въ присутствіи патріарха Паисія и „положить подъ ноги царскаго величества“ написанный на бумагѣ словесный гетманскій наказъ, котораго не согласился онъ открыть царскимъ сановникамъ.

Въ этомъ наказѣ интереснѣе всего начальныя слова: „Война таа, которая всчалася между козаками Войска Запорожскаго и Ляхами, не откуда иуды, одно: не могучи козаки Войска Запорожскаго бѣдъ, утрапена и утисковъ отъ Ляховъ козакомъ выраженныхъ терпѣти“, и т. д. Что касается гоненія вѣры, то, по письму Мужиловскаго, вотъ въ чемъ оно состояло: „Когда Хмельницкій ушелъ съ товариществомъ своимъ на Запорожье, тамъ Ляхи, чиначи на здоровье Богдана Хмельницкаго разныя ему пакости, и товариществу его выражали — въ домахъ ихъ маетность всю побрати, женъ и дѣтей мучити, а на остатокъ вѣру православную христіанскую мечемъ выкоренати—ту себѣ предъ ся взяли мысль“, вотъ и все.

Татары (сказано въ устномъ наказѣ Мужиловскому) „услышавъ о той войнѣ, съ стороны смотрѣли: больная нога послизняется... и яко воинъ воини помогъ, сына Потоцкаго раненаго поймали... а сами съ ордою слявшись, всякій по себѣ своимъ кошемъ до табора Николая Потоцкаго тягнули“.

Потоцкій и его соратники, въ этомъ рукописаніи козацкомъ, представлены сожигателями корсунскихъ церквей (а мы знаемъ, что замочекъ съ церквью остался цѣлъ, церкви же въ тѣ времена и въ такихъ опасныхъ мѣстностяхъ нигдѣ не строились, какъ только въ „замкахъ“),—изображены грабителями церковныхъ аппаратовъ и сосудовъ, попирателями агнцевъ Божіихъ, тѣла Христова, посягателями священниковъ, за что де Богъ и покаралъ Потоцкаго съ его товарищамипанами татарскою неволею и мечемъ Хмельницкаго.

Далѣе говорится, что о смерти короля Владислава Хмельницкій узналъ только подъ Паволочью, а „поспльство, довѣдався, что коро-

ли въ землѣ нѣтъ, въ козачество все поворотилось“, избивая на обѣихъ сторонахъ Днѣпра пановъ своихъ, Ляховъ, Жидовъ, всендзовъ и опустошая костелы вмѣстѣ съ городами. Подъ Глвнянами (писалъ Мужилловскій) собралось польскаго войска 120.000, и пришло оно подъ Пилявцы, имѣя 100 пушекъ. Туда явилась „нечаемая бѣлогородская Орда“, и козаки однихъ Ляховъ „подъ Пилявцами въ рѣкѣ потопили, а иныхъ въ Константиновѣ побили и потопили, а за иными гнались“, и т. д. „Ляхи сгодне или негодне обрали себѣ короля Казимира“, который де обѣщалъ Хмельницкому „быть русскимъ королемъ, и что саблю взяли, и то бы себѣ держали, крѣпко обѣщались, что одноконечно хотятъ подтвердить. И такъ де масляного заговейна помирились, а по масляномъ заговейнѣ снова восвать, если не будетъ Казимиръ королемъ русскимъ, хочеть Войско Запорожское“. Татаръ де оно имѣеть на помощь себѣ сколько нужно, а самихъ козаковъ—тысячъ триста. Остается де только московскому царю помочь козакамъ, и тогда не только еретики и непріатели православной вѣры будутъ поворены подъ ноги царскаго величества, но „и гробъ Божій изъ руки турецкой съ патріархами“ будетъ освобожденъ.

Съ своей стороны патріархъ Паисій увѣрялъ царя, что Хмельницкій желаетъ поступить подъ высочую руку великаго государства; но Мужилловскій объ этомъ въ своемъ письмѣ почему-то умалчиваетъ.

Глядя по-своему на подвиги Хмельницкаго, царь отправилъ къ нему въ таборъ гонца Василя Михайлова съ письмомъ, внушительно совѣтующимъ прекратить войну. Хмельницкій отвѣчалъ, что не вѣрять миролюбію Ляховъ, и просилъ царя, чтобъ онъ, принявъ козаковъ подъ свое самодержавіе, велѣлъ своимъ людямъ паступить на Ляховъ. Въ противномъ де случаѣ мы *свидѣтельствуемся Богомъ и всѣми святыми*, что „потуду станемъ съ Ляхами биться, покуда насъ православныхъ (и, разумѣется, Татаръ) станеть“.

Смекая, что все это значить, царь, черезъ боярина, Григорія Гавриловича Пушкина, объявилъ Мужилловскому, — что у него заключень вѣчный миръ съ Польшей, который нарушить непозволительно, потому что это будетъ грѣхъ передъ Богомъ и позоръ передъ всѣми христіанскими государями. Козацкій посоль предложилъ царскому боярину такую увертку, чтобы государь позволилъ только „вольнымъ людямъ донскимъ козакамъ“ придти на помощь къ Хмельницкому, и сулил царю нѣсколько городовъ, которые де сдѣлались козацкою собственностью, и если государь приметъ „Запорожское Войско“ въ подданство, то они (козаки) пойдутъ отбивать у Поляковъ и другіе города, въ которыхъ бы жили одни православные христіане.

Этотъ совѣтъ козакоманы называютъ *практическимъ*; но Пушкинъ отвѣчалъ козацкому практику честно, что это дѣло, скрытое отъ людей, не скрется отъ очей всевышняго Бога, предъ которымъ такой поступокъ будетъ такъ же грѣшенъ, какъ и явное нарушеніе мира. А пусть лучше козаки пошлютъ своихъ пословъ въ Польшу и Литву къ панамъ-радѣ уговорить ихъ, чтобъ они, вмѣстѣ съ козаками, выбрали своимъ королемъ русскаго государя, и послали бы о томъ къ великому государю своихъ великихъ пословъ, а если у нихъ король уже избранъ, то они помирились бы съ козаками на томъ, чтобы Запорожскому Войску быть въ подданствѣ великаго государя безъ нарушенія вѣчнаго мира между Польшей и Россіей; и если они на это согласятся, тогда государь приметъ козаковъ подъ свою высокую руку.

Такимъ отвѣтомъ бояринъ Пушкинъ обезоружилъ полковника Мужиловскаго и разрушилъ дерзкіе расчеты Хмельницкаго на московскаго самодержца. Козацкому послу надобно было ретироваться изъ Москвы ни съ чѣмъ,—тѣмъ больше, что его посольская свита заввела Москвѣ, какихъ прекрасныхъ людей предлагалъ ей въ сообщники *практическихъ* дѣйствій свидѣтельствующійся Богомъ разбойникъ. Ночью 24 февраля эта свита взбунтовалась, и хотѣла избить представителя Козацкаго Народа; но онъ бѣжалъ къ стоявшимъ на одномъ съ ними подворьѣ Грекамъ. Въ своей челобитной царю Мужиловскій писалъ, что хотя ему и предоставлено по козацкимъ правамъ наказывать „подданныхъ своихъ“ чѣмъ угодно, однакожь не хочетъ онъ ихъ наказывать, потому что они буанили отъ пьянства, и просилъ уменьшить имъ отпускъ напитоковъ на половину, что и было исполнено.

16 марта Мужиловскаго отпустили обратно въ Малороссію, давъ ему небольшое государево жалованье*), и вмѣстѣ съ нимъ отправили дворянина Григорія Унковскаго да подъячаго Семена Домашнева для переговоровъ съ Хмельницкимъ о государевыхъ дѣлахъ.

Не такой награды ждалъ Мужиловскій. На выѣздѣ изъ Москвы онъ, съ досады, „говорилъ про Московское Государство непригожія слова: что въ Московскомъ Государствѣ правды ни въ чемъ нѣтъ“. Царь послалъ ему въ договку выговоръ, который долженъ былъ учинить Унковскій. Послы ѣхали такъ быстро, что гонецъ съ выгово-

*) Агдасъ гладкій, сукно багрець, сорокъ соболей въ 50 р. и денегъ 30 р. Козакамъ, бывшимъ съ нимъ: 5 человѣкамъ по сукну доброму и по 10 р., денегъ людямъ его пяти же человѣкамъ по 5 р. человѣку. Изъ нихъ оказались одинъ пасынокъ Мужиловскаго, а другой племянникъ, и имъ было дано по 10 р., по сукну доброму да по парѣ соболей, въ 3 р. пара.

рожь настигъ ихъ только въ Переяславѣ. Мужилевскій оправдывался такъ: „Государеву милость къ себѣ и жалованье я помню; гетману и полковникамъ и всему Войску Запорожскому хвалить буду; а про Московское Государство ни съ кѣмъ никакихъ непригожихъ словъ не говорилъ, развѣ въ пьянствѣ что молвилъ, и то не хитростью, по иноземному обычаю, (а потому) что государевою милостью и жалованьемъ побѣхалъ съ Москвы пьянъ“.

Патріархъ Паисій остался въ Москвѣ. Но его проектъ завоеванія Гроба Господня нимало не заохотилъ Типайшаго изъ Государей къ недостойной сдѣлкѣ съ губительнѣйшимъ изъ разбойниковъ. Тѣмъ не менѣе дѣло, начатое патріархомъ Теофаномъ и поколебленное митрополитомъ Могилою, было имъ возобновлено настолько, насколько допускалъ это характеръ козацкой войны. Что вопросъ о древнемъ русскомъ благочестіи стоялъ теперь на прежнемъ, до-могилинскомъ, пути своемъ, видно и изъ отзыва Мужилевскаго въ Москвѣ о пріятелѣ и должникѣ Петра Могилы, Адамѣ Киселѣ,—отзыва, напоминающаго новазаніе литовскаго канцлера объ униатствѣ Киселя. Конфидентъ Хмельницкаго; прежде всего, сообщалъ думнымъ дьякамъ Волошенинову да Алмазу Иванову,—что Кисель—униать, а не истинный христіанинъ; что онъ пытался устроить въ Киевѣ такое патріаршество, какое существуетъ въ Москвѣ, но не рѣшился на это, опасаясь, что вселенскіе патріархи и всѣ православные христіане не позволятъ ему сдѣлать этого, тѣмъ болѣе что патріарха онъ хотѣлъ получить изъ рукъ папы.

До пріѣзда Паисія въ Москву, царь Алексѣй Михайловичъ посмалъ въ панамъ, изображавшимъ собою Польское государство, думнаго дьяка Кунакова „навѣстить ихъ“ и объявить, что „царь явился къ Рѣчи Посполитой милостію своею: писалъ къ атаману козацкому въ Богдану Хмельницкому и ко всему Войску Запорожскому о добромъ и великомъ дѣлѣ, о успокоеннѣйшій войны, чтобъ кровь христіанская унялась“. Когда же новый король, Янъ Казимиръ, увѣдомилъ царя о своемъ восшествіи на престолъ,—въ отвѣтной царской грамотѣ послышалась нота суровая. Грамота заканчивалась такими словами:

„А что къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, вы, братъ нашъ, ваше королевское величество, въ той же грамотѣ писали: брата своего высоковославные памяти, вальснѣйшаго и цедливаго князя литовскаго, его королевское величество, великимъ свѣтломъ христіанства, (что онъ) просвѣтивши весь свѣтъ, преселился до вѣку святыхъ небесныхъ обителей, въ вѣчную хвалу,—и

такъ было писать непристойно, потому что въ той грамотѣ написано превыше человѣка. Одно свѣтило всему — праведное солнце Христосъ, Богъ нашъ, творецъ свѣту, небу и земли: той просвѣщаетъ вся человѣки“.

Но перемѣна въ благоволеніи царя Алексѣя Михайловича въ Польшѣ произошла не отъ одной безтактной и хвастливой грамоты Яна Казимира. Царскій „гонецъ“ Кунаковъ, по возвращеніи въ Москву, представилъ своему государю обширную записку о „Черкасской войнѣ“. Черкасская война интересовала православную Москву вѣрноп. Кунакову было поручено развѣдать о ней и въ дорогѣ, и въ обѣихъ польскихъ столицахъ, вѣдѣть со всѣми тѣми, „что нужно Московскому Государству“. Въ началѣ своего посольства, Кунаковъ „вѣстовымъ письмомъ по латорѣ“ донесъ царю, какъ мы уже знаемъ, что Богданъ Хмельницкій, подъ видомъ войны изъ-за уни, мстил панамъ за свои личные обиды; но черезъ два мѣсяца старательныхъ развѣдокъ представилъ дѣло совсѣмъ въ другомъ видѣ, — представилъ то, „что нужно Московскому Государству“.

„Запорожскимъ де Черкасомъ“ (писалъ онъ) „напередъ того за многіе лѣта отъ Ляховъ *) и отъ унеятъ (было) утѣсненіе большое вѣру благочестивую христіанскую у нихъ ломали, и церкви Божьи печатали, и многія благочестивыя церкви привернули въ унию, и самихъ Черкасъ побивали, и жонъ и дѣтей и животы у нихъ отымали, и всякое насильство и розореніе имъ чинили. Да Черкасомъ же де, сверхъ того, было розореніе отъ Жидовъ, которые держали въ ихъ мѣстехъ отъ пановъ аренды. И тѣ де Жиды ихъ, Черкасъ грабили и наругались надъ ними всячески. Только который Черкашеникъ укуритъ вина, или сварить пиво или медъ, не являсь Жидомъ, или противъ Жида учнетъ говорить не снявъ шапки, и Жиды де за то, спримечываясь съ ними за пѣсмѣхъ, ихъ грабили и разоряли, животы ихъ отымали, и женъ и дѣтей въ работу имали насильствомъ. Да и сами де паны у Черкасъ у многихъ поимали жены и дѣти, и животы, и многое имъ наруганье и разореніе учинили“.

За такія кривды (пересказывалъ слышанное въ православномъ народѣ Кунаковъ) воеводы жаловались королю Владиславу. „И призвавъ

*) Подъ словомъ *Ляхи* разумѣли Русскіе люди пановъ, совратившихся въ католичество, протестанство и въ униатскій пализмъ, (такъ называемую *римскую* вѣру). Коренныхъ Половусовъ называли въ Москвѣ Поляками. Отъ этого, въ тогдашнихъ письменахъ встрѣчаются такія выраженія: „пришли Ляхи и Поляки“.

де Владиславъ король Богдана Хмельницкаго *) и Черкасъ челобитчиковъ въ покоевые хоромы, и говорилъ имъ, что санатаріи его вдалились въ свою волю, панство его пустошатъ, а его мало слушаютъ. И отпасава де Владиславъ король саблю, далъ Богдану Хмельницкому и сказавъ: то де ему королевской знакъ: имѣють они при бокахъ своихъ сабли, и они бѣ тѣмъ своимъ обидникомъ не поддавались, и кривды ихъ мстили имъ саблями; и какъ время дойдетъ, и они бѣ на поганцовъ и на его королевскихъ непослушниковъ были во всей его королевской волѣ“.

Въ такомъ духѣ была составлена вся записка. Хотя въ ней не было ни инвизиціонныхъ сценъ, какими приправляютъ свои повѣствованія малорусскіе лѣтописцы, ни жидовскихъ ругательствъ надъ религіозными обрядами, изобрѣтенныхъ козацкими кобзарями, но и того было довольно, что козаки воевали за православную вѣру и были призваны королемъ къ усмиренію непослушниковъ его. Не король, стало быть, посылалъ войско на Хмельницкаго за рѣку Рось да за рѣчку Тясминъ: это дѣлали „санатаріи“, что вдалились въ свою волю, что пустошили государство и мало слушали короля. Хмельницкій былъ не бунтовщикъ, а пособникъ своего государя въ защитѣ притѣсняемой папистами вѣры, въ защитѣ его царственности. Кунаковъ пересказывалъ поношенія Хмельницкаго въ томъ видѣ, въ какомъ они вошли въ лѣтописи и въ монографіи, отъ незнакомнаго сочинителя мурованнаго столба и мѣднаго быка до всѣмъ извѣстнаго Костомарова включительно.

„Когда Лахи и погонщики“ (посланные въ погоню) „сѣхали въ полѣ Богдана Хмельницкаго, и Богданъ де послалъ къ нимъ отъ себя Черкасъ двухъ человекъ, и велѣлъ имъ говорить: для чего они на нихъ, товарищей и на единокровныхъ, паче жъ на единовѣрныхъ, вооружались? а у нихъ де идетъ не о себѣ, а о благочестивой христіанской вѣрѣ, и они де погонщики есть ли на благочестивую христіанскую вѣру возстали сопча, и они Богу отвѣтъ дадутъ, а Богъ де и товарищи ихъ противъ ихъ и единокровныхъ и единовѣрныхъ своихъ товарищей сабель не поднимаютъ. И Черкасы де погонщики Ляховъ перевалили, а которые противились, и тѣхъ побили. И Богданъ де принималъ ихъ къ себѣ, и многія у нихъ рѣчи были со слезами о вѣрѣ христіанской“.

*) Кунаковъ имя Хмельницкаго писалъ сперва чрезъ ъ, а потомъ сталъ писать чрезъ е, во малоруссини.

Если Хмельницкій заставилъ большинство польско-русскихъ пановъ приписывать козацкій бунтъ украинскимъ землевладѣльцамъ, то его краковскіе и варшавскіе пособники безъ труда могли увѣрить царскаго гонца, что козакамъ „идеть не о себѣ, а о благочестивой христіанской вѣрѣ“, о которой „многія у нихъ рѣчи были со слезами“. А что Кунаковъ находился подѣ влияніемъ тайныхъ и явныхъ хмельничанъ; это всего яснѣе видно изъ его пересказа о призывѣ Татаръ.

„И Богданъ Хмельницкій съ татарскими мурзы договорились и укрѣпились на томъ, что ясырь“ (подъ которыми, очевидно, разумѣются здѣсь только военнопленные) „имать Татарамъ, а лошади и животину дуванить пополамъ, а скарбъ и животы — Черкасомъ. И тѣмъ Богданъ Хмельницкій обоихъ людей отъ ссоры уберегъ“.

О взаимныхъ отношеніяхъ сословій и властей Кунаковъ докладывалъ царю такъ; какъ доложилъ бы ему самъ Хмельницкій:

„И паны-рады совѣтуютъ, межъ себя роздѣлясь, и нелюбовь межъ пановъ-радъ большая. А шляхта и многіе мѣщане говорятъ свѣту, что паны-рада, въ своемъ нелюбѣ, Рѣчь Посполитую губятъ и такую великую Черкасскую и Татарскую войну ставать ни во што; видя неприятельскую саблю на головахъ своихъ, о оборонѣ панства не промышляютъ, отъ гордости и въ нелюбѣ своемъ не образуматца. А та де бѣда и злое разоренье учинилось отъ ихъ же панской гордости и отъ налоговъ, и пришла де на ихъ Божья месть, и святое евангельское слово исполняетца: которую чашею они, пышныя паны зъ Жидами, поили бѣдныхъ Черкасъ, и нынѣ де тую чашу сами многіе пьютъ и впередъ будутъ пить, а подлѣ ихъ и невинныя убогіе люди погибають. Да гонцу жъ (то есть ему, Кунакову) сказывали въ разговорѣхъ многіе люди, что Казимера де короля хотѣнье есть и того желаетъ, чтобъ Богданъ Хмельницкій пановъ-радъ сломилъ и ему послушныхъ учинилъ, и чтобъ паны-рада и шляхетство были во всей его королевской волѣ“.

Наконецъ, Кунаковъ пересказывалъ распускаемый козаками слухъ, что „всѣ паны-рада говорили и на мѣрѣ немногого того не поставили, чтобъ во всей королевской державѣ благочестивую христіанскую вѣру искоренить въ жонецъ, и была бъ во всей королевской державѣ одна вѣра, какъ и въ Московскомъ Государствѣ, чтобъ въ королевской области за вѣру межъ панства и простыхъ народовъ розни и несогласья не было“.

Такъ іезуитски подкапывались козаки, въ нѣмомъ согласіи съ обнищавшимъ духовенствомъ, подѣ фундаментъ, на которомъ іезуиты думали утвердить нерушимую цѣлость Рѣчи Посполитой. Заинтересо-

ванный со стороны монархизма, борющагося съ панами-республиканцами, московскій царь тѣмъ еще болѣе безоконолся о судьбѣ малорускаго православія, что древнему русскому благочестію предстояло паденіе на кievской почвѣ въ случаѣ торжества панскаго оружія надъ возацкимъ. Было достаточно и однихъ этихъ побужденій для того, чтобы склонить мысли самодержавнаго монарха въ пользу панскихъ противнѣжковъ. Но представители польской національности, не сознавая, какъ для нихъ опасно столкновеніе съ національностью русскою вообще, возбудили противъ себя Русь и по отношенію къ достоинству московскаго царя.

Кунаковъ прибылъ въ Краковъ въ началѣ февраля 1649 года; но царская грамота, которую онъ привезъ, была писана еще до полученія въ Москвѣ вѣсти объ избраніи Яна Казимира; поэтому онъ могъ имѣть дѣло только съ примасомъ и съ панами рады.

Когда царскому гонцу было вручено расписаніе предстоявшей ему аудіенціи у примаса и пановъ рады, Кунаковъ сдѣлалъ имъ, чрезъ посредство ихъ докладчика, такое внушеніе:

„То мнѣ въ великое подивленіе, что паны-рада великому государю нашему, его царскому величеству, достойныя чести воздать не умѣютъ. Для чего въ томъ письмѣ не написано, что паномъ-радѣ про здоровье его, государя нашего, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца, спросити вставъ? И государь вашъ Владиславъ король про его государское здоровье спрашивалъ его царскаго величества пословъ и посланниковъ и гонцовъ всегда вставая и шляпу снимая; а имъ, паномъ-радѣ, его королевскаго величества подданнымъ, пригоже наипаче того великому государю нашему, его царскому величеству, достойную честь воздавать“.

Въ самомъ дѣлѣ, было верхомъ безразсудства выказывать относительно московскаго царя высокоуміе теперь, когда судьба Польши зависѣла отъ его благосклонности. Но римскіе просвѣтители правительствующихъ сословій польскихъ давно уже похитили у нихъ ключъ политическаго разумѣнія. Въмѣсто цѣлости отечества, паны, съ королемъ во главѣ, заботились о достоинствахъ католическаго прелата.

Жалкіе правители обуреваемого государства держали совѣтъ по возбужденному думнымъ дьякомъ вопросу, и приговорили, чтобы примасъ освѣдомился о царскомъ здоровьѣ *сидя*. Узнавъ объ этомъ, царскій гонецъ сдѣлалъ имъ выговоръ, сознавая, безъ сомнѣнія, какую силу задѣваютъ *безмыслие* (такой эпитетъ придавали Москали Полякамъ), и какое можетъ послѣдовать за то возмездіе:

„Или у васъ архидіаконъ наивышши королевскаго величества, что королевское величество про здоровье великаго государя нашего спрашивалъ всегда стоя, а архидіакону спрашивать сидя? Слушное ль то дѣло? И помыслить про то страшно. А великій государь нашъ, его царское величество, жалѣя объ васъ, что вы остались безгосударны, прислалъ меня къ вамъ съ своего царскаго величества грамотою въ вашихъ негодахъ навѣстити, и писалъ въ своей государевой грамотѣ о великихъ государственныхъ дѣлахъ, которые настоятъ обоимъ великимъ государствамъ къ повою и къ тишинѣ и ко всякому добру, и паномъ-радѣ ту царскаго величества милость надобно было знать“.

Для представителей римскаго просвѣщенія тѣмъ зазорнѣе было выслушать отъ Москаля подобную нотацію, что, повертѣвшись нѣсколько дней, они были заставлены, во все время какъ онъ читалъ „царское именованье и государскіе титулы“, стоять со своимъ архидіакономъ безъ шапокъ, а „также и про царское здоровье спросить съ полнымъ государскимъ именованьемъ и государеву грамоту принять— по тому жъ, стоя безъ шапокъ“.

Въ пиву римскому папѣ, Кунаковъ потребовалъ, чтобы при аудіенціи папскій легатъ не присутствовалъ. „Легату римскому“ (объявилъ онъ) „и въ полатѣ той у пановъ-радѣ быть при немъ непригоже, а не токмо что ему въ то время съ паны-рады сидѣть, потому: присланъ я отъ великаго государя, отъ его царскаго величества, къ паномъ-радѣ Коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго, а легату до того какое дѣло? И только въ то время легатъ хотя и въ полатѣ у пановъ-радѣ будетъ, а не токмо что съ паны-рады учнетъ сидѣть, и мнѣ къ паномъ-радѣ идти не мочно“.

Уничженны въ лицѣ своего гостя и политическаго наставника паны-рады, узнавъ содержаніе грамоты, благодарили царя (какъ писалъ Купаковъ) за то, что онъ не воспользовался ихъ великимъ упадкомъ, не наступилъ на ихъ увраины и не сдѣлалъ имъ никакой неправды въ ихъ вдовье время; но въ благодарственной грамотѣ хотѣли написать сперва имя своего нововбраннаго короля, потомъ имя архидіакона гнѣзвенскаго и всѣхъ пановъ-рады, а потомъ уже имя московскаго царя съ его полными титулами. Кунаковъ снова замѣтилъ строго, что „новыхъ непристойныхъ къ государской чести образцовъ вчинать имъ непригоже, — что объ этомъ даже и помыслить непристойно и страшно“. Паны были принуждены написать свою благодарность по указанію московскаго дьяка.

Въ Москвѣ не забыли тяжкихъ обидъ и оскорбленій, нанесенныхъ русской національности латинизованными панами въ Смутное Время.

Но не единымъ словомъ не помануль стараго Кунаковъ теперь, когда бывшіе владыки Москвы очутились подъ ногами „растоптавшаго польскую славу“ козака. Онъ дѣйствовалъ съ благороднымъ тактомъ и съ истиннымъ достоинствомъ по вопросу о присоединеніи Русской Земли къ *Русіи*, вопросу, очевидно, уже предрѣшенному, и въ бесѣдѣ съ представителями Польши твердилъ одно:

„Нашему великому государю, его царскому величеству, недруга ни съ которые стороны отъ иноземныхъ государей нѣтъ. Нашъ великій государь, его царское величество, жалѣя о васъ, что вы остались безгосударны, велѣлъ мнѣ васъ навѣстить, и писалъ въ своей царскаго величества грамотѣ о покоѣ христіанскомъ; также и къ гетману къ Богдану Хмельницкому отъ великаго государя нашего, отъ его царскаго величества, писано, чтобъ онъ, сослався съ нами-рады, нынѣшнюю междоусобную войну и многое кровопролитіе умирилъ; и та его царская милость къ вамъ и ко всей Рѣчи Посполитой нынѣ и самимъ вамъ явна. А войска у великаго государя нашего, у его царскаго величества, всегда наготовѣ многая рать, и царскаго величества у бояръ и воеводъ по полямъ росписаны, по тридцати и по сороку тысячъ въ полку и больши; такъ же и гусары, и райтары, и драгуны, и салдаты въ строенѣхъ у полковниковъ и у всякихъ начальныхъ людей многіе полки; и всѣ царскаго величества войска воинскому ратному рыцарскому строю навичны. Хотя ему, великому государю нашему, и недруга никого нѣтъ, только его государскимъ разсмотрѣнемъ во всѣхъ его государствахъ и по украинамъ войска многіе полки всегда наготовѣ. И ко всѣмъ людямъ, къ подданнымъ своимъ и къ иноземцовъ, государь нашъ, его царское величество, милостивъ и щедръ, и наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ, и храброму ученью навиченъ, и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣнье держать большое по-своему чину и достоянью“.

Поѣздка Кунакова въ Краковъ и Варшаву была своего рода политическая пропаганда, основанная на заявленіяхъ украинскихъ и бѣлорусскихъ жителей о желаніи присоединиться къ Россіи. Но, не ограничиваясь этой пропагандою, Москва, какъ мы видѣли, послала и въ Козацкую Украину такого же гонца, дворянина Унговскаго. Унговскій долженъ былъ вывѣдывать всѣ тѣ данныя, на которыхъ предстояло строить политическое единство Русской Земли.

Дѣла Сибирскаго Приказа въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи сохранили слѣдующія подробности этого посольства.

Въ сопровожденіи полковника Мужилевскаго, Унговскій ѣхалъ изъ Путивля на Конотопъ, Красный, Прилуки, Басань, Переяславъ,

Глемязовъ, и 10 верстъ плылъ внизъ по Днѣпру, переправляясь въ Домонтовѣ. 15 апрѣля прибылъ онъ въ Черкасн (которые въ статейномъ спискѣ своимъ называютъ Черкаскомъ), направляясь въ Чигиринъ.

Не доѣзжая 10 верстъ до Чигирина, Мужилловскій поспекалъ впередъ, и встрѣтилъ царскаго посланника, въ сопровожденіи гетманскаго хорунжаго, съ привѣтствіемъ отъ гетмана. Въ полуверстѣ отъ Чигирина встрѣтили царскихъ людей сынъ Хмельницкаго Тимоѣей, два писаря, Кричевскій и Выговскій, войсковой есаулъ, паволочскій войтъ, да еще сотникъ и атаманы, человекъ 20, всѣ пѣшкомъ. Унковскій также сошелъ съ лошади. Молодой Хмельницкій извинялся, что встрѣтилъ его не раньше и притомъ пѣшкомъ. „Подъ городомъ великая вода. Онесла она мосты и плотины, а судовъ такихъ не изготовлено; лошадей перевозить не на чемъ“. Унковскій пригласилъ Тимоѣея сѣсть на лошадь Мужилловскаго, а всѣ остальные пошли пѣшкомъ. Черезъ Тясминъ переправились на лодкахъ. На берегу ждали лошади.

Царскому посланнику отвели квартиру въ домѣ городничаго, Яна. Гетманъ прислалъ Унковскому съѣстные припасы *) съ извиненіемъ, что, по болѣзни, не могъ его встрѣтить. Благодаря за кормъ Унковскій просилъ, чтобы гетманъ принялъ его какъ можно скорѣе и чтобы на его приѣмѣ не было пословъ и посланниковъ другихъ государствъ.

На другой день, 17 апрѣля, къ Унковскому пришли два писаря, войсковой есаулъ, паволочскій войтъ и чигиринскій атаманъ съ приглашеніемъ на свиданіе съ гетманомъ. Унковскій поѣхалъ на присланномъ отъ гетмана конѣ. Впереди подъячій везъ государеву грамоту, а по сторонамъ шли писаря, есаулъ, войтъ и атаманъ. На гетманскомъ дворѣ, у крыльца, встрѣтили его близкіе гетманскіе люди, а въ свѣтлицѣ, у самой двери, самъ гетманъ.

Принявъ отъ Унковскаго грамоту, Хмельницкій поцѣловалъ печать. То же, по его приказанію, сдѣлалъ обозный Чорнота. Унковскій спросилъ, отъ имени государя, о здоровьѣ гетмана и все войско. Въ

*) Въ статейномъ спискѣ эти припасы изчислены такъ: „10 хлѣбцовъ пшеничныхъ малыхъ; 10 хлѣбцовъ ржаныхъ людскихъ, гуся, утю, двухъ поросятъ, четырехъ куръ, 50 яицъ, 2 сыра, баранъ, ногу говядины, 50 черенковъ соли; питья: стекляницу вина двойнаго, стекляницу вина венгерскаго, стекляницу мальвазея, ведро вина простаго, ведро меду, 5 ведеръ пива, 10 свѣчъ салныхъ, четь овса и остралюкъ сѣна“. Если еще понадобится кормъ, просили обращаться на гетманскій дворъ.

отвѣтъ на это всё нивко повиновились. Гетманъ также спросилъ о здоровьѣ государя и царевича Дмитрія Алексѣевича. Тогда посланникъ объявилъ государеву жалованье: гетману три сорока соболей, сыновьямъ его, Тимоѣю и Юрію, обозному Ивану Чорнотѣ, писарямъ Ивану Кричевскому да Ивану Выговскому, войсковому эсаулу Михайлу Гетману, Костырскому Яну, полковникамъ: черниговскому Оедору Вешняку, корсунскому Морозенку, вѣжинскому Шумейку, миргородскому Матвѣю Гладкому—по парѣ соболей *). Хмельницкій прочелъ царскую грамоту про себя и, снова поцѣловавъ печать, отдалъ Выговскому, благодарилъ за милостивое слово, посадилъ Унковскаго возлѣ себя и, когда полковники усѣлись по скамьямъ, пригласилъ его къ обѣду. За обѣдомъ о предметѣ посольства не говорили.

Черезъ день Унковскій снова пріѣхалъ къ гетману съ прежней церемоніей и нашелъ у него всю старшину, какая на то время оказалась въ Чигиринѣ. Подаровавшись, гетманъ удалился съ нимъ, съ его подъячимъ и съ Выговскимъ въ отдѣльную комнату. Прочіе были собраны въ домѣ Хмельницкаго лишь для того, чтобы служить органомъ толковъ о царскомъ посольствѣ и пускать въ ходъ о немъ вѣсти, какія были нужны козацкимъ политикамъ.

Запершись вчетверомъ отъ своего національнаго собранія, Хмельницкій объявилъ, что не можетъ, какъ написано въ грамотѣ, послать къ панамъ-радѣ съ ходатайствомъ объ избраніи царя на польскій престолъ. „То дѣло миновалось: въ Польшѣ король избранъ. Пускай теперь государь самъ наступитъ на Литву, и она навѣрное предложитъ ему свою корону; а на Польшу я и Войско Запорожское помощи не просить. Польшѣ противъ насъ и крымскаго царя не угодятъ; и великій государь станетъ государемъ Литвѣ и Польши. Да писадъ я, чтобы великій государь принялъ меня съ войскомъ подъ свою высокую руку; но въ царской грамотѣ отвѣта на это нѣтъ. Не наказано ли тебѣ что-нибудь объ этомъ?“

Унковскій отвѣчалъ: „Если дастъ Богъ, вы освободитесь отъ Польши и Литвы *безъ нарушенія мира*, тогда великій государь васъ пожалуетъ, велитъ вамъ быть подъ его высокую руку“.

„Да мы и теперь свободны“ (сказалъ Хмельницкій). „Цѣловали мы крестъ служить вѣрой и правдой королю Владиславу, а теперь въ Польшѣ и Литвѣ избранъ королемъ Янъ Казимиръ и коронованъ; однако, насъ Господь отъ нихъ избавилъ. Корола мы не выбирали и креста ему не цѣловали, а они къ намъ о томъ не писали и не

*) Достоинно замѣчанія, что Унковскій обошелъ подаркомъ наволочскаго войска, не смотря на его видную роль въ церемоніалѣ Хмельницкаго.

прислали, а потому мы свободны. Почему же теперь государю не помочь намъ? Если онъ опасается Польши и Литвы, что въ прошлые годы причинили Московскому Государству многія бѣды и разореніе, то теперь этого опасаться нечего: безъ нашего Запорожскаго Войска вездѣ они будутъ худы, а и въ тѣхъ-то войнахъ были сильны лишь нашимъ войскомъ. Теперь счастье само дается въ руки государю: безъ всякаго ущерба, онъ можетъ получить большое государство и множество ратныхъ людей. А мы делаемъ поступить подъ государеву руку, потому что наша благочестивая вѣра явилась отъ общаго корня, отъ Св. Владимира, только Ляхи своими неправдами отлучили насъ отъ Московскаго Государства. А я такъ думаю: на чьей сторонѣ Войско Запорожское и вся Вѣлая Русь будетъ; та сторона будетъ страшна всѣмъ непріятелямъ, потому что Войско Запорожское имѣетъ огромныя силы, что извѣстно и государю, и если насъ великій государь не принимаетъ и отъ своей милости отгоняетъ, то намъ кажется, что мы, православные христіане, ему негодны, и милостивымъ къ намъ быть не хочетъ“.

Здѣсь надобно упомянуть, что въ Черкасахъ Унковскій видѣлся (конечно, не случайно) съ сотникомъ Яномъ Кравченкомъ, который только что вернулся изъ Крыма и сообщилъ ему, что крымскій ханъ со всей Ордой идетъ въ Хмельницкому, и будетъ въ Троицкую дню, и говорилъ ему: „Какъ намъ Богъ поможетъ побѣдовать Ляховъ, тогда вы, козаки, идите съ нами воевать Москалей за ихъ неправды,—что она нынѣ во всемъ передъ прежними крымскими царями чинятъ намъ великія кривды, казну даютъ не сполна и пословъ нашихъ безчестятъ и по городамъ рассылаютъ, и голодомъ морятъ“.

Не смотря на влѣтенное увѣреніе сотника Яна, что ханъ дѣлалъ такія угрозы, представитель крѣпководимой Москвы отвѣчалъ на разбойное домогательство представителя днѣпровской вольницы спокойно:

„Такія рѣчи говоришь ты, гетманъ, не помня къ себѣ царской милости. Отъ вѣна прежніе гетманы и Войско Запорожское не видали такихъ милостей, какъ милость къ тебѣ. Въ прошломъ 156 (1648) году прислали къ государю извѣстіе наны-рада польскіе и литовскіе, что Войско Запорожское отъ нихъ отложилось и войну противъ нихъ начало, а потому просили на васъ помочи ратными людьми, согласно договору; но великій государь и не подумалъ послать на васъ войско, а напротивъ, отвѣчалъ, чтобъ они войны и кровопролитіе прекратили. Затѣмъ, когда государь узналъ, что у васъ хлѣбъ не родился, саранча поѣла, а соли по причинѣ войны добыть негдѣ, то позволилъ

вамъ покупать хлѣбъ, соль и всякіе товары въ своихъ городахъ и пріѣзжать для покупки торговымъ людямъ. Что, еслибы великій государь запретилъ вамъ вывозить изъ своего государства хлѣбъ, соль и всякіе товары? Вѣдь вы тогда всѣ умерли бы съ голода. Когда я ѣхалъ сюда черкасскими городами, то народъ говорилъ мнѣ, что они всѣ молятъ Бога за эту милость государеву. Да вотъ и сейчасъ государь жалуетъ васъ новою милостью: дозволяетъ вашимъ людямъ вывозить всякіе товары въ свои порубажные города безпошлинно“.

Гетманъ съ благодарностью объявилъ, что онъ также прикажетъ пропускать изъ Московскаго Государства торговыхъ людей со всякими товарами безпошлинно же.

„А долго ли быть у васъ войнѣ съ Поляками“ (спросилъ Унковскій), „и на чемъ вы хотите порѣшить?“

„Ну, нашей войнѣ съ Ляхами и Литвою конецъ одинъ Богъ вѣдаетъ“ (отвѣчалъ Хмельницкій). „Много они намъ бѣдъ и разореній причинили: святыя Божіи церкви свершили, насъ *жогали* неволить въ свою проклятую вѣру; но милосердный Богъ ирзрѣлъ на наши слезы и терзніе, не допустилъ ихъ въ конецъ насъ разорить, подавши намъ побѣду на нихъ за ихъ злодѣйство, а мнѣ, послѣднему въ челоуѣцѣхъ, повелѣлъ надъ Войскомъ Запорожскимъ въ войнѣ себѣ начальникомъ быть и надъ Ляхами побѣды имѣть. Послѣ этихъ побѣдъ Ляхи и Литва прислали къ намъ пословъ и много разъ писали, чтобъ намъ по-прежнему быть подъ ихъ властью на томъ условіи, что они будутъ почитать святыя Божіи церкви и православную христіанскую вѣру, не будутъ держать лицевъ духовныхъ и дадутъ намъ во всемъ повольность, а мнѣ, гетману, дадутъ городъ Чигиринъ да еще четыре города, гдѣ я хочу, и кромѣ того кіевское воеводство: въ этомъ они готовы присягнуть. Однако, мы знаемъ, какова ихъ присяга. И прежде они не разъ присягали, да присяга не удерживала ихъ отъ притѣсненій и кровопролитія. А теперь, какъ слышшею, за вѣдѣшнюю войну гровятъ не оставить въ живыхъ ни одного козацкаго младенца. Я съ своей стороны предлагалъ имъ помириться на томъ, чтобы имъ, Ляхамъ и Литвѣ, до насъ, Войска Запорожскаго, и до Бѣлой Руси дѣла не было, а границы наши и Бѣлой Руси были бы тѣ же, какъ владѣли благочестивые великіе князья. Если они не пойдутъ на предложенныя мною условія, то война затянется Богъ знаетъ до какихъ поръ; а если согласятся помириться, то послѣ мира къ кому намъ обратиться, какъ не къ великому московскому государю? Не турецкаго царя и не нѣмецкихъ королей призывать“.

Какъ ни бравуретвовалъ, какъ ни лгалъ татарскій побратимъ передъ царскимъ посланникомъ, тотъ молча смекалъ, что у него на умѣ, и не пошелъ дальше увѣреній, выслушанныхъ Мужилковскимъ въ Москвѣ, что великій государь, его царское величество, гетмана и все Запорожское Войско *жалуетъ и милостиво похваляетъ*.

Не зная, чѣмъ импонировать выдавшему виды Москалю, Хмельницкій принялся снова хвастать и лгать: „Если, Богъ дастъ, эту войну кончимъ благополучно, тогда и *царь* (то-есть ханъ) со всѣмъ Крымомъ хочетъ освободиться изъ неволи отъ турецкаго султана, и меня съ Войскомъ Запорожскимъ позоветъ на помощь, а за помощь уступаетъ намъ весь турецкій полонъ и животы, какъ мы поступились ему польскимъ полономъ и животами... (въ обоихъ полоняхъ православные составляли огромное большинство). Да ханъ же говорилъ мнѣ, что у нихъ мудрые люди въ книгахъ своихъ нашли, что пришло время православнымъ христіанамъ освободиться отъ всѣхъ вѣръ. Въ то время, какъ наши послы были у хана, пришли къ нему послы и отъ польскаго короля и пановъ рады, и предлагали ему получить большую казну, съ условіемъ отступить отъ Войска Запорожскаго. Ханъ прислалъ королевскій листъ ко мнѣ и спрашивалъ, какъ ему поступить. Я посовѣтовалъ ему взять ту казну, которую ему даютъ, и потомъ идти съ нами воевать. Онъ такъ и сдѣлалъ. Да въ прошломъ году, послѣ польской войны, ханъ предложилъ мнѣ идти съ нимъ воевать Московское Государство, по я его унялъ, пригрозивши тѣмъ, что если онъ поплетъ свое войско подъ государевы украинные города, то мы, Войско Запорожское, отступимся отъ него и пойдемъ воевать Крымъ, потому что у насъ съ Московскимъ Государствомъ единственно православная христіанская вѣра“...

Такъ ораторствовалъ Хмельницкій передъ царскимъ дворяниномъ. Но тотъ былъ себѣ на умѣ, и не пошелъ дальше милостивой похвалы Запорожскому Войску.

Слухи о сношеніяхъ Козацкаго Народа съ московскимъ царемъ давно уже тревожили правителей Народа Шляхтскаго. Еще въ „Дискурсѣ“ Конецпольскаго было высказано опасеніе, что Москали, владѣя Крымомъ, оторвутъ козаковъ отъ Польши и вѣрою, и надеждою добычи, а потомъ оторвутъ и всю Русь. Опасная межень въ составѣ Польскаго государства постоянно давала себя чувствовать его составителямъ. Не постигая духа великой націи, воспитанной православіемъ, католики вѣрили *коварнымъ* стачкамъ русскихъ государственниковъ съ русскими антигосударственниками, и не находили ничего естественнаго въ томъ, что козаки поступились Москалямъ Украиной

по Днѣпръ, а тѣ тайкомъ обязались помогать козакамъ разорять Польшу. Имъ грезились царскія посольства въ Украинну, предательскіе договоры атамана разбойниковъ съ преемникомъ Іоанновъ; а Хмельницкій, пользуясь этимъ, пускалъ въ ходъ выдумки, по давнишнему козацкому обычаю. Вѣрили *такимъ* договорамъ его съ царемъ и козаки, такъ какъ, не смотря на все ихъ злодѣйства въ Московщинѣ, послѣднимъ убѣжищемъ представлялась имъ все-таки Царская Земля. Поэтому-то полученная отъ царя грамота, дважды поцѣлованная публично гетманомъ, была сообщена одному Выговскому, и переговоры съ Унжовскимъ велись тайнственно, только въ присутствіи гетманскаго канцлера.

Правда факта проникала и въ панскія головы; но головъ, способныхъ отличать истину отъ вымысла, въ оіезученномъ обществѣ было немного. Такъ, по современнымъ польскимъ письменамъ, царь, осаждаемый просьбами днѣпровскихъ козаковъ о наступленіи на его супостатовъ, уклонялся отъ разрыва съ Польшею, и желалъ успѣха козакамъ лишь въ такомъ случаѣ, *если причиною ихъ бунта одна только вѣра*. Но большинство пановъ, съ іезуитской факціей и королемъ во главѣ, относилось къ царской и къ гетманской политикѣ безразлично.

Королевскіе сановники знали, что Хмѣль вопелъ въ свошеніи и съ другими сосѣдями. Относительно политическихъ развѣдокъ они были дѣятельнѣе, чѣмъ въ добываніи вѣстей о неприятелѣ посредствомъ боевыхъ подвѣздовъ. Они знали, что трансильванскій князь Ракоцій замскиваетъ расположенности козаковъ въ виду своей борьбы съ Габсбургскимъ домомъ, и что онъ питаетъ надежду, съ помощью Хмельницкаго, овладѣть польскимъ престоломъ, на который иѣтилъ его отецъ, и который, по смерти отца, нѣкоторые паны во время элекціоннаго сейма, были готовы предоставить сыну. Знали королевскіе люди и то, что оба придунайскіе князьки опасались, какъ бы Хмельницкій, за татарскую помощь, не отдалъ Волоховъ и Мултанъ Туркамъ въ полное подданство. У нихъ носился слухъ, что, еще до похода на Воынь, козацкое посольство было въ Константинополѣ и обѣщало султану всю Русскую Землю отъ Днѣстра до Люблина, съ тѣмъ чтобы козаки находились подъ покровительствомъ Турціи, какъ данники. Наконецъ, они узнали, что турецкій посланникъ отправленъ къ Хмельницкому для заключенія торговаго и оборонительнаго договора. Венеціанская война склонялась въ пользу Турокъ. Республика Св. Марка предлагала уже султану денежную сдѣлку. Еслибы Турція удосужилась на морѣ, тогда силы ея должны были

обратиться къ войнѣ сухопутной, и всего скорѣе—къ войнѣ съ Лехистаномъ, который пугаль Турокъ перемиріемъ съ козаками, готовыми сражаться изъ-за добычи подъ какимъ угодно знаменемъ.

Все это заставляло правительствующихъ пановъ торопиться съ отправкою къ Хмельницкому обѣщанныхъ королямъ комиссаровъ. Но произошла остановка за деньгами. Поляки, предлагавшіе хану, по увѣренію Хмельницкаго, „большую кавну“, которую будто бы ханъ и получилъ отъ нихъ, не имѣли въ Коронномъ Скарбѣ и такой казны, чтобы дать на дорогу комиссарамъ!... На эту ногу вѣчно хромала олигархическая республика, дававшая частнымъ лицамъ сплоять въ своихъ *скарбовыхъ* милліоны, и не умѣвшая пополнять недочеты государственнаго казначейства.

Королевскіе комиссары были набраны изъ остатковъ старорусской знати, растворившейся уже въ польщизнѣ, хотя нѣкоторые почему-то, или для чего-то, сохраняли еще на себѣ образъ древняго русскаго благочестія, отвергнувъ его духа, духа національности. Первымъ и главнымъ членомъ новой комиссіи былъ назначенъ необходимый до конца панскому большинству Адамъ Свѣнтотыдчъ Кисель; вторымъ—его племянникъ; третьимъ—внукъ Четвертинскій; четвертымъ—Березовскій; пятымъ—Зеленскій. Шестаго, Войцѣха Мясковскаго, по крестному имени католика, слѣдовательно полнаго Ляха, и только по фальшивому—Русина-Недоляпка *), придали къ нимъ въ видѣ надзирателя, яко папскаго прозелита. вмѣстѣ съ комиссарами отправилось въ Козацкую Украину болѣе двадцати человекъ пріоровъ, гвардіановъ и другихъ кеендзовъ, какъ бы для того, чтобы представители римской проповѣди въ польскорусскихъ областяхъ видѣли собственными глазами результаты стараній братіи своей разрушить въ Малороссіи греческую церковь руками ея недавнихъ отступниковъ; и навязать римскую вѣру потомкамъ ея исконныхъ отрицателей.

Отступникъ русской вѣры и національности, Войцѣхъ Мясковскій, какъ и всѣ полонизованные Русичи, былъ чуждъ историческаго разумѣнія, того, что сдѣлала изъ богатаго и спокойнаго края римская проповѣдь вмѣстѣ съ нѣмецкимъ вѣроученіемъ, отрицательно его же порожденнымъ, да съ польскою неурядицей. Такое разумѣніе доступ-

*) Предокъ его былъ какой-нибудь *Дяско*. Нѣкоторые ищутъ Мясковскаго *Мястковскимъ*, но отъ польскаго *miasto* такъ точно нельзя произвести *Miastkowski*, какъ отъ русскаго *Была* польскаго имени *Bielski* (а Поляки желаютъ, чтобы первый, писавшій исторію ихъ по-польски (а не по-латыни), не былъ нашъ Русинъ).

но только людямъ нашего времени, если они не фанативн ляхомани и не архифанативн козакомани. На руину чужой культуры въ родномъ краѣ Мясковскій взиралъ глазами сочувствовавшихъ ему пріоровъ да гвардіановъ,—взиралъ глазами ихъ питомцы, олигархически господствующей, шляхты. Онъ велъ дневникъ новой комиссіи изо дня въ день, и въ своемъ воззрѣніи вдавался въ такія же крайности, какія, въ противоположномъ смыслѣ, были свойственны воззрѣніямъ республиканцевъ-охлократовъ; но тѣмъ не менѣе сохранилъ для насъ многія черты обѣихъ борющихся республикъ. Я представлю эти черты, по возможности, его собственными словами. Пускай каждый свяжетъ ихъ въ умѣ своемъ съ общимъ выраженіемъ польскорусской жизни, стремившейся въ неразлучному сліянію въ „русскомъ морѣ“ наперекоръ всавимъ предусмотрѣніямъ и предотвращеніямъ римско-польскихъ политиковъ, — наперекоръ всѣмъ досадамъ и антипатіямъ, порожденнымъ противоположностью церковной проповѣди, и даже—различіемъ исторической жизни со временъ отдаленныхъ.

Мясковскій могъ выѣхать изъ Варшавы едва черезъ шесть недѣль послѣ элекціи, тогда какъ у другаго правительства и шестидневная отсрочка была бы въ этомъ случаѣ медленностью непростительною. Его задержали „скарбовые люди“ выдачею денегъ на издержки комиссіи. Тѣмъ и начинается онъ дневникъ свой: „dla nieguchłej odprawy Skarbu“, давая этому знать, что повредило второй Киселевской комиссіи со сторонъ правительствующихъ пановъ.

„Земскій маестать (ziemska majestas)“, по волѣ котораго „цари царствуютъ (reges regnant)“, и который „предъ лицомъ Неба творитъ великихъ монарховъ (teste coelo wielkich monarchiów kreują)“, какъ выражались ораторы на избирательномъ сеймѣ,—этотъ шляхетскій маестать сотворилъ великаго монарха изъ маленькаго Яна Казимира, но не могъ снабдить его средствами даже для комиссарскаго конвоя. Великій монархъ повелѣлъ одному изъ своихъ вѣрноподданныхъ, литовскому гетману князю Радивилу, дать въ провожатые Киселю съ товарищи „200 коней“, но вѣрноподданный Литворуссъ-кальвинистъ далъ только десятка полтора конныхъ Татаръ (kilkanaście tylko koni Tatarów), найди какую-то отговарку (wymówił się z tej uczynności), въ родѣ той, какою онъ оправдалъ жолнерское козакованье передъ своимъ саповитымъ дѣдушкой.

Неутомимый въ миротворной дѣятельности своей Кисѣль пустился въ путь, не дождавшись денегъ. Мясковскій, выѣхавъ наконецъ съ деньгами 1 января 1649 года, догналъ его 7-го въ Кобринѣ, и вручилъ ему 10.000 золотыхъ на эту дорогу.

Коммиссары, съ ассистенціей своею, двинулись далѣе; подъ прикрытіемъ только сотни драгунъ, на вербованныхъ коштомъ познанскаго бискупа, Андрея Шолдрскаго. Конечно, бискупа интересовала поѣздка ксендзовской миссіи больше, чѣмъ кальвиниста, въ которому вовсе некстати обратился съ повелѣніемъ великій монархъ.

10 января присоединился въ нимъ кievскій каштелянъ Бржозовскій, то-есть Березовскій (которому Оссолинскій исходотайствовалъ обѣщанную каштелянію, въ полной увѣренности, что онъ, вмѣстѣ съ Косомъ и Киселемъ, поможетъ ему устроить унію подтверже Брестской).

14 января съѣхался съ ними племянникъ Киселя, новгородсверскій хорунжій.

16 января прибыли коммиссары въ имѣніе Киселя Гошу, которую называлъ онъ *Гущою* въ польской перепискѣ своей. Козатчина отхлынула за Случь, оставивъ по себѣ не изгладившіеся донинѣ слѣды пожаровъ и всечеловаго разоренія. Несмотря на перемиріе, край все еще волновался, какъ море послѣ бури. По уцѣлѣвшимъ остаткамъ хозяйственной культуры бродили кучы козацкихъ раздражителей, называемыхъ вообще гультаями. Народъ мѣстами поразительно разбогатѣлъ грабежемъ панскихъ имѣній, мѣстами терпѣлъ крайнюю бѣдность. Но каждый вдохновлялся живущею доселѣ пословицей: „Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ щаста“. Неизвѣстно, какъ обстояло хозяйство въ Гошѣ, но жена Киселя сопровождала его вмѣстѣ съ женами нѣкоторыхъ изъ его спутниковъ, все еще не понимая, что такое собственно есть разнузданный козакъ, и надѣясь присутствіемъ своимъ смягчить полудикакихъ бунтовщиковъ.

Черезъ четыре дня коммиссары гостили у князя Корецкаго въ Корцѣ, гдѣ доселѣ видны остатки его замка. Корецъ стоитъ надъ рѣкой Случью. Это былъ крайній пунктъ, до котораго смѣли возвращаться на свои пепелища отважнѣйшіе колонизаторы нашихъ пустынь по слѣдамъ отлива руинной козатчины. Князь Корецкій, православный еще Малоруссъ, съ колонизаціонною дѣятельностью соединялъ *охоческо-мощное* козакованье, необходимое для отраженія ордынскихъ и домашнихъ набѣговъ. Полуфѣвра и полунедовѣря прежнимъ своимъ подданнымъ, онъ собралъ вокругъ себя болѣе 4.000 вооруженныхъ осадниковъ, изъ которыхъ одни боялись другихъ, и потому повиновались князю осадному. Дѣло въ томъ, что князь Корецкій держалъ поближе къ себѣ нѣсколько сотъ надежныхъ рубаекъ, стрѣлковъ, копейниковъ, и съ ихъ помощью обуздывалъ такую же сбродную дружину людей ненадежныхъ, что дѣлалъ, въ большихъ размѣрахъ, и самъ Хмельницкій, вѣрившій свою палатку и свой сонъ жолдовымъ Татарамъ.

Цѣлый день провели комиссары въ Кордѣ, и 21 января, переправясь въ Звягль черезъ Случь, вступили на территорію „удѣльнаго княжества козацкаго“, на границу Кіевскаго воеводства, существовавшего фактически еще весною прошлаго 1648 года.

Князь Четвертинскій ѣздилъ къ Хмельницкому въ Чигиринъ съ увѣдомленіемъ о приближеніи королевскихъ комиссаровъ и съ приглашеніемъ въ Кіевъ на комиссію. По распоряженію гетмана, на границѣ его татаро-козацкаго кочевья встрѣтили комиссаровъ полковникъ Донецъ и сотникъ Тиша, съ кошовомъ въ 400 человекъ.

„Въ Бышовѣ“ (пишетъ Мясковскій) „догналъ насъ брацлавскій подчашій Зеленскій, которому я отдалъ на эту дорогу изъ Старба 3.000 злотыхъ“.

Къ ночи того же дня прибыла комиссія въ имѣніе Киселя, Новосели, въ 15 миляхъ отъ Кіева. Отсюда Кисель вновь послалъ князя Четвертинскаго къ Хмельницкому съ просьбою выѣхать въ Кіевъ на комиссію, и цѣлую недѣлю ждалъ его отвѣта. Въ это время, по словамъ Мясковскаго, панъ воевода и его пани претерпѣли „разныя контемпы отъ хлопства“, то-есть отъ своихъ подданныхъ. „Живность“ (пишетъ онъ) „внатурднительна и дорога: не только зерна, но и соломы для лошадей не было. Бунты подданныхъ противъ самого пана и дѣдичной пани“.

Такъ привѣтствовала миротворца означенная родина, куда надежда уговорить Хмеля влекла его какъ будто для того, чтобъ онъ уразумѣлъ наконецъ смѣшную и печальную роль свою.

Февраля 2, въ Бѣлгородѣ, въ трехъ миляхъ отъ Кіева, комиссары испытали такое же безकोвоство и недостатокъ (*niewczas i niedostatek*). Но Кисель и Березовскій отвели думу въ бесѣдѣ съ православными единомышленниками своими: митрополитъ (Косовъ) и архимандритъ (печерскій Тривна) выѣхали сюда для секретнаго совѣщанія (*ad secretum colloquium*)“.

Въ Кіевъ воевы не впустили королевскихъ комиссаровъ, а посланцовъ Киселовыхъ, шляхтичей Гнѣбадовскаго и Брышовскаго, приняли тамъ съ презрѣніемъ (*znieważono*), Кисель одинъ ѣздилъ подъ Кіевъ для бесѣды съ митрополитомъ.

Изъ Гвоздова 12 (2) февраля отправилъ онъ племянника своего и „бывшаго королевскаго посла, Смировскаго“, секретаря комиссіи, къ Хмельницкому съ увѣденіемъ ѣхать въ Кіевъ на комиссію. Хмельницкій мѣстомъ съѣзда назначилъ Переяславъ.

„Въ сырпусную недѣлю“ (пишетъ Мясковскій) „пустились мы къ лѣсникамъ на Кіевъ черезъ Хотовку, мѣстечко князя Корецкаго. За-

ступили дорогу пану воеводѣ, съ которыми сидѣли мы въ однихъ сѣняхъ, тамошніе козаки съ хлопствомъ, и не пустили далѣе, держа подъ уздцы коня подъ козакомъ, который несъ за паномъ воеводою знакъ. Мы были принуждены и того козака, и самихъ себя окупить талерами, будучи въ небольшой купѣ, безъ козацкихъ и драгунскихъ хоругвей^а.

Еще изъ Новоселокъ послалъ Мясковскій такую реляцію въ Варшаву, которая уничтожала всякую надежду и всѣ мирныя ожиданія, возбужденныя Хмельницкимъ. Хмельницкому было нужно приостановить панскія вооруженія и панскія военныя распоряженія для того, чтобы довѣрчивые Ляхи дали ему время разобраться въ своихъ разнообразныхъ *лупахъ*. Это видно изъ его письма къ султанъ-галгѣ, о которомъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

„Приняли мы сюда подъ Кіевъ“ (писалъ въ Варшаву Мясковскій), „какъ въ пустопорожнюю непріятельскую область (jako in hosticium solum). Всѣ города и села полны козаковъ. Отряды ихъ ведутъ и сторожатъ насъ. Повсемѣстно враждебность (undique hostilitas). Сѣстные припасы добываемъ съ трудомъ и платимъ дорого. Кругомъ саранча—козаки и Татары. На зиму ничего не сѣяли. Въ города не пускаютъ. Кто отступеть или возьметъ въ сторону, тотчасъ погибнетъ, какъ это недавно случилось въ Черняховѣ, гдѣ панъ Можайскій и панъ Лютомирскій, добрый и нужный слуга, убиты съ нѣсколькими другими, а Радивиловы Татары-козаки едва ушли, раненные и ободранные. Хмельницкій возвысаясь побѣдою (elätus victoria), не согласенъ на конгрессъ (congressum nie rozwala); не даетъ отвѣта; посланцовъ задерживаетъ подъ стражею... Причиною тому іерусалимскій патриархъ, который далъ ему титулъ русскаго князя (titulum ducis Russiae) и сравнивалъ его съ Константиномъ Великимъ. Причиною тому и послы отъ Ракочія. Того и другаго надобно было предупредить; но несчастная отправка (съ деньгами), медленная скорбная экспедиція, какъ бы завидуя успокоенію отчины, повергла ее въ отчаяніе (zajrzała ojszyznie rokoju desperacye)... Отъ кіевскихъ чернцовъ, посредниковъ его съ Лупуломъ, узнали мы, что Хмѣль хотѣлъ идти на Волоховъ, но Лупуль прислалъ ему подарки и натравливаетъ его на насъ. И патриархъ побѣждалъ въ Москву, чтобы царя соединить съ Лупуломъ противъ насъ. Тогай-бей господствуетъ и на Саврапи, и на Чечельникѣ. Живность ему доставляетъ Умань, и у него уже тысячъ 70. Со всѣхъ сторонъ принимаетъ къ себѣ и вѣрующихъ, и невѣрующихъ въ Бога, всѣхъ націй и религій; тотчасъ и жолдъ, и вооруженіе. Хмѣль отдалъ ему Баръ и Цацарулки, весь трактъ за Днѣпромъ, и до сію

сторону на 20 миль земли. Закаливайте колья да сабли. Готовьтесь, сколько васъ яи есть, конные и пѣшіе (quotquot estis, equites et pedites). Не жалѣйте скарбовъ и не падите, или же—нагните пѣи подъ ярмо гадкимъ хлопамъ (albo szyje brzydkiemu chłopstwu sub jugum podajcie). Намъ уже Турки“ (т.-е. невѣрные козаки) „и Кодакомъ грозятъ“ (т.-е. что Хмѣль комиссаровъ отиравить въ Кодакъ) „и живности не хотятъ продать. Правда, у нихъ немалый голодь. Пропадутъ и наши кони (i tu odradnięmu od koni), если пробудемъ здѣсь долше... Противъ договора“ (съ осажденными въ Кодакъ), „Хмѣль перевезъ тамошнюю артиллерію въ Чигиринъ... Козаки готовы съ Татарами. Сухари берутъ на коней. Недѣли въ двѣ будутъ въ Краковѣ.—Душно намъ безъ сѣна, овса, ячменя и соломы. Козаки сами гонятъ лошадей въ поле, въ сѣнга, (япой) копей по пятнадцати турецкихъ. А въ Кіевѣ нарядовъ и другой одежды видимо-невидимо (bez liczby)*.—Вмѣстѣ съ нами пустилось было много кіевской шляхты; но хлопъ ниодного не пріяняли въ ихъ собственные дома, или лучше—на пепелища. Самому пану воеводѣ не дали ни хлѣба, ни соломы.—Начиная отъ Кобрина, костелы такъ разорены, что и въ Новоселвахъ не видали мы ниодного ксендза (а было, видно, ихъ довольно у православліка Киселя). Шляхетскіе дворы всѣ обращены въ пепель.

Нельзя было комиссарамъ проѣхать въ Переяславъ па Кіевъ: они поѣхали на Хвастовъ... Хвастовъ! какія съ этимъ именемъ были соединены у нихъ воспоминавія о добродѣтельномъ бискупѣ (а все таки *бискупъ*) кіевскомъ, Юзефѣ Верещинскомъ, основателѣ первой въ Украинѣ типографіи, авторѣ гуманно-политическихъ брошюръ, наивныхъ до поэтичности, другѣ и защитникѣ вѣрныхъ еще королю и Республикѣ козаковъ! Бискупъ Верещинскій, окатоличесный съ колыбели Русинъ, наименовалъ было уже колонизованный имъ Хвастовъ Новымъ Верещиномъ, въ память о родномъ Верещинѣ въ Холмской Землѣ. Онъ, вмѣстѣ съ другими энтузіастами патриотами, ревностно созидалъ „Новую Польшу“, иначе „Нижнюю Польшу“, въ Малороссіи, и не сомнѣвался въ успѣхѣхъ благаго по его воззрѣнію дѣла... Теперь, по словамъ дневника, козаки съ мужиками (cum plebe) настѣкли и натопили въ этомъ Хвастовѣ не мало шляхты обоего пола (utriusque

*) Одною изъ причинъ, почему комиссаровъ не пустили въ Кіевъ, надобно пролагать нежеланіе покупать за небольшія деньги то, что было нагрѣлено у пановъ, и при этомъ разузнавать кой-что отъ московскихъ торговыхъ людей.

sexus); а нѣкоторые изъ престарѣлыхъ утопленниковъ могли еще помнить доналивайское время и знать въ лицо добродѣтельнаго колонизатора *Хвастовской пустыни!*

Черезъ Днѣпръ переправились комиссары въ Трипольѣ; оттуда ѣхали на Воронковъ; отъ Воронкова сдѣлали еще 6 миль, и достигли Переяслава 19 (9) февраля (слѣдовательно, мѣсяца за полтора до выѣзда Унеовскаго изъ Малороссіи).

Стоялъ сильный морозъ. Гетманъ Хмельницкій выѣхалъ навстрѣчу королевскимъ комиссарамъ за версту въ поле, въ нѣсколько десятковъ лошадей, съ полковниками, асаулами и сотниками, съ военною музыкою, подъ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ. Послѣ привѣтствія и „козацкой рѣчи“, сѣлъ онъ въ сани съ лѣвой стороны Киселя. Когда въѣзжали въ городъ, велѣлъ ударить изъ 20 пушекъ, можетъ быть, взятыхъ подъ Корсуномъ или подъ Пилявцами, и пригласилъ пословъ къ себѣ (*do swego dworu*) на обѣдъ.

Въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ панской республики, на долю королевскихъ комиссаровъ выпала самая горестная роль—являть спокойный и величавый видъ, когда въ сердцѣ у нихъ скребли мыши. Пріамово посѣщеніе Ахилловой ставки не было столь мучительнымъ. Пріамъ цѣловалъ руки убійцы своего сына, но этотъ убійца былъ ему равенъ, и совершилъ свое кровавое дѣло геройски. Здѣсь пришлось выпрашивать милости у собственныхъ слугъ и рабовъ, которые восторжествовали надъ исконными панами своимъ предательствомъ христіанъ въ руки непріятелей Св. Креста. Разоренные козако-татарскимъ нашествіемъ паны тянулись изъ послѣднихъ средствъ, чтобъ одѣть свою ассистенцію и свой шляхетскій конвой сообразно достоинству Рѣчи Посполитой, для внушенія Козацкому Народу грозной по ихъ мнѣнію мысли, что прогнанные изъ Украины землевладѣльцы имѣютъ еще довольно средствъ для поддержанія владычныхъ правъ своихъ. Съ великимъ опасеніемъ за себя самихъ и за своихъ женщинъ-героинь, добрался онъ до кратера, всё еще колебавшаго страну бунтомъ, всё еще озарявшаго ее пожарами и заливавшаго кровью. Но то, что они видѣли и претерпѣли въ дорогѣ, оказалось менѣе страшнымъ по сравненію съ тѣмъ, что предстояло имъ видѣть и испытать въ самомъ вертепѣ козацкаго Плутона. Дѣйствительность превзошла самое дикое, что ни закрадывалось въ ихъ воображеніе.

Хмельницкій былъ теперь уже не тотъ, какимъ Кисель зналъ его въ то время, когда, вмѣстѣ съ Петромъ Могилою, морочилъ козаковъ поддѣльнымъ королевскимъ письмомъ да утешалъ евангельскими изреченіями. Ничего шляхетскаго не оставилъ въ своихъ прие-

махъ и обстановкѣ козацкій Батько. До послѣдняго слова и движенія, превратился онъ въ запорожца, ненавистника всего панскаго и лядскаго. Къ такому превращенію побудила его не одна мстительная политика, но и горькая необходимость.

Еще въ своемъ „вѣстовомъ письмѣ по литорѣ“ Бунаковъ доносилъ царю, что Татары, послѣ Корсунскаго погрома Ляховъ, остались у Хмельницкаго и „межь себя укрѣпились, гетманъ—присягою, а Татаровья—шертью, что имъ другъ отъ друга не отступиться, и нимѣ де вся надежда у Богдана Хмельницкаго на тѣхъ Татаръ, которые остались у него, а *Черкасомъ не довриваетъ*“.

Въ настоящее время Козацкій Батько онасался козацкой „зрадливости“ больше, нежели когда-либо, потому что „фортуна“ послужила ему слишкомъ усердно. Только прикидываясь простакомъ и крайнимъ ненавистникомъ Ляховъ, только показывая видъ, что у него съ козаками „дѹма и воля одина“, удерживалъ онъ ихъ въ повиновеніи, да и то съ помощью жолдовыхъ Татаръ. Вспомнимъ показанія плѣнныхъ козаковъ о замѣпательствѣ въ козацкомъ таборѣ подъ Пиливцами. Хотя въ инквизиціонныхъ конфессатахъ надобно видѣть всего больше то, что желали вымучить инквизиторы, но вѣсть о козацкомъ замѣпательствѣ все-таки имѣла свое основаніе. Приходъ орды, по словамъ Мужиловскаго, „нечаемый“, сдѣлалъ тогда Хмельницкаго, какъ и въ Дикомъ Полѣ, изъ малаго человѣка великимъ, изъ „послѣдняго въ человѣцѣхъ“, какъ онъ выражался о себѣ, первымъ, и съ него все пошло у козаковъ на стать. Поэтому онъ и теперь, оруженный козакотатарской ордою, велъ себя, какъ ордынецъ, или кочевой запорожецъ, такъ что, по замѣчанію одного изъ комиссаровъ, московскій посолъ, человѣкъ почтенный и обходительный, часто бывалъ принужденъ опускать въ землю глаза во время бесѣды гетмана съ полковниками, а посолъ Ракочія, уѣзжая изъ Переяслава, не могъ удержаться, чтобъ не сказать полатыни: „Каюсь, что прибылъ къ этимъ свирѣпымъ и безумнымъ звѣрямъ (*Poenitet me ad istas bestias crudeles et irrationabiles venisse*)“.

За обѣдомъ у гетмана шла такая грубая попойка, что могла напомнить знатоку козачины извѣстные запорожскіе стихи:

Въ насъ у Січі то и поровъ, хто *Очиніше* зиде:
 Ягъ умівсь, уставши въ раяці, дакъ чарки шукде.
 Чи чарка то, чи ківшъ буде, не глядять нереліимъ:
 Гладко пьють, якъ зъ лѹка бьють, до ночної тилъ.

Разгоряченные горілкою, гетманъ и полковники не могли воздержаться отъ сарказмовъ на счетъ князя Вишневецкаго, Александра Конецпольскаго, Чаплинскаго и всѣхъ Ляховъ. Но это было только предувѣдомленіемъ въ будущимъ бесѣдамъ съ ненавистными гостями.

На другой день, 20 (10) февраля, комиссары совѣщались о томъ, когда вручить гетману булаву и знамя. Въ совѣщаніи участвовали, какъ неизбѣжное, хоть и не признаваемое папами, зло, ихъ руководители, ксендзы. Совѣзмъ не слѣдовало бы имъ брать съ собой ксендзовъ сюда, въ ту среду, которая опустошила всѣ костелы, отъ Кобрина до Переяслава. Эти представители католической польцизны напоминали козакамъ (а въ козакахъ были и поны *) творца Брестской уніи, Скаргу, и отступниковъ народной церкви Терлецкаго, Шотъя, Рогозу, Рутскаго, Кунцевича.

Члены комиссарской рады разсуждали о Хмельницкомъ, какъ дѣти, или, что все равно, іезуитскіе питомцы, остающіеся до конца въ дѣтскомъ возрастѣ, и рѣшили: отдать ему знаки гетманскаго достоинства прежде всего (*ante omnia*), „чтобы смягчить его людскостью и королевскою милостью“.

Этотъ многозначительный актъ Хмельницкій указалъ совершить на майданѣ передъ своимъ дворомъ, вблизи котораго квартировали (какъ написано въ дневникѣ Масковскаго) послы московскій и венгерскій. Несли передъ комиссарами булаву кievскій ловчій панъ Крштовскій (это значить Русинъ Кротовскій, происходившій отъ Крота), а знамя—кievскій скарбникъ панъ Кульчинскій (опять какое-нибудь колонизованное имя). Ихъ торжественное шествіе возвѣщали гетманскіе трубы и бубны.

Хмельницкій ждалъ королевскихъ комиссаровъ, стоя въ кругу своихъ полковниковъ и другой старшины, въ альтембасовомъ (золото-парчевомъ) красномъ собольемъ кобенякѣ, подъ бупчукомъ.

Кисѣль хотѣлъ произнести рѣчь, которую сеймовые папы, безъ сомнѣнія, назвали бы *oratio disertissima*; но едва началъ восхвалять короля, великаго монарха, какъ стоявшій возлѣ гетмана Джеджелій, или Джеджала, закричалъ: „Король — яко король, алѣ вы, королята, князі, бронте много, и набрѣли. И ты, Кисѣлю, кість одъ костей нашихъ, одщепівсь еси и накладаешъ зъ Ляхами“...

*) Напримѣръ, въ статейномъ спискѣ Униовскаго говорится: „А Запорожское Войско стоитъ подъ Баромъ, въ Константиновѣ и въ Гоцѣ, подъ начальствомъ Нечая, полковника брадавскаго, *Штеня мога* да вшиницкаго Гавстренка“.

Свое малорусское происхождение Миско-Масковскій засвидѣтельствовалъ тѣмъ, что въ дневникѣ комиссіи писалъ козацкія рѣчи по-малорусски не какъ иноплеменникъ-

Гетманъ (продолжаетъ онъ) сталъ говорить Джеджалѣ: „Угамуйсь, не роби вѣлоту“ или что-нибудь въ этомъ родѣ (wziął go hamować hetman); но онъ, пьяный уже, хотя было еще рано (pijany gorzałka, choć gano było) хотѣлъ еще ораторствовать, потрясая булавою; однакожъ, вида, что никто его не поддерживаетъ, удался изъ круга. Вѣроятно, нашлись у гетмана такіе, которые увели его домой, уговаривая, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ: „Колі двоє кажуть пьяный, дакъ лягай спати“.

Послѣ такой интермедіи, глава королевской комиссіи, съ надлежащей торжественностью, отдалъ Хмельницкому „королевскіе листы“ и „коммиссарскій креденсъ (вѣрящую грамоту), которые были тотчасъ прочтены, потомъ отдалъ украшенную бирюзой булаву (bulawę turkusową), а племянникъ его — красное знамя съ бѣлымъ орломъ и съ надписью Iohanes Casimirus Rex Poloniae.

То и другое принялъ Хмельницкій безъ особеннаго удовольствія (z jaką taką chęcią). Намъ вспоминаются при этомъ слова самовида въ подобномъ случаѣ: „подаровъ опого въ смѣхъ принялъ, яко тотъ человекъ, который и своего много имѣеть“. Булава Ньколя Потоцкаго и булава Доминика Заславскаго затмевали въ глазахъ Козацкаго Батьку туркусовую булаву пищаго короля и цѣнностью, и значеніемъ своимъ. Онъ поблагодарилъ „козацки“, какъ выразился дневникъ Масковскаго, и пригласилъ коммиссаровъ къ себѣ (do swojej gospody).

Передъ обѣдомъ Кисѣль произнесъ къ нему рѣчь въ изысканныхъ выраженіяхъ (gładkiemi i wyborneimi słowy): говорилъ о великихъ сегодняшнихъ подаркахъ, указалъ ему на амнистію прошлыхъ дѣлъ и преступленій его, потомъ на свободу стародавней греческой религіи, на увеличеніе реестроваго войска, на возстановленіе старинныхъ правъ и свободъ запорожскихъ, и наконецъ — что казалось ему всего важнѣе—что regimentъ вѣренъ ему, а не кому-либо другому.

Въ *многъ* положеніи дѣлъ все это было бы и величаво, и внушительно. Но Кисѣль изображалъ въ своемъ лицѣ побѣжденнаго короля съ его Шляхетскимъ Народомъ, готовымъ, по мнѣнію побѣдителя, превратиться въ Жидовъ. Поэтому Козацкому Батьку должно было показаться и смѣшнымъ, и обиднымъ заключеніе краснорѣчивой ораціи, именно слѣдующее: подобаетъ и ему, Хмельницкому, явить себя благодарнымъ за столь великую королевскую милость; онъ долженъ, какъ вѣрный подданный и слуга его королевской милости, положить

конецъ этому замѣшательству и кровопролитію, предотвратитьъ разливъ крови, не принимать подъ протекцію простаго хлопства, велѣть, чтобы оно повиновалось панамъ своимъ, и приступить къ трактатамъ съ господами комиссарами.

„За такую великую милость“ (говорилъ Хмельницкій, провизируя Кисели), „которую явилъ мнѣ король его милость черезъ вашу милость, что и *власть надъ войскомъ прислалъ* (władzę nad wojskiem przysłał), и прощія мои преступленія *прощаетъ*, униженно благодарю. Что же касается комиссиі, то ее трудно теперь отправить. Войска нѣтъ вмѣстѣ, полковники и старшина далеко; безъ нихъ не могу и не смѣю ничего дѣлать: это подвергло бы мою жизнь опасности (idzie o zdrowie moje). Притомъ же я не вижу правосудія надъ Чаплинскимъ и Вишневецкимъ. Необходимо нужно, чтобы мнѣ одного выдали, а другаго покарали: ибо *они* причиною кровопролитія и всего замѣшательства. Винавать, пожалуй, и панъ Краковскій, что наступалъ на меня, что преслѣдовалъ меня, когда я, спасая жизнь мою, бѣжалъ въ днѣпровскіе вертены (kiedym w lochy Dnieprowe zdrowie unosil); но этотъ получилъ уже свою мзду, нашелъ то, чего искалъ. Винавать и панъ Хорунжій: отпаялъ у меня батьковщину, Украину роздалъ *ляховчикамъ*, а тѣ молодцовъ, заслуженныхъ въ Республикѣ, обращали въ мужиковъ и грабили, вырывали бороды, запрягали въ плуги. Но этотъ не столько винавать, какъ тѣ два другіе: Не будетъ ничего изъ всего, если одного изъ нихъ не покараютъ, а другаго не пришлютъ мнѣ. Иначе—или мнѣ съ Запорожскимъ Войскомъ пропасть, или погибнуть Ляцкой Землѣ, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ. Развѣ мало Ляхи тому причиною, что кровь христіанская льется? Литовскія войска высѣбли Мозырь и Туровъ. Янушъ Радивилъ одного молодца посадилъ на волю. Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а къ Радивилу написалъ, что если онъ это сдѣлалъ одному христіанину, то я затѣ сдѣлаю то же самое четыремъстамъ (подразумѣвается *нехристамъ*) Ляхамъ, которыхъ имѣю, и воздамъ за свое“.

„Вотъ какой антипастъ *) далъ намъ онъ передъ сквернымъ своимъ обѣдомъ, ударивши насъ въ сердца наши жестокимъ ядомъ и бѣшенствомъ“! (пишетъ Мясковскій). Отзывались и другіе, точно какіе гады изъ болота, а старый черкасскій полковникъ, Федоръ Вешнякъ, схватилъ булаву на всендза Лентовскаго, кармелита, который пріѣхалъ

*) Иначе ргузмаслек-возбудительная закуска.

къ нимъ вмѣсто покойнаго ксендза Мокрсаго съ королевскимъ и-стомъ,—за то, что сказалъ только: „Вѣсти изъ Литвы о Мозырѣ и Туровѣ могутъ еще переѣниться“. А онъ за булаву: „Мовчи, попе не твое діло брехню мені задавати!“ И непреѣнно ударилъ бы его, когда бы сидѣлъ ближе. Но, какъ этого нельзя было сдѣлать, то сказалъ: „И вѣші ксѣнды, и вѣші попы—усі“ (тутъ онъ ввернулъ крѣпкое слово) „сакіе-такіе сыны. Ходи лишчѣнь, попе, на двірѣ: навчу я тебе полковниківъ шанувати“. И съ этимъ ядомъ вышелъ изъ свѣтлицы.

„Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ,“ говоритъ пословица. Но Кисель, въ трезвомъ видѣ, писалъ однажды Радаѣвскому то же самое: „Скажемъ другъ другу правду: духовные ссорятъ насъ съ обѣихъ сторонѣ“. Этими словами онъ высказалъ то, что старались и стараются съ обѣихъ сторонѣ игнорировать, въ ущербъ разумнѣю былаго.

Коммиссары провели у Хмельницкаго нѣсколько часовъ, вслѣски стараясь его смягчить хорошими словами. Но ихъ краснорѣчіе ни мало не подѣйствовало. „Съ сердечнымъ жалемъ и слезами“ (пишетъ Мясковскій) „разѣхались мы по квартирамъ, которые были умышленно разбросаны по городу такъ, чтобы мы затруднились въ своихъ сношеніяхъ“.

На другой день, въ воскресенье, ходилъ Мясковскій съ Зелескимъ въ соборную церковь, и тамъ обмѣнялся учтивостями съ московскимъ посломъ, котораго въ своемъ дневникѣ называетъ „особою людскою и обычайною“. Вступить съ нимъ въ какую-либо бесѣду не было возможности, а Хмельницкій отнял у нихъ эту возможность и въ другихъ случаяхъ. Но что это былъ за *московскій посолъ*, ни откуда не извѣстно. Въ февралѣ посолъ самого Хмельницкаго, Мушловскій, находился еще въ Москвѣ, а царскій дворянинъ Ушковскій прибылъ съ нимъ въ Чигиринъ только въ апрѣлѣ. Хмельницкій приговаривалъ къ пушкѣ подставнаго Кривоноса и его показали конфиденту Киселя. Весьма возможно, что онъ сочинилъ и московскаго посла для королевскихъ коммиссаровъ.

Церковь была полна разодѣтаго въ панское добро народа. Разительную съ нею противоположность представляли нѣмые памятники господства здѣсь многихъ властей, иныхъ щеголей и щеголихъ. Замокъ, сдерживавшій жмайловцевъ, тарасовцевъ, сулиминцевъ и павлюковцевъ, теперь „былъ разоренъ и пустъ“. Козацкій Народъ строилъ только подвижные замки изъ *кованыхъ* и *босыхъ* возовъ. Мѣсто валовъ, дубовыхъ тыновъ и мурованныхъ стѣнъ заступали у него фортели, въ родѣ затоновъ и зарослей Медвѣжьихъ Лозъ. Панская фортификаці

была не пригодна ни на что республикѣ помадохъ. Даже старшій братъ козака, Татаринъ, предоставлялъ цивилизованному Арабами Турку держать Крымъ и Буджаны подъ господствомъ крѣпостей, отравляя свое владычество кошемъ и мечемъ. Такъ не дорость и козакъ до сохраненія въ цѣлости того, что создала въ Украинѣ европейская цивилизація, а надъ иновѣрными храмами ругался онъ еще больше изъ ненависти ко всему культурному, нежели въ отместку за ругательства надъ православными церквами и кладбищами со стороны фанатиковъ панскаго владычества, Кунцевичей. „Были мы въ коллегіумѣ и въ костелѣ іезуитскомъ“ (пишетъ Мясковскій). „Онъ такъ разорень, что не осталось ни одного алтара и образа. Даже гробницы были открыты, и три шляхетскіе гроба опрокинуты. Гробъ покойнаго Лукаша Жовковского, брацлавскаго воеводы и переяславскаго старосты, достойнаго вѣчной памяти кавалера, разбитъ, военные трофеи (insignia) вьяти, сняты и брильянтовый перстень съ пальца“.

Это былъ родной братъ великаго Жовковского. Онъ жилъ съ козаками въ добромъ согласіи, постоянно давалъ имъ банкеты, мирилъ ихъ съ королевскимъ правительствомъ. По его внушенію, реестровики овладѣли кошемъ разорителя Кодацкой крѣпости, Сулимы, а самого Сулиму, съ соучастниками бунта, передали въ руки правосудія. У козаковъ и поповъ слылъ онъ *маномъ добрымъ*. Но и добрые, и злые представители римской проповѣди и римской политики должны были исчезнуть съ лица нашей родной земли передъ могучимъ дыханіемъ русскаго духа, который одинаково былъ непреодолимъ для иноземщины и въ христіанскомъ самопожертвованіи Совѣтователей о Благочестіи, и въ истребительныхъ подвигахъ козаковъ руйниковокъ. Тѣмъ больше сдѣлался онъ сокрушительнъ для западныхъ посягателей на русскую самостоятельность въ государственномъ строительствѣ нашихъ Москворуссовъ.

Хмельницкій былъ приглашенъ Киселемъ на воскресный обѣдъ, но пріѣхалъ только вечеромъ, пьяный, съ нѣсколькими полковниками. Расточаемая страпному гостю любезности, съ устраненіемъ всякихъ непріятныхъ ему напоминаній, были напрасны. Хмельницкому хотѣлось быть ни въ чемъ невиноватымъ, какъ это свойственно всѣмъ злодѣямъ: онъ только и говорилъ, что о сдѣланной ему Ляхами кривдѣ. За это онъ отнималъ у нихъ не только Украину, но и всю польско-литовскую Русь. Наконецъ пьяный проповѣдникъ справедливости ввалился въ особую комнату пани Киселевой и сталъ ее увѣщевать, се и всѣхъ пановъ единовѣрцевъ, чтобъ они отреклись отъ Ляховъ и остались въ Украинѣ съ козаками, какъ сдѣлалъ Выговскій. Безъ вся-

каго сомнѣнія, присутствіе всендзавъ среди разобщенныхъ и несчастныхъ или русскихъ людей раздражало не одного стараго Венска, но и самого Хмельницкаго, насколько онъ дышалъ однимъ духомъ съ козаками. „Ляцкая Земля“ (проповѣдывалъ онъ) „погибнетъ, а Русь будетъ пановать въ этомъ году, весьма скоро“... Тутъ онъ замѣтилъ въ обществѣ пани Киселевой одного изъ своихъ плѣнниковъ, пана Позовскаго (конечно, Пузовскаго), и погрозилъ ему висѣлицей. Хитръ едва не повѣсилъ потомка малорусскаго Шува *) передъ прибытіемъ комиссаровъ, и теперь закричалъ: какъ онъ смѣлъ показаться ему на глаза!

Не находя больше о чемъ говорить съ дамами, любезный по-козацки гость вернулся къ трепетавшимъ отъ его рычанья мужчинамъ, заливалъ виномъ пылавшій въ немъ огонь злости, и только въ три часа уѣхалъ, пьяный.

„Долго спалъ онъ“ (продолжаетъ свой горестный рассказъ Мисковскій): „ибо допивалъ съ чаровницами, которыя часто занимаютъ его досуги (*szczęsto go bawią*) и общаются ему счастье на войнѣ еще и въ этомъ году“.

Таковы были слухи, доходившіе разными путями до комиссаровъ. Ихъ тревожило и безотрадное положеніе Республики, и собственное положеніе въ берлогѣ разъяреннаго звѣря. Когда послали на другой день къ нему человѣка, наименѣе неприятнаго ему, Киселева или князя, съ просьбой назначить часъ и мѣсто для бесѣды и трактатовъ, молодой Кисѣль засталъ Козацкаго Батька уже за горѣлкою съ товариществомъ (*już go przy gorzałce zastali z towarzystwem*). По словамъ дневника, отвѣтъ его былъ скоръ и ядовитъ. Онъ отправлялъ венгерскаго посла, и сказалъ при немъ слѣдующую орацію, которую дневникъ сохранилъ въ малорусской версiи:

„Завтра буде справа и росправа: бо теперъ я пьяный. Съ тѣи комисiи ничого не буде. Теперъ война, война мусить бути въ тихъ трѣхъ абдъ чотырѣхъ педляхъ. Навчѹ всіхъ васъ, Ляхівъ: переверну дотори ногами и потончѹ підъ ноги, а на останокъ оддамъ васъ турецькому цареві въ неволю. Король королѣмъ буде, абы каравъ шляхту и стивавъ дужи та князі. Нехай вольный буде собі. Згріпшть князь—урить ему шию; згріпшть козакъ—те жъ и ему вчини. Се правда, що я малый, мизерный человекъ, та мені се Богъ дасть, що я единовладецъ и самодержецъ руський. Нехай буде король королѣмъ, якъ воно

*) Попольски было бы *Wzuch*.

ѣшѹ здаецца. Скажи се пану воеводѣ и комиссарамъ. Лякасте мене Шведами,—и ті мой будуть. Хоть бы ихъ було пять сотъ и шість сотъ тысячъ, не переможуть рѹсьскою, запорозьскою и татарською силами. Иди жъ съ тѣмъ, що завтра бѹде справа и росправа“.

23 (13) февраля поѣхали комиссары къ Хмелю на третье засѣданіе. Кисель даже плакалъ передъ нимъ, представляя, что опъ не только Ляцкую и Литовскую, но и Русскую Землю, и вѣру, и святая церкви хочеть отдать азычникамъ. Хмельницкій, выслушавъ его до конца, отвѣчалъ то же, что вчера, съ такою прибавкой:

„Шкода говорити много. Лѣтъ шукали мене Потѹцкі за Днѣпромъ, тогдѣ бѹвъ часъ трагувати во мною. По жовтовѹдзькій и Корсуньскій иґрасці—бѹвъ часъ. Підъ Пиллявцями и Костантиновимъ—бѹвъ. На останокъ, підъ Замѹстимъ и жъ пйшовъ я відъ Замѹстия шість тижнівъ—бѹвъ. Теперъ ужѣ часу нема. Доказавъ я, того й не дѹмавъ въ разѹ; доважѹ й далій, що задѹмавъ: выбѣю изъ ляцкои неволѣ весь Рѹський народъ; а що перше воювавъ за мою шкоду й кривду, до теперъ воювати му за нашу православну віру. Помѹже менѣ въ томѹ вся рѹська чернь по Люблинъ и Краківъ. Не відступлю її: бо то наша рука правица. Ащобъ вы не знеслі її та не вдарили на козаківъ, бѹде въ мене двѣсти, триста тысячъ своихъ; та й уса Орда при томѹ. Тогай-бей поблизу мене, на Савранѣ, мій братъ, моя душа, єдиный сокілъ на свѣтѣ. Готовъ учинити заразъ що схочѹ. Вічна въ нимъ наша козацья приязнь; увесь свѣтъ її не розірвѣ. За границю не пйду, шаблі на Турки й Татары не пидіймѹ. Доволѣ маю на Вкраїні й Подолѣ, а теперъ и на Волынѣ. Дѹсоть выгоды, дѹсоть достатку и пожитку въ землѣ и князствѣ моїмъ по Львівѣ, Холмѣ и Галичѣ. А ставши надъ Вѣслою, скажѹ дальшимъ Ляхамъ: „Сѣдите й мовчите, Ляхи“! И дѹківъ и князівъ тудѣ заженѹ. А коли бѹдутъ и за Вѣслою брыкати, знайдѹ ихъ тамъ певно. Не вѣдѣть у мене ногѣ ні одного князя и шляхѣтки въ Україні. А коли захоче хлѣба котѹрый зъ найменшихъ, нехай бѹде послушный Запорозькому Війську, а на короля не бриваѣ“.

Подковники вторили завзятой импровизаціи своего готмана. Одинъ изъ нихъ, Лпшевскій, сказалъ выразительно:

„Минули вже ті часы, що насъ Ляхи сѣдлали. Надъ нашими людьми, христианами, брали вонѣ гѹру драгунами. Теперъ не боимось ихъ. Дознались мы відъ Пиллявцями: не овыи се Ляхѹвс, що передъ тѣмъ бували, Турки, Москвѹ, Татары й Нѣмци бивали: не Замѹйска, Жовковська, Ходковичи, Хмельецкі, Комаецькольскі, и Тхоржевскі, Заюнчѹвскі,—дѣтворѣ въ залѣзо новбѣрана. Помѣрли відъ

страху, скоро насъ побачили, та й повтевали, хочъ Татаръ не було зъ разу въ середу бѣльшъ 3.000. Колибъ ихъ подождали до пятниці, до бѣ ні єдиний Ляхъ живцемъ не втѣлъ до Львова“.

„На сю войну“ (продолжалъ Хмельницкій) „благословивъ мене патриарха въ Києві; давъ мени зъ моєю жинкою шлюбу, съ переступивъ мойхъ мене розгршивъ и причастивъ, хочъ я й не сповѣдасъ, и звенивъ мени кончати Ляхивъ. Якъ же мени ёго не слухати, такогo великого старшого, головы нашої и гостя любого? Оце же я вже обославъ полки, щобъ кормили коні и були готові въ дорогу безъ возівъ, безъ арматы. Знайдѹ я те все въ Ляхивъ. А который бы козакъ узивъ на войну воза, велю ёму шлю врізати. Не візьму й самъ ні єдного съ собою, хибѹ юки та саквы“.

„Долго объ этомъ говорило“ (пишетъ Мясковский) „общеное чудовище со всею фуріей,—до того, что вскакнвалъ съ лавы, рвалъ на себѣ чуприну, билъ ногами въ землю. Мы, слушая, оцѣпенѣли. Наши раціи и персвазиі, чтобъ онъ вспомнилъ о Богѣ, о королѣ и, наконецъ, о томъ, каковой будетъ конецъ такихъ дѣлъ и поступковъ, чтобы далъ мѣсто разуму, умѣрилъ свою завзятость,—ничто не помогло“.

На пунктъ о числѣ реестровыхъ козаковъ, чтобъ ихъ было 12, а то и 15 тысячъ, Хмельницкій отвѣчалъ: „На що писати стѣлько й стѣлько? Не стане силы, буде й 100 тысячъ, буде стѣлько, скѣлько я охочу“.

Послѣ такихъ пріятельскихъ бесѣдъ, такой вкусной сессіи и свернаго обѣда (пишетъ Мясковский), разошлись мы по квартирамъ, отчаявшись въ трактатахъ, въ примиреніи, въ своей безопасности и въ выдачѣ плѣнныхъ. Стали мы стараться, какъ бы вывести несчастныхъ и выбраться самими. По ночамъ собирались мы на свѣтъ и разсуждали, отпустить ли насъ Хмельницкій, или же отошлетъ на Кодакъ, ограбивши (spoliatos)“.

Въ тотъ же день отправилъ Хмельницкій, передъ глазами комиссаровъ, венгерскаго посла, наградивъ его и пословъ Равочію троіи нарядныхъ коней и нѣсколько паръ самоналовъ. Но посолъ, по словамъ Мясковского, уѣхалъ недовольный, и высказалъ полатыни пріведенное выше мнѣніе свое о козакахъ.

На другой день, 24 (14) февраля, комиссары просили Хмельницкаго объ „отправѣ“ и о плѣнникахъ. Одни изъ этихъ плѣнниковъ были взяты на Кодакѣ, при осадѣ вѣрности Конецпольскаго, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ (какое далъ въ Боровицѣ и Кисѣль) возвратити имъ свободу, другіе въ Барѣ, на такихъ же условіяхъ капитуляціи. Въ числѣ послѣднихъ былъ сынъ короннаго гетмана, Андрей. Сперва

Хмельницкій обѣщаль освободить ихъ, но потомъ перемѣнилъ рѣшеніе, и когда комиссары говорили ему, что это королевскіе слуги, рукодаѣнные дворяне короля, онъ отвѣчалъ: „Сѣ рѣчь завоѣвана: нехай король не адивуе“. Кисѣль представлялъ ему долгъ королевскаго подданнаго и слуги, долгъ воина, полученнаго отъ своего государя булаву и знамя, представлялъ выбывая Боровицу, что эти плѣнники взяты не саблюю, не на боевомъ полѣ, а условіями и трактатами. „Шкода про те говорити“ (отвѣчалъ Хмельницкій). „Се мені Богъ давъ. Нущѹ тогді, якъ не буде ніякою зачепен на войнѹ въ Литвѹ и відъ Ляхівъ. Нехай подождѣ тутъ Потодцьвий брата свого, камепецького старосту, що мені Варъ, моє власне місто, заіхавъ, а въ моімъ Подолію кровь християнська ллѣцѣ. Звенівъ я полѣи туды рѹшити и живого мені привезти“.

Въ отвѣтъ на это, комиссары припомнили Хмельницкому, что въ Кіевѣ теперь християнская кровь безъ вины льется ручьями и течетъ въ Днѣпръ. Однихъ Ляховъ топятъ, другихъ тирански рубятъ; избиваютъ шляхту обоихъ коловъ, дѣтей, духовныхъ, ограбивъ и огустошивъ послѣдніе костелы. „Ищутъ Ляховъ подъ землею“ (говорилъ Кисѣль), „и все это—за приводомъ брацлавскаго полковника Нечая, который говоритъ, что ему данъ такой наказъ отъ вашей милости“.

„Не велівъ я невинныхъ людей побивати“ (оправдывался Хмельницкій) „тѣлько тихъ, що не хоче до насъ пристати, або на нашу віру христитись. Моя воля тажъ порадкувати: я воівода кіевський. Се давъ мені Богъ черезъ мою шаблю, а проишетакає шкода говорити“.

Кто бы ни былъ такъ-называемый въ Переяславлѣ московскій посоль, только всѣ эти сцены происходили, можно сказать, передъ его глазами. Уничживъ передъ этимъ таинственнымъ лицомъ и короля и комиссаровъ, Хмельницкій отпустилъ его изъ Переяслава такъ, что паны не видѣли его „отправы“ и не могли сказать о ней въ официальномъ дневникѣ посольства ничего кромѣ четырехъ словъ: „отправлялъ безъ насъ московскаго посла (odprawował bez nas Posła Moskiewskiego), прибавивъ къ этому, что онъ „уѣхалъ передъ самымъ вечеромъ (odjechał przed samym wieczorem)“. Панамъ не удалось ни однимъ образомъ развѣдать ни объ имени посла, ни о его бесѣдахъ съ гетманомъ, хотя и писали они въ официальномъ дневникѣ своемъ, что онъ просилъ „черезъ пословъ“ о свиданіи съ Киселемъ (lubo i Posła życzył sobie tego i prosił do przez Posła). *) Но у козаковъ

*) Этими *послами*, т.-е. посланцами, могли быть козаки, удившіе въ панскихъ карманахъ тагеры.

застали они, по своемъ приѣздѣ, такую молву, — что московскій царь спрашивалъ у Хмельницкаго: дѣйствительно ли онъ поднялъ войну изъ-за одной вѣры? Конфиденты Хмельницкаго не чуждались подарковъ, какъ и панскіе: „Любить голубичини вѣять (lubią niebożęta wziąć)“ писалъ Кисѣль о воеводахъ, подкупая ихъ еще въ Павлюковщину. Отъ нихъ комиссары слышали да заключали изъ словъ и самого Хмельницкаго (z howory jego i konfidentów jego słyszeliśmy), что московскій царь сожалѣлъ о междоусобной брани въ Рѣчи Посполитой, и увѣщевалъ Хмельницкаго остановиться въ своемъ задорѣ, не проливать больше христіанской крови, не истреблять подданныхъ своего государя, причемъ давалъ ему понять, что желаетъ остаться „любовнымъ“ братомъ короля, брата своего, и стаетъ на богѣе справедливой сторонѣ со всею своею силою.

Сообщая такія успокоительныя вѣсти, дѣйствительныя или мнимыя *конфиденты* Хмельницкаго могли повторять содержаніе миротворнаго письма, посланнаго царемъ въ таборъ Хмельницкаго чрезъ Василя Михайлова. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ то обстоятельство, что Хмельницкій весьма выразительно хвалился вѣчною козацкою другобой съ Татарами, которой не разорветъ и *весь свѣтъ*; что онъ ревѣлъ о своемъ *княжествѣ* по Львовъ, Холмъ и Галичь; что величалъ себя *единовладникомъ и самодержцемъ* русскимъ, а Токай-бей называлъ *братомъ* своимъ, точно въ отвѣтъ на заявленіе царя о любовномъ братствѣ съ королемъ. Многозначительно для насъ и то обстоятельство, что въ завязтыхъ ораціяхъ Козацкаго Батька имя Мосевы и Московскаго царя не было произнесено ни разу, тогда какъ изъ отправки венгерскаго посла сдѣлалъ онъ такую бурную манифестацію.

Поддѣланное Хмельницкимъ, какъ это очевидно, царское посольство въ Переяславѣ украинскіе патриоты представляютъ поклоненіемъ славѣ Хмельницкаго. Но и Михайловъ съ миротворнымъ письмомъ своимъ въ козацкомъ таборѣ, и Унковскій съ милостивою грамотою въ Чигиринѣ—являются передъ нами людьми, навидывающими надикаго степнаго коня узду; а бѣшенство Хмельницкаго говоритъ намъ, какъ этотъ конь чуялъ, что отъ опытной и сильной въ обуздываньѣ руки уйти ему трудно.

Можетъ быть, внушенія такихъ людей, какъ Михайловъ и Унковскій,—а такіе люди могли бесѣдовать съ Хмельницкимъ и безъ посольства,—можетъ быть, ихъ бесѣды, проникнутыя чувствомъ политической степенности, и были причиною бѣшенства Хмельницкаго. Не того домогался онъ отъ Восточнаго Царя. Ляхъ по воспитанію,

Татаринъ по козацкому быту, онъ разумѣлъ московскаго самодержца чѣмъ-то въ родѣ царя персеполскаго. Въ первомъ письмѣ своемъ счастливый бунтовщикъ и титуловалъ его, какъ бы какаго хана. Вида теперь, что московское христіанство представляетъ не то, чѣмъ оно было у козаковъ, Хмельницкій и боялся своихъ единовѣрцевъ, и влился на нихъ, а бѣдные Ляхи отвѣчали передъ нимъ за все.

25 (15) февраля, на просьбу комиссаровъ объ отправѣ, онъ отвѣчалъ, что другой отправки не будетъ, крохѣ отвѣтнаго письма. Не хотѣлъ дать ни другаго „скрипта“, ни продлить перемирія. Навоонецъ, по усиленнымъ просьбамъ Киселя, велѣлъ составить перемирныя статьи и, вѣроятно, во вниманіе къ московскому царю, выдвинулъ въ этихъ статьяхъ на первый планъ интересы церковныя. Онъ соглашался приостановить войну на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Уни въ Кіевскомъ воеводствѣ не быть нигдѣ, ниже имени ея (пес nonen ipsius).

2. Кіевскому митрополиту дать мѣсто въ сенатѣ.

3. Кіевскій воевода и кіевскій каштелянъ должны быть религіи греческой.

4. Римскіе костелы, которые обращены въ вичто и трупы изъ гробовъ повывброшены, всенды побиты, потоплены, должны оставаться такъ, какъ они есть теперь.

5. Исключаются іезуиты, которые причиною всего замѣшательства.

6. Князь Вишневецкій, яко author второй войны, никоимъ способомъ не будетъ короннымъ гетманомъ; иначе—я жить съ нимъ и пустять въ Украину не хочу.

7. Окончаніе комиссіи на составленіе реестровъ отложить до весны, до Зеленыхъ Святъ русскихъ, до первой травы, надъ рѣкой Русавою, чего теперь не могло быть по отдаленности полей и по причинѣ голода.

8. Комиссаровъ только два.

9. До тѣхъ поръ коронныя и литовскія войска не будутъ входить въ Кіевское воеводство по рѣкѣ Горынь и Припеть, а отъ Подольскаго и Брацлавскаго—по Камонецъ.

10. Такъ же и войска запорожскія за эти рѣки переходить не будутъ.

11. Всѣхъ плѣнниковъ обѣщаю на той комиссіи выдать, только чтобы такъ же былъ выданъ тогда Чаплинскій.

Королевскіе комиссары не приняли было этихъ условій. Они подали Хмельницкому свой проектъ перемирія, въ которомъ домогались, чтобы коронныя войска могли ходить по рѣкѣ Случь, по Барь,

Винницу, Заславъ. Но Хмельницкій перечеркнулъ ихъ пункты и велѣлъ имъ готовиться въ дорогу съ однимъ отвѣтнымъ письмомъ его и съ вызовомъ на войну.

„Согласились мы и на такое перемиріе“ (писалъ Мясковскій), „лишь бы вырваться изъ тиранскихъ рукъ и предостеречь короля и Рѣчь Посполитую, да чтобы этимъ ненадежнымъ перемиріемъ задержать Хмельницкаго у Днѣпра и вырвать у него плѣнниковъ“. Даже и для того, чтобы задержать Хмельницкаго у Днѣпра, не предлагали и не могли предлагать ему королевскіе послы ни Чигирина съ четырьмя другими городами, ни вѣвскаго воеводства; не было рѣчи и о границахъ Бѣлой Руси, „какъ владѣли благочестивые великіе князья“, чѣмъ хвалился онъ черезъ мѣсяць въ Чигиринѣ царскому дворянину Унковскому *).

Коммиссары посулили по 100 червонцевъ главнымъ полковникамъ за содѣйствіе въ освобожденіи плѣнниковъ. Они были тайкомъ у войсковаго обознаго, Чорноты, пробуя подкупить „жестокаго тирана“, какъ названъ Чорнота въ дневникѣ, и достойно замѣчанія, что даже въ этомъ щекотливомъ и опасномъ случаѣ не могли обойтись безъ своихъ гувернеровъ: они взяли съ собой всецѣза Лентовскаго, — того самого, котораго Вещнякъ едва не ударилъ булавою за весьма осторожное замѣчаніе. Козаки даже православныхъ поповъ не допускали въ свои юшки и рады: тѣмъ болѣе было противно имъ совѣщаніе съ попами католическими. Не понимали этого пани, проведя столько вѣбовъ на попеченіи римскаго духовенства, и потому крайне дивились отвѣту „жестокаго тирана“. Кисѣль отдавалъ ему даже свое

*) Основываясь на этой лѣт, историческій журналъ „Вѣвская Старина“ (1887 г., августъ, стр. 785) прошевелуетъ: „Рѣчь, достойная великаго патріота, какимъ былъ Хмельницкій! Онъ какъ будто вовсе забылъ о причинахъ, побудившихъ его поднять козацкое возстаніе; онъ вовсе не думаетъ о своихъ личныхъ интересахъ, даже благополучіе всего войска запорожскаго не составляетъ цѣли его дѣйствій.—Цѣль эта выше, шире! Онъ мечтаетъ возстановленія (sic) Руси въ тѣхъ границахъ, какъ она была при великихъ князьяхъ“ (курсивъ журнала), „онъ смотритъ на войско запорожское, какъ на неразрывную часть цѣлаго—Великой Руси, къ которой онъ поэтому всѣми силами души стремится. Велика козацкая душа! Станнымъ даже представляется, что у простаго козана могла явиться такая идея,—идея, о которой Москва, преслѣдуя свои узкіе интересы, не имѣла никакого представленія. Не могло не казаться обиднымъ Хмельницкому, что Москва не хочетъ понять его великой идеи, не имѣетъ мужества riskнуть побороться за свои старинныя земли, тогда какъ онъ, отказываясь отъ лично: выгодныхъ условій мира, стремится осуществить эту идею“.

столовое серебро, которое цѣнилъ въ 24.000 злотыхъ. Другіе комиссары также не жалѣли „своихъ мѣшковъ“. Но козакъ отвергнувъ (*sprze-wi*) все это, и отвѣчалъ: „Не пійдѹ до гетьмана: бо не здѹжаю: пили всю пічь изъ гетьманомъ. Вінъ бѹде въ мене тута. Алѣ жъ не радивъ я ёму и не раджу пускати пташкѣ изъ клітки. Та й вы самі, коли бѣ я не нездѹжавъ, не знѣю, якъ бы вплинулі“.

Тогда комиссары отправились къ Хмельницкому „трактовать окончательно (*ultimarie*), просить со слезами (*cum lacrymis*)“. Кисѣль, воображая, что знаетъ чувствительныя струны козацкаго сердца, заперся съ гетьманомъ и провелъ часа полтора въ убѣжденіяхъ. „Ничто не помогало (*nihil profuit*)“.

Къ ужасу комиссаровъ ночью съ 25 на 26 февраля весь городъ былъ отѣпленъ стражею: козаки боялись, чтобъ комиссары не ушли и не увезли плѣнниковъ. Пойманныхъ на улицѣ топили: Топили особенно кодацкихъ драгунъ, прикованныхъ къ пушкамъ: ихъ подзрѣвали въ заговорѣ. Одинъ шляхтичъ, Шимкевичъ, усердствовавшій Киселю, погибъ за то, что спросилъ о „поташѣ Пана Хорунжаго“, своего господина. Комиссары и ихъ челядь провели ночь безъ сна. Комиссарскимъ копвойнымъ не дозволялось и взглянуть на козацкую армату, а кто къ ней приближался, тѣхъ жестоко били.

На разсвѣтѣ комиссары начали собираться въ дорогу, и лишь только настала день, послали къ Хмельницкому сказать, что желаютъ откланяться. Онъ обѣщалъ самъ быть къ нимъ, а потомъ перемѣнилъ свое слово для сохраненія достоинства (*z rowagi*). Комиссары пошли къ Хмельницкому; но Кисѣль такъ заболѣлъ хирагрой и подагрой, что его везли въ саняхъ и не поднимали въ сѣтлицу. Сѣли они съ Хмельницкимъ на подворьѣ, которое было заперто отъ натиска шумѣвшаго посполства. Передъ ними стояли полуживые плѣнники. Паны, перепробовавъ напрасно все средства къ ихъ освобожденію, просили теперь отослать несчастныхъ къ Татарамъ.

Хмельницкій отдалъ Киселю подписанные имъ пункты, два письма, одно къ королю, другое къ канцлеру, и подарилъ ему сѣраго мерина да мѣшокъ съ 500 или 600 червоныхъ злотыхъ, которые Кисѣль отдалъ тутъ же плѣнникамъ, въ видѣ „отѣзднаго“. Еще однажды комиссары просили Хмельницкаго освободить ихъ, а плѣнники пали ему въ ноги съ горькими слезами (*sami niebożęta pokornie do pdg upadli i krwawe niemal lzy toczyli*). Но просьбы и слезы приводили Хмельницкаго только въ ярость. Онъ обратился къ Андрею Потоцкому и сказалъ:

„Для того ще подѣржу тебе, що, коли твій братъ заіхавъ мій городъ Баръ, дакъ посаджу ёго на тѣку передъ містомъ, а тебе тутъ же въ місті, та й дивітєсь одинъ на дво́го“.

„Хорошо его утѣшилъ жестокой тиранъ!“ (пишетъ Масковскій). „Задрожали шкуры на панахъ Конецпольскомъ, Гродзицкомъ, Гарнецкомъ, Лачинскомъ и другихъ, даже на самихъ насъ. Уже двѣ ночи летали голоса черни по городу: „Повбивати сихъ комиссарівъ, або облупити та й одіслати на Кодакъ“! Весь городъ и козаки были подъ оружіемъ (in armis), а панъ гетманъ — никогда въ трезвомъ видѣ (nie-
dy dobrze trzeźwy)“.

Когда Кисѣль напомнилъ Хмельницкому о перемиріи до святокъ, объ успокоеніи Волыни и Подолія, онъ сказалъ: „Не звѣю, якъ воно́ буде, коли́ не вдовольняцца двадцятьма́ або трицятьма́ тѣсячами лей-стрѣвого війська та удільнымъ, одрізнимъ своимъ кнѣзствомъ. Побѣчимо. А зъ тимъ бувайте здоріві!“

Полковники проводили комиссаровъ за городъ: иначе — ихъ бы не выпустили безъ грабежа, а, можетъ быть, и безъ побоевъ.

Глава XX.

Возвращеніе панскихъ миротворцевъ изъ Переяслава.—Встрѣча Русичей гражданственныхъ съ Русичами одичалыми.—Перевѣсъ чувства народной мести надъ правдою фактовъ.—Два противоположные способа государственнаго самосохраненія.—Борьба государственнаго права съ козацкой вольницей.—Козацкій походъ на пановъ 1649 года.

О положеніи панскаго общества въ это бѣдственное время можно судить по тому обстоятельству, что изъ среды самихъ посѣтителей Переяслава нѣсколько человекъ перебѣжало къ козакамъ. Даже нѣкоторые шляхтяки и служебныя панны изъ штата супруги Киселя предпочли остаться въ козацкомъ царствѣ. Въ числѣ перебѣжчиковъ, были подкуплены Хмельницкимъ или переманены обѣщаніями—пожилой шляхтичъ, слуга самого Киселя, какой-то Соболевъ, хорошо знавшій положеніе панской республики, и Литвинъ панъ Ермоловичъ, передъ которымъ папы не скрывались въ своихъ совѣщаніяхъ. Хмельницкаго окружали и такіе перебѣжчики, какъ павлоцкій войтъ, предавшій козакамъ своего державца. Мы видѣли, какую важную роль игралъ онъ въ церемоніалѣ пріема царскаго посланника Унковскаго. Эти люди сильно вредили теперь бывшимъ господамъ своимъ, становясь, если не юридически, то фактически на ихъ мѣста въ обладаніи краемъ.

Но и сами козаки были прошигованы предательствомъ, такъ что не знали, на кого изъ своихъ сообщниковъ можно полагаться въ словѣ и въ дѣлѣ. Этимъ объясняется, почему вся козацкая столица была въ тревогѣ по случаю выѣзда комиссаровъ съ ихъ малочисленнымъ почтомъ. Около сотни плѣнниковъ, содержавшихся въ Переяславѣ, получили возможность переодѣться въ панскую ливрею и vybrаться благополучно, въ толпѣ челяди, изъ догова Козацкаго Батьва, въ томъ числѣ даже нѣсколько офицеровъ князя Вишневецкаго и нѣсколько десятковъ козацкихъ драгуновъ. Несмотря на приковъ къ пушкамъ и на побои за приближеніе къ армятамъ, козацкіе стражи, какъ видимъ, входили въ сдѣлку со стрелками, и достойныя дѣтушки обманывали достойнаго батюшку исправно.

Во все пребываніе въ гостяхъ у Хмельницкаго, королевскіе комиссары не видали его трезвымъ. Окружавшій гетмана штатъ былъ также собраніемъ грубыхъ пьяницъ не лучше и не хуже тѣхъ, которыхъ русскіе люди видали въ послѣдствіи вокругъ Стеньки Разина и Емельки Пугачова. Древній нашъ Переяславъ, сдѣлавшійся козацкою столицею, являлъ подобіе разбойницкаго притона. Среди обилия дорогихъ одеждъ, вещей, вышитовъ, лошадей и всего того, что пришло сюда путемъ набѣга на культурниковъ, мѣстные продукты были такъ дороги, что комиссары за мѣрку овса платили 16 злотыхъ, а за вязанку сѣна по 2 талера. Шестьсотъ собственныхъ лошадей Хмельницкаго бродило за городомъ, добывая себѣ траву изъ-подъ снѣга, и множество козацкихъ влячъ падало отъ голода по улицамъ. Замокъ, бывшій до бунта мѣстомъ городского и земскаго суда для всей Переяславщины, стоялъ въ безобразныхъ развалинахъ, такъ точно, какъ и пикола высшихъ наукъ, іезуитскій коллегіумъ съ его костеломъ. Разбитые гроба и поруганные остатки заслуженныхъ въ государствѣ людей, валяясь кругомъ, представляли еще болѣе дикое зрѣлище. Такая обстановка соотвѣтствовала ночнымъ попойкамъ украинскаго Макбета съ его вѣщуньями-вѣдьмами. Она бросала мрачную тѣнь на судьбу землевладѣльцевъ, очутившихся чужими среди народа, который они созвали на *воли* да на *слободы*, который они устроили хозяйственно и защитили отъ мусульманскаго плѣненія, котораго родную землю они сдѣлали „Землею Христіанскою“ не только по знаменію креста, но и по праву меча. И палскій Римъ, раздѣлившій нашихъ Русичей на ся ради своего господства, не давалъ теперь намъ нити для выхода изъ этой гибельной борьбы съ козаками, изъ этого лабиринта взаимныхъ кривдъ и незабываемыхъ ругательствъ.

Путь королевскихъ комиссаровъ отъ границы удѣльнаго козацкаго княжества до его правоправящаго центра былъ преисполненъ такихъ лишений, что часто нельзя было достать не только зерна для лошадей, но даже и соломы. Голодные среди плодородной земли мужики дополняли горечь хозяйливыхъ путниковъ своими грубыми выходками. Миротлюбивый Кисѣль, при всемъ своемъ православничествѣ, представлялся даже собственнымъ подданнымъ *паномъ Ляхомъ*, а это значило такимъ вредоноснымъ звѣремъ, что они тотчасъ бы его убили, когда бы не конвой. Ревнивая пропаганда противъ Ляховъ, гонителей „христіанской вѣры“, распространяемая невѣжественными въ своей нищетѣ попами да монахами среди невѣжественной черни, слылась въ темныхъ умахъ съ понятіемъ о притѣснителяхъ вообще, — и „благочестивые“ паны были у нихъ одно и то же съ панами злочести-

ыми. Опустошители панскихъ имѣній, козаки возіяли, что „чашы пустошатъ Украинну“, и люди, доведенные руйнинами до голода, вѣрили, что голодъ стался не отъ кого другаго, какъ отъ тѣхъ же пановъ, которымъ теперь оставалось только идти по міру. Украина, повинутая бѣгущими помѣщиками въ видѣ полной чаши, привлекаяшая сотни тысячъ выходцевъ изъ осадъ старинныхъ баснословною роскошью крестьянскаго быта, представляла бѣдствующимъ комиссарамъ повтореніе Батыева нашествія. Объ исчезнувшихъ панскихъ хозяйствахъ говорили въ ней только видящіеся на „вучугурахъ“ пещища да обгорѣлыя деревья, а мужицкому хозяйству не давали процвѣтать истребители панскаго—козаки и Татары. Зато про „козачью славу“ гремѣли въ каждой кабакѣ пѣсни, уподоблявшія панскую колонизацію древнихъ пустынь египетской работѣ.

Каково было на душѣ у православной іерархіи подъ протекціей и карауломъ новаго Моисея, видно изъ того, что кіевскій митрополитъ и архимандритъ Кіевопечерской Лавры выѣхали за 20 верстъ отъ Кіева „для секретной бесѣды“ съ Адамомъ Киселемъ. Не взирая на мирный характеръ комиссарскаго похода, козаки не только не позволили королевскимъ сановникамъ прѣхать черезъ Кіевъ, но взяли съ нихъ и на окольной дорогѣ окупъ. Въ Хвастовѣ комиссары ѣхали мимо валявшихся плякетскихъ труповъ обоюго пола. Въ Кіевѣ, какъ объяснилъ самъ Хмельницкій, избивали безоружныхъ людей за то, что не хотѣли участвовать въ козачинѣ, или же за то, что отказывались „креститься на нашу вѣру“. Голодъ, грабежъ, разбой и наезвиція: вотъ что представила далекимъ путникамъ съ ихъ пріорами да гвардіанами страна, прослывшая благословеннымъ краемъ въ государствѣ!

Обратный походъ искателей мира былъ еще печальнѣе. Они должны были по-старому миновать Кіевъ, но для какихъ-то сношеній съ митрополитомъ отрядили небольшую партію, которая, не вѣзшая въ жилой городъ Подоль, отдала поклонъ митрополиту въ Старомъ Кіевѣ, у Св. Софіи, окруженной древними развалинами. „Свѣдавъ о насъ“ (говоритъ комиссарскій дневникъ), „шляхтянеи и убогая католическая червь (misera plebs catholica) рвалсь къ намъ и догоняли насъ на дорогѣ, кто какъ могъ. Нѣкоторые бѣжали и пѣшкомъ по глубокому снѣгу, зарослями и байраками, въ Бѣлогородку. За ними гнались козаки и многихъ настягали. Возвращая этихъ несчастныхъ всмять, ободрали до нага, были и тутъ же топтали, такъ что и мы были не безопасны, изъ-за нашихъ католиковъ“.

Подвигаясь далѣе обратнымъ путемъ, королевскіе комиссары наткнулись на новую бѣду. Козаки и Татары заходили, на перерѣзъ дороги, къ Звяглю, чтобъ ихъ ограбить. Пришлось дѣлать большія упряжки, бросая на дорогѣ изнемогшихъ лошадей. Наконецъ явилась къ нимъ выручка. Не доѣзжая до Корца, были они встрѣчены близъ Корецкимъ, который выѣхалъ къ нимъ въ поле въ нѣсколько сотъ коней, оставивши въ городѣ до четырехъ тысячъ ненадежныхъ подданныхъ.

Здѣсь опять вспомнимъ, для характеристикъ времени и страны, что изъ всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ одинъ Корецкій имѣлъ столько духа и споровки, чтобы вернуться на свое руйновище и жить въ опустошенномъ замкѣ своемъ. Онъ сдѣлалъ первую изъ многократныхъ попытокъ—возобновить былой компромиссъ, въ которомъ, по переходѣ нашемъ изъ-подъ Кипчакской Орды подъ орду литовскую, а потомъ подъ панованье польское,—состояли здѣсь крупныя и мелкія землевладѣльцы съ руководящими своими слугами, съ мѣщанами, козаками, всѣми вообще „служебниками“ и сельскою чернью. Но всякій компромиссъ былъ бесполезенъ тамъ, гдѣ одни не признавали фактически надъ собою закона, а другіе не хотѣли знать ничего, кромѣ жизни на чужой счетъ, безъ всякаго возмездія собственниковъ и безъ всякой заботливости о трудящихся. Строго судили козаки пановъ за ихъ дѣйствительныя и мнимыя кривды, но, принявшись за панское дѣло сами, „напроказили вдвое хуже“, и кончили свое панованье тѣмъ, что сдали край потомкамъ истребленной ими шляхты въ видѣ голодной пустыни, которую собственные ихъ потомки опять были принуждены обрабатывать панскимъ плугомъ. Но это произошло черезъ 120 лѣтъ взаимной рѣзни и всевозможныхъ преступленій съ обѣихъ сторонъ. Возвратимся въ XVII вѣкъ.

Какъ ни беспомощна была панская республика въ виду республики козацкой, но паны, по наследственной дрессировкѣ своей у иезуитовъ, продолжали ихъ темное и губительное дѣло, воображая свои уловки спасительными. Это видно изъ ихъ тайныхъ бесѣдъ съ питомцемъ созданнаго польщизною митрополита-магната. Бесполезны были для нихъ уроки, полученные ими въ зрѣлищѣ повсемѣстнаго разоренія костеловъ и иезуитскихъ школъ заодно съ панскими замками, и крайне вредоносно было вмѣшательство римскаго духовенства между борющихся шляхтичей плуга, землевладѣльцевъ, и шляхтичей меча, козаковъ. Не вида проку въ руководствѣ своихъ наставниковъ ни среди боевыхъ обозовъ, ни въ мирныхъ посольствахъ и переговорахъ, они тѣмъ не менѣе остались при своихъ римскихъ воззрѣніяхъ

до конца и по концѣ политическаго существованія Польши, какъ добыча ксендзовъ, завоеванная многолѣтними подвигами *ксендзовства* и всего, чтó соединено съ этимъ словомъ. Поэтому исторія смутнаго времени, порожденнаго въ Рѣчи Посполитой Польской прежде всего и больше всего римскою политикою, — для насъ, пострадавшихъ отъ этой политики много, должна быть столь же интересна, какъ и все то, что мы видимъ теперь въ остаткахъ польской политической системы.

Когда королевскіе комиссары достигли обильной пѣвогда напитками и всякимъ угощеніемъ Гощи, панская болѣзнь Адама Киселя усилилась до такой степени, что его „вносили въ пекарню и выносили на санахъ“. Въ Гощѣ было тревожно, какъ и всюду отъ Случи до Горыни. За два дня передъ прїѣздомъ Киселя (3 марта), 5.000 гультаевъ-хмельничанъ вторгнулись передъ разсвѣтомъ въ городъ Острогъ и „наскли до 400 мѣщанъ (даже Русь) и Жидовъ, а городъ ограбили. Изъ шляхты погибло только двое. Приспѣвшая изъ Межирича надворная хоругвь князя Заславскаго вытѣснила гайдамакъ изъ города и положила на мѣстѣ до 150 человекъ. Этотъ набѣгъ сдѣлалъ по собственной волѣ Звягельскій полковникъ, *кушнъръ* *) Твша, ища въ Острогѣ пана Вонсовскаго, бывшаго Звягельскаго старосты, подобно тому, какъ пѣвогда Гренковичъ искалъ своего врага въ Межигорьѣ.

Положеніе миротворцевъ сдѣлалось отчаяннымъ. Несмотря на то, что конвойнымъ жолнерамъ не вышелъ еще срокъ наемной службы, они не хотѣли остаться при панѣ воеводѣ въ Гощѣ, для защиты его убѣжища отъ гайдамацкихъ набѣговъ. Очевидно, что дѣло козацкое находили они болѣе вѣрнымъ, чѣмъ панское. Неизвѣстно, какъ уладили свою оборону комиссары, но оставленное ими позади себя зрѣлище козако-гайдамачщины ужасало ихъ.

„Вся чернь“ (писалъ Масковскій) „вооружается, полюбивъ свободу отъ работъ и податковъ и не желая на вѣки имѣть пановъ. Хмельницкій велѣлъ вербовать козаковъ по всѣмъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ, кормить лошадей, и названные такимъ образомъ въ козаки берутъ, бьютъ, грабятъ. Но далеко большая часть простонародья молить Бога о мирѣ и мести надъ Хмельницкимъ и своевольниками. (Носится слухъ, что) Хмельницкій чуетъ близкую смерть (*nie długo sobie żyć wgroży*). Зарылъ въ Чигиринѣ бочекъ 15 серебра. Тамъ же у него 130 турецкихъ коней и 24 сундуки дорогой одежды.

*) Kürschner, скорнякъ.

Пилявецкой добычи полна Украина. Больше всего покупаетъ ее Москва въ Кіевѣ и по ярмаркамъ въ другихъ городахъ. Серебряныя тарелки продавались по талеру и дешевле. Одинъ кіевскій мѣщанинъ купилъ за 100 талеровъ такой мѣшокъ серебра, что мужикъ едва могъ нести. Жена полковника Тиши, кушяѣрка, угощала въ Звягі посланцовъ пана воеводы на серебряѣ, за богато накрытымъ столомъ, и бранила Хмельницкаго (tata Chmielnickiemu), что не такъ величально (*splendide*) живетъ, „коли Богъ дасть усѣго много“. Нашии продавать серебра козави не хотѣли. Даже лошадей запретилъ германъ продавать намъ“.

Въ силу перемѣщенія богатства и всякихъ вольностей изъ павской республики въ воеводку, сотниками гультаевъ и гайдамаковъ дѣлались весьма часто шляхтичи, даже съ такими фамиліями, какъ процвѣтающіе въ Кіевскомъ Полѣсѣ донинѣ Горностаи. О Хмельницкомъ ходили такіе слухи, что хоть бы и хотѣлъ онъ мириться съ панами, то не можетъ: чернь остервенилась до того, что рѣшилась истребить шляхту, или же сама погибнуть. Татары готовились къ новому нашествію, въ помощь воеводамъ. Къ Хмельницкому являлись они даже нѣшкомъ изъ Крыма и Буджаковъ, и Хмельницкій снабжалъ ихъ тотчасъ лошадьми и оружіемъ. Не только ежемѣсячно, но и еженедѣльно (говорила молва) посылаетъ онъ пословъ къ хану съ завѣсомъ ва войну и проситъ его не давать свободы ниодному плѣннику. „Ты-моль хочешь ихъ выпустить, а я хочу ихъ выгубить, чтобъ ниодного Ляха не было на свѣтѣ“. Даже днѣстровскіе *побережники*, славные въ шляхетскихъ походахъ противъ Буджацкихъ Татаръ, теперь дѣлались „разбойниками“, какъ увѣдомляли одинъ другаго пани.

Каковы были отношенія Хмельницкаго съ Татарами, и что заставило его пріостановиться съ „кошчаніемъ Лиховъ“, открываетъ намъ слѣдующее письмо его къ первому соправителю хана—султанъ-галгѣ:

„Ясновельможный, милостивый панъ султанъ-галга крымскій, панъ милостивый панъ и добродѣй!

„Добраго здоровья и всякихъ счастливыхъ помысловъ со всѣмъ предостойнымъ рыцарствомъ вашей царской милости, низкій поклонъ отдавая, желаемъ пользоваться имъ на многія лѣта.

„За трудъ, который ваша царская милость благоволила подѣлать для насъ, низайшихъ своихъ слугъ, много и униженно благодаримъ, и, пока живы, мы и дѣти наши, за столь милостиво оказанное намъ благоволеніе готовы отслуживать. Однакожъ, во время бытности вашей царской милости, былъ бы я радъ, когда бы мы этого непріятеля нашего, побѣдивъ, уничтожили до остатка; только ваша царская

милость сами видѣли, что войско было крайне отягчено (добычею), и я уже тѣмъ удовольствовался. Но, какъ они издавна привыкли жить неправдою, такъ и теперь на насъ наступаютъ своею силою, вонзавшись уничтожить насъ, въ чемъ имъ, Господи Боже, не помоги, и на Крымъ хотятъ идти. Мы имѣемъ вѣрнѣе о томъ вѣсть отъ его милости венгерскаго короля, который предостерегаетъ насъ и вашихъ милостей, нашихъ милостивыхъ пановъ, что и Шведовъ на насъ и на весь Крымъ вербуютъ... Умилосердись, умилосердись, милостивый панъ, чтобы мы не дали этимъ нашимъ непріятелямъ распространиться. И вторично, и третично просимъ: ибо множество Христіанства нашего, душъ невинныхъ, вырѣвали бы. Умилосердись ваша царская милость: какъ началъ съ начала, такъ и до конца благоволи насъ оборонять“...

Татарское милосердіе въ безпощаднымъ руинникамъ грозило Шляхетскому Народу тѣмъ большими несчастіями, что у него былъ теперь такой король, который помогъ Хмельницкому отстранить отъ гетманства единственно страшнаго для него человѣка. Если у Киселя было хоть немного прямой любви къ отечеству, то онъ, хворая въ Гошцѣ надъ Горынью, долженъ былъ бы на досугъ понять, какую нелѣзную и злоторную игралъ онъ роль въ качествѣ миротворца. Товарищъ его по комиссіи, Масковскій, изъ Млыновцевъ подъ Русскимъ Зборовомъ, отъ 28 (18) апрѣля, увѣдомлялъ краковскаго бискупа, Гембицкаго, что ханъ далъ упросить себя Хмельницкому (dań się Chmielnickiemu uprosić); что посылаетъ впереди себя крымскихъ собакъ (ogarów krymskich) и самъ садится на коня. „Никогда не были мы ближе къ послѣдней гибели“ (писалъ онъ), „какъ нынѣ, въ несчастномъ будущемъ маѣ. Это будетъ октава и года и мѣсяца, еще горшая прошлогодней, Желтоводскаго и Корсунскаго погрома. Никакой спасительной надежды нѣтъ; изъ Варшавы ничего утѣшительнаго..... Уже изъ Каменца бѣжитъ все живое; кто уходитъ въ Венгрію, кто—куда можетъ“.

Теперь Кисѣль зналъ, что такое Хмельницкій. Оправясь въ Гошцѣ отъ своей хирагры, подъ гулъ наступающей грозы онъ увѣдомилъ Козацкаго Батька пріятельски о своемъ разстроенномъ здоровьѣ и, вмѣстѣ съ другими комиссарами, просилъ объ окончаніи комиссіи, но сдѣлалъ это для того, чтобы маскировать панскія приготовленія къ войнѣ. Хмельницкій видѣлъ пана нововоду пасквозь, и писалъ къ нему изъ Чигирина, отъ 13 (23) мая такъ вѣжно, какъ писалъ бы мурмылякоть къ неосторожной мыши, желая удержать ее по сю сторону подполя:

„За письменное навѣщеніе благодарю вашихъ милостей пановъ и приверженнымъ сердцемъ желаю радоваться, видя вашность-панъ въ добромъ здоровьѣ. Чтò же касается окончанія комиссіи, то всѣми силами (*totius viribus*) стараюсь, чтобы она, согласно нашему условію, получила конецъ. Одно только всѣхъ насъ очень удивляетъ, что въ Коронѣ и въ Литвѣ собраны весьма великія войска. Это тревожитъ все наше Запорожское Войско. Оно опасается, чтобы—отъ чего сохрани Господи Боже—не такъ желали кончить комиссію, какъ въ прошломъ году: тутъ про миръ, а тутъ совсѣмъ про другое думали. Однакожъ, я, будучи другаго мнѣнія, обослалъ всѣхъ полковниковъ, чтобы посовѣтоваться, гдѣ бы всего безопаснѣе можно было отправить комиссію. Когда между собой постановимъ, я не замедлю дати знать вашимъ милостямъ какъ можно скорѣе днемъ и ночью. А вашность-панъ и ихъ милости паны, съ своей стороны благоволите задержатъ жолнеровъ, чтобы не давали повода къ разорванію этой комиссіи, которая будетъ, дастъ Господь Богъ, отправляться“.

Но 22 (12) мая мозырскій подкоморій, Федоръ Михайлъ Обуховичъ, писалъ литовскому подканцлеру, Льву Сопігѣ, что Кисѣль ретировался уже изъ Гощи за Горынь, имѣя явныя доказательства враждебности Хмельницкаго (*operta hostilitatis argumenta*), такъ какъ онъ ни королевскаго посла Смяровскаго не хочетъ оттуда выпустить, ни на письма о комиссіи не отвѣчаетъ. „Отовсюду также“ (писалъ Обуховичъ) „сыплются толпы взбунтовавшаго посполства и наполняютъ весь трактъ между Горынью и Случью, а самъ *author et dux* этого подвига наступаетъ главною купою, окруженный огромными ордами“.

Черезъ три дня самъ Адамъ Кисѣль увѣдомлялъ королева канцлера,—что видѣлъ непріятеля собственными глазами; что Хмельницкій былъ бы радъ поймать его въ свои руки; что потому пишеть къ нему (Киселю) *штучно*, и что теперь уже нѣтъ надежды на трактаты (*juz nulla spes traktatów*). Такъ поумнѣлъ нашъ Свѣнтольдичъ, умудренный повднимъ опытомъ.

Онъ отписалъ Хмельницкому дружески (*bona verba*), какъ будто ничего не подозрѣваетъ, и едва двинулся изъ-подъ Гощи, въ ту же минуту 600 хмельничавъ вступило въ мѣстечко, а ночевало въ немъ 1.500. Прискакавшій отъ Смяровскаго въ Тайкуры козакъ перебѣжчикъ (*transfuga*), по фамиліи пляхтичь, объявилъ, что „запорожскій Макиавелли“ отобралъ у королевскаго посла и его челяди лошадей и держитъ всѣхъ ихъ подъ стражею до пріѣзда комиссаровъ: тогда ихъ выпуститъ, а комиссаровъ задержитъ. Онъ же увѣдомлялъ, что

курій монахъ, Отець Ляшко, конфидентъ Киселя, очутился въ татарской неволѣ,

Вмѣстѣ съ тѣмъ было донесено, что Хмельницкій заключилъ съ Москвою тайный договоръ. Основаніемъ этому слуху послужила, безъ сомнѣнія, *милостивая* грамота царская, изъ которой Хмельницкій сдѣлалъ умышленно тайну. Говорили также, будто бы писмо Киселя въ Москву было прислано въ Хмельницкому изъ Москвы. Но гораздо правдоподобнѣе, что онъ, перехвативъ писмо, дѣлалъ изъ московскаго царя своего сотоварища. Ему было нужно, чтобы московскій царь, во мнѣніи пановъ, былъ то же самое, что и крымскій ханъ. О Киселѣ же наперсники Хмельницкаго говорили Улюковскому, — что онъ отпущенъ изъ Переяслава съ тѣмъ, что гетманъ и все Войско Запорожское и вся Кіевская Русь подъ властью польскаго короля и пановъ-рады быть не хотятъ, и паны бы рады на Войско Запорожское и всю Русь не наступали и крови не проливали; но Адамъ Кисель съ такимъ условіемъ въ Польшу идти не рѣшился, потому что, отправляясь посломъ, хвалился Войско Запорожское на миръ привести по-прежнему, и теперь живетъ въ своей маетности, въ городѣ Гоцѣ, а городъ этотъ принадлежить Войску Запорожскому.

Каковы бы ни были виды московской политики на Русскую Землю, которая ломалась въ рукахъ у Польши, но правительство московскаго царя должно было смотрѣть на козаковъ не иначе, какъ и правительство короля польскаго; а Куняевъ представилъ своему государю польскій взглядъ на козачину въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Великому государю, его царскому величеству, своихъ (московскихъ) украинъ годитца отъ такова гультайства оберечь, чтобы не воменулись и шкоды какіе не учинили. А у Богдана Хмельницкаго многіе своевольные люди козаки, и гультаи, и Татаровъ; и тольکو имъ въ королевскомъ панствѣ не удаста, и имъ де безъ хлѣба не пробыть, и чаать ихъ промыслу и инуды“.

Такъ говорили правительствующіе паны царскому гонцу. Но, въ виду того, что они держали себя такъ гордо передъ царскимъ гонцомъ, Алексѣй Михайловичъ долго не отвѣчалъ на привезенное ими 30 марта 1649 года благодарственное письмо Яна Казимира. Зная всѣ обстоятельства польской неурядицы и вида, какой „пожаръ“ пылаетъ внутри польскорусскихъ областей, Москва выжидала событій во всеоружіи своихъ ратей, обступившихъ польскія границы.

Въ концѣ апрѣля появился въ царевой столицѣ посолъ Хмельницкаго, полковникъ Оедоръ Вешнякъ, тотъ самый, который такъ рыцарски велъ себя за столомъ у гетмана. Несмотря на названіе,

данное имъ заодно и ксендзамъ и попамъ, его сопровождали — игуменъ могилевскаго Глядовскаго монастыря да „черный попъ“ (т. е. іеромонахъ) Никифоръ. Этимъ лицамъ было поручено ходатайствовать у царя, чрезъ посредство іерусалимскаго патріарха, Паисія, о принятіи Хмельницкаго и его воязовъ подъ высокую царскую руку и о „пособіи“ въ войнѣ съ Поляками. „А роздѣлавшись де съ Поляками“ (докладывалъ Посольскій Приказъ), „козаки обѣщали, для царскаго счастья, идти съ Крымскими людьми на турецкаго салтана. А войска де черкасскаго съ 40.000 человекъ да Татаръ съ 400.000“.

Но для царя не было тайною, что Хмельницкій отиѣриль уже Туркамъ Червенскіе Города равноапостольнаго Владиміра по самый Люблинъ. Съ этимъ опаснымъ интриганомъ надобно было вести себя крайне осторожно, не такъ, какъ этого желали бы наши кіевскіе ретрограды. Изъ его келѣрнаго положенія вытекала для царскаго правительства двойная забота: во-первыхъ, чтобы, воюя Поляковъ съ побратимами Татарами (которыхъ самъ онъ показывалъ 400.000), не очутился онъ въ рукахъ у мусульманъ со всѣмъ своимъ воевьемъ; а во-вторыхъ, чтобы, отвергнутый царемъ, не обратилъ онъ, по старой козацкой памяти, на Москву опустошителей своего роднаго края.

Не получивъ никакого отвѣта чрезъ глядовскаго игумена, Хмельницкій канцелярь, отъ 3 мая, новое письмо къ царю Алексѣю Михайловичу. Онъ просилъ принять Запорожское Войско „въ свою милость и благословить своей рати на ихъ (козацкихъ) наступцовъ и за вѣру православную наступати“. При этомъ выражалъ желаніе, чтобы московскій государь былъ надъ козаками царемъ и самодержцемъ, принявъ ихъ со всею Русью подъ свою милость и оборону.

Письмо было представлено царю полковникомъ Вешнякомъ, который не упомянуть въ прежнемъ докладѣ Посольскаго Приказа, и теперь изъ поповскаго провозатаго сдѣлался самостоятельнымъ посломъ: улова, продѣланная и Мужилловскимъ. Этотъ грубый пьяница получалъ отъ своего достойнаго гетмана наказъ: „чтобъ онъ съ его царскимъ величествомъ“ (точно Янъ Коровченко съ крымскимъ ханомъ) „изустно разговорилъ и всю истину исповѣлъ“.

Бывши въ Переяславѣ, паны подхватили слухъ, что тонкая Москва (*subtelna Moskwa*) приняла не совсѣмъ радушно и патріарха Паисія (*male excerptus et habitus*) за его индულгенція въ Украинѣ. Тѣмъ несимпатичнѣе отнеслась она къ анти-обычайному Вешняку.

Тяжела была въ козацкомъ вопросѣ роль царя Алексѣя Михайловича, столь величаваго въ своихъ пріемахъ, столь высоко цѣнившаго достойную обстановку царственности. Верхъ русскаго общегитія,

олицетворяемый москвичами, и самая низкая ступень его, изображаемая запорожцами, сошлись волею историческихъ судьбъ, въ общей работѣ русскаго воссоединенія, которую Москва производила сознательно еще въ эпоху Великаго Собирателя Русской Земли, а козачество совершало безсознательно и подъ бунчукомъ того, кто объявлялъ себя русскимъ единовладникомъ и самодержцемъ. Изъ этой встрѣчи Русичей, просвѣщенныхъ новою гражданственностью въ удаленіи своемъ на Клязьму и Мосеву, съ другими Русичами, одичалыми въ пустыняхъ Калки и Двѣпра, надобно было царскому правительству выйти съ достоинствомъ. Такіе вѣдомые намъ представители Москвы, какъ Унковскій и Кунаковъ, не могли смотрѣть на козачину иначе, какъ съ отвращеніемъ. Но, съ другой стороны, воспитанные виѣ западнаго вліянія, они чуяли въ грубіянахъ козакахъ древнее русское родство больше, нежели въ малорусской шляхтѣ,—больше, чѣмъ даже въ нашемъ начальствующемъ духовенствѣ, пропитанномъ такъ или иначе антирусскою латинщиной.

Въ теченіе трехъ вѣковъ полнѣческаго разобщенія Руси, населеніе литворусской части ея не переставало дѣлиться на приверженцевъ забвенной русской старины и на приверженцевъ прославленнаго латинства, или же—протестантства. Съ каждымъ поколѣніемъ оставалось у насъ меньше и меньше старовѣровъ, напомилавшихъ собою древнее наше единство съ тѣмъ Русскимъ Народомъ, который собрался въ одно сильное тѣло подъ спасительнымъ единовластіемъ Москвы. Съ каждымъ поколѣніемъ, малорусское наше старовѣрство осѣдало изъ высшихъ, богатыхъ и порядочныхъ слоевъ общества въ низшіе, убогіе, по своему быту, ордынскіе. Это было осѣданіе русской народности и обычаиности, русскихъ сочувствій, русскихъ отвращеній.

Передъ началомъ Хмельничины иноплеменникъ нашъ, Петръ Могила, сроднилъ идеалы нашей духовной аристократіи съ идеалами латинскими, и тѣмъ осадилъ у насъ русскій элементъ ниже прежняго. Представителями этого элемента въ нашей интеллигенціи, таившейся въ монастыряхъ, сдѣлались подобныя Филиповичу личности, остатки подавленной *могилянскими* партіи Копинскаго, которые и по своему убожеству, и по своему ничтожному положенію въ цанскомъ обществѣ, слѣдили только издали, съвозъ туманъ своихъ предубѣжденій, за совершающимися въ Малороссіи событіями, пробавлялись въ политическихъ дѣлахъ только молвою прихожихъ богомольцевъ ѿ, не видя себѣ ни отбуда поддержки, взирали на козаковъ, какъ на борцовъ за вѣру, а на московскаго царя—какъ на послѣднее убѣжище въ безотрадной будущности.

Здѣсь церковь, раздѣленная съ козачествомъ діаметрально противоположными стремленіями, очутилась въ такомъ точно опасномъ положеніи за свою вѣрность древнимъ преданіямъ, въ какое козакъ были приведены своими посягательствами на права и имущество производительныхъ классовъ малорусскаго населенія. Церковь, воздвигнутая изъ своего упадка творцами знаменитаго Совѣтованія о Благочестіи, проповѣдывала святое мученичество, родственное съ мученичествомъ Гермогена и Филарета московскихъ, какъ единственный способъ одолѣть своихъ отступниковъ, и въ то же время, подвергшись новому упадку въ лицѣ своихъ верховниковъ, могиланъ, чаяла какого-то спасенія отъ людей, проливавшихъ кровь, какъ воду; а общество убійцъ и грабителей, верставшихъ поповъ и всендзовъ подъ одну стѣну, хваталось кровавыми руками за ея чистое знамя, лишь бы выбраться изъ той бѣды, которая грозила ему за его неслыханныя злодѣянія даже и въ моментъ его торжества надъ панами.

Вслѣдъ за посольствомъ Хмельницкаго пришло къ царю и къ московскому патриарху отъ игумена Мгарскаго монастыря, Калистрата, съ братією письмо, умоляющее царя „принять его подъ крыло царства своего со всѣми старцы и со всѣми статки монастырскими и церковными“. Въ письмѣ къ царю Калистратъ изображалъ положеніе дѣлъ въ Малороссіи такими словами:

„Нынѣшняго времени въ Землѣ Лятцкой велие есть смятеніе и междоусобная рать зѣльная, какова не была отдавна, и нынѣ всѣ въ отчаяніи есмы и въ страстѣ великомъ отъ Ляховъ, и еще преодолѣваютъ нашихъ козаковъ, етому не мощно намъ быти живымъ. И въ нынѣшній часъ перевозятся на сю сторону Днѣпра, Ляхи, Литва съ Радивиломъ, шездесать тысячей связываютъ ихъ быти“.

Въ посланіи къ московскому патриарху судьба малорусскаго православія представлена еще въ болѣе мрачномъ видѣ:

„Нынѣ приде время, еже бѣжати намъ отъ лица луку сильныхъ, глаголю же враговъ сущихъ нашея православныя и благочестивныя, съ солнцемъ восходящія вѣри и церкви нашея восточныя апостольскія ненавистниковъ, хульниковъ, гонителей, Ляховъ, кои отдавна остроина азывъ свой, яко мечъ остръ, дышуще на ны огнемъ ярости злопамятства, кои пообладаша бѣша всѣ благочестивныя церкви россійскія и монастыри, всѣхъ насъ, яко залѣненныхъ, подъ ся поворнша. И се нынѣ, Божиимъ маніемъ и попущеніемъ, оружіе примше, пособіемъ Божиимъ, войско наше православное козацкое Запорожское, не терпяще превалившихъ бѣдъ отъ Ляховъ поносити, околчѣвшееся противу имъ стаща, еже есть слышано, яко мимошедшаго лѣта втора-

цею и третицею неизбѣжныя Лахи отъ нашихъ побѣждены быша; и се нынѣ сильнѣе первого на нашихъ вооружишась, и онѣхъ убо множество, насскихъ же въ маломъ числѣ сочести. И сего ради боимся и зѣло ужасаемся, да не како безбожныя Лахи преодолѣвають козаковъ нашихъ и месть сотворятъ злую надъ нами, безо всякаго пощаждѣнія и милосердія“.

Посланцовъ Калистрата путивльскіе воеводы не пустили къ царю. Но тѣмъ не менѣе монашескіе вопли должны были волновать въ Москвѣ общественное мнѣніе, находившееся подъ вліяніемъ духовенства. Между тѣмъ, изъ разспросовъ, сдѣланныхъ по заведенному порядку воеводами у этихъ посланцовъ, видно, что монахи писали въ Москву то, что было нужно козакамъ, все равно какъ въ прежнія времена козаки въ свои петиціи на сеймъ включали то, что было нужно духовенству. Полковники Хмельницкаго разсылали по монастырямъ реляціи о своихъ побѣдахъ, а вернувшись изъ похода, являлись къ монахамъ съ приношеніями, которыя заставляли честныхъ отцовъ забывать увѣреніе Киселя и другихъ православныхъ пановъ, все еще продолжавшихъ созидать и благодѣлствовать наши храмы, что война съ козаками идетъ вовсе не за вѣру, а за опустошеніе края, за предательство его Татарамъ, за нарушеніе государственнаго права и оскорбленіе королевскаго величества. Такимъ образомъ козацкая и поповская мстительность торжествовала надъ правдою фактовъ, и православные люди отъ береговъ Тясмина до рѣки Москвы твердили хоромъ, что въ Малороссіи идетъ война за вѣру. Великоруссы разувѣрились въ этомъ только тогда, когда Выговскій и другіе предатели, питомцы Хмельнитчины, стали поступать съ ними такъ, какъ до сихъ поръ поступали съ безбожными и злочестивыми Лахами, а Малоруссы не стыдятся и послѣ Мазепы проповѣдывать, что „козаки были единственными борцами за православную вѣру и русскую народность“.

Оставаясь непроницаемою въ своихъ намѣреніяхъ, набожная, чинная, величавая и выѣствъ съ тѣмъ, по замѣчанію Поляковъ, тонкая (*subtelna*), Москва угощала чигиринскаго увальня, Вешняка, съ обычнымъ своимъ хлѣбосольствомъ. По царскому указу, велѣно было дать ему „государево жалованье въ стола мѣсто: колачъ смѣсной въ полторы лопаты, блюдо якры черныя, лець или стерлядь паровые, звено бѣлье рыбыцы, блюдо вухи рыбы свѣжіе, звѣно бѣлужины, щуку колодеку; питья: двѣ кружки вина двойнаго, двѣ кружки романѣи, двѣ кружки ренскаго, двѣ кружки меду вишневого, или малиноваго, полведра меду паточнаго, ведро меду цѣженаго, два ведра пива добраго“.

Царь Алексѣй Михайловичъ милостиво припялъ присланные козацкимъ верховодомъ лошады (оцѣпенную потомъ въ 45 рублей) да лукъ турской, и спросилъ черезъ думнаго дьяка о здоровьѣ гетмана Богдана Хмельницкаго: Вешняка и четверныхъ его спутниковъ „пожаловалъ къ рукѣ; но выслушать гетманской листъ и на тотъ листъ и на рѣчи Вешняка обѣцалъ, черезъ того же думнаго дьяка, учинить указъ приказными людьми инымъ временемъ“.

Козацкому посольству было придано значеніе обыкновеннаго „пріѣзда козаковъ къ Москвѣ для испрошенія государева жалованья“.— „Въ докладъ“ было написано Посольскимъ Приказомъ, что „1646 году гетманъ Запорожскаго Войска, Миколай Зацвилюховскій, прислалъ къ царю листъ да двухъ человекъ языковъ татарскихъ“. Сообразно съ отпущеннымъ его гонямъ жалованьемъ, было дано жалованье полковнику (Мужиловскому) и десяти человекамъ козаковъ, которые привезли въ Москву іерусалимскаго патріарха Пансіа, а сообразно съ этимъ жалованьемъ былъ награжденъ и Вешнякъ съ товарищи. Они получили: „отласъ гладкой, сукно лундышъ *) самый доброй, камка добрые, два сорока соболей по 50 рублей сорокъ, денегъ 30 рублей; козакамъ тремъ человекомъ по сукну по англичскому по доброму, по двѣ пары соболей по 5 рублей пара; денегъ по 10 рублей; людемъ ихъ и полковникову конюху всего 6 человекомъ, по сукну по доброму, по парѣ соболей, по 2 рубля пара, денегъ по 10 рублей человеку“.

Іюня 12, черезъ 8 дней по прибытіи Вешняка въ Москву, онъ былъ отпущенъ царемъ, у котораго поцѣловалъ руку, но съ которымъ „розговорить устно“, какъ это писалъ Хмельницкій, было бы слишкомъ высокою для него почестью. На отпускѣ думный дьякъ сказалъ ему въ присутствіи царя:

„Федоръ! великій государь-царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ къ тебѣ сказать: Пріѣзжалъ еси къ нашему царскому величеству по присылкѣ запорожскаго гетмана, Богдана Хмельницкаго, съ листомъ. И мы, великій государь, тотъ гетмановъ листъ выслушали, и гетмана и все Войско Запорожское за ихъ службу, что наше царского величества милости ищутъ, жалуемъ — милостиво вохваляемъ. И противъ того гетманова листа посылаемъ съ тобою къ

*) Fein holländisch, по-польски *talendysz*. Изъ этого сукна козакъ носили такъ-называемые жупаны-*мудамы*.

нему, гетману, въ Богдану Хмельницкому, нашу царского величества грамоту да нашего государева жалованья три сорока соболей“.

„А послѣ того“ (записано въ столбцахъ) „думной дьякъ Михайло Волошениковъ, объявилъ имъ государево жалованье при государѣ, а молялъ: Полковникъ Ѳедоръ! великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, вса Русія самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, жалуетъ тебя своимъ царскимъ жалованьемъ: отласъ, камка, сукно багрець, два сорока соболей, денегъ 30 рублей“.

Такъ патріархально и вмѣстѣ такъ отчетливо велось государево хозяйство московское, вовсе непохоже на польское, въ которомъ иной разъ было разливное море для всѣхъ *выдмикуфлей*, а иной—на королевской кухнѣ недоставало дровъ и говядины, а сенаторы-резиденты голодали вмѣстѣ съ своимъ „великимъ монархомъ“, отъ иностранныхъ же пословъ, случалось, великій монархъ бѣгалъ изъ Варшавы на охоту, чтобы въ нимродовской жизни скрыть свое постыдное убожество.

Изъ пріема Вешняка явствуется само собой, что тайный договоръ съ козаками и пересылка сенаторскихъ писемъ въ козацкому гетману могли явиться только въ шляхетскихъ умахъ, которые по-казацки мутить взбунтовавшійся шляхтичъ.

Въ отвѣтной своей грамотѣ, врученной Вешняку, царь писалъ, что желаніе Хмельницкаго и обѣщаніе служить ему, великому государю, со всѣмъ Запорожскимъ Войскомъ—*милостиво похваляеть*, но что наступить царскимъ ратямъ на козацкихъ непріятелей нельзя, потому что отцомъ его, царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, заключено съ покойнымъ королемъ Владиславомъ и съ его наследниками „вѣчное докончанье“, утвержденное на обѣ стороны ихъ государскими душами, крестнымъ цѣлованьемъ и грамотами и печатями“.—„А будетъ королевское величество“ (сказано въ заключеніе) „тебя, гетмана, и все Войско Запорожское учинить свободныхъ *), безъ нарушенья вѣчнаго докончанья, и мы, великій государь, наше царское величество, тебя, гетмана, и все Войско Запорожское пожалуемъ—подъ нашу царского величества высокую руку приняты велимъ“ (**).

*) Вчернѣ было написано сперва: „А будешь ты, гетманъ и все Войско Запорожское, у короля и у панонъ-радь *учинитесь свободны*“.

**) Это мѣсто также вчернѣ было написано иначе; а именно: „А будетъ, вамъ въ чемъ учинитца тѣснота и гоненье, и которые на нашу царского величества сторону переходить учнутъ, и мы, великій государь, для православныя христианскіе вѣры, по тому жъ тѣхъ приняты велимъ, что послѣ вѣчнаго докончанья съ обѣ стороны переходять повольню“.

Но польскому королю и его панамъ-рады, рабамъ римскаго папы, уже была дана строгая нота. Получивъ извѣстительное письмо о воцареніи Яна Казимира въ концѣ марта, Алексѣй Михайловичъ промолчалъ весь апрѣль, и только 8 мая написалъ внушеніе, что возводить человѣка въ достоинство свѣтила всего христіанства (какъ дѣлають-моль паписты) *непристойно*. Подъ этимъ внушеніемъ могли скрываться и другое,— что славословить безъ всякой мѣры короля, оторвавшаго у Москвы Сѣверщину къ Польшѣ, болѣе чѣмъ неблагоугодно въ такой моментъ, когда завоеватели Сѣверщины завоевали Польшу, и готовы повергнуть ее къ ногамъ преемника Собирателей Русской Земли.

Привыкнувъ мыслить по римской логикѣ, польскіе паны взирали на Москву съ такимъ пренебреженіемъ, что даже лучшій изъ ихъ канцлеровъ, Янъ Замойскій, среди національнаго собранія своего называлъ московскаго царя Бориса *хлопомъ*. Между тѣмъ цари-хлопы, съ окружавшими ихъ просторѣковатыми боярами, хорошо знали путь политической жизни, шли по этому пути при свѣтѣ собственнаго, русскаго ума, и, въ свою очередь, присвоивали себѣ право называть пановъ *безмозлыми Ляхами*. Теперь именно насталъ такой моментъ, когда двѣ системы политической жизни, два противоположные способа государственнаго самосохраненія—должны были доказать практически свою состоятельность. Поляки гордились *волею* своею, а Москвали—своею *неволею*. Называя себя холопьями царя своего, бояре московскіе такимъ самоуничженіемъ высказывали только національное уваженіе къ знамени, подъ которымъ *Русскій Народъ* (не Шляхетскій и не Козацкій) изъ падшаго сдѣлался возставшимъ, изъ раздробленнаго—единымъ, изъ малаго—великимъ. Поэтому всякое прямое или косвенное оскорбленіе имени и достоинства царскаго принимали они за оскорбленіе всего народа, надъ чѣмъ „безмозглые“ смѣялись и послѣ Хмельнитчины, въ знаменитыхъ *Pamiętnikach Paska* *).

*) Był tedy między ochotnikami chłopiec, który umiał z Moskalami swarzyć się i drażnić ich; jak oni wołali: „czaru, czaru“! to chłopiec przypadłszy blisko nich, zawołał głosem: „wasz czar taki a taki“! to Moskale za nim kilkunastu albo kilkadziesiąt wyszorowało się; chłopiec zaś, na rąymbach macie siedząc, dobrze uciekał, a wyprowadziwszy ich za sobą daleko od kupy, to my, stęczywszy z boków, przerzniełiśmy ich, siekąc i zabierając. Dość na tem, żeśmy posłali wojewodzie ze trzydziestu języków z harcówki za powodem owego chłopca. To znówu chłopiec do nich poruszał i powiedział im co innego o carze, a Moskale jakoby wściekli, (bo oni bardziej się urażają o krzywdę imienia carskiego, niżeli

Случай выместить на Ляхахъ всю ихъ вичливость самъ по себѣ былъ искустелемъ. Хмельницкій „растопталъ“ ихъ боевыя силы, растопталъ, по выраженію Киселя, ихъ славу, и грозилъ перевернуть польское панство кверху ногами, — грозилъ въ глаза великимъ и полномочнымъ посламъ Рѣчи Посполитой, которыхъ третировалъ en canaille. Москали знали цѣну козакамъ еще до своего Разоренія: это у нихъ былъ народъ дикій, безбожный, предательскій. Съ козаками они держали себя осторожно, какъ съ огнемъ. Но почему же имъ было не взять у Ляховъ свое, когда Ляхи ставятъ кверху ногами? Связывало ихъ вѣчное докончаніе, утвержденное вкрестнымъ цѣлованіемъ. То не была преподанная Ляхамъ присяга *словомъ*, а не *памят-реміемъ*. Но это вѣчное докончанье, при всей святости своей для воспитаннаго православіемъ сердца, не обязывало его терпѣть новыя оскорбленія, — и отъ кого же? отъ пановъ, поправныхъ ногами собственныхъ рабовъ, какъ они сами сознавались. Въ сердцахъ думныхъ царскихъ людей не зажили еще раны, нанесенныя тѣмъ самымъ Владиславомъ Жигимонтовичемъ, котораго просвѣщеніе Ляхи такъ не ко времени противопоставили московскому невѣжеству, разумѣя подъ этимъ сіяніе польскаго католичества и темноту русской схимы. Всякое прикосновеніе къ этимъ ранамъ отзывалось въ Москвѣ болѣзненно, а между тѣмъ со стороны Ляховъ это была не единственная зацѣпка.

Съ возобновленіемъ козацкихъ бунтовъ и сношеній нашего духовенства съ Москвою, польскіе политики стали бояться русскаго соединенія больше прежняго, и, чтобы проявлявшіеся въ низшей шляхтѣ симпатіи къ московской тишинѣ, въ московской безопасности, къ московскому суду и расправѣ — не возымѣли своего дѣйствія, пустили въ ходъ самое жалкое средство. При всякомъ удобномъ случаѣ, на сеймикахъ и сеймахъ, въ церковныхъ проповѣдяхъ и въ печатныхъ сочиненіяхъ, они старались бросить на Московское Царство тѣнь, какъ на страну звѣрскую, коварную, и самого царя московскаго изображали — или тираномъ, или посмѣшищемъ. Такъ продолжалось дѣло до послѣдняго бунта. Хмельницкій, изыскивая средства задобрить московское правительство и вооружить Москву противъ Польши, напалъ на этотъ родникъ международной ссоры. Въ качествѣ польскаго

imienia boskiego), suną się za nim zapamiętali. Tak było tego wiele razy na swe-go chłopca. I tak tedy zagnali się za owym chłopcem aż w las, chcąc go koniecznie dostać, boby go pewno ze skóry oderli za takie niecnoty, które im wyrządzał. My zaś zawsze po nich...

шляхтича и козака, онъ питалъ къ царскому правительству меньше пріязни, нежели къ султанскому, и въ особенности—за его неуклонную стропительность. Разозлясь на царя за его равнодушіе къ козацкимъ предложеніямъ, не разъ отпускалъ онъ передъ московскими людьми такія угрозы, что вотъ-можь пойду изломаю вашу Москву и все Московское Царство, да и тотъ, что у васъ на Москвѣ сидигъ, отъ меня не отсидится. Но это дѣлалъ онъ съпьяна. Проспавшись и опомнясь, посылалъ онъ въ царю всѣ книги, въ которыхъ Ляхи дѣлали изъ него карикатуру, а московскій народъ низводилъ на ступень дикихъ животныхъ. Этимъ удачнымъ въ демоническомъ смыслѣ маневромъ Хмельницкій еще больше сгустилъ густую тучу на сѣверовостокѣ польскаго горизонта.

Но Поляки, къ пагубѣ своей, не замѣчали грозы. Они думали, что имъ предстоятъ счеты съ одними козаками; обо всемъ же, что взяла у Москвы съ возведенія бродяги на престолъ Собирателей Русской Земли, паны думали, какъ наши мужики: „щѣ зъ вѣза впало, те пропадо“.

На послѣднемъ сеймѣ было у нихъ постановлено: собрать вновь 30.000 регулярнаго войска и дать королю право на посполитое руженіе. Дѣленіе пановъ на коренныхъ землевладѣльцевъ и на колонизаторовъ малорусскихъ пустынь проявилось опять зловѣщимъ образомъ. Польша съумѣла примкнуть къ себѣ Русскую Землю, или, какъ ее называли еще до церковной уніи, Малую Россію, но не умѣла соединить ее съ собою неразрывно. Хотя такіе люди, какъ Янъ Замойскій, читали русскіи лѣтописи, но они не понимали, какъ много значили для этой Малой Россіи общія съ Великою Россіей преданія. Своими уніями они произвели только *дизунію*, и все, чѣмъ ихъ политика мечтала соединить на вѣки съ Польшею Русь,—а всего больше латвинопольскія шиолы,—обратилось въ причину ихъ вѣчной несоединимости. Не помогла Полякамъ на чужой почвѣ и колонизація пустынь, которой начало положили ихъ кровные Конецпольскіе да Гаштольды.

Стародержавные паны не хотѣли теперь дать предводительства надъ войскомъ представителю пановъ новодержавныхъ, Вишневецкому, а король былъ у нихъ въ рукахъ. Да онъ и самъ не любилъ Князя Іереміи, точно провидѣлъ, что его сынъ смѣнитъ шведскихъ Вазъ на Польскомъ престолѣ. Но на пановъ рады сильно вліяло въ этомъ случаѣ и требованіе Хмельницкаго, примиреніе съ которымъ эти малодушные политики считали возможнымъ до конца. Притомъ же, по ихъ традиціонному мнѣнію, было бы несправедливо отдать великую

или малую *гетманскую* булаву кому-либо при живни находившихся въ татарскомъ плѣну гетмановъ, Потоцкаго и Калиновскаго, о выкупѣ которыхъ они хлопотали настойчиво. Въ ожиданіи свободы вождей, погубившихъ уже одну армію, впустившихъ козако-татарскую орду *in visceribus Reipublicae*, и способныхъ только къ новымъ и новымъ промахамъ въ пользу руинниковъ, король, съ одобренія пановъ рады, сдѣлалъ то, что было всего хуже и что могъ бы присовѣтовать ему только губитель Польши: онъ оставилъ гетманскія права за собою, онъ, который не сумѣлъ гетманить и однимъ полкомъ пѣхоты. Янъ Казимиръ вознамѣрился предводительствовать посиолитымъ рушеніемъ непосредственно, а регулярное войско ввѣрить повому триумвирату, который состоялъ изъ белзскаго каштеляна, Фирлея, каменецкаго каштеляна, Лянцкоронскаго, и извѣстнаго уже намъ короннаго подчиннаго, Остророга. Эта послѣдняя мѣра опровергаетъ извѣстную поговорку: „*po szkodziu Lach mądry*“ *). Она показываетъ, что Ляхъ оставался всегда однимъ и тѣмъ же Ляхомъ, и что Хмельницкій не напрасно считалъ все польское войско за ничто безъ Вишневецкаго.

Притязанія Козацкаго Батька на независимое владѣніе въ русскихъ провинціяхъ королевства побуждали панское правительство вооружаться на борьбу съ нимъ всѣми своими силами. Вишневецкій совѣтовалъ это панамъ въ самомъ началѣ бунта: онъ совѣтовалъ гасить пожаръ на маломъ пространствѣ; но поклонники еиселевскаго хитроумія дали пожару охватить большую часть государства, да и тутъ еще устранили единственно способнаго гасителя, по волѣ поджигателя.

Дилемма короля съ его триумвиратомъ и съ его панамъ-рады состояла въ томъ: государству ли торжествовать надъ козацкой вольницей, или козацкой вольницѣ ругаться безнаказанно надъ государственнымъ правомъ? Появись во главѣ бунтующихъ козаковъ, іерусалимскій патріархъ придалъ есендзовской побранкѣ *Наливайкова секта* значеніе дѣйствительности, и тѣмъ усилилъ вліяніе есендзовъ на ихъ паству, у которой еще такъ недавно были они дискредитованы своею жадностью къ овладѣнію шляхетскими имуществами. Вопросъ вѣры и церкви пересталъ теперь быть въ Польшѣ *римскимъ* вопросомъ: онъ сдѣлался *польскимъ*, и вѣрнѣе—римско-польскимъ навсегда, такъ что, чѣмъ больше теряла Польша подданныхъ, тѣмъ больше прибрѣтала Римская Курія исключимыхъ рабовъ среди Шляхетскаго Народа. Отъ этого пропасть, раздѣлявшая двѣ національности Сѣверной Славянины, разверзалась все шире и шире. Козацкое дѣло, проти-

*) Уменьш Ляхъ послѣ шведы (т.-е. потери).

воположное дѣлу православія, стало принимать значеніе дѣла церковнаго не только въ глазахъ Польши, но и въ глазахъ Москвы. Гибель панской республики сдѣлалась неизбежною.

Двинулись предводители квартанаго войска на Волынь и расположились главнымъ станомъ подъ Старымъ Константиновымъ, гдѣ бурная волна козачины смыла уже однажды плотину или молъ панской хозяйственности. Войско было далеко не все въ сборѣ. Финансовыя затрудненія и теперь, какъ всегда, составляли камень преткновения въ панскихъ военныхъ дѣйствіяхъ. А между тѣмъ хлопская война кипѣла въ разныхъ мѣстахъ на Волыни и въ Бѣлоруссіи съ ранней весны. Собственно говоря она не прекращалась ни послѣ того, какъ Хмельницкій двинулся изъ-подъ Замостья, якобы послушный королевскому повелѣнію, ни послѣ того, какъ онъ заключилъ перемиріе въ Переяславѣ. Возволнованная козацкимъ походомъ и голодная въ слѣдствіе опустошительнаго бунта масса простонародья не хотѣла знать никакихъ договоровъ. Несчастливая шляхта дѣлала, что могла, отстаивая свои имущества, свои семейства, свои гражданственныя учрежденія; но чѣмъ успѣшнѣе отражала разбой, тѣмъ больше узаконивала въ понатіяхъ бунтовщиковъ убійства, грабежи и насилія, совершаемыя надъ противниками козачества, тѣмъ шире разносилась молва о борьбѣ за *христіанскую* вѣру, тѣмъ свирѣбнѣе ревѣлъ и билъ въ землю погами Козацкій Батько, заставляя дрожать шкуру на плѣнникахъ и королевскихъ послахъ.

Въ началѣ марта, за два дня до возвращенія королевскихъ комиссаровъ изъ Переяслава, какъ уже сказано выше, гайдамацкій полковникъ Тиша, по-козацки Гарасько, овладѣлъ городомъ Острогомъ, побывавшимъ уже въ рукахъ героевъ разрушенія; но законные владѣльцы знаменитаго города снова отстояли его у противозаконныхъ. Увы! эти владѣльцы были окатоличенные потомки Князя Василія, на котораго внукахъ и правнукахъ тяготѣли вѣщія слова Іоанна Вишенскаго, объяснявшаго цѣлость панскихъ домовъ на Руси только существованіемъ среди пановъ монашествующихъ каптуроносцевъ. Теперь во мнѣніи взбунтованной козаками черни исчезло и послѣднее различіе между панами отступившими отъ предковской церкви, и панами, сохранившими вѣру отцовъ своихъ. Князь Корецкій, котораго родители были еще православными, и который держался ихъ памятью такъ, что даже конфиденты Хмельницкаго хвалились Унковскому его готовностью помогать имъ, подвергся участи, одинаковой съ окатоличенными давно уже наследниками князя Острожскаго. Ватага мужиковъ, запорожествуя по козацкому почину, взбунтовала мѣстныхъ

гультаевъ противъ людей хозяйственныхъ, которые поладили съ вернувшимся на родное пепелище княземъ. Замокъ въ городѣ Корці былъ разоренъ; шляхта и Жиды истреблены; самъ князь едва избѣгнулъ гибели отъ рукъ народа, который своимъ водвореніемъ въ этихъ мѣстахъ и своею дѣлостью былъ обязанъ его воинственнымъ предкамъ и ему самому. Сынъ знаменитаго Кривоноса поднялъ на пановъ Пелѣсье. Загонъ Донца, конвоировавшаго, вмѣстѣ съ Тяшею, королевскихъ комиссаровъ отъ Звягля до Переяслава, задумалъ было, вмѣстѣ съ загономъ полковника Татаринца, овладѣть Заславомъ; но стоявшіе на Волыни жолнеры отбили у нихъ двѣ пушки, 20 знаменъ, и самихъ обратили въ бѣгство. Козаки были выбиты изъ Звягля, и, вѣроятно, великолѣпная кушчѣрка перестала тогда „лаять“ Хмельницкаго за его простую обстановку, „когда Богъ далъ всего много“. Еще прежде были они выбиты изъ Бара, который Хмельницкій называлъ своимъ городомъ, едва отстояли Шаргородъ и потеряли Гусатинъ. Наконецъ, были разбиты и подъ Межибожемъ. Повсемѣстный голодъ, послѣдовавшій за козако-татарскимъ нашествіемъ прошлаго года, давалъ жителямъ Волыни надежду, что Хмельницкій теперь не соберетъ великой силы для похода на пановъ, а съ малою противъ нихъ не устоитъ. Такъ думалъ и королевскій триумвиратъ. Но война вышла сама собой, безъ видимой причины и безъ всякаго разумнаго расчета.

Православный Адамъ Кисѣль съ православными и католическими своими спутниками подобно жившему въ 4 миляхъ отъ него князю Корецкому, напрасно старался утвердиться въ своемъ волынскомъ имѣніи, Гощѣ, хотя держался въ немъ до конца мая, приводя экономическія дѣла свои въ возможный при тогдашнихъ обстоятельствахъ порядокъ, другими словами—связывая выгоды подданныхъ съ выгодами панскими для противодѣйствія опустошительной Хмельниччинѣ. Въ то же время онъ посылалъ письмо за письмомъ въ Москву, выставляя Хмельницкаго врагомъ не одной Рѣчи Посполитой, но и всякаго гражданственнаго общества. Хмельницкій, какъ мы знаемъ, дружески съ нимъ переписывался о способахъ успокоенія междоусобной войны, а между тѣмъ ловилъ его посланцовъ и подкрадывался къ нему самому. Находявшіеся съ Киселемъ комиссары изображали собою довольно комически миръ среди неудержимой никакою властью войны. Повидимому, Кисѣль считалъ особы этихъ представителей короля и Рѣчи Посполитой неприкосновенными. Вдругъ сильный козацкій отрядъ нагрянулъ въ Гощу. Но Кисѣль имѣлъ конфиденцію среди козаковъ еще со временъ Павлюка, и костистая лапа хитраго кота сдѣлала промахъ: мышь ускользнула съ мышатами. Послѣ таковой

развязки комиссарской трагикомедіи, панскія сдѣлки съ хозяйливыми подданными стали уступать мѣсто козацкимъ сдѣлкамъ съ гультаями и гайдарями.

Подобно своимъ предшественникамъ, Хмельницкій бралъ не одними подбучиваньемъ панскихъ подданныхъ и служебниковъ на предательство, но и терроромъ надъ людьми, мирившимися съ существующимъ порядкомъ вещей. Уже вскорѣ послѣ перваго разлива козацкой славы подъ бунчуками желтоводскихъ и корсунскихъ героев, елшпешъ были ропотъ на Хмеля въ земледѣльческомъ и ремесленномъ классахъ. Самое стояніе подъ Пилявцами сопровождалось такой шляхтостью въ украинно-запорожскомъ войскѣ, что Хмельницкій разослалъ по всѣмъ дорогамъ команды съчезниковъ для истребленія новобранцевъ, расходившихся изъ табора; а захваченные въ послѣдствіи жолнерами по одиночѣ пилявецкіе побѣдители показывали на пыткѣ, что общее бѣгство козаковъ было предупреждено только бѣгствомъ самой шляхты.

Панскимъ попыткамъ удержать разливъ антихозяйственной козачины экономической дѣятельностью вредили всего больше земледѣльцы, которые, отчаявшись въ спасеніи своихъ имѣній, дѣлали на нихъ наѣды съ помощью квартирныхъ жолнеровъ, и захваченное у крестьянъ добро отправляли въ глубину края. Добро это было приобрѣтено крестьянами посредствомъ грабежа панскаго хозяйства, но тѣмъ не менѣе возбуждало громкіе вопли противъ „провлятыхъ Ляховъ“. Еще больше помогали Хмельницкому въ привлеченіи черни на сторону разбоя храбрые, хищные и распутные жолнеры, которые, идучи противъ русскихъ влудѣевъ, всячески обижали мирныхъ жителей и грозили вырѣзать до нощи русское племя, разогнавши козацкія кумы, — грозили не оставить живыми и младенцевъ, какъ жаловался Унковскому самъ творецъ свирѣпой съ обѣихъ сторонъ трагедіи. Молва подхватывала нелѣпыя угрозы въ кабакѣхъ и на жолнерскихъ вахтаналіяхъ, превращала ихъ въ совершившіеся факты, какъ это было въ Тарасовщину, и губельно для панскаго дѣла весь украинскій, волыніскій, червонорусскій, бѣлорусскій народъ дѣлила на козаковъ, воюющихъ за православную Русь, и на Ляховъ, готовыхъ истребить ее поголовно, вплоть до московской границы, не щадя и „немовлятокъ“.

Въ силу козацкаго террора, подавлявшаго не только работающихъ мужиковъ и мѣщанъ, но и мелкую шляхту, въ составѣ такъ называемаго Запорожскаго Войска находились люди, гнушавшіеся козацкимъ промысломъ и ждавшіе только рѣшенія спорнаго вопроса: которому изъ двухъ славянскихъ государствъ владѣть Малороссіей, чтобы изъ-

подъ козацкаго самоуправства перейти подъ власть правительства монархическаго. Къ такимъ людямъ принадлежалъ неизвѣстный авторъ современныхъ записокъ, которымъ я далъ названіе „Лѣтописи Самовидца“. Онъ раздѣлялъ со множествомъ порядочныхъ людей то мнѣніе, что война на Хмельницкаго возымѣла свое начало отъ гоненія Ляховъ на православіе и отягощенія козаковъ; но ляхское *юменіе* изобразилъ только словами: „не тѣло унѣя у Литвѣ, на Волнѣ, але и на Украинѣ почала гору брати“; а это значило, что желавшіе единенія съ людьми господствующаго вѣроисповѣданія, какъ напримѣръ Кисѣль, Березовскій, Косовъ и всѣ „могиляне“, стали превозмогать старовѣровъ, которые понизились въ достаткахъ, въ общественномъ значеніи, и со стороны которыхъ свѣталецъ Филипovichъ былъ глазомъ вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, „отягощеніе козаковъ“ изобразила „Лѣтопись Самовидца“ весьма подробно и обстоятельно. По ея разсказу, Хмельницкій прежде всего „наступилъ Ордою на Запорожѣ“ и заставилъ стоявшее на Запорожѣ войско пристать къ нему. Вызванное въ Украину бунтомъ Хмельницкаго коронное войско, по ввѣстію Самовидца, распространило въ народѣ не новый уже слухъ, поддержанный, разумѣется, хмельничанами, что, по уничтоженіи бунтовщиковъ, паны опустошатъ Украину, и большую часть ея населятъ людьми нѣмецкими да польскими. Но случилось наоборотъ: коронное войско было уничтожено бунтовщиками. Услыхавъ объ этомъ (разсказываетъ Самовидецъ), начали собираться въ полки не только тѣ, которые бывали козаками, но и тѣ, кто никогда не зналъ козачества. Державцы спасались изъ охваченнаго бунтомъ края бѣгствомъ, а корсунскіе побѣдители, вмѣстѣ съ новобранцами, принялись истреблять шляхту, Жидовъ и городскихъ урядниковъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. „Маєтности“ (пишу его языкомъ) „рабовали, востели палили, обваліовали, ксіоновъ забіяли, дворѣ вась (же) и замки шляхетскіе и двори жидовскіе пустошили, не заставляючи жодного (ниодного) цѣлого. Рѣдкій въ той вѣвѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не умочилъ и того грабленія тихъ добръ не чинилъ. И на тотъ часъ туга великая людемъ всякого стану значимъ была и паруганна отъ посполитыхъ людей, а найбільше отъ гультайства, то-єсть отъ броварниковъ, винниковъ, жогильниковъ, будниковъ, найшитовъ, настуховъ, же любо бы (что хотѣ бы) явій человекъ значный и не хотѣлъ привязоватися до того козацкаго войска“ (какъ, вѣроятно, и самъ лѣтописецъ), „тылко мусѣль задля позбытя того насмѣвника и нестерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ незвычайныхъ, и ты мусѣли у войско приставати до того козацтва“.

Однакожь, положеніе бунтовщиковъ было крайне рискованное. По сказанію Самовидца, войско Хмельницкаго подѣ Пиливцами было едва не въ осадѣ отъ короннаго войска; но пришла Орда „великою сѣлюю“ и испугала пановъ, не выдавшихъ еще татарскихъ должницъ. Гоня передъ собой разбѣжавшееся войско (что не совсѣмъ вѣрно), Татары не брали полона, имѣя въ виду будущій асыръ и не желая себя обременять, а всѣхъ обезглавливали. Но, расположась подѣ Замостьемъ, козаки и Татары распустили загонны по самую Вислу. „И хто“ (восклицаетъ Самовидецъ) „можетъ зраховати (исчислити) такъ неощапованную (неоцѣнимую) шкочу въ людехъ, изво орды позабирали, а маѣности (изво) козаки побрали! Бо въ тотъ часъ не було милосердія межъ народамъ людскимъ. Не тилъ (только) Жидовъ губили и шляхту, але и посполитымъ людемъ, въ тихъ краяхъ живучимъ, та же бѣда была. Многіе въ неволю татарскую поишли, а най барзѣй ремесники молодые, которые собѣ головы голили попольску, чуприну пускаючи на верхъ головы. Але предся (но однакожь) Русь-христіяне въ тихъ повѣтахъ, въ городахъ, возоставали, и ежели якого Поляка межъ собою закрыли, то тотъ (остался) живъ. Костелы вась (же) римскіе пустошили, склепы (подвалы) съ трунами (гробами)“ откопывали, мертвыхъ тѣла зъ гробовъ (гробницъ) „выкидали и обдирали и въ томъ одѣлю (одѣваніи) ходили“.

Осада Львова показала намъ, какъ падали козаки галицкую „Русь-христіянъ“. Самовидецъ поправляетъ самъ себя, описывая то, что дѣлалось у него передъ глазами. Нѣжинцы, посланные взять Кодакъ, по его разсказу, дѣлали людямъ во время похода „великія кривды“, такъ что поддѣбранные приняли ихъ за Литву, идущую оборонять эту крѣпость, напали на нихъ между Рашевкою и Комышанымъ, и перебили нѣсколько сотенъ.

Новую войну Хмельницкаго, въ 1649 году, характеризуетъ Самовидецъ слѣдующими словами, называющими, какъ и предыдущая книжка, что тогдашняя письменная рѣчь малорусская на половину сдѣлалась уже рѣчью польскою:

„. . . усе що живо поднялося въ козацтво, же заледво (что едва) знайшло бы въ явомъ селѣ такого челоуѣка, жебы (чтобы) не (и) мѣлъ альбо (или) самъ, альбо синъ до войска ити; а ежели самъ не думавъ, то слугу паробѣва посилавъ. А иные, килько ихъ было, всѣ илии зъ двора, тилько одного возставляли, же (такъ что) трудно было о наймита (найти наймита). А то усе дѣялося задля того, же (что) прошлого року (года) збогатилися шарпанною (грабежемъ) шляхетскихъ и жидовскихъ и иныхъ людей, бывающихъ на преложенствѣ

(старшинствѣ), же наветь (что даже) где въ городахъ были и права майдебурскіе,—и присяжные бурмистрове, и райцы свои уряды (должности) покидали и *бороды голыи*, до того войска ишли: бо тые себѣ зневагу держали (презрѣніе терпѣли), который бы зъ бородою неголеною у войску былъ *). Такъ дьяволь учинилъ себѣ смѣхъ зъ людей статечныхъ“!

Вотъ побужденія, управлявшія пособниками Хмельницкаго въ Украинѣ! Немудрено, что составившееся такимъ образомъ войско поровило разойтись изъ табора еще до начала боя, и геройствовало только среди беззащитныхъ. Понятно также, почему, не имѣя у себя сзади Татаръ, оно было слабосильною и малодушною массою. Хмельницкій зналъ свой народъ, эту дружину хищныхъ новобранцевъ, находившуюся подъ терроромъ „старинныхъ козаковъ“, и потому прежде всего заручился дружбою Крымцевъ, во что бы ни обошлась эта дружба родному враку. Новобранцы стояли у него между молотомъ и наковальней: имъ не оставалось инаго выбора, какъ „пановати“, по-татарски, вмѣсто разогнанной шляхты, или же идти въ татарскую неволю. По свидѣтельству королевскихъ комиссаровъ, овозаченные мужики въ прошлую осень ничего не сѣяли. Отъ этого-то жилища ихъ были окружены роющими въ снѣгу лопадыми, отъ этого улицы столицы козацкой были обезображены падалью, а вязанка сѣна продавалась по 2 талера. Козацкій Батько посылалъ въ Украину цѣлые обозы, нагруженные панскимъ добромъ, но былъ принужденъ выгнать 600 собственныхъ лошадей въ снѣга за центральный городъ козатчины. Многіе козаки вернулись домой также богачами. На кievскихъ рынкахъ продавалось безчисленное множество панской одежды, цѣнныхъ принадлежностей культурнаго быта, дорогаго оружія, конской сбруи, ломаннаго и неломаннаго серебра. Но притокъ добычи не внесъ въ Украину того, что составляетъ прямое богатство страны. Посреди роскошныхъ вещей нищета высывала обнаженные члены свои, а голодъ угрожалъ даже тѣмъ, кто владѣлъ блестящими побрякушками. Это были самые сильные союзники Хмельницкаго въ новомъ его походѣ противъ „проклятыхъ Ляховъ“, хотя они же явились въ послѣдствіи самыми грозными врагами его. Хмельнитчина и началась подъ сильнымъ

*) Хмельницкій, какъ мы видѣли, жаловался въ Переяславѣ, что паны вырываютъ козакамъ бороды. Борода была принадлежностью почетныхъ людей. Но въ Польшѣ распространилась уже шляхетская мода брить бороды, и козатчина, подчиняясь вожакамъ своимъ, недовольнымъ шляхтичамъ, усвоила себѣ ихъ моду.

давленіемъ голода, поразившаго разомъ и козацкую Украину, и татарскій Крымъ. Зима 1647—1648 года была безснѣжная, теплая, гнилая. Наступило неурожайное лѣто, и Унковскій говорилъ правду Хмельницкому, что когда бы не подвозъ хлѣба изъ пограничныхъ московскихъ рынковъ, то козаки перемерли бы съ голоду; а новый голодъ, причиненный великимъ бунтомъ черни, былъ предвѣстникомъ тѣхъ голодовъ, которые погнали наконецъ козаковъ, точно стада, въ запасливыя царскія Украины.

Одичалая въ нашей украинщинѣ Клію изображаетъ вторичное вторженіе Козацкаго Батька въ область хозяйственной культуры съ восторгомъ: „Поселянинъ не рассчитывалъ дорогаго времени; заброшенъ лежалъ плугъ его; ораза и серпы перекованы были на оружіе... не заботился онъ, что ему ѣсть и пить, надѣясь жить на счетъ Польши и т. д. *). По этому дикому восторгу, встрѣченному похвалами дикой критики, можно судить, какова была дикость козако-татарскаго нашествія, совершившагося болѣе, чѣмъ за два столѣтія до нашего времени.

*) Костомаровъ, „Богданъ Хмельницкій“, изд. 4, стр. 91

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

- Глава XI.** Страх соединенія козаковъ съ азіатскими сосѣдями.—Связь между Московскимъ и Польскимъ разореніями.—Главные дѣйствующія лица въ ускореніи Польской Руины.—Спасительный планъ великаго полководца и гражданина..... 3
- Глава XII.** Два различные плана войны съ Турціей.—Смерть великаго воина и патріота.—Секретныя сношенія короля съ козаками.—Лады у Москвы съ Польшею.—Мечты короля о завоеваніяхъ.—Сношенія съ иностранными дворами по предположенной войнѣ.—Вооруженія короля.—Оппозиція сторонниковъ мира..... 35
- Глава XIII.** Польскіе сеймики и сеймы.—Возмущеніе втораго и третьяго государственныхъ сословій противъ перваго.—Король отдается въ руки своихъ подданныхъ.—Недовѣрчивость Шляхетскаго Народа къ королю.—Новый сеймъ.—Религіозныя дѣла вмѣсто политическихъ.—Сеймовая неурядица развязываетъ королю руки..... 69
- Глава XIV.** Пророчество о гибели Польши отъ униі.—Вопросъ церковный и вопросъ козацкій.—Вершитель козацкихъ бунтовъ.—Свиданіе короля-демагога съ козакомъ-демагогомъ.—Надежда на возстаніе Болгаріи.—Козако-татарскій союзъ противъ Рѣчи Посполитой.—Козацкія досады на украинскую шляхту.—Пограничныя сношенія Польши съ Москвою.—Панское войско идетъ противъ козацкаго.. 112
- Глава XV.** Битва на Желтыхъ Водахъ.—Битва подъ Корсунемъ.—Строительныя дѣйствія Москвы въ виду Польскаго разоренія.—Козаки между Польшею и Москвою.—Гибель польскихъ трудовъ на русской почвѣ.—Пошуда исконныхъ враговъ со стороны московскаго царя.—Бунтъ въ Вишневецкѣй..... 159
- Глава XVI.** Геройскій духъ Шляхетскаго Народа въ лицѣ ополченнаго Русича.—Безсознательная работа отступниковъ русскаго элемента въ пользу Россіи.—Православный миротворецъ между панами сенаторами.—Отсутствіе патріотизма.—Безнравственный контингентъ козацкини.—Соперничество магнатовъ-доматоровъ съ колонизаторами.—Баптуровый сеймъ:—Триумвиратъ.—Вопросъ о вѣрѣ.—Шляхетская Украина.—Обманувшіеся въ своихъ надеждахъ миротворцы 210

- Глава XVII.** Разстройство финансовъ.—Козаки морочатъ пановъ надеждой на миръ.—Пышность панскаго лагеря подъ Плявцями.—Борьба между собой трехъ Русичей на гибель Польши.— Два триумvirата.— Удачная проба панскаго оружія подъ Плявцями и перевѣсъ паники.—Бѣгство пановъ изъ-подъ Плявцевъ.—Козаки осаждаютъ Львовъ, потомъ Замостье, и принуждаютъ пановъ къ избранію указанного имъ короля..... 244
- Глава XVIII.** Воспитаніе и характеръ короля, избраннаго по указанію козацкаго гетмана.—Монахъ-разстрига на польскомъ престолѣ.— Избирательный сеймъ..... 290
- Глава XIX.** Возвращеніе панскихъ побѣдителей въ Украинну.— „Что нужно Московскому Государству“.—Царское посольство въ Чигиринѣ.— Королевское посольство въ Переяславѣ, въ 1649 году..... 326
- Глава XX.** Возвращеніе панскихъ миротворцевъ изъ Переяслава.—Встрѣча Русичей гражданственныхъ съ Русичами одичалыми.—Перевѣсъ чувства народной мести надъ правдою фактовъ.—Два противоположные способа государственнаго самосохраненія.—Борьба государственнаго права съ козацкой вольницей.—Козацкій походъ на пановъ 1649 года..... 369

О П Е Ч А Т К И.

Авторъ просить—въ I-мъ томѣ, на стр. 10, вмѣсто XI читать XII, на стр. 110—вмѣсто XI и XII читать XII и XIII, а на стр. 188 вмѣсто патентами читать потентатами.

Стр.	Строка.	<i>Намечтано:</i>	<i>Читай:</i>
3	11	себѣ	въ себѣ
5	3	вымѣстить	вытѣснить
14	37	Булазовъ	Бунамовъ
27	29	наказовъ	наказовъ, какъ
39	37	Бубани	Бубали
47	17	странности	страстности
50	35	десять	двадцать
62	4	ускореть	ускорить
64	30	долженъ	долженъ вступиться
67	37	презрѣнія	прегрѣшенія
69	19	подъ	надъ
—	29	народно	парадно
70	40	совершившихся	совершавшихся
71	14	жестокое	жесткое
72	21	иностряннаго	иностранныго войска
74	12	уваженія	униженія
76	9	Петроконскій	Петроконскій
81	17	полагается	полагался
117	14	не только	не только имѣли
127	7	угнѣнать	угнетать
136	22	домнннмъ	домашннмъ
—	34	Биселя	Биселя, въ нисельѣ
141	36	Tlosh	I loch
142	28	и принять	принять
146	6	Хмельницкаго	Хмелецкаго
156	26	гарцами	гарцами
161	30	Это.	Это было
176	25	со вѣщи	со своими

177	14	призывали	призвали
178	39	заброяники	заброяники
189	26	нерадивые	нродивые
194	32	унѣ его	унѣю
204	20	кнстивкты тѣхъ	кнстивкты
207	3	что	то что
238	34	было	былаго
240	35	Ляшка	Ляшко
241	30	трактата	трактата между
250	32	построена	настроена
251	3	вступила	выступила
255	9	и десятилѣтіе	а десятилѣтіе
—	29	привыкла	привыкала
259	3	совѣтовалъ	совѣтовалъ онъ
260	4	согласны	мы согласны
—	12	и псевдогосударство	псевдогосударство
—	14	и импровизированный	импровизированный
—	39	сказали	сказано
264	18	упорядочнымъ	упорядоченнымъ
—	31	чтобъ	на то, чтобъ
267	6	Лещинскому	Лещинскому
—	21	белзскаго	белзскаго
268	15	мѣсяць	на мѣсяць
271	4	но все	но вовсе
—	—	не снѣшило	не снѣшилъ
—	18	привлекали	привлекли
278	6	были укрѣпленія	укрѣпленія
—	28	внушали	внушали
281	31	и нѣло	нѣло
289	15	запечатанная	запечатѣнная
290	16	больше	большее
292	31	увичиженія	самоувичиженія
297	5	Она	Чернь
299	19	подасть	подасть
302	40	съ особеннымъ правамъ по	по особеннымъ правамъ
304	2	Владиславъ	Владиславъ отзвываясь
307	36	затянутымъ	закнутымъ
312	11	Кобринта	Кобринна
—	14	хлобы	хлопы
315	6	плодоносной	и плодоносной
—	7	Ляницкоронскій	Ляницкоронскій
—	39	коронованный	коронованною
323	39	у меня	говорится у меня

325	19	вещественна	существенна
328	36	роня	не роняя
—	37	достоинство	достоинства
329	12	Творецъ	Творцы
332	11	такъ де	такъ до
—	20	государства	государя
340	1	не единымъ	ни единымъ
342	26	просить	просимъ
347	22	фальшивому	фамильному
352	36	пролагать	полагать
—	37	покупать	чтобъ они покупали
—	38	разузнавать	разузнавали
354	23	съ него	съ нею
—	37	перелины	перемѣны
361	13	Замостіиъ	Замостьемъ
362	7	звелѣвъ	звелѣвъ
—	27	свѣтъ	совѣтъ
—	31	пословъ	послалъ
367	4	всю пічъ	всю пічъ
374	7	łaja	łajac
380	1	неизбѣжные	неизбѣжные
387	34	и вѣриѣ	или вѣриѣ
—	37	исключимыхъ	неисключимыхъ
389	38	конфиденцію	конфидентовъ
392	19	изъ орды	що орды
—	11	изъ козаки	що козаки.

ОБЪЯСНЕНІЕ

къ сочиненію П. А. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“.

I.

Въ 1 № газеты „Правда“ за нынѣшній годъ извѣстный ученый М. О. Кояловичъ въ своихъ „Новогоднихъ замѣткахъ“ о разныхъ предметахъ, относящихся до Западной Россіи, нашелъ возможнымъ написать, между прочимъ, и слѣдующее: „Краковъ и Москва протягиваютъ другъ другу руки для скрѣпленія поваго союза, отъ котораго можетъ затрещать по всѣмъ направленіямъ Русское строеніе въ Западной Россіи. Краковскіе ученые начинаютъ славить сильную власть Москвы, стараются... и Западную Россію приманить къ себѣ усиленнымъ всѣми выдумками блескомъ своей исторической цивилизаціи. Къ удивленію, и изъ Москвы направляется въ этому самому блеску польской цивилизаціи славить ее и срамить все Русское въ Западной Россіи старый малорусскій грѣхководникъ Кулишъ, печатающій въ Москвѣ (т.-е. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Россійскихъ) новый свой трудъ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“. Послѣ выдачи такого аттестата „Чтеніямъ“ г. Кояловичъ въ примѣчаніи къ своей статьѣ еще прибавляетъ: „мы еще будемъ говорить объ этомъ новомъ проявленіи неудержимой страсти г. Кулиша мѣнять научныя и общественныя позиціи“. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вразумленія, а теперь позволяемъ себѣ сказать только: Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, есть ученое Общество и только ученое Общество. Редакція „Чтеній“ нашла возможнымъ напечатать настоящій трудъ г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ на томъ основаніи, что оно, какъ изслѣдованіе, въ предѣлахъ находившихся у автора подъ руками источниковъ и пособій, составлено по его убѣжденію добросовѣстно; за выводы же изъ этихъ изслѣдованій, изъ уваженія къ свободѣ науки, отвѣчаетъ авторъ и редакція съ его историко-политическими взглядами себя не объединяетъ; къ тому же—и

ереси подобаетъ вѣдать. Наконецъ, прибавимъ еще отъ себя: въ за-сѣданіи Общества Ист. и Др. Россійскихъ, бывшемъ 12 мая 1887 г., на которомъ я по совершенно случайнымъ причинамъ не присутство-валъ, между прочимъ было постановлено: „просить Г. О. Карпова разсмотрѣть сочиненіе г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, представленное въ Общество для напечатанія въ Читеніяхъ, и дать мнѣніе объ его научной цѣнности“. По прочтеніи въ рукописи пер-ваго тома этого сочиненія я высказался за его печатаніе въ „Чте-ніяхъ“; въ тому же отказъ, въ настоящее время, напечатать талантливое сочиненіе г. Кулиша былъ бы выставленъ местию, гоненіемъ, а авторъ—мученикомъ идеи.

Что касается источниковъ и пособій, на основаніи которыхъ составилъ свое сочиненіе г. Кулишъ, то я нахожу нужнымъ выска-зать здѣсь слѣдующія отъ себя замѣчанія. Въ русской исторической литературѣ за послѣднія тридцать лѣтъ встрѣчалось часто такое злоупотребленіе: авторъ наполнить свое сочиненіе безчисленными ссылками или предпошлетъ въ предисловіи безконечный реестръ ис-точниковъ и пособій, по которымъ будто бы составлено его сочиненіе; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что авторъ многихъ изъ нихъ не только не читалъ, но и не могъ читать; при этомъ часто случалось, что въ этотъ реестръ источниковъ и пособій были занесены такіе, которымъ тамъ и не слѣдуетъ быть. Подобный приѣмъ вѣроятно имѣетъ цѣлю поразить ученостію людей несвѣдущихъ: кто-моль попробуетъ провѣрить? Сочиненіе г. Кулиша въ этомъ отношеніи является про-тивоположною крайностію: въ немъ почти не встрѣчается ссылокъ. Кромѣ того, при чтеніи втораго тома этого сочиненія, лица знакомыя съ источниками и литературою предмета, встрѣтили еще такую стран-ность: нѣкоторые выводы, которые г. Кулишъ выдаетъ за свои, какъ ученую новость, давно уже извѣстны. Поэтому редакція „Чтеній“ обратилась къ П. А. Кулишу за разъясненіемъ и препроводила къ нему одно изъ моихъ сочиненій „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго“, прося сообщить, извѣстно ли ему это сочине-ніе. Въ отвѣтъ на это г. Кулишъ изъ деревни, изъ Черниговской губерніи, гдѣ онъ теперь почти безвысходно жительствоуетъ, прислалъ въ редакцію „Примѣчаніе“, прося, во избѣжаніе недоразумѣній, напе-чатать его при второмъ томѣ своего сочиненія. Вотъ это примѣчаніе:

„Въ 1873 году вышло въ Москвѣ историко-критическое изслѣ-дованіе г. Геннадія Карпова подъ заглавіемъ „Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго“. Какъ я разминулся съ этой книгой, это я могъ бы объяснить только біографически. Получивъ

теперь ее отъ редакціи „Чтеній“, я увидѣлъ, что мы, не будучи знакомы съ почтеннымъ ея авторомъ, пришли во многомъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Историко-критическое изслѣдованіе Г. О. Карпова представляетъ важный для чести русской исторіографіи шагъ къ освобожденію отъ связочности, которою преисполнены Костомаровскія изображенія Хмельнитчины. Особеннаго вниманія и благодарности историка заслуживаетъ его весьма прилежное и проницательное разсмотрѣніе малороссійскихъ лѣтописцевъ“.

Изъ дальнѣйшей переписки съ г. Кулишомъ выяснилось, что онъ въ деревенскомъ уединеніи работаетъ при помощи только давнишнихъ своихъ архивныхъ выписокъ и своей бібліотеки, большая часть которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ погибла въ пожарѣ; вотъ, кажется, отчасти извинительная причина отсутствія въ его сочиненіи необходимыхъ ссылокъ на источники и пособія. Что касается того, на сколько г. Кулишъ вообще „въ курсѣ дѣла“ къ изданнымъ русскимъ источникамъ, относящимся къ исторіи Малороссіи, то оказывается, что, напримѣръ, у него имѣется только III-й томъ актовъ Южной и Западной Россіи, изданный подъ его и г. Костомарова редакціей въ 1862 г. Этотъ томъ по содержанію относится ко времени Богдана Хмельницкаго, но въ немъ пропущены редакторами полностью акты, относящіеся къ 1654—55 годамъ; въ настоящее же время актовъ Южной и Западной Россіи издано уже четырнадцать томовъ и въ томъ числѣ нѣкоторые изъ нихъ относятся непосредственно ко времени Богдана Хмельницкаго какъ до 1653 года, такъ и къ послѣдующимъ годамъ. Этимъ-то почти полнымъ незнакомствомъ или невозможностію познакомиться съ тѣмъ, что сдѣлано въ послѣднее время въ Россіи (въ Петербургѣ и Москвѣ) для исторіи Малороссіи, также объясняются многіе научные недостатки сочиненія г. Кулиша „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“.

По отношенію къ польскимъ источникамъ, касающихся эпохи Богдана Хмельницкаго, г. Кулишъ находится, кажется, „въ курсѣ дѣла“; во всякомъ случаѣ въ русской литературѣ такіа талантливыя описанія аристократической жизни польскаго общества конца XVI и первой половины XVII вѣка рѣдко встрѣчаются: идеалы этого общества, его ничтожество, пошлость и т. п. изображены г. Кулишомъ превосходно. Интеллигентный малороссъ всегда ближе къ польскому шляхетскому обществу, чѣмъ въ московскому-великороссійскому; его даже можно считать членомъ перваго. Никто лучше не зналъ польскаго аристократическаго общества (ужь очень тамъ хорошо живется), какъ страшный губитель шляхты—Богданъ Хмельницкій. Дѣло въ

томъ, что онъ до старости всѣми помыслами души стремился сдѣлаться членомъ этого общества, но былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ; въ этомъ отношеніи польская аристократія купила себѣ горе да на свои гроши. Г. Кулишъ знаетъ польское аристократическое общество пожалуй не хуже Богдана Хмельницкаго.

Навонецъ, слѣдовало бы сказать объ отношеніи г. Кулиша къ малороссійскимъ источникамъ для исторіи Богдана Хмельницкаго, напримѣръ, въ малороссійскимъ архивамъ (ну хоть въ архиву гетмановъ, о которомъ во время оно толковали); но такихъ архивовъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, да пожалуй и не было. Есть однако малороссійскіе источники для исторіи Богдана Хмельницкаго—во-первыхъ, народныя пѣсни; но къ нимъ слѣдуетъ относиться, и по сознанію самого г. Кулиша, съ особенною осторожностію, потому что большинство изъ нихъ сочинено въ позднѣйшее и даже въ наше время. За снѣгъ, вторыхъ, рядъ малороссійскихъ историческихъ повѣствованій, которыя прежде называли даже лѣтописями; но это все такія повѣствованія, которыя, какъ источники исторіи, положительно не заслуживаютъ никакого вниманія историка, за исключеніемъ одного повѣствованія—это, такъ называемая, Лѣтопись Самовидца. Открытіе и изданіе Лѣтописи Самовидца (издана въ первый разъ въ Читеніяхъ нашего Общества въ 1846 году) принадлежитъ г. Кулишу и составляетъ его дѣйствительную ученую славу.

Въ одномъ изъ писемъ къ намъ г. Кулишъ говоритъ, что его взглядъ на личность и дѣятельность Богдана Хмельницкаго „радикально противоположенъ принятому прежде воззрѣнію“. Совершенно справедливо; но въ послѣднія тридцать лѣтъ высказана такая масса радикально противоположнаго прежде принятымъ мнѣніямъ, что насъ теперь положительно ничѣмъ не удивишь. Въ виду талантливаго изложенія этихъ будто бы новыхъ мнѣній г. Кулиша при слѣдующемъ третьемъ томѣ его сочиненія будетъ напечатано еще и второе наше объясненіе „Въ защиту Богдана Хмельницкаго“.

Геннадій Нарповъ.

Книга **Вольшой чертежъ**, изд. по 8 стар. рукоп. и 2 печ. книги Г. Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 3 ф.

О Русскомъ войскѣ въ царствованіе Михайла Ѳеодоровича и послѣ его до Петра I-го, изслѣд. И. Бѣляева. М. 1846 г., ц. 50 коп. перес. за 2 ф.

Библиотека Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сост. П. М. Строевымъ; со снимкомъ съ 1-го листа Правды Русской по пергам. сборнику конца XIV вѣка. М. 1845 г. ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, М. Погодина. М. 1846 г., томы: 1, 2 и 3-й, по 1 р., перес. за 6 ф.

Исторія о Донскихъ казакахъ, соч. А. Ригельмана, съ 19 рисунк. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, соч. А. Ригельмана съ 30 рисун. М. 1847 г., ц. 2 р., перес. за 4 ф.

Исторія Россійская, В. Н. Татищева, книга 5-я, или часть 4-я М. 1848 г., ц. 1 р. 50 к., перес. за 4 ф.

Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха Болгарскаго. М. 1878 г. ц. 3 р.

Шестодневъ составленный Іоанномъ ексархомъ Болгарскимъ М. 1879. ц. 3 р.

Посланіе многословное, сочин. инока Зиновія, по рукописи XVI в. Трудъ Андрея Попова. М. 1880. ц. 2. р.

Ч Т Е Н І Я

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Годъ 2, 3 и 4 (1846—1849) по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей. Отдѣльно книги этихъ годовъ не продаются. За пересылку взимается съ вѣсу по разстоянію.

Съ 1887 г. каждая книга «Чтеній» продается отдѣльно по слѣд. цѣнѣ: за 1887 г. кн. 1, 2, 3 и 4 по 3 рубля за книгу. Остальнымъ книги по 2 рубля за книгу.

ВРЕМЕННОКЪ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ,
съ 1849 по 1858 годъ,

25 книгъ, каждая по два рубля, а за все безъ перес. 37 р. 50 к., съ пересылкой 45 р. На пересылку всякой книги «Временника» за 4 фунта.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,
при Московскомъ Университетѣ,

выходятъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе *четыре*хъ книгъ въ годъ, отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ. Книги продаются безъ подписки, каждая отдѣльно, по назначенной цѣнѣ.

ПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА:

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩІЙ

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,
въ Кремль, у Спасскихъ воротъ, въ дворцовомъ домѣ.

СЕКРЕТАРЬ

Елпидифоръ Васильевичъ Барсовъ,
Малая Бронная, д. Ермолаева, кв. № 4.

БИБЛИОТЕКАРЬ

Георгій Дмитріевичъ Филимоновъ,
въ Кремль, у Спасскихъ воротъ, въ казенномъ домѣ.

КАЗНАЧЕЙ

Геннадій Федоровичъ Карновъ,
на, Большой Ордынкѣ, въ собственномъ домѣ.

АРХИВАРИУСЪ

Александръ Николаевичъ Зерцаловъ,
на Поварской, въ Борисо-Глѣбскомъ пер., въ д. Зимовьевой.

КОМИССІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА

Николай Ивановичъ Жаботовъ.

Книжный магазинъ: *въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.*